III РЕЙХ. МИФЫ И ПРАВДА

Арийский миф призван был не только объяснить прошлое и изменить настоящее, но и предсказать будущее.

Андрей Васильченко

Арийский миф III Рейха

«ЯУЗА-ПРЕСС»

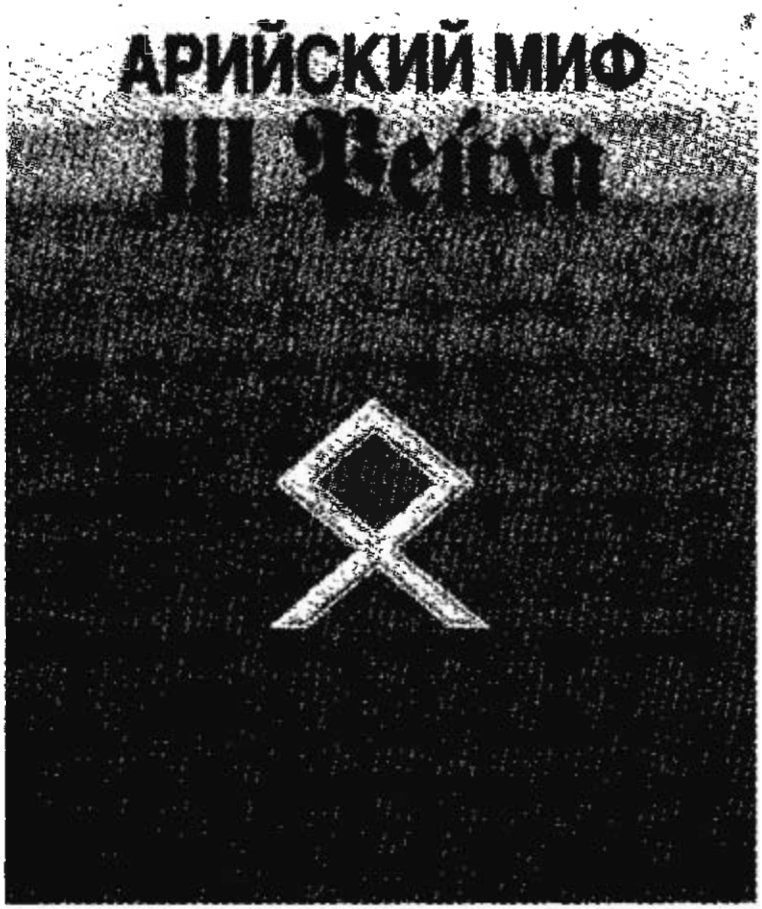
III РЕЙХ. МИФЫ И ПРАВДА

Андрей Васильченко

АРИЙСКИЙ МИФ III Рейха

III РЕЙХ. МИФЫ И ПРАВДА

Андрей Васильченко



«ЯУЗА-ПРЕСС»
Москва
2008

ББК 63.3(0)62
В 19

Оформление серии художника *А. Саукова*

Разработка серийного оформления *Е. Пермякова*

Васильченко А. В.

В 19 Арийский миф III Рейха. — М.: Яуза-Пресс, 2008. — 512 с. — (III Рейх. Мифы и правда).

ISBN 978-5-903339-80-8

Арийский миф был фундаментом философии нацизма.

Арийский миф стал государственной идеологией Третьего Рейха.

Арийский миф призван был не только объяснить прошлое и изменить настоящее, но и предсказать будущее.

Арийский расизм нацистов подкреплялся псевдонаучными выводами, претендуя на абсолютный охват всех областей жизни и государственного устройства. Безумный миф, превратившийся в реальность, идеально подошел для возрождения германской нации. Однако в конце концов именно он привел Германию к самой страшной катастрофе в ее истории.

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-903339-80-8

© Васильченко А. В., 2008
© ООО «Яуза-Пресс», 2008

Парадокс мифа

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если мы попытаемся найти определение арийской расы, то, скорее всего, натолкнемся на следующую весьма распространенную формулировку: «Арийская раса — псевдонаучный термин, выдвинутый в середине XIX века авторами реакционных расовых теорий. Ложность термина заключается в смешении понятий языковой и расовой классификации. В языкознании арийскими называли индоиранские языки. Но их носители не обладают какими-либо общими физическими свойствами и не образуют отдельной расы. Термин «арийская раса» широко использовался нацистскими идеологами, утверждавшими существование особой «высшей» арийской расы, относя к ней прежде всего немцев».

Парадоксальность данной формулировки заключается в том, что пресловутые «нацистские идеологи» никогда не употребляли термин «арийская раса». Один из ведущих специалистов Третьего рейха по расоведению, главный теоретик национал-социалистской расовой идеи Ганс Гюнтер писал в своей работе «Нордическая идея»: «Нет никакой «арийской расы», хотя все народы, говорящие на «арийских» (правильней — «индоевропейских») языках, унаследовали их от племен одной и той же расы. Нет и «германской расы», хотя все германоязычные народы унаследовали свои языки от германцев эпохи переселения народов». То есть получается, что большинство специалистов, впрочем, как и любителей, опираются на ложное определение, которое, по сути, является мифом. В итоге в современной отечественной германистике складывается миф о мифе. В данной ситуации формируется ложное представление об «арийском мифе», который имел место в Третьем рейхе. Если обратиться к работам Г. Гюнтера, то мы обнаружим, что они во многом (но отнюдь не во всем) опираются на вполне научное определение, которое созвучно нынешней политкорректной трактовке: «Арийцы — общепринятое название для обозначения лингвистической

семьи народов, населяющей, с весьма незначительными исключениями, почти всю Западную Азию и Европу».

Чтобы разобраться в нынешнем «мифе в квадрате», в «(арийском мифе)^2», надо обратиться к политической практике Третьего рейха. Только подробный анализ, проведенный на основании исторических фактов и опирающийся на документы, а не домыслы, позволит разобраться, в какой степени «арийский миф» определял политику германского национал-социализма.

ЧАСТЬ 1

АРИЙЦЫ МЕЖДУ ЛЕГЕНДАМИ И НАУКОЙ

ПОЯВЛЕНИЕ АРИЙЦЕВ НА НАУЧНОЙ СЦЕНЕ

В конце XVIII века лингвисты сделали неожиданное открытие. В различных языках, казалось бы никак не связанных между собой (кельтском, германском, персидском, греческом, индийском), обнаружилось определенное сходство. Эту языковую общность назвали «индоевропейскими языками». На основании ее существования была выдвинута версия, что некогда существовал единый протоязык, носителем которого являлась крупная этническая группа. С этого момента стали возникать многочисленные теории на предмет того, что носителем этого языка являлись некие «индогерманцы», которые распространили свою культуру по всей Евразии.

Фридрих Шлегель, немецкий ученый, который проявлял повышенный интерес к культурам Востока, нашел в индийских сказаниях упоминания о далеких северных землях. В них, в частности, говорилось о священной горе Меру, которая располагалась в районе Северного полюса. Шлегель впервые заговорил о том, что индийская культура с большим почтением относилась к Северу, почитая его как наиболее сакральную часть света. Было непонятно, было ли описание Севера просто метафорой или проявлением конкретных контактов с северными культурами. В 1805 году Фридрих Шлегель писал, что индийский язык «более древний, чем греческий и латинский языки, не говоря о немецком и персидском». Он добавлял: «Индийский язык отличается глубиной, ясностью, спокойствием и философским направлением». Шлегель также предполагал, что индийский язык был «самым древним из развитых языков», а следовательно, самым близким «к первоначальному языку, из которого произошли все остальные». В том же труде («Исследование по языку и философии индийцев») он предложил термин «арии» для обо-

Идеалистическое изображение нордического арийца древности

значения непобедимых завоевателей, спустившихся с Гималаев, чтобы колонизовать и цивилизовать Европу.

В 1819 году Шлегель впервые употребил слово «ариец», которое являлось синонимом этнической группы, в которую входили и германцы, и индийцы. Вообще-то, об арийцах говорил еще Геродот, но Шлегель усилил корень «ари», который он провозгласил этимологически родственным со словом «честь». Вследствие этого возникло представление об аристократической расе господ. Сразу же стоит заметить, что сам Шлегель воздерживался от подобных высказываний. Он вообще полагал, что арийское племя скорее было связано с азиатским регионом, нежели с Северной Европой. Но его ученик, Христиан Лассен, сделал вывод, который фактически навсегда закрепил значение слова «ариец». Он противопоставил «комплексный талант арийцев» семитам, у которых отсутствовала гармоничность души, а иудейская религия была эгоистичной и замкнутой. Так впервые арийцы вошли в расовую теорию. Миф, сформированный Лассеном, быстро начал распространяться по Европе. В 1827 году во французских ученых кругах уже говорили «о длительной борьбе между семитским и индогерманским мирами». Эрнест Ренан, известный исследователь иудаизма, говорил о том, что евреи после выполнения своей мировой функции (создания монотеизма) стали дегенерировать и мир отныне находится в руках арийцев.

Опустив множество теорий относительно прародины арийцев, имеет смысл остановиться на версиях, выдвинутых в XIX веке, в которых рассматривалась «северная версия». Данная трактовка интересна тем, что в Третьем рейхе слова «нордический» и «истинно арийский» считались синонимами.

Множество исследователей, которые разделяли доктрину европейской прародины индоевропейских народов, склонны были локализовать ее где-нибудь на обширной равнине, которая простирается от Северного моря до Каспийского. Эта область лучше других отвечает всем требованиям, которые предъявляет ей сравнительное языкознание. Кроме того, известно, что данную территорию населял высокий светловолосый народ европейской расы. И все защитники теории европейской колыбели индоевропейцев, которые обращались к данным антропологии, были убеждены в том, что первые индоевропейцы были блондинами.

В 1883 году Карл Пенка выпустил «Истоки арийцев», а в 1886 году — «Происхождение арийцев». В этих работах он опроверг господствовавшее тогда мнение о происхождении «арийцев» (то есть народов, говорящих на индоевропейских языках) из Азии. Он доказал, что их прародиной была Северо-Западная Европа, а первоначальным расовым типом — нордический. Независимо от Пенки к тем же выводам пришел Людвиг Вильзер (1850—1923) в своей книге «Происхождение немцев» (1885).

Французский исследователь де Лапуж отмечал, что ахейские герои часто описываются как «золотоволосые», что многие из знаменитых римлян, такие как Сулла, Катон и другие, вероятнее всего, были светловолосыми, а такие имена, как Агенобарб, Фульвий, Флавий и Руфий, подразумевают физические характеристики, которые совершенно нетипичны для обитателей Средиземноморья. В индийской литературе слово «варна» (прототип касты) переводится как «цвет». Уже в ведические времена[1] и в дальнейшем пандавы[2] описываются как высокие и светловолосые. На основании этого можно сделать вывод, что таким образом подчеркивалось различие между смуглыми дравидами или протодравидами, «дасью»[3], — которые даже в Ригведе описываются как «кришнаварна», темнокожие, — и светлыми ариями.

---

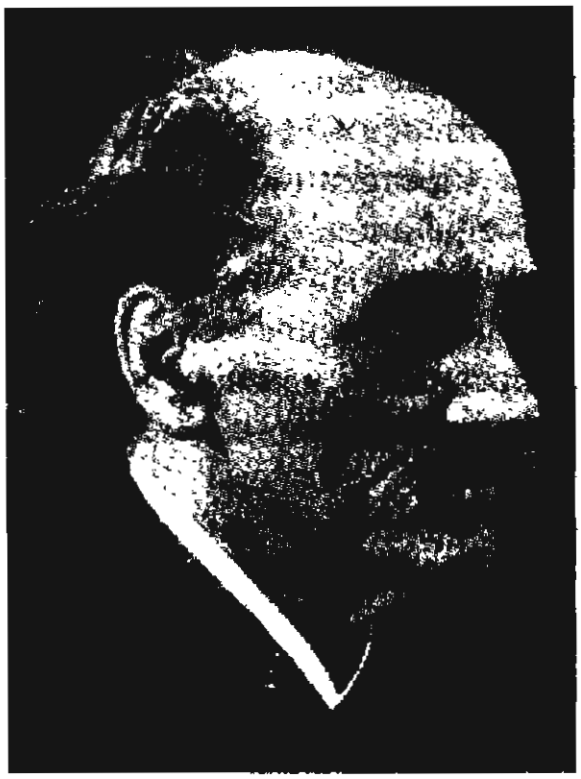
[1] Времена, когда создавались Веды (древнейшие священные тексты индуизма). Считается, что это происходило на рубеже 2-го и 1-го тысячелетий до н.э. — *Прим. ред.*

[2] Сыновья древнеиндийского царя Панду. — *Прим. ред.*

[3] «Дикое племя», «некультурные люди» (древнеинд.). Иногда включались в арийское общество как низшая каста, «неприкасаемые». — *Прим. ред.*

Так началось смешение лингвистики и расовой антропологии. То, что вначале начиналось как чисто лингвистическое изыскание, позже переросло в радикальные теории относительно принципиальных различий между народами и культурами. В 1853 году свет увидела книга французского графа Гобино «Очерк о неравенстве человеческих рас», которая еще больше углубила политическое значение слова «ариец». В этом труде Гобино впервые указал на связь между арийской и нордической расами. Для Гобино нордическая арийская раса находилась на верхушке пьедестала, обладая не только монополией на силу, интеллект и понимание прекрасного, но и специфическим культурно-творческим потенциалом, которому могло угрожать расовое смешение. Если обратиться к биографии Жозефа Артура де Гобино (1816—1882), то можно прийти к выводу, что его расистские идеи сформировались под прямым негативным воздействием современной ему европейской действительности. Впрочем, книга графа Гобино не получила признания во Франции, зато вызвала большой резонанс в Германии.

Уже в конце жизни Гобино сблизился с Рихардом Вагнером. Произведения графа были с одобрением встречены Фридрихом Ницше. В 1894 году в Германии было основано «Общество Гобино».



Людвиг Шеман

Особенно активную роль в распространении гобинизма в Германии сыграл основатель этого общества Людвиг Шеман, издавший ряд сочинений Гобино и исследований о нем. Он же в 1897—1900 годах впервые издал «Опыт о неравенстве человеческих рас» на немецком языке. В 1939—1940 годах в Германии вышло в свет уже пятое издание «Опыта». Национал-социалисты оценили это сочинение достаточно высоко, публикуя избранные моменты из него в хрестоматиях и сборниках по расовому вопросу.

Гобино был, по существу, первым в XIX веке, кто в разверну-

том виде сформулировал тезис о расовом неравенстве как объясняющем принципе исторического развития. Для того чтобы правильно понять специфику расизма Гобино, необходимо учитывать следующий момент. Рассматривать расовые идеи Гобино следует в контексте его общей философско-исторической концепции, так как расизм Гобино — это прежде всего неотъемлемая составная часть его философии истории. Цвет кожи служил для Гобино основанием для выделения трех основных рас: белой, желтой и черной. «Таковы три чистых и первоначальных элемента человечества», — утверждал он. Эти «элементы» Гобино рассматривал в виде трехступенчатой иерархической лестницы с белой расой наверху и черной — внизу. Внутри белой расы высшее место занимают, по Гобино, «арийцы». Расы, по его мнению, отличаются постоянством и неуничтожимостью физических и духовных черт. Впрочем, на других страницах реальное существование трех «чистых» расовых типов Гобино относил к далекому прошлому. В процессе исторического развития происходили непрерывные комбинации их между собой, затем комбинации образовывали новые комбинации и т.д. Таким образом, «чистых» первоначальных рас давно уже не существует, и в современную эпоху, согласно Гобино, имеют место расовые типы, бесчисленное множество раз смешанные между собой. Этот момент игнорировали многие почитатели Гобино, стремившиеся использовать его идеи для обоснования превосходства «белой» расы или же «арийцев» внутри нее.

Понятие «раса» являлось у Гобино крайне неопределенным. Он трактовал его не как определенную совокупность реальных антропологических черт, а придавал ему символический смысл. Отсюда непосредственно вытекала мифологическая интерпретация исторического процесса, который Гобино пытался объяснить, исходя из расового детерминизма. Именно в расовом смешении он искал причины «вырождения» цивилизаций. Он стремился обнаружить неизменные внутренние «естественные законы, управляющие социальным миром». Такими двумя законами, по Гобино, являются законы отталкивания и притяжения между человеческими расами. В качестве конкретизации этих «законов» в концепции Гобино выступал фатальный феномен смешения разделенных рас и их бесчисленных комбинаций. Смешение рас трактовалось им как фундаментальный процесс, определяющий весь ход исторического развития; сложная и замысловатая «игра кровей», призванная объяснить судьбы цивилизаций. Смешение представляло собой необходимый

Артур де Гобино

источник возникновения и развития цивилизаций (с обязательным участием белой расы), но оно же в дальнейшем являлось причиной их вырождения — такова, согласно Гобино, трагическая диалектика истории.

Суть элитистского расизма в его философии истории выражена в следующих словах: «Итак, если смешения полезны в определенной мере для массы человечества, возвышают и облагораживают ее, то это лишь в ущерб самому этому человечеству, поскольку они его унижают, ослабляют, оскорбляют, обезглавливают в его самых благородных элементах, и, если даже допустить, что лучше превратить в посредственных людей несметное множество существ, чем сохранить расу принцев (кровь которой, расщепленная, обедненная, смешанная, становится от подобного превращения обесчещенным элементом), остается еще то несчастье, что смешения не останавливаются. Посредственные люди, только что сформировавшиеся в ущерб тому, что было великим, объединяются с новыми посредственностями, и из этих браков, все более и более низменных, возникает мещанина, которая, подобно вавилонскому столпотворению, приводит общества к полному бессилию и неисправимому ничтожеству».

Правда, нацистские идеологи давали в значительной мере ложное истолкование концепций Гобино для своих пропагандистских целей. Они постарались «не заметить», что Гобино считал немцев наиболее смешанной из всех европейских наций, относя его рассуждения о «германцах» на счет населения современной ему Германии. Его высокая оценка евреев явно не вписывалась в антисемитские установки германского национал-социализма. Тем не менее расовый детерминизм и элитизм Гобино явились реальным вкладом в мифологию национал-социализма.

Отдавая дань авторитету науки, Гобино квалифицировал жанр, в котором был написан «Опыт», как «моральную геологию». В его сочинении имеется множество ссылок на ученых — представителей различных областей конкретного знания. Но на самом деле позитивистско-сциентистская[1] оболочка в данном случае скрывает в себе романтико-мифологическую интерпретацию всемирной истории. Метод Гобино лишен научной строгости. Истолкование исторических фактов, призванное обосновать его расистскую теорию, — это часто полет ничем не ограниченной фантазии. Теория в целом изобилует множеством порочных кругов, противоречий и тавтологических утверждений. Собственно, противоречивым является главное утверждение Гобино: смешение рас выступает в его концепции одновременно как *признак* (т.е. следствие)[2] вырождения цивилизаций и как его *причина*; отсюда бессмысленность этого утверждения.

Но немецкие расовые исследователи предпочитали не обращать внимание на внутренние противоречия работы Гобино. Главным апологетом французского графа стал немецкий исследователь Людвиг Шеман, который очень высоко ценил Гобино. Именно им в 1894 году было основано «Общество Гобино», а затем выпущены две книги с анализом его теорий: «Расовые труды Гобино» (1910) и «Поход за Гобино» (1925).

НОРДИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

На переломе веков началось возрождение расовой идеи и осознание ее как нордической идеи, новой идеи, выходящей за рамки мира идей XIX века. Именно нордическая идея встретила упорное сопротивление всех идейных масс и массовых идей, задававших тон

---

[1] **Позитивизм** (от лат. *positivus* — положительный) — система убеждений, утверждающая, что все подлинное (позитивное) знание — совокупный результат специальных наук; наука, согласно позитивизму, не нуждается в какой-либо стоящей над ней философии. Основоположником позитивизма считается французский философ Огюст Конт (1798—1857).

Сциентизм (от лат. *scientia* — наука) — абсолютизация роли науки в системе культуры, в духовной жизни общества; в качестве образца берутся естественные науки, математика (dic.academic.ru, раздел «Современная энциклопедия»). — *Прим. ред.*

[2] Признаки связаны с обозначаемыми объектами как следствия со своими причинами (Ивин А., Никифорович А. Словарь по логике, 1998. Статья «Знак»). — *Прим. ред.*

Хьюстон Стюарт Чемберлен

в XIX веке. Неравенство человеческих рас было совершенно противоположным духу XIX века. «Природное равенство» всех людей из книг Руссо перекочевало в «Декларацию прав человека» французской революции и в Декларацию независимости США и превратилось в неоспоримый символ веры. XIX век сделал человека продуктом среды. Еще в 1860 году Бокль сводил физические и психические свойства отдельных людей и народов почти исключительно к влиянию среды, а Джон Стюарт Милль называл «пошлыми» попытки выявить врожденные природные различия между людьми. Учение Руссо о равенстве и учение Гобино о неравенстве в буквальном смысле слова противостояли друг другу в конце XIX — начале XX века.

Прорыв в этой области совершил другой представитель расово-антропологической школы — Хьюстон Чемберлен. Этот английский аристократ возненавидел свою родину и проникся глубокими симпатиями к Германии. Будучи поклонником и зятем Рихарда Вагнера, он последнюю часть жизни прожил в Германии, где, уже после смерти, в период Третьего рейха, несмотря на свое английское происхождение, был провозглашен «народным мыслителем».

Основная работа Чемберлена, принесшая ему скандальную известность, называлась «Основы XIX века». Рационалистическая трактовка Чемберленом европейской истории объяснялась негативным отношением автора к христианству в целом, аристократическим презрением к массам и излишне романтизированным восприятием немцев как нации, предназначенной править миром. Поставив перед собой задачу раскрыть основы, на которых покоился XIX век, Чемберлен писал, что европейская культура явилась результатом слияния пяти компонентов: искусства, литературы и философии Древней Греции; юридической системы и формы государственного управления Древнего Рима; христианства в его про-

тестантском варианте; возрождающегося созидательного тевтонского духа и отталкивающе-разрушительного влияния евреев и иудаизма в целом.

В 1-м томе своей книги Чемберлен рассматривал события до 1200 года и анализировал наследие античного мира. «С эллинизмом наступил небывалый расцвет человеческого интеллекта», — писал Чемберлен. — Греки творили всюду — в языке, религии, политике, философии, науке, истории, географии. Вершиной этого созидательного духа стал Гомер». Но у наследия эллинов оказались и темные стороны: жестокие недальновидные демократии, отсутствие высокой политики, устаревшая мораль и упадок религии. Мир в долгу перед римлянами, избавившими его от семитско-арабского порабощения и позволившими «индо-тевтонской Европе стать бьющимся сердцем и мыслящим мозгом всего человечества». Греция, в отличие от Рима, по мнению Чемберлена, тяготела к Азии. Но многих сбило с толку и озадачило то обстоятельство, что, несмотря на двухтысячелетнее наследие, Рим не сумел противостоять распаду на своей огромной территории. «Пересмотрели опыт энергичной индоевропейской расы и блестяще им воспользовались смешанные западно-азиатские нации, что вновь привело к уничтожению единства ее характерных особенностей».

Затем Чемберлен обратился к наследникам античности. «Сразу же пришлось столкнуться, — писал он, — с изучением расовых проблем». Он говорил о том, что необходимо проявить смелость и предусмотрительность, чтобы благополучно проскочить «между Сциллой науки почти недосягаемого и Харибдой изменчивых и необоснованных обобщений». Рим сместил центр притяжения цивилизации в сторону Запада, неосознанно завершая акт мировой значимости. Но Рим оставил после себя невероятную мешанину различных типов и рас. Среди этого хаоса народов оказались и евреи — единственная раса, которой удалось сохранить чистоту крови. Силой же, противостоящей крошечной, но влиятельной еврейской нации, история избрала арийцев. «В настоящее время эти две силы — евреи и арийцы, — как бы ни затуманил их будущее недавний хаос, остаются друг против друга, пусть уже не как враги или друзья, но по-прежнему как вечные противники». «Ничто не является более убедительным, — писал Чемберлен, — чем самосознание нации. Человек, принадлежащий определенной чистой расе, никогда не потеряет этого чувства. Раса поднимает человека над самим собой, наделяет его необычайной, почти сверхъестественной энергией, выделяет

Хьюстон Чемберлен не скрывал своего восхищения германцами

его как индивидуума из хаотического смешения народов, собранных со всех концов света. Густая кровь, незримо текущая в жилах, принесет бурный расцвет жизни, принесет будущее». Основной секрет истории состоит в том, что чистокровная раса становится священной. Безродный и вненациональный хаос последних дней Римской империи стал пагубным, почти фатальным обстоятельством, и именно арийцам пришлось исправлять это гибельное положение.

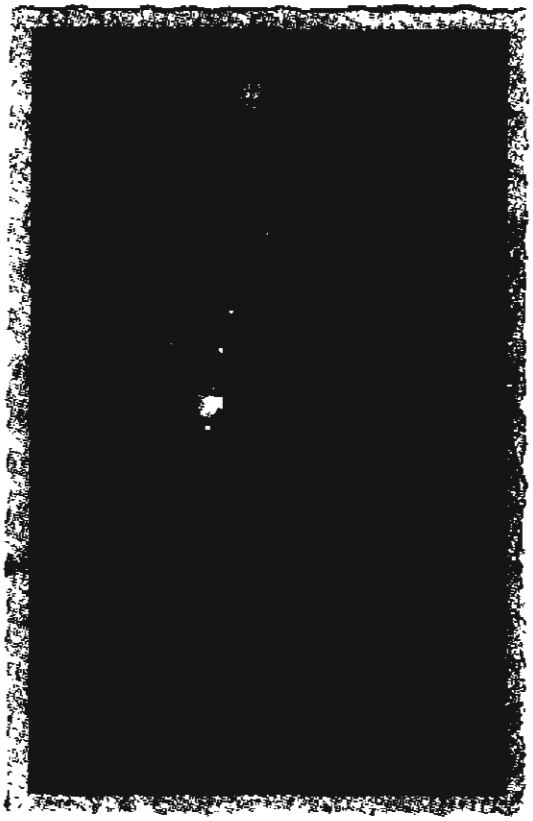
Во 2-м томе Чемберлен анализировал зарождение нового германского мира и борьбу величайших сил за мировое господство. В этой борьбе участвовали, по мнению Чемберлена, три стремящихся доминировать религиозных идеала: Восток (эллины), Север (арийцы) и Рим. На севере бывшей Римской империи арийцам удалось создать новую культуру, которая, «несомненно, является величайшим из всего, что было достигнуто человечеством до настоящего времени». Все, что не является арийским, — это чуждые элементы, которые необходимо изжить. Евреи сделались наследниками римского расового хаоса; арийская же раса оказалась в ответе за духовное спасение человечества. Все достижения науки, промышленности, политэкономии и искусства стимулировались и двигались вперед арийцами. Таким образом, XIX век опирался на прочный арийский фундамент.

Через всю книгу Чемберлена проходят красной нитью две основные темы: арийцы — как творцы и носители цивилизации, и евреи — как негативная расовая сила, разрушительный и ведущий к вырождению фактор истории. Идеализируя чистокровных арийцев, Чемберлен рассматривал их как единственную опору мирового развития. Завоевавшие гибнущую Римскую империю здоровые и мужественные дети природы, арийцы возродили западную цивилизацию и привнесли в нее неведомое ранее представление о свободе.

Как противоположность созидательному гению арийцев Чемберлен выдвигал грубую цивилизацию евреев, которые, по его мнению, были чужаками, грозившими в XIX веке занять непропорционально большое место в жизни Германии. Евреи заслуживали приговора, но не с позиций низкой ненависти или подозрительности, а с позиций недосягаемых высот арийского превосходства. Почти все выдающиеся и истинно свободные люди, полагал Чемберлен, от Тиберия до Бисмарка, рассматривали присутствие евреев в своей среде как социальную и политическую опасность. Чемберлен называл рождение Христа наиболее важной датой в истории человечества. «Ни войны, ни смены династий, ни природные катаклизмы, ни открытия не обладают и долей той значимости, которая могла бы сравниться с короткой земной жизнью Галилеянина». Но для всех должно быть очевидным, писал он, что Христос не был евреем, в нем не было ни капли еврейской крови. А те, кто называл его евреем, были просто невежественными или лицемерными людьми.

«Основы» Чемберлена стали необычайно популярны в Германии после того, как император Вильгельм II назвал его работу «монографией величайшей важности». Критики взахлеб восхваляли книгу за «блестящее, высочайшее красноречие, огромную эрудицию и необычайную проницательность автора». В Англии же эта книга подверглась яростным нападкам: ее либо высмеивали, либо поносили резкой бранью. Чемберлена называли «уличным проповедником, облачавшимся то в тогу римского оратора, то в рясу христианского священника». О его работе говорили, что это «похмельная отрыжка пьяного сапожника». Работу Чемберлена расценивали ни больше ни меньше как «ловкий синтез Шопенгауэра и Гобино, отражающий более грубое и наглое утверждение мистического родства арийцев и Божественного провидения».

Но вот американские приверженцы нордической школы провозгласили Чемберлена величайшим зодчим нордической теории, на что Теодор Рузвельт возразил, что теория Чемберлена исходит из глупой ненависти и что его «блестящие ляпсусы для нормального человека выглядят безусловным сумасшествием, отражением ненормальной психики... Ему нравится Давид, и на этом основании он тотчас делает его арийцем. Ему нравятся Микеланджело, Данте или Леонардо да Винчи, и он тут же сообщает, что они — арийцы. Он не любит Наполеона и потому утверждает, что Наполеон — истинный представитель безрасового хаоса».



Адольф Гитлер считался главным расовым теоретиком Третьего рейха

Как мы увидим дальше, расовые теории Гитлера, изложенные в книге «Майн кампф», во многом исходят из произвольных положений «Основ» Чемберлена. Хотя Гитлер нигде не упоминал его имени, и неизвестно, ознакомился ли он с его монографией. Но так или иначе, тезисы о превосходстве арийской расы и «еврейской опасности», выраженные в более простой и грубой форме, стали лейтмотивом «Майн кампф». О почтении к этому английскому писателю говорит хотя бы один факт: после того как Чемберлен поселился в Германии, Гитлер не раз навещал его, уже дряхлого и смертельно больного.

АРИОСОФИЯ

К формированию арийского мифа приложили свою руку и эзотерики, которые очень активно обсуждали проблемы взаимоотношений древних культур и рас. Лидером здесь, несомненно, является Елена Блаватская, которая в своей «Тайной доктрине» окружила понятие «ариец» многочисленными мифологическими спекуляциями. Арийцы виделись ей особенной расой, которая выступала наследницей давно погибших культур, возникших и развивавшихся и на Крайнем Севере в Гиперборее, и на материке Атлантида. Арийцы от своих полубожественных предков получили высшие магические знания. Те же, в свою очередь, возводили циклопические постройки наподобие Стоунхенджа, обладали летательными аппаратами, но стали смешиваться с низшими расами, за что были наказаны природными катаклизмами и катастрофами. Отзвуки этой истории можно было найти в произведениях Платона и других античных авторов. Несколько оставшихся в живых полубогов собрались вместе и создали «арийскую расу», которой были переданы остатки

тайного знания. Священным символом арийцев, согласно Блаватской, сразу же стала свастика, которая одновременно являлась родовым знаком бога-громовержца Тора.

В это же время появляются книги Карла Пенки, Людвига Вильзера и Георга Биденкаппа, в которых говорится, что арийцы возникли на Крайнем Севере. Об Индии как колыбели арийской расы уже не говорит никто. Родиной человечества провозглашается либо Скандинавия, либо территории, располагающиеся за полярным кругом. Подобные исследования перекликаются с оккультными текстами Блаватской и создают миф о нордическом ариогерманце. Этот миф был окончательно сформирован Гвидо фон Листом и Йоргом Ланцем фон Либенфельсом. Некоторые исследователи полагают, что именно у них позаимствовали свои идеи Гитлер и Гиммлер.

В 1908 году фон Лист написал, что «истинная страна, где возникла Эдда, лежит далеко на Севере, в области, возлюбленной Аполлоном. Там, где никогда не заходило солнце». Лист опирался на описание Гипербореи, приведенное у Геродота. Лист предполагал, что, возможно, земная ось когда-то изменила свой наклон. А до этого на Севере всегда было светло и тепло, там господствовал вечный день, там наличествовала тропическая флора и фауна. Но после изменения наклона земной оси климат стал меняться. Север стал покрываться ледниками, на смену вечному теплу пришел холод. Теснимые ледниками арийцы стали перемещаться на юг, унося с собой свои традиции.

Лист, формируя арийский миф, очень вольно обходился с мифологическими сюжетами. Действительно, древние греки верили, что по ту сторону «северного ветра» (hyper-boreas) жил удивительный народ, который произошел от титанов и был бессмертным. Именно оттуда, из Гипербореи, прибыл солнечный бог Аполлон, но каждый год он возвращался к себе на родину, чтобы снова почерпнуть духовные силы. Для этих поездок даже существовала специальная колесница, запряженная лебедями — птицами, которых едва ли можно встретить на юге. Множество поэтов и писателей пытались локализовать Гиперборею в различных частях света, например на Балканах или в Скандинавии. Некоторые исследователи вообще говорили, что речь шла о мифическом, несуществующем государстве — некой духовной аллегории. Фон Лист же в буквальном смысле трактовал и «зиму великанов», и «сумерки богов», упоминавшиеся в Эдде. Для него эти мифические события были неоспоримым доказательством великих исторических бедствий, которые были вызва-

ны континентальным катаклизмом. Но ведь описание «зимы великанов», после которой наступает языческий конец света, можно сравнивать с христианским Апокалипсисом, событием не прошедшим, а только еще грядущим. Но фёлькише-эзотерики[1] предпочитали прямое понимание мифов. В них они хотели найти императивные доказательства духовного превосходства арийцев и их древнейшего происхождения. Сам Лист считал, что свастика символизировала чистоту германской крови и священную борьбу «арийцев» против «недочеловеков». Он разрабатывал и пропагандировал в своих трудах проекты новой пангерманской империи. В ней верховное положение должны были занять ариогерманцы — граждане «чистой крови». Они не трудились бы в сфере наемного труда, но только правили. Всю работу предполагалось возложить на касты рабов-неарийцев, а систему иерархии в государстве выстроить исключительно на расовых признаках. Чтобы руководить созданием империи и самой империей, должен быть создан особый рыцарский орден расовой элиты: строгое соблюдение расовых и брачных законов; патриархальность; исключительное право ариогерманцев на свободу и гражданство; генеалогическая книга у каждой семьи, подтверждающая ее расовую чистоту.

Подобные спекуляции весьма охотно распространял журнал «Остара», издаваемый Йоргом Ланцем фон Либенфельсом. В 1911 году Либенфельс издает брошюру «Прародина и древняя история героической светловолосой расы». В ней он с удовольствием ссылается и на Блаватскую, и на Пенку, и на Вильзера, и на Гвидо фон Листа. Либенфельс провозглашал мегалитические каменные постройки, каменные круги следами миграции арийской расы, которая перемещалась из Северной Европы и оставляла наглядную демонстрацию своей солнечной религии. Ссылаясь на Эдду, он утверждал, что их путь лежал на Восток, где простирался огромный первобытный мир, и на юг, где жили «темные сыновья Суртура» (Surtur — мифологический великан. — *Прим. авт.*). Эти выдержки трактовались исключительно как доказательство духовного и физи-

[1] **Фёлькише** — «народники» (*нем.*) — ультрашовинистическое политическое течение, возникшее в конце XIX века в Германии и Австрии. Фёлькишская идеология стала ядром нацистской идеологии и пропаганды, что отразилось в названии центрального печатного органа фашистской партии — газеты «Фёлькишер беобахтер» («Народный обозреватель»). — *Прим. ред.*

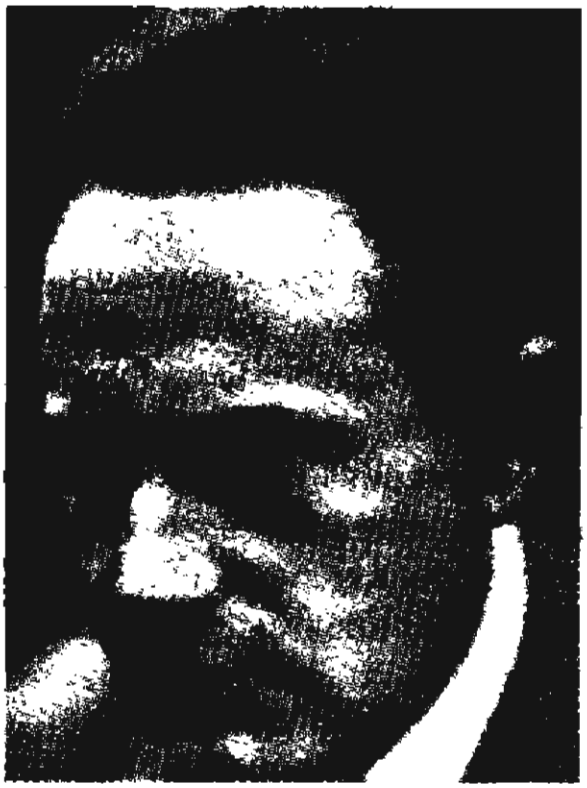
ческого превосходства арийцев над другими, низшими расами. Это не было превосходством посвященных, это было превосходством завоевателей.

Впрочем, мы бы не стали преувеличивать влияние идей ариософов на формирование сугубо нацистского мифа. Однажды Гиммлер, находясь на вершине власти, подчеркнул, что в его личном штабе *недопустимо пагубное влияние идей Гвидо фон Листа*. Гиммлеру вторил и непререкаемый авторитет в расовых вопросах Ганс Гюнтер: «Признаком отдельных групп, не сведущих или мало сведущих в расовых вопросах, но заботящихся о «германской» сути, является то, что они не задумываются над тем, что настоящая любовь к германскому началу меньше всего может выражаться в громких криках фанатиков и безвкусной рекламе. Такие группы носятся с бредовыми фантазиями, вроде выдумок Гвидо фон Листа и его «учеников» по поводу общества особо посвященных «арманов».

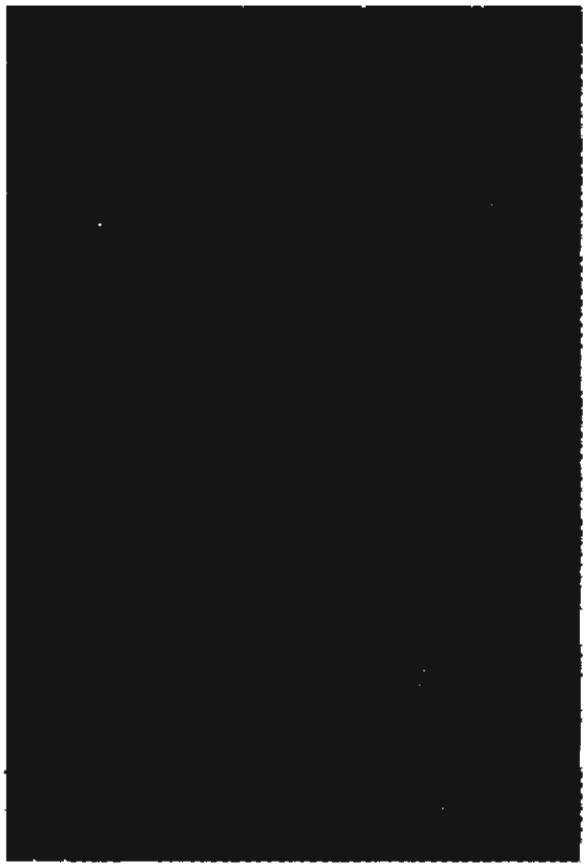
НОРДИЧЕСКИЙ «АПОКРИФ» ЛЮДВИГА КЛАУСА

Одним из многочисленных представителей «расовой науки» начала XX века был преподаватель Берлинского университета Людвиг Клаус. Его исследования были обобщены в книге «Северная душа», которая вышла в свет в начале 1932 года. В течение первых пяти лет после публикации его книга разошлась тиражом в 30 тысяч экземпляров, будучи восемь раз переизданной. В ней Клаус подчеркивал превосходство нордической расы, черты которой сложились в результате проживания людей в течение сотен лет в определенной среде. Нарисованный им портрет представителей нордической расы отражал стремление к власти и ностальгию по духовным корням. Он противопоставлял нордических людей горожанам, поскольку город символизировал современность, и подчеркивал преимущество естественных природных условий для существования людей. Как и Гюнтер, он придавал большое значение внешнему облику людей, считая, что их физическое состояние отражает душу, играющую основную роль, поскольку она формируется в тесной связи с природой, впитывая ее просторы и энергию.

Впрочем, вопреки заявлениям многих исследователей (см.: Д. Моссе «Нацизм и культура»), Клаус не только не был поддержан официальным теоретиком нацистской партии Альфредом Розенбергом, но, напротив, затравлен им. Причиной этого послужили не-



Людвиг Фердинанд Клаус



Обложка книги Л. Клауса «Раса и душа»

ортодоксальные взгляды берлинского преподавателя в вопросах антропологии. В итоге Клаус был вынужден покинуть Берлинский университет, а сами его труды к концу 30-х годов попали под негласный запрет. На первый взгляд казалось, что книга «Северная душа. Введение в расовую психологию» тиражировала общепринятые для нацистов воззрения о «нордическом превосходстве». Действительно, в этой книге можно было прочитать о «северном сверхчеловеке», но идеи, изложенные в ней, оказались несколько иными, нежели те, которые были заложены в основу идеологии национал-социализма. Во-первых, автор приписывал малопонятному термину «душа» гораздо большее биологическое значение, чем это позволяли себе нацисты. Во-вторых, он трактовал понятие «нордическое» весьма фигурально. «Нордическое» было для него синонимом прекрасного, возвышенного и благородного: он даже не исключал возможности встречи «нордического типа» на южных широтах. В своей книге он сделал еретический для нацистов вывод — он причислил к «нордическому типу» арабов и вообще всю семитскую группу. В книге «Раса и душа», увидевшей свет в 1934 году, он исследовал национальную и интернациональную психологию. В ней

Клаус повторял свою манихейскую игру тени и света. Он вновь не распространял пресловутый нордизм исключительно на германский мир. Проживший долгое время на Востоке среди бедуинов, Клаус описывал свою встречу с марокканскими евреями, которые, по его мнению, «путешествуя к вечности, приобрели нордический стиль».

Клаус полагал, что любой район является, образно говоря, неким объектом, куда устремляются и где расселяются люди. Но не каждый такой объект действует вдохновляюще на их души, хотя и представляет определенные возможности для жизни людей. Поэтому различным расам подходят местности, отличные друг от друга по своим характеристикам. Одним из наиболее подходящих для расселения и благоустройства районов оказался «нордический», к чему есть определенные предпосылки. Вследствие этого он говорил о нордическом стиле и нордических типах людей.

В итоге условия жизни нордической расы, по Клаусу, резко отличались от условий существования, скажем, рас Средиземноморского региона, который оказался для них более подходящим. Определение места расселения той или иной расы является одновременно и интерпретацией ее стиля, исходя из которого вырисовывались различия между средиземноморской, нордической и восточной расами.

Обосновывая этот тезис, Клаус прибегал к прямо-таки поэтическим сравнениям: «Тот, кому приходилось плавать в открытом море, огибая мыс Скаген, мог видеть резкую границу между Северным морем и проливом Каттегат, волны которых накатываются друг на друга с диким ревом, имеют различный цвет, ритм и скорость движения. Серо-зеленые волны Северного моря длиннее и выше, тогда как более голубые волны Каттегата значительно короче и ниже. Все здесь кажется более тесным и узким, ясно различима суша, и даже «открытая» Балтика за Эресунном не дает представления о бескрайности и мощи водной стихии, как это имеет место в Северном море. Тем не менее при сравнении со Средиземным морем Каттегат и Северное море кажутся одинаковыми. Если северные моря отличаются штормами и сильным волнением с резкими порывами ветра, то море около Греции накатывает хотя и относительно высокие, но неизменно ровные волны, мощь которых сдержанна в своем движении. Тот, кто знает северные моря и знаком с их характером, кто чувствует ритмичность их волн в собственной душе, посчитает греческое море вообще не морем и постарается найти другое слово для его обозначения».

Bild 169/170: Däniſcher Fiſcher, nordiſch. Die Eigenſchaft „Verſchlagenheit" in nordiſchem Stile.

Bild 171/172: Araber (Jamani), vorderaſiatiſch(-negeriſch). Die Eigenſchaft „Verſchlagenheit" in vorderaſiatiſchem Stile.

Bild 169—174: Stilgeſetz und Eigenſchaft. Nicht in einzelnen Eigenſchaften gründet das Raſſiſche, ſondern im Stile der Seele und ihres Leibes.

Клаус проповедовал «еретическую», с точки зрения нацистов, теорию, что нордический стиль могли унаследовать и южные племена

После подобной поэтики Клаус давал объяснение особым характеристикам нордической расы. Оказывается, люди, родившиеся и живущие на Севере, отличаются стремлением к просторам и к их покорению, что и составляет характерную черту нордической расы. «Нордическая душа требует постоянного перемещения, которое происходило всегда, главным образом в южном направлении. Те, кто преодолевал пределы северного географического района и проникал южнее пояса Сен-Готарда, к примеру, знает, что это значит. Северные регионы часто окутаны густыми туманами, так что в окна поезда видны лишь подножия гор, затем поезд ныряет в темные туннели, и вдруг в глаза бьют солнечные лучи, освещая голубое небо. У путешественника непроизвольно вырывается крик радости. Яркие южные краски действуют на душу северян подобно божественному благословению, блаженно и в то же время фатально. Первое впечатление подобно освобождению от воздействия северного пространства, настолько здесь все красиво и совершенно. Однако более близкое ознакомление и соприкосновение с этой природой обволакивает душу и подавляет первоначальное впечатление. Правда, мы не можем сказать, что пространства там «малы», но они чужды нордической душе, не соответствуют ее сути. Чувству этому трудно даже подобрать правильное определение. Мы можем лишь сказать, что в здешней природе нет привычной для нас глубины. Она неподвижна, а за великолепным внешним фасадом нет ничего существенного — она лишена загадочности и мистики. Говоря о южной природе, можно, пожалуй, охарактеризовать ее иностранным словом — она импозантна».

Клаус пытался опровергнуть мнение о том, что люди нордического происхождения являются холодными и бесстрастными. Он полагал это мнение о корнях нордической души неправильным. Он считал, что внешняя холодность компенсировалась внутренней горячностью. «Холодность» связана с огромными просторами окружающего их внешнего мира и не может быть изменена без изменения их характера и стиля. «Описать нордическую душу — значит показать условия воздействия пространства на людей, поэтому и нужно начинать с этих характеристик».

Клаус полагал, что смешение крови не стало препятствием в осуществлении «нордических» порывов, поскольку «нордический дух привык бороться со всеми враждебными ему проявлениями, получая в результате еще большую уверенность в собственных силах и праве на свое существование». В итоге он приходил к выводу, что

Inhalt

Vorwort zur 3. Auflage 7
Aus dem Vorwort zur 2. Auflage 11
Erster Teil: Rassenstile 13
1. Der Leistungsmensch. Die nordische Rasse . . . 13
2. Der Verharrungsmensch. Die fälische (dalische, atlantische) Rasse 31
3. Der Darbietungsmensch. Die mittelländische (mediterrane, westische) Rasse 45
4. Der Offenbarungsmensch. Die wüstenländische (orientalide) Rasse 56
5. Der Erlösungsmensch. Die vorderasiatische (alarodische, armenoide) Rasse 76
6. Der Enthebungsmensch. Die ostische (alpine, turanische) Rasse 99
Zweiter Teil: Grundfragen der Rassenseelenkunde (Psycho-Anthropologie) 113
7. Die mimische Methode 113
8. Ausdrucksstoff und Ausdruckseinhalt 124
9. Stilwechsel im Ausdruck 126
10. Der Leib als Schauplatz des Ausdrucks 131
11. Ausdrucksprägung 152
12. Stilgesetz, Eigenschaft, Anlage 158
Erläuterungen und Zusätze 178
Stichwörter- und Namenverzeichnis 180

Содержание книги Клауса «Раса и душа»

Rasse und Seele

Eine Einführung in den Sinn der leiblichen Gestalt

Von

Dr. Ludwig Ferdinand Clauß

Mit 176 Abbildungen

Dritte, bearbeitete Auflage

9.—13. Tausend

J. F. Lehmanns Verlag / München 1933

Форзац книги Клауса «Раса и душа»

Обложка книга Л. Клауса «Нордическая душа»

нордическая кровь не растворяется полностью в крови южных народов, а потому потомки северян сохраняют тягу к морю. На фоне подобных высокопарных заявлений кажется несколько нелепым чисто экономическое объяснение «нордического превосходства»: «Следует отметить, что мир получает с Севера много ценного и полезного: железную руду, нефть, гидроэнергию, а также животных и рабочую силу. При этом надо учитывать, что рабочая сила как таковая теряет свою специфическую ценность и внутреннюю сущность. Поэтому представители нордической расы должны в основном выступать как носители культурных ценностей».

АРИЙСКИЙ «ПЛАГИАТ» ГИТЛЕРА И РОЗЕНБЕРГА

Если посмотреть на высказывания из книг главных идеологов нацизма Гитлера и Розенберга, то в них можно обнаружить полное отсутствие оригинальных идей, касавшихся как собственно арийцев, так и расовой проблемы. Гитлер во многом повторял выводы предыдущих расовых теоретиков. Многочисленные построения Гобино, Чемберлена и ариософов он свел к примитивной формуле. Все народы и расы делятся на создателей культуры, носителей культуры и разрушителей культуры. Первыми, естественно, были, по его мнению, арийцы, а непосредственными разрушителями культуры — евреи. В «Майн кампф» он писал: «Все то, что мы имеем теперь в смысле человеческой культуры, в смысле результатов искусства, науки и техники — все это является почти исключительно продуктом творчества арийцев. Из этого, конечно, можно не без основания заключить, что и в прошлом именно арийцам принадлежала эта самая высокая роль, что арийцы явились основоположниками человечества. Ариец был Прометеем человечества. Его ясная голова была одарена божьей искрой гения, ему дано было возжечь первые

огоньки человеческого разума, ему первому удалось бросить яркий луч света в темную ночь загадок природы и показать человеку дорогу к культуре, научив его таинству господства над всеми остальными живыми существами на этой земле».

При этом расовое смешение вело к тому, что арийцы теряли свое главенствующее положение как создатели культуры. «Отнюдь не случаен тот факт, что первые культуры возникли там, где арийцы пришли в соприкосновение с низшими народами и подчинили их своей собственной воле. Эти низшие народы явились тогда первым техническим инструментом, которым воспользовались арийцы в борьбе за новую культуру. Но это и предопределило весь тот путь, по которому должны были пойти арийцы. В качестве завоевателя ариец подчинял себе завоеванных и заставлял их работать так, как это соответствовало его желанию и его целям. Заставляя их делать полезную, хотя и очень тяжелую работу, он не только сохранял им жизнь, но готовил им судьбу, несравненно более завидную, чем прежняя их так называемая «свобода». Пока ариец оставался господином над завоеванными, он не просто господствовал над ними, но и приумножал их культуру».

Гитлер, в юности взахлеб зачитывавшийся ариософской литературой, рисовал ужасные сцены, почерпнутые из «творений» Либенфельса. На одном из митингов он провозглашал: «Вся человеческая культура и цивилизация на нашей земле неразрывно связаны с существованием арийца. Если бы арийцы постепенно вымерли или сразу погибли, то это означало бы, что весь земной шар был бы вновь обречен на полное бескультурье». Повторяя отдельные из пассажей Либенфельса, изложенные последним в книге «Теозоология», Гитлер брал на вооружение идею государства как родового союза, главной задачей которого является «борьба за существование». «Никогда еще в истории ни одно государство не было создано мирной хозяйственной деятельностью; государства всегда создавались только благодаря инстинкту сохранения вида, независимо от того, определялся ли этот инстинкт героической добродетелью или хитрым коварством; в первом случае получались арийские государства труда и культуры, во втором случае — еврейские паразитарные колонии. Как только у того или другого народа или государства берут верх чисто хозяйственные мотивы, результат получается только тот, что само хозяйство становится причиной подчинения и подавления этого народа».

Молодые Розенберг и Гитлер в «эпоху борьбы»

Альфред Розенберг 30-е годы

Розенберг в своем «Мифе XX века» опирался на более «научные» аргументы, разработанные учеными за предыдущее столетие. Свои арийско-нордические построения он драпировал научными фактами, которые не вызывали сомнений. Он привлекал данные этнографии, археологии, лингвистики для того, чтобы «доказать» — вся мировая история началась на Севере, и духовное лицо мира было определено белокожей и светловолосой расой.

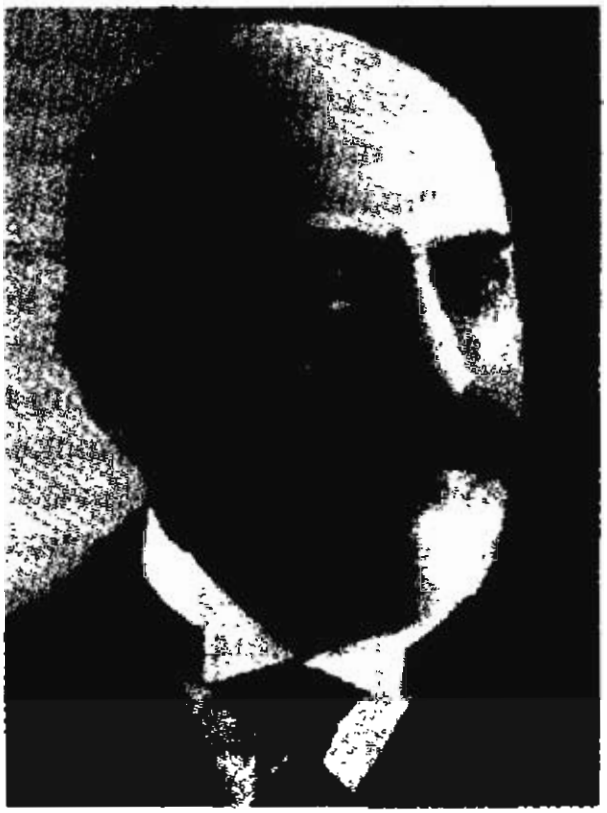
Если рассмотреть некоторые отрывки розенберговского «Мифа», то можно увидеть построения, почти слово в слово позаимствованные у ранних исследователей арийской Индии. «Когда первая великая волна нордической крови перешла через индийское высокогорье, она уже обошла многие враждебные и странные расы. Так же инстинктивно отмежевывались индийцы от чужого, темного, что попадалось на глаза. Кастовый порядок был следствием этой мудрой естественной защиты: Варна — это каста, но Варна — также и «цвет». Светлые арийцы, таким образом, опираясь на понятные внешние образы, создали пропасть между собой как завоевателями и смуглыми представителями Индостана».

АРИЙСКИЙ ВЕКТОР В АНТРОПОСОЦИОЛОГИИ

На рубеже веков появилось еще одно научное направление, которое получило название «антропосоциология». Данное направление наиболее ярко представляли Жорж Ваше де Лапуж (1854—1936), Отто Аммон (1842—1916), Людвиг Вольтман (1871—1907).

Основная идея французского основоположника антропосоциологии Жоржа Ваше де Лапужа была отражена в двух его основных сочинениях: «Социальная селекция» (1896) и «Ариец и его социальная роль» (1899). Впрочем, сам Лапуж считал пионером антропосоциологии своего соотечественника Артура Гобино, а Чемберлена, напротив, квалифицировал как «карикатуриста». Но, в отличие от Гобино, Лапуж положил в основу своих работ истолкование антропометрических данных и прежде всего сравнительного статистического анализа так называемого «головного указателя»[1].

В своих работах он писал, что в основе расовой дифференциации европейского континента лежит следующее подразделение. Homo europaeus — длинноголовая (долихоцефальная), белокурая и высокорослая раса, в психологическом отношении отличающаяся тщеславием, энергией, умом, идеализмом. Темную, короткоголовую (брахицефальную) и малорослую расу, встречающуюся по всей Европе, Лапуж называет homo alpinus и приписывает ей консервативные, осторожные и «малогениальные» черты. Третья главная раса Европы — это средиземноморская, хотя и долихоцефальная, но темная и морально стоящая еще ниже темной брахицефальной.



Жорж Ваше де Ляпуж

[1] **Головной указатель** — в антропологии отношение ширины головы (поперечный диаметр) к ее длине (продольный диаметр), выраженное в процентах. У долихоцефалов составляет 75% и менее, у брахицефалов — 81% и более. Тех, у кого головной указатель выше 75, но ниже 81%, называют мезоцефалами — среднеголовыми. — *Прим. ред.*

«Длинноголовые блондины исполняют функции мозга и нервов в общественном организме, а короткоголовые и их метисы играют роль мышц и костей. Тысяча брахицефалов не стоит тысячи долихоцефалов» — вот сердцевина его антропосоциологической концепции. Абсолютно новым в ней было так же и то, что Лапуж низвел человека с постамента любимого творения Бога и подчинил его биологическим законам, единым для всего живого. Поэтому его сочинение об «Арийце» начинается словами: «Эта книга является монографией о homo europaeus, то есть о том виде, которому давали различные названия — «светловолосой долихоцефальной» расы, «германской» или «арийской». Я повсюду буду обозначать ее научным термином, данным Линнеем. Это наиболее надежное средство, чтобы постоянно напоминать читателю о том, что существо, о котором идет речь, не является неким совершенно особым животным, но входит в общую систему природы и подчиняется общим биологическим законам. Произвольное в человеческих делах существует лишь в воображении мистиков, тогда как дарвинистская политическая наука, или антропосоциология, стремится как раз к тому, чтобы заменить конкретными понятиями метафизические и мистические концепции философской социологии».

Именно на базе этих универсальных биологических законов Лапуж и переосмыслил мировую историю. Длинноголовые блондины, по его мнению, неспособны к низкой, систематической работе, поэтому всегда и везде они стремятся сформировать правящий слой, оставляя примитивную работу короткоголовым брюнетам. Будучи предприимчивыми, они решались на все и вступали в борьбу из любви к ней, а не из расчета на прибыль. Их кругозор был очень широк, их пожелания и помыслы — смелы, поступки же соответствовали последним. Прогресс у них — врожденная страсть. Они требовали уважения к индивидуальной свободе и скорее старались сами возвыситься, чем унизить других. Вообще говоря, в смешанном обществе они неизменно были активным началом.

Лапуж приписывал белокурой долихоцефальной расе образование высших классов в Египте, Халдее, Ассирии, Персии и Индии, так же как и огромное влияние на всю греко-римскую цивилизацию.

«Действительно, на памятниках Египта, Халдеи и Ассирии все высокопоставленные лица изображены белокурыми, голубоглазыми и высокорослыми. Греки на египетских изображениях представлены также высокими, белокурыми и длинноголовыми. Тип героев

Греции, несомненно, был таков же. Боги и герои Гомера всегда блондины высокого роста и со светлыми глазами. В первой песне «Илиады» Минерва схватывает Ахилла — первенствующего героя — за его белокурые волосы, и это выражение повторяется еще раз в XII песне, когда Ахилл приносит в жертву останкам Патрокла свои волосы. Царь Менелай также блондин. В «Одиссее» Мелеагр, Аминтор и Радамант — блондины. Вергилий даже Дидону представляет блондинкой, хотя она финикиянка, а потому должна бы быть черноволосой; Минерва, Аполлон, Меркурий, Комерт, Камилл и Лавиния тоже у него описаны как белокурые. Все главные герои Овидия белокуры. В римской аристократии преобладал белокурый тип, о нем свидетельствуют прозвища: flavius, fulvius. Данте и Петрарка воспевают белокурых героинь: Беатриче, Матильду, Лауру. Вообще, достаточно изучить галерею картин эпохи Возрождения, чтобы убедиться, насколько светлые волосы тогда преобладали, особенно у женщин. Протестантизм — эволюция католичества — распространился преимущественно среди белокурых народов Европы, а не среди черноволосых».

Далее Лапуж дошел до утверждения, что цивилизованность народов почти в точности пропорциональна количеству белокурых долихоцефалов, входящих в состав правящих классов. В общем, «в эволюции человечества черноволосые брахицефалы и продукты их скрещивания играли роль простых солдат при главном штабе, состоящем из белокурых долихоцефалов».

До завоевания Галлии римлянами, указывал Лапуж, в ней насчитывалось около 5—6 миллионов населения, короткоголовых и блондинов. Около миллиона погибло в войнах с Цезарем, и столько же было продано в рабство. Мертвыми в этой борьбе пали преимущественно энергичные блондины, поэтому после поражения Галлия становится самой трудолюбивой, но зато и самой раболепной провинцией. Искра восстания вспыхнула лишь на Севере, где светловолосые элементы были более многочисленны. И такое положение вещей сохранялось несколько столетий; возрастало богатство, но не слава. Постепенно, однако, сначала в качестве союзников, затем в качестве победителей, в V веке и в последующих столетиях в страну проникают длинноголовые — и она оживает. Нескольких сотен тысяч новых пришельцев было вполне достаточно, чтобы раболепствующее население в несколько миллионов человек настроилось на воинственный лад. Так и возникла, по Лапужу, Франция нового времени.

Затем в течение нескольких веков светловолосые великаны рассеивались по соседним странам (Крестовые походы, экспедиции и войны феодалов). В более поздний период эти же расовые элементы участвовали в движении Реформации и создали гигантскую сеть французских колоний по всему земному шару. Но все эти походы, борьба за идею, движения крестоносцев и инквизиция уничтожили самых энергичных представителей длинноголового типа, и, когда они гибли, короткоголовые брюнеты берегли свои силы и побеждали при помощи пассивного выжидания.

Великая французская революция, во главе которой стояли по преимуществу блондины, лишь узаконила антропологический факт: плоды инициативы длинноголовых блондинов достаются безынициативным короткоголовым брюнетам. Антропологический результат войн Наполеона — снижение среднего роста мужского населения Франции на 10 сантиметров и его резкое потемнение. Политическое ничтожество Франции конца XIX века, по Лапужу, также есть следствие засилья короткоголовых брюнетов.

Таким образом, была создана шкала биологической ценности рас. Культурные достижения каждой из них становились универсальным мерилом, позволяющим без труда по процентному соотношению исходных биологических компонентов прогнозировать социальную активность того или иного общественного организма.

Приняв во внимание новую трактовку истории, Жорж Ваше де Лапуж сформулировал свои знаменитые **одиннадцать антропосоциологических законов:**

1. Закон распределения богатств: в странах со смешанным населением (homo europaeus — homo alpinus) богатство возрастает в отношении, обратно пропорциональном головному указателю.

2. Закон высот: в местностях, где существуют совместно homo europaeus и homo alpinus, первый локализуется на более низких местах.

3. Закон распределения городов: важные города почти исключительно локализованы в долихоцефальных областях или в наименее брахицефальных частях брахицефальных областей.

4. Закон городского головного указателя: головной указатель городского населения ниже, чем сельского населения.

5. Закон эмиграции: среди населения, начавшего диссоциироваться (разъединяться, разделяться) перед перемещением, эмигрирует наименее брахицефальный элемент.

6. Закон браков на новых местах: менее брахицефальные элементы особенно склонны к бракам вне своей страны.

7. Закон концентрации долихоцефалов: мигрирующие элементы привлекаются центрами долихоцефалии, которые все больше обогащаются долихоцефалами. Закон этот может формулироваться и так: в областях, где существует брахицефальный тип, он стремится локализоваться в деревнях, а долихоцефальный тип — в городах.

8. Закон городской элиминации (исключения): городская жизнь производит отбор в пользу долихоцефальных элементов и разрушает, или элиминирует (исключает), наиболее брахицефальные элементы.

9. Закон стратификации: головной указатель в одной и той же местности распространяется, уменьшаясь от низших классов к высшим. Средняя высота роста и количество высокорослых возрастают от низших классов к высшим.

10. Закон интеллигентов: череп интеллигентов более развит во всех направлениях, и особенно в ширину.

11. Закон увеличения указателя: начиная с доисторических времен, головной указатель везде и непрестанно увеличивается.

Список законов Лапуж заканчивал рядом замечаний, резюмированных следующим образом: «Как ни удивительны эти законы, мы еще только в начале открытий. Остается еще много других, о которых еще и не подозревают. Ясна необходимость полного антропологического кадастра в каждом государстве, и если он будет произведен надлежащим образом, то даст политические результаты, важность которых едва ли может быть предвидена».

Схожие тезисы выдвигал в своих трудах немецкий антрополог Отто Аммон (1842—1916), который подкрепил теоретические выкладки многочисленными данными обмера новобранцев по всей Германии. Уже в первой значительной работе «Дарвинизм против социал-демократии» (1891) он по аналогии с древней кастовой системой Индии подразделил европейское общество на четыре антропологических класса.

«В первый класс входят новаторы, изобретатели, пионеры, открывающие человечеству новые пути. Они имеют уровень интеллекта выше среднего, это люди с характером, неустанные и смелые творцы, на проторенных путях они чувствуют себя не очень хорошо: человечество обязано им всем прогрессом.

Второй класс — умные и искусные люди, которые не обладают творческим духом, но умеют схватывать, разрабатывать и улучшать чужие идеи: первые два класса взаимно дополняют друг друга.

В третий класс входят люди со средним уровнем интеллекта или ниже среднего. Для них характерно состояние, именуемое «духом стада». Они поддаются обучению и, не имея своих идей, могут усваивать чужие. Они не могут сами развивать усвоенные идеи и потому противятся любым новшествам. Они думают, будто обладают всеобщей истиной, сохраняя приверженность к ней с инертностью массы.

Четвертый класс — неполноценные люди, неспособные производить, открывать, или комбинировать, или усваивать чужую культуру».

Отто Аммон в соответствии с данной классификацией пришел к выводу, что значение народов, их ценность для мировой культуры, превосходство одного народа над другим тем больше, чем больше в народе людей первого и второго класса.

«Человек первого класса стоит тысяч простых работников физического труда и улучшает благосостояние тысяч. Люди третьего и четвертого класса только следуют по проложенным людьми первого класса путям. Люди первого класса — это локомотивы, люди третьего и четвертого класса — вагоны».

В 1893 году вышла его следующая книга «Естественный отбор среди людей», в которой к антропологическим измерениям была добавлена теория зародышевой плазмы Августа Вейсмана и Томаса Моргана. «Детерминанты зародышевой плазмы, определяющие череп и остальной скелет, представляют собой стабильные формы, равно как и те, которые определяют цвет глаз, волос и кожи». Кроме того, в этом сочинении Аммон впервые выявил связь между ростом и головным указателем. Он подчеркивал также, что среди правящих классов процент людей высокого роста со светлыми волосами и голубыми глазами существенно выше, чем среди представителей низших классов.

А в книге «Общественный строй и его естественные основания», вышедшей в 1895 году, Аммон развил эту мысль уже со всей определенностью. По его мнению, именно из-за размывания расовой основы элиты и погиб античный мир. «Согласно антропологической концепции, это были принадлежавшие к высшей расе арийцы, люди Севера, которые в доисторические времена пришли в Грецию и Италию и господствовали над темноволосыми туземцами, обладав-

шими более слабым характером, постепенно смешиваясь с ними». То есть Аммон доказывал, что брахицефалы, обладающие в среднем более низким социальным статусом и живущие в деревне, — это потомки коренного населения Древней Европы. Долихоцефалы же — люди с более высоким статусом и живущие в городах — формировались из потомков германских завоевателей, селившихся в городах, и из наиболее активных («долихоцефальных») жителей деревень. Высшие слои сформировали замкнутое сословие и не допускали снижения социального статуса своих потомков; горожане не мигрировали в деревню; поэтому социальная дифференциация выражает изначальную антропологическую дифференциацию. Тем не менее число брахицефалов возрастало вследствие феодальных войн и низкой рождаемости в высших слоях общества.

В 1903 году свет увидела книга «Политическая антропология» Людвига Вольтмана (1871—1907), сделавшегося в одночасье модным у немецкой публики. В этой книге расовая проблема выведена на совершенно иной уровень обсуждения. У самой работы Вольтмана был подзаголовок «Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов», отвечающий замыслам автора подчеркнуть глобальность его научного кругозора. Кроме того, данное сочинение явилось откликом на первый социальный заказ в области расовой теории, ибо всемирно известная немецкая сталелитейная фирма Круппа объявила конкурс на проведение глобальных исследований. Таким образом, расовая теория начала оформляться в самостоятельное научное направление и обрела статус академической дисциплины. Период непрофессиональных рассуждений, догадок и интуиции стал плавно отходить в прошлое. Началось методичное формирование канонов расовой теории, с которой уже вынуждены были считаться сильные мира сего. Крупнейшие политики эпохи явственно осознали, что на полигоне общест-

Людвиг Вольтман

венных идей возникло и прошло испытания оружие невиданной доселе разрушительной силы, и победу обретет тот, кто сумеет освоить его массовое применение.

В своей книге Вольтман совершенно отбросил всякую половинчатую риторику прежних «любителей» от расовой теории: «Из государств только те долее других остаются на вершине достигнутого ими процветания, которые не придерживаются одностороннего естественного отбора и не поддаются чересчур стремительному культурному порыву, но часть своего более одаренного населения щадят и сохраняют в возможно здоровых жизненных условиях как свой природный источник талантов. Арии — последние пришельцы и завоеватели, которые вследствие своей высшей физической силы и интеллекта покорили низший народ. Они всюду образуют господствующую касту и придают большое значение избеганию неравных браков, почему и презирают ублюдков. Самая светлая раса в то же время и самая даровитая, и благородная».

НОРДИЧЕСКАЯ ГЕРМАНИСТИКА — КАРЛ ПЕНКА И ГУСТАВ КОССИННА

Следует упомянуть некоторые аргументы, имеющие отношение к антропологии, археологии и филологии, которые приводятся в поддержку североевропейской гипотезы происхождения индоевропейцев. Ее родоначальники и многие их последователи приписали северной расе физическое превосходство, соответствующее лингвистическому преимуществу индоевропейской речи, и стремились на основании скелетных останков северян определить психологические характеристики, которые, как они считали, были специфически индоевропейскими. Пенка в Германии и де Лапуж во Франции добавили лирики к своей оценке достоинств высоких блондинов, и эти панегирики все еще повторяются авторами научно-популярных работ в этих странах. Согласно Пенке, северная раса «всегда побеждала и никогда не была побеждена», она была «аристократической духовно и физически».

В настоящий момент скандинавская теория кажется наиболее привлекательной. Ее разработали в деталях и подкрепили данными археологии такие эксперты в этой области, как Коссинна, Шлиц и Шухардт. Основателем «германистской школы», как мы можем назвать сторонников теории скандинавской колыбели индоевро-

пейцев, был Карл Пенка. Он обратился одновременно к данным истории, филологии и антропологии, чтобы подкрепить ими свои, тогда еще еретические, представления. Антропологически присутствие скандинавской расы можно было проследить уже среди самых ранних обитателей Севера; она представлена там во все эпохи, и сегодня скандинавы сохраняют этот тип в такой чистоте, которой нет больше нигде. В других областях, таких как Южная Россия, где черепа из древних курганов преимущественно представлены северным типом, или в средиземноморских странах и Индии, где данные лингвистики демонстрируют присутствие скандинавов, изначальный тип уступил место брахицефалам или представителям средиземноморской расы. Следовательно, только на Севере, где имелись подходящие условия, этот тип и возник.

История Скандинавии, как утверждают, развивалась без значительных потрясений и резких смен культур. С того времени, когда она впервые была заселена донеолитическими народами после отступления ледников, на ее территории не удается обнаружить следов завоевания извне или вторжений. В то же время именно Север, а не Азия, был истинным officina gentium (местом происхождения племен). С начала письменной истории мы видим, как молодые народы — тевтоны, кимвры, готы, лангобарды, бургунды, норманны — устремлялись из холодных стран, чтобы завоевать и омолодить слабую Римскую империю. Формирование кельтов, римлян и греков должно рассматриваться в свете этой аналогии; вся их предыстория заполнена свидетельствами успешного натиска на юг, восток и запад из индоевропейской прародины, расположенной среди северных снегов. Чтобы усилить свои аргументы, Пенка не смущался обращаться к мифам Гомера, цитируя его слова о киммерийцах, живущих в вечной тьме, и лестригонах (великанах. — *Прим. ред.*), над которыми никогда не заходит солнце. Он расценивал эти сведения как воспоминания греков об их арктической прародине.

Используя данные лингвистики, Пенка утверждал, что индоевропейская фонетическая система в наиболее чистом виде сохранилась в прагерманском языке. Общий эффект этих аргументов, несмотря на преувеличения в некоторых второстепенных деталях, бесспорно, является очень мощным. Слабее всего эта теория аргументирована с точки зрения лингвистики. Тезис о том, что прагерманский язык является самым прямым потомком праиндоевропейского языка, весьма ненадежен; достаточно вспомнить о знаменитых звуковых изменениях, на которые уже указывали Фик, Тейлор и

Бендер. Такие фонетические изменения подразумевают, что древние германцы в очень значительной степени были смешаны с неиндоевропейскими народами. Но чтобы избегнуть этого противоречия, можно вслед за де Мишели отделить индоевропейцев от жителей Северной Европы и вспомнить, что одним из наиболее чистых индоевропейских языков является тот, на котором все еще разговаривают литовцы. Но мало того, что прагерманский язык явно деградировал с фонетической точки зрения, культура самых ранних обитателей Скандинавии не соответствует в полной мере тем сведениям, которые при помощи сравнительного языкознания мы можем получить о прародине и примитивной цивилизации индоевропейцев. Скандинавия по преимуществу является приморской страной, и самые ранние группы населения там жили на берегу моря и занимались ловом рыбы. В то же самое время аргумент о том, что море не упоминается в индоевропейском словаре, имеет сомнительную ценность, поскольку известно, что ранние индоевропейцы даже в приморских областях не особо разнообразили свою диету рыбой. Янтарь стали очень рано и повсеместно использовать по всему балтийскому побережью и на севере Германии, однако для него не существует обозначения в индоевропейских языках. Хотя присутствие лошади на Севере в ранний период теперь можно считать доказанным, это была маленькая крепкая лесная лошадка, к которой эпитет «быстрая» едва ли применим. Поскольку, как кажется, у индоевропейцев было слово для обозначения меди, с этим металлом в Скандинавии познакомились позже, поэтому германисты считают, что расселение индоевропейцев началось еще в эпоху расцвета каменного века. Соответственно, профессор Коссинна склонен рассматривать «ayas» («медь», «железо». — *Прим. ред.*) как заимствованное слово, с которым индоевропейцы познакомились уже после начала своего расселения.

Фактически ученики и последователи Пенки имели тенденцию обходиться без помощи данных сравнительного языкознания, полагаясь на аргументы, которые кажутся им настолько убедительными, что другие просто не нужны. Они утверждают, что история всех индоевропейских народов началась из единого центра в Прибалтике, что это можно доказать при помощи археологии и что эта область является единственно возможным центром, из которого начали распространяться индоевропейские языки. Для проверки их утверждений удобно начать с системы профессора Густава Коссинны, которая может считаться в некоторых отношениях наиболее авто-

ритетной. Я попытаюсь кратко сформулировать теорию, которую он начал обосновывать с глубоким знанием археологического материала, но я опущу массу второстепенных деталей, которые делают его труды сложными для восприятия.

Когда отступление последних ледников сделало северную часть Европы пригодной для жилья, некоторые потомки палеолитических охотников на северного оленя продвинулись туда с территории Западной Европы. Около 10 000 года до н.э., по хронологии Коссинны, они обосновались на берегах ряда озер, заполнивших впадину, которая впоследствии стала Балтийским морем. Главные центры их культуры должны были располагаться в Скандинавии, но остатки культуры этих племен найдены от Голдернесса в Йоркшире до Латвии. Эти группы населения, названные Коссинной носителями доббертинской культуры, но больше известные в Англии под названием маглемозиан, были все еще только охотниками и рыбаками, подобно своим далеким предкам, жившим в палеолите. Подобно последним, они широко использовали кости и рога — причем обрабатывали эти материалы очень умело, — но они также использовали и крошечные осколки кремня, которые обычно называют микролитами, для оснащения гарпунов, а также для многих других целей. Они умели также из кремневых отщепов изготавливать топорики и наконечники копий — подобные орудия были неизвестны позднепалеолитическому населению Европы. Среди доббертинского населения можно найти как короткоголовых, так и длинноголовых индивидуумов (последние были потомками высоких кроманьонцев Западной Европы). Коссинна считает их одновременно предками и индогерманцев (ариев), и финнов, предполагая, что они говорили на агглютинативном языке, от которого впоследствии произошли праиндоевропейский и прафинноугорский языки.

Прошли столетия, побережье Северного моря опустилось, и соленая вода хлынула в древние озера, положив таким образом начало формированию Балтийского моря. В этот период, начинающийся, согласно Коссинне, около 6000 года до н.э., климат был теплее, чем сегодня; Европа тогда наслаждалась «климатическим оптимумом», и воды нового моря кишели рыбой. Новые и более благоприятные условия жизни повлекли за собой изменение обычаев древнего народа рыболовов. Более консервативный элемент, главным образом брахицефалы, держался возле пресной воды и продолжал использовать, хотя и с небольшими модификациями, костяную индустрию культуры маглемозе-доббертин. Эти косторезы, которые теперь на-

чали распространяться и в восточном направлении, получили от Коссинны наименование «протофиннов», то есть предков финнов. Более восприимчивая к новшествам часть населения Скандинавии, главным образом долихоцефалы, использовала в своих интересах обильную добычу, которую можно было извлечь из теплой соленой воды, и стала жить в прибрежной зоне. Именно эта часть населения, которую Коссинна называет носителями эллербекской культуры, создала хорошо известную культуру датских мусорных куч, в которой искусство обработки кремня получило особое развитие. В конечном итоге они изобрели керамику, одомашнили некоторых местных животных и начали культивировать дикие злаки. Некоторые группы их становились поселенцами Британии и Северной Франции, куда они принесли культуру, широко применявшую кремень и получившую название «кампанская». Другие переселенцы отправились в восточном направлении, заселив территории Литвы, Польши и Волыни. Коссинна считает, что они даже достигли Месопотамии, где стали известны как шумеры, так что предполагаемая близость между шумерским и индоевропейским языками наконец получает свое объяснение. Ни один из этих народов все же не был индоевропейским — Коссинна называет их протоиндогерманцами, — но они были на пути к тому, чтобы стать индоевропейцами.

Те же, что остались дома, в Скандинавии, также сделали существенный шаг вперед в своем развитии, когда начали полировать кремневые топоры. Что представляла собой культура неразделенных индогерманцев, мы не будем обсуждать. Они занялись земледелием и скотоводством около 4500 года до н.э. (по хронологии Коссинны), могли полировать кремень, но у них не было орудий из металла. Однако период индогерманской общности не продлился долго. Около 4000 года до н.э. «расселина, которой суждено было пройти между языками групп «сатем» и «кентум»[1], разъединила народы». Те, что произносили «k» как «s», отправились в южном направлении через Силезию и создали дунайскую культуру. Теперь они стали южными индогерманцами. В Венгрии они обнаружили и начали эксплуатировать местные медные рудники, создавая среди прочих вещей своеобразные боевые топоры. В конечном итоге то-

[1] Две группы языков, произошедшие из одного древнеиндоевропейского праязыка, получившие свое название от числительного «сто» на классической латыни (**кентум**) и древнеиранском языке (**сатем**). — *Прим. ред.*

поры подобного типа проникли и на Кавказ. Кроме того, культуры расписной керамики в Трансильвании и на Украине испытали на себе влияние расселявшихся в восточном направлении южных индогерманцев долины Дуная. Но они были вынуждены уступить свои территории продвигавшимся вперед индогерманцам Севера; народы группы «сатем» были вытеснены с территории Украины и вынуждены были переселиться в Грецию, где они стали известны как фракийцы и даже создали минойскую цивилизацию. В это же самое время другая их часть направилась в восточном направлении и принесла с собой расписную керамику в Анау и Сузы.

Тем временем та часть населения, которая осталась дома, на побережье Балтийского и Северного морей, и которую теперь принято называть северными индогерманцами (Nordindogermanen), освоила искусство возведения дольменов[1], проникшее в Скандинавию через Ирландию из Испании. А затем начался период быстрого прогресса во всех областях и экспансии во всех направлениях. Северные индогерманцы, ставшие теперь воинами, скотоводами, земледельцами и мореплавателями, волна за волной отправлялись на завоевание новых территорий.

Перед тем как углубиться в рассмотрение этих колонизационных потоков, которые профессор Коссинна детально рассмотрел в своих ранних работах, но не уделил должного внимания в своей последней монографии, мы должны сделать паузу, чтобы рассмотреть некоторые пункты его теории. Вопрос об эволюции раннего населения, занятого собирательством продовольствия, может быть рассмотрен позднее: происхождение культуры маглемозе следует искать скорее на юге или на юго-востоке Европы, чем на западе континента; геологические даты, принятые нашим автором, представляются слишком завышенными; ссылка на шумеров является ничем не обоснованной спекуляцией, а спонтанное возникновение сельского хозяйства на берегах Балтийского моря кажется маловероятным. Но никто из тех, кто читал предыдущие страницы этой книги, не может согласиться с его точкой зрения, что происхождение культуры долины Дуная связано со Скандинавией. Однако немецкий

[1] От бретонского **tol** — стол и **men** — камень. Мегалитическое сооружение в виде большого каменного ящика, накрытого плоской плитой. Распространены в приморских районах Европы, Азии и Северной Африки. (Большой энциклопедический словарь. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997.) — *Прим. ред.*

профессор рассматривает эту гипотезу как аксиому, не требующую никаких доказательств. «Вплоть до сегодняшнего дня, — пишет он, — мы не преуспели в установлении методами археологии связей между северными и южными индогерманскими культурами в том смысле, чтобы можно было проследить процесс разделения между первыми и вторыми, а также продемонстрировать наличие между ними единства. Это является досадным упущением в интерпретации археологического материала».

Мы ранее уже показали, что происхождение расписной керамики с территории Украины нельзя напрямую связать с долиной Дуная. Идея относительно того, что минойская цивилизация была основана варварами, пришедшими из Фракии, является фантазией, которая не нуждается ни в каких опровержениях в англоязычных странах. И даже если согласиться с явно неправдоподобными датами, которые Коссинна предлагает для Севера, все равно все его попытки доказать происхождение расписной керамики Элама и Месопотамии из Юго-Восточной Европы представляют собой явную хронологическую нелепость. Все это означает, что южные индогерманцы Коссинны должны быть устранены из схемы германистов. И со всем должным уважением к этому исследователю я утверждал бы, что *они там вообще не нужны*. Однако и другие германисты, помимо берлинского профессора, придерживаются подобных взглядов. Шлиц утверждает, что даже самые ранние носители дунайской культуры были северянами; Шмидт, Шушхардт и Вильке связывают происхождение расписной керамики Юго-Восточной Европы с лишенной росписи керамикой дунайской культуры и называют ее создателей фракийцами.

Тем не менее, хотя мы и должны отказаться от отождествления носителей дунайской культуры с южными индогерманцами и от теории их скандинавского происхождения, остается множество вероятных или по крайней мере предполагаемых переселений с Севера, с которыми при необходимости можно связать распространение языков «сатем» и «кентум». Утверждения профессора Коссинны относительно северных индогерманцев представляются более обоснованными. Группы переселенцев, которые он прослеживает, могли быть если и не северными индогерманцами, то по крайней мере индоевропейцами. В отношении этих переселений между исследователями намного больше согласия; для областей, удаленных от Германии, можно сослаться на труды Аберга, Козловски, Менгига и Таллгрена. Эти исследователи хотя и расходятся с Коссинной в не-

которых деталях, тем не менее сходятся с ним в главном. В дальнейшем я попытаюсь изложить обобщенную картину выводов школы германистов.

Мы действительно находим в то время на берегах Балтийского и Северного морей примитивное население культуры мусорных куч, жившее на территории Дании, Швеции и Норвегии, а также остатки современного им населения культуры маглемозе-доббертин, обитавшего на берегах пресноводных озер. Даже если допустить, что население культуры мусорных куч сделало первые шаги в освоении земледелия и приручении животных, оно все же находилось на крайне низкой ступени развития и держалось в основном прибрежной полосы. Несколько разрозненных групп, возможно, переселились на юг, но в целом первозданный лес представлял для них непреодолимый барьер, окружавший их крохотный мирок на побережье Балтики.

Туда прибывали гости с моря, приплывавшие с юго-запада, которые, возможно, искали здесь месторождения янтаря. Как отмечает профессор Коссинна, вновь прибывшие не могли быть очень многочисленными, но для простых рыбаков они казались героями. Пришельцы, возможно, даже основали на этих холодных берегах свои династии, представители которых требовали для себя божественных почестей и считались потомками бога Солнца, в чем нас пытается уверить Перри, хотя на самом деле они вскоре были ассимилированы местным населением. В любом случае, не вызывает сомнения, что мореплаватели с Запада принесли с собой в Скандинавию культ мертвых, с которым ассоциируется мегалитическая погребальная архитектура — первые простые дольмены, а затем и более претенциозные конструкции. С их же влиянием, по моему мнению, следует связать внезапное усовершенствование орудий труда и переход к регулярным занятиям земледелием и скотоводством.

Впитав в себя эти достижения духовной и материальной культуры, население прибрежной зоны начало расселяться в глубь материка, чтобы найти новые земли для пашни и пастбищ. Еще до 3000 года до н.э., по завышенной хронологии Коссинны, первые переселенцы начали распространяться на запад вдоль побережья Северного моря вплоть до Зюйдер-Зе, возводя вдоль всего своего пути дольмены, а затем, убедившись в бесплодии местных земель, устремились на юг. Восточнее их более предприимчивые группы населения, гоня перед собой стада, пересекли Вислу. Некоторые из них отправились в Галицию, некоторые повернули на запад и достигли Силе-

зии через Познань. Эта группа переселенцев, однако, не строила мегалитов, но хоронила своих умерших в отдельных маленьких каменных гробницах. В верховьях Одера они встретились с земледельцами дунайской культуры. Иногда они истребляли последних и селились на их землях: в Ношшвице (Нижняя Силезия) деревня «северян», состоявшая из прямоугольных зданий, была построена на руинах поселения «дунайцев». В другом месте они смешались с «дунайцами»; на большом некрополе в Йорданшмюле (Верхняя Силезия) погребения северян и носителей дунайской культуры II расположены рядом. Но «дунайцы», с которыми мигранты здесь смешались, не были простыми крестьянами первого периода, это был уже более развитый народ, который оставил после себя погребения с черепами, присущими северному типу, что мы можем наблюдать в Ленгиеле (Венгрия). Должны ли мы искать происхождение этой группы населения в Силезии и выводить отсюда северный элемент, найденный в Венгрии? Это было бы смелым шагом, и археологи из Силезии, Богемии и Моравии пока не готовы его сделать.

В любом случае, тот же самый поток переселенцев с севера, который достиг Силезии, проследовал далее курсом на запад в сторону Эльбы и Заале, где они встретились с другими потоками; все это время они двигались на юг по направлению к Центральной Германии. После себя они оставили мегалитические гробницы и керамику северного типа, которые повсеместно охватывают север Германии и проникают далее на юг по течению Эльбы и Заале. Однако необходимо помнить, что северные культуры в Германии являются отнюдь не однородными. Некоторые народы устраивали коллективные захоронения в мегалитических гробницах, другие — на постоянных кладбищах в отдельных могилах; разнообразие типов керамики вызывает изумление; встречаются как длинно-, так и короткололовые черепа. Создается впечатление, что эти народы возникли в результате постоянного смешивания отдельных родов или племенных групп. Им часто приходилось воевать, находки образцов каменного оружия не поддаются исчислению. Но существование регулярных торговых отношений между различными группами засвидетельствовано распространением янтаря и других предметов потребления.

Здесь мы должны сделать небольшое отступление, чтобы исследовать загадочные явления в самом сердце всей этой мешанины, непосредственно в Скандинавии. На ее территории, особенно в Дании, можно выделить не менее трех различных культур. Сперва сю-

да прибыли потомки доббертинцев (или эллербекцев), жившие в Норвегии и внутренних частях Швеции, которых пока не затронула своим влиянием цивилизация строителей мегалитов и которые занимались собирательством и охотой, используя при этом орудия из кости и сланца. Затем на побережье появились строители мегалитических гробниц, которые, как мы видели, стали распространяться в южном направлении. Третья группа весьма отличалась от двух предыдущих. В отличие от строителей мегалитов, которые устраивали коллективные захоронения, где члены одного семейства или племени хоронились вместе в течение нескольких поколений, и в отличие от собирателей, у которых, как кажется, вообще не было четко установленных погребальных обрядов, представители третьей культуры хоронили своих покойников каждого в отдельной могиле. Изнутри ее обкладывали камнями, а сверху насыпали курган. Наиболее древние из этих могил в Ютландии синхронны дольменам на побережье и часто содержат похожий погребальный инвентарь. В последующий период отдельные могилы составляют изолированную группу памятников. Не только их форма, но также и погребальный инвентарь — керамика, украшенная отпечатками шнура, навершия булав сфероидальной формы, специфические типы каменных топоров и специальные виды украшений — совершенно отличаются от тех, что встречаются в современных им коллективных могилах — мегалитах. Кроме того, эти отдельные могилы занимают всю внутреннюю часть Ютландии, что также отличает их от мегалитов. Нет сомнения в том, что они принадлежат отличному от строителей мегалитов и воинственному народу — мы можем назвать их культурой носителей боевых топоров, — который остановил распространение строителей мегалитов в этом направлении и который в значительной степени жил за счет дани, собираемой со своих прибрежных соседей.

Кто эти люди? Коссинна говорил, что они были потомками «протофиннов» доббертинской культуры, которые подверглись индогерманизации. Возник ли этот воинственный народ под влиянием недовольных побочных династий «архаичной (мегалитической) цивилизации» на побережье, как это описывает Перри, и как это соотносится с «индогерманизацией» Коссинны? Или же воинственные пришельцы прибыли из внутренних областей континента, как это предполагают Софус Мюллер, Кнут Стьерна и Нордманн? Представителей этой культуры можно также встретить в Тюрингии, на юге Швеции и в Финляндии. Группа курганов в Тюрингии располо-

жена на холмах, тянущихся вдоль дороги и возвышающихся над соляными копями в Заале и над «янтарной дорогой» по Эльбе. Создается впечатление, что их строители брали пошлину за торговлю в Центральной Германии точно так же, как их родственники в Ютландии — за торговлю в прибрежной зоне. Курганы в Тюрингии скрывают могилы точно такой же формы, как и в Ютландии, и содержат аналогичный погребальный инвентарь — керамику со шнуровым орнаментом, каменные топоры и навершия булав сфероидальной формы. Меньше аналогий удается обнаружить как между погребениями с боевыми топорами в Швеции и Финляндии и погребениями в Ютландии и Тюрингии, так и между собой. Мы использовали слово «аналогии» намеренно, поскольку чрезвычайно трудно доказать происхождение одной группы непосредственно от другой.

Таким образом, можно сделать вывод, что происхождение народа боевых топоров является для германистов ключевым вопросом. По их мнению, не только черепа из курганов Тюрингии являются типично скандинавскими, но именно с народом боевых топоров связано несколько культур, которые могут быть идентифицированы как индоевропейские. Носители культуры круглых курганов Британии и протокельты, погребенные в курганах бронзового века Баварии, являются прямыми потомками народа боевых топоров из Тюрингии, представители которого лежат под курганами каменного века в долине Рейна; то же самое можно сказать о Скандинавии и севере Германии, где существовала цивилизация отдельных могил, которая в конечном счете становится доминирующей и поглощает культуру мегалитов и рыболовов так, что их дальнейшие следы проследить не удается. На мгновение, однако, мы согласимся с доктриной Коссинны о местных корнях этой культуры в Ютландии и рассмотрим культуры боевых топоров Тюрингии, Швеции и Финляндии как полученные оттуда. С этим предположением мы можем проследить более близко распространение нескольких волн скандинавских племен.

Шумные отряды, которые продвигались на юг через Центральную Германию, поначалу не проникали к югу от высот вокруг Магдебурга; далее на юг жили земледельцы дунайской культуры. Однако пришло время, когда грубые скандинавы вторглись в долину Дуная. Поначалу процесс проникновения шел медленно, и отдельные семейства или группы принимались в состав общин «дунайцев». Подобным образом можно объяснить присутствие подлинных сканди-

навов среди «дунайцев», когда они в относительно поздний период заселили Рейнскую область из Тюрингии. Но в конечном итоге варвары с Севера напали на общины крестьян и подчинили их себе — мы уже описывали этот процесс. И даже еще до того, как центральный клин переселенцев пересек границу дунайской культуры на Эльбе и Заале, более восточная группа захватчиков, которых мы оставили в Силезии несколькими страницами ранее, продвинулась на юг, в Моравию, и на запад, к Эльбе. Некоторые из этих переселенцев, должно быть, достигли восточных склонов Альп; каменные боевые топоры, похожие на те, что были найдены на приозерных поселениях Австрии и на сухопутных поселениях Баварии, были найдены в плитовых гробницах Галиции. Другая часть этой же группы, как мы уже видели, проследовала в восточном направлении, в Галицию и далее за ее пределы.

Вторая волна переселенцев проникла еще дальше в глубь Юго-Восточной Европы. Начав свой путь из Дании или из Центральной Германии, как полагал Коссинна, они проникают в долину Днестра и на Украину, возможно, что они даже достигли Кавказа; свидетельствами этого вторжения являются в первую очередь так называемые шаровидные амфоры. Подобные сосуды из Восточной Галиции и Украины идентичны по форме орнаментации тем, которые были найдены в Центральной Германии. Тем же самым мигрирующим скандинавским ордам Коссинна приписывает возведение мегалитических гробниц, найденных между Одером и Вислой, а также дольмены побережья Черного моря. Можно не сомневаться, что некая связь между кавказскими дольменами и одним из вариантов скандинавской мегалитической культуры все же существует; два специфических двойных дольмена на Кубани и на Кавказе идентичны по форме дольмену в Баальберге, что в долине Заале, во всех случаях они содержат те же самые типы сосудов. Хотя кавказские гробницы содержали и предметы из металла, которые обнаруживают явное месопотамское влияние, нет ничего невероятного в том, что они могли быть построены по приказу некоего скандинавского вождя из Германии. И позже подобные своеобразные мегалитические гробницы сооружались к югу от Кавказа, на Каспийском побережье. Здесь мог бы появиться авангард скандинавских воинов, продвигавшихся в сторону Ирана, чтобы стать там индоиранцами.

Еще обширнее была территория расселения кочевых воинов, которые хоронили своих умерших в отдельных могилах под курганами, снабжая их украшенными шнуровым орнаментом сосудами.

В западном направлении они распространились от Тюрингии до долины Рейна, где заняли господствующее положение среди населения холмов. Смешавшись со «следопытами», они вторглись в Британию, как это сделали носители культуры круглых курганов, в то время как другие, оставшиеся в долине Рейна, начали сжигать своих умерших сородичей. Они вторгаются на территорию Швейцарии со своими боевыми топорами и с украшенной шнуровым орнаментом керамикой, а в горной местности на юге Германии формируют ядро культуры строителей курганов бронзового века, от которых позднее могла произойти гальштатская цивилизация. Этот же народ в каменном веке достиг побережья Северного моря, и его культура сменила мегалитическую культуру Голландии. Далее к югу мы уже видели, как вторая волна скандинавов, завоевавшая земледельцев дунайской культуры, принесла с собой украшенную шнуровым орнаментом керамику в Моравию и Богемию; наличие такой же керамики в Венгрии и Трансильвании свидетельствует о том, что эти же группы пришельцев проникли сюда с севера и юго-востока.

В восточном направлении народ боевых топоров продвинулся еще дальше, в Южную Россию, где он представлял собой третью волну индогерманских переселенцев. Коссинна проследил их путь к Черному морю и Дону; курганы там содержат каменные топоры и сосуды, украшенные отпечатками шнура, точно так же как и в Ютландии или Тюрингии, а физический тип пришельцев был истинно скандинавским. Кремневые кельты[1] и каменные топоры, которые неожиданно появляются среди носителей культуры расписной керамики Болгарии, могли быть занесены туда этими же самыми переселенцами. Аберг выводит происхождение церемониального оружия владык Трои от датских топоров через посредство типов, получивших распространение в Южной России (не вызывает сомнения, что топоры, найденные в Трое, явно восточноевропейского типа, близкородственные типам из Силезии).

Еще одно переселение было прослежено профессором Таллгреном, который считает странников индогерманцами, хотя Коссинна называет их «финнами». В долине Верхней Волги имеется несколько некрополей, состоящих из отдельных могил, выложенных камнями, точно так же как и могилы в Ютландии. Они содержат кремневые кельты, ожерелья из зубов, сосуды, формы которых не

[1] **Кельт** — полый бронзовый топор с коленчатой рукоятью. — *Прим. ред.*

очень отличаются от таковых же из шведских погребений носителей культуры боевых топоров, которых Таллькрен теперь рассматривает как выходцев из Дании. Эту цивилизацию называют фатьяновской культурой. Согласно профессору Таллькрену, она возникла вследствие продвижения воинственных племен из Скандинавии, возможно, через Восточную Пруссию или Финляндию (где культуры боевых топоров также известны) в Центральную Россию. В данном районе этот автор не находит продолжения фатьяновской культуры, но на Кавказе, в медном веке на Кубани, она могла бы получить дальнейшее развитие. Не вызывает сомнения, что сокровища кубанских могил попали туда из Месопотамии, но, вероятно, и не только оттуда. Таллькрен пишет: «Как и во время великих переселений первых столетий нашей эры, северные варвары заняли троны восточных правителей и спрятали в своих могилах награбленные сокровища». В таком случае мы имели бы дело с потоком северных индоевропейцев, который встретился с другим потоком, идущим через степи, но на этот раз в сторону Древнего Востока, где они появились как правители Митанни, хетты, персы и индусы.

Наконец, в Скандинавии и на севере Германии цивилизация бронзового века, которая должна была принадлежать древним германцам, является прямым потомком местной цивилизации каменного века, оплодотворенной торговлей с Британией, Богемией, Венгрией и Италией, однако развивавшейся без смены населения и культуры.

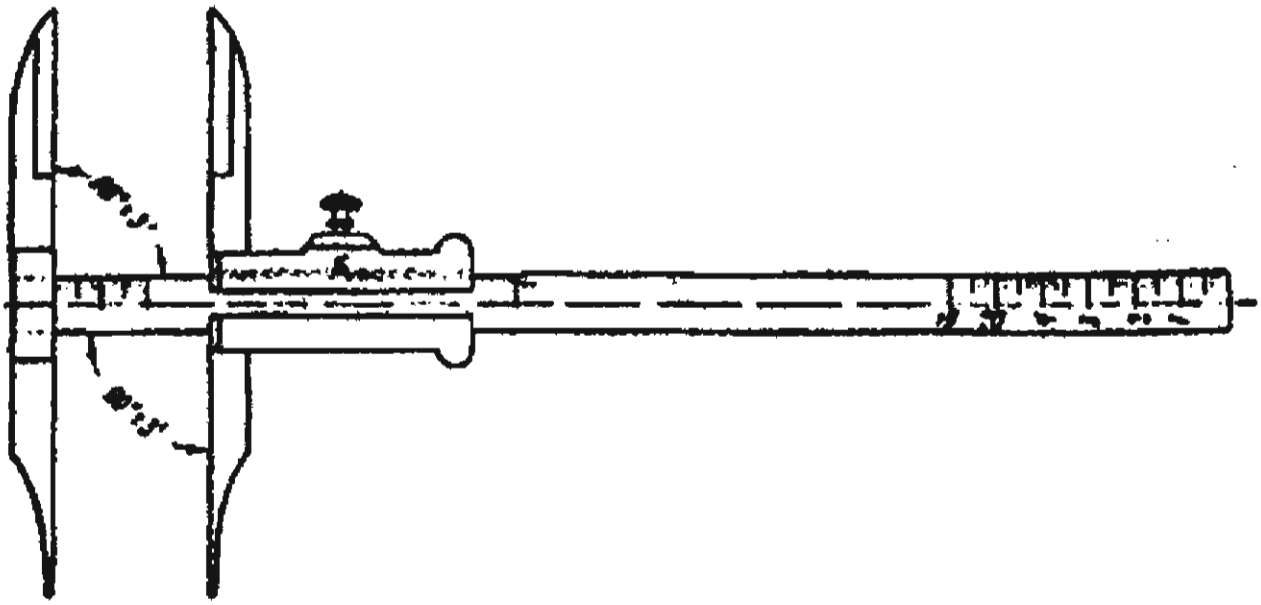
Итак, перед нами схематическая картина расширения скандинавской цивилизации и основного ее этнического компонента из Скандинавии и Германии. События доисторического прошлого предшествуют эпохе Великого переселения народов первых столетий нашей эры. Но эти переселенцы, которые стремились к центрам древней культуры и завоевали их в конце каменного века, еще не были германцами, их можно рассматривать как индогерманцев, индоевропейцев. Куда бы они ни последовали в своих странствиях, в конечном итоге они появляются под названиями кельтов, италиков, эллинов и индоиранцев. Что касается финнов, лингвистические связи которых с индоевропейцами являются существенной частью теории Пенки и Коссинны, их культуру легко идентифицировать. От Норвегии до Урала протянулась довольно архаичная неолитическая культура, для которой характерны орудия труда из кости или их имитации из сланца, круглодонные горшки и натуралисти-

ческая лепная пластика. Характерные черты материальной культуры свидетельствуют о родстве ее создателей с носителями культуры маглемозе-доббертин и, следовательно, об их западном происхождении. Но, ограниченное лесами и болотами сурового Севера, это население задержалось в своем развитии и долго оставалось на стадии собирательства, несмотря на наличие меновой торговли и контактов с народом боевых топоров. Эти примитивные охотники вполне могут быть предками саамов и финнов, хотя последние превратились в отдельный народ гораздо позже, и произошло это в Приуралье. Таким образом, связи финнов с индоевропейцами нашли бы свое удовлетворительное объяснение. Мы должны и далее иметь возможность отвечать на возражения, высказанные де Мишели и другими исследователями против гипотезы о северной (или восточной) европейской колыбели индоевропейцев. «Почему, — спрашивают они, — мы приписываем особые достоинства скандинавской расе и ее арийской речи, если финны при этом не были индоевропеизированы?» Мы могли бы на это ответить: поскольку финны были оттеснены в неприветливые леса и болота, то ни эти приполярные области, ни их дикие жители не вызывали никакого интереса у индоевропейцев, которые предпочли наслаждаться плодами труда других, освоивших для себя непроходимую лесистую местность.

Таким образом, получается, что доктрина германистов представляет собой наиболее всеохватывающий и последовательный синтез истории индоевропейских народов. Это единственная доктрина, которая опирается на объединенные результаты последних археологических исследований и данных филологии. В то же самое время это один из самых достоверных и, конечно же, самый сжатый очерк развития европейской цивилизации, который когда-либо был представлен на обсуждение. Действительно, если она сможет доказать свою состоятельность и в свете данных этнологии и археологии, ее, вероятно, и нужно будет считать самым достоверным решением индоевропейской проблемы.

КРАНИОЛОГИЯ

Пожалуй, ни одна из прикладных антропологических дисциплин не подвергалась в последнее время такой критике, как краниология (наука о черепах. — *Прим. ред.*). Несмотря на то что измерения



Специальный циркуль для краниологических измерений

черепной коробки (краниометрия) практикуются до сих пор[1], многие критики (главным образом из числа предвзятых историков и публицистов) пытаются свести эту научную отрасль исключительно к пресловутым нацистским замерам черепов. С одной стороны, ряд подобных обвинений в какой-то мере справедлив, так как без краниологии расовая программа нацистов не носила бы столь всеобъемлющего характера. Но с другой стороны, ответственность за применение полученных данных должна была быть возложена на медиков и антропологов, а не на *сугубо научную отрасль*.

Для того чтобы дать читателю представление о краниологии как науке и, в частности, об одном из ее важнейших методов — краниометрии, приведем цитаты из монографии В. Алексеева и Г. Дебеца «Краниометрия. Методика антропологических исследований»[2]:

«Краниология издавна является одним из важнейших разделов этнической антропологии. В середине XIX века, когда антропология выделилась в самостоятельную отрасль знания, представляющую собой «переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории»[3], краниологические исследования составляли ос-

[1] Краниометрия широко используется, например, в ортодонтии (лечение деформаций зубных рядов и челюстно-лицевого скелета), мануальной краниотерапии (лечебный массаж головы), судебно-медицинской экспертизе и др. — *Прим. ред.*

[2] См. список использованной литературы.

[3] Ф. Энгельс. Диалектика природы.

новное содержание новой науки. Но предпосылки к этому были заложены значительно раньше.

Еще в середине XVI века некоторые анатомы предлагали сопровождать изучение черепа измерениями. Это предложение не нашло поддержки как из-за отсутствия соответствующего инструментария, так и вследствие отрицательного отношения к точным измерениям и цифрам большинства морфологов и врачей XVII—XVIII веков, довольствовавшихся описанием. Даже известный геттингенский анатом И. Блюменбах, работавший во второй половине XVIII — первой четверти XIX века (автор расовой классификации и учения о различиях черепов у представителей разных рас), предпочитал пользоваться описательными характеристиками. С другой стороны, предлагавшиеся приемы измерения черепов основывались на выборе случайных соотношений, не были связаны в какую-либо систему и поэтому не получили сколько-нибудь широкого распространения.

Однако еще в середине XVIII века разносторонний анатом и талантливый художник датчанин П. Кампер разрабатывал краниометрическую методику. Он впервые указал на необходимость установки черепа в определенной горизонтальной плоскости при краниометрических исследованиях. Была выбрана плоскость, проходящая через середину слуховых отверстий и нижний край грушевидного отверстия[1]. Вертикальная профилировка лица оценивалась им при помощи угла между упомянутой плоскостью и лицевой линией, идущей ото лба до края резцов. Наряду с этим П. Кампер впервые в истории антропометрии ввел понятие об относительных величинах, или индексах, в дальнейшем занявших прочное место в антропологических исследованиях.

Рубежом, с которого начинается развитие научной краниометрии, следует считать 1842 год, когда появилась работа шведского анатома А. Ретциуса о форме головы у населения Северной Европы. В ней Ретциус впервые применил классификационный принцип к черепным размерам, разделив все народы земного шара на короткоголовых — брахицефалов и длинноголовых — долихоцефалов. Для определения формы головы он предложил черепной (на живых — головной) указатель, выражающий ширину черепной коробки в процентах к ее длине. Одновременно с этим черепа подразделялись

[1] **Грушевидное отверстие** — отверстие в черепе на месте носа. — *Прим. ред.*

на ортогнатные (с вертикальным профилем лица) и прогнатные (с выступающими вперед челюстями). Таким образом, все народы мира были распределены по форме черепа на четыре группы. Эта классификация, пусть даже очень схематичная, показала пользу краниометрических исследований и значение их для установления родственных взаимоотношений между народами. Она получила широкую известность и оказала большое влияние на развитие антропологии.

Дальнейшее развитие краниометрической методики связано с деятельностью основателя Парижского антропологического общества П. Брока. В его исследованиях содержалась система измерений черепа, включающая удачные приемы, введенные его предшественниками, но в основном разработанная самим Брока. Предложив почти все краниометрические точки, употребляемые в настоящее время, и точно определив многие измерения черепа, он тем самым избавил краниологическую литературу от царившей в ней путаницы. В этом отношении огромную роль сыграли его «Антропологические инструкции», напечатанные в 1864 году, — первое серьезное руководство по краниометрии и антропометрии в мировой антропологической литературе. Вместе с точным оп-

Андерс Ретциус

Пауль Брока

ределением краниометрических точек и измерений Брока ввел горизонтальную плоскость, которая широко применялась во французских работах по краниологии. Эта плоскость была проведена через нижние точки суставных бугров затылочной кости и альвеол передних резцов и была названа альвеоло-кондилярной.

...Измерительная схема Брока не получила всеобщего признания. В частности, она не была принята немецкими учеными. Это объяснялось как националистическими тенденциями, так и отчасти неудобством его горизонтальной плоскости. В немецкой краниометрической литературе использовались схемы Р. Вирхова и ряда других исследователей. Хотя они мало отличались друг от друга и от схемы Брока, но все же пользование разными схемами затрудняло сопоставление измерений, производившихся по разной методике.

Известным шагом вперед на пути унификации краниометрической методики было франкфуртское соглашение 1882 года. Фактически это соглашение предусматривало ряд взаимных уступок крупнейших немецких краниологов того времени и не привело к введению в краниометрическую практику принципиально новых приемов. Единственным исключением было принятие новой горизонтальной плоскости для некоторых линейных и угловых измерений. Она проводилась через нижние края орбит[1] и верхние точки наружных краев слуховых отверстий и получила наименование ушно-глазничной, или франкфуртской. Однако Брока категорически отказался признать программу франкфуртского съезда и, в частности, франкфуртскую плоскость.

Основные различия в краниометрических программах сводились к следующему. Французские антропологи измеряли основные диаметры черепной коробки независимо от какой-либо горизонтальной плоскости. Высоту лица они определяли от офриона[2]. Немцы измеряли продольный диаметр черепа параллельно франкфуртской горизонтали, высотный — перпендикулярно к ней. Верхней точкой высоты лица был избран назион»[3].

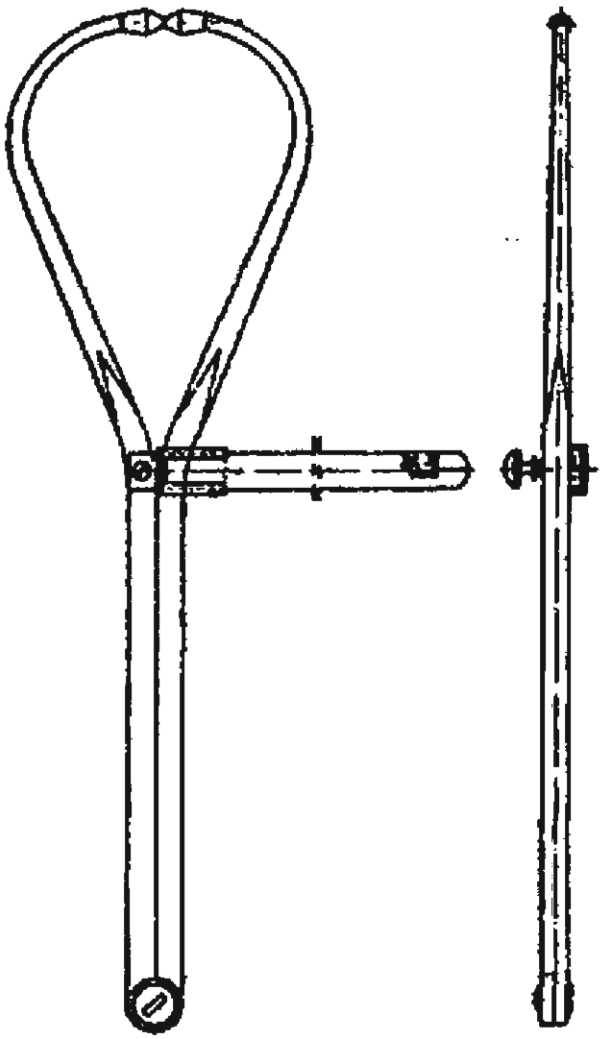
---

[1] **Орбиты** — глазницы. — *Прим. ред.*

[2] **Офрион** — точка на лбу, на пересечении **срединной плоскости** (вертикальной плоскости, «делящей» тело на две симметрические части) и касательной к надбровным дугам. Разные антропологи определяли высоту лица как расстояние от **офриона** до **гнатиона** (точки на срединной плоскости под подбородком) либо от **назиона** до **гнатиона**. — *Прим. ред.*

[3] **Назион** — самая глубокая точка, расположенная на вогнутости между лбом и носом. — *Прим. ред.*

Для проведения измерений в краниометрии используется чрезвычайно многообразный инструментарий, с помощью которого определяются продольные и поперечные размеры черепа и отдельных костей, дуги и окружности, величины углов между плоскостями, проходящими через те или иные точки на черепе. Мы ограничиваемся описанием простейших инструментов, необходимых для любого краниологического исследования. Именно эти инструменты применялись в Третьем рейхе для выяснения расовой принадлежности того или иного человека:



Толстотный циркуль краниолога

«**Толстотный циркуль** состоит из двух складывающихся металлических пластин, соединенных с одного конца винтом. До половины пластины прямые и квадратные в поперечном сечении, с половины — дугообразно изогнутые и круглые. Концы дугообразных частей (они должны быть заострены) соединяются и служат для фиксации крайних точек измеряемого расстояния. В середине одной из пластин, примерно на переходе прямой части в дугообразную, при помощи винта укреплена линейка, на другой пластине на том же уровне и также при помощи винта укреплена обойма, в которую вкладывается линейка. В обойме имеется прорезь, поперек которой укреплена металлическая пластинка, совпадающая с нулевой точкой линейки при сомкнутых концах пластин. На линейке нанесены деления, указывающие в миллиметрах расстояние между разведенными концами циркуля. Размах шкалы — 250 мм. Деления шкалы настолько же меньше миллиметра, насколько расстояние от центра, скрепляющего пластины винта, до линейки меньше расстояния от этой точки до конца ножек. Линейка вынимается из обоймы и, свободно вращаясь на винте вокруг своей оси, укладывается параллельно нож-

кам циркуля, что делает прибор портативным при хранении и перевозке. При пользовании циркуль берется за дугообразные части ножек двумя или тремя пальцами.

Скользящий циркуль представляет собой металлическую линейку с миллиметровыми делениями и перпендикулярно укрепленной на одном конце неподвижной ножкой. Вторая, подвижная, ножка, точно такая же, как и неподвижная, прикреплена к муфте, передвигающейся вдоль линейки. Размер шкалы на линейке — 220 мм. Ножки имеют гладкую внутреннюю поверхность и плотно прилегают одна к другой. Расстояние между концами ножек при отведении подвижной ножки соответствует расстоянию на линейке. Ножки обычно имеют разные по форме концы: один острый, другой закругленный, что позволяет использовать циркуль для различных измерений.

Для измерения ширины носа и орбитных размеров очень удобен один из применяемых в технике штангенциркулей. В краниометрии он используется как скользящий циркуль. У него концы ножек с одной стороны имеют плоскую наружную поверхность, в отличие от плоской внутренней у обычного скользящего циркуля. Они могут быть подведены к нужным точкам с внутренней стороны, что необходимо при измерении расстояний между точками, расположенными на внутренней поверхности какой-либо полости. При пользовании скользящим циркулем неподвижная ножка фиксируется на одной из крайних точек измеряемого расстояния и придерживается одной рукой, тогда как подвижная ножка передвигается большим пальцем другой руки до противоположной точки».

Подводя итог описанию краниологии, еще раз отметим: ее формирование как отдельной отрасли антропологии способствовало появлению на свет немецкой расологии, которая в полной мере была использована нацистами в их преступных целях.

РАСОВАЯ ГИГИЕНА

Одним из первых, кто перенес принципы, разработанные Чарльзом Дарвином, *на историческое развитие* человеческого общества и вообще на все общественные отношения, был немецкий зоолог Эрнст Хекель (1834—1919). Именно он сформулировал основные идеи социал-дарвинизма, которые получили значительный резонанс в биологических кругах. Не в последнюю очередь благодаря

этому Хекеля посмертно провозгласили научным предшественником национал-социализма.

Важные идеи нового течения, социал-дарвинизма, заключались в том, что интересы общества, равно как и любой общности, стояли выше интересов индивидуума. Появление новых естественно-научных разработок приводило к появлению сведений о том, что надо беречь наследственный материал и посредством этого заботиться о процветании общества. Причем само процветание рассматривалось как вполне четкий биологический процесс, которого можно было достигнуть на практике.

Мировоззрение Хекеля нашло свое отражение в так называемом «монизме», причем все развитие событий (как в природе, так и в человеческой культуре) он описывал на основе моноказуального поступательного развития. Хекелевский монизм свидетельствовал о том, что все сущее надо было описывать единой причиной бытия, а значит, не было онтологического различия между бытием и сознанием, разумом и материей, жизнью и смертью, природой и культурой. Все в мире должно было подчиняться одним и тем же законам. В 1906 году Хекель создал в Йене «Монистический союз», который пытался ограничить влияние церкви на школьное обучение и резко выступал против христианской социальной доктрины. Основные идеи Хекеля были изложены в его работах «Естественная история творения» (1868) и «Всемирная загадка» (1899).

Дальнейший толчок для своего развития социал-дарвинизм получил в 1883 году, когда двоюродный брат Чарльза Дарвина, англичанин Френсис Галтон, создал науку, которую назвал евгеникой, что в переводе с греческого означало «улучшение» (в данной ситуации — улучшение рода человеческого). Похожие процессы стали происходить в Германии в последнее десятилетие XIX века. Начало им было положено Альфредом Плёцем (1860—1940) и Вильгельмом Шалльмайером (1857—1919). Вильгельм Шалльмайер в 1891 году написал письмо «Об угрожающей физической дегенерации качеств культурного человека», в котором указывал на факт существования «обратной, негативной евгеники». Он полагал, что надо было бы предотвратить появление на свет слабого потомства. Шалльмайер писал, что прогресс противостоял естественному отбору, способствуя увеличению в обществе доли физически слабых и сокращению физически сильных индивидуумов. Он еще не выдвинул термин «расовая гигиена», но уделял просто гигиене как разделу медицины огромное внимание. В той же самой связи Шалльмайер пропаган-

дирует совершенствование гигиены как раздела медицины, так как это зависело бы, по его представлению, только от исходного пункта, из которого воспользовались бы медициной.

Доктор Плёц выдвинул в 1895 году в своей работе «Способности нашей расы и защита слабых» термин «расовая гигиена», которая за десятилетие превратилась в самостоятельную расовую дисциплину. С 1909 по 1945 год расовая гигиена преподавалась почти во всех немецких университетах. Более того, начавшийся в 1910 году демографический упадок привел к тому, что расовой гигиеной заинтересовались на самом верху немецкого общества, в том числе в правительстве. Само понятие «расовая гигиена», согласно Плёцу, относилось не к отдельному человеку, а к процессу размножения всего человечества. Под расой он понимал «живущую на протяжении поколений совокупность людей, обладающих определенными физическими и умственными качествами». Плёц значительно расширял чисто антропологическое понятие расы, понимая под ней некую «жизненную расу». И хотя немецкая расовая гигиена развивалась во многом независимо от евгеники, порожденной англичанином Галтоном, у обеих наук был одинаковый понятийный аппарат. В своей работе он указывал на то, что увеличение доли «слабых» ставило под угрозу существование самой расы. В качестве расы, к которой принадлежали немцы, Плёц назвал «западных арийцев», не уточняя, что́ он подразумевал под этим термином.

Плёц выступил в качестве не только создателя расовой гигиены, но и ее главного пропагандиста. Пытаясь донести свои идеи до общества и правительства, в 1910 году он создал в Мюнхене так называемое «тайное «Северное кольцо» (в данной организации состоял не только создатель формулы «кровь и почва» Вальтер Дарре, но и главный расовед Третьего рейха Ганс Гюнтер). К 1920-м годам эта организация уже проводила множество выставок, лекций, народных курсов, выпускала радиопередачи и даже снимала кинофильмы. Но главным орудием пропаганды в Веймарской республике оставались книги и журналы.

Расовая гигиена, или евгеника, которая поначалу поддерживалась только отдельными лицами (как правило, врачами или психиатрами), имела двойные целевые установки. С одной стороны, речь шла о контролируемом процессе зачатия будущих поколений, с другой — о предполагаемом улучшении расы. В данной ситуации под расой понимались либо отдельные народы, либо человеческие типы вообще. В большинстве случаев поборники расовой гигиены

придерживались конструкции, предложенной еще Артуром Гобино. На самом верху социальной и расовой лестницы находилась «нордическая» раса, в самом низу — «еврейская» и «черная» расы. Расовые антропологи и расовые гигиенисты дополняли друг друга, как бы являясь двумя сторонами одной медали.

Ганс Гюнтер

Сама же расовая гигиена базировалась на следующих основополагающих принципах:

1) психиатрическом учении о дегенерации, или вырождении;

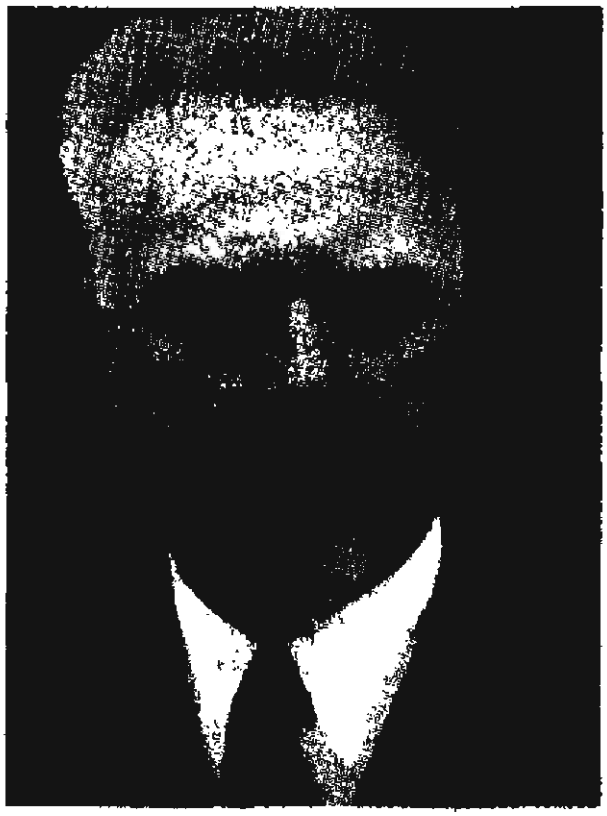
2) дарвиновской теории отбора, перенесенной на человеческое общество, которое рассматривалось с точки зрения «борьбы за существование»; на основании медицинских фактов «доказывалось», что человеческая эволюция больше не в состоянии поддерживать «естественный отбор», то есть выбывание из жизненных и социальных процессов слабых, его место занял обратный отбор, то есть размножение «худших»;

3) представлениях о том, что существуют «неполноценные личности»; данная оценка выносилась на основании оценки физических, умственных и сексуальных аспектов данного человека;

4) вытекающей отсюда идее о наследовании качеств, которые определяли «качество» расы;

5) политическом применении полученных сведений на практике, на что расовая гигиена ориентировалась с самого момента своего появления.

Расовые гигиенисты требовали от государства контроля над рождаемостью. В 1920 году это требование было выражено медиком Шалльмайером в его книге «Наследование и селекция в биографии народов». В этой книге он обозначил появление расовой гигиены как величайшее событие в истории Германии. Расовая гигиена пыталась превратить семейную жизнь в политический инструмент.



Эрнст Рюдин

Данная деприватизация семейной жизни нашла свое выражение в формулировке националистического тезиса о «народном организме», интересы которого были выше интересов любого из индивидуумов. Расовая гигиена вела к девальвации отдельной человеческой жизни; расовый антииндивидуализм ставил под сомнение любые права человека.

Расовая гигиена предполагала финансовое и прочее содействие в деле отбора «здоровых элементов народного организма». Все это должно было дополняться обратными средствами для «нездоровых элементов»: запреты на вступление в брак, изоляция, стерилизация. Эти требования развил расовый гигиенист Эрнст Рюдин (1874—1952), который в 1905 году вместе с Плёцем создал расово-гигиеническую организацию. Речь идет о возникновении Берлинского общества расовой гигиены. Данное общество, кроме всего прочего, требовало запретить вступление в брак гомосексуалистов и производство ими на свет детей.

В 1918 году вопросы стерилизации, которая применялась в немецкой психиатрии с 1870 года, были вынесены в плоскость расовой гигиены. Итоги Первой мировой войны оказались столь негативными для немецкого общества, что расовые гигиенисты стали настаивать на легализации расово-гигиенической стерилизации, которая должна была применяться для того, чтобы:

а) устранять преступные или патологические инстинкты, в частности снизить половой инстинкт;

б) предотвратить появление на свет дегенеративного или душевнобольного потомства.

Стерилизация должна была распространяться на все слои населения. На этом, в частности, настаивал знаменитый немецкий расовый гигиенист Фриц Ленц (1887—1976), который первым в Германии возглавил университетскую кафедру расовой гигиены. Он полагал, что надо было стерилизовать около 30% немецкого населения. Он

рассматривал стерилизацию «как более дешевое и гуманное средство», нежели изоляция или запрет на вступление в брак. Весной 1931 года НСДАП взяла на вооружение расовую гигиену, сделав ее едва ли не центральной частью расовой программы нацистов, которая предполагала проведение массовой стерилизации всех «неполноценных элементов».

Фриц Ленц

Учение о вырождении впервые было достаточно четко сформулировано в 1860 году французским психиатром Морелем. Почти сразу же его наработки были включены в состав расовой гигиены. Поначалу «дегенерацию» относили только к процессам разрушения и восстановления клеток и тканей. Однако с подачи Мореля это слово стало относиться к человеку в целом, прежде всего к человеческой психике. Сама дегенерация, по Морелю, подразумевала «патологическое отклонение от изначального типа». То есть получается, что психиатры и медики сами взяли на себя роль регуляторов социального поведения, осмеливаясь утверждать, что является нормальным, а что — патологическим и больным в поведении отдельного человека. Понятие вырождения, или дегенерации, стало одним из основных инструментов в расовой гигиене. Для выявления «ненормальности», которая могла быть наследственной или навязанной окружающей средой, использовались различные аспекты жизни человека (см. выше описание основополагающих принципов расовой гигиены, п. 3). Эти аспекты во многих случаях приравнивались к болезненным симптомам.

В Германии первым, кто занялся проблемой вырождения, был Пауль Неке (1851—1913), который связал воедино представленную Плёцем расовую программу «гигиены размножения» и «психиатрическое учение о дегенерации». При этом сам Неке уделял особую роль профилактике «социального вырождения» именно психиатрами. По сути, он стал одним из первых пропагандистов идеи прину-

дительной стерилизации, которую он требовал применить ко всем «вырожденцам». Неке стали вторить другие психиатры, например Пауль Юлий Мебиус, который в своих работах «Секс и вырождение» (1903), а также «О физическом слабоумии женщины» (1900) тесно увязывал дегенерацию с половой жизнью. Несколько позже эти идеи были подхвачены Отто Вайнингером, который в книге «Половая жизнь и характер» (1920) подверг острой критике женщин, гомосексуалистов и евреев. Опираясь на идеи итальянского психиатра Чезаро Ломброзо (1836—1909), он пытался установить тесные связи между женской эмансипацией, проституцией, гомосексуализмом и криминальными наклонностями.

Другой медик, Юлий Кох (1841—1908), ввел в 1890 году в оборот понятие «психопатическая неполноценность», в котором он увязывал воедино психопатию и социальные процессы. В итоге психопатия стала синонимом слова «асоциальность». В последующие десятилетия «асоциальный» и «психопатический» приравнивались к «дегенеративному», а стало быть, подлежащему искоренению.

ГАНС ГЮНТЕР — «АПОСТОЛ» НЕМЕЦКОЙ РАСОЛОГИИ

Как таковой, именно Ганс Гюнтер заложил основу немецкой расологии, которая была поднята в Третьем рейхе до уровня науки. Сам Гюнтер был обласкан новыми властями Германии. На партийном съезде 11 сентября 1935 года Розенберг вручил Гюнтеру как первому лауреату премию НСДАП в области науки и подчеркнул в своей речи, что Гюнтер «заложил духовные основы борьбы нашего движения и законодательства Третьего рейха». В том же, 1935 году Гюнтер покидает Йенский университет и становится профессором расологии, этнобиологии и сельской социологии в Берлинском университете и одновременно руководителем расового института в Далеме. Впрочем, успех и популярность к Гюнтеру пришли еще во время существования Веймарской республики. Именно тогда в своей первой работе «Рыцарь, Смерть и Дьявол», написанной на основе переживаний, вынесенных им из боев Первой мировой войны, он попытался показать, что обезумевшие представители белой расы уничтожали себе подобных. Гюнтер приходил к выводу о необходимости формирования некого паннордизма. «Если бы люди чисто нордической крови, будь то русские или итальянцы, будь то англичане, немцы, французы, испанцы и скандинавы; если бы люди норди-

ческой расы сумели выступить сплоченно, независимо от языков, сословий, цивилизаций во всех частях света, как это умеет делать еврейская раса, то история всего Запада и Нового Света была бы иной, и господство нордической расы диктовало бы Земле героические законы». Позже он предложил рассматривать нордическую идею как философский комплекс естественно-научных, биологических и расово-политических проблем. Нордический идеал, воспетый Гюнтером, очень быстро сделался после 1933 года неким расовым образцом. Работы Гюнтера еще при жизни оного становились «расовой классикой». Именно его система расового деления Европы была заложена в основу демографической и расовой политики Третьего рейха. В первую очередь это касалось СС.

Ганс Гюнтер в начале своей деятельности

Разберем вкратце его классификацию расовых типов, присутствующих в Европе (это необходимо для понимания последующего материала).

Гюнтер выделял несколько основных европейских рас, части из которых он дал собственные (впоследствии прижившиеся в антропологии и расологии) названия. Из прежних названий он сохранил только нордическую и динарскую расы.

1. Нордическая раса.

2. Западная раса. Гюнтер выбрал название «западная» раса, потому что оно лучше, чем «средиземноморская», указывало на область распространения этой расы. Название «средиземноморская» может отвлечь внимание от того факта, что люди этой расы живут также в Шотландии, Южной Англии и Ирландии.

3. Динарская раса.

4. Восточная раса. Подобное название было выбрано, поскольку оно указывает на связь с Азией, но не настолько сильную, чтобы причислять представителей данной расы к монголоидам. Прежнее ее название, «альпийская», по мнению Гюнтера, было не совсем

точным, так как в Альпах встречалось множество представителей динарской расы.

5. Восточно-балтийская раса.

6. Фальская раса. Название было дано Гюнтером так. Вестфалия (дословный перевод — Западная Фалия) — это та область Европы, где лучше всего сохранились остатки древней кроманьонской расы. Поскольку слово «фальский» как название племени больше не применялось, то Гюнтер использовал его для названия расы.

Если говорить о физических признаках людей нордической расы, то они обладают высоким ростом и стройной фигурой. Согласно Гюнтеру, мужчины нордической расы кроме высокого роста отличаются широкими плечами и узкими бедрами. Расовой стройностью, несмотря на женственные формы тела, отличаются и нордические женщины. Здесь наблюдается эффект так называемой ложной худобы: нордические женщины в одежде кажутся худыми, несмотря на развитые телесные формы.

В соответствии с краниологическими принципами представители нордической расы должны были обладать длинным черепом и узким лицом. Средний черепной указатель около 74 (на голове живого человека это соответствует цифре 75—75,5). Ширина нордической головы относится к ее длине как 3:4. Многие расологи доводили продольно-поперечный указатель для живых представителей нордической расы до 77,9, и даже до 79. Ширина нордического лица относится к длине как 10:9, но частым бывает и соотношение 10:10. Можно сказать, что лицевой указатель нордической расы выше 90. Длинноголовость в сочетании с узколицестью делает форму головы такой, что ее можно заключить в прямоугольник. Эта форма должна была бросаться в глаза у людей с короткими волосами или лысых, особенно при поворотах головы. Если круглая голова при повороте не меняет форму — шар выглядит одинаково со всех сторон, — то при повороте нордической головы особенно бросаются в глаза две длинные боковые плоскости. Черты лица в профиль ярко выражены. Лоб с наклоном назад, глаза глубоко посажены, выступающий нос. Особенно резко выступает подбородок. Гюнтер писал по этому поводу: «Наличие трех выступающих частей производит впечатление агрессивности. Когда художник хочет выразить в чертах лица качества вождя, смелость, силу воли, он всегда рисует более или менее нордическую (или нордически-динарскую, или нордически-фальскую) голову». Ко всему этому добавлялись светлые кожа и волосы, голубые или серые глаза.

Ганс Гюнтер работает в расовом архиве

Однако нордический человек должен был также обладать целым набором психологических характеристик. Гюнтер писал, что «наследственное неравенство человеческих рас обуславливает бросающиеся в глаза различия в поведении и действиях отдельных людей и народов, а также в реакции разных людей или групп людей на внешние события». Впрочем, сам Гюнтер не взял на себя ответственность формирования психологического панегирика нордической расе, предпочтя перечислить выводы своих предшественников.

Беддоу: проницательность, правдивость, выдержка, сила воли, прилежание, здравый смысл, честность, любовь к комфорту, к порядку и чистоте, а также к обильной еде, недоверие к рыночным зазывалам, эгоистичная суровость, музыкальность, склонность к занятиям ремеслами, коммерцией, а также наукой.

МакЛин: рассудительный человек, холодный, недоверчивый и с трудом поддающийся убеждению, отличается преданностью.

Кляйст: у нордической расы обостренное чувство справедливости.

Лапуж: нордическая раса особенно богата творческими и талантливыми людьми.

Плёц: нордической расе свойственно большее уважение к личности и собственности.

Обобщая все эти психологические характеристики, Гюнтер говорил о том, что особыми дарованиями нордического человека яв-

лялись: предпринимательство, завоевание, война, государственное искусство, а также склонность к научному мышлению, изобразительному искусству и философии. Особо одарена она и поэтически.

Гюнтер очень большое внимание уделял расовому и евгеническому законодательству древности. В качестве примера он приводил Древнюю Индию и античный мир. Так, например, индийские законы Ману запрещали смешение каст и содержали много важных евгенических предписаний. Долгое время расовое смешение удавалось удерживать в рамках. В индийской «Книге Законов Ману» сохранилось представление о порядке зачатий: «Царство, в котором происходят беспорядочные зачатия, быстро гибнет вместе со своими обитателями». Отсюда Гюнтер выводил индогерманское освящение половой жизни, почитание хозяйки дома как хранительницы расового наследия; отсюда культ божественных предков. Поэтому индогерманская религиозность выражалась в человеческом отборе, в тщательном выборе супружеских пар, в «эвгенейе» — стремлении родов к получению здорового потомства.

В Греции все обстояло несколько «хуже». Евгенические идеалы, отраженные в законах Ликурга, подрывались новыми теориями, делавшими упор на индивидуальности. В итоге в своих «Законах» великий Плотин, который был аристократом по духу и происхождению, предлагал для спасения Афинского государства чрезвычайные евгенические меры на манер Древней Спарты, но было уже слишком поздно, так как Греция находилась на грани упадка. В Древнем Риме «Законы 12 таблиц» предусматривали евгенические меры, но позже они перестали быть обязательными. О них вспомнили лишь в эпоху вырождения.

Гюнтер пришел к выводу, что в Индии кастовые законы долго сохраняли расовое разделение, а в Греции и Риме оно ощущалось не столь остро и исчезло раньше. «Везде, где иссякает нордическая кровь, умирает культура. Античный мир погиб не только потому, что иссякли его творческие силы — не было сил даже на то, чтобы просто сохранить уже созданную культуру».

Причем это был не просто исторический экскурс. Пока позволяла политика, Гюнтер не скрывал своего восхищения законодательством США — «первым положительным примером государственной заботы о здоровой наследственности». Дело в том, что в 20-е годы XX века, исходя из наблюдений за группами иммигрантов, законодатели США пришли к различению желательных и нежелательных иммигрантов. Нежелательными считались иммигранты из

Юго-Восточной, а желательными — из Северо-Западной Европы, то есть той части Европы, где преобладала нордическая раса. Отмечалось, что высокий уровень исследований в области евгеники, которая в США стала чем-то вроде патриотической науки, создал прочную научную основу для трудов Гранта и Стоддарда и благодатную почву для распространения расовых и евгенических теорий. Кроме того, они получили поддержку сверху и от части прессы. Президент Гардинг в публичной речи 26 октября 1921 года подчеркнул важность книги Стоддарда «Цветной прилив», а конгресс, усвоив взгляды Гранта (не путать с президентом США), принял упоминавшиеся выше законы об иммиграции. Сам Гюнтер выражал надежду, что «нынешние законы США об иммиграции — это только первый шаг к еще более решительным евгеническим законам». Подобных мер он требовал и от немецких законодателей. «Законы жизни», которым в древности следовали германцы, должны были стать государственными законами.

ЧАСТЬ 2

«АРИИЗАЦИЯ» НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА

Идеи расовых законов, направленных на сохранение «чистоты арийской крови», давно вынашивались нацистами. Еще за три года до своего прихода к власти они сделали первую попытку принять закон, запрещавший браки и внебрачные интимные контакты между «чистокровными немцами» и «расово чуждыми элементами». Парламентская фракция растущей не по дням, а по часам партии национал-социалистов (НСДАП) внесла на повестку дня работы рейхстага вопрос о принятии так называемой «расовой» поправки к «Закону о защите республики». Поправка предусматривала наказание в виде длительного тюремного заключения и даже смертной казни для тех, «кто в результате кровосмесительной связи с представителями еврейской или цветной рас наносил ущерб расовой чистоте немецкой крови и физическому здоровью германской нации». Попытка принять в условиях Веймарской республики откровенно расистский закон с треском провалилась, к чему нацисты, разумеется, были готовы. В то время им был важен не сам закон, а политическая шумиха вокруг него.

ПЕРВЫЕ «АРИЙСКИЕ» АКТЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Придя к власти, нацисты сразу же взялись за расовое законодательство. В 1933—1935 годах ими был принят целый ряд законов, ставших основой для проведения политики государственного расизма. Можно даже сказать, в эти годы в законодательном направлении отдавался бесспорный приоритет «решению еврейского вопроса». Так, уже в феврале 1933 года был принят закон (он был опубликован только в апреле), запрещавший «мучить животных» и сделавший практически невозможным кошерный убой скота, из мяса которого готовилась ритуальная еврейская пища. В то же время создание законодательной базы для проведения политики госу-

Der Jude — die Pestbeule

am deutschen Volke!

Hierüber spricht:

Pg. Walter Pötsch,
Breslau

der bekannte Aufklärungsredner

am Donnerstag, dem 16. Mai 1935
abends 8½ Uhr in

Groß-Stettin
Scharnhorststraße

Eintritt 20 Pfg. Erwerbslose frei!
Einlaß abends 7½ Uhr.

Deutsche Volksgenossen!
Unserer Kampf gilt dem zersetzenden
Einfluß des Judentums.
Es lebe der nordische Mensch!

N.S.D.A.P.
Ortsgruppe
Stettin-Bismarckplatz

Karten im Vorverkauf auf der Geschäftsstelle Kurfürstenstraße 10 und im Straßenverkauf.

Kauft nicht beim Juden!

Антисемитская карикатура «Евреи – чумные бациллы»

«Евреи –наше несчастье» – лозунг газеты «Штюрмер» вылился на немецкие улицы

дарственного антисемитизма по определению было невозможно на базе демократической Веймарской конституции Германии. Поэтому самым первым, что сделали нацисты в юридической сфере, было принятие Закона «О защите правительства национального возрождения от действий подрывных сил» от 21 марта 1933 года. За ним сразу же последовал Закон «О защите народа и государства», который предоставил Гитлеру чрезвычайные полномочия и создал конституционные основы для установления в Германии нацистской диктатуры. Он был подписан престарелым рейхспрезидентом Паулем фон Гинденбургом 28 февраля и вступил в действие 24 марта 1933 года, аннулировав, по сути, Веймарскую конституцию. Характерно, что в преамбуле закона имелась ссылка на то, что он принимается «для защиты от подрывающих государственные устои насильственных действий коммунистических сил».

Именно после принятия этого акта у нацистов были развязаны руки в законодательной сфере антиеврейской политики. Даже после введения Нюрнбергских расовых законов чрезвычайный Закон «О защите народа и государства» 1933 года по-прежнему служил законодательной основой для ликвидации последних остатков поли-

тических, экономических, религиозных и культурных прав немецких евреев. Практически все распоряжения, директивы, указания и предписания гестапо и СД о роспуске и ликвидации еврейских организаций, об аресте их активистов, о запрете на проведение общественных собраний, выступлений и т.д. содержали ссылку на чрезвычайный закон 1933 года как на «правовую базу» антиеврейских акций. Таким образом, нацисты рассматривали борьбу с коммунистической идеологией и ее конкретными носителями и борьбу с евреями как свою общую политическую задачу.

ЗАКОН «О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА»

Результаты не заставили себя долго ждать. Важные законы, определявшие новый статус евреев в немецком обществе, были опубликованы после первоапрельского (1933 года) экономического бойкота еврейских предприятий, магазинов и фирм. Первым из них стал Закон «О восстановлении профессионального чиновничества» от 7 апреля 1933 года, основной целью которого было изгнание из государственного аппарата страны евреев. Для нацистов представлялось неприемлемым то обстоятельство, что в 1933 году около 12% работающих евреев были служащими государственных учреждений. По мнению нацистов, эта цифра являлась зримым отражением «еврейского господства» в Германии. Закон был сформулирован следующим образом:

«Правительство рейха приняло закон, публикуемый ниже.

§ 1. (1) Для упорядочения национального профессионального состава служащих и для упрощения администрирования разрешается, согласно тексту

Растяжки на улицах Германии с призывами ничего не покупать у евреев

данного постановления, уволить со своих должностей нижеследующие категории чиновников, даже если для их увольнения нет указаний в существующих законах.

(2) Чиновниками в этом законе именуются лица, нанятые прямо или косвенно на службу рейхом или другими государственными органами, служащие муниципалитетов или муниципальных советов, служащие общественных судов, а также аналогичных учреждений. Эти же указания распространяются на работников системы социального страхования, имеющих права и обязанности чиновников.

§ 2. (1) Увольняются чиновники, поступившие на государственную службу после 9 ноября 1918 г. и не имеющие соответствующей квалификации или способностей. Текущее жалованье им будет выплачиваться в течение трех месяцев после увольнения.

(2) Эти чиновники лишаются права на временное пособие, пенсию, а также права сохранять за собой чин, форму, медали за выслугу лет...

§ 3. (1) Чиновники неарийского происхождения переводятся на пенсию; если они получили какое-либо почетное звание, их лишают его.

(2) Подпункт первый настоящего параграфа не распространяется на тех, кто пребывал на службе до 1 августа 1914 г. или воевал на фронте во время Мировой войны на стороне немецкого народа и его союзников, а также на тех, чьи родители или дети пали на войне. Дополнительные исключения возможны по разрешению министра внутренних дел, согласованному с соответствующим министерством или верховным бюро по делам службы за границей.

§ 4. Разрешается увольнять чиновников, не доказавших своими действиями готовность непоколебимо в любой момент встать на защиту интересов государства.

Рейхсканцлер Адольф Гитлер.

Министр внутренних дел Фрик.

Министр финансов граф Шверин фон Крозиг».

Этот нацистский закон был примечателен тем, что в нем впервые был официально сформулирован расистский, дотоле неизвестный в немецком законодательстве термин «неариец». Однако строгое определение этого понятия появилось позднее в инструкции по проведению нового закона в жизнь, опубликованной через четыре дня после его принятия, то есть 11 апреля 1933 года. Фактически эта инструкция оказалась даже важнее самого закона, так как в ней на-

конец-то было сформулировано, кто же считается у нацистов евреем. Один из выводов, к которым нацисты пришли после экономического бойкота евреев 1 апреля, заключался в том, что невозможно начать организованное проведение в жизнь антиеврейской политики, не имея юридически точного определения понятия «еврей». Именно такое определение было сформулировано во втором параграфе новой инструкции, названном позднее «арийским параграфом». В нем говорилось:

Наглядная агитация нацистов, призывавшая не пользоваться услугами еврейских адвокатов и врачей

«...2—3. (1) Неарийцем считается тот, чье происхождение «неарийское», особенно если у него родители или родители родителей евреи. Достаточно, если один из родителей или родителей родителей был неарийцем. Особенно важно, если один из родителей или родителей родителей исповедовал иудаизм.

(2) Если чиновник не состоял на службе до 1 августа 1914 года, он обязан доказать, что принадлежит к арийской расе, или воевал на фронте, или что он сын или отец погибших на войне. Доказательством считается предъявление справок (свидетельства о рождении, свидетельства о браке родителей, армейских справок).

(3) Если арийское происхождение ставится под сомнение, следует обратиться к эксперту по этим вопросам при министерстве внутренних дел».

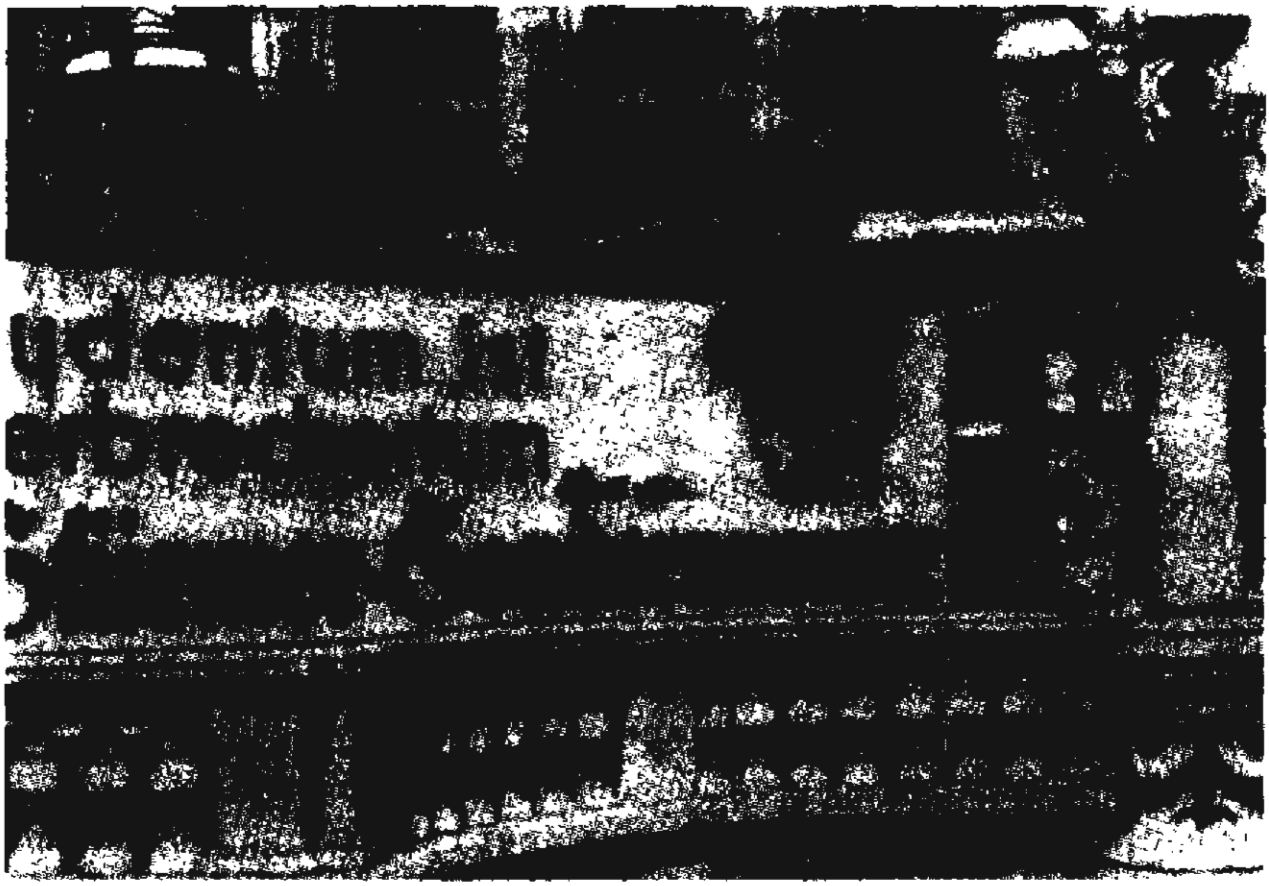
Итак, согласно инструкции, достаточным оказалось еврейского происхождения одного из дедов (или бабок), то есть четверти еврейской крови, для зачисления человека в «полные евреи». Это правило соблюдалось неукоснительно и принуждало людей, чьи родители или даже деды были крещены или заключили смешанные браки, вернуться к еврейским корням. Возникло немало сложных казусов, которые постарались учесть нацистские правоведы в более позднем определении принадлежности к еврейству. В этой инструкции имелась в то же время небольшая уступка чиновникам, принятым на

работу до 1914 года, а также ветеранам Первой мировой войны и детям, чьи родители погибли на войне, проходя службу в рядах германской армии. Эта уступка была сделана в результате личного вмешательства, еще до публикации закона, рейхспрезидента Германии фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга, а также особой переписки между ним и Гитлером по этому вопросу. Подобный факт показывает, что в то время Гитлер еще считался с некоторыми, чисто внешними ограничителями в своей антисемитской политике.

Так называемый «арийский параграф» инструкции по применению Закона «О восстановлении профессионального чиновничества» был разработан «ведущим специалистом по расовым и генеалогическим исследованиям» министерства внутренних дел Ахимом Герке. Антисемитское и националистическое рвение будущего «расового специалиста» заметили еще в тихом университетском Геттингене, где молодой Герке самостоятельно и при поддержке националистически настроенной профессуры начал составлять картотеку живущих в Германии евреев. Евреев он определял не по принципу вероисповедания, а по принципу расы, то есть в нацистском понимании этого термина, по «процентному содержанию еврейской крови». «Антиеврейские законы, — разъяснял он впоследствии в статье под названием «Решение еврейского вопроса», опубликованной в майском 1933 года номере «теоретического» ежемесячника НСДАП, — направлены не столько против евреев, хотя и относятся именно к ним. Эти законы, — писал Герке, — имеют прежде всего мировоззренческое и воспитательное значение. С их помощью немецкий народ не только просвещается в том, что касается «еврейского вопроса». Он все более и более начинает сознавать, что общность народа определяется не столько общностью территории, сколько, и прежде всего, общностью крови. Он впервые осознает во всей полноте расовую теорию национал-социализма и от чисто теоретических рассуждений на эту тему переходит к практическому решению еврейского вопроса».

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ НАЦИСТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Одной из первых жертв нацистского расового законодательства стали евреи — выходцы из стран Восточной Европы. 4 июля 1933 года был принят имперский закон, лишивший евреев, выходцев из Восточной Европы, германского гражданства и запретивший им



«Рекламный» плакат особого выпуска газеты «Штюрмер»

въезд в страну. Многие из этих людей осели в Германии еще после Первой мировой войны, приобрели германское гражданство и стали неотъемлемой частью немецкого социума. К ним нацисты испытывали особенную ненависть. Гитлер в «Майн кампф» подробно описывал, какое отвращение у него вызвал вид ортодоксального еврея из Восточной Европы, впервые увиденного им на улицах Вены. Неудивительно, что уже 8 марта 1933 года статс-секретарь рейхсканцелярии Ганс Ламмерс по желанию фюрера предложил министру внутренних дел Фрику «разработать на основе здорового национального мировоззрения» специальное законодательство, которое включало бы в себя три фундаментальных элемента: запрет дальнейшей эмиграции евреев с Востока в Третий рейх, отмену всех изменений фамилий и имен, принятых новыми эмигрантами после 1918 года, и немедленную депортацию евреев восточноевропейского происхождения, не успевших стать гражданами Германии. Новый закон от 14 июля 1933 года получил длинное и несколько тавтологичное название «Об отмене получения германского гражданства и лишении германского гражданства некоторых категорий граждан Третьего рейха». В соответствии с законом германского граждан-

ства лишались все, кто получил его в период с 9 ноября 1918 года по 30 января 1933 года.

Устранению «еврейского влияния» на общественную и экономическую жизнь Германии способствовал также целый ряд антиеврейских постановлений и законодательных актов, принятых нацистским правительством в апреле — декабре 1933 года. Отметим лишь некоторые из них:

22 апреля 1933 года — увольнение евреев-врачей из поликлиник;

25 апреля 1933 года — введение процентной нормы для евреев в школах и университетах;

6 мая 1933 года — включение профессоров и нотариусов в категорию «профессиональных чиновников»;

2 июня 1933 года — увольнение из поликлиник евреев-стоматологов;

5 июля 1933 года — отмена пособий для молодоженов, если один из партнеров «неариец» (это при том, что запрета на смешанные браки еще не существовало);

20 июля 1933 года — распространение действия «арийского параграфа» на адвокатские конторы;

22 сентября 1933 года — учреждение «Имперской палаты по делам культуры», куда был открыт доступ лишь арийцам, — таким образом, евреям фактически запретили работать в сфере культуры;

29 сентября 1933 года — распространение требования о доказательстве «арийского» происхождения на крестьянское сословие;

4 ноября 1933 года — опубликование закона о редактировании газет, запрещавшего евреям или лицам, состоящим в браке с евреями, редактировать немецкие газеты.

Характерно, что в первую очередь эти законодательные акты были направлены против еврейской интеллигенции. Нацисты всеми силами стремились «исключить влияние евреев на общественную жизнь». Кроме того, выделялся и подчеркивался особый статус евреев в немецком обществе: политику эмансипации, веротерпимости и ассимиляции, более или менее последовательно проводившуюся в Германии в отношении еврейского населения в XIX веке, сменили откровенная юдофобия, расовая и социально-экономическая дискриминация. Таким образом, уже к концу 1933 года были воплощены в жизнь программные установки нацистской партии (программа 1920 года): § 6 (об удалении лиц, не обладавших права-

Нацистское «благоустройство» городов – лавочки, предназначенные только для евреев

ми гражданства, из общественных учреждений); часть § 4 (о лишении гражданства тех, кто не являлся «частью народа») и § 23 (провозглашавший «чистоту» германской прессы). Вместе с тем евреи, чьи предки из поколения в поколение жили в Германии, еще не были лишены всех прав, а также еще не предпринималось массовое изгнание евреев из рейха.

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ РАСОВОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА

В сентябре 1933 года нацисты предприняли первую попытку создать «расово ориентированное» законодательство в области семейного права. В меморандуме на имя руководства НСДАП под названием «Законодательные предложения к национал-социалистскому уголовному праву» министр юстиции Пруссии Ханс Керрль и его заместитель Роланд Фрайслер предложили ввести уголовные наказания как за заключение браков «чистокровными немцами» с представителями «расово чуждой нам крови», так и за внебрачные контакты между ними.

Немцы изучают выставленные на улицах городов стенды с газетой «Штюрмер»

По тактическим соображениям руководство нацистской партии решило временно не форсировать принятие специального имперского законодательства на этот счет. Объяснялось это отчасти еще и тем, что характерной для политической практики нового режима «инициативе на местах» в вопросе борьбы с «осквернением немецкой крови» уже был дан, как говорится, «зеленый свет». Законодательной базой для нее стал пресловутый «арийский параграф» к Закону «О восстановлении профессионального чиновничества» от 7 апреля 1933 года. На основе заключенных в нем «общенациональных принципов мировоззренческого характера» местные органы власти начали отказываться регистрировать смешанные браки. Специальным распоряжением министра внутренних дел рейха, адресованным муниципальным органам на местах, со ссылкой на предстоящее законодательное решение данной проблемы, смешанные браки и их регистрация были вообще запрещены «вплоть до особого указания».

Следующим логическим шагом стало принятие юридической нормы о расторжении уже существовавших смешанных браков ме-

жду евреями и «чистокровными» немцами. Для этого нацисты от юриспруденции нашли «блестящее» решение в рамках действовавшего в то время старого гражданского законодательства Веймарской республики. § 1333 «Гражданского кодекса» предусматривал принудительное расторжение брака в случае, если одному из партнеров в момент заключения брака не было известно о «сокрытых жизненно важных личных качествах» другого партнера, которые, если бы об их существовании было известно заранее, могли бы стать основанием для отказа от заключения брака. Брак в этом случае мог быть расторгнут в принудительном порядке в течение 6 месяцев после его заключения. Для того чтобы квалифицировать факт «принадлежности к еврейской расе» одного из партнеров в качестве «сокрытого личного качества», о котором не было известно до заключения брака, нацистским юристам пришлось попрактиковаться в юридической и исторической эквилибристике. Было, в частности, разъяснено, что «таковая принадлежность» действительно является именно тем «сокрытым личным качеством в свете новых внутриполитических условий», которые возникли после прихода Гитлера к власти. В качестве временных точек отсчета, определявших действенность новой «юридической нормы», были взяты две «исторические даты»: 30 января 1933 года (назначение Гитлера рейхсканцлером) и 7 апреля 1933 года (принятие Закона «О восстановлении профессионального чиновничества»). Именно после этих дат факт еврейского происхождения одного из партнеров и стал юридически «важным элементом общественного самосознания». Впрочем, все эти юридические выверты стали ненужными после того, как специальный имперский закон от 6 июля 1938 года сделал принудительное расторжение смешанных браков легальной юридической нормой, не требовавшей согласия или усилий одного из партнеров.

УЧЕТ ЕВРЕЕВ

В преддверии принятия Нюрнбергских расовых законов в апреле 1935 года министерство внутренних дел разослало ведущим министерствам и ведомствам рейха ориентировку под названием «Количество чистокровных евреев, полуевреев и четвертьевреев в Германии». В этом документе были суммированы имевшиеся к тому времени статистические данные о численности евреев в рейхе. В первую очередь нацистский режим интересовало количество так

Немецкая полиция проверяет документы у евреев

называемой «репродуктивной» части еврейского населения — мужчин в призывном возрасте от 18 до 45 лет.

В документе говорилось:

«В настоящее время с наибольшей степенью точности может быть установлено лишь число чистокровных евреев иудейского вероисповедания, основанное на данных общегерманской переписи населения 16 июня 1933 года, в ходе которой, однако, учитывалась религиозная, а не расовая принадлежность. Число чистокровных евреев иудейского вероисповедания составило тогда 499 682 человека, или 0,77 процента всего населения Германии. В эту цифру не вошли чистокровные евреи иудейского вероисповедания, проживавшие в бывшей Саарской области, в количестве 4038 человек. С их учетом общее число чистокровных евреев иудейского вероисповедания, проживавших на территории рейха, составило, по состоянию на июнь 1933 года, 503 900 человек. За истекший период времени из Германии эмигрировало около 30 тысяч евреев. Таким образом, в настоящее время в рейхе проживает приблизительно 475 000 чистокровных евреев иудейского вероисповедания.

Число чистокровных евреев неиудейского вероисповедания (выкрестов и атеистов), равно как и число немецко-еврейских метисов первой и второй степени, поддается лишь самой приблизительной оценке. Основой для этих подсчетов стали данные, полученные министерством внутренних дел, имперским бюро генеалогических исследований и расово-политическим управлением НСДАП, которые, в свою очередь, разнятся друг от друга в ту или другую сторону. Полученные на их основе среднестатистические данные дают такую картину:

— количество чистокровных евреев неиудейского вероисповедания — 300 000;

— количество немецко-еврейских метисов первой и второй степени — 750 000;

Всего неарийцев — 1 525 000, или 1,5% населения.

Из них лиц мужского пола — 728 000.

Количество неарийцев призывного возраста можно вычислить методом экстраполяции на основе среднестатистических данных прошлых лет. Было установлено, что среди еврейского населения Германии количество лиц мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет составляло приблизительно 45 единиц на 100 человек населения. Если исходить из количества мужского еврейского населения рейха в 728 000 человек, то количество лиц в возрасте от 18 до 45 лет составит приблизительно 328 000 человек. Из этого числа следует вычесть 20 000 иностранцев.

Таким образом, на территории рейха в настоящее время проживает 308 000 евреев призывного возраста.

Подпись».

Представляется, что, рассылая документ подобного рода, полицейские инстанции Германии как бы заранее ориентировали заинтересованные ведомства о примерном объеме и характеристике будущего контингента как для расовых чисток, так и для массового использования в качестве бесплатной рабочей силы в случае войны. Особое внимание в отношении «способных к репродукции» мужчин призывного возраста от 18 до 45 лет тоже вполне понятно: именно от этой категории лиц гестапо ожидало наиболее активного неприятия расовых законов и, соответственно, определенных «противоправных» действий. Эта же часть еврейского населения должна была в первую очередь использоваться «на трудовом фронте».

НЮРНБЕРГСКОЕ РАСОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Однако вершиной антиеврейского законодательства первой половины 30-х годов стали так называемые «Нюрнбергские законы», утвержденные немецким рейхстагом 15 сентября 1935 года. Следует отметить, что некоторое ослабление антиеврейской политики на законодательном уровне в 1934 — первой половине 1935 года объяснялось в первую очередь тем, что нацистское руководство в спешном порядке было вынуждено решать целый ряд «пожарных» задач, связанных с укреплением внутриполитических позиций режима. В их числе — проведение «ночи длинных ножей», когда были физически уничтожены лидеры штурмовых отрядов СА, ставшие опасными конкурентами Гитлера в борьбе за власть; объединение (после смерти Гинденбурга) в руках Гитлера постов рейхсканцлера и рейхспрезидента и др. Однако все это не отменяло общей антиеврейской направленности внутренней политики нацистов, а лишь отодвигало на некоторое время реализацию наиболее одиозных ее аспектов. Поэтому период «затишья» в антиеврейском нормотворчестве с начала 1934 года до весны 1935 года был весьма относительным. В это время последовательно проводились в жизнь все принятые ранее антиеврейские законодательные и нормативные акты. Тем не менее многие сферы общественной жизни еще оставались доступными для евреев. Евреи продолжали считаться рядовыми гражданами Германии и называли себя в соответствии со своим официальным местом проживания — «немецкие евреи».

Однако и это «затишье» продолжалось недолго. Весной 1935 года режим значительно укрепил свои позиции удачными внешнеполитическими акциями: проведением плебисцита в Саарской области, обладавшей после Первой мировой войны особым статусом, и присоединением последней к Германии, а также публичной денонсацией[1] Гитлером военных ограничений, наложенных на Германию Версальским договором. Вдобавок, благодаря обширным государственным программам, в 1935 году значительно уменьшилась безработица. А ведь в момент прихода нацистов к власти в стране насчитывалось 6 миллионов безработных. Все это вызвало взрыв националистических настроений в рейхе и позволило нацистам усилить свою антисемитскую политику.

---

[1] **Денонсация** — уведомление одним государством другого о расторжении заключенного между ними договора, соглашения. — *Прим. ред.*

Зачастую, в соответствии с замыслом нацистской верхушки, инициаторами новой волны гонений на евреев становились местные партийные организации НСДАП и примыкавшие к ней объединения. Например, гитлерюгенд земли Бавария самостоятельно организовывал антиеврейские акции. Не отставал и центр. Весной и летом 1935 года прошли аресты евреев, обвиненных в интимных связях с арийскими женщинами. Дела об «осквернении расы» в Берлине завершились массовыми антиеврейскими демонстрациями и погромом на берлинской площади Курфюрстендамм 15 июля 1935 года. В результате вопрос о юридической идентификации евреев и, соответственно, неевреев вновь приобрел острое политическое звучание.

Однако те из немецких евреев, кто ожидал, что нацистское правительство всерьез займется юридической разработкой их гражданского статуса и четко определит их права, жестоко ошиблись. Нюрнбергские законы были подготовлены нацистскими юристами в чрезвычайной спешке — всего за два дня — и, по сути, означали, что немецкие евреи оказались за рамками законодательного поля рейха, особенно в части соблюдения их прав. Законов было три: первый провозглашал замену старого государственного флага новым — партийным флагом со свастикой, два других были посвящены расовой проблематике и непосредственно касались немецких евреев. Вот их основное содержание.

Закон «О гражданстве»

§ 1.(1) Гражданином государства является всякий находящийся под сенью Германского рейха...

(2) Гражданство даруется согласно указаниям Закона «О гражданстве».

§ 2. (1) Имперским гражданином является лишь подданный государства немецкой или близкой ей крови, доказавший своим поведением, что он готов и достоин верно служить немецкому народу и рейху.

(2) Право гражданства даруется путем выдачи свидетельства об имперском гражданстве.

(3) Только имперский гражданин обладает всеми политическими правами в соответствии с законом.

§ 3. Министр внутренних дел по согласованию с фюрером издает административные инструкции по проведению в жизнь и исполнению данного закона.

Нюрнберг, 15 сентября 1935 г.

Фюрер и канцлер рейха Адольф Гитлер.

Министр внутренних дел Фрик».

Закон «О защите немецкой крови и немецкой чести»

Движимый пониманием того, что чистота немецкой крови является непременным условием долговременного существования немецкого народа, воодушевленный непоколебимой решимостью гарантировать существование немецкой нации на все времена, рейхстаг единогласно принял следующий закон:

§ 1. (1) Брачные союзы евреев с гражданами государства немецкой или близкой ей крови запрещаются. Браки, заключенные вопреки закону, недействительны, даже если они зарегистрированы за границей, для того чтобы обойти закон.

(2) Отмена уже заключенного брака может производиться лишь по требованию прокурора.

§ 2. Внебрачные связи между евреями и гражданами государства немецкой или близкой ей крови воспрещаются.

§ 3. Евреям не разрешается нанимать прислугу из граждан государства немецкой или близкой ей крови моложе 45 лет.

§ 4. (1) Евреям воспрещается поднимать флаги рейха и земель и пользоваться цветами государственного флага.

(2) Им разрешается пользоваться цветами еврейской символики, и это их право находится под защитой государства.

§ 5. (1) Нарушение запрета, обозначенного в § 1, карается тюремным заключением.

(2) Нарушение запрета, обозначенного в § 2, карается арестом или тюремным заключением.

(3) Нарушение запрета, обозначенного в §§ 3 и 4, влечет за собой тюремное заключение сроком до одного года и денежный штраф или одно из этих наказаний.

§ 6. Министр внутренних дел по согласованию с заместителем фюрера и министерством юстиции обязан разработать инструкции по проведению в жизнь этого закона.

§ 7. Закон вступает в силу со дня его принятия, а § 3 — лишь с 1 января 1936 года.

Нюрнберг, 15 сентября 1935 г.
Фюрер и канцлер рейха Адольф Гитлер.
Министр внутренних дел Фрик.
Министр юстиции Гюртнер.
Заместитель фюрера Гесс».

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИНЯТИЯ НЮРНБЕРГСКИХ РАСОВЫХ ЗАКОНОВ

На первый взгляд казалось, что Нюрнбергские законы имели слишком «общий характер» и их «сиюминутный эффект» не был очевиден, ведь кое-что из узаконенного юридически уже давно существовало на практике. Например, хотя до принятия Закона «О гражданстве» евреи формально еще считались гражданами Германии, их фактическое угнетенное положение соответствовало лишь статусу подданных, но не полноправных имперских граждан. Политические права евреев были ущемлены еще раньше. Они были удалены с общественных и государственных постов до сентября 1935 года предыдущими законодательными актами нацистского правительства. То же можно сказать и о параграфе, касавшемся запрета на смешанные браки. В Германии браки регистрировались муниципальными властями, и еще до 1935 года каждое согласие на смешанный брак выдавалось властями в исключительных случаях, с непременным разъяснением лицу, собиравшемуся заключить брачный союз с «расово неполноценной особью» мужского или женского пола, всей пагубности подобного шага в политическом, экономическом и личном плане. Так, например, в июле 1935 года решением берлинских властей в городе вообще была запрещена регистрация смешанных браков между «арийцами» и евреями.

То же самое можно сказать и об экономических аспектах Нюрнбергских законов. В сравнении с уже действовавшими законодательными актами 1933—1935 годов, они не ухудшали и без того дискриминационного положения евреев в экономической жизни страны. Что же в действительности устанавливали эти законы для еврейского и «неарийского» населения Германии? Анализ этих документов, а также практическая сфера их применения говорят о том, что их главный смысл заключался не столько в фактическом усилении гонений против евреев, сколько в том, что расово-идеологические принципы национал-социализма превратились в официаль-

ные нормы государственного права со всеми вытекающими из этого последствиями.

Так, нацистские расовые принципы теперь были юридически введены в немецкое законодательство, что ознаменовало торжество нацистской идеологии в стране. Кроме того, у нацистской верхушки появилась возможность придать законное юридическое обоснование всем своим антиеврейским акциям в будущем (поэтому почти все последующие антиеврейские законы и нормативные акты рейха оформлялись в качестве дополнений к Нюрнбергским законам). Иными словами, Нюрнбергские законы были рассчитаны на перспективу и означали, что заложена юридическая основа для проведения в отношении евреев Германии (а в будущем и не только Германии) самой радикальной политики. Правда, в то время об этом знали лишь посвященные...

Некоторые формулировки Нюрнбергских законов содержали немало расистских «изюминок», которые говорили сами за себя. Так, запрет евреям нанимать прислугу из лиц «немецкой или близкой ей крови» моложе 45 лет (§ 3 «Закона о защите немецкой крови и немецкой чести») должен был, по мнению нацистских идеологов, обеспечить защиту арийской расы от посягательств евреев, которые нанимали в свои дома женскую немецкую прислугу, ведь 45-летний возраст считался предельным для деторождения. Фактически это был дополнительный запрет на половые связи между евреями и немцами, что полностью соответствовало расовым постулатам нацизма. Процитируем соответствующий фрагмент из книги Гитлера «Майн кампф»: «Черноволосый молодой еврейчик нахально вертится около нашей невинной девушки, и на его наглом лице можно прочесть сатанинскую радость по поводу того, что он сможет безнаказанно испортить кровь этой девушки и тем самым лишить наш народ еще одной здоровой немецкой матери. Евреи всеми силами стараются разрушить расовые основы того народа, который должен быть подчинен их игу. Евреи не только сами стараются испортить как можно большее количество наших женщин и девушек. Нет, они не останавливаются и перед тем, чтобы помочь в этом отношении и другим народам. Разве не евреи привезли к берегам Рейна негров все с той же задней мыслью и той же подлой целью — через кровосмешение принести как можно больший вред ненавистной белой расе, низвергнуть эту расу с ее политической и культурной высоты, а затем самим усесться на ее спине».

Чисто пропагандистское значение имел § 4 вышеупомянутого закона, где говорилось о праве евреев «пользоваться цветами еврейской символики», ведь в Третьем рейхе эта символика официально так и не была определена, если не считать специального знака — желтой шестиконечной «звезды Давида», которую в годы войны евреи носили в гетто и в лагерях смерти.

Любопытно, что в соответствии с § 2 «Закона о гражданстве» принадлежность к последнему определялась не только по расовым основаниям (наличие «немецкой или близкой ей крови»), но и политической лояльностью человека. Это означало, что оппозиционно настроенные к нацистскому режиму немцы (коммунисты, члены католических, масонских организаций и т.п.), точно так же как и евреи, поражались в гражданских и политических правах.

Подготовленные в спешке, небрежно и юридически неряшливо, Нюрнбергские законы сами по себе представляют интерес лишь как квинтэссенция нацистской расовой теории, как первое материальное воплощение одной из основных идей национал-социализма — «избавления Германии от еврейства». Всеобщее ликование нацистов по поводу их принятия вскоре сменилось всеобщей растерянностью, — общие расплывчатые формулировки этих законов породили больше вопросов, чем ответов. Документы СД и гестапо красноречиво свидетельствуют о том, какая неразбериха царила в головах высоких нацистских функционеров до того, как были обнародованы первые внятные поправки к Нюрнбергским законам. В архивах СД имеется отчет главного референта по расовым вопросам при канцелярии гауляйтера Саксонии, некоего доктора Веллыгута, направленный 26 сентября 1935 года в «еврейский» реферат службы безопасности:

«...Расовый закон был создан в дни съезда НСДАП в ночь с субботы на воскресенье под личным руководством фюрера, который до последней минуты обсуждал поправки, внесенные Штрейхером и Шахтом. В основе закона о защите немецкой крови лежит теория так называемой «импрегнации» Штрейхера, в соответствии с которой половой контакт немецкой девушки с чистокровным евреем ведет к осквернению и порче немецкой крови. Обсуждался также вопрос стерилизации «полукровок», так как доказано, что смешение расово чуждой крови ведет к слабоумию. Специальным опознавательным знаком всех еврейских предприятий станет имя владельца крупным еврейским шрифтом и словом «эксплуататор» на немецком языке. Каждая арийская девушка, работающая прислугой в ев-

рейской семье, в случае осквернения ее немецкой крови со стороны хозяина дома, должна получить пожизненное денежное содержание от осквернителя. Все, кроме евреев, автоматически получат 1 октября 1935 года германское гражданство. Статус «полукровок» будет определять специальная комиссия. Установлено, что в Германии в настоящее время проживают: 550 000 чистокровных евреев (к этой группе относятся также «евреи трех четвертей»), 200 000 «полуевреев» и 100 000 «четвертьевреев». Была высказана мысль, что «полукровок» необходимо интенсивнее притягивать к немецкой крови. Фюрер был против того, чтобы они вступали в браки друг с другом. В случае войны запланировано стерилизовать все расово чуждые элементы в стране».

Межведомственный хаос продолжался совсем недолго. Уже 30 сентября 1935 года Главное управление гестапо направило циркулярную директиву всем органам полиции, подписанную министром внутренних дел рейха. Спешка была вполне оправданной — законы вступили в силу с момента их публикации, а органы власти на местах были по-прежнему в неведении, как их применять. В отношении чистокровных евреев все было понятно. А если человек не совсем или даже «совсем немножко» еврей? До выхода поправок к законам — их в спешном порядке готовили в министерстве юстиции — эта директива была призвана стать практическим руководством для местных органов. В ней разъяснялось содержание некоторых статей «Закона о защите немецкой крови и немецкой чести» в части, касающейся заключения браков между евреями, «полукровками» и чистокровными гражданами рейха. Пятым пунктом циркулярной директивы предписывалось:

«Доказательство происхождения устанавливается на основе свидетельств о рождении жениха и невесты, а также брачных свидетельств их родителей, предоставляемых лицами, собирающимися заключить брак. В случае сомнительного характера представленных документов местные органы могут потребовать предъявления дополнительных свидетельств, подтверждающих происхождение жениха и невесты».

Поправки к Нюрнбергским законам (и по существу, и по форме — инструкции по их применению) были опубликованы спустя два месяца после их принятия. До этого времени местные муниципальные органы действовали в соответствии с директивными указаниями имперского министерства внутренних дел. Контроль над их исполнением был возложен на местные полицейские органы. Соот-

ветствующие рекомендации были направлены по линии НСДАП вплоть до партийных руководителей жилых кварталов — «блокфюреров».

Уже 14 ноября 1935 года была опубликована первая поправка к «Закону о гражданстве», уточнявшая юридически неясные положения нового закона. Особую важность представляли параграфы 4 и 5, касавшиеся положения евреев в рейхе. Они звучали следующим образом:

«...§ 4.(1) Еврей не может быть имперским гражданином. Он не имеет права голосовать по вопросам, касающимся политики. Он не может занимать общественные должности...

§ 5.(1) Евреем считается тот, у кого трое из родителей его родителей были чистокровными евреями.

(2) Евреем считается также человек, родившийся в смешанном браке, гражданин государства, происходящий от двух чистокровных евреев — родителей его родителей, если он:

а) в момент издания закона принадлежит к иудейской общине или был принят в нее позднее;

б) в момент издания закона состоял в браке с евреем или вступил в такой брак позднее;

в) происходит из смешанной семьи, описанной в подпункте 1, зарегистрированной после того, как был принят Закон «О защите немецкой крови и немецкой чести» от 1 сентября 1935 г.;

г) является внебрачным ребенком, одним из родителей которого был еврей, как описано в § 1».

Во втором определении понятия «еврей», которое оставалось в силе вплоть до падения Третьего рейха, не было указано, каково положение лиц, имеющих в числе предков одного или двух евреев, родителей их родителей, и не выразивших «солидарности» с еврейством путем заключения брака с евреем или своей принадлежностью к иудейской общине. По этому поводу очень быстро появилось разъяснение нацистских властей. Эти лица были распределены на две категории:

1) те, у кого оба родителя были евреями;

2) те, у кого только один дед или бабка были евреями.

Обе эти категории считались полностью «неарийцами», но получили в то время большую часть тех же прав, что и «настоящие» немцы, однако для них были установлены незначительные ограничения. Но когда наступило время «окончательного решения еврей-

ского вопроса», «проблема смешанных евреев» возникла вновь, ведь с позиции нацистского расового законодательства эти люди все-таки были «осквернены еврейской кровью».

«СЕКСУАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ» ПО ЗАЩИТЕ АРИЙСКОЙ КРОВИ

После принятия Нюрнбергских расовых законов нацистские юристы вновь вернулись к столь животрепещущей для них проблеме смешанных браков и интимных отношений между представителями «арийской» и «неарийской» расы. Статс-секретарь министерства внутренних дел Вильгельм Штуккарт и другой высокопоставленный сотрудник этого ведомства Ганс Глобке (последний прославился тем, что составил специальное пособие по идентификации еврейских фамилий) написали пространный комментарий к нюрнбергскому законодательству. В нем они, в частности, подчеркивали:

«Добавление расово чуждой крови наносит колоссальный ущерб физическому здоровью народа. Гомогенный характер организма народа, скрытая в нем инстинктивная воля к самосохранению и выживанию подавляются и ослабляются, уступая место настроениям неуверенности в своих силах, переоценке фактора интеллекта и недооценке здоровых инстинктов народного организма, его духовному раздвоению. Смешение крови не ведет к механическому расовому смешению, как этого можно было ожидать, а к нарушению духовного равновесия здорового в расовом отношении организма».

Тема расовой принадлежности потомков смешанных браков дала толчок «глубоким» теоретическим изысканиям в этой области. Штуккарт и Глобке в своей работе совершенно серьезно рассматривали следующий гипотетический пример: чистокровная немка лютеранского вероисповедания вышла замуж за еврея и добровольно под его влиянием приняла иудаизм. После смерти ее первого мужа она вновь выходит замуж, на этот раз за чистокровного немца, и возвращается в лоно христианской церкви. У них рождаются дети, которые в свою очередь также дают потомство. Кем будут ее внуки в свете Нюрнбергских законов? Чистокровными евреями, доказывали Штуккарт и Глобке. По этому поводу возникла оживленная дискуссия. Не противоречат ли их взгляды основам расовой антропологии национал-социализма? Может ли временная принадлежность к иудаизму, как религии, и временная физическая близость с евреем (еврейкой) вызвать расовые мутации в организме чистопо-

За «преступную» связь еврей и немка выставлены на всеобщее осмеяние

родного «арийца» («арийки»)? Являются ли эти чисто внешние факторы наследственными?

Не менее оживленно дискутировалась тема, что следует понимать под понятием «полового сношения». Больная, порнографически окрашенная сексуальная фантазия нацистских ревнителей «расовой чистоты» нашла здесь самую благодатную почву для «теоретических изысканий». Штуккарт и Глобке в упоминавшемся комментарии к нюрнбергскому законодательству глубоко и со знанием дела рассматривали различные формы «действий сексуального характера», которые, по их оценке, приравнивались к «половому сношению» в его общепринятом, стандартном понимании. Такими, по их оценке, признавались также половые сношения «в сексуально извращенной форме».

Вопрос о том, каким образом в рамках нюрнбергского законодательства следует рассматривать гомосексуальные и вообще нестандартно ориентированные отношения представителей одного пола, так и остался открытым. Понятие «немецкой крови и чести» приобретало в этом контексте несколько двусмысленный и пикантный характер. Дискуссия в среде представителей нацистской Феми-

ды сконцентрировалась на толковании понятия «половых сношений» в свете нюрнбергского законодательства. Так, земельный суд Аугсбурга вынес по этому поводу следующее определение: «Исходя из того, что законодатель посчитал необходимым поставить вопрос защиты немецкой крови в максимально широком контексте, противоправными и уголовно наказуемыми следует считать все действия сексуального характера между евреями и представителями германской или родственной ей крови, в том числе противоестественного и извращенного характера. В правовой оценке такого рода отношений сексуального характера следует также исходить из нормы закона, предусматривающей защиту немецкой чести, в данном контексте — полового достоинства граждан Германии».

Мимо этой острой и актуальной для нацистов темы не прошел и Верховный суд Германии, вынесший 9 декабря 1935 года следующее определение: «Понятие «полового сношения» в контексте Закона «О защите немецкой крови и немецкой чести» не может включать в себя любые формы развратных действий сексуального характера, но и не ограничивается половыми сношениями в их общепринятом, стандартном понимании. Это понятие охватывает все формы сексуальных отношений, как естественные, так и извращенные. К половым отношениям, таким образом, следует причислять любые другие формы действий полового характера с представителем противоположного пола, которые по способу их совершения полностью или частично направлены на удовлетворение собственного полового влечения».

Эта формулировка Верховного суда стала не только руководством к действию для судов низшей инстанции, но и открыла «новые горизонты» сексуальной фантазии нацистских юристов. Так, один из земельных судов после долгого разбирательства вынес специальное определение, как следует квалифицировать «мастурбирование в присутствии сексуального партнера»: «Означенные действия, являющиеся суррогатом здоровых и разрешенных отношений сексуального характера, противоречат как здоровому народному мироощущению, так и сознательной германской расовой политике, и посему не должны оставаться безнаказанными, ибо и таким извращенным и противоестественным способом наносится ущерб расовой чести германского народа».

Завершая «сексуальную тему» в контексте расового антиеврейского законодательства нацистов, отметим, что неустанное изучение «лучшими умами» нацистской Фемиды всего того, что относилось

Заключенные евреи прогуливаются во внутреннем дворике одной из немецких тюрем

исключительно к сфере интимной жизни человека, объяснялось не только немецкой ментальностью, склонной бюрократически регламентировать все сферы общественной и личной жизни. Здесь присутствовало иррациональное. Во всем, что касалось евреев, национал-социалисты теряли присущий немцам здравый смысл и начинали руководствоваться инстинктами, предрассудками и нездоровой фантазией. В их представлении, например, евреи обладали необыкновенной сексуальной потенцией и сексуальной привлекательностью. Отсюда, по логике нацистов, следовало, что любые, даже внешне нейтральные, контакты между евреями и «чистокровными» немцами таят в себе потенциальную опасность «осквернения германской крови». В свете этого любое действие еврея в самых невинных жизненных ситуациях можно было легко квалифицировать как «сексуальное побуждение» или «сексуальную угрозу». И это были не просто юридические умствования. Это была юридическая практика. Под подозрение попали все формы физических контактов между евреями и неевреями.

Так, Гамбургский земельный суд приговорил семидесятилетнего еврея, признанного судебной комиссией импотентом, к двум го-

дам тюремного заключения, обвинив его в «осквернении немецкой крови путем полового сношения с чистокровной немкой, выразившегося в форме поцелуев».

«Чистокровная» сотрудница отделения терапевтического массажа одной из больниц по каким-то своим соображениям решила оговорить своего постоянного пациента, торговца еврея Леона Абеля. Медсестра утверждала, что Леон Абель во время сеанса лечебного массажа в результате ее прикосновений якобы «проявил явные признаки сексуального возбуждения». В гестапо после соответствующей «обработки» Леон Абель признал себя виновным. На суде он отказался от выбитых из него в гестапо показаний и уличил доносчицу во лжи и оговоре. Тем не менее суд осудил Леона Абеля на два года тюремного заключения за то, что он «намеренно и искусственно стимулировал сексуальное удовлетворение в ходе терапевтического массажа в присутствии свидетельницы по уголовному делу, что является осквернением немецкой крови, при этом не имеет значения, знала об этом свидетельница или нет».

МЕТОДОЛОГИЯ НЮРНБЕРГСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Подлинно «методологической основой» для понимания существа и целей Нюрнбергских законов стала фундаментальная статья советника министерства внутренних дел доктора Бернхарда Лёзенера, опубликованная в «Имперском правительственном вестнике» от 23 ноября 1935 года. Распоряжением заместителя начальника Прусской государственной тайной полиции доктора Беста от 18 декабря 1935 года она была направлена во все органы полиции рейха в качестве «ценного методического пособия для понимания существа и целей расовых законов». С такой оценкой трудно не согласиться. Для понимания истоков и корней нацистской юдофобии и расовой ненависти к евреям теоретические изыскания доктора Лёзенера действительно полезны. Вот некоторые пассажи из его работы:

«...Закон «О гражданстве» и Закон «О защите немецкой крови и немецкой чести» реально воплощают в жизнь давнюю идею национал-социалистского движения, которая была заложена в соответствующих статьях программы НСДАП и философски обоснована в книге фюрера «Майн кампф». Они с корнем вырывают зло, которое другим способом уничтожить было невозможно. Эти решительные меры гораздо более важны для грядущих поколений немцев, и если

нынешнее поколение ослабит борьбу с этим злом, то будущему поколению с ним уже не справиться».

Далее Лёзенер подробно, с чисто немецкой дотошностью и педантичностью, разбирает разницу между «гражданином государства» и «имперским гражданином». Все эти пространные рассуждения, сопровождающиеся выпадами против «порочных норм либерального права», нужны ему только для того, чтобы постараться доказать, что евреи могут быть лишь «гражданами государства» (по сути, подданными), а не его «имперскими гражданами». Нюрнбергские законы, делает он вывод, лишь законодательно закрепили то, что давно зрело в недрах немецкого общества. Они, по его мнению, навсегда покончили с «насквозь лицемерной псевдолиберальной фразеологией» о равных гражданских правах для всех подданных и граждан государства.

«В Германии до сих пор не делалось практически никакого различия, принадлежит ли тот или иной подданный государства по своему происхождению и по крови к титульной нации или нет. В нашей стране это привело к чудовищному засилью евреев во всех областях жизни, масштабы этого засилья еще свежи в памяти людей. Насквозь гнилая либеральная политика Второго рейха и Веймарской республики привела к беспрецедентному наплыву в Германию евреев из восточноевропейских стран, без проблем получивших равные гражданские права с чистокровными немцами. В таких землях, как Пруссия и Саксония, этот наплыв привел к подлинному засилью чистокровных евреев на ключевых постах.

...Нюрнбергские законы следует рассматривать как единое целое, разными у них являются только поставленные задачи. Закон «О гражданстве» устраняет от участия в решении дальнейшей судьбы немецкого народа подданных с чуждой нам кровью. Закон «О защите немецкой крови и немецкой чести» отделяет подданных-евреев от немецкого, в смысле расы, народа и определяет евреям рамки собственного существования, лишая их возможности биологических контактов с чистокровными немцами, как это было раньше.

Главной заслугой Нюрнбергских законов является то, что они впервые ввели в юридическую практику понятия «немецкой крови» и «родственной немецкой крови», заменив расплывчатое понятие «арийского происхождения». На земле нет народов, которые бы состояли из представителей одной расы. Германский народ является продуктом долгого исторического развития и смешения различных древних рас, населявших европейский континент. Для расовой тео-

рии это не имеет никакого значения, так как другие европейские народы также являются продуктом смешения тех же древних рас, и то, что эти народы отличаются друг от друга по некоторым физическим и этническим признакам, объясняется разным «удельным весом» того или иного расового компонента. Представители этих народов являются хотя и «чужими» по происхождению, однако «не чужими», то есть родственными, немцам по крови. Но среди этих народов, равно как и в Германии, живут представители чужой расы и чужой крови. К ним в первую очередь следует отнести евреев.

Еврейский вопрос в Германии является прежде всего вопросом расовым. Нюрнбергские законы положили начало процессу окончательного решения еврейского вопроса, заложив основы фундаментальной перестройки немецкого государства. Эти законы вовсе не призваны разжечь в массах расовую ненависть к евреям, как нам это пытаются приписать наши идеологические противники. Наоборот, эти законы дают толчок началу процесса примирения, нормализации отношений между евреями и немцами. Если бы у евреев было собственное государство, то еврейский вопрос был бы давно уже решен. Не случайно именно убежденные сторонники сионистской идеи в Германии поддерживают Нюрнбергские законы. Мы только начинаем воплощать на практике то, что евреи давно уже, начиная с Книги Эзры[1], воплощают в своей жизни, живя среди разных народов и бережно сохраняя свою кровь от смешения.

Еврейский вопрос является проблемой мирового масштаба. Евреи проживают среди самых разных народов, и тот путь решения еврейского вопроса, который в настоящее время осуществляет немецкий народ, заключающийся в законодательном отделении чуждых по крови и естеству евреев от титульной нации, является единственно правильным и верным. Евреи, составляющие какие-то проценты от всего населения страны, будут отделены от чистокровных немцев в политическом, культурно-духовном и, что самое главное, в биологическом смысле. Те, кто с таким пафосом пугает евреев будущей «геттоизацией», сознательно искажают истину. Нюрнбергские законы не загоняют евреев в некие «гетто» в смысле закрытых жилых районов или кварталов. Кроме всего, евреи, всегда бывшие гостями чужой нации, в своем стремлении жить обособленно от принявших их народов сами создавали эти «гетто». Законодательное обособление евреев в Германии станет отправной точкой последующей их

[1] Библейская книга, датируемая V—IV вв. до н.э. — *Прим. ред.*

диссимиляции, и прежняя расовая ненависть уступит место здоровым, свободным от взаимных претензий отношениям. Ассимиляция евреев в Германии поставила немецкий народ на грань непоправимой расовой катастрофы. Устранив это приобретенное за века совместного существования зло, мы спасем будущие поколения, которые будут нам только благодарны за это.

Начатое Нюрнбергскими законами законодательное обособление евреев выгодно самим евреям, так как предполагает также их законодательную защиту в национальных рамках немецкого государства. «Нация» невозможна без «государства», и до тех пор, пока у евреев не будет собственного государства, у них нет права называть себя «нацией». Поэтому в Германии они будут «этническим меньшинством», а не «национальным меньшинством» в международно-правовом смысле».

Заключительная и самая большая по объему глава работы была посвящена проблеме так называемых «Mischlinge» — «метисов», «гибридов», «полукровок». Поправки к Нюрнбергским законам касались именно этой, приоритетной для нацистских идеологов проблемы. Лёзенер уделяет ей особое внимание, здесь он является «во всем своем блеске».

«...Нюрнбергские законы лишь заложили основы грядущего окончательного решения еврейского вопроса. Но расово-этническая проблема подобного масштаба не может быть решена за короткое время — для ее полного решения не хватит даже жизни одного поколения. Нюрнбергские законы — это максимум того, что можно было сделать сейчас. Две поправки к закону — свидетельство того, насколько сложной является эта проблема.

Было бы неоправданным упрощением полагать, что проблема «полукровок» является лишь частью всего еврейского вопроса, хотя многое роднит эти две проблемы. Не может быть и речи о простом механическом зачислении всех «полукровок» в евреи. Нельзя забывать о том, что в каждом «полуевреe» течет половина немецкой крови, не говоря уже о тех «полукровках», в жилах которых течет лишь одна четверть еврейской и три четверти немецкой крови.

Из общей массы потомков смешанных немецко-еврейских браков следует сразу выделить так называемых «евреев трех четвертей», то есть тех граждан государства, у которых трое из дедушек (бабушек) были чистокровными евреями и лишь один (одна) — чистой немецкой крови. Наследственная еврейская масса такой консистенции является, без всякого сомнения, преобладающей, и лиц

этой категории следует всех без исключения считать евреями, а не «полукровками». Проблемы «евреев трех четвертей», таким образом, не существует. В глазах как евреев, так и неевреев они, безусловно, являются евреями. Параграф 5 первой поправки к закону формулирует это положение достаточно определенно. Закон четко устанавливает генеалогические границы, определяющие принадлежность человека к евреям или «полукровкам» — родители родителей по прямой линии родства. Все, что лежит за пределами этой разделительной линии, по ту или по другую сторону, относится либо к еврейству, либо к чистокровным немцам. Для закона уже не имеет никакого значения тот факт, что один или два родителя родителей по прямой линии родства были не чистокровными евреями, а сами, в свою очередь, «полукровками».

Правовое положение «полуевреев» и «четвертьевреев», в соответствии с двумя первыми поправками к закону, следующее: они временно получают права имперского гражданина и приравниваются в правах к чистокровным немцам в смысле, изложенном в параграфе 2 первой поправки к закону. Вместе с тем для них сохраняются предусмотренные Законом «О восстановлении профессионального чиновничества» 1933 года ограничения, связанные с занятием определенных общественных и государственных должностей. В этом они равны в правах.

С точки зрения Закона «О защите немецкой крови и немецкой чести» их правовое положение фундаментально разнится. Потомство «четвертьевреев» должно быть чисто немецким по крови, поэтому на них распространяется запрет на смешанные браки с евреями, и они подлежат уголовному наказанию за осквернение немецкой крови вследствие внебрачных половых связей с евреями. Двойственная природа «полуеврея», в котором присутствуют в равной доле две наследственные массы, определяет законодательный подход к определению его правового статуса. Если он в момент издания закона принадлежит к иудейской общине, то он автоматически становится евреем. Если в момент издания закона он состоял в браке с евреем или вступил в такой брак позднее, то он также автоматически становится евреем. Ребенок, родившийся от внебрачной связи после принятия Нюрнбергских законов, то есть «полуеврей» по всем объективным данным, автоматически причисляется к евреям. Его родители сознавали незаконность их связи и должны нести ответственность за свой проступок. Если еврей женится на иностранке, кровь которой родственна немецкой, то ребенок от этого брака,

«полуеврей» по объективным данным, будет считаться евреем. Дети от существующего брака «полуеврея» с чистокровным немцем или с «четвертьевреем» будут считаться «четвертьевреями» и принадлежать немецкому народу. Не состоящим в браке «полуевреям» для заключения брака с чистокровным немцем требуется специальное разрешение; браки с евреями или «полуевреями» не требуют никакого разрешения».

17 января 1936 года министр внутренних дел рейха Вильгельм Фрик направил секретное письмо высшим органам власти и правительствам немецких земель, в котором указал на необходимость «творческого подхода» к практической реализации имперского «Закона о защите немецкой крови и немецкой чести».

«...Параграф 4 Инструкции о порядке применения закона, — говорилось в письме, — предусматривает удаление из государственной службы всех евреев или к ним приравненных лиц, занимающих чиновничьи должности. В инструкции, к сожалению, ничего не сказано о чиновниках, женатых на лицах негерманского, прежде всего еврейского, происхождения, а также о евреях, работающих в государственных учреждениях в качестве служащих низшего звена или рабочих. О некоторых сложностях, связанных с досрочным отправлением на пенсию или увольнением лиц указанной категории, уже поступила информация из ряда государственных ведомств и служб. Положения параграфов Закона «О восстановлении профессионального чиновничества» содержат достаточную правовую базу для удаления из государственной службы всех лиц указанной категории. Учитывая важность последовательного претворения в жизнь Закона о защите немецкой крови и немецкой чести, необходимо выявлять всех лиц указанной категории, не подпадающих по формальным признакам под действие Закона, и вести их тщательный учет. О ходе этой работы регулярно информировать».

2 апреля 1936 года, то есть спустя полгода после вступления в силу Нюрнбергских законов, министр юстиции рейха Гюртнер направил всем органам юстиции циркулярное указание с рекомендациями о порядке исполнения Закона «О защите немецкой крови и немецкой чести» следующего содержания: «...Пункт 2 параграфа 5 Закона «О защите немецкой крови и немецкой чести» предусматривает в случае доказанного судом осквернения немецкой крови вследствие запрещенной внебрачной половой связи между немцем (немкой) и евреем (еврейкой) в качестве меры наказания тюремное заключение или каторжные работы. По имеющейся в министерстве

статистической информации, до сих пор в качестве меры наказания за нарушение закона в основном назначалось тюремное заключение. Между тем осквернение немецкой крови является тягчайшим преступлением, что предполагает неукоснительное исполнение закона и предусмотренных им мер наказания. После вступления закона в силу прошло достаточно времени для осознания того, какое основополагающее значение он имеет для претворения в жизнь национал-социалистской расовой теории. Отсюда следует, что все нарушения закона, даже менее серьезные по характеру, следует рассматривать как тяжкие преступления. Каторжные работы являются в данном случае наиболее подходящей мерой наказания.

Следует также признать недопустимым и то, что еврейская сторона совершенного преступления получает, как правило, более мягкое наказание, чем немецкая сторона. Для немца — нарушителя закона — его принадлежность к германской расе служит для судов отягчающим обстоятельством, в результате чего ему присуждаются каторжные работы. Его еврейскому сообщнику суд назначает, как правило, лишь тюремное заключение.

Я также категорически не согласен с существующей в некоторых судебных решениях тенденцией рассматривать в качестве смягчающего обстоятельства случаи, когда преступная половая связь между немцем (немкой) и евреем (еврейкой) возникла до вступления в силу закона и продолжается уже длительное время. Закон требует немедленного прекращения подобных отношений, и тот факт, что эта преступная связь носит долговременный характер, не может служить смягчающим обстоятельством для судов. Я надеюсь, что органы юстиции и суды внесут необходимые коррективы в свою практику».

КОММЕНТАРИИ К НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКОМУ РАСОВОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Нюрнбергские законы справедливо считаются вершиной антиеврейского законодательства. *Фактически они* официально оформили дискриминацию евреев по расовому признаку во всех сферах жизни общества. Принципиально важным было то, что нацистские расовые нормативные и законодательные акты 1933—1935 годов (Закон «О восстановлении профессионального чиновничества» от 7 апреля 1933 года и инструкция по проведению его в жизнь, Закон

«О гражданстве» и Закон «О защите немецкой крови и немецкой чести» от 15 сентября 1935 года, а также поправка к Закону «О гражданстве» от 14 ноября 1935 года) и другие, дополняющие и уточняющие их официальные документы ввели в юридический оборот в рамках нацистского права закрепленные законодательно определения «еврей», «ариец», «неариец». В соответствии с этими нормативными актами человек в нацистской Германии считался евреем, если:

— трое из родителей его родителей были евреями;

— двое из родителей его родителей были евреями, а сам человек состоял в браке с евреем (еврейкой) или исповедовал иудаизм.

Нетрудно заметить, что расовое определение еврейства 1933 года формально было более строгим. Например, в 1933 году человек, у которого кто-то из родителей его родителей был евреем, сам считался «полным евреем», а по законам 1935 года — уже нет. Однако это отнюдь не свидетельствовало о смягчении расовой политики нацистов. Скорее, следует говорить о реакции нацистских «правоведов» на реалии жизни, в которой имелись самые сложные с расовой точки зрения коллизии.

Любопытно, что нацистское расовое законодательство 1933—1935 годов использовало и такой «правовой» термин, как «степень загрязнения арийской крови», которую можно было подсчитать в процентах по специальной методике и, таким образом, решить конкретную человеческую судьбу. Так, при наличии трех евреев в числе бабок и дедов у человека «преобладала» еврейская кровь. Если евреями были только двое из бабок и дедов, человек имел право сам определить свою расовую принадлежность. Его решение в таких случаях обозначалось особым термином — «самоидентификация». Дети от смешанных браков считались евреями, если они состояли в браке с евреями или принадлежали к иудейской общине.

Таким образом, можно констатировать, что нацистская расовая доктрина весьма эклектично подходила к определению «еврейства», смешивая два различных основания: биологическое и конфессиональное (религиозное). Так, для детей и их родителей принадлежность к евреям определялась по биологическим основаниям, а для бабушек и дедушек — по религиозным. Впрочем, идеологов Третьего рейха подобная «научная некорректность» не смущала, в решении «еврейского вопроса» все средства были хороши.

Кроме того, в нацистскую расовую терминологию и, соответственно, во внутреннюю антисемитскую политику был введен специальный термин — «мишлинге» — «метис». Так стали называть «сме-

шанные» или «нечистокровные» категории лиц, среди родственников и предков которых были евреи. В соответствии с нацистской расовой доктриной существовали «метисы» первой категории — «полуевреи» и «метисы» второй категории — «четвертьевреи». В смешанных браках, где мать или отец являлись евреями, к «метисам» относили их детей. В отличие от чистокровных евреев, «метисы» не являлись объектом целенаправленного преследования и истребления в нацистской Германии. Статс-секретарь министерства внутренних дел Вильгельм Штуккарт, один из разработчиков проекта Нюрнбергских законов о гражданстве и расе, был, например, принципиальным противником депортации и преследований «мишлинге» на том основании, что это означало бы «принесение в жертву германской крови». Штуккарт полагал, что «биологически опасно вводить германскую кровь во вражеский лагерь. Интеллект и блестящее образование полуевреев, обусловленное их связью с германской нацией, делают их естественными лидерами за пределами Германии, и потому они весьма опасны. Я предпочитаю видеть «метисов» умершими естественной смертью внутри Германии».

Чтобы приблизить «народные массы» к существу и сути Нюрнбергских расовых законов в области «законодательной защиты немецкой крови от чужеродного еврейства», нацистскими правоведами были разработаны специальные наглядные таблицы, демонстрировавшие немцам, когда, собственно, появляется опасность «преступного кровосмешения» и с кем следует вступать в брак для сохранения «чистоты арийской крови». Позиция Штуккарта, равно как и точка зрения цитированного выше советника Лёзенера, по сути дела, отражала элементы прагматичного подхода к проблеме той части нацистских функционеров, которые, конечно же, не питали добрых чувств к евреям, но, будучи практиками государственного управления, стремились «выжать» из лиц, которых можно было поставить под сомнение по совершенно официальным основаниям, максимум пользы для рейха, будь то научная одаренность, административный талант или военные способности. Наиболее яркий пример такого подхода — сам «главный гонитель» немецких евреев тех лет Герман Геринг. Именно ему принадлежала ставшая поистине нарицательной в официальных инстанциях рейха и передаваемая без свидетелей от одного чиновника к другому крылатая фраза: «В своем ведомстве я сам определяю, кто у меня еврей, а кто нет». И это были не пустые слова. Известна почти анекдотическая история, связанная с заместителем Геринга в министерстве авиации, началь-

ником вооружения люфтваффе генерал-фельдмаршалом Эрхардом Мильхом. В 1933 году Геринг, хорошо знавший Мильха и ценивший его организаторские способности, назначил его статс-секретарем министерства авиации. Однако существовал фактор, делавший невозможным государственную и военную карьеру Мильха: его мать была еврейкой. Ситуация, немыслимая для высокого должностного лица в условиях нацистского режима. Геринг весьма своеобразно решил эту проблему, заполучив от матери своего протеже собственноручно подписанное ею свидетельство о том, что Эрхард Мильх — внебрачный сын ее мужа, а не ее собственный ребенок. Но абсолютное большинство немецких евреев и «метисов» не имели покровителей такого уровня.

Кроме того, следует отметить, что позднее в отдельных случаях, вопреки идеологическим и расовым табу, нацистские власти поступали достаточно прагматично, возводя некоторых из «нечистых» за заслуги, оказанные рейху, в статус «почетных арийцев», что немедленно влекло за собой исключение этих лиц из «еврейских списков». Например, в Голландии в 1940 году такое звание получил генеральный директор министерства экономики Х.М. Гиршфельд — «за большой вклад в укрепление экономических связей между двумя странами», иными словами — за коллаборационизм[1] в экономической сфере после оккупации Голландии германским вермахтом.

Что же касается формальной стороны дела, то расовое законодательство нацистской Германии породило такой бюрократический «шедевр», как «Свидетельство о чистоте германской крови». Его был обязан заполнять каждый немец (или немка) при приеме на работу, полицейской регистрации, совершении гражданских актов и т.д. Анкета по форме «3а» включала 53 позиции, при этом давались подробные сведения по прямым родственникам вплоть до второго колена. Лицо, заполнявшее свидетельство, под личную подпись предупреждалось о недопустимости сообщения ложных сведений расового характера о себе и о своих родственниках. Это влекло за собой как минимум немедленное увольнение с работы. Наконец, нельзя не прокомментировать мировоззренческую составляющую теоретических выкладок доктора Лёзенера как одного из прикладных разработчиков нацистского расового права. По Лёзенеру, «Нюрнбергские законы не загоняют евреев в гетто», а лишь способ-

[1] Политика сотрудничества оккупированных стран с оккупантами. — *Прим. ред.*

ствуют «законодательному обособлению евреев, выгодному им самим». В общем, этакая культурно-национальная еврейская автономия внутри германского государства «всеобщего благоденствия». Только вот практика антисемитской политики Третьего рейха разительно отличалась от этой благостной картинки. Реальностью же было полное попрание всех политических и социально-экономических прав немецких евреев, а затем пришел и черед еврейских гетто. В последующем, в полном соответствии с теоретическими наработками вышеназванного ученого мужа, «процесс примирения и нормализации отношений между немцами и евреями с помощью нюрнбергского расового законодательства» продолжал интенсивно развиваться в лагерях, и точно к середине 1945 года «прежняя расовая ненависть между немцами и евреями» действительно «уступила место здоровым и свободным от взаимных претензий отношениям». Правда, с одной лишь небольшой поправкой: большая часть европейского еврейства, включая и евреев Германии, к этому времени уже была освобождена не только от «груза прошлых расовых конфликтов», но и от самой жизни их нацистскими «благодетелями».

«ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ» РАСОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

После принятия Нюрнбергских законов и первой поправки к ним законодательная деятельность, направленная против евреев, несколько сократилась. Этот период относительного «затишья» продолжался около двух лет и объяснялся следующими обстоятельствами. Во-первых, в 1936 году в Германии должны были состояться зимние и летние Олимпийские игры. Соответственно, откровенная антиеврейская политика была временно снята с повестки дня. Но это был лишь тактический, а не главный фактор. Главным же было то, что Гитлер и вся нацистская верхушка стояли перед сложной дилеммой: антиеврейское законодательство ущемляло и унижало евреев, превращая их в угнетенное национально-этническое меньшинство, но одновременно оно же создавало легальные основы их проживания в рейхе, предоставляя им определенный, пусть и несовместимый с немцами, официальный статус. Именно это и вызывало сомнения у нацистов по поводу правильности данного пути: следует им вообще мириться с существованием евреев в рейхе или нет? Поэтому в середине 30-х годов нацистское руководство в этом вопросе как бы находилось на перепутье. Однако чем прочнее было

положение режима внутри страны и на международной арене, тем чаще нацистских вождей посещали мысли о возможности «решения еврейской проблемы» иным, более радикальным способом.

Тем не менее и в эти годы продолжалось «творческое развитие» нацистского расового законодательства. С момента издания Нюрнбергских законов (сентябрь 1935 года) до сентября 1937 года было издано 348 антиеврейских законов, постановлений и указов, а в период с сентября 1937 года и до «Хрустальной ночи» (ноябрь 1938 года) было опубликовано 1234 таких нормативных акта, причем последние постановления были гораздо жестче тех, что принимались в предыдущие два года. Атмосфера кипучего антисемитизма вновь охватила государственные и партийные структуры рейха.

В течение 1937—1938 годов по всей стране проводились многочисленные мероприятия, направленные на подчеркнутое противопоставление евреев неевреям. Инициатива в принятии антиеврейских нормативных актов принадлежала, как и прежде, руководящим инстанциям Третьего рейха. В этом «нормотворчестве», однако, появились новые моменты. Целый ряд документов был подготовлен в центральном аппарате НСДАП. Фактически нацистская пар-

Последствия «Хрустальной ночи» – пылает синагога во Франкфурте-на-Майне

тия, занимаясь законодательной деятельностью, выступала как самостоятельный субъект права. И это вполне соответствовало политическим реалиям Третьего рейха. Ведь НСДАП была не просто правящей, а государственно-правящей партией, чьи структуры пронизывали все звенья немецкого правительственного аппарата. Соответственно, директивные указания партии касались не только ее членов, но и всех граждан Германии.

Так, 8 января 1937 года начальник штаба при заместителе фюрера по партии Мартин Борман направил директиву № 5/37, запрещавшую немецким гражданам рейха («имперским гражданам»), принадлежавшим к «арийской расе», пользоваться услугами еврейских врачей, провизоров и похоронных обществ, принадлежавших евреям. «Арийцам» разрешалось прибегать к помощи врачей-евреев только в исключительных, экстремальных случаях, когда жизни пациента угрожала непосредственная опасность, а вызов «арийского» врача из-за недостатка времени мог привести к необратимым последствиям для жизни «арийского» пациента. Распоряжение касалось не только лиц, занятых в производстве, но и пенсионеров, несовершеннолетних и иждивенцев. Одновременно признавались недействительными любые свидетельства, включая свидетельства о временной нетрудоспособности в связи с заболеванием, свидетельства о смерти, справки об оказании срочной врачебной помощи, аптечные рецепты и т.п., выдаваемые еврейскими врачами, провизорами, юристами и сотрудниками похоронных бюро. Понятие «еврейский врач» предписывалось трактовать в соответствии с нормами имперского Закона «О защите немецкой крови и чести» от 15 сентября 1935 года. Эта директива была дополнена соответствующим циркуляром министра внутренних дел рейха, составленным на официальном партийном бланке НСДАП.

3 апреля 1937 года появился циркуляр Мартина Бормана № 43/37 о недопустимости поселения руководящих функционеров партии в гостиницах, отелях, а также в домах, принадлежавших евреям.

22 мая 1937 года вышел очередной партийный циркуляр № 64/37 о мерах по недопущению размещения представителей НСДАП, находящихся с официальными визитами за границей, в гостиницах и отелях, хозяевами которых были евреи.

В 1938 году антиеврейское законодательство продолжало ужесточаться. 16 июня 1938 года было опубликовано новое, третье по счету распоряжение о порядке применения Нюрнбергских законов

Витрина еврейского магазинчика, разгромленного во время «Хрустальной ночи»

1935 года (так называемая «Третья поправка»). Оно породило новую волну указаний, предписаний и циркулярных распоряжений различных ведомств рейха по расовой тематике. Одновременно увеличивалось и число ограничений на общение и контакты немцев с евреями. Например, сотрудникам служб безопасности запретили ночевать в еврейских гостиницах и пансионах (16 июля 1938 года); были введены ограничения на почтовые отправления для евреев, на обратной стороне почтовых отправлений, предназначенных для немцев, появилась надпись: «Не для евреев» (31 августа 1938 года); евреев обязали всегда иметь при себе удостоверение личности (23 июля 1938 года); на заграничных паспортах евреев была вытиснена буква «J» (5 октября 1938 года). 27 июля 1938 года было принято правительственное постановление о переименовании улиц, названных в честь евреев. 17 августа был издан указ, согласно которому, начиная с 1 января 1939 года, евреям запрещалось давать своим детям «исконно немецкие имена», причем к любому имени еврейского ребенка полагалось добавлять второе имя — «Израиль» для мальчика и «Сарра» — для девочки. К концу 1938 года было ограничено право

евреев появляться в общественных местах города Берлина. Кроме того, после «Хрустальной ночи» было полностью прекращено обучение еврейских детей в общих школах (15 ноября 1938 года).

Новая антиеврейская законодательная волна была организована нацистами с иезуитской хитростью. Практически ни один из вышеназванных нормативных актов не причинял евреям непосредственного экономического или физического ущерба. Однако они создавали совершенно определенный общественный климат, воздвигали стену психологического отчуждения между евреями и остальным населением страны. Разрывались человеческие связи, евреи Германии оказывались в культурной, политической и бытовой изоляции. Составной частью этой кампании стала и развернувшаяся травля австрийских евреев после аншлюса Австрии в марте 1938 года.

Можно только представить себе, сколько личных человеческих трагедий породило нацистское расовое законодательство. Документальное свидетельство одной из них сохранилось в архивах СД. Наивная, если не сказать больше, жительница Берлина фрау Эльза Катц, подписчица газеты «Фёлькишер Беобахтер», в 1938 году, когда по всей Германии прокатилась волна судебных процессов над «еврейскими осквернителями немецкой крови», когда в национал-социалистской прессе дня не проходило без погромных антисемитских статей, решила посоветоваться со своей газетой по следующей личной проблеме. «Мой сын, — писала она в газету, — является полуарийцем. Он обручен в течение уже 5 лет, но жениться не имеет права. Вопрос: может ли он со своей невестой продолжать жить в незарегистрированном браке, или же они должны разорвать обручение? Помогите мне, пожалуйста, я — мать и очень переживаю за своего сына. Мы уже 3 года являемся подписчиками «Фёлькишер Беобахтер».

Газета проявила не только чуткость, но и поразительную оперативность, тотчас же переслав письмо фрау Эльзы Катц в службу безопасности СД. Разумеется, с просьбой «высказать свою точку зрения для подготовки ответа нашей читательнице фрау Катц». О том, как успокоила материнские тревоги читательницы газета «Фёлькишер Беобахтер», повествует внутренний документ реферата II 112 Главного управления службы безопасности по этому поводу. Он заслуживает отдельного цитирования:

«Письмо Эльзы Катц свидетельствует о том, что в системе Нюрнбергских законов существуют зияющие пробелы. Сын фрау Катц,

являющийся, по всей видимости, метисом первой степени, уже в течение 5 лет помолвлен с арийкой и живет с ней в незарегистрированном браке. Решением Имперского комитета по защите немецкой крови в разрешении на брак им отказано. В данном конкретном случае имеется, однако, реальная возможность обойти запрет Имперского комитета, так как закон, запрещая смешанные браки, формально не запрещает совместное проживание лиц, которые были обручены по установленной форме. Между тем основным содержанием запрета на смешанные браки является в первую очередь предотвращение появления на свет нового потомства с еврейской кровью. Совместное проживание в незарегистрированном, хотя и формально не запрещенном браке таит в себе объективную опасность появления такого потомства. В условиях отсутствия реальных законодательных рычагов прекращения этого недопустимого союза единственно эффективными могут стать меры полицейского запрета. Следует предложить центральной службе гестапо изучить возможность непосредственного вмешательства в данную ситуацию. Одновременно необходимо поставить в известность заместителя фюрера по НСДАП».

В официальном ответе в редакцию «Фёлькишер Беобахтер» служба СД предложила газете «сообщить фрау Катц, что дальнейшее совместное проживание ее сына с чистокровной немецкой гражданкой рекомендуется немедленно прекратить, в противном случае существует реальная возможность полицейского вмешательства в это дело со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Характерной чертой нацистского антиеврейского законодательства являлось то, что нацистская верхушка неизменно поддерживала и поощряла наиболее дикие антиеврейские законодательные «новации» с мест, зачастую сама провоцируя их появление. Об одной такой «ценной инициативе», в порядке предложения о повсеместном внедрении «полезного опыта», докладывал в марте 1938 года руководитель регионального отделения службы СД оберабшнитта СС «Юг» своему берлинскому руководству. Речь шла о диковинном документе под названием «Руководящие принципы приема и обслуживания евреев в центральной больнице города Нюрнберга». Своего рода практическое руководство или, скорее, служебная внутриведомственная инструкция для работников социальной сферы в случае обращения к ним лица, причисляемого в соответствии с Нюрнбергскими законами к евреям. Родилась эта инициатива, как следует из сопроводительного письма в Главное управление СД, «из

реальной жизни». Городской отдел социального обеспечения Нюрнберга обнаружил, что один пенсионер, годами получавший социальную помощь, оказался чистокровным евреем, хотя и давно крещенным по евангелическому обряду. Именно этот «возмутительный факт» подвигнул нюрнбергских эскулапов на написание упомянутой инструкции. Город, давший миру такие расовые законы, был просто обязан «показывать пример» в решении еврейского вопроса. Сами «Руководящие принципы» — это длинный пятистраничный документ, детально расписывающий действия работников социальной сферы в отношении евреев. Первый раздел этого документа назывался «Общие положения» и давал достаточное представление обо всем его содержании.

«При рассмотрении ходатайств о выделении социальной помощи необходимо особое внимание уделить выявлению расового происхождения ходатайствующего лица, а в случаях, вызывающих обоснованные сомнения, особенно при наличии явно еврейского по внешним признакам имени ходатайствующего лица, требовать предоставления дополнительных документов, проясняющих его расовое происхождение. При рассмотрении ходатайств евреев о выделении социальной помощи или о продлении существующих социальных выплат, как и при рассмотрении любых социальных ходатайств евреев разового или среднесрочного характера, следует с особой тщательностью подходить к изучению и рассмотрению представленных документов, руководствуясь при принятии решений по этим ходатайствам самыми строгими критериями».

Естественно, что самым «строгим критерием» в этом непростом деле являлось расовое законодательство Третьего рейха. Странно и удивительно в этом случае лишь то, что подобным образом уточняли нацистские расовые законы не профессиональные бюрократы из СД и гестапо и не головорезы из штурмовых отрядов, а работники социальных служб и врачи — представители «самой гуманной в мире профессии».

Принятые нацистским режимом расовые антиеврейские законодательные и нормативные акты сразу же реализовывались на практике посредством целой системы политических, общественных и административных структур, игравших роль своеобразных «приводных ремней» между высшим партийно-государственным аппаратом и населением рейха. Именно их работа обеспечивала быстрое и достаточно эффективное проведение в жизнь теоретических и политических установок НСДАП, в том числе и в сфере расовой поли-

тики. Например, в русле «генеральной линии» энергичные шаги по «очищению» своих рядов от «расово чуждых элементов» предпринял «Немецкий трудовой фронт», объединивший в своих рядах большинство работников промышленности. Так, в архивах СД сохранился отчет «Немецкого трудового фронта» о ходе этой кампании. Характерно, что он был напечатан на бланке «еврейского» реферата II 112 Главного управления СД. Вот некоторые выдержки из этого документа: «Основополагающими для всех нас, членов «Немецкого трудового фронта», — писал неизвестный автор отчета, — явились гениальные слова фюрера, произнесенные им на историческом съезде национал-социалистской партии в 1935 году, на котором были впервые провозглашены Нюрнбергские законы: имперским гражданином Германии может стать лишь соотечественник, а соотечественником может стать лишь тот, в чьих венах течет немецкая кровь, невзирая на религию. Таким образом, еврей не может быть нашим соотечественником».

В отчете имеется текст верноподданнической клятвы или, скорее, расовой присяги нового члена «Немецкого трудового фронта», который он был обязан при приеме прочитать вслух и подписать в случаях, когда чистота его германской крови вызывала сомнения у руководства. Звучала она следующим образом: «Я заявляю, что мне хорошо известны условия получения германского гражданства в том смысле, в котором они изложены в инструкции от 14 ноября 1935 года о применении имперского Закона «О защите немецкой крови и немецкой чести» от 15 сентября 1935 года, и что я соответствую этим требованиям. Я также полностью согласен с тем, что, если мне будет отказано в германском гражданстве, я автоматически лишаюсь членства в «Немецком трудовом фронте» и не намерен выдвигать в этом случае никаких претензий».

В апреле 1937 года «Немецкий трудовой фронт» разослал «совершенно секретную» ориентировку всем своим низовым организациям. Была найдена новая «досадная брешь» в Нюрнбергских законах. Как известно, в соответствии с параграфом 3 «Закона о защите немецкой крови и немецкой чести» евреям не разрешалось нанимать в качестве прислуги гражданок рейха немецкой или близкой ей крови моложе 45 лет. А если прислуга моложе 45 лет не является гражданкой рейха? Оказалось, что никаких законодательных ограничений на этот счет не имеется, то есть закон попросту не учел этой возможности. В ориентировке говорилось: «Немецкому трудовому фронту» стало известно о массовых случаях нарушения Нюрнберг-

ских законов представительницами «фольксдойче»[1] чехословацкой Судетской области. Молоденькие обладательницы чистой немецкой крови получают в рейхе разрешение на работу и в массовом порядке нанимаются на работу к евреям, которые, как правило, лучше платят. Тем самым создаются реальные возможности для безнаказанного осквернения евреями немецкой крови. Всем руководителям отделений «Немецкого трудового фронта» на местах предлагается незамедлительно принять меры к выявлению такого рода случаев и проинформировать по ним соответствующие компетентные органы».

Как уже отмечалось, «Немецкий трудовой фронт» в этом вопросе был не одинок, подобные кампании проводились практически во всех государственных, административных, экономических, культурных и общественных структурах рейха.

Само собой разумеется, что обвинения в «скрытом еврейском происхождении» либо в наличии родственников-евреев стали действенным оружием в руках тех, кто мечтал получить повышение и занять более высокое служебное положение, «подсидев» собственного начальника, либо просто уничтожить конкурента. Этим грешили и высокопоставленные партийные функционеры. Так, гауляйтер Курмарка и будущий палач белорусского народа Вильгельм Кубе «организовал» в апреле 1936 года анонимное письмо, подписанное несколькими евреями и адресованное в имперскую канцелярию. В нем утверждалось, что жена председателя партийного суда НСДАП Вальтера Буха является еврейкой. Ко всему прочему, дама являлась еще и тещей Мартина Бормана, начальника штаба при заместителе фюрера по партии. Разгорелся скандал, и было проведено тщательное расследование. Донос был признан ложным. Кубе быстро «вычислили», и он был вынужден сознаться в своем авторстве. В качестве наказания Гитлер временно удалил неудачливого интригана с занимаемых им постов.

В новой кампании расовых чисток вновь встал вопрос о «полуевреях». Оригинальное решение «проблемы метисов» предложил некий доктор Гросс. Газета «Берлинер Тагесблатт» от 8 ноября 1937 года писала по этому поводу: «Государственный советник доктор Гросс, выступая с докладом в Гамбургской академии управления, затронул решение еврейского вопроса. Он заявил, что, наряду с решением еврейского вопроса в его, так сказать, чистом виде, особое

[1] Этнические немцы, проживающие за рубежом. — *Прим. ред.*

значение для Германии приобретает проблема «метисов», т.е. евреев «второй степени». Для ее полного решения в рамках существующего законодательства понадобится несколько десятков лет. Судьба десятков тысяч наших соотечественников, которые не по своей вине стали расово и генетически больными, вызывает у нас естественное сочувствие, однако в интересах здоровья нации мы не можем допустить того, чтобы эти люди дали жизнь новому зараженному потомству. Наше подлинное уважение могут заслужить те настоящие патриоты своей родины, которые в ее интересах пойдут на суровую жертву и добровольно подвергнут себя стерилизации. Этой жертвы немецкий народ никогда не забудет».

Вальтер Гросс

Эволюция нацистского расового законодательства и расовой политики национал-социализма в отношении евреев носила «ускоренный» характер. От предложений о «добровольной стерилизации», адресованных «настоящим патриотам своей родины», и тщательно прописанных норм, закреплявших разделение людей на «чистых» и «нечистых», до рвов Бабьего Яра, немыслимой реальности Варшавского гетто, Майданека, Освенцима и Треблинки оказался довольно короткий путь.

«Деевреизация» экономики Германии и ликвидация «удушающей власти еврейского капитала» являлись политической и экономической сверхзадачей нацистов сразу после их прихода к власти. Главным методом ее решения был избран метод «выдавливания» евреев из экономической жизни Германии, их прямое ограбление. Основными формами такого давления стали экономические бойкоты еврейских магазинов и фирм, изгнание евреев из сферы общественных услуг и торговли, принятие ряда законодательных норм, всячески ограничивавших активность еврейского предпринимательства, а также фактическое отчуждение принадлежавших евреям фирм и предприятий, принявшее форму «ариизации».

Первая массовая антиеврейская экономическая акция (бойкот 1 апреля 1933 года), несмотря на ее бесспорный пропагандистский успех, принесла нацистам определенные экономические и политические проблемы. Так, бойкот имел негативные последствия внешнеэкономического плана. Крупные финансисты и промышленники Запада, среди которых традиционно была высока доля евреев, не могли приветствовать действия такого рода. Это обстоятельство также повлияло на продолжительность бойкота, которая была ограничена лишь одним днем. Во-вторых, бойкот, хоть и был объявлен «акцией по защите немецкого труда», в действительности нанес удар по немецким фирмам и немцам, связанным с работой еврейских предприятий либо непосредственно работавшим на них. Зачастую подавляющее большинство рабочих и служащих еврейских предприятий составляли «стопроцентные арийцы». Кроме того, возникло множество коллизий чисто юридического свойства, многие из пикетируемых магазинов и фирм финансировались либо немецкими банками, либо зарубежными финансовыми источниками, кроме того, не являлись евреями и многие владельцы контрольных пакетов акций этих предприятий и фирм. В нацистских бюрократических инстанциях за закрытыми дверями активно обсуждался вопрос: а что, собственно, обозначает термин «еврейское предприятие»? Каковы принципы и критерии его юридической идентификации? Таким образом, в экономическом смысле бойкот показал себя достаточно неэффективным. Одновременно он свидетельствовал, что назрело время для приведения правовых аспектов хозяйственной жизни рейха в соответствие с расово-политическими реалиями нацизма.

«ЕВРЕЙСКИЙ БОЙКОТ»

Всегерманский бойкот 1 апреля 1933 года стал лишь прелюдией к систематическим и непрекращающимся акциям против еврейских магазинов и еврейских товаров. Первой реакцией еврейских промышленников, оптовиков и владельцев розничной сети были смятение, растерянность и недоумение. Чего добиваются новые правители Германии? Ведь они же подрывают основы немецкой экономики! Они рубят сук, на котором сами сидят! Может быть, они чего-то не понимают? Может быть, им нужно просто все объяснить? В этой связи председатель «Центрального объединения немецких граждан иудейского вероисповедания» доктор Альфред Винер на-

правил руководителям региональных и низовых организаций объединения письмо, датированное 21 июня 1933 года: «Из разных городов и областей Германии приходят сообщения о том, в каком тяжелом положении оказались владельцы крупных оптовых компаний — поставщиков одежды и текстильных товаров в результате того, что предприятия розничной торговли, владельцами которых являются евреи, предвидя убытки от продолжающихся акций бойкота и потеряв уверенность в будущем, сворачивают свою торговую деятельность. Еврейские владельцы крупных оптовых компаний, бойкотируемые, в свою очередь, арийскими владельцами предприятий розничной торговли, вынуждены сокращать объемы своих заказов на предприятиях легкой и текстильной промышленности. Союз оптовиков уже проинформировал об этом Союз германских промышленников, указав в качестве главной причины на трудности розничной реализации товаров в связи с антиеврейским бойкотом. Все это вызывает тревогу в промышленных кругах страны. В земле Саксония местный союз промышленников обратился в земельное министерство экономики с просьбой дать разъяснение по поводу складывающейся ситуации. С учетом изложенного обращаем ваше внимание на необходимость разъяснительной работы на местах. Следует проинформировать соответствующие государственные и партийные структуры о той опасности, которую может представлять для немецкой экономики ликвидация еврейских оптовых, мелкооптовых и розничных предприятий.

Д-р Альфред Винер».

Берлинский штурмовик у дверей еврейского магазина

В первый год нахождения нацистов у власти у доктора Винера еще могли быть какие-то основания для осторожного оптимизма. В то время в Германии многие надеялись, что всплеск мутной вол-

Член СА дежурит у магазина. Рядом на транспаранте «экономическое» обоснование бойкота

ны антисемитизма — явление временное, конъюнктурное, что нацисты, «перебесившись», займутся серьезными государственными делами, что законы экономики возьмут свое. Но эти люди не понимали того, что национал-социалистская расовая политика — явление иррациональное и «внеэкономическое» по своей сути. Для нее соображения разумности, экономической целесообразности, практической выгоды, в конце концов, элементарный здравый смысл не имеют ровным счетом никакого значения.

Опыт первого антиеврейского экономического бойкота 1933 года получил «творческое развитие» во время массовой антиеврейской кампании летом 1935 года, связанной с так называемыми делами «по осквернению арийской крови», о чем уже упоминалось. Особенно широкий размах приобрели хулиганские действия штурмовиков в Берлине. Чтобы ввести процесс «народного волеизъявления» в более или менее управляемое русло, 30 июля в берлинской ратуше состоялось совместное совещание «отцов города»: аппарата гауляйтера Берлина, представителей гестапо и городских полицейских инстанций, а также командования штурмовых отрядов СА района Берлин — Бранденбург. Однако целью столь ответственного собрания отнюдь не являлось прекращение антиеврейских акций.

Штурмовики призывают к бойкоту еврейских магазинов

Речь на нем шла о том, чтобы, отказавшись от шумных, но малоэффективных пропагандистских мероприятий и демонстраций, перевести «борьбу с еврейством» в Берлине на «экономические рельсы». В ходе совещания были выработаны следующие совместные решения, по сути — комплексная программа «тихого удушения» еврейского предпринимательства в городе:

«1. Еврейский бизнес.

Открытие новых еврейских торговых заведений должно быть максимально затруднено посредством строгого контроля поступающих заявок со стороны административного суда Берлина. Для этого городские власти должны разработать и издать специальное положение, которое принципиально исключало бы выдачу евреям концессионных разрешений на торговлю.

В отношении уже существующих еврейских лавок и магазинов следует жестко придерживаться требований закона о защите розничной торговли. Необходимо воспрепятствовать увеличению торговых площадей еврейских магазинов. При этом следует подумать о создании евреям, пытающимся расширить свои торговые заведения, дополнительных трудностей в виде соответствующих финансовых сборов и обложений со стороны строительной полиции.

Штурмовики готовятся к бойкоту

Особенно важно, чтобы все действующие еврейские торговые заведения в будущем могли бы сразу же быть идентифицированы покупателями как еврейские. Окончательное урегулирование этого вопроса должно взять на себя имперское правительство. В этой связи предлагается обозначать все арийские — нееврейские лавки и магазины соответствующей вывеской. Вопрос о выяснении расовой принадлежности владельцев торговых заведений должны взять на себя партийные инстанции аппарата гауляйтера Берлина. Кроме того, принято решение об усилении национал-социалистского воспитания населения как в рамках партийных структур НСДАП, так и вне их, чтобы удержать людей от покупок в еврейских магазинах.

Действенной мерой против владельцев еврейских кафе-мороженых, которые стали одной из главных мишеней антиеврейских демонстраций, будет уже принятое положение о том, чтобы каждое кафе-мороженое было оборудовано туалетной кабиной. Следует надеяться, что строгое и бескомпромиссное применение данного положения в отношении владельцев еврейских кафе-мороженых приведет к закрытию многих из них, так как выполнить его во многих случаях будет просто невозможно ввиду недостатка места для туалетной кабины.

2. Еврейские кооперативы по управлению домами и земельными участками.

Дома и земельные участки, принадлежащие евреям, в будущем должны быть подвергнуты строгой проверке на предмет того, были ли с них уплачены строительные налоги при ремонте, налоги при совершении сделок с недвижимостью и т.д. Аппарат гауляйтера Берлина должен взять на себя заботу о том, чтобы при сдаче еврейскими кооперативами жилья арийским и неарийским нанимателям, с арийских нанимателей жилья не требовали слишком высокой платы, и все вопросы, связанные с поднаймом жилья, решались бы в пользу арийцев.

...4. Следует подвергнуть тотальной проверке все немецкие организации и фирмы на предмет того, кто из них еще продолжает практику деловых отношений с еврейскими фирмами.

...В будущем состоятся дальнейшие обсуждения вопроса борьбы с еврейством в Берлине».

Таким образом, задолго до «большого наступления на экономическом фронте» против евреев в масштабах всей страны власти имперской столицы начали бескомпромиссную борьбу против еврейского предпринимательства в Берлине.

ПЕРВАЯ ВОЛНА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ «АРИИЗАЦИИ»

В рамках политики вытеснения евреев из хозяйственной жизни Германии центральное место занимала «ариизация». Этим термином обозначалась передача еврейского имущества и собственности немцам. Он не являлся аналогом понятия «национализация», поскольку в результате «ариизации» принадлежавшее евреям имущество переходило в руки частных лиц, а не нацистского государства. Процесс «ариизации» начался уже во второй половине 1933 года, но до 1938 года он осуществлялся не в силу закона или официального указа, а лишь как «следствие стечения определенных обстоятельств». Ясно, однако, что эти «обстоятельства» всегда умышленно создавались нацистами. Например, определенным заводам и фабрикам, где хозяевами были евреи, нацисты прекращали поставки сырья и оборудования, применяли политику эмбарго[1] и прочее. Несмотря на то что хозяин-еврей был вынужден идти на невыгодную

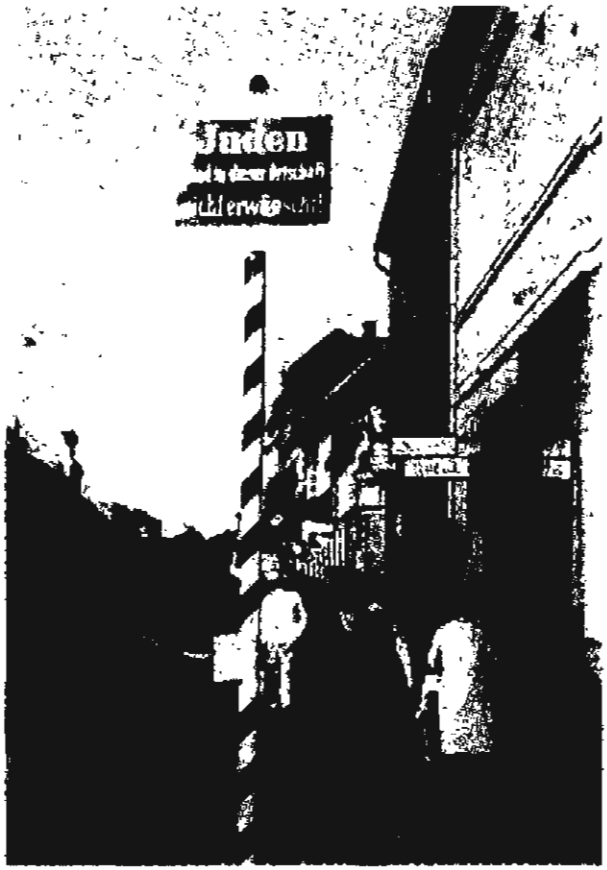
[1] Запрет на ввоз в страну и/или вывоз из нее товаров или валюты. — *Прим. ред.*

Члены СА с плакатами: «Немцы, будьте осторожны! Не покупайте у евреев!»

сделку и срочно продавать свое рентабельное предприятие за его неполную стоимость, за ним все-таки оставалось некое подобие свободы выбора: он имел возможность определять «арийских» покупателей своего предприятия. Какие же предприятия подвергались процессу «ариизации» в середине 30-х годов? Во-первых, те, которые не имели практического значения для военно-экономической мощи рейха (магазины, маленькие фабрички и мастерские, особенно в селах и деревнях). Во-вторых, более крупные предприятия, имевшие отношение к культурной и информационной сфере (например, издательства). Нередко за право обладания ими между «истинно арийскими» предпринимателями разгоралась ожесточенная конкурентная борьба.

Особенно сильно «ариизация» отразилась на владельцах предприятий розничной торговли: из 50 000 магазинов к середине 1938 года лишь 9000 по-прежнему оставались в руках еврейских владельцев. Прямым следствием многочисленных запретов на профессию, дискриминационных ограничений, поголовных увольнений и при-

нудительной передачи еврейских предприятий в «арийские руки» стал резкий рост безработицы среди евреев Германии. В «борьбе с еврейством на экономическом фронте» нацисты не забыли и аграрную сферу. Еще в сентябре 1933 года был издан закон, запретивший евреям владеть крестьянскими земельными участками и вообще заниматься сельским хозяйством. Закон имел чисто расовую подоплеку. Как известно, квинтэссенцией расовой теории германского национал-социализма была идея о том, что «жизненная сила немецкого народа заключается в чистоте немецкой крови и в неразрывной метафизической связи со священной немецкой землей». Чистота крови мыслилась основным условием «развития созидательных и творческих сил немецкого народа в деле создания мощного германского государства». Только оно могло «обеспечить победу в борьбе с внешними и внутренними врагами и выживание немецкого народа как расы». Исходя из этого расистского постулата, евреи, по определению, не могли ни обрабатывать «священную немецкую землю», ни владеть ею. Позднее, в развитие закона, нацистами был принят целый ряд нормативных актов, которые полностью исключили даже вероятность какой-либо хозяйственной деятельности евреев в аграрном секторе.



Арианизация в действии. Некоторые улицы Германии стали закрытыми для прохода евреев.

ДВОЯКАЯ ПОЗИЦИЯ ШАХТА

Следует отметить, что «антиеврейский компонент» всегда являлся составной частью экономической политики нацистских властей, однако вначале они были вынуждены в той или иной степени учитывать экономические реалии. Важнейшую роль в хозяйственной жизни рейха в середине 30-х годов играл Яльмар Шахт, предста-

Яльмар Шахт был противником оголтелого антисемитизма

витель правого крыла германских политиков, блестящий экономист, назначенный Гитлером сначала президентом рейхсбанка, а затем — министром экономики. Сам не будучи нацистом, он в большой степени способствовал финансово-экономическому укреплению национал-социалистского режима, проводя политику жесткой централизации хозяйственной жизни и перевода ее на военные рельсы. Эти огромные по масштабу экономические акции финансировались за счет внутренних займов. Они не только создавали экономическую базу для будущей войны (мощную военную промышленность и разветвленную инфраструктуру), но и формировали психологическую атмосферу «общенациональных усилий» в экономической сфере. Так, благодаря масштабным общественным работам практически исчезла безработица, работодатели и рабочие оказались объединенными в «Немецкий трудовой фронт», профсоюзы были распущены и их имущество конфисковано, запрещены забастовки, на работодателей оказывалось прямое давление государственных инстанций с целью увеличения числа рабочих мест.

В связи с этими экономическими новациями встал вопрос: как относиться к евреям, которые своей профессиональной деятельностью вносят большой вклад в хозяйственную жизнь? При назначении на пост министра экономики (июль 1934 года) Шахт осведомился у Гитлера: как он должен относиться к евреям, учитывая возложенные на него функции? Гитлер ответил: «Евреи могут продолжать заниматься хозяйственной деятельностью по-прежнему». Шахт, отнюдь не будучи настроенным «проеврейски», был в первую очередь хорошим финансистом и прагматичным политиком. 20 августа 1935 года под его председательством в министерстве экономики состоялось закрытое совещание высших функционеров министерств и ведомств рейха, посвященное «практическому решению» еврейско-

го вопроса. Высказав свое крайнее неодобрение развязанной в штрейхеровской прессе кампании против «видных и уважаемых специалистов немецкой химической промышленности» (в связи с наличием у некоторых из них еврейских родственников), Шахт прямо заявил о том, что публикации такого рода нанесли «колоссальный ущерб» экспорту химической промышленности Германии.

«Я 30 лет жил рядом с евреями, — продолжал далее Шахт, формально выразив свое полное согласие с «генеральной линией» национал-социализма по еврейскому вопросу, — и 30 лет мне удавалось зарабатывать на них хорошие деньги, а не наоборот. Методы, применяемые в отношении еврейского предпринимательства сегодня, невыносимы. Необходимо внести определенную систему в этот общий хаос, и пока эта цель не будет достигнута, мы не сможем разрешить и остальные аспекты еврейской проблемы».

Весьма наглядно линию Шахта в политике «экономического выдавливания еврейства из немецкой экономики» характеризует занятая им позиция при чистке крупнейших немецких банков от «еврейского элемента». Так, при непосредственном участии Шахта из правления «Дойче Банка» были выведены евреи Оскар Вассерманн и Теодор Франк. При этом Шахт в приватном разговоре с обоими еврейскими банкирами пообещал, что их деловое сотрудничество с ним и с германскими финансовыми структурами обязательно будет продолжено. Конечно, это обещание не было выполнено, но как бы уже по не зависящим от Шахта лично обстоятельствам.

После принятия Нюрнбергских законов, которые многие в Германии постарались использовать для нанесения евреям максимального материального ущерба, Шахт обратился к главам правительств немецких земель и разъяснил, что устранение евреев из экономической сферы пока отложено: «Только правительство рейха будет решать, следует ли сократить экономическую деятельность евреев или нет».

Подобная политика последовательно проводилась Шахтом в 1935—1937 годах. Однако после его ухода с поста министра экономики осенью 1937 года в связи с разногласиями с Г. Герингом экономическое давление на немецких евреев сразу возросло. Сказанное выше, разумеется, не означает, что при Шахте вообще не существовало экономического притеснения евреев. Напротив, подобная политика проводилась постоянно, но лишь в тех областях, где она не причиняла прямого вреда экономическому развитию Германии и росту ее военно-промышленного комплекса.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ «АРИИЗАЦИИ»

По мере организационного развития и усиления карательных и специальных служб Третьего рейха усиливалось и их влияние на «экономическом фронте борьбы» с немецкими евреями. Это было обусловлено в том числе и тем обстоятельством, что многие еврейские предприниматели, не желая терять нажитое ими за долгие годы имущество и капиталы, использовали любые лазейки финансово-юридического плана для перевода своих средств за пределы нацистского рейха. Для пресечения этой тенденции полицейские инстанции активно использовали агентурно-осведомительскую сеть. В российских архивах сохранилось несколько образцов первой волны «экономических» доносов, инициированных министерством внутренних дел и подчиненной ему тогда государственной тайной полицией. Один из этих доносов датируется 18 сентября 1933 года. Имя доносчика, разумеется, не сохранилось.

«Сообщаю, что доктор Герберт Кан продемонстрировал своим неарийским согражданам пути и способы перевода за границу своего имущества. Его бюро расположено в Берлине по улице Викторияштрассе 30 (все его сотрудники — неарийского происхождения). Я ранее уже информировал о сделках Кана с целью продажи Советской России судов. Вполне вероятно, что именно после моего сообщения СА провели обыск в его бюро. Кан переписывает на свое имя банковские счета во Франции, Англии и других странах, принадлежащие тем евреям, которые собираются эмигрировать за границу. Затем он получает разрешение на перевод валюты за рубеж из расчета 50 процентов от суммы. Кан таким способом переправил за рубеж несколько миллионов. По моим данным, у него имеется близкий друг в отделе валютно-экспортного регулирования министерства экономики. Этот человек проинформировал Кана о разрабатываемом законе об ограничении экспорта еврейских капиталов за границу, проект которого уже готов. Кан, по моим данным, собирается купить морскую яхту в порту Шванемюнде. Он уже явно ликвидирует все свои дела в Германии.

Берлин, 18 сентября 1933 года».

Наверное, с точки зрения формального законодательного регулирования валютных операций и перевода денежных средств за границу Герберт Кан был не самым законопослушным гражданином. Согласимся, однако, что нацистская политика «ликвидации еврейского влияния на экономическую жизнь рейха» и фактически без-

возмездное отчуждение еврейских капиталов и собственности, а попросту говоря, освященный государством грабеж, вынуждали многих еврейских предпринимателей именно к таким действиям.

Первые шаги нацистов по проведению «ариизации» принадлежавших евреям предприятий и фирм имели своим прямым последствием то, что многие их еврейские владельцы, формально выполняя требования властей и передавая руководство своими предприятиями в руки «чистокровных арийцев», которые, как правило, являлись их многолетними деловыми партнерами, сохраняли и свое фактическое присутствие в деле, и гарантированную долю прибыли. Весьма распространенной стала и практика продажи товаров еврейских фирм через «чисто арийские» посреднические организации либо с оформлением сопроводительных документов на них как на «арийские товары». Будучи экономически весьма целесообразной (владельцы еврейских фирм реализовывали товар и получали прибыль, а немецкие клиенты приобретали то, что им было необходимо, по сходной цене и хорошего качества), эта практика совершенно не вписывалась в антиеврейскую политику национал-социализма. После того как с мест стали поступать многочисленные «сигналы» о таких случаях, экономическими аспектами «ариизации» занялось гестапо. Так, в служебном циркуляре от 7 ноября 1936 года, адресованном всем полицейским инстанциям рейха, заместитель начальника управления политической полиции и тогда уже фактический шеф гестапо Г. Мюллер информировал своих подчиненных о следующем:

«Из многочисленных докладов с мест можно сделать вывод, что, в связи с политикой унификации, увеличивается число попыток со стороны владельцев еврейского бизнеса замаскировать путем различных уловок подлинный (еврейский) характер своих предприятий. Так, еще раз можно констатировать, что евреи продают свои товары, используя не только свои собственные имена и фирмы, но и, с согласия арийских служащих и коммерсантов, прикрываясь их именами. Представители еврейских фирм не прекращают своих попыток представлять продаваемые ими товары товарами арийских фирм. Весьма часто экспедиторы поставляют еврейские товары клиентам под своими собственными именами, чтобы таким образом хотя бы внешне замаскировать еврейский характер фирм-поставщиков.

Вину за эти происки несут не только владельцы еврейских фирм и их помощники, но и сами арийцы, покупатели еврейских товаров.

Именно арийцы, чтобы быстро закупить желаемые товары, неоднократно требовали, чтобы товары отсылались им от нейтрального отправителя.

Я предлагаю, чтобы эти и подобные им попытки замаскировать еврейские товары, в случае выявления таковых, расследовались и пресекались производственной полицией и соответствующими хозяйственными инстанциями. О более крупных акциях (вмешательство в экономические процессы) следует в сомнительных случаях немедленно направлять донесение в Берлин.

В заключение предлагаю представить донесения об уже имеющихся на этот счет соображениях и о принятых мерах в срок до 15 декабря 1936 года».

Следует отметить, что расовые идеологемы нацизма, трансформировавшиеся в сферу практической политики, зачастую рождали в головах нацистских вождей весьма причудливые и далекие от реальности представления. Так и в еврейском вопросе руководители НСДАП зачастую пользовались либо крайне тенденциозной, либо просто фантастической информацией. Но, попадая на «удобренную и подготовленную почву», эта информация, будучи соответствующим образом «упакованной» и поданной, начинала жить своей собственной жизнью, а ее пользователи относились к ней как к реальному факту. В полной мере это относилось и к экономической сфере. Красноречивым свидетельством подобной метаморфозы является письмо, направленное начальником штаба заместителя фюрера по НСДАП Мартином Борманом 14 июня 1935 года имперскому министру экономики, по вопросу «противодействия еврейскому влиянию в экономической жизни Германии». Борман писал: «Из достоверных источников мне стало известно о том, что, ставшие гражданами других стран, бывшие немецкие евреи возвращаются в Германию и спокойно открывают здесь свое дело. Проблема требует серьезного рассмотрения, и необходимо принять соответствующие законодательные меры с тем, чтобы пресечь негативные тенденции такого рода в экономической жизни Германии. Нельзя допустить, чтобы евреи вновь проникли в экономику страны. Имеются ли у министерства экономики статистические данные с точной оценкой еврейского влияния в немецкой хозяйственной жизни, включая анонимные капиталовложения со стороны лиц, утративших германское гражданство? Я был бы весьма признателен за воз-

можность познакомиться с подобным экономическим обзором. Мне представляется весьма важным оценить в реальном выражении влияние еврейской «мертвой руки» в немецкой экономике».

Рекомендации руководителей партии в нацистской Германии воспринимались как руководство к действию и приказ, не подлежащий обсуждению. Копия письма была направлена в гестапо, так как все, что касалось евреев, входило в компетенцию тайной государственной полиции. Так эпистолярный «перл» Бормана о загадочной еврейской «мертвой руке» получил путевку в жизнь. В подзаголовке служебного письма Главного управления гестапо в СД вполне серьезно говорилось о вышеназванной еврейской организации, якобы «подрывавшей изнутри экономику рейха». Правда, видимых следов организации так и не было обнаружено.

В то же время у немалой части еврейского населения вплоть до середины 1938 года еще оставалась возможность для более или менее сносного экономического существования. Антисемитская политика нацистских властей вела к обнищанию многих еврейских предпринимателей, но те из них, кто временно был необходим для функционирования германской экономики, еще сохраняли свою работу и свое экономическое положение. Даже в середине 1938 года в Германии еще насчитывалось около 40 тысяч еврейских предприятий, дававших средства к существованию местной еврейской общине. Тем не менее ситуация для еврейского предпринимательства ухудшалась буквально не по дням, а по часам. Так, уже в начале 1937 года появляется ряд нормативных документов различных правительственных инстанций рейха, которые были призваны свести, как говорится, «к нулю» активность евреев в экономической области.

Характерной особенностью этой политики было непосредственное участие в ней полицейских инстанций. При этом гестапо нередко выступало инициатором новых ограничений для евреев в экономической сфере. Так, 25 января 1937 года шеф гестапо Мюллер направил министру юстиции рейха следующее служебное письмо:

«Министру юстиции рейха
Берлин
Вильгельмштрассе 65

От подчиненных мне органов полиции поступают сообщения о том, что в последнее время участились случаи перевода евреями принадлежащих им земельных участков в другие руки. Как правило,

эти действия являются верным признаком того, что данный еврей собирается скрытно эмигрировать за границу и перевести за рубеж принадлежащее ему имущество. В силу того, что органы полиции на местах не во всех случаях своевременно получают информацию подобного рода и не могут обеспечить в достаточной степени контроль над этими лицами, прошу Вас дать распоряжение сотрудникам нотариатов и кадастровых регистров о необходимости информирования уполномоченных органов полиции на местах обо всех случаях продажи евреями принадлежащих им земельных участков. Местные органы полиции получат тем самым возможность принять соответствующие меры по пресечению скрытой эмиграции евреев и незаконного перевода капиталов за границу. Прошу незамедлительно поставить меня в известность, когда будет принято положительное решение по моему предложению с тем, чтобы я смог своевременно сориентировать подчиненные мне полицейские инстанции на местах.

Мюллер».

«Положительное решение» по письму шефа гестапо в министерстве юстиции рейха было принято, кроме того, для недопущения подобных случаев в будущем, во все полицейские инстанции на местах поступила команда о негласном запрете на продажу или сдачу в аренду евреям земельных участков.

«Тайная государственная полиция
Потсдам, 23 июня 1937 г.
Отдел тайной государственной полиции в Потсдаме
Всем представителям местной администрации.

Уже имевший место случай дает основание указать на то, что продажа или сдача в аренду евреям участков земли являются безусловно нежелательными. Следует препятствовать этому всеми имеющимися средствами. Требую немедленной информации о намечаемых или уже совершенных сделках по продаже или сдаче в аренду участков земли евреям.

Граф фон Ведель».

От центральных и земельных полицейских инстанций запрет пошел по исполнительской вертикали вниз, вплоть до последнего сельского жандармского участка.

Евреи эмигрируют из Германии

«Ландрат Кирипщ, 25 июня 1937 г.
Район Остпригнитц
Всем бургомистрам и жандармам района.

Направляю для сведения копию настоящего указания, требую немедленно сообщать о намечаемых сделках по продаже или сдаче в аренду евреям участков земли.

Старший районный инспектор Грауэрт».

Мировая история знала различные пути и способы решения извечного земельного вопроса, но нацистам и здесь удалось сказать свое собственное слово. Землей в Третьем рейхе могли владеть и распоряжаться лишь счастливые обладатели «полноценной немецкой крови».

ВТОРАЯ ВОЛНА «АРИИЗАЦИИ»

В конце 1937-го — начале 1938 года, после ухода Шахта с поста министра экономики и начала осуществления нацистского четырехлетнего плана, вызвавшего прилив деловой активности у крупных немецких промышленников и рост производства в большин-

Геринг и Гиммлер. Каждый из этих нацистских бонз пытался в своих целях использовать ариизацию германского общества

стве отраслей индустрии, резко усилилась «ариизация» больших предприятий. Следует особо отметить то обстоятельство, что одним из главных апологетов «ариизации», начиная с 1936 года, был Герман Геринг, назначенный имперским уполномоченным по нацистскому четырехлетнему плану. Занимаясь экономическими проблемами рейха, Геринг не забывал и о личном интересе: возглавляемый им концерн «Герман Геринг Верке» тоже «ариизировал» немало еврейских предприятий.

Еврейские промышленники почувствовали жесткую руку Геринга уже в конце 1937 года. 27 ноября вышла секретная директива имперского министерства экономики относительно обеспечения еврейских предприятий сырьем и иностранной валютой. Директива была направлена руководителям так называемых «пунктов наблюдения» — специальных подразделений министерства экономики, призванных осуществлять наблюдение на местах за выполнением министерских директив и указаний в вопросах, касавшихся «экономической безопасности» Третьего рейха. Только через них можно было получить разрешение на конвертирование валюты для конкретной экспортной операции или получить сырье для организации промышленного производства. Все эти подразделения носили порядковые номера и располагались в крупных промышленных центрах, морских портах, таможенных и пограничных пунктах.

В директиве содержались меры по ограничению экспортной активности еврейских фирм и компаний и снижению «еврейского влияния» в сфере экспортно-импортных операций. Общим принципом провозглашалось правило безусловного предпочтения «арийской» фирмы или компании по сравнению с еврейской. Экспортную номенклатуру еврейских фирм и компаний предлагалось сокращать как за счет неуклонного снижения предоставляемой для

экспортных закупок валютной массы, так и за счет ограничения поставок сырьевых материалов, прежде всего — энергоносителей. Мероприятия в отношении фирм и компаний, владельцами которых были евреи-иностранцы, предлагалось заранее согласовывать с центром. Министерство также напоминало о необходимости безусловного выполнения изданных ранее директив, касавшихся мероприятий в отношении еврейских фирм и компаний: № R 21081/37 от 16 июня 1937 года и № II R 26991/37 от 30 июля 1937 года.

Любопытна реакция местных полицейских инстанций на этот документ. Так, например, начальник отделения СД в оберабшнитте СС «Везер-Эмс» оберштурмбанфюрер СС Хейнкен, получив копию этой директивы из регионального подразделения министерства экономики в Бремене, заинтересовался тем, что этот бесспорно полезный антиеврейский документ появился с таким запозданием, буквально накануне предстоящей смены министра экономики, а не раньше. На простую халатность это не похоже. Нет ли здесь признаков вредительства? Хейнкен решил поделиться своими сомнениями с «еврейским» рефератом II 112, руководство которого доложило дело высокому начальству. Судя по обилию начальственных резолюций на этом рапорте, делом заинтересовались. Затем, правда, как это обычно бывало в подобных случаях, дело было положено «под сукно». Подобные решения принимались на недоступном для полицейских чиновников уровне.

15 декабря 1937 года было издано новое распоряжение об ограничении выдачи валюты и об ограничении поставок сырья предприятиям, принадлежавшим евреям.

28 декабря того же 1937 года Главное управление службы безопасности направило всем руководителям региональных подразделений службы СД округов СС циркулярное указание «О новых правилах выдачи евреям разрешений на занятие коммивояжерской деятельностью». Документ свидетельствовал о том, что жесткое давление на евреев в сфере экономики стало системой. От себя добавим — системой порочной, так как полицейские службы своими действиями наносили прямой экономический ущерб собственному государству. В соответствии с циркуляром для евреев вводились в действие годичные разрешения на право занятия коммивояжерской и иной торговой деятельностью. Ранее они выдавались и евреям, и неевреям в местных муниципальных органах на общих основаниях. После вступления в силу Нюрнбергских законов обязательным условием для получения торговой лицензии стало разрешение геста-

по. Данное правило, как можно сделать вывод из этого документа, соблюдалось далеко не всегда. Муниципальные органы были объективно заинтересованы в выдаче лицензий на торговлю и расширении числа налогооблагаемых субъектов, так как все это увеличивало поступления в местный бюджет. От гестаповских запретов в некоторых случаях, видимо, просто отмахивались.

В циркулярном указании говорилось, что отдел II 22 (экономический отдел) службы СД уже полгода работает над проектом распоряжения о полном запрете на выдачу евреям без письменного разрешения гестапо не только торговых лицензий, но и разрешений на право найма жилых помещений и других видов разрешительных документов. Само распоряжение, ставящее экономическую жизнь евреев под тотальный контроль гестапо, было почти что «на выходе», но уже заканчивался 1937 год, а в начале нового года евреи вновь должны были обратиться в местные муниципальные органы за новыми разрешениями. В этих условиях отделениям СД на местах предписывалось, взаимодействуя с гестапо, усилить контроль над деятельностью муниципальных органов в целях недопущения фактов несанкционированной выдачи евреям разрешительных документов до выхода в свет соответствующего распоряжения.

Впрочем, многие полицейские инстанции на местах и без этих бюрократических указаний центра еще раньше запретили всю коммивояжерскую деятельность еврейских торговцев. Естественно, исходя из высших соображений безопасности рейха. Так, в оберабшнитте СС «Север» отделение службы безопасности и полиция города Шнайдемюля за весь 1937 год не выдали евреям ни одного разрешения на право заниматься коммивояжерской деятельностью на подведомственной им территории. При этом бдительные полицейские чиновники из Шнайдемюля исходили из того, что каждого еврея следует рассматривать в качестве «врага государства». Кроме того, они имели «реальные опасения», что коммивояжерская деятельность евреев, предполагающая их свободное перемещение, будет означать на практике «узаконенное ведение евреями разведывательной деятельности на всей приграничной территории».

В 1938 году для еврейских предприятий были отменены все существовавшие льготы по налогообложению. В финансовой сфере евреям стало практически невозможно получать ссуды на равных с немцами условиях, одновременно вырос так называемый «налог на побег» для евреев-эмигрантов. Евреи были отстранены от участия во многих видах профессиональной деятельности, в ряде случаев

она была ограничена. Например, в еврейских ресторанах, кафе, закусочных разрешалось обслуживать только евреев. 20 июля 1938 года евреям запретили участвовать в работе биржи.

ГЕРМАН ГЕРИНГ И «ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ АРИИЗАЦИЯ»

Первый антиеврейский указ Геринга в рамках четырехлетнего плана был издан 22 апреля 1938 года. Он устанавливал наказание для немцев, помогавших «сокрытию еврейского бизнеса» посредством фиктивного руководства еврейскими предприятиями или представительства без указания на то, что бизнес является еврейским. Главной его целью объявлялась «борьба с фиктивной ариизацией», действительно имевшей место, то есть с формальной продажей еврейского предприятия «арийцу», при которой владелец-еврей фактически продолжал оказывать влияние на ведение дел и использовать получаемые прибыли. В данном случае весьма показателен правовой нигилизм нацистских юристов и чиновников от экономики. Официальные карательные санкции за злоупотребления в сфере «еврейского бизнеса» вводились тогда, когда еще отсутствовало нормативно закрепленное определение самого «еврейского бизнеса»! Но, конечно, эти юридические «мелочи» нацистов смутить не могли.

Второй указ был датирован 26 апреля 1938 года. Он обязывал всех евреев, подданных рейха, а также лиц, состоящих в браке с евреями, зарегистрировать всю принадлежавшую им собственность как в Германии, так и за ее пределами. На основании информации, полученной после издания этого указа, был достаточно точно установлен объем еврейской деловой активности в Германии, что в дальнейшем послужило основой для «целевого» грабежа еврейского имущества и еврейской собственности.

14 июня 1938 года впервые было дано официальное определение «еврейского бизнеса». Таковым считался бизнес, владелец или совладелец которого, согласно Нюрнбергским законам, был идентифицирован как еврей. В случае если бизнес представлял собой «общество с ограниченной ответственностью», он считался еврейским, если один из его руководителей (членов наблюдательного совета) являлся евреем или больше половины акционеров с правом участия в голосовании пайщиков являлись евреями (т.е. больше половины акционерного капитала общества принадлежало евреям).

Соответственно, было определено, какое предпринимательство или предприятие не является еврейским. Принципиальными в этом случае считались следующие условия: среди членов наблюдательного совета компании или акционерного общества не должно было быть ни одного еврея, а три четверти акционерного капитала должны были находиться в «арийских» руках.

Одновременно в министерстве внутренних дел рейха был подготовлен циркуляр, послуживший практическим руководством по составлению списков еврейских предприятий по единой утвержденной форме. На каждое еврейское предприятие составлялась отдельная справка, куда включались следующие сведения: тип предприятия с указанием регистрационного номера торговой палаты, предмет деятельности, юридический адрес, основания для внесения данного предприятия в список (еврейские владельцы предприятия или участие еврейского капитала в его деятельности), другие дополнительные данные, включая объем производства, финансовое положение, объем экспортно-импортных операций и т.д. В соответствии с циркуляром были также составлены списки всех предприятий, владельцами которых до недавнего времени были евреи, и проведена их тщательная проверка.

С 5 июля 1938 года министерство экономики рейха, в приложение к указу имперского уполномоченного по четырехлетнему плану Геринга от 26 мая 1938 года о регистрации еврейского имущества, издало циркулярное указание (инструкцию) о порядке проведения этой регистрации. В преамбуле этого документа говорилось: «Указ о регистрации еврейского имущества от 26 апреля 1938 года и принятое в тот же день на основании параграфа 7 данного указа распоряжение делают настоятельно необходимым, с учетом включения Австрии в состав рейха, представление государственному руководству точных данных об объеме еврейского капитала в Германии и его влиянии на германскую экономику. Одновременно эта работа создает возможность использовать еврейский капитал в германской экономике таким образом, чтобы он служил интересам немецкого народа».

Инструкция на основании соответствующих нормативных юридических актов рейха определяла общий порядок учета, а точнее сказать, отчуждения и продажи еврейских предприятий и фирм. В ней конкретно определялись инстанции, практически занимавшиеся на местах учетом, отчуждением и продажей объектов еврейской собственности. В их число входили: администрация земельных

правительств, аппарат гауляйтеров НСДАП на местах, а также соответствующие промышленные, торговые и ремесленные палаты земель, которые давали экспертное заключение по еврейским компаниям и фирмам, входящим в сферу их профессиональной компетенции.

Летом 1938 года нацистские власти начали вводить специальные опознавательные знаки для еврейских предприятий. Зачастую это происходило по инициативе местных полицейских органов. Так, во время проведения очередного съезда НСДАП на витринах всех еврейских магазинов была вывешена выполненная желтым цветом надпись «Еврейский гешефт»[1]. В Бреслау во время всегерманского спортивного фестиваля на фасадах всех еврейских предприятий были установлены плакаты желтого цвета с надписью «Еврейское предприятие» размером 30 на 80 сантиметров (размеры были определены местным отделением СД и доведены до сведения владельцев еврейских предприятий через городскую администрацию).

3 декабря 1938 года новым министром экономики рейха Вальтером Функом, в соответствии с указаниями имперского уполномоченного по четырехлетнему плану, было издано постановление об использовании еврейского имущества.

Введение в действие всех этих документов и принятие соответствующих административных мер обеспечили проведение нацистами второй стадии «ариизации» еврейских предприятий — так называемой «принудительной ариизации». В ее рамках разрешалось назначать «доверенного» управляющего для еврейской собственности и, таким образом, подготавливать ее передачу в «арийские руки». Подобным образом была полностью ликвидирована значительная часть еврейских предприятий. По всей стране развернулась настоящая охота за предпринимателями-евреями и их собственностью. Особенно старательно выискивалось «еврейское влияние» на экономически рентабельных промышленных предприятиях, представлявших большой интерес для военно-промышленного комплекса рейха, а значит — и для Германа Геринга. При этом интерес нацистских адептов «национально ориентированной промышленности» не ограничивался только территорией Германии.

После окончания войны в личных бумагах рейхсмаршала было найдено немало документов, связанных с «ариизацией». Среди них — донесение «неизвестного источника», которое настолько яр-

[1] **Geschäft** (*нем.*) — дело, сделка, предприятие. — *Прим. ред.*

ко передает специфическую атмосферу антиеврейских нацистских новаций в сфере экономики, что есть смысл привести его здесь полностью:

«Франкфурт-на-Майне, 10 ноября 1937 г.
Еврейское влияние в концерне «Металльгезелльшафт А.Г.»

Сильное еврейское влияние в концерне проявляется прежде всего в том, что все предпринятые ранее попытки ариизации его верхнего звена управления не привели к положительному результату. Как следует из прилагаемого ниже списка, в правлении концерна, в его наблюдательном совете, а также в ведущих отделах, связанных с поставками сырья, и в заграничных филиалах концерна важнейшие посты занимают неарийцы. Аналогичная ситуация — в отделе кадров штаб-квартиры концерна.

Подготовленные по заданию вермахта и министерства экономики Испании материалы по Балканам и проекты важных соглашений обрабатываются в концерне полуевреями.

Имевшие место случаи появления надписей коммунистического содержания на стенах зданий концерна, а также поношение приветствия «Хайль Гитлер!» и фактический запрет на его использование на территории концерна объясняются тем, что руководство и аппарат концерна в значительной мере засорены еврейскими элементами, которые находят защиту и поддержку на его самом высшем административном уровне».

Интересно, что после «ариизации» концерна он, как и многие другие предприятия, попал в военно-промышленную империю Геринга. Правда, нацисты не смогли добраться до его американских филиалов и дочерних фирм, но евреи — сотрудники концерна в Германии — разделили горькую участь сотен тысяч своих единоверцев.

Всю Германию захлестнул мутный поток доносов, многочисленные «патриоты-арийцы» всех чинов и званий усердно информировали вышестоящие инстанции и гестапо о «неарийском происхождении» своих знакомых, сослуживцев, родственников. Нередко реальной причиной для доноса было обычное сведение личных счетов, зависть, желание «подсидеть» начальника или удачливого соперника и самому занять его кресло. Что же тут нового? — может спросить читатель. Грешные страсти и слабости человеческого естества вечны, как вечно само мироздание. Страшная новизна ситуации заключалась в том, что людей стали оценивать не за их подлинные или мнимые заслуги и недостатки, а лишь по «составу крови» и

национальности их родственников либо по иным псевдонаучным критериям нацистской расовой теории. Причем для многих должностных лиц бюрократической машины Третьего рейха деятельность по выявлению «неарийского элемента» являлась рутинной служебной обязанностью. Вот лишь один пример из этого ряда.

«Имперскому министру экономики
и президенту Рейхсбанка партайгеноссе Функу.
Берлин, 20 марта 1939 г.

Глубокоуважаемый господин имперский министр!

Главная инстанция по изучению родовых связей при моей канцелярии выяснила, что банкир и член земельного суда в отставке доктор права Александр Ринглеб, проживающий по адресу: Берлин-Ваннзее, ул. Штрассе цум Левей 12, породнен с евреями. Его жена Доротея, урожденная Шпрингер, родившаяся 20 сентября 1887 года в Берлине, имеет в своей родословной из ближайших прямых родственников старшего поколения одного полуеврея и трех полных евреев. В соответствии с законом о гражданстве рейха она, таким образом, считается еврейкой.

В результате встречи с господином Ринглебом в моей канцелярии мне стало известно, что он, являясь владельцем банковского дома «Оскар А. Ринглеб», расположенного по адресу: Берлин W-35, Клюкштрассе 21, пользуется доверием имперского министерства экономики и выполняет для него в своем банке ответственную работу по финансовым оценкам в сфере защиты промышленных прав. Это обстоятельство и подвигло меня поставить Вас в известность о еврейском происхождении жены господина Ринглеба.

Хайль Гитлер! Заместитель гауляйтера Берлина».

В ответном послании имперского министерства экономики от 28 марта 1939 года, адресованном заместителю гауляйтера Берлина, референт Колер в типичной бюрократической манере сообщил нацистскому функционеру, что в рамках деловых контактов министерства с господином Ринглебом ни о каких доверительных отношениях не было и речи. Министерству, говорилось далее, также ничего не было известно о еврейских родственниках Ринглеба.

Как далее сложилась судьба этого человека? Предпочел ли он комфорт благоустроенной жизни и личное процветание, расставшись с любимой женщиной? Или, наоборот, потеряв все, присоединился к клану «отверженных», но не утратил главного — челове-

ческого достоинства и своей любви? Документы молчат, а может быть, еще не найдены, но, возможно, когда-нибудь расскажут об этой и подобных ей историях.

Особый вопрос — экономические и социальные последствия «Хрустальной ночи» для евреев Германии. Они были самыми катастрофическими. На совещании 12 ноября 1938 года Геринг, в числе прочих мер, специально распорядился об усилении темпов «ариизации» германской экономики и о превращении евреев в «вечных должников и получателей пособий». Действительно, в тот же день, 12 ноября, на всех немецких евреев был наложен громадный штраф — 1 миллиард марок — в качестве «компенсации ущерба, нанесенного Германии» в результате... еврейского же погрома. В специальном постановлении имперского уполномоченного по четырехлетнему плану от 12 ноября 1938 года об «искупительной повинности евреев германского подданства» говорилось: «Враждебная в отношении немецкого народа и рейха позиция еврейства, которое осмелилось совершить гнусные убийства, требует от нас дать решительный отпор этим происка м и сурово наказать виновных. Настоящим, на основе постановления о проведении в жизнь четырехлетнего плана развития от 18 октября 1936 года, я определяю следующее: на все еврейство германского подданства налагается денежная контрибуция в размере 1 000 000 000 рейхсмарок в пользу германского рейха».

Tageszeitung

Eine geschichtliche Stunde!

Газета, в которой освещался нацистский митинг в Нюрнберге, посвященный разрушению местной синагоги

Иными словами, евреев заставили самих заплатить за действия погромщиков. Этот «экономический опыт» получит в дальнейшем свое страшное развитие. Пройдет всего три года, и в октябре 1942 года в оккупированном западноукраинском городе Станиславе начальник полиции Крюгер соберет на местном кладбище под предлогом «регистрации» всю еврейскую

общину города, ограбит всех до нитки и расстреляет сотни евреев в течение одного дня, включая стариков, женщин и детей. А тех немногих, кто остался в живых, издевательски заставит заплатить за патроны, израсходованные палачами в ходе экзекуции. Но пока на дворе 1938 год...

В другом постановлении за подписью Геринга «Об исключении евреев из экономической жизни рейха», принятом в тот же день, 12 ноября, говорилось следующее:

«§ 1. (1) Начиная с 1 января 1939 года евреям запрещается иметь магазины и лавки в системе розничной торговли, фирмы в системе посылочной или заказной торговли, а также владеть собственными ремесленными мастерскими.

(2) С того же числа евреям запрещается участвовать в базарной и ярмарочной торговле всех видов, в торговых выставках, предлагать на них свой товар, рекламировать его и получать от кого-либо какие-либо заказы.

(3) Еврейские предприятия и мастерские, нарушающие этот запрет, должны закрываться полицейскими инстанциями.

§ 2. (1) Начиная с 1 января 1939 года еврей, в соответствии с духом закона об организации национального труда от 20 января 1934 года, не может быть руководителем производства.

(2) Если еврей занимает руководящую должность на каком-либо предприятии или в какой-либо фирме, то он должен быть уволен с этой должности в течение 6 недель. С истечением этого срока все претензии еврея к нанимателю, вытекающие из содержания заключенных трудовых договоров, аннулируются и не рассматриваются, включая претензии по заработной плате, страховым и компенсационным выплатам.

§ 3. (1) Еврей не может быть членом кооператива.

(2) Евреи, состоящие в различных кооперативах, должны быть исключены из них в срок до 31 декабря 1938 года. Для этого не требуется специальная процедура исключения».

Сами еврейские предприятия по бросовым ценам переходили в руки новых, «арийских» владельцев или попросту ликвидировались. Для прежних хозяев это в любом случае означало полное разорение, так как даже теми мизерными суммами, которые были получены от принудительной «ариизации», они не могли распоряжаться. Эти средства вначале поступали на специальные заблокированные счета, а затем шли в пользу нацистского рейха. Евреев принуждали

Разгромленная синагога в Мюнхене

продавать драгоценности, ювелирные украшения, предметы старины и искусства по цене, значительно ниже их действительной рыночной стоимости. Евреи не имели права владеть ценными бумагами и акциями — их принудительно изымали и помещали на специальные банковские депозиты.

Общая координация всей работы по вытеснению евреев из хозяйственной жизни рейха была возложена на имперское министерство экономики. В контексте «фронтального экономического наступления» на еврейскую деловую активность следует рассматривать и конфиденциальное циркулярное письмо имперского министра экономики Вальтера Функа, появившееся 21 ноября 1938 года (то есть фактически сразу же после трагических событий «Хрустальной ночи»), «О регистрации еврейского имущества», адресованное руководителям 14 основных министерств и ведомств Третьего рейха, включая министерство внутренних дел, министерство финансов, министерство просвещения и пропаганды, министерство продо-

вольствия и сельского хозяйства, аппарат НСДАП, тайную государственную полицию (гестапо) и ее региональные подразделения, другие государственные инстанции.

Указанный документ был подготовлен в соответствии и во исполнение распоряжения министерства экономики от 26 апреля 1938 года о регистрации еврейского имущества. Циркулярное письмо в качестве приложения содержало так называемое «Руководство к исполнению», в котором были даны конкретные директивные указания относительно того, какие именно категории еврейской собственности (земельные угодья, недвижимость, банковские активы и т.д.) подлежат срочному учету с перспективой ее отчуждения в дальнейшем.

В частности, этот документ предусматривал, что учету подлежали собственность и имущество евреев, проживавших в Германии и являвшихся подданными рейха; собственность и имущество евреев, не являвшихся подданными рейха; а также имущество евреев, проживавших в Германии и вообще не имевших какого-либо подданства. При этом не подлежала отчуждению («ариизации») собственность евреев, которые хотя и проживали в Германии, но являлись гражданами других государств, а также собственность тех семейных пар, которые, хотя и имели родителями евреев, сами, в соответствии с положениями уже известных расовых законов рейха, евреями не считались. В целом по Германии, во исполнение вышеуказанного циркуляра, было учтено:

— собственности в сфере сельского хозяйства и лесоводства — на 112 миллионов рейхсмарок;

— земельных участков — на 2298 миллионов рейхсмарок;

— предприятий и производственных мощностей (с учетом выплаты внутренних долгов) — на 1177 миллионов рейхсмарок;

— прочей собственности — на 4844 миллионов рейхсмарок.

Всего было подано 135 750 заявлений по регистрации и учету имущества, принадлежавшего евреям. Общая сумма учтенной еврейской собственности составила 8426 миллионов рейхсмарок, что, за вычетом всех внутренних долгов и налогов, давало итоговый результат в 7050 миллионов рейхсмарок. При этом большая часть учтенной собственности была вполне ликвидной, что сулило немалые прибыли нацистскому режиму и его попутчикам, радевшим о «расовой чистоте германской экономики».

«ДЕЕВРЕИЗАЦИЯ» НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА

6 февраля 1939 года имперским министром экономики было подписано новое циркулярное указание об использовании учтенного еврейского имущества. Оно было опубликовано в качестве документа внутреннего пользования только в официальном бюллетене министерства экономики. Указание было адресовано всем органам исполнительной власти рейха на местах, включая имперскую столицу Берлин, а также имперскому комиссару по воссоединению Австрии, наместнику Австрии, министру по вопросам труда и экономики Австрии, имперскому комиссару и органам власти в Судетской области, а также имперскому комиссару по вопросам кредитного дела и имперской хозяйственной палате. Этот документ представлял собой развернутую программу действий в отношении еврейского имущества и еврейской собственности, поэтому есть смысл остановиться на нем более подробно. В общем разделе данного циркуляра отмечалось:

«1. Для проведения в жизнь политики деевреизации[1] необходимо, учитывая изданные указы и распоряжения имперского уполномоченного по четырехлетнему плану, принципиально определиться со следующими позициями: проведение политики деевреизации является делом специально предназначенных для этого административных органов с участием соответствующих партийных инстанций (гауляйтеры НСДАП) на местах. Этот вопрос согласован с заместителем фюрера по партии. Однако окончательные решения по каждому конкретному вопросу и ответственность за проведение деевреизации в целом лежат исключительно на государственных органах власти.

Проведение в жизнь политики деевреизации предъявляет к органам власти, ответственным за этот процесс, чрезвычайные требования. Тем не менее мы вправе ожидать, что эти ответственные инстанции, в полном соответствии с огромным политическим и эко-

[1] Специфический нацистский термин «Entjudung» имеет несколько переводов. Есть политкорректный вариант — «освобождение от еврейского влияния», употребляемый, в частности, в книгах Захарова В.В. и Кулишова В.Д. («В преддверии катастрофы», с. 170). Есть брутальный вариант перевода — «разжидовление», который более точно передает суть настроений, царивших в те годы в Германии. Однако все-таки правильнее было бы употреблять перевод «деевреизация», что полностью соответствует стилю и смыслу термина «аризация».

номическим значением поставленных перед ними задач, сделают все от них зависящее, чтобы обеспечить по возможности быстрое, целесообразное и безупречное в каждом конкретном случае проведение данной политики в жизнь.

2. Данное циркулярное указание об использовании еврейского имущества вносит в этот процесс, по сравнению с существовавшей ранее нормативно-законодательной базой по данному вопросу, существенную новизну. Она заключается в том, что деевреизация как еврейских предприятий, так и участков земли и других объектов недвижимости, принадлежащих евреям, может теперь проводиться с широким использованием принудительных мер. Полномочия, которые даются данным указанием административным органам, ответственным за деевреизацию на местах, являются исчерпывающими. В какой степени и какими темпами использовать эти полномочия, министр экономики рейха будет определять в соответствии с конкретными указаниями имперского уполномоченного по четырехлетнему плану.

Настоящим определяю, с учетом существующего особого порядка урегулирования вопросов в отношении земельных участков, используемых в сельскохозяйственных и лесоводческих целях, что применение принудительных мер согласно параграфам 1 и 6 постановления от 3 декабря 1938 года временно ограничивается только еврейскими предприятиями и принадлежащими им участками земли. После того как в результате реализации мер по выполнению постановления от 12 ноября 1938 года об устранении евреев из хозяйственной жизни рейха евреи были повсеместно вытеснены из розничной и рыночной торговли, а также из ремесел, теперь административные органы на местах должны решить следующую задачу. Она заключается в том, чтобы во взаимодействии с партийными инстанциями провести, с применением разумных экономических мер воздействия, деевреизацию тех предприятий оптовой торговли и промышленности, которые в соответствии с третьим дополнением к имперскому закону о гражданстве рейха считаются еврейскими вследствие значительного персонального или финансового участия в них евреев.

При проведении деевреизации тех предприятий, в которых, по смыслу третьего дополнения к Закону «О гражданстве», незначительное еврейское участие позволяет считать их не еврейскими, необходимо предусмотреть принудительный перевод рассеянной в них еврейской собственности в акции и другие ценные бумаги.

В соответствии с распоряжением имперского уполномоченного по четырехлетнему плану не следует пока проводить принудительной деевреизации еврейских земельных участков, используемых в сельскохозяйственных и лесоводческих целях. Эта акция будет осуществляться в централизованном порядке после того, как будет завершена деевреизация промышленного сектора экономики. Поэтому мера компетенции местных административных властей в отношении еврейских земельных участков пока ограничивается одобрением их добровольной купли-продажи от евреев в арийские руки. Исключения здесь допускаются в особых случаях, например для удовлетворения срочной потребности в земельных участках правительственных и партийных инстанций. Однако и в этих случаях требуется мое предварительное одобрение.

При дальнейшем проведении политики деевреизации в отношении используемых по прямому назначению сельскохозяйственных и лесных угодий в действие вступают специальные распоряжения имперского министра продовольствия и сельскохозяйственного производства и специальные распоряжения Главного имперского лесничего.

3. Осуществляя в последующем политику деевреизации в промышленности, необходимо иметь четкое представление о том, считается ли данное предприятие еврейским или нет, в соответствии с третьим дополнением к закону о гражданстве рейха. При этом до тех пор, пока предприятие не будет окончательно ариизировано, оно должно учитываться как еврейское и обозначаться установленной для этого символикой. Ликвидированные еврейские предприятия сразу же вычеркиваются из списков предприятий и объектов, подлежащих деевреизации.

4. Политика деевреизации принципиально не затрагивает еврейских социальных учреждений (еврейские больницы, детские дома, дома престарелых, учреждения для психически больных, дома для слепых и т.д.), а также те еврейские предприятия и учреждения, чья деятельность направлена исключительно на организацию эмиграции евреев из рейха (ремесленные училища, центры профессиональной переподготовки и т.д.). Что касается еврейских социальных учреждений, то наша принципиальная линия должна заключаться в том, чтобы в соответствии с постановлением о социальном обеспечении евреев от 19 ноября 1938 года все социальное обслуживание евреев было полностью передано в систему негосударственной еврейской социальной помощи.

Что же касается еврейских учреждений, работающих в интересах еврейской эмиграции, то следует исходить из того, что выезд евреев из Германии является главной целью всех охранительных мероприятий национал-социалистского государства, и поэтому необходимо способствовать любым шагам в этом направлении и приветствовать их. Поэтому во всех случаях, когда имеются данные о том, что еврейские владельцы предприятий, земельных участков и другой недвижимости имеют намерение эмигрировать, применяется ускоренный порядок оформления продажи их имущества».

Второй раздел циркулярного указания от 6 февраля 1939 года был посвящен особенностям проведения деевреизации промышленных предприятий, а также объектов сельскохозяйственного и лесоводческого назначения. В тех случаях, когда еврейский владелец предприятия «добровольно» уступал его «арийскому» владельцу, нацистское государство в лице административных органов на местах выступало гарантом сделки и получало от покупателя еврейской собственности компенсационные платежи, так как предприятие продавалось по заниженным ценам.

В тех случаях, когда еврейский владелец предприятия отказывался уступить его «добровольно» либо находился «в неизвестном официальным властям месте», в действие вступали правила принудительной деевреизации и предприятием начинало распоряжаться специально назначенное нацистскими властями «доверенное лицо», которому временно передавалось право собственности на данное имущество и право на управление им. Любопытно, что «доверенным лицом» не мог быть сотрудник предприятия или его «арийский» покупатель. Это же лицо вносило свои предложения о дальнейшей судьбе предприятия в соответствующую земельную промышленную или торговую палату. В тех случаях, когда владельцами или совладельцами предприятий являлись евреи — граждане иностранных государств, решение о принудительной деевреизации принималось имперским министром экономики. Таким образом, независимо от формально выраженного согласия или несогласия прежнего еврейского владельца предприятия на его продажу он все равно его терял.

Деевреизация в отношении земельных участков и объектов, связанных с сельскохозяйственным производством и лесоводством, проводилась в целом в соответствии с общими правилами, изложенными в циркуляре, однако с учетом специальных распоряжений имперских инстанций, ответственных за производство и переработ-

ку продукции сельскохозяйственного назначения и распоряжений Главного имперского лесничего.

Третий раздел циркулярного указания от 6 февраля 1939 года определял порядок проведения деевреизации земельных участков и другой еврейской недвижимости. В нем содержались положения, существенно ущемлявшие права евреев как продавцов и покупателей земельной недвижимости. В частности, евреям запрещалось вновь приобретать земельные участки с прежним объемом прав владения и распоряжения ими (например, исключалось право строительства жилья и других объектов на участке, право на получение земельной ипотеки в залог недвижимого имущества и т.д.). Кроме того, подлежали дополнительному утверждению все сделки с землей и недвижимостью, не завершенные окончательно евреями до вступления в силу постановления от 5 декабря 1938 года и не занесенные в земельные кадастры. Если речь шла о земельных участках сельскохозяйственного и лесоводческого назначения, то окончательные решения по ним принимались в пользу местных администраций и организаций сельскохозяйственных производителей или вышестоящих инстанций ведомства Главного имперского лесничего. Для экспертной оценки продаваемых евреями земельных участков и объектов недвижимости должны были привлекаться представители местной администрации (ландераты, бургомистры).

В документе подчеркивалось, что при проведении политики деевреизации в отношении земельных участков и промышленных предприятий не должно иметь место «незаконное обогащение отдельных заинтересованных лиц» и еврейское имущество не должно «обесцениваться полностью». Необходимо, говорилось далее, чтобы у еврея остались какие-то наличные средства для финансирования его последующей эмиграции. В то же время большая часть полученных евреем от продажи имущества средств, по замыслам разработчиков документа, должна была пойти на покрытие «общественных издержек» и на его личные расходы, включая социальное обеспечение. Таким образом, большая часть того минимума финансовых средств, который получали евреи в результате деевреизации их собственности, все равно оставалась в рейхе. Тем не менее этот грабительский по содержанию документ лицемерно требовал, чтобы «продажная цена еврейского имущества в целом соответствовала его общей стоимости и рыночному предложению».

По согласованию с имперским министерством финансов участки земли, принадлежавшие евреям и использованные ими в качест-

ве средства оплаты налога на имущество, переходили в собственность нацистского рейха.

Четвертый раздел циркулярного указания имперского министра экономики от 6 февраля 1939 года был посвящен проблеме учета незаконных доходов, полученных в результате проведения политики деевреизации. В общем, это было вполне закономерно. Чиновники министерства экономики прекрасно понимали, что, несмотря на высокопарные фразы об «очищении германской экономики от засилья евреев» и о «необходимости решения исторической национальной задачи новой Германии», все предлагаемые ими меры есть не что иное, как грабеж. Правда, с той лишь поправкой, что это грабеж государственный. А раз так, то и воровать при исполнении такого нормативного акта будут много и беззастенчиво. Отсюда и набор минимальных профилактических мер.

И, наконец, пятый раздел циркуляра определял роль и место партийных инстанций при проведении политики деевреизации.

Таким образом, циркулярное указание министерства экономики рейха от 6 февраля 1939 года действительно явилось программным документом в рамках политики нацистов по вытеснению евреев из хозяйственной жизни Германии. Реализация этого документа буквально вычеркнула евреев из числа субъектов экономических отношений. Все остальные права они потеряли еще раньше. Отныне у них оставалась лишь одна альтернатива: бежать из Германии или ждать неизвестного и еще более страшного будущего.

ПОСЛЕДСТВИЯ «ДЕЕВРЕИЗАЦИИ» НЕМЕЦКОЙ ЭКОНОМИКИ

Весьма специфической областью «борьбы с еврейским влиянием в немецкой экономике» стала сфера страхового дела. Массовые погромы еврейских предприятий и торговых учреждений, достигшие своего пика в печально знаменитую «Хрустальную ночь», вызвали волну законных материальных претензий пострадавших еврейских собственников по линии немецких страховых обществ. Поэтому на упоминавшемся ранее заседании у Геринга после «Хрустальной ночи» также обсуждался вопрос о возможных потерях немецких страховых компаний в связи с этими событиями. Стенограмма сохранила плохо скрываемое раздражение Геринга тем фактом, что в результате антиеврейских акций ущерб был нанесен также и «арийскому» имуществу: «Эти демонстрации мне надоели: они причиня-

ют вред не евреям, а только мне в качестве лица, несущего ответственность за судьбу немецкой экономики... Ущерб, к нашему сожалению, затрагивает, по существу, не евреев, а страховые компании Германии».

Ущерб, нанесенный еврейскому имуществу в результате действий погромщиков, как уже указывалось, был включен в счет «искупительной контрибуции». Связанные с этим практические и организационные вопросы было решено обсудить и рассмотреть дополнительно. В тот же день распоряжением министерства экономики была создана экспертная рабочая группа «Страхование», которой было поручено подготовить сводные данные о величине ущерба, нанесенного еврейскому имуществу. В этом распоряжении также содержалось директивное указание страховым компаниям максимально занизить величину нанесенного ущерба и аннулировать значительную часть страховых претензий, предъявленных еврейскими физическими лицами и еврейскими организациями.

Итогом работы группы стала докладная записка министру экономики Германии Вальтеру Функу от 6 декабря 1938 года со сводными данными возможных финансовых потерь германских страховых компаний от претензий со стороны еврейских граждан и предприятий, чье недвижимое и движимое имущество пострадало от действий погромщиков в результате «Хрустальной ночи». Из содержания этого документа становится понятным, что именно вызвало столь сильное сановное раздражение Геринга на «историческом» совещании 12 ноября.

Сводные данные содержали разбивку ущерба, нанесенного еврейским частным (25,17 млн рейхсмарок) и юридическим лицам (14,9 млн рейхсмарок). Имуществу евреев-иностранцев был нанесен ущерб в размере 1,84 млн рейхсмарок, «арийскому» имуществу был нанесен суммарный ущерб в размере около 1,5 млн рейхсмарок. Эти цифры, как указывалось в записке, носили достаточно приблизительный характер, базировались в основном на берлинском материале и учитывали возможные потери страховых компаний лишь в нескольких землях Германии: Гессен, Бавария, Ангальт и Вестфалия.

«Арийское» имущество, как следует из записки, пострадало в ряде случаев в результате так называемого «побочного ущерба». Например, взрывали синагогу, а осколками были повреждены здания, принадлежавшие арийцам. Причиной ущерба зачастую становилось «недоразумение», когда погромщиками по неведению разру-

шалось здание, в котором в качестве арендаторов располагалась еврейская фирма, само же здание принадлежало «арийцам». Или же жертвой погромщиков становилось предприятие со смешанным, в том числе «арийским», капиталом. Такого рода «казусов» было много, и поэтому записка содержала больше вопросов, чем готовых ответов и решений. В разделе, посвященном ущербу имуществу еврейских частных и юридических лиц, содержалась ссылка на параграф 2 распоряжения от 12 ноября 1938 года об аннулировании этих страховых претензий, которые шли в зачет миллиардной «контрибуции», наложенной на все еврейство Германии.

Распоряжение от 12 ноября 1938 года стало подлинным «руководством к действию» для страховых компаний и городских властей Берлина, отказывавшихся под любыми предлогами возместить ущерб, нанесенный многочисленным объектам недвижимости еврейской общины города в результате действий погромщиков. Была выбрана простая и эффективная тактика. Первым делом страховые компании начали специально, используя любые основания, затягивать осмотр и оценку нанесенного ущерба. Одновременно городские власти Берлина выдвинули категорическое требование о немедленной расчистке разрушенных в результате погромов зданий и сооружений, что было нарушением страховых правил, требующих экспертной оценки реального ущерба в натуральном виде. В дополнение к этому городские власти потребовали от еврейской общины внесения залоговых сумм ремонтным службам города, которым было предписано осуществить расчистку территорий. На справедливое желание еврейской общины получить вначале страховую компенсацию, а уже затем приступить к расчистке территории городские власти ответили отказом. Нацисты тем самым не только стремились лишить евреев страховой компенсации, но и явно хотели возложить на них все расходы по ликвидации ущерба, нанесенного действиями погромщиков, в том числе «арийскому» имуществу.

Таким образом, реакция официальных властей Германии была однозначной: пострадавшее еврейское имущество страховому возмещению не подлежит, так как «евреи сами спровоцировали народное возмущение против себя». В стремлении воспрепятствовать законному возмещению понесенных евреями убытков единым фронтом выступили высшие государственные органы рейха, судебные инстанции, нацистская партия, «Немецкий трудовой фронт» и, конечно, страховые компании. Вот лишь некоторые документы, свидетельствующие об этой «консолидированной» позиции: 14 ноября

1938 года руководство группы частного медицинского страхования, входящей в имперское объединение «Страхование», направляет письмо имперскому министру экономики по вопросу об исключении евреев из системы частного медицинского страхования. В письме сообщалось, что эта проблема ставилась руководством группы еще в 1935 году (!). Далее в нем проводилась мысль о том, что медицинское страхование евреев вредно не только по причинам мировоззренческого характера, но и потому, что «застрахованные евреи самым наглым и грубым образом используют страховые общества в своих интересах и во вред чистокровным немецким клиентам этих обществ». Ссылаясь на постановление имперского правительства от 12 ноября 1938 года об исключении евреев из экономической жизни рейха и на параграф 3 данного постановления, в котором говорилось об исключении евреев из всех товариществ и кооперативов в срок до 31 декабря 1938 года, руководство группы предложило распространить его действие и на систему частного медицинского страхования.

18 ноября 1938 года начальник канцелярии отдела страхования жизни, пенсионных касс и похоронного страхования Лоес направил служебное письмо в вышестоящую инстанцию (имперское объединение «Страхование») по вопросу о постановлении имперских властей о восстановлении внешнего вида участков улиц у еврейских домов, предприятий и учреждений. В нем сообщалось о том, что в соответствии с постановлением имперского правительства от 12 ноября 1938 года все расходы по восстановлению участков улиц и домов, поврежденных в ходе «народных демонстраций», возлагаются на еврейских собственников пострадавшего имущества. Кроме того, в письме говорилось о принятом решении изъять все положенные евреям суммы по страхованию жизни в пользу германского государства.

8 декабря 1938 года совет еврейской общины Берлина направил письмо в Германский ипотечный банк «Майнинген». В письме содержалась жалоба на действия немецких страховых компаний, отказавшихся возместить ущерб, нанесенный многочисленным объектам недвижимости общины в результате действий погромщиков во время «Хрустальной ночи» с 8 по 10 ноября 1938 года. В письме также указывалось на неправомерные действия городских властей Берлина, которые выдвинули абсурдное требование о немедленной расчистке разрушенных в результате погромов зданий и сооружений и выставили за это непомерные финансовые счета еврейской

общине. На справедливое пожелание общины получить вначале страховую компенсацию, а уже затем приступить к расчистке территорий городские власти Берлина ответили отказом.

17 декабря 1938 года имперскому министру экономики направляется служебное письмо экономического отдела земельного правления НСДАП Саксонии, где говорилось о необходимости «воспрепятствовать продаже лицами еврейской национальности своих личных страховых свидетельств для получения, таким образом, значительных денежных сумм».

11 января 1939 года появляется служебное письмо отдела банков и страхования Центрального правления «Немецкого трудового фронта», адресованное министериаль-директору Ланге из имперского министерства экономики о попытках евреев «добыть через страховые общества значительные суммы денег для покупки золота и драгоценностей с последующей их контрабандой через границы рейха». В письме предлагалось установить строгий контроль над всеми заявлениями евреев на получение страховых сумм с последующей передачей их в соответствующие местные финансовые инстанции для воспрепятствования «утечки капиталов» из Германии.

12 августа 1939 года издается циркуляр имперского министерства финансов по вопросу о страховых претензиях по еврейскому имуществу. Его основное содержание, опять же, сводилось к тому, что страховое возмещение по всем видам причиненного евреям «в результате народного возмущения происками мирового еврейства» ущерба подлежало изъятию в пользу германского рейха. Таким образом, пострадавшие евреи, несмотря на причиненные им убытки, не получали ничего.

25 ноября 1939 года реферат по кредитам и страхованию имперской группы «Страхование» направляет в 3-й реферат той же группы служебное письмо по вопросу о страховых претензиях еврея Гуго Израэля Хааса, чье имущество пострадало в результате событий «Хрустальной ночи». В письме говорилось о необходимости решения этого вопроса в духе постановления имперского правительства от 12 ноября 1938 года, согласно которому все расходы по восстановлению улиц и домов, пострадавших в ходе «народных демонстраций», возлагались на еврейских собственников.

Итоги форсированной «ариизации», подстегнутой новыми директивами Геринга, стали зримыми уже к концу 1938 года. Имеющиеся в фондах российских архивов документы достаточно наглядно характеризуют этот процесс. Таково, например, письмо руководства

«Экономической группы частных банков», являвшейся составной частью «Центрального объединения банков и банковских деятелей Германии», имперскому министру экономики Вальтеру Функу от 15 декабря 1938 года, в котором сообщается о темпах и результатах «ариизации» частных еврейских банков. Этот документ представляет своего рода «отчет о проделанной работе» по выполнению директивы министерства экономики от 1 ноября 1938 года и указания Геринга об усилении темпов перехода еврейской собственности в «немецкие руки». К письму был приложен список из 209 еврейских банковских домов Германии и список «неарийских» членов «Экономической группы частных банков» из 100 фамилий по состоянию на 1 ноября 1939 года. Красным карандашом из списка банковских учреждений были вычеркнуты названия еврейских банков — либо уже ликвидированных, либо находящихся в процессе ликвидации. Синим цветом были помечены банки, которым «категорически» было предписано приступить к ликвидации до 31 декабря 1939 года. Из оставшихся «неохваченных» крестиком были помечены банки, чья судьба еще не была окончательно решена ввиду наличия в них «смешанного еврейско-арийского капитала», или банки, полностью или частично контролируемые иностранными гражданами.

В данном случае указанное выше банковское объединение, членами которого имели несчастье быть и еврейские банкиры, использовалось нацистами в качестве одного из инструментов программы «ариизации». Однако услужливый тон письма объясняется не только господствующим духом времени. «Ариизация» еврейских банков отнюдь не предполагала их национализации, они переходили в частные «арийские» руки, то есть в руки бывших компаньонов и партнеров еврейских банкиров по совместному бизнесу, которые вместе с ними состояли в одном и том же банковском объединении и получали реальную возможность приобрести по бросовым ценам банковские авуары своих бывших коллег.

Итак, в результате общей радикализации антиеврейской политики экономические позиции немецких евреев были окончательно подорваны. Как следствие мероприятий, вытеснивших евреев из хозяйственной жизни Германии, возник ряд вопросов, на которые даже Геринг, игравший в то время ведущую роль в антиеврейской политике, ответить не мог. Что должно последовать за окончательным обнищанием евреев? Эмиграция? Но в конце 30-х годов именно бедным было сложно эмигрировать — в силу эмиграционных барьеров, возводимых перед ними странами потенциальной имми-

грации. «Благодаря» экономической линии нацистов в отношении евреев, к лету 1939 года практически вся еврейская община Германии действительно обнищала. Еще раньше, с ноября 1938 года, все евреи были исключены из общегерманской системы социальной защиты. Для них были созданы специальные пункты социальной помощи, где члены еврейской общины были вынуждены выстаивать многочасовые очереди и терпеливо объяснять равнодушным чиновникам свое бедственное положение. Нацисты, разумеется, с радостью вообще бы прекратили выплату пособий и оказание социальной помощи евреям, но время для этого еще не настало.

При этом власти активно «экспериментировали» с созданием системы принудительного труда для евреев (прообраз «трудовых отношений» в будущих концлагерях). 20 декабря 1938 года «Имперское бюро по трудоустройству и социальному страхованию вынужденно безработных» издало распоряжение, в соответствии с которым все вынужденно безработные, но годные к физическому труду евреи должны были встать на учет по месту жительства в бюро по найму рабочей силы, для того чтобы в любой момент быть призванными на общественные принудительные работы. Евреев направляли на самые тяжелые и непрестижные работы: на стройки, ремонт дорог, уборку мусора, чистку общественных туалетов и т.д. Но и здесь нацистам пришлось решать серьезные проблемы «мировоззренческого» характера. Недремлющее око нацистской партии зорко следило, например, за тем, чтобы евреи не участвовали в строительстве объектов «национального значения», которым предполагалось присвоить имя фюрера. Так, на строительстве имперского автобана № 1, который должен был получить имя вождя нации, евреи были заняты только на подсобных работах, как, например, на дроблении щебенки и т.д. При этом еврейские рабочие содержались, как предписывали специальные инструкции, отдельно от «арийцев», хотя достичь их полной изоляции удавалось далеко не всегда, и прежде всего на сельскохозяйственных работах. В апреле 1939 года некий крайсляйтер из Бадена, получивший сведения о том, что некоторые местные крестьяне взяли на сезонные работы евреев, направил в районное бюро по найму рабочей силы следующее гневное послание: «Те крестьяне, которые дают приют в своих домах евреям, судя по всему, давно знают этих евреев, имели с ними гешефты и, что вполне вероятно, до сих пор должны этим евреям. Ничем другим этот факт объяснить нельзя, потому что любой порядочный крестьянин, имеющий самое общее представление о прин-

ципах национал-социализма, никогда не взял бы в свой дом еврея. Я не могу себе даже представить, что эти евреи остаются на ночь в домах немецких крестьян. В этом случае все наши расовые законы не более чем иллюзия».

Расовые законы Третьего рейха отнюдь не были иллюзией. И немецкие евреи понимали это лучше, чем кто-либо другой. Другому партийному бюрократу районного масштаба из Мангейма стало «достоверно известно», что некий еврей по-прежнему работает в местной пекарне. Адресуясь в своем «праведном гневе» в городское бюро по найму рабочей силы, этот крайсляйтер возмущался, как «чистопородные соратники по нации» могли годами спокойно покупать хлеб, изготовленный руками еврея.

В то же время, как это ни парадоксально, государственная машина Третьего рейха время от времени обозначала некую «юридическую беспристрастность» при рассмотрении отдельных вопросов хозяйственно-экономического характера, касавшихся евреев. Так, например, 30 июня 1939 года немецкий суд вынес два судебных решения в пользу евреев, выступавших в качестве истцов. В первом случае директор школы иностранных языков взял у еврея деньги вперед за курс английского языка, но затем передумал иметь дело с представителем «чужой расы», однако деньги вернуть отказался. Окружной суд Франкфурта обязал его вернуть предоплату. Во втором случае чистокровная «арийка», накупив товаров на приличную сумму в магазине дамского платья, платить за покупки отказалась. Вернее, отказался платить ее муж, член национал-социалистской партии со стажем, после того как узнал, что продавцом в магазине был еврей. Окружной суд Франкфурта обязал жену «партайгеноссе» выплатить все до последнего пфеннига с процентами. В обоих случаях «арийцев» обязали уплатить также все судебные издержки. Внезапный приступ справедливости франкфуртских служителей Фемиды объяснялся достаточно просто и банально — так было приказано сверху. 25 июня 1939 года имперский министр юстиции направил председателям оберландсгерихтов (высших земельных апелляционных судов Германии) специальное циркулярное письмо относительно судебных дел с участием евреев в качестве истцов по гражданским претензиям и искам. «Исключение евреев из германской экономики должно происходить в соответствии с действующими инструкциями, на плановой и поэтапной основе. Находящиеся в собственности евреев предприятия и другие виды имущества, являющиеся средством оказания влияния на экономическую жизнь

государства, перейдут, в соответствии с установленными правилами, в германские руки», — говорилось в преамбуле этого документа. Циркулярное письмо вместе с тем требовало рассматривать все другие (не связанные с «ариизацией») гражданские претензии или иски с участием евреев на основе общепринятых юридических норм. Этот документ заканчивался предельно откровенно и цинично: «Нельзя лишать евреев возможности в судебном порядке отстаивать свои права в гражданских спорах, связанных с их экономической деятельностью. Даже из соображений социального и практического характера представляется нежелательным полное обнищание евреев». Этот юридический опус — ярчайший пример нацистского двоемыслия, вошедшего в кровь и плоть бюрократических структур Третьего рейха. С одной стороны — государство в лице своих юридических органов как бы гарантировало евреям справедливое судебное разбирательство в случаях, когда «нарушены закон и справедливость», так как «утверждение справедливости является высшим приматом государственной власти». С другой стороны — это та самая власть, которая целой системой антиеврейских законов, распоряжений, указаний, приказов и инструкций в лице тех же самых органов лишила евреев всего, поставив их за рамки нормального человеческого существования.

Таким образом, в период 1933—1939 годов в результате «наступления на еврейство на экономическом фронте», выразившегося в проведении нацистами политики «ариизации» и «дееврeизации», еврейское предпринимательство было полностью «вытеснено» из хозяйственно-экономической жизни Германии. Этот процесс сопровождался беззастенчивым и циничным грабежом еврейских владельцев собственности и капиталов и был «освящен» расово-идеологическими установками национал-социализма.

ОЖИВЛЕНИЕ МИФА ЧАСТЬ 3

«КРОВЬ И ПОЧВА» И «НОВЫЙ ПОРЯДОК»

ЭКСКУРС В ПОЛИТИКУ ГЕРМАНИЗАЦИИ ОККУПИРОВАННОЙ ЕВРОПЫ

Их звали Ирена и Йозеф. Они были польскими подростками, которых немецкие оккупационные власти направили из Лодзи в Германию. Они, как и тысячи «способных к онемечиванию поляков», подлежали «германизации». В Германии эти подростки должны были перевоспитаться и превратиться в полноценных немцев. Ирена, 14-летняя девушка, в 1941 году оказалась в Гессене, где была размещена в немецкой семье. Там она работала прислугой, занимаясь тяжелым физическим трудом. Йозеф оказался в Германии годом ранее. Его поселили у зажиточного крестьянина из Вюртемберга. Новый хозяин обращался со своим батраком достаточно сурово, хотя Йозеф не страдал от голода и холода. Ирена и Йозеф были рабочими руками, которые очень сильно требовались военной экономике Третьего рейха. Кроме того, они были выбраны для того, чтобы осуществить так называемый «желательный прирост населения». Но прежде чем попасть в Германию, они прошли подробное обследование у эсэсовских специалистов, которые признали их не просто «расово полноценными», но соответствующими высоким требованиям, предъявляемым к «германцам». Вынужденное пребывание в Германии должно было возвратить этих польских подростков обратно в рамки «немецкой самобытности». По крайней мере, им была оказана «высокая честь» стать немцами.

По-иному сложилась судьба польского крестьянина Антона. Он вместе со своей семьей оказался в специальном лагере в Лодзи, где силами СС проводился отбор будущих «немцев». Сам Антон и его семейство были признаны расово непригодными. Их выселили из своего дома, а часть семьи передали в качестве батраков в хозяйство одного из польских «фольксдойче». Сам Антон вместе с женой и дочерью оказался депортированным в Центральную Польшу, на территорию так называемого генерал-губернаторства. Здесь они должны были также стать батраками у новых хозяев. Несколько месяцев

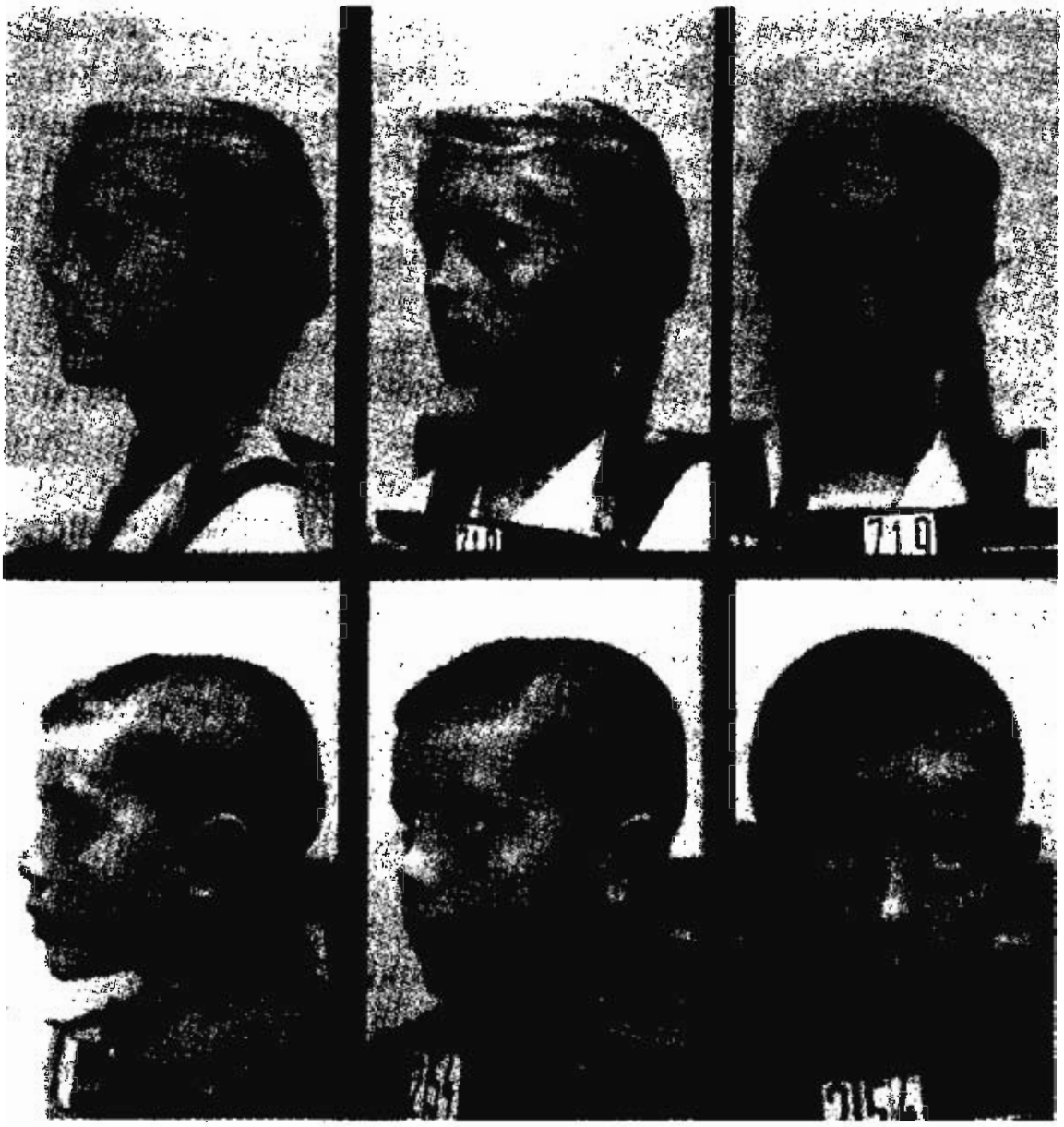


Фото славянских детей, подлежащих германизации

спустя Антон сбежал в поисках своего сына. Собрав свою семью, он попытался вернуться в старый дом, где тут же был арестован. Подобные попытки были строго-настрого запрещены.

Все эти судьбы были всего лишь отдельными фрагментами грандиозного замысла руководства СС, которое задумало освободить часть польских территорий от поляков. Во время Второй мировой войны из западных районов Польши было выселено более миллиона человек. Они должны были освободить место для поселенцев из Германии и польских «фольксдойче». Подобная политика осуществлялась в первую очередь в Вартегау, Данциге, Западной Пруссии и Силезии. Эта программа была всего лишь составной частью грандиозной этнической реорганизации Европы, которая должна

была осуществляться под патронажем СС. Этот замысел касался в первую очередь территорий Западной и Восточной Европы, которые были оккупированы Германией в начале Второй мировой войны. Новое «переселение народов» должно было проводиться в жизнь в строгом соответствии с расовыми принципами нацистской доктрины. Центральным элементом в этом замысле было расовое освидетельствование населения занятых европейских территорий. «Расово неполноценные» элементы должны были либо выселяться на Восток, либо же уничтожаться на месте. Подобная участь была уготована 31 миллиону людей, населявших Польшу, Прибалтику и европейскую часть Советского Союза. Оставшееся население должно было работать на экономику Третьего рейха. Лишь немногие «счастливчики», вроде Ирены и Йозефа, могли быть приравнены к немцам, для чего им надо было пройти перевоспитание.

Единственной этнической группой, которая не подлежала расовому освидетельствованию, были евреи. Все они без исключения подлежали депортации, а затем уничтожению. Их «исчезновение» являлось основной предпосылкой для запланированной германизации оккупированных областей. В этом вопросе было достигнуто полное взаимопонимание между СС и нацистскими гражданскими структурами. Пресловутое «окончательное решение еврейского вопроса в Европе» осуществлялось в полном соответствии с планом германизации.

Подробности этой политики стали известны лишь два года спустя после окончания Второй мировой войны. Это произошло во время процесса по делу представителей «Фольксштурма» и отдельных эсэсовских структур: Главного управления по вопросам расы и поселений, (РуСХА), «Лебенсборна», Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности. Против них был выдвинут ряд обвинений, в том числе «военные преступления», «членство в СС как преступной организации», «преступления против человечества» и т.д. Кроме этого, в судебную практику был введен особый состав преступления, в частности принудительная германизация, а также насильственное изгнание и переселение гражданских лиц с территорий, оккупированных Германией. Упомянутые выше эсэсовские структуры, в том числе Главное управление СС по вопросам расы и поселений, изобличались как центры координации этнической политики СС, в основе которой лежало намерение целенаправленного геноцида. Говоря в данной книге о геноциде, мы будем отталкиваться от самого распространенного понятия, которое было введено в

оборот в 1944 году. Под геноцидом понималось не только физическое истребление определенных этнических групп, но и уничтожение политических, социальных и культурных институтов, в частности языка, национального чувства, религии, а также подрыв экономической основы существования национальных групп и разрушение индивидуальной безопасности, свободы, здоровья и достоинства.

РАСОВЫЕ ЭКСПЕРТЫ СС ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

На этом процессе сторона обвинения пыталась установить непосредственную связь между расовым отбором, политикой переселений и зверствами, творимыми немцами на оккупированных территориях. То есть была предпринята попытка косвенно доказать вину эсэсовских специалистов, формально не имевших отношения к военным преступлениям. Исторический анализ показал, что расовые эксперты из состава СС, а также специалисты из Управления по вопросам расы и поселений вдвойне оказались причастными к осуществлению геноцида. Во-первых, они создавали научную основу для завоевательной политики Третьего рейха, а также политики переселения и насильственной германизации. Во-вторых, они оказались причастными не только к целенаправленному уничтожению евреев как этноса, но рациональному сокращению «расово неполноценных» народов, прежде всего поляков.

В отечественной и зарубежной литературе фактически никогда не уделялось внимание расовым экспертам из СС. Эту немногочисленную группу эсэсовцев вообще никогда не рассматривали как отдельную категорию военных преступников. Между тем во время войны число этих экспертов насчитывало более 500 человек. Они выступали в качестве эсэсовских руководителей по вопросам расы и поселений как на территории Германии, так и в оккупированных странах. Все они входили в состав Главного управления СС по вопросам расы и поселений, которое базировалось в Берлине. Эта структура наряду с Главным управлением имперской безопасности была одним из старейших учреждений черной эсэсовской империи. Возникла она 1 января 1932 года, еще до прихода нацистов к власти, и называлась просто «Расовое управление СС». Поначалу среди ее функций числился только расовый подбор жен для эсэсовцев и разработка соответствующих критериев для кандидатов на вступление

Генрих Гиммлер в форме рейхсфюрера СС

в СС. Процедура отбора в СС и критерии, которым должны были отвечать претенденты и невесты эсэсовцев, самостоятельно разрабатывались немногочисленными специалистами этого управления. Почти сразу же после прихода Гитлера к власти Гиммлер дал руководству расового управления задание воплотить в жизнь теорию о «крови и почве». Одним из способов выполнения этого задания было заселение немецких окраин родственниками эсэсовцев, что должно было способствовать расовому отбору. Речь шла о создании специальных сельскохозяйственных поселений, которые должны были стать становым хребтом новой германской расы. До начала Второй мировой войны Главному управлению СС по вопросам расы и поселений поручались исключительно важные идеологические задания. Это обстоятельство позволило главному эсэсовскому пропагандисту Гюнтеру Д'Альквену назвать РуСХА одной из трех колонн, на которых опирались СС (двумя другими были Главное управление СС и Главное управление имперской безопасности — РСХА).

Специалисты РуСХА перешли от теоретических построений к конкретной расовой политике, когда в 1938 году нацистская Германия сначала совершила аншлюс Австрии, а затем аннексировала Судетскую область. Те задачи, которое оно выполняло раньше (расовое просвещение эсэсовцев и специфические расовые изыскания), отошли к другим эсэсовским структурам. На новых территориях рейха срочно требовалось осуществлять определенную расовую политику, которая получила название «народной» («народно-политическая практика»). В годы Второй мировой войны задачи РуСХА в очередной раз изменились, точнее, значительно расширились. Это было связано прежде всего с тем, что эсэсовские специалисты больше не занимались лишь расовым подбором будущих членов СС, а применяли полученные разработки на населении аннексиро-

ванных и оккупированных территорий. В Западной Польше эксперты РуСХА координировали «переселение» поляков, которое превратилось в насильственное изгнание и депортацию с территории Польши. При этом они выступали в роли руководителей специальных оперативных групп РуСХА, земельных управлений СС и начальников эсэсовских штабов, занимавшихся вопросами переселения. Одновременно с этим специальные «расовые контролеры» из состава Главного управления СС по вопросам расы и поселений проверяли в оккупированной Польше сотни тысяч людей на предмет «расовой полноценности». Вместе с тем они определяли критерии, по которым должны были отбираться «фольксдойче». Именно от них зависело, кому предстояло стать «немцем», кому направиться в генерал-губернаторство в виде рабочей силы. На каждого осмотренного человека заполнялась специальная расовая карта, в которой содержался 21 внешний признак: цвет глаз, цвет волос, форма головы, носа, губ и так далее. Эти признаки служили для выяснения расовой формулы, которая позволяла отнести конкретного человека к одной из четырех расовых групп. С точки зрения эсэсовского руководства «расовую ценность» представляли лишь люди, попавшие в первые две группы. Соответственно, за счет одних мог происходить «желательный прирост населения», а другие подлежали «повторному онемечиванию». Все остальные для Третьего рейха не представляли никакой ценности.

В годы войны эта процедура была доведена до некоего совершенства. Расовые эксперты РуСХА постепенно охватывали своей деятельностью бóльшую часть Европы. Филиалы Главного управления СС по вопросам расы и поселений постепенно стали возникать не только в Германии. Сначала появился филиал в Вартегау, в Лодзи (Литцманштадт), затем — в Праге. Одновременно с этим на территории Словении осуществляло свою деятельность Оперативное бюро по вопросам расы и поселений «Юго-Восток». Одновременно с этим на новых имперских территориях так называемые «эсэсовские руководители по расе и поселениям» раскрывали суть этих понятий. Согласно служебной субординации они входили в состав старшего руководства СС и полиции, что не мешало расовым экспертам иметь свой собственный штаб, состоящий из нескольких сотрудников. Кроме этого, при каждом из офицеров высшего руководства СС и полиции имелся референт по вопросам расы и поселений, который входил в состав особой службы. В 1942 году почти вся

Карта деления оккупированной Польши на зоны деятельности отдельных структур РуСХА

Европа была разбита на зоны деятельности, которые простирались от Гааги и Осло до Могилева и Киева.

Можно отметить одну характерную тенденцию. Постепенно центр деятельности РуСХА переносился из Германии на периферию Третьего рейха, в частности на завоеванные территории. А ведь изначально Главное управление по вопросам расы и поселений должно было заниматься отбором элиты для «черного ордена». Здесь, очевидно, прослеживается влияние хозяйственного аппарата СС. Только так можно объяснить, что критерии, разработанные для «черной элиты», стали переноситься на население оккупированных стран. Очевидно, что его рассматривали двояко: с одной стороны, как рабочую силу, с другой стороны (при наличии расовой ценности) — как «желательный прирост населения». Экономические и чисто идеологические вещи здесь переплелись в единый клубок. Среднестатистический (с расовой точки зрения) житель захваченных территорий должен был работать на благо Германии. «Расово нежелательные элементы» (50% поляков, прибалтийцев, русских и 100% евреев, цыган и «азиатов») подлежали «искоренению».

За исключением евреев, большинство этнических групп во время войны не могли стать жертвами политики широкомасштабного геноцида. Хотя это не исключает того факта, что отдельные люди и даже семьи уничтожались по причине их «расовой неполноценности». Но все-таки расовые эксперты СС предполагали грандиозное этническое перекраивание Европы уже после окончания мировой войны. Это были далеко идущие планы. Сейчас сложно сказать, какие бы контуры приобрела Европа, появись возможность их осуществления. Но в любом случае сотрудники РуСХА были непосредственно причастны к возможной реализации этих замыслов. Уже во время войны они занимались «подготовительными работами»: расовым отбором нескольких миллионов людей, переселением части европейского населения. Этим они напрямую способствовали национал-социалистской политике геноцида, которая начала набирать обороты в годы Второй мировой войны. Кроме того, сотрудники РуСХА очень тесно сотрудничали с представителями РСХА, что было продемонстрировано не только совместным участием в теоретических построениях, но и сотрудничеством во время конкретных «оперативных акций». Представители этих двух структур в равной мере ответственны за проведение в жизнь преступной политики геноцида, которую они осуществляли в рамках Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности.

После войны Готфрид Шварц, государственный защитник Отто Хоффмана на Нюрнбергском трибунале, дал такую оценку РуСХА, которая должна был демонстрировать несправедливость обвинений союзников: «Стороннему наблюдателю могло показаться, что СС являлось органом по уничтожению народов, а Главное управление СС по вопросам расы и поселений было душой этой политики». Но адвокат занял ошибочную позицию, пытаясь подобным образом дистанцировать своих подопечных от совершения реальных преступлений. Обвинению удалось доказать, что расовые эксперты РуСХА в рамках национал-социалистской расовой политики во многом идеологически подготовили оккупационную политику, неразрывно связанную с геноцидом, насильственной германизацией и расовым отбором.

Тем не менее расовые эксперты из состава СС не были единственными, кто занимался в национал-социалистском государстве мировоззренческим обоснованием идей о «чистоте расы» и «восточных поселениях». Кроме РуСХА на этом поле также играло РПА — Расово-политическое управление НСДАП. В свое время Вальтер

Гросс опубликовал для партийных инстанций несколько учебных материалов по теме «Раса». Для этих целей информационная служба расово-политического управления НСДАП издавала журнал «Новый народ». Однако все эти материалы не имели практической значимости, так как реальное «расовое освидетельствование» было оставлено за СС. Кроме этого, Имперское родовое управление, входившее в состав министерства внутренних дел, было уполномочено устанавливать так называемые «доказательства арийского происхождения» и вело общеимперскую статистику еврейского населения. В этом направлении РуСХА и министерство внутренних дел осуществляли активное сотрудничество. Главное управление СС по вопросам расы и поселений вело также собственную «еврейскую картотеку», которая была значительно расширена в годы войны за счет оккупированных территорий. В 1944 году Гиммлер, и как рейхсфюрер СС, и как шеф полиции, стал вынашивать планы о передаче функций Имперского родового управления Главному управлению СС по вопросам расы и поселений. Но военные поражения Третьего рейха не дали реализоваться этим начинаниям.

КОНКУРЕНЦИЯ В РАСОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В поселенческой политике эксперты РуСХА конкурировали с Имперским продовольственным комитетом, который пытался использовать крестьянские поселения в собственных целях. Более подробно проблемы конкуренции между крестьянскими функционерами и эсэсовскими экспертами мы разберем в последующих главах на примере протекторатов. Смежные интересы этих двух структур осложнялись тем, что между Главным управлением СС по вопросам расы и поселений и Аграрно-политическим аппаратом существовали тесные персональные связи. Многие из нацистских сельскохозяйственных функционеров одновременно являлись членами и СС и даже числились в РуСХА. В первую очередь это касалось Вальтера Дарре — первого начальника Главного управления СС по вопросам расы и поселений (1932—1938). С началом войны компетенция этих двух структур стала разграничиваться более четко. Так, например, в Польше нацистская крестьянская организация отбирала соответствующих претендентов из числа «гражданского крестьянского населения», а эсэсовские структуры вели построение «новых крестьянских поселений СС». Во время войны

Имперский продовольственный комитет оказался в крайне невыгодном положении, так как по распоряжению Гиммлера до победы над противниками демографическими процессами на восточных территориях могли заниматься лишь эсэсовские структуры.

Расовые теории Генрих Гиммлер считал своей вотчиной

В условиях того, что на оккупированные территории Западной Польши переселялось огромное количество «фольксдойче», представители Имперского продовольственного комитета были вынуждены сотрудничать с эсэсовскими экспертами, формально войдя в состав переселенческих штабов СС. Но организационное разграничение полномочий оказалось фактически невозможным, когда речь пошла о депортации поляков и евреев, которая осуществлялась силами «оперативных групп» СС. С одной стороны, переселенческие штабы СС являлись составной частью Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности, которые возглавлял лично Гиммлер. Однако с другой стороны, бóльшая часть персонала этих штабов, равно как и их руководство, являлась сотрудниками Главного управления СС по вопросам расы и поселений. То есть очевидно, что конкретные люди оказались в сложной ситуации: организационно они находились в составе Имперского комиссариата, но по сути — продолжали работу в РуСХА. Получается, что с началом войны штаб Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности взял на себя функции РуСХА в сфере переселенческой политики. Скорее всего, речь шла о процессе дифференцирования и диверсификации, который шел внутри аппарата СС. Основной сферой деятельности РуСХА в годы войны стала расово-политическая экспертиза. Тем не менее именно в первые годы войны в эту сферу деятельности стали внедряться и другие эсэсовские структуры. Часто случалось, что одних и тех же специалистов перебрасывали из одного учреждения в другое. В ито-

ге одними и теми же вопросами занимались Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности, РуСХА, III управление РСХА и ряд учреждений, занимавшихся вопросами «фольксдойче». При этом анализ переселенческой политики в отдельных регионах Юго-Восточной Европы показывает, что подобное дублирование являлось отражением общего «поликратического хаоса», творившегося в Третьем рейхе. Но с другой стороны, именно подобная политическая конкуренция заставляла эсэсовских экспертов работать более тщательно в деле расовых зачисток.

Всего же в годы войны в Главное управление СС по вопросам расы и поселений входило около 500 старших и младших офицеров СС. В данном случае речь идет и о берлинском централе, и об оккупированных территориях. В рамках данной книги мы будем называть их расовыми экспертами, хотя в оригинальных документах они наименовались «консультантами по расовым вопросам расового управления СС». Но все-таки расовые эксперты СС отвечали не только за «чистоту расы». Как видим, сначала они занимались отбором в СС, потом стали курировать поселенческую политику, а в годы войны стали ведать также идеологическим контролем и даже материальным обеспечением семей эсэсовских офицеров. Общим во всей их деятельности был акцент на «содействии расово полноценным элементам» и «расовом укреплении немецкого народа». Это обстоятельство позволяет назвать расовыми экспертами всех сотрудников РуСХА.

РАСОВЫЙ ЭКСПЕРТ СС КАК ОСОБЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТИП

Но в то же время расовых экспертов надо отличать от референтов по расовым вопросам. Под таким названием в документах встречаются эсэсовские сотрудники, которые занимались курсами «повышения расовой квалификации». В 1938 году эта категория эсэсовцев стала именоваться «эсэсовскими руководителями по вопросам расы и поселений», или РуС-руководителями. Среди нацистских преступников расовые эксперты образовывали особую группу. Эти люди не были интеллектуальными юристами вроде Вернера Беста. Они не были убийцами из оперативных групп СС. Их нельзя даже зачислить в категорию эсэсовских технократов, которые ведали «окончательным решением еврейского вопроса», каковыми были помощники Эйхмана из еврейского сектора Главного управления

имперской безопасности. Всех этих преступников роднили радикальные расистские установки, но были и отличия. Все они были неординарными личностями. Они не были рядовыми исполнителями приказов. Они выделялись на фоне многочисленных полицейских странным сочетанием интеллектуальности и слепой веры в национал-социалистскую расовую теорию. Они были прагматиками, сторонящимися зверств массового террора.

Большинство расовых экспертов СС были людьми среднего возраста. Почти все они родились в промежутке между 1900 и 1909 годами. Вместе с тем они принадлежали к так называемому военному поколению молодежи. Они имели академическое образование. Некоторые из них были антропологами, другие изучали агрономию, а затем работали в крестьянских хозяйствах и на зоофермах. Многие из них были членами НСДАП «с периода борьбы», то есть примкнули к нацистам до 1933 года. Часть из них еще до прихода Гитлера к власти вступила в СС. Почти все они прошли специальные эсэсовские курсы, которые позволяли им работать расовыми экспертами и РуС-руководителями. При этом надо отметить, что Главное управление СС по вопросам расы и поселений не было завидным местом для карьеристов, а потому многие шли сюда по идеологическим убеждениям. С одной стороны, эти люди были «предвестниками геноцида». Их планы по германизации Европы были исполнены цинизма и презрения к человеку. С другой стороны, по долгу своей службы они инициировали насильственные депортации и выступали главным звеном в расовом отборе населения завоеванных территорий. Их специфическая функция состояла как раз в этой двойственности: они были теоретиками расизма, которые сами же воплощали свои идеи в жизнь. Их одновременная сопричастность и с теорией, и с практикой позволяет говорить о них как об экспертах в вопросе геноцида.

Наконец, сам собой возникает вопрос: какое место эти расовые эксперты занимали в «черном ордене СС»? Вначале они не располагали достаточным образованием и профессиональными навыками, но тем не менее выполняли в рамках национал-социалистской политики весьма специфические функции. Наряду с этим в источниках имеются многочисленные признаки того, что у них имелся свой собственный менталитет, некое групповое чувство, которое роднило расовых экспертов. Они находились в постоянном контакте между собой, имея при этом прямой выход на руководство СС. Эти достаточно прочные связи стали рваться только в годы Второй мировой

войны. Но даже в этом время проводились регулярные совместные заседания расовых экспертов и РуС-руководителей. В частности, начальник РуСХА Отто Хоффман и Рихард Хильдебрандт по собственной инициативе делали все возможное, чтобы пробудить в своих подчиненных чувство сплоченности. Хотя бы тот факт, что возникновение Главного управления СС по вопросам расы и поселений было продиктовано самой сутью национал-социалистского мировоззрения, должен был вызвать подобное групповое чувство. В итоге любой, кто вел речь о «превосходстве нордической расы», должен был неизменно присягать на верность идее «восточных германских поселений».

«ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО»

В итоге слова «раса» и «поселение» стали паролями принципа расового отбора и стремления к этнической реорганизации Европы. Расистские идеи имели в Германии давние традиции. Прежде всего, это связано с идейным наследием групп «фёлькише», которое со временем восприняло модный в те дни социал-дарвинизм, подкрепленный расовыми изысканиями в области антропологии. Уже тогда явственно обозначилось «немецкое стремление на Восток» и немецкая тоска о «месте под солнцем». Обе эти идеологемы нашли свое выражение в годы Первой мировой войны, а после поражения Германии получили дополнительный политический импульс. Эти устремления в полном объеме были подхвачены национал-социалистской идеологией, которая стала воплощать их в жизнь с момента установления гитлеровской диктатуры.

Восточные устремления Германии начались отнюдь не в XX веке, они отсылают нас назад к империи, созданной Отто фон Бисмарком. «Железный канцлер» позволял себе проводить активную переселенческую политику и германизацию в Познани, Западной Пруссии, а отчасти в Эльзасе и Лотарингии. На восточных землях он проявил себя как целенаправленный противник поляков и католической церкви. Он намеревался поселить на этих территориях как можно больше немцев, вытеснив оттуда польское население. В определенной степени эти меры можно считать предшествующими национал-социалистской политике германизации, за тем исключением, что Бисмарк не опирался на расовые установки. Идея о восточных немецких поселениях обрела новую жизнь в военных мемо-

рандумах периода Первой мировой войны, а также в агитации «Пангерманского союза» и «Объединения немецкого народа Германии и заграницы». В этих документах речь шла о захвате территорий, заселенных преимущественно немцами. Все это получило название «немецкой Восточной экспансии». В свою очередь, идеологи этих настроений ссылались на Средневековье, на устремления немецкого ордена, усиленно занимавшегося «восточной колонизацией». Подобная аргументация была весьма успешно взята на вооружение в СС. После военного поражения Германии в Первой мировой войне и последующей после этого потери восточных областей Пруссии, Эльзаса и Лотарингии, а также всех колоний популярность приобрела мысль о том, что «немцы стали единственным народом, лишенным жизненного пространства». Завоевать оное предполагалось в первую очередь на Востоке. Агрессивное требование обретения «жизненного пространства» стало двигателем национал-социалистской политики и краеугольным камнем гитлеровского мышления. Эти идеи оказались привлекательными для далеких друг от друга частей политической, военной и экономической элиты. В 20-е годы эти идеи стали получать научное обоснование в виде геополитики, разработкой которой занимался Карл Хаусхофер.

Пропагандистский идеал крестьянки

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАСОВОЙ ГИГИЕНЫ

Второй опорой национал-социалистских программных установок стал расизм, идеи которого стали активно развиваться также в XIX веке. Идея Гобино применить законы дарвиновской теории к человеческому обществу получила широкий отклик не только в Германии, но и во всей Европе. Но именно немцы выкристаллизовали расизм, превратив его в своеобразную разновидность биологи-

Эсэсовец на крестьянском празднике – дублирование принципа «Кровь и почва»

ческого мышления. Первыми этими идеями воспользовались многочисленные немецкие фёлькише-организации. Бесчисленные фёлькише-пророки приправляли свои сентенции идеями только что начавшей развиваться расовой гигиены, «научного» варианта расизма. Одним из пионеров расовой гигиены в Германии стал Альберт Плёц, который в 1904 году вместе с Фрицем Ленцем и Евгением Фишером создал «Общество расовой гигиены». В этой связи стоит упомянуть, что первые попытки расового отбора в 1886 году предпринял Отто Амон, военный пенсионер, проживавший в Бадене. В 1910 году «Общество расовой гигиены» издало специальный каталог, который был разослан различным «фёлькише», пангерманским и националистическим организациям. Этот документ состоял из десяти пунктов, в которых его авторы требовали способствовать «расовой чистоте», «содействовать расширению сельского населения», поощрять «расово высококачественные многодетные семьи», а также ввести в обязательный оборот справки о состоянии здоровья, которые должны были предъявлять жених и невеста, пре-

жде чем вступить в брак. Авторов этого меморандума можно назвать непосредственными предшественниками законов о браке, которые были введены в СС в 1931 году. Кроме этого, с 1914 года фёлькише-организация «Немецкий союз» («Дойчбунд») ставила одной из своих целей подбор для своих членов супруг, наиболее подходящих с расовой точки зрения.

Евгений Фишер

После военного поражения Германии в 1918 году идеи расовой гигиены получили политическое звучание, так как в праворадикальном лагере стали все отчетливее звучать требования «расовой очистки Германии» и избавления от «расово неполноценных элементов». Но теперь эти лозунги увязывались воедино с общей критикой новой демократической системы, которая, по словам Эдгара Юнга, являлась «господством ущербных», так как «самые лучшие с расовой точки зрения» пали на фронтах мировой войны. Веймарская же республика, социальная по своему характеру, предпочитала помогать слабым и недоразвитым. При этом биологизированное мышление не шло ни в какое сравнение с массовым восприятием программного письма Юнга. Общество впервые стало воспринимать нацию-народ как «общность на основе крови». Обновления «народного организма» предполагалось достичь за счет «улучшения расы», евгеники, ограничения размножения людей с наследственными болезнями, стерилизации «асоциальных личностей», в первую очередь алкоголиков. По мнению масс, авторитарная государственная структура, которая должна прийти на смену полностью дискредитировавшей себя демократии, могла вывести общество из глубочайшего кризиса современности лишь благодаря подобным мерам. Особое значение в формировании подобных настроений имело письмо братьев Юнгер «Демонстрация национализма», написанное в 1928 году, в котором они пропагандировали принципиально новый национализм. Он

был порожден войной и в какой-то мере жил в крови солдатского поколения. Требование создания нового, антилиберального, аристократического общественного устройства как реакции на разрушение демократией немецкого народа дополнялось чисто биологическими требованиями.

При этом напрашивается вопрос: насколько широко до 1933 года было распространено биологическое мышление? Какие слои и социальные группы оказались наиболее восприимчивыми к нему? Абсолютно некритическое отношение к первым законам гитлеровского правительства, имевшим в своей основе расизм (Закон «О предупреждении появления потомства, страдающего наследственными болезнями», Закон «Против опасных профессиональных преступников»), равнодушное восприятие расистских законов 1935 года (Закон «О здоровом браке», «Нюрнбергские расовые законы»), а также одобрение политики исключения евреев из общественной и экономической жизни наглядно демонстрируют, что немецкий расизм и антисемитизм начинались отнюдь не в 1933 году. Приход Гитлера к власти и последующие меры были всего лишь выражением общегерманских настроений. Однако существовали и СС, в которых понятия «раса» и «поселение» были самыми главными словами. Именно СС должны были начать расовую перестройку Третьего рейха, а затем и всей Европы. Теория «расового превосходства» немцев и мнимая потребность в «жизненном пространстве на Востоке» были поданы абсолютно рационально, в европейском стиле, постепенно превратившись в программу этнической перекройки континента. В «расовом отборе» и «насильственном выселении», которые осуществлялись с ведома расовых экспертов СС, не было ничего эмоционального. Все осуществлялось с немецкой точностью и пунктуальностью — это была простая прикладная практика на пути к новой Европе.

ВАЛЬТЕР ДАРРЕ

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер и его друг Вальтер Дарре, позже ставший имперским руководителем крестьян и имперским министром сельского хозяйства, сформулировали в начале 30-х годов мировоззренческие основы «нового ордена». Оба были большими поклонниками агрономии. Оба состояли в фёлькише-организациях. Оба были последовательными сторонниками «восточного рас-

ширения» Германии. В свое время Гиммлер был активистом организации «Артаманен», а Дарре выступал идеологом союза «Башмак» («Бундшу»)[1]. Вальтер Дарре сформулировал не только символическую диаду «Кровь и почва», но также написал две работы, которые стали первой идеологической программой только нарождавшихся охранных отрядов — СС. В обеих книгах («Крестьянство как жизненный источник нордической расы», «Новое дворянство из крови и почвы») он указал в конце 20-х годов эсэсовцам будущий путь развития: расовая чистота и восточная колонизация. Кроме всего прочего, он описывал крестьянство как самый важный слой немецкого общества, который постоянно пополнял нацию «хорошей кровью». Вторым компонентом стала идея абсолютного превосходства «нордической расы». Веру в существование шести различных «основополагающих рас» Вальтер Дарре почерпнул из недр «нордического движения» и из работ расоведа Гюнтера, который позже стал самым именитым расовым теоретиком Третьего рейха. В своем «Кратком расоведении немецкого народа» Ганс Фридрих Карл Гюнтер предложил концепцию расового деления населения Европы. Идеи о расовой селекции он пропагандировал через собственную организацию «Северное кольцо». Интересно, что Вальтер Дарре и многие другие видные сотрудники РуСХА были членами этого малоизвестного союза. Кроме этого, не стоит забывать, что при выработке расовых принципов СС Гиммлер и Дарре использовали собственный сельскохозяйственный опыт (оба были дипломированными агрономами).

Дарре родился в 1895 году в семье берлинского торговца, имевшего свое дело в Аргентине. Раннее детство он провел в этой латиноамериканской стране, а в десятилетнем возрасте вернулся в Германию. В 1914 году он был зачислен в колониальную школу в г. Вейтценхаузен, где собирался, подобно Гиммлеру, получить сельскохозяйственное образование. Но изучение аграрных премудростей было прервано, когда его мобилизовали в армию. Ужасы войны, позиционные бои не отбили у молодого человека желания продолжать свое образование. В мае 1919 года он возвратился в колониальную школу. Интересно, на что он надеялся? После поражения в войне Германия потеряла все колонии, и ее выпускники были обречены

[1] Со времен позднего Средневековья башмак был символом тайных крестьянских организаций.

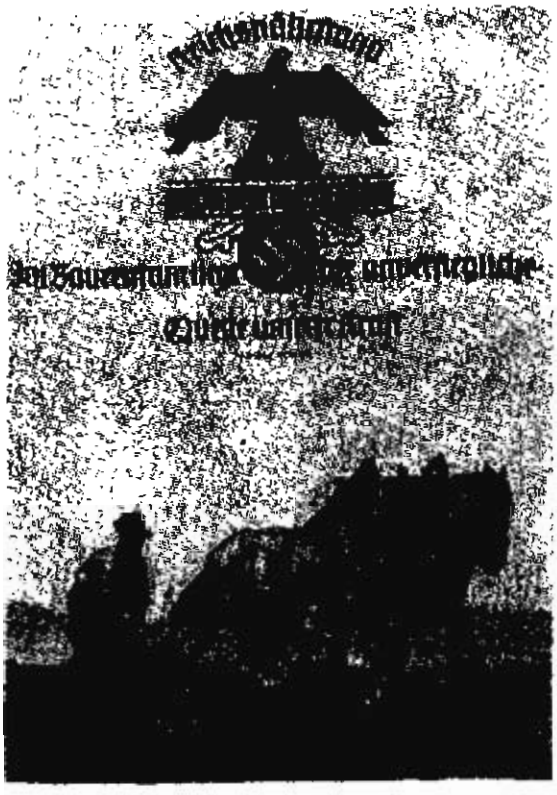
Вальтер Дарре после окончания учебы

пополнить гигантскую армию безработных. Учебу Дарре закончить не удалось, и он был вынужден покинуть учебное заведение. До 1922 года он бродяжничал, нанимаясь на сезонные работы в крупные поместья.

В 1922 году Вальтер Дарре направился в Галльский университет, где устроился работать ассистентом генетика Густава Фрёлиха. Благодаря этому он все-таки получил в 1925 году диплом о сельскохозяйственном образовании. Правда, в его официальной биографии периода нацистской диктатуры указывалось, что диплом он получил в 1920 году в колониальной школе. Приобретя статус дипломированного специалиста, Дарре с 1925 по 1929 год принимал участие в реализации различных частных и государственных проектов, связанных с сельским хозяйством. Далекий от политики, в 1929 году он решил присоединиться к нацистам. Он симпатизировал НСДАП уже в начале 20-х годов, но, скорее всего, его вступление в партию было последствием ряда профессиональных неудач. Когда Дарре осознал, что его деятельность не приносила желаемых результатов, в мае 1929 года он стал консультантом в одной из многочисленных фёлькише-групп. В том же году он издал книгу «Крестьянство как источник существования нордической расы». В своей работе он планировал опровергнуть популярную тогда у националистов теорию Фрица Керна, который пытался изобразить древних германцев кочевыми племенами, занимавшимися скотоводством. Дарре, пребывая под воздействием идей расиста Ганса Гюнтера, считал кочевников бесполезными паразитами. Германцы же, в его изложении, были оседлыми земледельческими племенами, которые создавали фундамент для будущей немецкой цивилизации.

Когда СС в 1931 году стали превращаться из боевой организации в политическое объединение, Гиммлер решил создать Расовое управление СС. Молодой рейхсфюрер СС поставил во главе новой структуры своего приятеля Вальтера Дарре. Чтобы осуществлять «отбор нордического идеала», Гиммлер отдал эсэсовцам приказ соче-

таться браком только с расово выдающимися девушками, что было прямым заимствованием из книги Дарре «Новое дворянство», в которой автор изображал «новыми аристократами» наследственное дворянство. Немного позже вышло распоряжение, чтобы расовому отбору подвергался любой претендент на вступление в СС. Таким образом, и будущий эсэсовец, и его избранница подвергались антропологическим исследованиям на предмет расового соответствия «высоким идеалам СС». Благодаря этим шагам Гиммлер и Дарре приблизились к своей заветной цели — построить «элитарный нордический орден».



Поначалу принцип «Кровь и почва» предназначался для немецкого крестьянства

Расовый отбор внутри СС имел два следствия. Во-первых, оно приводило к специфическому самосознанию и самоопределению эсэсовцев как «биологической элиты» и «новой прослойки господ». Прием в СС являлся результатом строгого отбора, когда кандидаты на вступление в «черный орден» отвечали «научно» признанным критериям, что стало наглядным доказательством последовательного культивирования расистского мышления. Во-вторых, в соответствии со строгими стандартами создавалась модель, которая в случае начала войны могла переноситься на гражданское население завоеванных стран. При этом особое значение имело то, что процедура отбора была стандартизирована под СС, то есть в ультрасовременном, естественно-научном духе. На основе этого идеологического «мечтания» был приобретен практический опыт «научных освидетель-

Вывеска крестьянского руководителя

Гиммлер и Дарре (в углу) среди немецких крестьян. До прихода нацистов к власти осталось не более года

ствований». Осенью 1939 года расовые эксперты СС были предупреждены, что при «очистке» Европы они должны прибегать к самым последним методам и разработкам.

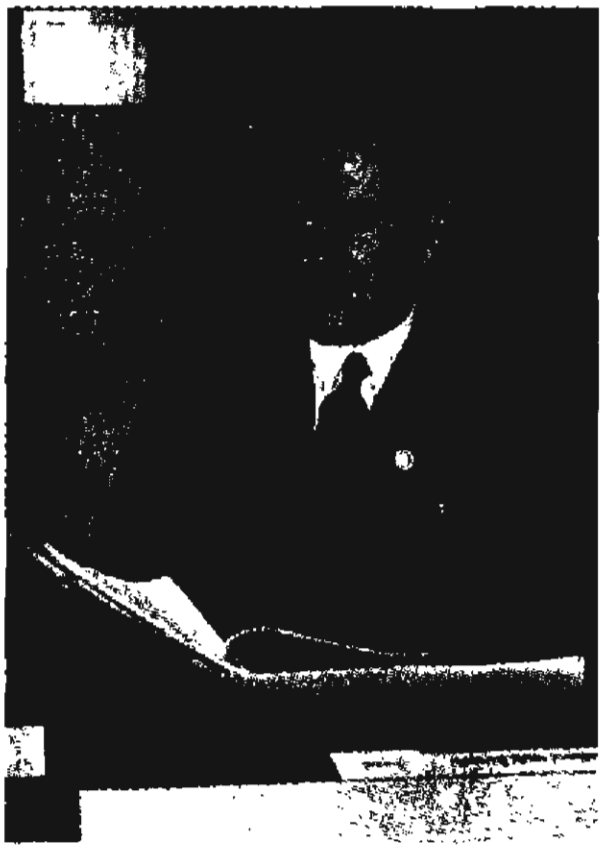
ФОРМИРОВАНИЕ РАСОВОЙ ИДЕОЛОГИИ СС

Сам Гиммлер считал расовую селекцию основой национал-социалистской политики. Об этом он говорил в своих многочисленных, тайных и открытых, письменных и устных приказах. В период с мая 1940 года по октябрь 1943 года он произнес как минимум три важные речи, которые были посвящены проблеме онемечивания восточных территорий. В этих высказываниях он проводил мысль, что «надо сократить этническую кашу в генерал-губернаторстве до 15 миллионов, а в восточных провинциях — до 8 миллионов человек». То есть он вел речь о том, чтобы из этой «этнической каши» выбрать самые расово ценные элементы и переправить их в Германию, чтобы они там были ассимилированы с германским населением. В октябре 1944 года на заседании верховного командования вер-

Вальтер Дарре и Йозеф Геббельс беседуют с крестьянами

махта, которое проходило в Бад-Шахене, рейхсфюрер СС заявил, что задачей охранных отрядов является выявление расово хороших типов в этническом коктейле, который был создан на русском пространстве. Несколько дней спустя в Познани на так называемом «Дне Свободы» он снова призвал выискивать среди противников породистых детей, которые должны были либо стать немцами, либо быть уничтожены как самые потенциально опасные враги.

Это «просеивание этнической каши» и «онемечивание породистых элементов», само собой разумеется, должно было проходить в полном соответствии с эсэсовскими критериями и идеологией нацистского расизма. Для расовых экспертов, которым Гиммлер поручил эту задачу, этническая реорганизация Европы имела в первую очередь расовую, мировоззренческую цель, а не экономические задачи, как для ряда представителей других нацистских (прежде всего гражданских) структур. Руководство СС «новая Европа» интересовала сама по себе, а не как поставщик природных или трудовых ресурсов. Примечательно, что Генрих Гиммлер продолжал свято верить в «исключительность нордического идеала» и «расовую селекцию», даже несмотря на многочисленные военные поражения



Вальтер Дарре – имперский руководитель крестьян и шеф РуСХА

Германии и на то, что ряды ваффен-СС стали пополнять добровольцы, далекие от пресловутого «нордического типа». На заседании руководства СС в Познани Гиммлер не только призывал и далее продолжать «расовую селекцию», но и взял на себя ответственность за уничтожение евреев: «Мы возникли согласно законам селекции. Мы проводили отбор для нашего народа. Поэтому сейчас, как и всегда, мы должны помнить о наших принципах: крови, селекционном отборе и твердости. Только так возможно дать немецкому народу, германской нации высшие слои, которые сплотят наш народ и спасут Европу».

В рамках данной книги под словом «раса» имеется в виду научное понятие, которое подразумевает очевидные внешние различия между отдельными группами людей. Этим определением пользовались и Гиммлер, и Дарре, и расовые эксперты СС. Но от современного научного подхода их отличала вульгарная трактовка данных генетики и теории Дарвина. Национал-социалистские ученые, занимавшиеся расовыми проблемами, рассматривали фенотипические признаки человека не только в качестве генетически обусловленных и переданных по наследству, но и как фактор, определяющий многие другие качества личности. Таким образом, они производили корреляцию между внешним обликом, наследственностью и духовно-интеллектуальной значимостью человека. Кто не обнаруживал по меньшей мере нескольких признаков «нордической расы», тому отказывали в интеллекте, «душе» и чувствах, присущих «нордическому человеку». В итоге «неполноценные расы», в частности евреи и отчасти славяне, лишались своего человеческого достоинства, подо что подводилась «убедительная» научная основа. Дарре считал расизм «стержнем» национал-социалистской идеологии. В 1936 году он говорил по этому поводу: «Если национал-социалистское мировоззрение спроециро-

вать на прошлое, то мы увидим национал-социализм, прежде всего связанный с кровью, то есть с расой. Можно даже заявить, что признание факта наследования человеческих качеств — это суть национал-социализма».

«НЕМЕЦКИЙ ВОСТОК»

Второй умозрительной конструкцией (наряду с понятием «раса»), на которую опиралась эсэсовская идеология и которая была тесно связана с расовым вопросом, было понятие «немецкого Востока», а значит, и «немецкого поселения». Для политики национал-социализма характерным было то, что она смешивала воедино экономические (прежде всего аграрные) аспекты, «мировую политику» и «жизненное пространство», приправляя этот коктейль идеями о «расовом общественном устройстве». В итоге нет ничего удивительного в том, что с первых лет гитлеровской диктатуры война рассматривалась как наиболее адекватное средство для достижения указанных целей. Бросалось в глаза, что эти цели отличались своей гигантоманией и претензией на абсолютное господство. Тот же Вальтер Дарре в 1936 году сделал «набросок» планов по созданию «немецких поселений»: «Естественное пространство заселения немецкого народа — это область к востоку от нашей имперской границы до Урала. На юге она ограничивается Кавказом, Каспийским и Черным морями, а также водоразделом, который разделяет бассейн Средиземного моря от Балтийского и Северного морей». На этом гигантском пространстве должна была поселиться «более жизнеспособная раса, которая должна была вытеснить менее жизнеспособную». Согласно идеям Дарре, все это пространство предназначалось, естественно, для немцев.

За год до того, как были произнесены эти слова, СС стали оказывать активное влияние на формирование поселенческой политики нацизма. В 1935 году РуСХА было официально уполномочено заниматься организацией сельских и городских поселений, где должны были проживать эсэсовцы. В годы войны эти полномочия были расширены. Согласно приказу о «Поселениях СС» создавались специальные населенные пункты, в которые направлялись раненные в боях полицейские и эсэсовцы. В официальном печатном органе РуСХА «СС-Ляйтхефте» («Направляющих тетрадях СС») появилась едва ли не постоянная рубрика, в которой эсэсовцы отвечали на вопрос: «Как я стал поселенцем СС на немецком Востоке?»

Служащие РуСХА во главе с Дарре на крестьянском празднике

В этих публикациях воедино связывались идеи сельских «восточных поселений» и «наследственное обновление» немецкого народа: «В новых деревнях, на новых сельских дворах подрастает крестьянство, которое будет неиссякаемым генетическим источником немецкого народа и вместе с тем хранителем преемственности многих поколений рейха».

Захват нового жизненного пространства в годы войны фактически представлял собой начало «этнической реорганизации» оккупированных территорий, что на практике превращалось в насильственное вытеснение, изгнание гражданского населения, а также уничтожение евреев. При этом сохраненные по традиции расистские и антисемитские представления получали новое подтверждение благодаря жизненному стилю локальных этнических групп «завоеванного Востока». Негативные отзывы о «польской экономике» или о «польском образе жизни», Востоке и его «неполноценных людях» сочетались с антисемитскими стереотипами («еврейские паразиты»). Подобное сочетание красной нитью проходило сквозь большинство публикаций о «немецких поселенцах». Когда Генрих Гиммлер встал во главе Имперского комиссариата по укреп-

лению немецкой народности, СС превратились в радикальную организацию, которая в соответствии со своими мировоззренческими принципами готовилась провести «деэтнизацию», дабы достигнуть «расовой гомогенности Европы». Понятия «раса» и «поселение» в словаре СС стали словами-синонимами. Была сформулирована концепция демографической и экономико-политической программы по улучшению «польских условий», а сам Гиммлер начал вынашивать далеко идущие планы.

Германизация получила дополнительную динамику благодаря «фольксдойче», которые устремились осенью 1939 года в Германию из советской зоны влияния (Прибалтики, Западной Белоруссии и т. д.). Первым принципом поселенческой политики нацистов стало намерение поселить этих немецких репатриантов на оккупированных территориях. Наличие на этих землях коренного населения отнюдь не смущало эсэсовское руководство. Создание на захваченных территориях поселений из «фольксдойче» было первым шагом расового преобразования захваченных земель. В СС считали, что изгнание и унижение были вполне адекватным способом осуществления демографической и поселенческой политики. Это обстоятельство натолкнуло Вернера Беста, теоретика Главного управления имперской безопасности, на такую мысль: «Уничтожение и вытеснение иных народностей (согласно историческому опыту) не противоречит жизненным принципам, более того, полностью соответствует им». В самом деле, попытки создания на восточных территориях немецких поселений и уничтожение коренного населения были всего лишь двумя сторонами одной и той же медали. Этнической группой населения, на которую в этой связи оказывалось максимальное влияние, были польские евреи.

Вторым отличительным признаком «восточной поселенческой политики» было ее противоречивое развитие. Когда Германия напала на СССР, то обнаружился явный недостаток в поселенцах, готовых осуществлять германизацию на российских, украинских и белорусских территориях (про русские просторы, раскинувшиеся до Урала, и говорить не приходилось). Не принесла успеха и попытка проводить отбор «породистых» представителей среди местного населения.

Между тем Гиммлер по мере военных успехов Германии продолжал развивать свое «перспективное» видение новой Европы. Когда Третий рейх превратился в Великогерманский рейх, рейхсфюрер СС бредил идеей об Империи германских народов. После захватов на западе и нападения на Советский Союз он начал рассматривать

Крестьянский труд считался нацистами особо почетным

европейскую часть России в качестве «теплицы» для самой чистой немецкой крови и горнила для новых германских племен. Посредством военной агрессии, зверств и уничтожения «нежелательного населения» он намеревался превратить 90-миллионный немецкий народ в 120-миллионную германскую нацию. Новое этническое и расовое детище должно было жить на Востоке, «дающем воздух и место для жизни». Гиммлер видел единственное предназначение немецких колонистов в том, чтобы стать основой для будущей Империи германских народов.

Было бы ошибкой полагать, что подобные «пророчества» были голословными и от них не осталось и следа, когда рейх стал терпеть поражение за поражением. Разумеется, в 1941—1942 годах было очевидно, что у Германии не хватало человеческих ресурсов, дабы заселить Европу вплоть до Урала немцами. В «Генеральном поселенческом плане», выработанном в недрах Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности, было выделено несколько областей, подлежащих онемечиванию. Это «народное пространство» (Люксембург, Эльзас-Лотарингия, Богемия и Моравия, Западная Польша), «восточное пространство» (Лодзь/Литцманштадт, генерал-губернаторство) и «балтийское пространство». Только для заселения этих районов требовалось 16,5 миллионов немцев и «фольксдойче», которых у гитлеровского режима просто-напросто не было. «Поселенческий резерв» из числа европейских «фольксдойче» к 1942 году составлял всего лишь 277 тысяч человек. В то же время голландцы и норвежцы не намеревались переселяться в «Великую Германию». В «Хегевальде» на Украине и в Замоске, в генерал-губернаторстве эсэсовцы пытались осуществить «пилотный проект» по изгнанию и уничтожению части местного населения. Также, соответственно национал-социалистским расовым принципам, истреблению подлежали европейские евреи. Создатели новой Европы вообще полагали, что в ней нет места 31 миллиону расово неполноценных людей. «Политика голода» или попытка полного уничтоже-

ния населения Ленинграда показывают, что речь шла отнюдь не о пустых бюрократических формулировках, а о комбинации демографических, экономических и военных целевых установок, в основу которых была положена радикальная форма расизма.

Многодетные крестьянские семьи, по мнению Гиммлера, должны были спасти Германию от «расового упадка»

Когда в январе 1929 года Генрих Гиммлер был назначен рейхсфюрером СС, то начался взлет охранных отрядов НСДАП — ранее мало кому известной организации, которая со временем превратилась не только в действенный инструмент террористической политики национал-социалистского государства, но и в значительную политическую силу. Поначалу СС находились в тени более многочисленных «штурмовых отрядов» нацистской партии (СА), которые мыслились как политическая армия. Под руководством Гиммлера «охранные отряды» НСДАП стали развиваться как элитарное подразделение партии, которое считалось неким орденом, базировавшимся на четком мировоззренческом фундаменте. При возведении идеологического базиса этого «нового ордена» и подборе для него новых членов важная роль уделялось Расовому управлению и экспертам из его состава.

Когда Гиммлер возглавил СС, в «охранных отрядах» числилось всего лишь 280 человек. Год спустя количество их членов возросло до 1000, а через два года — до 3000 человек. В начале 1932 года в Германии насчитывалось около 25 тысяч эсэсовцев. Когда Гитлер пришел к власти, в его распоряжении было 50 тысяч служащих СС. В последующие два месяца, то есть к марту 1933 года, их число возросло вдвое. Несмотря на значительное расширение рядов СС, руководство «охранных отрядов» не намеревалось отказываться от концепции элитарной организации. Самым существенным отличием от СА, другой массовой организации НСДАП, должны были стать предельно строгие критерии, предъявляемые к кандидатам на вступление в СС. Гиммлер поручил разработать эти критерии своему давнему приятелю и соратнику, аграрному теоретику Рихарду Вальтеру Дарре.

РАСОВЫЙ ОТБОР И РАЗРЕШЕНИЯ НА БРАКОСОЧЕТАНИЕ

К 31 декабря 1931 года Гиммлер в целях дальнейшего развития СС и формирования особого менталитета у эсэсовцев издал «Приказ о помолвке и бракосочетании». Он требовал, чтобы с 1 января 1932 года все еще не состоящие в браке эсэсовцы получали от него особое разрешение на женитьбу. Будущие супруги должны были доказать свою расово-биологическую значимость, для чего проводились специальные исследования, а также составлялась родословная жениха и невесты. Если же было установлено, что невеста не имела «достаточной расовой пригодности», а эсэсовец, несмотря на отсутствие разрешения рейхсфюрера СС, все-таки сочетался с ней браком, тот он автоматически исключался из «охранных отрядов». Таким образом должна была создаваться так называемая «родовая общность СС», которая состояла из «высококачественных» (с расовой точки зрения) женщин и мужчин. Подобные условия должны были стать залогом появления в эсэсовских семьях «расово здорового» и «породистого» потомства.

Сам этот документ состоял из десяти пунктов. В десяти коротких предложениях описывалось «новое вероисповедание» СС — «нового ордена», построенного на расовых принципах:

«1. СС — это союз немцев нордического типа, отобранных по особым критериям.

2. В соответствии с национал-социалистским мировоззрением и сознавая, что основой будущего нашего народа является отбор и сохранение расово чистой и наследственно здоровой крови, я ввожу для всех неженатых членов СС, начиная с 1 января 1932 года, процедуру получения официального разрешения на брак.

3. Конечная цель — наследственно здоровый, полноценный род немецкого, нордического типа.

4. Разрешение на брак дается или нет единственно и только по критериям расовой чистоты и наследственного здоровья.

5. Каждый эсэсовец, намеревающийся жениться, должен получить официальное разрешение рейхсфюрера СС на этот брак.

6. Члены СС, проигнорировавшие отказ в официальном разрешении на свой брак, исключаются из рядов СС.

7. Задача надлежащего рассмотрения заявлений о вступлении в брак возложена на Расовое управление СС.

8. Расовым управлением СС ведется специальная «Родословная книга СС», в которую заносятся данные о семьях членов СС, после

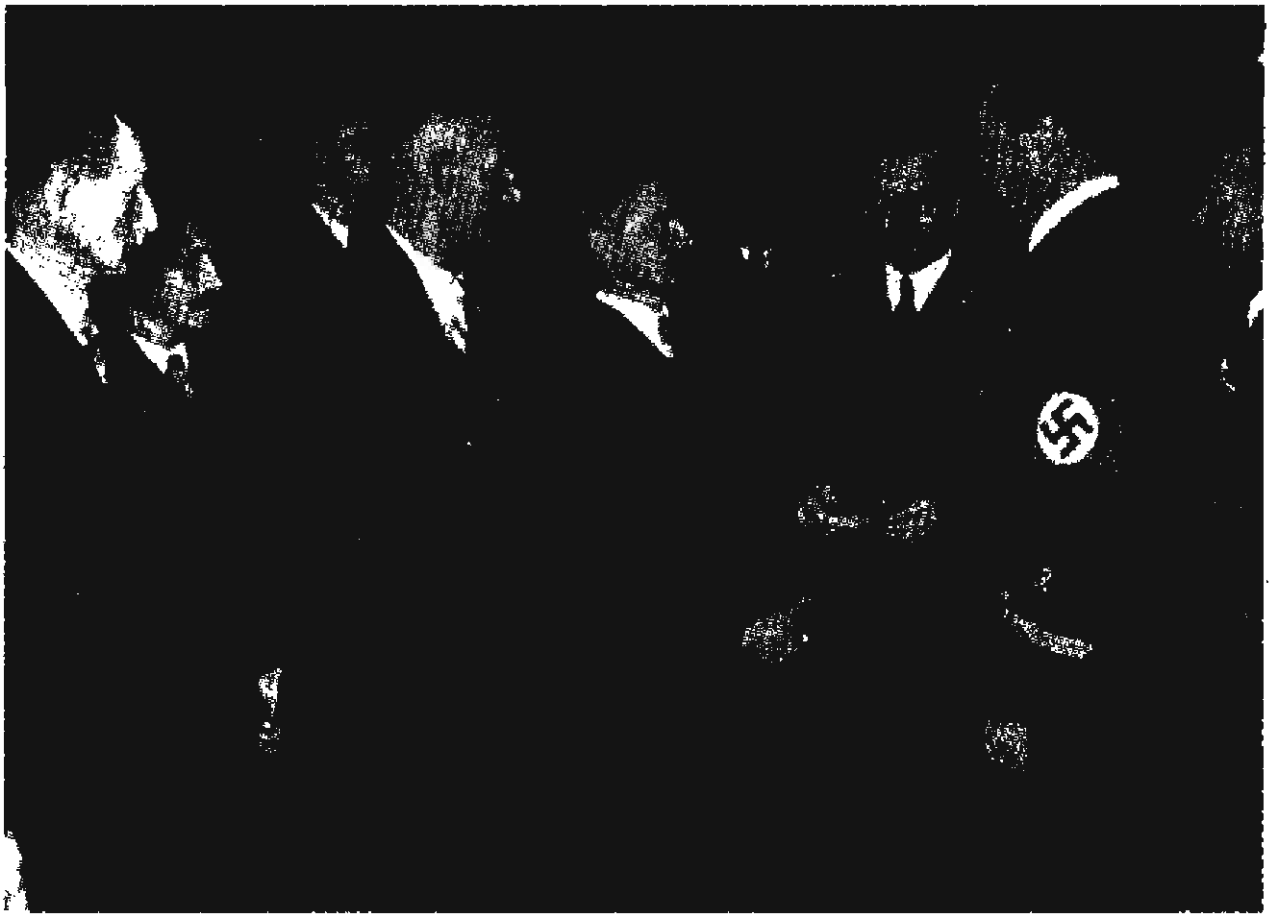
Гиммлер читает девушкам из БДМ лекцию об основах расовой политики

получения ими официального разрешения на свой брак или после утверждения их заявления о включении сведений о своей семье в эту книгу.

9. Рейхсфюрер СС, руководитель Расового управления и служащие этого управления обязываются своей честью не разглашать полученные сведения.

10. Для СС является неоспоримой истиной, что с изданием этого приказа сделан шаг вперед, имеющий огромное значение. А потому мы недосягаемы для насмешек, издевок и непонимания. Будущее — за нами!»

Именно с момента появления этого приказа начало свою деятельность Расовое управление СС, которое затем превратилось в Управление по вопросам расы и поселений, а в 1935 году приобрело статус Главного управления СС. Эта структура была создана в тот же день, когда был издан «Приказ о помолвке и бракосочетании», 31 декабря 1931 года. В этой связи интересным кажется следующий факт. Как известно, Гиммлер поддерживал тесные связи с Союзом «Артаманен», который еще в 1927 году в своей структуре выделил Управление расоведения, которое при подборе будущих членов Союза опиралось на идеи Ганса Гюнтера, изложенные в «Расоведе-



Немецкие крестьяне приветствуют Дарре

нии немецкого народа». Задолго до прихода к власти нацистов руководство «Артаманен» требовало от своих членов предоставления доказательств арийского происхождения вплоть до третьего поколения. Сам собой напрашивается вывод о том, что новую идеологию и структуру СС Гиммлер во многом позаимствовал у этой расистской организации.

«Приказ о бракосочетании» и появление на свет Расового управления СС были отнюдь не просто продуктом фантазий бывшего фермера Генриха Гиммлера. На них отчетливо отпечатались идеи, изложенные в книгах первого идеолога СС, позже ставшего имперским руководителем крестьянства — Рихарда Вальтера Дарре. Дарре одновременно со всеми эти постами занимал должность начальника Расового управления СС. В его программном произведении «Новое дворянство из крови и почвы», которое появилось на свет в 1930 году, Дарре предпринял попытку развить идеи, изложенные в предыдущей книге — «Крестьянство как жизненный источник нордической расы». Они должны были найти свое воплощение в грядущем Третьем рейхе, который должен был (как новая форма государ-

ственности) провести воспитательную работу по созданию новой, «благородной» прослойки, формировавшейся в недрах немецкого крестьянства. Сама работа Дарре оказалась пропитана идеями расового исследователя и «пророка» «нордического движения» Ганса Фридриха Карла Гюнтера. Этот известный публицист родился в 1891 году. Он долгое время был учеником биолога и генетика Евгения Фишера. В 1930 году он преподавал в Йенском университете, а с 1935 года возглавлял в Берлинском университете кафедру расы, биологии народов и сельской социологии. С 1940 по 1945 год он как профессор расоведения преподавал во Фрайбургском университете. Именно у него в свое время Дарре позаимствовал мысль об «улучшения породы», которая из сферы животноводства была перенесена на человеческое общество. Не стоит забывать, что именно с подачи Гюнтера Дарре провозглашал необходимость «улучшения немецкого народа» на расовом основании. Именно у Гюнтера была позаимствована мысль о «репродуктивно-супружеских дворах», которые должны были служить основой для подбора супруги в полном соответствии с расовыми критериями. Только так Дарре мыслил обеспечить приток «хорошей крови» к «крестьянскому дворянству». Девушки, достигшие брачного возраста, делились по году рождения на оценочные группы, которые отвечали их «расовой значимости». Если не считать того, что Дарре был активистом движения «Северное кольцо», то эти запутанные идеи интересны по двум причинам. С одной стороны, работы Дарре издавались в начале 30-х годов большими тиражами и пользовались популярностью не только среди национал-социалистов. Многие из будущих офицеров СС формировали свои расистские представления именно на основе книг Дарре. С другой стороны, изложенный в этих работах творческий проект по выращиванию «нового крестьянского дворянства» был реализован с точностью до деталей. В 1932 году работы Дарре стали для СС своего рода мировоззренческой конституцией. Об этом говорят хотя бы такие факты, как формирование отдельных групп, отвечающих «расовой ценности», выбор супруга согласно расовым теориям, образование профессиональной группы специалистов по расовым вопросам, которые должны были координировать работу по реализации этого проекта. Такой вывод подтверждают и личные замечания Генриха Гиммлера. По тиражам работы Дарре уступали только книге «Майн кампф» Гитлера и «Мифу XX века» Розенберга. К 1938 году «Крестьянство как жизненный источник нордической расы» переиздавалось восемь раз.

Нацистское искусство охотно тиражировало образцы нордической красоты

В немецких женщинах Дарре видел прежде всего «производительниц» здорового потомства, в то время как главным критерием для мужчин являлась их деятельность. И те и другие должны были бы соответствовать «нордическим образцам». Он писал: «Вместе с тем как идея производительности, так и идея расового воспитания могли бы в очень простой и, без сомнения, жизнеспособной форме врасти в наше народное бытование». При классификации девушек на выданье Дарре выделял четыре «класса», которые отвечали неким расовым критериям. Позже эта идея стала проводиться в жизнь расовыми экспертами СС, за тем исключением, что они выделяли не «классы», а «оценочные расовые группы». Согласно идеям Дарре, в **первый** «класс», группу расовой элиты, могли попасть не более 10% девушек каждого года рождения. **Вторую** группу можно было бы характеризовать как самую многочисленную — в нее зачислялись девушки, имеющие «хорошие показатели». Только представительницы этих первых двух групп могли сочетаться браком с представителями «нового крестьянско-дворянского сословия». Девушки, попавшие в **третью** и **четвертую** группы, являлись «расово нежелательными» — государство должно было делать все возможное, чтобы у этих девушек на свет не появились дети. Девушкам группы IV принципиально не должно было выдаваться разрешение на замужество. Особы из группы III, если они хотели все-таки выйти замуж, должны были пройти предварительную стерилизацию. Из вышеприведенной системы видно, что она предполагалась не только для отбора элиты (СС и «новое крестьянство»), но и для «отбраковки инородных элементов», что сразу же предполагало ее широкое распространение.

Дарре имел достаточно ясное представление даже относительно специалистов, которые должны были производить распределение девушек по «классам» и выбирать супруга из числа «новых кресть-

ян». Центром подобной деятельности должны были являться специальные станции, на которых работали бы специальные служащие. Они вместе с судьями, имперскими, региональными и местными структурами должны были заниматься решением всех вопросов, связанных с «наследственным материалом нашего народа». Также планировалось осуществление тесного сотрудничества с врачами, которые должны были вести специальные записи, что в итоге привело бы к «инвентаризации нации на основе планомерного исследования родословной каждого из немцев». Позже для этих целей в СС использовались перфокарты, которые сортировались соответствующими машинами. Это была одна из первых форм массовой обработки статистических данных.

Нордический тип, тиражируемый нацистской пропагандой

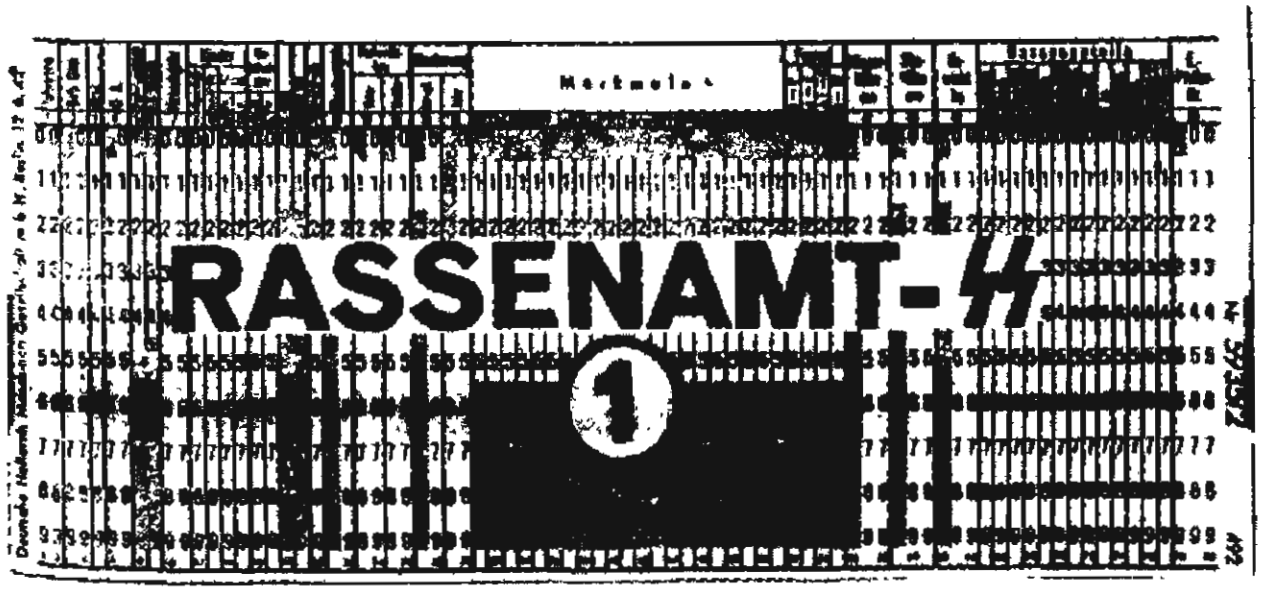
То, что в книге было изображено как «расовая утопия», оказалось более-менее близким к реалиям Третьего рейха. Евреи и «еврейские метисы», «асоциальные личности» и «страдающие наследственными болезнями» были занесены в специальные картотеки, созданные по инициативе национал-социалистского руководства. Все эти сведения собирались и обрабатывались самыми современными на тот момент методами. Внутри СС за несколько лет возникла система «родового опекунства» и специальные «родовые учреждения». Родовое управление, возникшее в 1932 году как один из отделов Расового управления СС, вело семейную картотеку всех членов СС, а с 1938 года также собирало сведения о евреях. Расовыми экспертами СС была также запланирована «этническая инвентаризация» населения Третьего рейха. Одновременно с этим 29 сентября 1939 года был принят Имперский Закон «О наследуемом крестьянском дворе», который был инициирован лично Дарре как имперским министром сельского хозяйства. Этот Закон предусматривал возможность превращения многих крестьянских хозяйств в так называемые «наследуемые крестьянские дворы». Это предпри-

Расовая картотека РуСХА

нималось для того, чтобы укреплять крестьянское сословие как «основу общества» и одновременно получить количественный рост средних крестьянских предприятий. Новый закон пресекал возможность деления сельских дворов между детьми умершего хозяина. Отныне вводилось полное наследование по мужской линии старшим из рода. Одновременно с этим Закон преследовал цель сохранения «чистой крови немецкого крестьянства». Тот, кто имел «примеси» еврейской крови, не мог получить наследство, то есть полноправным крестьянином мог быть только чистокровный немец. Принятый документ был скорее идеализированной декларацией, нежели работоспособным законом. Взять, к примеру, требование, предъявляемое к владельцу «крестьянского наследуемого двора», — предоставление своей родословной вплоть до 1 января 1800 года. Подобные требования предъявлялись лишь к мужчинам, желавшим вступить в СС. Нацистская пропаганда сильно преувеличивала положительные результаты этого Закона. Во многом он не оправдывал крестьянских чаяний. В министерстве сельского хозяйства очень быстро скопились кипы протестов против возможности преобразования крестьянских хозяйств в «наследуемые дворы», жа-

лоб на догматичное регулирование порядка наследования. Все эти нововведения еще более усилили отток крестьян из деревни. Однако закон «удачно» способствовал разжиганию антисемитских настроений на селе.

Несмотря на активность, Вальтер Дарре не принимал личного участия в подготовке «Приказа о бракосочетании». Для разработки этого вопроса он обратился в конце 1931 года к эксперту в области практической селекции офицеру рейхсвера Хорсту Рехенбаху, который был назначен его заместителем. Рехенбах числился в аграрно-политическом аппарате партии и был давнишним знакомым Гиммлера и Дарре. Все они познакомились еще в «Артаманен». Этот нацист всегда проявлял повышенный интерес к поселенческим проектам, что было второй сферой деятельности только что созданного Расового управления СС. В начале 30-годов Рехенбах, еще пребывая в рейхсвере, занимался в Штутгарте обучением рекрутов, среди которых проводил антропологическое освидетельствование. Этот факт имеет особое значение, так как именно Рехенбах разработал схему оценок по селекционному отбору рекрутов, в которой учитывались многочисленные расово-антропологические критерии: 1) «оценка телосложения», 2) «расовая принадлежность», 3) «воинский настрой и общее состояние, общий вид и т. д.». Позже, после прихода к власти нацистов, эти три критерия будут положены в основу «расовых карт», которые заполнялись на кандидатов, вступавших в СС.



Карточка, разработанная Расовым управлением РуСХА

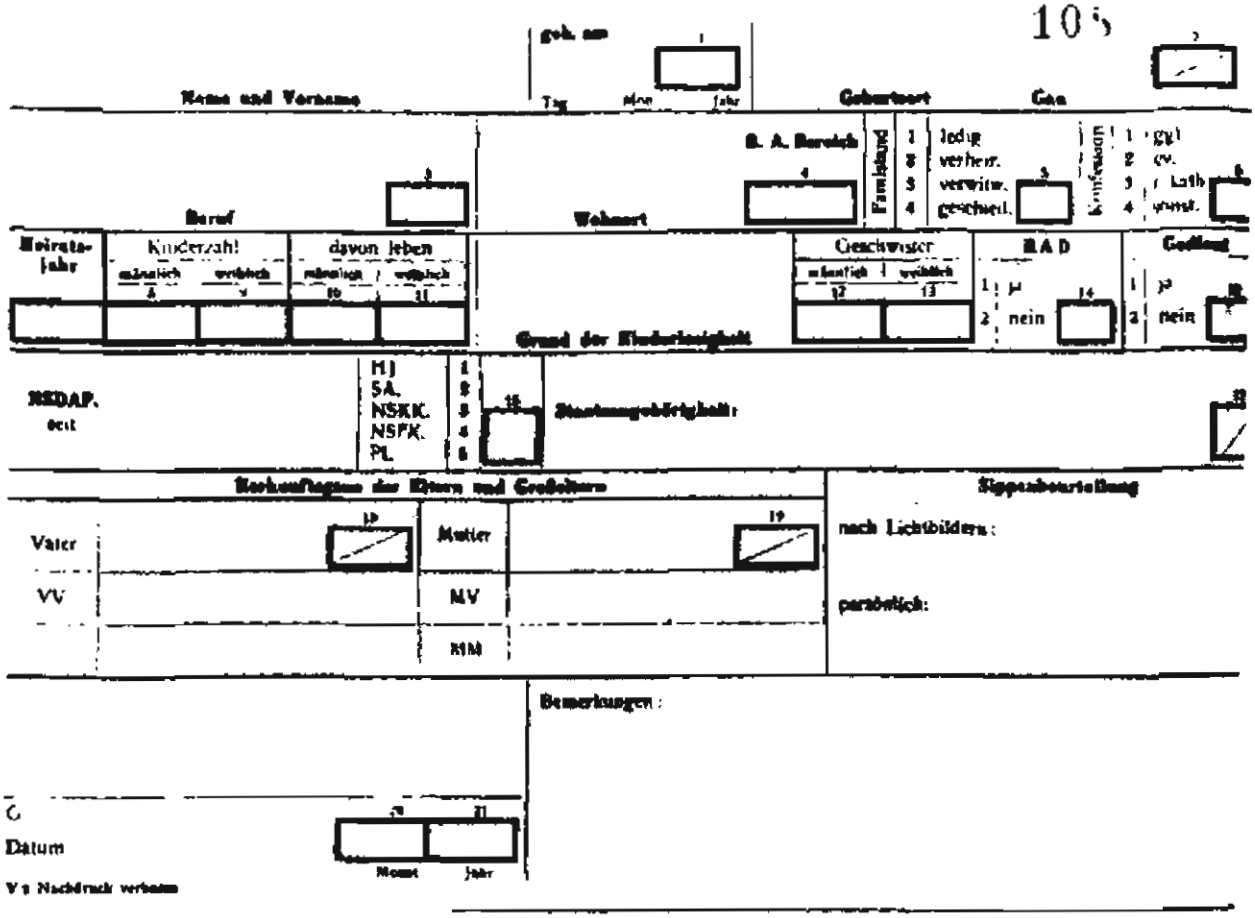
Бруно Курт Шульц

После того как Дарре пригласил Рехенбаха в Расовое управление СС, тот срочно попросил об отставке с военной службы. В качестве обоснования для этого решения он, не скрывая, назвал приглашение Гиммлера и Дарре к «сотрудничеству по осуществлению народно-поселенческой работы», в рамках которой он должен был ведать вопросами наследственной и расовой гигиены. Однако на самом деле только после вмешательства Гиммлера рейхсвер оказался готов вывести в запас ценного офицера. По этой причине практическая работа в Расовом управлении СС началась лишь в конце лета 1932 года. Наряду с Дарре и Рехенбахом к созданию Расового управления оказался причастен мюнхенский ученый Бруно Курт Шульц, который занимался расовыми и антропологическими проблемами. Именно он еще в 1931 году подготовил проект «Приказа о бракосочетании», после чего был приглашен Дарре в состав новой эсэсовской структуры, в которой стал начальником отдела расоведения. Таким образом, основные структурные компоненты Расового управления СС возникли лишь к 1932 году, почти вся работа этого подразделения протекала в Мюнхене. В 1933 году структура, возглавляемая Дарре, получила название Управления по вопросам расы и поселений. Ее, как и прежде, возглавлял Рихард Вальтер Дарре. Рехенбах был назначен его заместителем и экспертом по проведению практической селекции, а Бруно Курт Шульц занимался вопросами расового воспитания и образования эсэсовцев. Вообще, самые первые попытки выстроить внутреннюю структуру Расового управления СС были предприняты в письме, которое Шульц написал Дарре 16 января 1932 года.

Несмотря на то, что «Приказ о помолвке и бракосочетании» был подписан в конце 1931 года, его воплощение в жизнь началось примерно в конце 1934 — середине 1935 года. Уже в 1934 году имелось 14 694 пары, которые обратились к руководству СС за разрешением

на помолвку и последующую женитьбу. В 1935 году их число достигло 16 691. К заявлению о предполагаемой помолвке должна была прилагаться родословная жениха и невесты, прослеженная вплоть до 1800 года, а также несколько анкет, к которым обязательно прилагалось несколько фотографий. Именно на основании этих документов специалисты Управления по вопросам расы и поселений устанавливали «расовую ценность» молодоженов, уделяя повышенное внимание прежде всего невесте. Ко всем этим бумагам также необходимо было приложить рукописные биографии молодоженов, листы наследственного здоровья и медицинские анкеты, которые заполнялись специальными эсэсовскими врачами. Наряду с этими формулярами нужно было принести высказывания двух поручителей невесты о ее личных качествах и способностях домохозяйки. Всю эту кипу бумаг жених подавал лично в Управление по вопросам расы и поселений, где они рассматривались сначала в расовом отделе, а затем в отделе поселений (позже они стали управлениями в составе РуСХА). Официально решение о выдаче разрешения на свадьбу выдавал рейхсфюрер СС, но когда количество жаждущих вступить в брак стало огромным, это разрешение они получали прямо в РуСХА, почти сразу же после рассмотрения соответствующих документов. Документы направлялись Гиммлеру только в тех случаях, когда расовые эксперты отказывались выдавать разрешение на брак, то есть рейхсфюрер СС должен был вынести окончательное решение по этому вопросу.

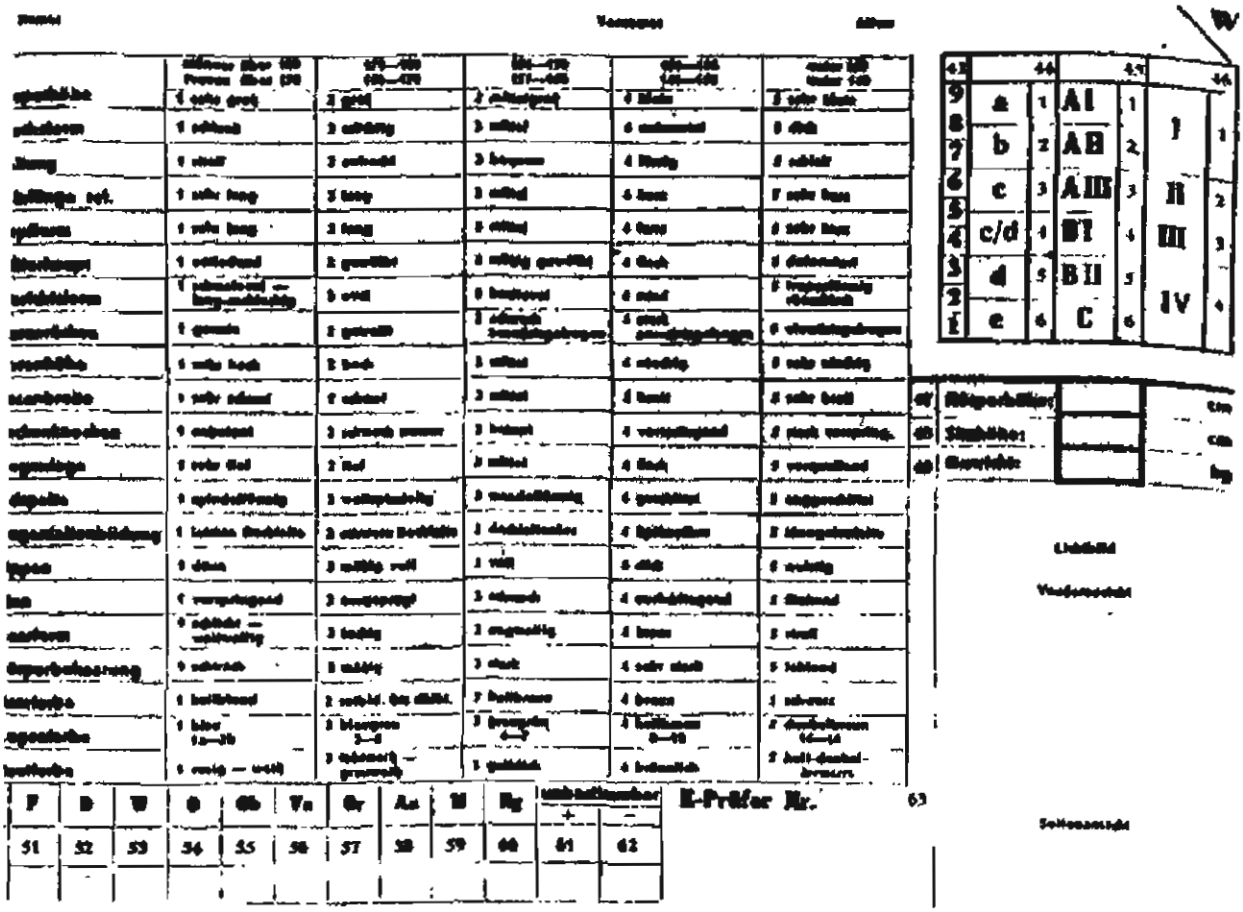
Сам Гиммлер настаивал на том, чтобы документы подавались до помолвки, то есть руководство СС должно было выдавать разрешение не только на свадьбу, но и на помолвку. Но на практике оказалось крайне сложным осуществить это требование. Несмотря на то что заключение помолвки без соответствующего разрешения каралось определенными санкциями, в течение многих лет de facto большинство эсэсовцев подавали документы на получение разрешения уже после помолвки. Гиммлера не устраивала такая ситуация. Показательно, что Гиммлер позже по собственной инициативе создал еще несколько барьеров на пути к женитьбе. Он установил, что жених не должен быть моложе 25 лет. Кроме того, эсэсовское руководство должно было получать справки о финансовом и имущественном положении жениха и невесты. Приказ об этом был выпущен 6 июня 1935 года. 1 августа 1936 года к этому списку добавился еще один документ — невеста должна была предоставить справку о том, что она прошла обучение на курсах для будущих матерей. В том же



Формуляр расовой карты эсэсовца (образец 1942 года)

1936 году было установлено, что старшие офицеры СС должны были прослеживать родословную не до 1800, а до 1750 года. Исключение не делалось даже для ветеранов партии периода «эпохи борьбы», которые со временем поднялись вверх по служебной лестнице СС.

Прохождение всей этой долгой процедуры было связано не только с бюрократической волокитой, но и со значительными финансовыми затратами. Так, например, только для уточнения родословной приходилось прибегать к услугам специалиста по генеалогии. Значительные финансовые издержки предполагались и при подготовке других документов. Как и стоило предполагать, обработка запросов на выдачу разрешения продолжалась очень долго. В этих условиях не было удивительным, что руководство СС получало множество жалоб на специалистов из Управления по вопросам расы и поселений. Но несмотря на все эти сетования, Генрих Гиммлер был непреклонен: расовые эксперты СС должны были проверять молодоженов с предельной тщательностью. Подобную ситуацию можно было наблюдать и в годы Второй мировой войны, хотя в



Оборотная сторона расовой карточки эсэсовца

этот период требования к документам и сроку их прохождения стали более либеральными. Когда же жаждущие вступить в брак просили ускорить процесс рассмотрения их документов, они, как правило, слышали в ответ ссылки на рейхсфюрера СС и высокопарные фразы о том, что «эсэсовец должен нести личную ответственность за будущее народа и государства». Складывалось впечатление, что речь шла не о выборе будущей супруги, не о личном счастье, а о выполнении важного политического задания. Впрочем, это не было преувеличением, ведь Гиммлер и Дарре рассматривали супружество лишь с точки зрения воспроизводства ценного «наследственного материала».

Возможность исключения из СС в случае, если эсэсовец выбирал «расово нежелательную» жену, существовала не только на бумаге. Эта норма находила широкое применение, особенно в предвоенные годы. Мягкой формой наказания было так называемое «разрешение на бракосочетание под собственную ответственность», что было некоей разновидностью гражданского брака, то есть семья формально не существовала, а супруги не имели права заводить де-

Будущие матери Германии укрепляют свои тела

тей. Но, как правило, применялась и более жесткая форма, которая предусматривала исключение из СС, если мужчина отказывался расторгнуть помолвку. Стоит отметить, что наряду с «расово нежелательными качествами» невесты поводом для запрета на вступление в брак могло быть ее бесплодие. Прецедентом для этого стал случай Вильгельма К., который в июле 1935 года отказался расторгнуть помолвку с бесплодной девушкой, за что был исключен из СС лично Гиммлером. По логике эсэсовского руководства, бесплодная жена удерживала супруга от того, чтобы он исполнил свои «демографические обязательства» по пополнению расового и наследственного фонда Германии. Насколько семья и потомство были значимым компонентом в идеологии СС, показывает фраза Гиммлера, произнесенная им сразу же после начала Второй мировой войны. В ней он рассказал о приказе, который получил известность как «Приказ о плодородии». Гиммлер подчеркивал, что с началом войны каждый из членов СС должен считать своим долгом заботиться о заведении многочисленного потомства, что должно было стать залогом достаточного пополнения «хорошей крови».

Но свою родословную должен был предоставить не только эсэсовец, готовящийся жениться. Расовое освидетельствование всех кандидатов на вступление в СС, как уже говорилось выше, начало готовиться еще в 1932 году. Постоянной практикой оно стало лишь в 1933 году, после прихода Гитлера к власти. Тот же, кто стал членом СС до 1933 года, должен был предоставить в Расовое управление пресловутые «доказательства арийского происхождения и наследственного здоровья», а также родословную до 1800 года. В случае если эсэсовец не соответствовал расовым критериям или же его предки не были арийцами, он признавался «расово непригодным» и автоматически исключался из СС. Гиммлер пытался по политическим причинам держать в строжайшей тайне количество подобных инцидентов.

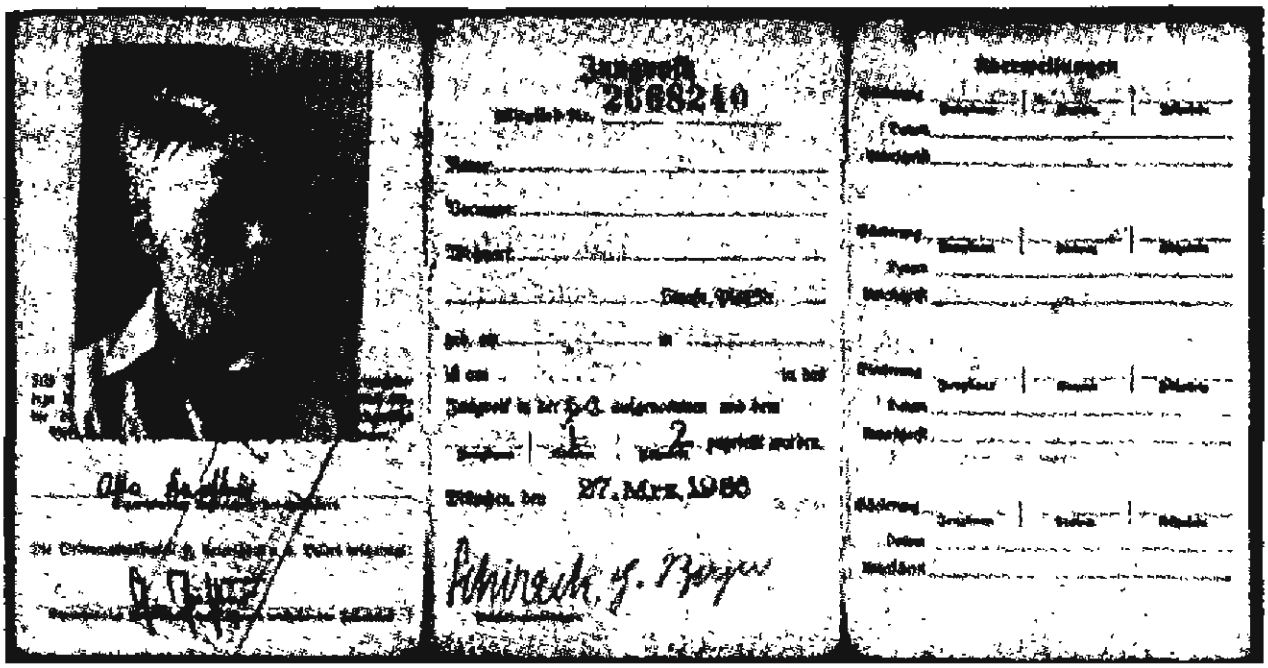
Физическая закалка была необходима для будущих немецких матерей

При приеме в СС новых членов референты по расовым вопросам подходили к ним с критериями, которые были в свое время разработаны Рехенбахом. Сначала они описывали и регистрировали внешние характеристики телосложения кандидата. Оно оценивалось по девятибалльной системе, где единица соответствовала «идеальному сложению», а девятка — «деформированному». Затем выставлялась «расовая оценка». Здесь единица присваивалась кандидатам «чисто нордического типа», а пятерка — «неевропейского типа с возможными примесями иных расовых видов». В промежуточные группы попадали люди, которые, согласно теории Гюнтера, были представителями динарской, восточно-балтийской и прочих рас. В итоговом заключении соискателю выносилась итоговая оценка, где высший балл присваивался мужчинам, «предназначенным исключительно для СС», а низший — «не могущим быть немецкими солдатами». Окончательное решение выносилось с учетом этой оценки и краткой проверки спортивных и интеллектуальных возможностей. Претендент мог стать членом СС только в том слу-

чае, если получал по меньшей мере оценку AIII, то есть «в целом пригоден для службы в СС». При этом его телосложение должно было быть хотя бы «удовлетворительным», а в расовом отношении допускалось наличие примесей фальской, западной или динарской рас. В качестве примера можно привести следующее заключение: «Мюллер, Ганс, 17 лет, 4 брата и сестры, 176,5 см, 6 b AIII / 7 VI AII». Если расшифровать эту запись, то в ней значится, что претендент на вступление в СС Ганс Мюллер по внешним критериям обладал «хорошим телосложением», он был человеком преимущественно нордического типа с примесями фальской расы. На основании этих признаков было установлено, что претендент «в целом подходил для службы в СС». Впрочем, в отдельных случаях могли делаться отступления от общепринятых правил. Это касалось прежде всего приема в СД, когда требования к физическим качествам претендента (рост, близорукость, физическая сила) значительно смягчались. Если претендент не соответствовал расовым критериям, то в данном случае решение принимал лично Гиммлер. Подобная практика переопределила то, что в июне 1936 года РуСХА разработал для приема в СД новые критерии отбора.

Если претендент на вступление в СС считался не подходящим по расовым причинам, то ему не сообщали об этом, просто заявляя, что он непригоден для службы в СС. В самом начале отбора отметались те, кто принадлежал к четвертой и пятой расовым группам («метис», «восточный, восточно-балтийский тип», «неевропейское происхождение»). То, что референты по расовым вопросам на самом деле предпринимали многочисленные отводы по «расовым» и «наследственным» причинам, наглядно показывает пример эсэсовского округа Эльба. Здесь расовый референт в середине 30-х годов по указанным причинам вынес вердикт «Непригоден для службы в СС» от 20 до 25% претендентов. В 1935 году в этой местности из 3544 кандидатур 770 были отклонены по расовым и физическим причинам, а 175 — из-за возраста или небольшого роста. В 1936 году из 3828 претендентов 1049 были отметены по расовым и физическим причинам, а 268 — из-за возраста и роста.

Чтобы гарантировать эсэсовцам отличное с расовой точки зрения потомство, специалисты Управления по вопросам расы и поселений начали проводить планомерное освидетельствование членов гитлерюгенда и учащихся Наполас (Национально-политических воспитательных учреждений), считавшихся элитарными учебными заведениями Третьего рейха. Идеальных претендентов приглашали



Членское удостоверение «Гитлерюгенда»

на дальнейшее обучение в юнкерские школы СС. Освидетельствование учащихся Наполас специалистами РуСХА началось в 1936 году. В своем письме от 12 июня 1936 года имперский министр воспитания Б. Руст сообщал о перспективном и успешном сотрудничестве с референтами из состава Главного управления по вопросам расы и поселений.

После того как отбор по расовым признакам во время освидетельствования при вступлении в СС стал важнейшим критерием, в практику были введены зеленые и красные «карточки». Первые выдавались тем, кто подходил для службы в СС, вторые — тем, кто был «забракован». Приказом Гиммлера от 22 декабря 1939 года введена в оборот специальная Расовая карточка СС, которая строилась на тех же критериях отбора. Она представляла собой лист, в котором по стандартной форме были заведены графы, позволяющие делать отметки по 21 внешнему признаку. Позже форма этой карты использовалась при расовом освидетельствовании «фольксдойче» и ненемецкого населения завоеванных территорий.

Политика эсэсовского руководства по расовому отбору и выдаче разрешений на вступление в брак с одной стороны указывает на то, что СС планировались как биологическое ядро немецкого народа, а с другой — говорила о том, что частная жизнь членов СС превращалась в политическую миссию. В настоящий момент в федеральных архивах ФРГ содержится около 240 тысяч разрешений на вступление в брак, выданных эсэсовцам. По статистике РуСХА, к 1941 году

было выдано более 100 тысяч подобных разрешений. Со временем подобные требования стали предъявляться не только к эсэсовцам, но и к служащим ваффен-сс, а с 1942 года — и к служащим полиции (правда, для полицейских эта процедура не была обязательной). Сведения о подобной социально-политической практике позволяют ответить на вопрос, почему расовые эксперты СС были столь непреклонны на оккупированных территориях, когда освидетельствовали гражданское население. Дело в том, что они были убеждены в правильности подобной селекции, так как полагали, что испытали ее истинность на собственном теле.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ, ПОСЕЛЕНИЯ СС И СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ

Кроме главного задания — расового отбора, Расовое управление СС также должно было заниматься мировоззренческим обучением эсэсовцев и по возможности создавать на селе эсэсовские поселения, которые должны были считаться неким прототипом будущих «восточных поселений». Поначалу Расовое управление располагалось в коричневой столице Германии — Мюнхене. В управлении сложился тесный коллектив, состоявший главным образом из идеологов и пропагандистов «нордического движения» и аграрно-политического аппарата НСДАП. Затем, в ноябре 1933 года, Расовое управление было переведено в Берлин. Накануне этого события Гиммлер, опираясь на лозунг Дарре о «крови и почве», переименовал данную структуру в Управление по вопросам расы и поселений. Переезд в германскую столицу фактически совпал с началом осуществления расового отбора будущих эсэсовцев и выдачей разрешений на вступление в брак. Показательно, что этими вещами стала заниматься, по сути, новая структура — Управление по вопросам расы и поселений. Она же должна была осуществлять знакомство эсэсовцев с идеологией и основными доктринами «нового ордена». Подобная деятельность сама по себе подразумевала создание в СС специального образовательного аппарата, который бы и занимался обучением. Посещение мировоззренческих лекций было обязательным для всех офицеров СС. Гиммлер предполагал обойтись силами РуСХА, но сделать это было очень сложно. По этой причине к чтению лекций привлекались и так называемые «крестьянские референты», которые были выходцами из аграрно-политического ап-

парата. Они отвечали лишь за вопросы крестьянства и сельских поселений. Со временем все «крестьянские референты» были приняты в СС, став, по сути, руководителями учебных курсов. При этом в организации мировоззренческого обучения эсэсовцев обнаружилась значительная прореха — нехватка грамотных специалистов, разбирающихся в проблемах сельского хозяйства. В проекте служебной инструкции для «крестьянских референтов» говорилось, что они должны были осуществлять практическую связь между СС и сельским населением. Но, по сути, «крестьянскими референтами» должны были назначаться служащие аппарата имперского руководителя крестьян.

Крестьяне мыслились в РуСХА как истинные носители нордической крови

Практика мировоззренческого обучения должна была выглядеть следующим образом. Раз в неделю в каждом эсэсовском «штурме» должна была проходить часовая лекция. Кроме этого, каждые 2 недели должны были проводиться специальные мероприятия. В итоге вся образовательная деятельность СС стала концентрироваться внутри Управления по вопросам расы и поселений. Так было, по крайней мере, в период с февраля по октябрь 1934 года. Референты по расовым вопросам должны были иметься при каждом эсэсовском оберабшнитте (территориальная единица деления СС, приблизительно соответствующая армейской дивизии). Именно эти люди играли ключевую роль в формировании при каждом эсэсовском подразделении специальных учебных отделов. Специалисты этих отделов, равно как и референты, также числились в составе РуСХА. В итоге руководители учебных курсов стали контролировать весь учебный процесс, протекавший в каждом отдельном оберабшнитте. Первые десять референтов по расовым вопросам были назначены лично Гиммлером 23 апреля 1934 года. Но из этих десяти только шесть сыграли заметную роль в создании расовой идеологии СС.

Кроме чтения лекций, референтам вменялись в обязанность обучение и подготовка преподавательских кадров, которые впоследствии должны были работать в СС. Референты по расовым вопросам также выполняли еще одну важную функцию — были посредниками между руководством управления и командованием местных эсэсовских подразделений. Однажды Генрих Гиммлер констатировал, что наличие соответствующим образом образованного и идеологически подкованного корпуса руководителей учебных курсов стало бы предпосылкой для всеобщего обучения членов СС. Для выполнения этой задачи требовался определенный тип человека: имеющий четкие идеологические установки, в возрасте 24—25 лет, успешно прошедший учебу в специальных эсэсовских лагерях. Предполагалось вырастить целое поколение расовых экспертов, которые имели бы не только хорошую физическую подготовку, но и были бы способны к «правильному» освидетельствованию будущих членов СС. Идеология стояла здесь на первом месте. Об этом говорят хотя бы темы лекционных занятий: «Демографическая политика и расовые обязанности», «Национал-социалистское мировоззрение и расово-политическое положение Германии», «Кровь и почва». В отличие от расовых референтов, руководители специальных учебных курсов работали на общественных началах на среднем и низовом организационных уровнях. Директивы и материалы по мировоззренческому обучению в СС руководители курсов вначале получали в виде специальных брошюр, подготовленных руководством РуСХА. В середине 1935 года, когда учебная деятельность стала повсеместной, Главное управление по вопросам расы и поселений для этой цели начало выпуск специального журнала — «СС-Ляйтхефте» («Направляющие тетради СС»). Тем не менее руководители учебных курсов были не только инструкторами в вопросах мировоззрения. Наряду с обучением эсэсовцев демографическим вопросам, преподаванием наследственной гигиены и расового мировоззрения они должны были заботиться о соблюдении в соответствующих эсэсовских частях «Приказа о бракосочетании» и последовательном осуществлении расового отбора рекрутов.

С первых же дней работы расовые эксперты столкнулись со множеством трудностей, о чем они сообщали руководству РуСХА. Речь шла прежде всего о нежелании отдельных эсэсовских офицеров организовать тесное сотрудничество с представителями управления. Подобную ситуацию можно было повсеместно наблюдать вплоть до октября 1934 года. Лишь после личного вмешательства

Гиммлера представители Управления по вопросам расы и поселений смогли спокойно работать на местах.

Параллельно с формированием учебного сектора шел процесс усложнения структуры Управления по вопросам расы и поселений. Так, например, уже в сентябре 1934 года в его составе числились: отдел расоведения, крестьянский отдел, отдел по вопросам поселений, отдел обучения, отдел отбора в СС, а также отделы формирования семей, надзора за потомством и родословных книг. В апреле 1935 года управление ждала очередная реорганизация, предпринятая по инициативе Гиммлера. Наряду с шефом управления, его адъютантом и штабом, отныне имелись управление организационной работы и административное управление. Отделы, существовавшие ранее, были слиты в несколько управлений: расовое, учебное, родовое, поселенческое. Теперь РуСХА приняло форму, которую, за исключением небольших модификаций, сохраняло вплоть до весны 1945 года (в октябре 1935 года административное управление и управление организационной работы были слиты в центральное управление, а в июне 1937 года список пополнился архивным управлением и пресс-службой).

Чем же занимались эти управления? Родовое управление ведало брачной политикой в СС (подбор невест, выдача разрешений и т. д.), расовое управление занималось исследованием расовых вопросов, учебное управление способствовало распространению специфического мировоззрения СС. Деятельность поселенческого управления требует отдельных комментариев. Напомню, что Генрих Гиммлер считал создание сельских поселений СС стержнем идеологии «нового ордена». Ставя эту задачу, рейхсфюрер СС и Дарре во многом опирались на опыт и проекты «Артаманен», союза, который после прихода к власти национал-социалистов утратил свое прошлое значение. В 1935 году он был официально распущен. Впрочем, нацистские бонзы отдали должное этим расистам 20-х годов. Когда работа с сельскими подростками перешла в ведение гитлерюгенда, имперский руководитель молодежи Бальдур фон Ширах отметил, что «Артаманен» был пионерской организацией зарождавшегося национал-социализма.

Расистские идеи, позаимствованные у ультраправых в период Веймарской республики («немецкое стремление на Восток», «восточная колонизация», «необходимость жизненного пространства»), создали фон, на котором развивались собственно эсэсовские представления. Теоретики немецкого поселенчества не раз ссылались на

примеры Карла Великого, Немецкого ордена и восточные прусские поселения. Сам Гитлер в «Майн кампф» подчеркивал, что у немецкого народа нет необходимого жизненного пространства. Из этого следовал вывод, что необходимые земли надо было отобрать у России и сопредельных с ней стран, которые, находясь под властью большевиков, и без того были обречены на гибель.

В течение 1935 года расовые эксперты СС занимались тем, что пытались расширить сферу деятельности управления поселений, на что было получено личное согласие рейхсфюрера СС. В сентябре 1935 года Гиммлер подписал приказ, согласно которому в компетенцию РуСХА попадала организация специальных эсэсовских поселений. В нем говорилось: «Создание нового немецкого крестьянства и некрестьянских поселений является важнейшей мировоззренческой и политической задачей СС, которая имеет перспективное значение. Осуществление всех мер, необходимых для реализации этой задачи, является исключительной компетенцией Главного управления по вопросам расы и поселений».

Поначалу, за отсутствием альтернативы, всё поселенческое планирование и поселенческие проекты ограничивались территорией Германии. Но уже тогда ясно звучало намерение создавать «немецкие поселения» на Востоке. Главным застрельщиком этой инициативы был, естественно, Вальтер Дарре, который в своих многочисленных выступлениях и публикациях как имперский руководитель крестьян вновь и вновь обращался к этому вопросу. В них, начиная с 1932 года, он проповедовал дух «восточной экспансии», приводя в качестве исторических примеров Генриха Льва и Немецкий орден. Наиболее четко Дарре сформулировал контуры этой идеи в конце января 1936 года на заседании продовольственного кабинета, который проходил в Веймаре. Дарре обозначил всю Восточную Европу вплоть до Урала как «немецкое поселенческое пространство». Этим выступлением он предвосхитил более поздние идеи Генриха Гиммлера о германизации завоеванных земель, которые рейхсфюрер СС стал развивать, будучи имперским комиссаром по укреплению немецкой народности. В этой связи представляют интерес заметки, сделанные штаб-фюрером Управления поселений гауптшарфюрером СС доктором Шмидтом, который сосредоточил свое внимание на сельскохозяйственных планах СС: «Крестьянские сыновья, не имеющие в будущем права на наследование дворов, должны осваивать восточное пространство, а не оставаться в Германии. В этом наше будущее!»

Новые функции автоматически означали расширение сферы деятельности РуСХА, а стало быть, и увеличение власти. До этого времени Имперское министерство сельского хозяйства строго контролировало процесс отбора претендентов для участия в сельских поселенческих проектах. Часть этих полномочий находилась у НСДАП, внутри которой еще в 1927 году на базе «Союза немецких поселенцев» были созданы специальные управления, преследовавшие одновременно и экономические, и политические цели. СС буквально силой вторглись в эту сферу деятельности. Существовавшие ранее в партийной структуре жилищные органы отныне действовали в тесной связке с руководством соответствующих эсэсовских оберабшниттов. Теперь при отборе будущих поселенцев на первое место выступали расовые критерии претендента. Согласно приказу, который Гиммлер подписал 3 сентября 1935 года, задачи по формированию «нового крестьянства» переходили из рук Имперского продовольственного комитета в РуСХА. Первые лагеря по отбору кандидатов в «новые крестьяне» появились уже в декабре 1935 года. Теперь на первый план выходили «человеческие» (читай — «расовые») особенности претендентов, а не экономическая целесообразность. В работе Уве Мая «Раса и пространство» мне приходилось читать, что создание «нового крестьянства» на расовой основе, начатое в середине 1930-х годов, стало быстро набирать обороты. В период с 1935 по 1939 год было выдано около 30 тысяч «крестьянских пропусков» — документа, служившего официальным подтверждением того, что с расовой и экономической точки зрения данный человек мог быть зачислен в сословие «новых крестьян». Всего же за эти четыре года данные пропуска пытались получить два с половиной миллиона человек. За этот промежуток времени приблизительно одна пятая часть претендентов была отвергнута именно по расовым соображениям. На практике это означало, что командование оберабшниттов СС получило новую сферу деятельности. Как минимум оно должно было сообщать в РуСХА обо всех поселенческих проектах, существовавших на данной территории, в которых принимали активное участие служащие СС. Однако новые поселенческие проекты могли воплощаться в жизнь только после согласования и утверждения в Поселенческом управлении РуСХА. В эсэсовском поселении могли оказаться как эсэсовцы, так и городские жители, которые имели собственные дома.

Чтобы начать подготовку к предстоящей «восточной экспансии», которая должна была проходить по возможности самым оптимальным способом, эсэсовские эксперты предпочитали создавать новые поселения на восточных рубежах Германии. Штабфюрер Поселенческого управления так объяснял, почему первоочередным заданием СС являлось создание поселений в восточном пограничье: «Поначалу, чтобы освоить там жизненное пространство для нашего народа, потребуется каждый эсэсовец». Вначале фактическое число эсэсовских поселенцев было невелико, что еще до начала войны могло указать на противоречивость политики руководства СС по освоению «восточного пространства». Уже в 1935 году можно было ощутить явный недостаток людских ресурсов. Специалистам РуСХА лишь в 1938 году удалось начать планомерную работу. Именно тогда было выявлено 55 служащих СС, которые, обладая собственными земельными наделами, согласились на участие в этом проекте. Непонятно, почему этот достаточно скромный показатель позволил руководству Главного управления по вопросам расы и поселений запланировать в 1939 году возникновение 200 специальных эсэсовских поселений. Несмотря на фактический провал этого эксперимента, «колонизация Востока» наряду с расовым отбором оставалась в РуСХА приоритетной темой.

РОЛЬ РУСХА В «НОВОМ ОРДЕНЕ»: «УСТА И МОЗГ СС»

Когда руководство РуСХА взвалило на себя задачи по созданию новых крестьянских поселений, расовому отбору и мировоззренческому обучению в СС, то стала очевидной потребность в значительном количестве специалистов по аграрным и расовым вопросам, которые в будущем должны были стать расовыми экспертами, руководителями учебных курсов, крестьянскими референтами. Делалось все возможное, чтобы срочно пополнить ряды сотрудников Управления по вопросам расы и поселений. В 1933—1934 годах Дарре, Шульц и Рехенбах опубликовали несколько открытых писем, в которых приглашали к сотрудничеству каждого, кто чувствовал в себе склонность к расоведению и генетике. Желающие поступить на службу в РуСХА должны были подать анкеты, автобиографию, а также справки об образовании и практической деятельности в области расоведения. Среди новых сотрудников РуСХА подобным способом был найден Конрад Мейер, позже ставший автором «Ге-

нерального плана «Ост». Он сделал быструю карьеру, поднявшись от лектора до начальника отдела планирования в штабе Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности. Свою службу в СС он начал в Геттингене, в 51-м эсэсовском штандарте. Но год спустя после поступления в СС Мейер попросил о переводе на новую должность в Берлин, в Управление поселений, где и начал сотрудничество с Дарре. С учетом острой нехватки кадров его просьба была тут же удовлетворена.

Но этот случай был скорее исключением из общего правила. В первые годы существования РуСХА ряды его служащих пополнялись в основном за счет личных контактов. Руководство управления приглашало своих знакомых. Постепенно это стали делать начальники отделов и даже руководители учебных курсов, осуществлявшие свою деятельность в оберабшнитгах СС. Лично Дарре привлек в свое управление множество людей из «Нордического движения» и Имперского продовольственного комитета. Многие из первых сотрудников Управления по вопросам расы и поселений принадлежали к «Северному кольцу» или же числились в аграрно-политическом аппарате партии. Эти «сотрудники первого часа» большей частью родились в конце XIX века. Они были ветеранами Первой мировой войны, а затем продолжали воевать в составах немецких фрайкоров (добровольческих корпусов). В РуСХА, реорганизованном на новый манер, благодаря своему профессиональному опыту и идеологическим установкам они получали руководящие посты. Среди таких личностей можно было бы назвать уже знакомых нам Хорста Рехенбаха и Бруно Курта Шульца. Из аграрно-политического аппарата в РуСХА перешли три специалиста по сельскому хозяйству: Герман Райшле, барон Бернд фон Канне и государственный советник Вернер Вилликенс. Все они получили неплохие должности. Помимо этого, в те дни к сотрудничеству с РуСХА привлекалось множество расоведов и агрономов, которые осуществляли свою деятельность на общественных началах. Среди таковых мы могли бы увидеть уже упоминавшегося выше берлинского агронома Конрада Мейера, кёльнского социолога Вилли Боргера, лейпцигского расоведа и издателя журнала «Народ и Раса» доктора Отто Рехе, юриста Вильгельма Зауре, руководителя Имперского учреждения по исследованию родственных связей Курта Майера и «нордического пророка» Карла Вилигута, известного в СС под ритуальным именем Вайстор.

Отто Рехе

После того как РуСХА в 1934 году стало ведать в СС вопросами расового и идеологического обучения, расовых референтов стали набирать прямо из числа служащих оберабшнитов. Эти люди составили отдельную категорию сотрудников Управления по вопросам расы и поселений. Третий по счету руководитель РуСХА, группенфюрер СС Отто Хоффман, являлся одним из ярчайших примеров активистов, откликнувшихся на «внутренний призыв». В 1937—1938 годах он был расовым референтом в оберабшнитте «Запад». Затем он занял пост начальника Родового управления, а после этого и вовсе встал во главе Главного управления по вопросам расы и поселений. Или другой пример. Профессор германистики Ганс-Эрнст Швердт (тогда еще носивший имя Ганса Шнайдера) поначалу являлся расовым референтом в оберабшнитте «Северо-Восток», центром базирования которого был Кенигсберг. Известный исследователь Тибета Эрнст Шефер и социолог Вилли Боргер попали в РуСХА по протекции антрополога Генриха Рубеля, который занимался обучением эсэсовцев.

Как видим, кадры для РуСХА могли подыскивать и университетские профессора, которые специально присматривали молодых и талантливых ученых. Но и здесь залогом карьеры являлись личные связи, лояльность режиму и согласие принять новое мировоззрение. Эти факторы являлись решающими на протяжении всего существования Третьего рейха. Таким специально подобранным сотрудникам тут же присваивали младшие офицерские должности СС. Был и обратный процесс: в РуСХА могли попасть молодые эсэсовцы, которые еще учились в высших учебных заведениях. По крайней мере, после окончания учебы у них не возникало вопросов с трудоустройством. Почти у всех у них была более богатая политическая биография, нежели у товарищей Вальтера Дарре из «нордического движения» и аграрно-политического аппарата. В качестве

примера можно привести трех сотрудников РуСХА: Конрада Эллерзика, Гюнтера Пфлаума и Георга Эбрехта. Все они были ветеранами Первой мировой войны, все были активными участниками фрайкоров. В годы Веймарской республики Эбрехт пытался попробовать стать колонистом в Африке. В начале 30-х годов он присоединился к нацистам. Все трое в годы Второй мировой войны сделали быструю карьеру в СС.

Отто Хоффманн

После того как функциональные обязанности эсэсовского ведомства Дарре стали расти как на дрожжах (расовый отбор будущих эсэсовцев, подбор невест и выдача разрешений на вступление в брак, организация сельских поселений, мировоззренческая учеба), стало требоваться еще больше дипломированных специалистов. Как уже говорилось выше, в начале 1935 года Управление по вопросам расы и поселений одно из первых в СС приобрело статус Главного управления. Расовый референт из оберабшнитта «Восток» унтерштурмфюрер Леттов, являвшийся кроме всего прочего адъютантом Дарре, описал этот процесс так: Главное управление СС, занимавшееся воинскими вопросами, он сравнил с кулаком; СД, занимавшееся разоблачением невидимых врагов, — с «глазами и ушами» СС, и, наконец, РуСХА, ведавшее духовной борьбой с врагами, расовым отбором и мировоззренческим обучением, виделось ему «устами и мозгом СС». Проще говоря, руководство Главного управления по вопросам расы и поселений рассматривало свое ведомство ответственным за создание расистской идеологии СС, которая автоматически предусматривала отбор «ценного материала» и «отбраковку некачественного».

РУСХА И ПРИНЯТИЕ НЮРНБЕРГСКИХ ЗАКОНОВ

Расовые эксперты СС всегда уделяли повышенное внимание тому, чтобы поддерживать в обществе антисемитские настроения. Строгий расовый отбор предполагал автоматическое отклонение

всех евреев, которые рассматривались как некая «антираса», воплощение расовой неполноценности, присущей в равной степени и славянам, и азиатам, и неграм. Рихард Вальтер Дарре с самого начала исходил из того, что «немецкая самобытность», «немецкость», обусловлена кровью немецкого народа. В своей книге «Новое дворянство» он предполагал, что «в грядущем немецком государстве предоставление гражданских прав будет в первую очередь обусловлено кровью, а потому само понятие немецкого гражданина неразрывно связано с понятиями расы и крови». Мысль о «немецкости», которая в первую очередь связана с наследственностью и кровью, а не с государственными формами и культурным бытованием нации, наиболее ярко характеризует идейный багаж ультраправых периода Веймарской республики. В итоге понятие «народ» сводилось к кровной общности.

Далеко не случайно, что специалисты РуСХА в 1934—1935 годы активно участвовали в подготовке имперского законодательства о гражданстве, и прежде всего — в разработке Закона «О защите немецкой крови и немецкой чести» управления НСДАП. Во время различных встреч и совещаний по подготовке этого закона высокопоставленные представители РуСХА настаивали на том, что он должен быть в первую очередь ориентирован против евреев. Эта инициатива находила полную поддержку и понимание у представителей Расово-политического управления (РПА) НСДАП. Расово-политическое управление было в нацистской партии мировоззренческой структурой, которая занималась обучением. В определенной степени оно было конкурентом РуСХА, что можно было ощутить уже в 1934—1935 годах. Но при подготовке законодательства, касающегося евреев, эти две структуры выступили единым фронтом, настаивая на тщательном учете всех евреев и немцев, имевших еврейских предков.

20 декабря 1934 года в Мюнхене, в штаб-квартире партии, так называемом «коричневом доме», состоялась встреча высокопоставленных чиновников Третьего рейха. Инициатором этого совещания выступил имперский руководитель врачей доктор Герхард. Он хотел, чтобы эксперты обсудили будущую расовую политику Германии, а все присутствующие заняли четкую позицию по проблеме практического регулирования этого вопроса. От Управления по вопросам расы и поселений на этом мероприятии присутствовали Рехенбах, унтерштурмфюрер Майер и руководитель штаба РуСХА доктор Брандт. Кроме них, в роли экспертов выступали специалист

по наследственности доктор Вальтер Гросс (Расово-политическое управление НСДАП) и доктор Иоахим Герке (Министерство внутренних дел). Позже структура, представленная Герке, стала самостоятельной и получила название Имперского учреждения по исследованию родственных связей. В 1940 году она стала называться Имперским родовым управлением. В 1935 году это ведомство возглавил Курт Майер, присутствовавший на декабрьской встрече по линии СС.

Тон на этом совещании задавали представители Расово-политического управления НСДАП и Управления по вопросам расы и поселений. Результатом его стало предложение о принятии специального законодательства, которое бы: а) предполагало окончательное и полное исключение евреев из общественной жизни; б) предельно точно регулировало участие в общественной жизни «еврейских метисов». Понятие «еврейский метис» было весьма многозначным. По представлению расовых экспертов СС и партии, в качестве таковых должны были рассматриваться любые люди, которые имели в своей родословной предков-евреев. Границей для необходимого доказательства арийского происхождения должна была стать та же дата, которая использовалась при приеме в СС и наследовании крестьянских дворов — 1800 год. Лицо только с одним еврейским предком второй степени (мать, отец) рассматривалось как еврей. Расовые эксперты хотели запретить им не только бракосочетание с немцами, но и любые половые сношения. При этом во всех общественных местах и на работе они должны были носить специальную одежду. Они не могли владеть землей, сельскохозяйственными наделами, а также являться прислугой в домах немцев. Те из «еврейских метисов», кто сознательно отказывался от воспроизводства потомства, имел послабления по сравнению с остальными метисами и евреями (ношение обыкновенной одежды и т.д.). Предполагалось добиться «окончательной миграции евреев и их потомков» в «специально отведенные поселения». Совещание закончилось вынесением следующего вердикта: «Лишь в данный момент Германии выпала возможность окончательно урегулировать еврейский вопрос. Им надо воспользоваться и провести территориальное разделение между еврейским народом и немцами».

Принятые Нюрнбергские законы были несколько мягче, нежели того требовали расовые эксперты СС. Впрочем, принципиальных различий не было. Более того, в обществе надо было создать необходимую атмосферу, которая, естественно, должна была быть бо-

лее радикальной, нежели параграфы принятого Закона «О защите крови». В СС были собственные наработки по этому вопросу. Буквально накануне декабрьской встречи в Мюнхене расовый референт обер-абшнитта «Северо-Восток», оберштурмфюрер СС Якобсен представил шефу персонального штаба рейхсфюрера СС Брандту свои собственные предложения. Якобсен был служащим расового управления «первого часа» и последовательным экстремистом в решении еврейского вопроса. Его предложения дошли до нас лишь во фрагментах, но и их вполне достаточно, чтобы сделать выводы, что этот эсэсовский эксперт предполагал увидеть в новом законе. Якобсен писал: «Целью [закона] должно быть полное освобождение немецкого наследия от еврейской крови. Все иные предложения не являются биологическими и жизненно необходимыми, а потому будут искусственно созданными конструкциями».

Поводом для подобного радикального решения «еврейского вопроса» могла стать международная обстановка, которая в конце 1934 года была более благоприятной, нежели в 1933 году, когда принимался Закон «О восстановлении профессионального чиновничества», который содержал в себе ряд антисемитских пунктов. Якобсен максимально подробно разъяснял свою мысль: «С внешнеполитической точки зрения обстановка сейчас отличается от 1933 года, в том числе благодаря политике в отношении вермахта, проводимой фюрером. Так что мы можем позволить себе при составлении нового закона о евреях не оглядываться на заграницу». Как мы видим, Якобсена не волновала возможность протестов, и в его записке звучали откровенно угрожающие нотки. «У нас есть миллионы евреев, но международный иудаизм безнаказанно бойкотировал нас. Возможные ссылки на эти моменты в будущем законе были бы весьма к месту, по меньшей мере, обоснование так называемых ответных мер».

Однако предложения Якобсена были слишком радикальными, а потому на всех последующих совещаниях даже эсэсовские чины были вынуждены опасаться международной реакции. Следующая встреча расовых экспертов, посвященная обсуждению проекта Закона «О защите немецкой крови», проходила вновь по инициативе Герхарда Вагнера. Она состоялась 25 июня 1935 года в Берлине. Ведомство Дарре, к этому моменту уже обладавшее статусом Главного управления СС, было представлено начальником Родового управления, штандартенфюрером СС Берндом фон Канне, который, ко всему прочему, действовал как представитель рейхсфюрера СС. Круг

участников совещания заметно расширился. На нем можно было увидеть профессора Эрнста Рюдина, представлявшего Имперское министерство юстиции, доктора Карла Кюхенбекера из Имперского управления по аграрной политике (позже он стал РуС-руководителем в Кракове), а также членов правления Общества расовой гигиены. Кроме этого, на встрече в роли свадебного генерала выступал гауляйтер Франконии и издатель «жидоедского» журнала «Штурмовик» Юлиус Штрейхер. Там же присутствовал руководитель Управления по демографической политике и наследственной гигиене доктор Артур Гютт, который одновременно являлся представителем министерства внутренних дел. Забегая вперед, надо сказать, что в 1937 году Управление демографической политики влилось в состав РуСХА, а сам Гютт по инициативе Гиммлера стал начальником Родового управления, занимая этот пост вплоть до 1939 года.

Официально поводом для обсуждения являлась новая формулировка положений Закона «О восстановлении профессионального чиновничества», прежде всего так называемый «арийский параграф» (§ 25). До сих пор параграф дифференцировал все население Германии на «арийцев» и «неарийцев», лишая последних права занимать ответственные административные посты. Теперь же было решено внести изменения, согласно которым надо было принципиально выделить из всех «неарийцев» евреев, но сделать это так, чтобы избежать по возможности любых внешнеполитических осложнений. Все остальное население Германии планировалось поделить на три категории: «немецкого происхождения» (немцы и люди из «германского жизненного пространства»), «родственного происхождения» (коренные жители стран, которые примыкали к «германскому жизненному пространству») и «иноплеменного происхождения» (люди, не имевшие никакой кровной связи с немецким народом). Германскими чиновниками могли быть немцы и люди «родственного происхождения». Евреи же не могли занимать эти посты ни при каких условиях. С одной стороны, эта формулировка позволяла избегать жесткой дискриминации представителей азиатских держав (например, Японии), которые не могли в силу своей расовой принадлежности считаться арийцами. С другой стороны, она позволяла развязать в Германии антисемитскую кампанию, не привлекая особого внимания зарубежных наблюдателей. Фон Канне, представлявший РуСХА, сообщал своему начальству, что подобным способом «можно было сохранить внутриполитическую антииудейскую составляющую, освободившись от назойливого вмешательства за-

границы». «При необходимости можно было пойти на более жесткие меры, которые бы отвечали насущным интересам народного сообщества».

Теперь позиции расовых экспертов НСДАП и СС стали отличаться. Эсэсовцы говорили, что заявленное в декабре 1934 года отделение «арийцев» от «неарийцев» не может отвечать интересам взвешенной и эффективной расовой политики. Подобная позиция не могла быть основой для принятия «еврейского законодательства», так как для последовательной политики требовалось деление общества на несколько расовых групп. По сути, это была первая попытка со стороны эсэсовцев навязать расовые критерии, разработанные в недрах РуСХА, всему немецкому обществу. Для этого надо было убедить специалистов из Расово-политического управления НСДАП в том, что СС являлись единственной организацией национал-социалистского движения, которая была построена в строгом соответствии с принципами расовой теории.

С другой стороны, уже из заявленных для обсуждения тем было видно, что у нацистского руководства существовало множество проблем. В частности, соотнесение необходимости усиления антисемитской политики и международной критики. Другим спорным моментом был так называемый «вопрос о метисах». Именно он во многом обусловил появление на свет Нюрнбергских расовых законов. «Вопрос о метисах» получил политическое значение во время совещания у министра экономики Яльмара Шахта, которое состоялось 20 августа 1935 года. На этом мероприятии представители партийного руководства, имперских министерств и СС вновь подняли вопрос о необходимости законодательного регулирования «вопроса о метисах». С одной стороны, населению после «решения еврейского вопроса» необходимо было давать поводы для антисемитских выходок, но с другой стороны, ожесточенная антисемитская пропаганда могла нанести мощный удар по немецкой экономике, в том числе по военно-оборонной промышленности. Это столкновение интересов привело к конфликту между руководством СС и министром экономики. Шахт уже мог наблюдать первые последствия антисемитской кампании, которые привели к негативным результатам в немецкой экономике. Но эсэсовцы и партийцы были непреклонны — антисемитизм был составляющей программы НСДАП, а стало быть, неотъемлемой частью внутренней политики. Кроме этого, они ссылались на общественные настроения.

Поначалу Гитлер тоже не был сторонником «максимальной программы решения еврейского вопроса» и учета «еврейских метисов», на чем настаивало руководство РуСХА и РПА. Гитлер считал, что надо следовать форме, изложенной в Законе «О защите немецкой крови», то есть понятию «абсолютный еврей». Впрочем, когда на Нюрнбергском съезде 1935 года («Съезде свободы») он возвестил о расовых законах, он уже начал менять свою точку зрения. Объявленные законы лишь для проформы выносились на рассмотрение рейхстага. 15 сентября 1935 рейхстаг на своем чрезвычайном заседании единогласно принял Имперский Закон «О флаге», Имперский Закон «О гражданстве» и Закон «О защите немецкой крови и немецкой чести». Эти три закона стали самым решающим шагом на пути лишения евреев гражданских прав в Германии. Кроме этого, они уточняли, кто в Третьем рейхе считался евреем.

Имперский Закон «О гражданстве» делал принципиальные различия между «гражданином» и «имперским гражданином». Последние должны были иметь «немецкую или родственную кровь». В Законе вообще почти не упоминались евреи. Речь шла о «гражданах», которые были существенно ущемлены в своих правах. Например, Закон «О защите немецкой крови» запрещал браки между «гражданами» и «имперскими гражданами», что фактически означало запрет браков между евреями и немцами. То же самое относилось и к внебрачным половым сношениям, которые преследовались по закону, и к найму прислуги из числа «граждан» в дома «имперских граждан». Наконец, евреям было запрещено ношение значков и повязок со свастиками, а также ношение имперских цветов (черно-бело-красный), что регулировалось Законом «О флаге». Но сами эти законы абсолютно не уточняли, какие ограничения распространялись на «еврейских метисов», равно как не уточнялось, кого считать таковыми.

Ясность в этот вопрос была внесена 14 ноября 1935 года, когда свет увидело Первое дополнение к Имперскому Закону «О гражданстве». В этом документе говорилось, что евреями в соответствии с буквой Нюрнбергских законов считались «абсолютные евреи» и люди, являющиеся евреями на 3/4, то есть те, у кого среди бабушек и дедушек было три или четыре еврея. Полуевреи признавались евреями только в отдельных случаях. Полуевреев немецкого гражданства — людей с двумя еврейскими бабушками и дедушками — также часто обозначали как «метисов первой степени». Они рассматривались в качестве «евреев» согласно Нюрнбергским законам, если они

продолжали исповедовать иудаизм или же сочетались браком с «абсолютными евреями». Но в большинстве случаев полуевреи приравнивались к «еврейским метисам», то есть к тем, кто имел одного еврейского предка во втором колене. Данная категория людей до особых распоряжений считалась приравненной к немцам.

Принятие «мягкой» формы Закона «О защите немецкой крови» и данное в Первом дополнении определение «еврейских метисов», которые приравнивались в правах к немцам, стало своего рода оскорблением для расовых экспертов РуСХА. Еще в 1934 году во время декабрьского обсуждения эсэсовцы настаивали на том, чтобы приравнять их к евреям, выделив в отдельную категорию. Не было принято в расчет предложение о том, чтобы прослеживать родословную до 1800 года, дабы квалифицировать лицо в качестве «метиса». Когда на свет появились такие понятия, как «метисы первой и второй степени», «гражданин» и «имперский гражданин», эксперты из Главного управления по вопросам расы и поселений сочли, что под угрозу была поставлена вся прежняя расово-политическая деятельность, осуществлявшаяся в Германии. Это было горьким уроком для радикальных романтиков от расизма.

До сих пор остается неясным, общались ли представители РуСХА и РПА с Гитлером накануне партийного съезда, где он огласил Нюрнбергские законы. Не исключено, что их просто не допустили до фюрера, дабы устранить их предельно идеологизированное влияние. К тому же свою руку к подобному повороту дел могли приложить представители экономических структур, которые не были заинтересованы в антисемитском экстремизме. Если верить мемуарам Лёзенера, который работал в свое время расовым референтом, то Гитлер вел переговоры накануне съезда партии преимущественно с Имперским руководителем врачей Вагнером, который был поборником драконовских мер в отношении евреев. Вне всяких сомнений, Вагнер ходатайствовал перед фюрером о радикальном варианте «решения еврейского вопроса». Почему Гитлер не принял его точку зрения, ответить представляется затруднительным.

После «Съезда свободы» руководитель Расово-политического управления Вальтер Гросс срочно созвал совещание, на котором должно было обсуждаться практическое применение «Нюрнбергских законов», о чем были уведомлены и представители РуСХА. Показательно, что от РуСХА на этом мероприятии присутствовал доктор Шлёссер, звание которого было всего лишь штурмман СС. Его должность была также невелика — начальник отдела в Родовом

управлении РуСХА. Вальтер Гросс докладывал о новом в «еврейском законодательстве» и пытался разъяснять присутствующим политику фюрера, прежде всего в «вопросе метисов». После этого Шлёссер зачитал свой доклад, который был посвящен преимущественно внутриполитическим и экономическим причинам принятия Нюрнбергских законов. Свое выступление он закончил выводом о том, что надо усилить пропагандистскую деятельность, дабы избежать какой-либо клеветы со стороны «еврейских метисов», которые впоследствии должны были быть ассимилированы (достаточно странное заявление для расового эксперта из СС). Это заключение он мотивировал следующим образом: «Германия должна быть сильной и в политическом, и в экономическом смысле. Она должна обладать соответствующим вооружением. Небольшой привилегированный слой метисов может оказаться вредным при достижении этих целей, а потому их надо ассимилировать, начиная прямо с этого момента. Наряду с этим нужно обращать внимание [здесь он по большей части повторял речь Имперского министра экономики и Президента Имперского банка Шахта] на то, чтобы слишком жесткий курс в отношении евреев не имел бы нежелательных экономических последствий, а именно сокращения объема экспортируемых товаров». Предлагалось даже воздержаться от бойкота еврейских предприятий, так как евреи должны были иметь экономическую основу для существования. Напротив, нужно было подчеркивать положительные результаты принятого закона. Написанный от руки протокол совещания заканчивался словами: «Очень важно, чтобы поглотили их [метисов], а не отторгли».

В глазах эсэсовских экспертов партийное намерение проводить в жизнь ассимиляцию «еврейских метисов» означало разбавление «немецкости» кровью «инородных элементов». Подобное начинание, как ни странно прозвучит, было только на руку Гиммлеру и руководству Главного управления по вопросам расы и поселений. Оно решило ответить на «либеральный» закон ужесточением критериев для отбора в СС, которые в данной ситуации воистину должны были превратиться в форпост расово чистой Германии. Вырисовывалась вполне реальная перспектива превращения эсэсовцев и «новых крестьян» в расово-биологическую элиту Третьего рейха. В докладе Шлёссера открытым текстом говорилось: «СС должны стать родовым союзом, который сплотит в себе самую ценную часть нашего народа. Это должно происходить в условиях воинской подготовки и четкой мировоззренческой ориентации. Перед этим союзом стоят

достаточно четко обозначенные задачи, главной из которых является сохранение хорошей крови нашего народа».

С другой стороны, Шлёссер не испытывал никаких иллюзий относительно изменения курса в «решении еврейского вопроса». Он не коснулся практической стороны расового отбора в СС. Что касается «новой политики» в немецком обществе в целом, то никто не ставил под сомнение решение фюрера. Но даже учитывая то, что расовым экспертам не удалось отстоять свою точку зрения и радикальный курс не был взят Гитлером на вооружение, все равно они добились своей цели. Несмотря на все законы, в Германии нарастала антисемитская истерия. Первые ее признаки стали очевидными уже накануне «Съезда свободы». Иными словами, расовые эксперты СС и партийные идеологи все равно продолжали оказывать давление на общественность. Они по-своему трактовали возможность «решения еврейского вопроса».

Для развития Главного управления по вопросам расы и поселений большое значение имел тот факт, что в 1934—1935 годах общественность впервые заговорила о возможности «решения еврейского вопроса» и «вопроса метисов». Ведомство, которое начинало с расовых критериев отбора эсэсовцев и поиска подходящих супруг, смогло сделать решающий шаг на пути к формированию элитарного сознания в СС. Первой ласточкой этого процесса была идея об Имперском Законе «О крестьянских наследуемых дворах», который предполагал пресловутое доказательство арийского происхождения. Эта опосредованная связь между СС и крестьянством была обоснована не только с идеологической, но и с практической стороны: Вальтер Дарре являлся одновременно и Имперским руководителем крестьян, и начальником Главного управления по вопросам расы и поселений. Кроме этого, он выступал и как расовый идеолог, и как инициатор аграрных поселений. Он был един в двух ролях — теоретика и практика.

Не стоит забывать, что требование расовых экспертов о дискриминации и лишении гражданских прав евреев, равно как и широкая трактовка понятия «еврейский метис», было нацелено прежде всего на расовую структуру немецкого общества, на его, так сказать, «расовые характеристики». Нечто похожее должно было происходить на завоеванных Германией территориях, окажись победа на стороне Гитлера. А пока расоведы из РуСХА, с одной стороны, чувствовали себя причастными к принятию Нюрнбергских законов, но с другой стороны, их предложения не были учтены. Даже если «Нюрнберг-

ские расовые законы» 1935 года представлять как победу «умеренных антисемитов» (государственных чиновников) над «антисемитскими экстремистами» (эсэсовцы и нацистские идеологи), то все равно осуществление радикальных проектов было вопросом времени. Сотрудники РуСХА не собирались пересматривать свои идеи и не намеревались отказываться от своих проектов.

Период 1932—1935 годов можно рассматривать в отношении РуСХА как начальную фазу, стадию возникновения и развития структуры. Последующий этап, который длился с 1935 по 1938 год, можно было бы назвать временем реорганизации и консолидации. Важными вехами на этом пути являются возникновение в июле 1935 года исследовательского общества «Наследие предков» («Аненербе») и учреждение в декабре 1935 года общества «Источник жизни» («Лебенсборн»). Поначалу обе эти организации были тесно связаны с Главным управлением по вопросам расы и поселений. Многие даже ошибочно полагали, что они являлись составными частями РуСХА. Но позже они стали самостоятельными «княжествами» в «империи СС». Кроме этого, 1938 год был ознаменован несколькими громкими внешнеполитическими событиями: аншлюсом Австрии и аннексией Судетской области Чехословакии. В том же году Вальтер Дарре оказался в опале и был вынужден покинуть в августе 1938 года пост руководителя РуСХА. За этот, казалось бы, небольшой промежуток времени, всего-то три года, идеологическая составляющая работы Главного управления по вопросам расы и поселений пополнилась несколькими новыми моментами. И кроме этого, расовым экспертам наконец-то удалось добиться складывания так называемой «родовой общности СС». В конце этой фазы можно было наблюдать решительный поворот к прагматичной расовой политике, фундаментом для которой служили СС.

ГЕРМАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЩЕСТВО «НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ»

Гиммлер не раз провозглашал, что одной из важнейших задач СС является исследование и популяризация германской культуры. Начиная с 1935 года и до конца войны этими вопросами ведало исследовательское общество «Наследие предков» («Аненербе»). Эта организация возникла 1 июля 1935 года под звучным названием «Немецкое наследие предков». Общество по изучению духовной истории древности несколько месяцев спустя было официально заре-

гистрировано в берлинских административных органах. Его учредителями выступили три человека: рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, голландский исследователь немецкого происхождения Герман Вирт и Рихард Вальтер Дарре, который к тому моменту был и главой РуСХА, и Имперским руководителем крестьян. Куратором «Аненербе» поначалу стал сам Гиммлер, а Герман Вирт — его президентом. Дарре не занял в «Наследии предков» никакого поста, но делегировал в него пятерых своих сотрудников. Это были Герман Райшле, Адольф Бабель, Георг Эбрехт, Эрвин Метцнер и Рихард Хинтманн. В мае 1936 года к ним присоединился доктор Вильгельм Кинкелин, который к этому моменту уже числился и в РуСХА, и в Имперском продовольственном кабинете.

Итак, в создании «Аненербе» участвовали пять из семи учредителей РуСХА. Это говорит о том, что на первых порах «Наследие предков» мыслилось как некое структурное подразделение Главного управления по вопросам расы и поселений. Тем более что на тот момент «Аненербе» в основном состояло из сотрудников ведомства Вальтера Дарре. Можно предположить, что «Аненербе» должно было подкреплять расистскую идеологию СС научными сведениями, для чего и предполагалось изучение древней духовной истории. Начальник расового управления РуСХА бригаденфюрер СС Герман Райшле был не только личным приятелем Дарре, но и членом Имперского продовольственного кабинета. Он был назначен заместителем куратора, то есть получил реальные рычаги власти в «Наследии предков». В результате почти сразу же все ключевые посты в «Аненербе» заняли представители расового управления. Подобный симбиоз привел к тому, что все новые члены исследовательского общества должны были автоматически вступать в СС и числиться в РуСХА.

В начале 1937 года «Наследие предков» по инициативе Гиммлера вошло в состав персонального штаба рейхсфюрера СС. Одновременно с этим «Аненербе» получило новый Устав. Изменился и его статус — теперь оно называлось Учебно-исследовательским обществом «Наследие предков», хотя поначалу ученые и сотрудники «Аненербе» продолжали числиться в РуСХА, где официально получали зарплату. Затем произошли существенные перемены и в руководящем составе этого исследовательского общества. Гиммлер предпочел избавиться от «мечтателя» Германа, поставив в главе «Аненербе» мюнхенского ученого, специалиста по индоевропейским языкам профессора Вальтера Вюста, который обладал немалым ве-

сом в научном мире. Это была первая попытка придать «Аненербе» академический лоск.

В 1938—1939 годах внутри СС произошло четкое разграничение функциональных обязанностей. «Аненербе» ведало вопросами древней и ранней истории, расово-антропологическими исследованиями в широком понимании этого слова, а также экспериментальными разработками в области медицины, которые предполагали проведение опытов над заключенными концентрационных лагерей. На тот момент единственной задачей РуСХА стало практическое использование расовых наработок, накопленных в СС. В определенной мере «Наследие предков» и Главное управление по вопросам расы и поселений дополняли друг друга, что было не только следствием схожести поставленных перед ними задач, но и личными контактами, которые были вынесены из 1935 года, когда РуСХА патронировало деятельность «Аненербе». Яркими примерами этого симбиоза являются расовый антрополог Бруно Бегер и германист, фольклорист Ганс Эрнст Шнайдер. Бруно Бегер в 1934 году поступил на службу в РуСХА, но позже перешел в «Аненербе». В исследовательском обществе ему поручались весьма щекотливые задания, которые, по сути, больше подходили для практиков из Главного управления по вопросам расы (замеры черепов у заключенных концентрационных лагерей, антропологические исследования во время Тибетской экспедиции Эрнста Шеффера, отбор еврейских черепов для антропологической коллекции Августа Хирта, которая располагалась в Страсбурге и т.д.). Научный устроитель «Наследия предков» Ганс Эрнст Шнайдер начал свою карьеру в СС с поступления в 1938 году на пост референта в расовое управление РуСХА. В середине 1939 года его заметили и пригласили на работу в персональный штаб рейхсфюрера СС. Во время работы в «Наследии предков» он ни на минуту не прекращал сотрудничества с РуСХА, где нередко выступал с докладами и лекциями. В годы войны он оказался в Голландии, где выступал одновременно и в роли представителя рейхсфюрера СС, и руководства РуСХА.

Если рассматривать возникновение «Аненербе» как реализацию инициативы руководства РуСХА, то на основании многочисленных фактов, в том числе о подробностях передачи «Наследия предков» в распоряжение персонального штаба рейхсфюрера СС, можно установить некую закономерность, присущую Главному управлению по вопросам расы и поселений в 1937—1939 годах. Все проекты, начатые специалистами РуСХА, постепенно теряли связь с материнской

Даже во время тибетской экспедиции эсэсовцы делали антропологические замеры.
(Кадр из фильма «Тайны Тибета»)

организацией, превращаясь в самостоятельные структуры. Среди таковых можно назвать «Наследие предков», «Источник жизни», специальные «мужские дома СС», учебное управление СС и т.д. То, что на первый взгляд выглядело как организационные потери, на самом деле являлось выражением процесса консолидации СС, которая проявлялась в узком профилировании в рамках «черной империи». Все это неизбежно вело к пересмотру функциональных обязанностей Главного управления по вопросам расы и поселений. Наиболее ярко эти перемены можно рассмотреть на примере практического обучения в СС.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ: «МУЖСКИЕ ДОМА СС», «НАПРАВЛЯЮЩИЕ ТЕТРАДИ СС», УЧЕБА ПОЛИЦИИ

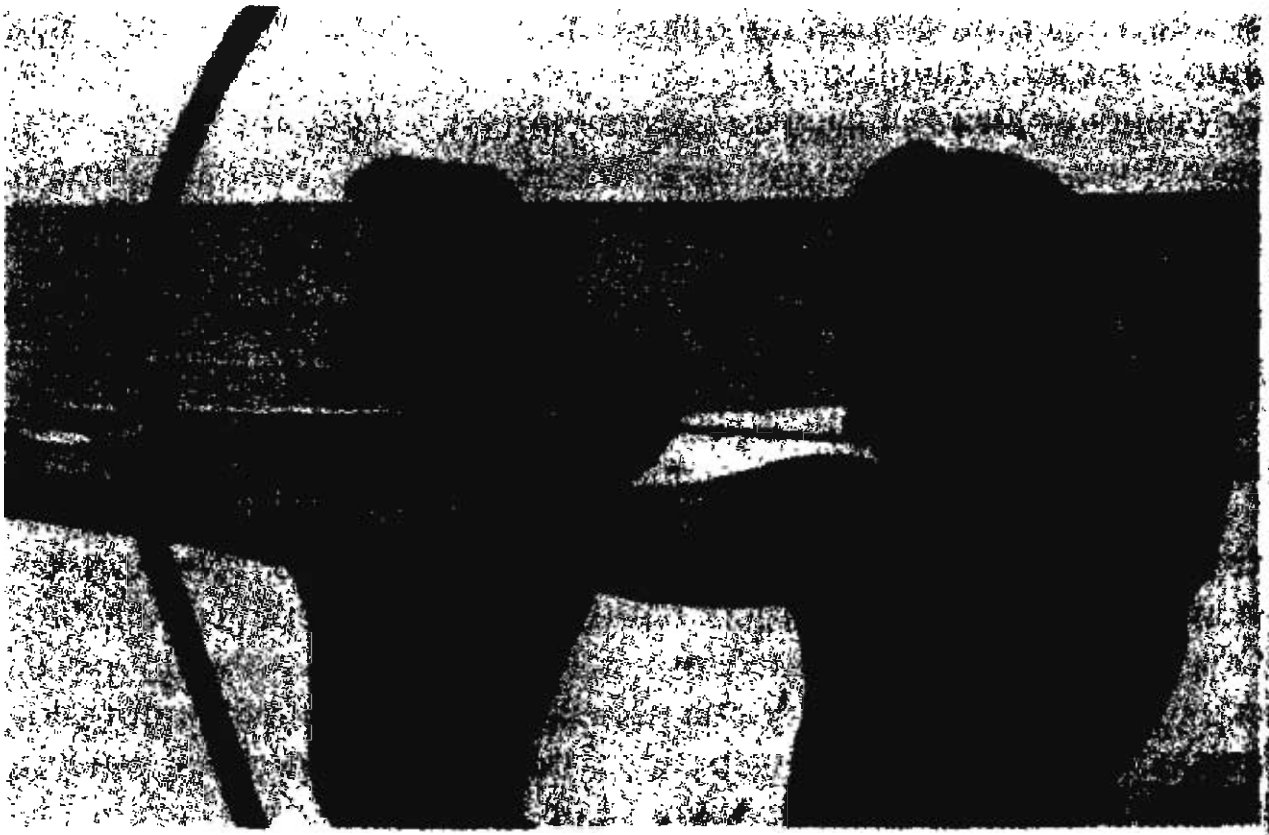
После того как в конце 1934 года в СС был сформирован аппарат по мировоззренческому воспитанию, перед Управлением обучения РуСХА были поставлены три следующих задачи: обучение студентов в «мужских домах», выпуск учебного журнала «Направляющие тетради СС» и занятия по идеологическому обучению служащих немецкой полиции.

Летом 1935 года в Германии по инициативе Учебного управления РуСХА стали возникать так называемые «мужские дома СС». Приказ об этом был подписан 5 августа начальником штаба РуСХА оберфюрером СС Хармом. В живописных окрестностях немецких университетов и институтов руководство СС приобретало здания, которые передавались в управление ведомству Дарре. В каждом из таких домов, являвшихся, по сути, общежитием, проживало около 30 студентов. Условием для попадания в «мужской дом» было обязательство после окончания учебы пойти на службу в СС. Естественно, все проживавшие в «мужских домах» предварительно проходили расовое обследование. Это было отнюдь не единственной обязанностью студентов, которые должны были кроме самой академической

учебы посещать занятия по идеологии и эсэсовскому мировоззрению, а также активно заниматься военно-спортивной подготовкой. Соглашение между Главным управлением СС по вопросам расы и поселений и Имперским руководством студенчества было подписано 4 сентября 1939 года. Согласно этому документу руководству РуСХА предоставлялось право отбирать подходящих студентов. В обмен на это студентам гарантировалось трудоустройство в РуСХА, где поначалу они должны были выступать в роли врачей, руководителей учебных курсов, молодых преподавателей в студенческом лагере Берлин-Грюнвальд.

Благодаря этому проекту руководство СС планировало вырастить академическую элиту, которая после надлежащей идеологической обработки должна была пополнить ряды «черного ордена». Обязанности по идеологическому контролю над обучением в «мужских домах СС» возлагались на расовых референтов соответствующих оберабшнттов. Гиммлер рассчитывал уже очень скоро увидеть первые положительные результаты от реализации этой затеи. Его ожидания в определенной мере оправдались. Уже в 1936 году в своем годовом отчете начальник Учебного управления РуСХА радостно сообщал, что «мужские дома» в настоящий момент представляют собой самую сплоченную и самую лучшую студенческую организацию». Причину этого он видел в том, что «мужские дома» были заселены безупречными людьми». В том же докладе штандартенфюрер СС Карл Мотц предлагал строить, а не покупать, новые здания, в которых было бы больше отдельных комнат (в тот момент в «мужских домах» преобладали общие спальные палаты). По его мнению, эта форма обучения должна была просуществовать столетия.

«Мужские дома СС» очень быстро стали распространяться по всей Германии. Если в 1935 году их было всего семь (Гамбург, Кёльн, Мюнхен, Хайдельберг, Марбург, Берлин и Тюбинген), то в начале 1939 года их насчитывалось уже шестнадцать. «Мужские дома СС» возникли в таких университетских городах, как Брауншвейг, Галле, Йена и Киль. Их можно было встретить на окраинах рейха (Данциг и Кенигсберг). После аншлюса Австрии они возникли в Граце, Инсбруке и Вене. РуСХА оказывало финансовую поддержку «мужским домам», которая предоставлялась в виде арендных дотаций. Если говорить об уровне финансовой поддержки, то в 1936 году на эти цели было выделено 2,5 тысячи рейхсмарок, которые пошли на оплату проживания в «мужских домах СС». Это позволяло максимально контролировать обучение студентов. Некоторое время расовое



Физическая закалка должна была стать основой для выживания нордического человека

управление РуСХА издавало для «мужских домов СС» даже собственные «Методические рекомендации». В данной ситуации СС выступали в роли защитного барьера от слишком требовательных университетских преподавателей, выступая в данном вопросе единым фронтом с Национал-социалистским союзом немецких студентов. Впрочем, альянс с Национал-социалистским союзом немецких студентов оказался крайне недолгим. В 1938 году Гиммлер с подачи руководства РуСХА приказал изолировать «мужские дома» от влияния студенческого руководства. Это позволяло эсэсовским студентам избегать многочисленных общественных мероприятий, а стало быть, более тщательно заниматься идеологическим обучением и физической подготовкой. Деятельность всех «мужских домов» в Германии курировал оберштурмбанфюрер СС Курт Эллерзик, который начинал свою карьеру в учебном управлении РуСХА. Когда 12 февраля 1939 года Гиммлер перевел руководство «мужских домов» из состава РуСХА в свой персональный штаб, то Эллерзик сохранил за собой свой пост, оставшись руководителем студенческих объединений СС. Эту должность он занимал до конца войны. Стоит заметить, что, как и в случае с «Аненербе», «мужские дома» после 1939 года про-

должали активное сотрудничество с РуСХА. Поводом для этого было хотя бы то обстоятельство, что расовые эксперты СС занимались отбором студентов, а позже проверяли выпускников «мужских домов» на предмет пригодности службы в ваффен-сс (об этом мы более подробно расскажем позже).

Однако идеологи Главного управления по вопросам расы и поселений уделяли внимание не только будущим академическим кадрам, но и основной массе эсэсовцев. В конце 1935 года учебное управление РуСХА начало издавать собственный ежемесячный журнал «Направляющие тетради СС». Это издание планировалось как бюллетень, посвященный вопросам мировоззрения СС. Одновременно он должен был служить методическим подспорьем для руководителей учебных курсов в различных частях СС. Прототипом «Направляющих тетрадей СС» были издаваемые с декабря 1934 года «дидактические письма», которые были своего рода инструкциями для эсэсовских лекторов. Первый профессионально оформленный номер «Направляющих тетрадей СС» увидел свет в декабре 1935 года. Он имел номер 6. Это подтверждает, что он являлся преемником пяти предыдущих «дидактических писем». Но шестой номер «Тетра-

Атлет, толкающий ядро

Метательница копья

дей» пришлось изъять и уничтожить из-за того, что Гиммлер нашел в нем большое количество идеологических несоответствий. В настоящий момент это издание является библиографической редкостью, поэтому трудно сказать, что в нем не понравилось рейхсфюреру СС. С февраля 1936 года журнал продолжил выходить, но уже с новой нумерацией. Первый номер, выпущенный в 1936 году, был уже не тонким бюллетенем, а объемной брошюрой.

Каждый номер «Направляющих тетрадей СС» имел центральную тему, имевшую большое значение для эсэсовского мировоззрения. Так, например, первые четыре номера были посвящены следующим темам: «Учение о наследственности», «Крестьянство», «Иудаизм», «Масонство и большевизм». При этом теоретические статьи перемежались незамысловатыми рассказами и чисто практическими советами («Из практики родового управления», «Выбор эсэсовцем супруги» и т.д.). Сам же Гиммлер не раз высказывал пожелание, чтобы обучение эсэсовцев происходило посредством исторических рассказов, которые по своей форме должны были напоминать северные саги. Благодаря этому пожеланию в Германии появился новый специфический вид художественной литературы — «эсэсовские саги». Кроме этого, в каждом из номеров учебного журнала приводились выдержки из «Майн кампф» или речей Гитлера. На учебных вечерах руководители курсов должны были по возможности просто объяснить ту или иную мысль, высказанную Гитлером в своем «святом послании». Важным воспитательным элементом были фотографии и иллюстрации, которые должны были наглядно пояснять суть расистской идеологии СС. Как правило, это выражалось в противопоставлении образов арийцев, светловолосых и голубоглазых, отталкивающим изображениям представителей «неполноценных рас». В подготовке очередного номера журнала принимали участие специалисты не только РуСХА, но и других эсэсовских ведомств. Так, например, сотрудники СД к каждому выпуску «Направляющих тетрадей СС» готовили небольшие заметки, которые публиковались в рубрике «Враги рейха».

Редакционный совет «Направляющих тетрадей СС» был весьма озабочен тем, чтобы по возможности рационально использовать журнал, который должен был отвечать насущным потребностям «охранных отрядов». О том, что этому журналу уделялось повышенное внимание, говорит хотя бы один факт — работу над каждым номером курировал лично Гиммлер. Приведу один пример. В феврале

1938 года Гиммлер при просмотре гранок свежего номера дал указание по исправлению некоторых неточностей.

«Направляющие тетради» стали основой для еженедельных лекций, читаемых эсэсовцам. По этой причине лекторы считали, что благодаря журналу обучение стало не только разнообразным, но и более эффективным. Наряду с «Направляющими тетрадями» РуСХА подготовило к выпуску аналогичные им серии диапозитивов («Кровь и почва», «Иудаизм», «Масонство и большевизм»). Со временем отдельные эсэсовские части стали приводиться в пример как образцовые с точки зрения идеологического обучения. Их опыт распространялся по всему рейху. Например, образцом для подражания были признаны учебные планы 1-го мюнхенского штандарта. Он предусматривал еженедельный идеологический учебный цикл. В течение месяца эсэсовцы должны были провести торжественное мероприятие (как правило, собрание), посетить музей (музей этнографии), провести путешествие к месту раскопок с последующим торжественным вечером в среде археологов. Сложно сказать, как относились к этим мероприятиям «простые эсэсовцы». Можно лишь отметить, что «Направляющие тетради» от номера к номеру становились все толще и толще. Они не прекратили своего выхода даже в годы войны. С конца 1939 года стало выходить и специальное «военное приложение» к «Направляющим тетрадям». Оно предназначалось для соединений ваффен-СС, воевавших на фронте. Предполагалось, что этот журнал будет повышать моральный дух эсэсовцев. Кроме этого, в так называемых «германских странах» Европы (Голландия, Бельгия — Фландрия, Норвегия) выходили специальные выпуски «Направляющих тетрадей СС», которые издавались на национальных языках. В 1941 году вышло голландское приложение, затем — норвежское, а где-то в 1943 году — французское.

Идеологическую подготовку были обязаны проходить не только эсэсовцы, но и другие служащие, находившиеся под начальством Генриха Гиммлера. 1 апреля 1937 года рейхсфюрер СС уполномочил расовых экспертов РуСХА на обучение всех полицейских страны, что значительно добавило работы Учебному управлению. Это было очевидным признаком того, что Гиммлер намеревался срастить полицию и СС. Пробным шагом в этом направлении были события 1936 года, когда он распорядился провести идеологическое воспитание всех служащих СД и подразделений «Тотенкопф», для чего вводилось около десяти дополнительных ставок руководителей курсов. Появление в сфере деятельности РуСХА полиции позволяло

Курт Далюге

говорить о колоссальности этого плана. Руководитель штаба РуСХА штандартенфюрер СС Георг Эбрехт в разговоре с группенфюрером СС Освальдом Полем так описывал размеры этого нового задания: «При обучении полиции речь идет почти о двукратном увеличении (а может, и большем) объема проводимых работ. При этом нужно учитывать, что 200 тысяч полицейских, в отличие от наших эсэсовцев, оказались на своей службе отнюдь не по политическим соображениям. Поэтому для начала их надо было бы воспитать просто как истинных национал-социалистов... Я прекрасно понимаю, что на Главное управление по вопросам расы и поселений была возложена огромная ответственность». Поль согласился с высказанными мыслями и изыскал дополнительное финансирование для РуСХА. Он полагал, что к решению задачи о воспитании надо было подойти творчески. Ему даже удалось добиться, чтобы финансирование на идеологическое обучение поступало и от самой полиции. После создания в июне 1936 года Главного управления дисциплинарной полиции, которое возглавил оберстгруппенфюрер СС Курт Далюге, обучением были охвачены все полицейские подразделения. К лету 1938 года в полицейских структурах уже имелся 21 руководитель учебных курсов.

Начиная с 1937 года, квалифицированные и дипломированные лекторы стали проводить идеологическую обработку полиции. Снабженные журналами и диапозитивами, они принялись знакомить полицейских с азами расовой теории. Происходило это на образовательных вечерах. А полицейских офицеров просвещали в специальных школах для руководящего состава СС и полиции, созданных руководством Главного управления дисциплинарной полиции. Первыми среди всех полицейских структур обучение должны были пройти служащие гестапо и криминальной полиции. Упор во

время занятий делался на подачу знаний о «врагах рейха», в частности об иудеях и большевиках. Вся учебная программа строилась на том тезисе, что обязанности сотрудников полиции по «соблюдению чистоты расы» сводились в основном к выбору подходящей супруги и борьбе с «расовыми противниками». Опять же сложно говорить об уровне восприятия подобных идей в полицейских структурах. Однако можно предположить, что существует достаточно устойчивая связь между теоретическим обучением и практическим расовым отбором, а стало быть, в группах, подвергнувшихся идеологическому воздействию, антисемитские порывы и расистские предубеждения стали более сильными, нежели в немецком обществе в целом. Расистское воспитание, проведенное в предвоенные годы, очень хорошо дало о себе знать уже во время Второй мировой войны. С одной стороны, в Польше полицейские и эсэсовцы находили наглядные подтверждения своим представлениям о «восточных евреях» и польском хозяйстве. С другой стороны, их укрепившиеся предрассудки и предубеждения способствовали проведению в жизнь преступной политики СС на оккупированных территориях. Польские евреи, равно как и сами поляки, которые на протяжении столетий «кочевали» из состава одной империи в другую, не имели этнических корней, а стало быть, были «неполноценным населением». Таким образом, получалась замкнутая цепь из расистских предубеждений и политики геноцида, которые поддерживали друг друга.

Кристофер Браунинг в своем исследовании «Совершенно нормальные люди» рассматривал мотивацию тех, кто принимал участие в массовых казнях в Восточной Польше, Украине и Прибалтике. Он попытался доказать наличие связи между мировоззренческим обучением, которое проходило в орпо[1] в конце 1942 года на востоке Верхней Силезии, и обучением немецкой полиции накануне Второй мировой войны. Обнаруженные факты и свидетельства позволили ему говорить о том, что каратели в большинстве своем были «идейными преступниками».

Если обратиться к статистике, то только за 1937 год специалисты РуСХА смогли в той или иной степени обработать около 400 тысяч человек: офицеров СС, рядовых эсэсовцев, полицейских, слу-

[1] **Орпо** (Ordnungspolizei) — полиция порядка. Регулярная полиция, которая существовала в нацистской Германии наряду с **зипо** (Sicherheitspolizei), полицией безопасности. — *Прим. ред.*

жащих СД, служащих частей «Тотенкопф», студентов из «мужских домов», учащихся юнкерских школ СС.

В 1937—1938 годах вокруг концепции и содержания обучения эсэсовцев и полицейских развернулась форменная дискуссия, в которой одну сторону представлял Генрих Гиммлер, а другую — начальник учебного управления РуСХА штандартенфюрер СС Цезарь. В то время как Цезарь настаивал на способствовании «поглощению знаний» и формировании четкой идеологической основы, рейхсфюрер СС считал, что обучение не должно быть перегружено академическими сведениями, больше напоминая обширные обзоры по заданной теме. По этому поводу он заявлял: «Материал, преподносимый нашим подразделениям, должен быть почерпнут из различных областей жизни, то есть речь должна идти об увлекательных рассказах по географии, истории, расовому учению и расовой гигиене, в том числе незамысловатые повествования о наших противниках: масонстве, католицизме и т.д.».

В силу того что программа обучения была слишком обширной, Генрих Гиммлер в августе 1938 года вывел учебное управление из состава РуСХА, сделав его самостоятельным структурным подразделением. В данном случае ситуация была иной, нежели с «Аненербе» и «мужскими домами СС». При реорганизации РуСХА его покинули все сотрудники учебного управления. В августе 1938 года в учебном управлении числился 31 штатный сотрудник, в том числе 12 офицеров СС. У них в подчинении находилось около 430 руководителей курсов, которые осуществляли свою деятельность на общественных началах, а также 21 штатный руководитель курса. Штатные сотрудники учебного управления в сентябре 1938 года были переведены на службу в Главное управление СС, а общественные лекторы были зачислены в штаб соответствующего оберабшнитта СС. Вместе с сотрудниками в ведение Главного управления СС перешли школа в Грюнвальде (Берлин) и журнал «Направляющие тетради СС».

В этой связи в литературе делается вывод о том, что между Гиммлером и Цезарем существовали принципиальные противоречия. Мол, именно по этой причине управление обучения было вычленено из РуСХА, а позже сам Дарре был снят с должности начальника Главного управления по вопросам расы и поселений. Одним из предполагаемых поводов для конфликта называлась «интеллектуальность» Цезаря, за которую Гиммлер подвергал его острой критике. Подробности разрыва отношений между Дарре и Гиммлером

Заполнение необходимых документов в одной из структур РуСХА

мы раскроем позже. Впрочем, источники указывают на то, что изменение структуры РуСХА вовсе не означало снижения статуса этого эсэсовского управления. К тому же конфликт между Гиммлером и Цезарем носил частный, а вовсе не идеологический характер. Поводом для него послужило сложное финансовое положение, в котором пребывали СС, что, само собой разумеется, тут же сказалось на работе Главного управления по вопросам расы и поселений. Даже несмотря на финансовое содействие дисциплинарной полиции, казна РуСХА почти всегда оставалась пустой. По сути, деньги выделялись только на издание «Направляющих тетрадей» и зарплату штатных сотрудников. Когда в 1938 году Имперский министр финансов не увеличил финансирование РуСХА, обширная «образовательная программа СС» оказалась под угрозой срыва. Конфликт вышел наружу. Освальд Поль, шеф Административного управления СС, решил исправить эту ситуацию. Он выступил с инициативой об изменении структуры РуСХА и выделении учебного управления. В самóм же РуСХА эту инициативу не только не оценивали как ущерб, а, напротив, были рады ей. Избавление от идеологического обучения было реальным шансом сосредоточиться на работе по

формированию расовой идеологии СС. Шеф штаба РуСХА Георг Эбрехт сам ходатайствовал за выделение обучения. Он обосновывал эту просьбу тем, что избавление от этой обузы могло позволить сконцентрироваться на научном обосновании расового отбора и его практическом осуществлении. Не стоило забывать, что в подвешенном состоянии оказался проект «крестьянских поселений», который надо было срочно реализовывать.

В то же время Гиммлер задумал превратить РуСХА в «геральдическое управление», но Эбрехт отстоял прежний функционал РуСХА, в который кроме расовых и поселенческих вопросов надо было включить сферу «родового попечения». В любом случае, избавление от учебного направления только способствовало этим начинаниям.

Можно уверенно говорить о том, что 1938 год стал переломным для РуСХА. После того как Главное управление по вопросам расы и поселений утратило контроль над «германскими исследованиями» (которые перешли «Наследию предков») и учебным управлением, расовые эксперты предпочли уделять больше внимания сфере «родового попечения», которое являлось производной от изначальных направлений: расы и поселений. Основа для этой работы была заложена еще в 1935 году, когда было создано общество «Источник жизни» («Лебенсборн»), а также можно было наблюдать активизацию расово-политической работы в эсэсовских частях.

«РОДОВОЕ СООБЩЕСТВО СС»: «ЛЕБЕНСБОРН» И «ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ СС»

Еще в своем «Приказе о помолвке и бракосочетании», который датировался 1931 годом, Генрих Гиммлер говорил о конечной цели СС — формировании наследственно здорового, полноценного рода немецкого, нордического типа. Осуществляя эту цель, расовые эксперты СС предприняли множество шагов, в том числе создали общество «Источник жизни» и «попечительские учреждения СС», которые стали двумя важнейшими структурами в рамках родовой деятельности СС. Оба они должны были, с одной стороны, служить «расовому оздоровлению общества», производству истинно арийского потомства, а с другой — должны были обслуживать эсэсовцев и их семьи.

В конце 1935 года, почти сразу же после появления на свет «Аненербе», в рамках РуСХА возникло еще одно общество, которое на-

зывалось «Лебенсборн» («Источник жизни»). В силу того что возникновение «Лебенсборна» было результатом личного пожелания рейхсфюрера СС, задачи, поставленные перед «Источником жизни», были достаточно конкретными. Оно должно было прежде всего содействовать повышению рождаемости в Германии, причем речь шла о появлении на свет исключительного с расовой точки зрения потомства. Взгляд Гиммлера обратился в первую очередь на арийско-нордических матерей-одиночек. Рейхсфюрер уже давно был озабочен проблемой демографического спада, который наблюдался в Германии в 20 — начале 30-х годов. Он опасался, что эта тенденция продлится и в Третьем рейхе, что приведет к ослаблению «нордической крови». К 1935 году он решил в корне изменить сложившуюся ситуацию. Прежде всего, он намеревался противодействовать абортам и помогать матерям-одиночкам, естественно, если те могли произвести на свет «расово ценное потомство». В итоге в 1937—1938 годах в речах рейхсфюрера СС появился постоянный речевой оборот: «забота о повышении рождаемости в эсэсовских семьях».

Но вернемся к «Лебенсборну». В Уставе «Источника жизни», принятом 12 декабря 1935 года, были провозглашены следующие задачи, стоявшие перед этой организацией:

1. Поддержка многодетных семей, представляющих интерес с расовой и наследственно-биологической точки зрения.

2. Забота о ценных с расовой и наследственно-биологической точки зрения одиноких матерях, которая должна осуществляться после тщательной проверки Главным управлением по вопросам расы и поселений семьи будущей матери и семьи отца-производителя. Это должно гарантировать появление на свет расово ценных детей.

3. Забота об этих детях.

4. Забота о матерях этих детей.

Сам Гиммлер видел в «Лебенсборне» логичное продолжение «Приказа о помолвке и бракосочетании». Если этот приказ гарантировал, что эсэсовцы будут заключать браки с арийскими супругами, у которых будут появляться здоровые арийские дети, то «Источник жизни» должен был помочь эсэсовскими семьям, по тем или иным причинам оставшимся бездетными, усыновить расово ценных детей. Одновременно с этим «Лебенсборн» должен был опекать одиноких матерей и их нордических деток. 13 сентября 1936 года Гиммлер и вовсе заявил, что членство в «Источнике жизни» является долгом каждого эсэсовского руководителя.

Нацистская пропаганда призывала немок хранить свою кровь в чистоте

Попадание в «Лебенсборн» было связано с множеством льгот: материальная поддержка, возможность сохранения тайны рождения ребенка, длительное пребывание в одном из заведений «Источника жизни», трудоустройство матерей, а также организация в перспективе специальных детских садов для работающих матерей. Реализация данной программы автоматически создала для СС ряд идеологических неприятностей. Прежде всего, это было связано с популяризацией идеи рождения детей вне брака. Сама идея «Лебенсборна» опиралась на тезис Гиммлера о «родовой общности», которая, в свою очередь, опиралась на мысль о расово полноценном потомстве, расовых обязанностях эсэсовцев, состоящих в браке, но отнюдь не о традиционных моральных установках и уж тем более не о возможности свободных отношений в супружеской жизни. Расовые идеологи РуСХА, обходя эти скользкие темы, предпочитали говорить о «расово-биологическом значении потомства»: «То, что именно охранные отряды в своей работе исходят из расовой и наследственно-биологической ценности многодетных семей, опирается на мысль о родовой общности. Это относится и к добрачным, и внебрачным детям, которые, в случае своей расовой и биологической полноценности, должны в полной мере опекаться национал-социалистским государством».

В одной этой фразе наличествовали две отличительные черты этнической и демографической политики СС. Если речь шла о «желательном приросте населения», то это были расовый отбор и увеличение рождаемости. Идеологам и практикам из РуСХА вменялось в обязанность проводить расово-антропологическую экспертизу будущих матерей и отцов детей, которые должны были появиться на свет в «Лебенсборне». Те же специалисты должны были проводить идеологическое обучение родителей.

В РуСХА возлагали большие надежды на «Лебенсборн». По этой причине уже в начале 1936 года в родовом управлении был подобран соответствующий персонал, из которого была создана первая структура «Источника жизни». В 1936 году руководство «Источника жизни» состояло из авторитетных работников Главного управления по вопросам расы и поселений. Шеф родового управления оберфюрер СС барон Бернд фон Канне занял пост председателя общества. В роли его заместителя выступили сотрудники того же управления — оберштурмфюрер СС Гайдн, который занимался в этом обществе консультациями по вопросам брака и так называемых «домов матери» и «детских домов». Оберфюрер СС Гюнтер Пфлаум, являвшийся начальником штаба родового управления, был назначен коммерческим директором и официальным руководителем «Источника жизни».

В «Лебенсборн» могли попасть только расово ценные девушки и женщины

1 января 1938 года, после двухлетнего контроля со стороны родового управления РуСХА, «Лебенсборн» был превращен в самостоятельную структуру и в качестве таковой введен в состав персонального штаба рейхсфюрера СС. Здесь можно провести очевидные параллели с «Аненербе», которое прошло почти тот же самый путь. Это сходство усиливается, если учесть тот факт, что Генрих Гиммлер стал председателем «Источника жизни», одновременно возглавив правление общества. В правлении кроме самого Гиммлера оказались: руководитель штаба РуСХА оберфюрер СС Эбрехт, отвечавший за мировоззренческую деятельность; шеф административного управления группенфюрер СС Освальд Поль, занимавшийся организационными вопросами; штандартенфюрер СС Дермитцель, который курировал медицинскую сферу деятельности «Лебенсборна». Недолгое время в правлении находились Эбрехт и Дарре, но в 1939 году их заменили новым шефом РуСХА группенфюрером СС Гюнтером Панке и имперским врачом бригаденфюрером Гравицем. Подобная реорганизация фактически не коснулась Гюнтера Пфлаума,

Гюнтер Панке, сменивший на посту шефа РуСХА В. Дарре

который остался на должности коммерческого директора. Реорганизация привела к тому, что центр «Лебенсборна» был перенесен из немецкой столицы в Мюнхен, что обеспечило близость правления к первому филиалу общества Штайнхёринг-Хохланд. В итоге все эти изменения были закреплены в Уставе, в преамбуле которого говорилось, что общество «Источник жизни» признавало свою ответственность за производство элитной молодежи, которая должна была быть использована для создания «новой аристократии».

Подобная перестановка фактически никак не отразилась на деятельности РуСХА в целом. Дело ограничилось тем, что некоторые из сотрудников Главного управления по вопросам расы и поселений были переведены в штат персонального штаба рейхсфюрера СС. Но это никак не повлияло на работу по расовому отбору, так как даже мировоззренческое воспитание персонала «Лебенсборна» и матерей, оказавшихся в «Источнике жизни», было поручено специалистам РуСХА. Накануне превращения «Источника жизни» в самостоятельную организацию Гиммлер лично подтвердил тот факт, что родовое управление РуСХА, как и ранее, будет осуществлять над «Лебенсборном» мировоззренческий контроль, а директивы, родившиеся в недрах Главного управления по вопросам расы и поселений, будут обязательными для «Источника жизни». В годы войны начальник РуСХА являлся, кроме всего прочего, куратором «Источника жизни», контролировавшим программы обучения. На оккупированных территориях эту функцию выполняли местные представители РуСХА. Летом 1942 года руководитель Главного управления по вопросам расы и поселений Отто Хоффман информировал начальника Главного управления СС Готлиба Бергера о результатах мировоззренче-

ского воспитания, которое осуществлялось в рамках «Лебенсборна». В нем Хоффман заявлял, что он намерен и далее сохранять мировоззренческое обучение в «Источнике жизни», так как «Лебенсборн» как самостоятельная структура имеет самое непосредственное отношение к РуСХА. Наряду с этим шеф РуСХА в силу своего членства в правлении «Лебенсборна» имел прекрасную возможность контролировать всю работу этого общества, а также оказывать на нее существенное влияние.

«Лебенсборн»

До начала Второй мировой войны общество «Источник жизни» росло как на дрожжах. Это выражалось в двояком процессе. С одной стороны, непрерывно увеличивалось количество эсэсовских офицеров, которые привлекались к сотрудничеству с «Лебенсборном», с другой стороны — постоянно увеличивалось количество матерей, которые намеревались рожать в его филиалах. Филиалы, известные под названием «Дом Лебенсборна», создавались по всей Германии. Они являли собой нечто среднее между родильным домом и детским садом. После того как летом 1936 года в Баварии возник первый «Дом Лебенсборна», в нем почти сразу же было оборудовано 30 мест для будущих матерей и 55 мест для их детей. В 1938 году в Германии уже насчитывалось пять «домов», в 1939 году «Дом Лебенсборна» возник в Австрии. К началу Второй мировой войны «Источник жизни» обладал ресурсами, чтобы разместить 263 женщины и 487 детей. Почти сразу же с началом боевых действий «Лебенсборн» стал распространять свою деятельность на оккупированные территории. Общество ставило себе в обязанность проводить политику германизации во Франции, Бельгии, Нидерландах и Норвегии. Кроме этого, оно активно занималось «этнической политикой» в Восточной Европе, прежде всего в завоеванной Польше и на отдельных оккупированных территориях СССР. Однако высокопарные надежды Гиммлера о ежегодном предотвращении 100 тысяч абортов при помощи «Лебенсборна» не могли осуществиться на практике. По статистике, до конца войны в

«Домах Лебенсборна» на свет появилось около 7—8 тысяч малышей, из них 5 тысяч были внебрачными.

Таким образом, можно говорить, что «Источник жизни» был лишь инструментом расовой политики, которая проводилась в жизнь экспертами РуСХА, хорошо знакомыми с расовым отбором. Часто слова об исключительных мерах по заботе о матерях-одиночках были лишь «кремом», который прикрывал сугубо идеологический «пирог». Именно эта фразеология ввела в заблуждение судей на Нюрнбергском процессе, которые расценили «Лебенсборн» как благотворительную организацию.

Вместе с тем не стоит подразумевать, что «Источник жизни» базировался на воспитательных проектах, как часто говорилось сразу же после окончания Второй мировой войны. Его этнополитические и расовые установки выходили далеко за рамки заботы об одиноких матерях. В «Лебенсборн» могли попасть не все нуждающиеся в уходе, а только «расово высококачественные» матери и их дети. В частности, в этом можно было убедиться во время войны, когда эсэсовское общество распространило свою деятельность на территорию Западной и Восточной Европы, где сотрудники «Источника жизни» занимались не только расовым отбором, но и онемечиванием детей.

Если говорить о практике попадания в «Лебенсборн», то будущая мать, желающая оказаться в одном из «Домов «Источника жизни», должна была пройти проверку, которая весьма напоминала расовый отбор претендентов на вступление в СС. К тому же она должна была подать целую кипу документов: родословную, лист наследственного здоровья, медицинскую карту, личную анкету и рукописную биографию, к которой прикладывалось несколько фотографий заявительницы. Под присягой она должна была рассказать об отце своего будущего ребенка. Мужчина, названный в качестве отца, должен был также предоставить подобные документы. Некоторые исследователи «Лебенсборна», в частности Георг Лиленталь, ошибочно полагают, что расовая и наследственная проверка будущих матерей, претендующих на попадание в «Лебенсборн», сначала проводилась персоналом «Источника жизни», затем эсэсовскими врачами и лишь после этого руководителями «дома». Эта схема верна для медицинского обследования, но не для отбора по расовым критериям, который до 1938 года осуществлялся исключительно сотрудниками РуСХА. В 1941 году этот функционал был передан лицам, специально уполномоченным осуществлять проверки от имени Главного управления по вопросам расы и поселений. Нет точных

Виды одного из домов «Лебенсборна»

сведений, как осуществлялась проверка в течение трех лет, то есть между 1938 и 1941 годом. Имеющиеся данные носят во многом противоречивый характер. Известно, что именно в это время руководство «Лебенсборна» подвергалось острой критике со стороны Генриха Гиммлера, который считал, что тот небрежно относится к своим обязанностям. Об этом говорится также в телеграмме шефа РуСХА Отто Хоффмана, которая была направлена в Осло 29 июля 1941 года. В ней сообщалось, что необходимо в кратчайшие сроки систематизировать работу по отбору в «Лебенсборн» будущих норвежских матерей.

Кстати, у Гиммлера было более чем достаточно поводов для критики «Лебенсборна», где в 1939—1940 годах занимались фактическими фальсификациями. Следуя требованию рейхсфюрера СС о непрерывном увеличении количества матерей, оказавшихся в «Лебенсборне», сотрудники «Источника жизни» принимали фактически всех желающих немок, которые внешне соответствовали расовым критериям. В те годы таковых было около 75%, то есть ни о каком строгом расовом отборе и речи не шло. Чтобы скрыть это, «Источник жизни» предоставлял Гиммлеру фальшивую статистику.

Но вернемся к практике отбора в «Лебенсборн». Предполагалось, что «наследственное здоровье» и «расовая полноценность» отца и матери будут гарантом появления на свет такого же потомства. Именно эти факторы должны были иметь, по замыслу Гиммлера, определяющее значение при приеме в «дома «Источника жизни». После родов проводилась вторая расовая экспертиза женщины и ее ребенка. Для этого в 1938 году была разработана специальная РФ-анкета (анкета рейхсфюрера), которая должна была заполняться местными сотрудниками «Лебенсборна». В этом документе речь должна была идти о внешних расовых признаках матери, а также о мировоззренческой подготовке матери. РФ-анкета должна была дать ответ на вопрос: соответствовала ли мать ребенка с «расовой и мировоззренческой точки зрения, а также в силу своих личных склонностей принципу отбора, применяемому в СС». В «Источнике жизни» матери и ее ребенку ставились расовые отметки, а затем рейхсфюрер СС лично решал, достойны ли мать и предполагаемый отец в будущем производить на свет детей в «Лебенсборне». Сам список вопросов, напечатанных в РФ-анкете, нес на себе очевидный отпечаток влияния экспертов из РуСХА. В этом нет ничего удивительного, ведь референты Главного управления по вопросам расы и поселений были сотрудниками «Лебенсборна». В нем они не

только претворяли в жизнь принципы расового отбора, но и способствовали идеологическому обучению будущих матерей. В качестве примера подобной деятельности можно привести письмо РуС-руководителя оберабшнитта «Северо-Восток» оберштурмфюрера СС Толе, которое было написано 19 сентября 1938 года. В нем речь шла о плане курсов обучения, которые должны были читаться в филиале «Источника жизни» Хоехорст-Фрисланд. Толе планировал 14-дневный лекционный цикл, который состоял из занятий по следующим темам: «Немецкий народ и его расовый состав», «Расовые враги», «Вопросы национал-социалистского мировоззрения», «Законы наследственности», а также «Основные принципы СС».

Вход в дом «Лебенсборна» «Хоехорст»

Упоминавшаяся выше вторая, внутренняя, сугубо эсэсовская проверка при помощи РФ-анкет была отличительной чертой «Лебенсборна». Она осуществлялась по двум причинам: с одной стороны, необходимо было проверить расовую полноценность только что родившегося ребенка (не исключалось, что мать ввела в заблуждение сотрудников «Лебенсборна» относительно отца ребенка), а с другой стороны, эксперты РуСХА хотели подстраховаться, ведь, с их точки зрения, в «Источнике жизни» работали «дилетанты». Ну и, само собой разумеется, Генрих Гиммлер и главный врач «Лебенсборна» Грегор Эбнер придавали большое значение теоретическому обучению «посетительниц» «Источника жизни». В итоге заключительная расовая оценка, которая ставилась в «Лебенсборне», и решение, принимаемое лично рейхсфюрером СС, имели большое значение и для матери, и для отца, но в первую очередь для ребенка. В случае неудовлетворительной оценки женщине навсегда отказывали в возможности занимать в «Лебенсборне» даже такие незначительные должности, как санитарка или канцелярский работник (трудоустройство в «Лебенсборне» после родов было одной из при-

влекательных сторон этого проекта для матерей-одиночек). В отдельных случаях ей могли сообщить, что она в будущем являлась нежелательной для производства эсэсовских детей. В случае расовой непригодности женщины отцу автоматически отказывали в возможности сочетаться с ней браком. И, наконец, если обнаруживалось, что ребенок страдал «наследственными болезнями», то его удаляли из «Лебенсборна», а в отдельных, наиболее тяжелых случаях их могли направлять в один из центров эвтаназии, которые располагались в окрестностях Бранденбурга и Вены.

Как показала практика, «Приказа о помолвке и бракосочетании» и «Лебенсборна» оказалось явно недостаточно для того чтобы подвигнуть эсэсовцев к созданию «расово высококачественных» многодетных семей. Эсэсовцы подчас просто пугались предельно сложной процедуры получения разрешения на вступление в брак. Руководство штаба РуСХА видело причину этой плачевной ситуации в том, что эсэсовцы были неосведомленными в вопросах заключения брака. По этой причине специалисты из РуСХА придумали новый план. Они решили использовать эсэсовские оберабшнитты для того, чтобы при каждом штандарте СС создать так называемые «попечительские учреждения». Их задача состояла в том, чтобы прямо по месту службы опекать эсэсовские семьи, что предполагало не только материальное обеспечение, практическую помощь в составлении родословных, но и идеологическое обучение.

Генрих Гиммлер, который требовал от своих подчиненных непосредственного и сиюминутного исполнения его «Приказа о помолвке и бракосочетании», не мог сквозь пальцы смотреть на «наглое игнорирование его распоряжений». 13 августа 1937 года своим приказом он повелел создать при каждом штандарте альгемайне СС «попечительские учреждения». Забегая вперед, скажу, что эти учреждения сохранялись даже во время войны. Более того, они получили широкое распространение — они возникали, например, в полицейских частях и при формированиях ваффен-СС. «Попечительские учреждения СС» должны были заниматься всеми вопросами, которые были так или иначе связаны с семейной жизнью эсэсовцев, а точнее, ее родовыми аспектами. Поначалу они состояли из четырех человек, а именно руководителя, который одновременно являлся командующим штандарта, штатного референта (присылался из РуСХА), врача, который работал на общественных началах, а также секретаря или машинистки. После соответствующего обучения референтов и врачей в недрах РуСХА в начале 1938 года первые «по-

печительские учреждения СС» начали свою работу. Они занимались преимущественно тем, что содействовали эсэсовцам в получении разрешения на вступление в брак. Кроме того, совместно с «Лебенсборном» они занимались материальным обеспечением семей эсэсовцев, где только что на свет появились дети.

Идеальная немецкая семья должна была воспитывать четверых детей

Шеф родового управления оберфюрер СС Гётт по своей служебной инструкции, датированной 30 марта 1938 года, уточнял, что «попечительские учреждения СС служили тому, чтобы проводить в жизнь задания руководства охранных отрядов в области наследственного и расового надзора, а также в сфере демографической политики». Официально же главной задачей значилось способствование обработке большого количества брачных заявлений. Материальное обеспечение вначале сводилось к предоставлению ссуд, но начиная с 1942 года в эту сферу попадало полное материальное обеспечение семей погибших эсэсовцев.

Весной 1938 года в Германии насчитывалось уже 35 «попечительских учреждений СС». Поначалу референты РуСХА ежемесячно направляли их отчеты вышестоящему начальству. Руководство Главного управления по вопросам расы и поселений хотело обладать полной информацией о трудностях, которые мешали служащим СС вступать в брак. Руководитель «попечительского учреждения» в 69-м штандарте СС (Хаген) в сентябре 1938 года сообщал в Берлин следующее: «Можно с уверенностью говорить, что почти 60% браков, заключенных в СС, не соответствуют принципам расового отбора. Среди прочего требуется доскональное обучение служащих СС. Так как до сих пор в полной мере не было раскрыто значение выбора супруги эсэсовцем, и речи быть не может о следовании принципам расового отбора. В дальнейшем было бы целесообразно стремиться к тому, чтобы служебные помещения СС были

Скульптура, воспевающая материнство, в одном из домов «Лебенсборна»

Гюнтер Панке

украшены изображениями прекрасных женщин и девушек, которые соответствуют идеалам расовой красоты».

Подобное положение дел вызвало беспокойство не только у специалистов РуСХА, но и у самого Гиммлера. Именно поэтому рейхсфюрер СС решил, что «попечительские учреждения» являются жизненно необходимыми. Утешением ему служил тот факт, что далеко не все сообщения носили столь пессимистичный характер. Например, из Франкфурта-на-Майне ему сигнализировали об успехах. В своем докладе гауптштурмфюрер СС Лутц Форнбергер сообщал следующее: «При обработке заявлений выявлено, что попечительские учреждения являются востребованными. В каждом отдельном случае мы получаем выражения признательности и благодарности. Существовавшее поначалу недоверие полностью устранено, нам удалось преодолеть стереотип, что подача брачного заявления влечет за собой длительные процедуры».

Сменивший Вальтера Дарре на посту начальника Главного управления по вопросам расы и поселений Гюнтер Панке сразу же увидел «исключительные возможности, которыми обладали попечительские учреждения». Он сразу же стал вынашивать план по их расширению. Пер-

вым его замыслом стало доведение количества «попечительских учреждений СС» до пятидесяти. Однако этот прожект ударил по самому РуСХА. Гиммлер обязал реализовать это начинание имеющимися у РуСХА средствами — в 1938 году СС испытывали явную нехватку финансовых ресурсов. После того как в 1937 году министерство финансов отклонило просьбу имперского министра внутренних дел о двукратном повышении «имперских пособий» для «наследственного и расового надзора» (с 800 тысяч рейхсмарок до 1700 тысяч), РуСХА могло надеяться только на чудо. В итоге новому шефу РуСХА пришлось выбирать между «попечительскими учреждениями СС» и учебными курсами, читаемыми в полиции и частях СС. Можно говорить, что здесь столкнулись теоретические разработки и практическое применение. Обе эти сферы требовали значительных финансовых затрат. Как мы уже знаем, руководство РуСХА предпочло избавиться от учебного сектора.

ОПАЛА ВАЛЬТЕРА ДАРРЕ

1938 год для РуСХА во многом стал переломным. Это было связано прежде всего с тем, что Вальтер Дарре был снят Гиммлером с должности начальника Главного управления по вопросам расы и поселений. Новым шефом РуСХА был назначен начальник штаба оберабшнитта «Северо-Запад» группенфюрер СС Гюнтер Панке. Он был кадровым офицером, ветераном Первой мировой войны, предводителем одного из добровольческих корпусов. Гюнтер Панке являл собой тип эсэсовского руководителя, который происходил из среды «старых борцов». Такие люди обычно с презрением относились к теоретикам, к числу которых многие относили Вальтера Дарре. Несмотря на боевое прошлое, Панке обладал определенным животноводческим опытом, так как в свое время работал в сельском хозяйстве. В годы затяжного кризиса, в котором пребывала Веймарская республика, он пробовал себя в роли животновода в Южной Америке.

До сих пор существует множество версий, почему Дарре поссорился с давнишним приятелем Генрихом Гиммлером. Однако истинные причины изменений в руководстве РуСХА выходят далеко за рамки этого межличностного конфликта. Сразу же надо подчеркнуть, что Дарре с первых дней нацистской диктатуры считал себя в первую очередь Имперским руководителем крестьян и Имперским

Вальтер Дарре накануне своей опалы

министром продовольствия, рассматривая должность начальника Главного управления СС по вопросам расы и поселений как некую дополнительную нагрузку. Одновременно с этим в 1938 году РуСХА претерпело множество реорганизаций. В самостоятельные структуры превратились «Наследие предков», «Источник жизни», «попечительские учреждения СС», учебное управление. В свете этих перестановок Гиммлер, Освальд Поль, да и само руководство штаба РуСХА делали ставку на прикладную сферу родовых отношений, которые они проецировали на оберабшнитты и штандарты СС. При этом роль Дарре как практика ставилась под сомнение. Постепенно он утрачивал свою роль и как ведущий идеолог СС. В частном письме, адресованном Гиммлеру, он подтверждал, что сохраняет за собой пост начальника Главного управления по вопросам расы и поселений, так как намеревается развивать идеологию «нового ордена». Но его не интересовала практическая реализация этих идей. В концовке своего письма Вальтер Дарре предлагал остаться личным консультантом Гиммлера, но не видел смысла в своем дальнейшем руководстве РуСХА, так как то претерпело значительные изменения. Дарре как Имперский руководитель крестьян очень болезненно реагировал на изменения, которые происходили в целом в СС. Он не мог смириться с тем, что охранные отряды последовательно отбирали функции и задачи его гражданских структур. Только этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что Дарре решился на ссору с Генрихом Гиммлером. Он наивно полагал, что мог бы сохранить идеологический контроль над РуСХА и даже всеми СС. Несколько недель спустя после офи-

циального ухода[1] с поста начальника Главного управления по вопросам расы и поселений Дарре обратился к новому шефу РуСХА с просьбой проводить параллельно обучение работников расового ведомства СС и Имперского продовольственного кабинета. Ему не отказали. Напротив, в 1939 году эти обе структуры тесно сотрудничали на территориях Богемии и Моравии, которые были присоединены к Третьему рейху. Но речь шла не об идеологической работе, а об организации сельских поселений. В итоге сотрудничество превратилось в конкуренцию, что было весьма распространенным явлением в нацистской Германии (взять хотя бы те же «Аненербе» и РуСХА).

О перемене персонала в РуСХА Гиммлер в ноябре 1937 года говорил следующее: «Главное управление по вопросам расы и поселений по времени своего возникновения было одной из старейших эсэсовских структур, и во многом именно по этой причине оно оказалось в сложнейших условиях, так как ему приходилось заниматься совершенно новой работой, закладывать фундамент. Поначалу можно было допустить, чтобы создание этого Главного управления СС проходило под руководством Имперского руководителя крестьян обергруппенфюрера СС Вальтера Дарре, а само управление создавалось из приближенных к нему сотрудников Имперского продовольственного комитета и Имперского министерства продовольствия. Но со временем в РуСХА подросло новое поколение сотрудников». Действительно, Рихард Вальтер Дарре при создании Главного управления по вопросам расы и поселений пытался укомплектовать его своими сотрудниками и аграрными специалистами из Имперского продовольственного комитета. Подобный симбиоз подтверждался набросками по структуре РуСХА, когда оно только создавалось, и отчетами о деятельности некоторых отделов. Так, например, унтерштурмфюрер СС Бабель, руководитель отдела «благонравия» расового управления, сообщал в штаб РуСХА, что все сотрудники его отдела были взяты из Имперского продовольственного комитета, так как «они хотели не только строго следовать агарной линии, но оказывать влияние на СС в целом».

---

[1] Официально Вальтер Дарре оставил свой пост 12 сентября 1938 года. Однако от реального руководства Главным Управлением по вопросам расы и поселений он отстранился в еще в начале 1938 года. Первая просьба об отставке была датирована 8 февраля, а упоминавшееся письмо, адресованное Гиммлеру, — 6 июля 1938 года.

Приблизительно в одно и то же время с Дарре с горизонта исчезли еще две видные фигуры, которые играли в Главном управлении по вопросам расы и поселений далеко не последнюю роль. Речь идет о начальнике штаба и уполномоченном по работе с оберабшниттами СС Георге Эбрехте, который к тому моменту был в звании оберфюрера СС, и начальнике расового управления бригаденфюрере СС Германе Райшле. Официально Эбрехт покинул РуСХА 30 июня 1938 года. Он, с 1937 года занимавший пост шефа штаба РуСХА, казалось, подходил для этого поста как никто другой. В кратчайшие сроки он вместе с Освальдом Полем провел реорганизацию Главного управления по вопросам расы и поселений, которое должно было действовать на более рациональных основах. Его уход из РуСХА был связан с нервным истощением, а вовсе не с какой-то солидарностью с Вальтером Дарре. Его дальнейшая карьера в СС стала развиваться в годы Второй мировой войны, когда он являлся командующим различных эсэсовских частей и формирований. Свой карьерный рост он закончил на посту командующего оберабшниттом «Северо-Восток». Работа в РуСХА еще раз убедила Эбрехта в необходимости культивирования боевых качеств политических солдат (так иногда называли эсэсовцев). Райшле хотел покинуть РуСХА в тот же самый день, что и Вальтер Дарре. Ему было предложено хорошее место в персональном штабе рейхсфюрера СС. Но его просьба была удовлетворена не сразу. Со временем Райшле оказался в составе Аграрно-политического аппарата, в котором занимался поселенческими и расово-политическими вопросами. Например, в мае 1939 года на учебе эсэсовских офицеров, которая происходила в замке Фогельзанг[1], он читал доклад о формировании «нового немецкого крестьянства». Главным тезисом доклада был пример Богемии и Моравии как нового жизненного пространства, на котором создавалась новая каста.

Как мы видим, оба функционера, покинувших по тем или иным причинам РуСХА, были близкими друзьями Дарре. Кроме того, Райшле еще до назначения в Главное управление СС по вопросам расы и поселений был сотрудником Аграрно-политического аппарата. После выхода из РуСХА он еще долгое время оставался имперским уполномоченным по реализации аграрной политики. Оба этих человека, их биографии и карьера, обнаруживают много того, что в определенной степени можно считать типичными признаками эсэ-

[1] Один из так называемых орденсбургов.

совских офицеров «старого типа». Оба родились накануне наступления XX века, оба воевали на фронтах Первой мировой войны, оба были активистами добровольческих корпусов, а затем оба состояли в радикальных националистических союзах. Эбрехт в годы существования Веймарской республики некоторое время провел в Азии и Африке, где пытался стать колонистом. По возвращении в Германию он тут же присоединяется к СС. Он делился своим «колониальным» опытом с Гюнтером Панке и Рихардом Хильдебрандтом, которые позже сделали стремительную карьеру в РуСХА[1]. Кстати, биографии у всех были весьма схожие. Другие, как Герман Райшле, после окончания боев все-таки закончили свое обучение, присоединились к нацистской партии, а лишь затем оказались в СС.

Вальтер Дарре проявлял немалые административные «аппетиты»

Тот факт, что вслед за Дарре РуСХА покинули Эбрехт и Райшле, мог указать на значительные перестановки в рамках Главного управления по вопросам расы и поселений. А именно, «старое поколение» эсэсовцев, прошедших через Первую войну и фёлькише-союзы, сменялось молодым поколением прагматичных карьеристов. Впрочем, это был не тотальный процесс, очень многие «старые» сотрудники еще долго занимали свои места в РуСХА после ухода Дарре, Эбрехта и Райшле. Приведу несколько примеров. К таковым можно было бы отнести шефа управления поселений Курта фон Готтберга, начальника родового управления доктора Артура Гётта, а также Иоахима Цезаря, который ведал в РуСХА учебными и образовательными программами. С другой стороны, нельзя было не заме-

[1] Гюнтер Панке, возглавлявший РуСХА в 1938—1940 годах, ранее в течение семи лет (1920—1927) был сельскохозяйственным работником в Чили и Аргентине. Рихард Хильдебрандт, шеф РуСХА в 1943—1945 годы, в 1928 году уехал в Америку, где пытался стать фермером.

Курт фон Готтберг

тить, что Главное управление СС по вопросам расы и поселений с началом войны стало пополняться неимоверным количеством молодых сотрудников. В этом процессе особую роль играли расовые референты, действовавшие при эсэсовских штандартах и оберабшнитах, которые с апреля 1937 года стали называться РуС-руководителями.

Реальной элитой РуСХА после реорганизации 1938 года стали РуС-руководители, начальство «попечительских учреждений СС», а также молодые начальники управлений и отделов Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Каждый из существовавших на тот момент тринадцати РуС-руководителей располагал штатом приблизительно из пяти сотрудников: 2—3 референта, секретарь и водитель. Именно в 1938 году за РуС-руководителями СС была окончательно закреплена функция по мировоззренческому обучению эсэсовцев и расовому отбору в СС. РуС-руководитель оберабшнитта «Северо-Восток» штандартенфюрер СС Якобсен так понимал свои задачи: «Мы являемся теми людьми, которые должны обосновывать взгляды на существующие человеческие виды». Он полагал, что именно по этой причине в РуСХА наличествовало большое количество фермеров, агрономов, селекционеров, деятелей искусства и бывших офицеров. Если говорить о функциональном изменении, то в первой служебной инструкции, которая датировалась началом 1935 года, расовые референты, проводящие расовое освидетельствование и идеологическое обучение, являлись служащими соответствующего оберабшнитта СС. Регламент же РуСХА, принятый 1 апреля 1937 года, описывал РуС-руководителей как некое подобие филиалов Главного управления СС по вопросам расы и поселений, которые существовали в эсэсовских частях. Именно в рамках этих «филиалов» осуществлялась координация деятельности руководителей учебных курсов и крестьянских

референтов СС. В 1938 году руководители учебных курсов СС окончательно перешли под контроль РуС-руководителей. Первым результатом подобных перестановок стала предпринятая в мае 1938 года проверка на профессиональную пригодность 485 руководителей учебных курсов СС. Ее результаты были неутешительными: 172 руководителя были признаны пригодными для проведения идеологических занятий, 158 — частично пригодными, 155 — полностью непригодными. Даже после того, как управление было выведено из состава РуСХА, РуС-руководители оставались формально ответственными за проведение мировоззренческих занятий.

РуС-руководители должны были заниматься не только обучением эсэсовцев и расовым отбором. Они должны были следить за выполнением «Приказа о бракосочетании», а также ведать «родовым попечительством СС». Но несравнимо большие задания они получили после расширения Третьего рейха в 1938 году. После присоединения к рейху Австрии, Судетской области, Богемии и Моравии они должны были заложить основу для массового расового освидетельствования жителей этих территорий, на основе чего должна была осуществляться переселенческая политика. Предвестником этого нового функционала стало изменение тематики так называемых «совещаний РуС-руководителей», которые начиная с 1935 года регулярно устраивались в РуСХА. Главной задачей этих мероприятий был обмен опытом. На совещаниях отдельные РуС-руководители делали тематические доклады, сопровождавшиеся дискуссиями, в которых также принимали участие представители других главных управлений СС. Так, например, в 1937 году главной темой совещаний было мировоззренческое обучение в СС. Год спустя речь в основном шла о составлении так называемой «расовой карты рейха» и массовом расовом освидетельствовании. Промежуточным шагом к этому должно было стать освидетельствование оберабшниттов СС. С одной стороны, РуС-руководители всего лишь знакомились с расовыми качествами той или иной части эсэсовских дивизий, а с другой — рейхсфюрер СС ожидал, что получит более-менее объективную картину расовой структуры всего немецкого народа. Осуществление этого задания, в том числе возможное расовое обследование народных школ, обсуждалось на совещании РуС-руководителей в мае 1938 года. Стоит сказать, что подготовительные работы к составлению «расовой карты оберабшниттов СС» начались еще в конце 1937 года. В этой связи начальник штаба РуСХА призывал РуС-руководителей использовать специально разработанную в не-

Рейнхардт Гейдрих

драх Главного управления по вопросам расы и поселений новую форму расового формуляра. В мае 1938 года руководство РуСХА дало более точные директивы относительно проведения расовых освидетельствований. Эта «расовая инвентаризация» оставалась так и не начатой вплоть до начала войны. Составление расовой карты Моравии и Богемии началось лишь в 1940 году. Для этих целей в 1941 году в Праге был открыт филиал Главного управления по вопросам расы и поселений. Рейнхардт Гейдрих, в тот момент являвшийся имперским протектором, тут же стал оказывать всяческую помощь в осуществлении данного проекта.

Итогом этих начинаний стало то, что в октябре 1938 года на совещании РуС-руководителей главными темами обсуждения были переселенческая политика и ставший традиционным расовый вопрос. Тогда же референты управления поселений РуСХА докладывали о возможности применения на практике ранних разработок относительно колонизации пограничных и иноземных земель. Впрочем, реальное осуществление такой колонизации было решено временно отложить. Как видим, структурные изменения в рамках СС совпали с геополитическими изменениями в Европе (аншлюс Австрии и аннексия Судетской области Чехословакии), что существенно прибавило работы расовым экспертам из СС.

«НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО» ДЛЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СС

Если говорить о поселенческой политике СС, то надо сразу же отметить, что руководство «черного ордена» вынашивало прямотаки «наполеоновские планы». Несмотря на то что РуСХА было уполномочено заниматься поселенческой политикой еще в 1935 го-

ду[1], до 1938 года не делалось никаких попыток по ее реализации. Предпринимавшиеся шаги были настолько робкими, что проще было говорить о полном отсутствии поселенческой политики СС. Доклад руководства управления поселений РуСХА, написанный в 1938 году, свидетельствует, что на тот момент было запланировано лишь создание 55 особых «новокрестьянских» поселений. К ним можно было добавить проекты трех «ремесленных поселений СС» и эсэсовских садоводств. Общая площадь этих поселений должна была составить 4875 гектаров. Это были те проекты, которые с трудом все-таки удалось реализовать. Если сравнить с изначальными планами руководства СС, то можно прийти к выводу, что поселенческая политика была на грани краха. Так, например, только при оберабшнитте СС «Юго-Запад» предполагалось создать 102 крестьянских поселения. Реальность оказалось более удручающей. Создание новых поселений было затруднено по двум причинам: общеизвестное отсутствие денег у СС, а также недостаток земельных площадей в рамках Германии (так называемого «старого рейха»). Однако в конце 1938 года с обеими проблемами удалось справиться, а потому поселенческая работа получила новый импульс. Территория, подлежащая заселению, находилась в аннексированной Судетской области Чехословакии, а также, в некоторой степени, в «Восточной марке» — Австрии, которая после аншлюса стала составной частью нацистского рейха. Финансовую проблему можно было легко решить при помощи конфискации и продажи земельных владений, некогда принадлежавших Чехии.

Эксперты РуСХА прореагировали на изменившиеся условия подготовкой титанических проектов по реализации поселенческой политики. СС получили контроль над всеми уже ранее существовавшими обществами, которые занимались схожей проблематикой. Отныне охранные отряды выступали единоличными носителями идеи «новых сельских поселений». В конце 1938 года при СС были заново созданы три организации, которые занимались различными направлениями поселенческой политики: городскими поселениями в Германии ведал «Аллод — общество малых поселений и собст-

[1] Приказом от 3 сентября 1935 года Генрих Гиммлер сделал Главное управление СС по вопросам расы и поселений единственной структурой, которая должна была заниматься поселенческой политикой, начиная с отбора кандидатов в «новое крестьянство» и заканчивая выбором места для поселений. В 1938 году этот приказ был расширен.

венных домов», сельскими поселениями — «Немецкое общество поселений» (ДАГ). Кроме этого, в Вене была «Первая общественно-полезная организация по строительству малых поселений», которая занималась организацией городских поселений СС на территории Австрии.

Первые два общества были созданы буквально накануне XX века. Поначалу их финансированием занимался так называемый «Немецкий поселенческий банк», который являлся филиалом «Дрезденского банка». После того как в августе 1938 года между РуСХА и правлением «Дрезденского банка» было подписано соглашение, «Немецкое общество поселений» было преобразовано в чисто эсэсовскую структуру. При этом в октябре 1938 года произошла смена руководства общества. Несмотря на это, «Дрезденский банк» и впредь остался крупным акционером «Немецкого общества поселений», обеспечивая финансами большую часть его потребностей. Схожий путь проделала «Первая общественно-полезная организация по строительству малых поселений», которая была учреждена в 1908 году. Под контроль руководства СС она попала в октябре 1938 года. Коммерческий директор этой организации был назначен начальником одного из отделов в составе управления поселений.

Первые опыты по реализации обширной поселенческой политики, а также принудительного переселения были предприняты эсэсовскими экспертами в «Восточной марке». Например, они рекомендовали командованию вермахта в кратчайшие сроки «переселить» восемь австрийских деревень, на месте которых должен был возникнуть армейский полигон. Судя по всему, эта задача была выполнена безупречно. Начальник управления поселений РуСХА торжествующе сообщал об «эвакуации» деревень, в результате чего было «освобождено» 65 тысяч гектаров земель. «Немецкое общество поселений» осуществило эту работу до 7 августа 1938 года. То есть за шесть недель и шесть дней было вывезено 292 семьи, из которых 199 являлись крестьянскими. Кроме всего прочего, представители вермахта положительно высказались об этой акции как о точно, пунктуально и безупречно выполненной работе. В дальнейшем все запланированные в Австрии переселения намечалось передать в руки «Немецкого общества поселений».

Это был первый «успех» эсэсовских экспертов. К великому удивлению армейских офицеров, они почти за семь недель смогли переселить несколько сотен семей. Эта акция была отнюдь не единственным проектом, реализацией которого в Австрии занималось

«Немецкое общество поселений». Оно постепенно расширяло свою деятельность, результатом чего стало создание собственного филиала в «Восточной марке». Описанный выше образ действий, которому ДАГ следовало при переселении, был взят в СС за образец для подражания, со временем превратившись в некую модель. Она выглядела следующим образом: по поручению рейхсфюрера СС (в отдельных случаях командования вермахта) происходило аккумулирование специалистов по переселению в отдельном районе. Они, в свою очередь, выявляли семьи, подлежащие «эвакуации», наблюдая за тем, чтобы те вовремя были вывезены в специально отведенное место. Позже предпринимались меры для того, чтобы вывезти их в Судетскую область или Польшу, где они должны были создать «новые немецкие поселения».

После того как стало ясно, что подобная деятельность в «Восточной марке» является весьма многообещающей, эксперты из РуСХА решили извлечь значительную пользу из аннексии отдельных районов Чехословакии. Интервенция Чехословакии не была неожиданностью для руководства РуСХА. В тайном письме, датированном июлем 1938 года, руководство Главного управления СС по вопросам расы и поселений просило рейхсфюрера СС привлечь СД в помощь РуСХА в «вопросах подготовки новых поселений за границами рейха». Речь шла о предоставлении статистических документов и картографических материалов, которые непосредственно касались сельского хозяйства Чехии, Литвы, Латвии, Эстонии и Румынии. Требовались также отчеты о геополитическом положении этих стран. Особый интерес вызвали сведения об активности церковных структур на этих территориях. В начале августа 1938 года шеф РуСХА группенфюрер СС Гюнтер Панке установил тесные контакты с руководством Судетской немецкой партии, которая занимала прогитлеровскую позицию. Два месяца спустя, буквально через несколько дней после Мюнхенской конференции и вступления немецких войск в Судеты, Панке уже вел в Берлине переговоры с судетскими нацистами. Обсуждались вопросы возможного сотрудничества. При этом Панке делал акцент на денонсации земельной реформы, которая прошла в Чехии. Эта тема позже стала едва ли не главной при осуществлении поселенческой политики на территории Богемии и Моравии. Другой темой обсуждения было переселение в Судеты немецких крестьян, что по замыслу Панке должно было пройти в максимально кратчайшие сроки. Кроме этого, он намеревался создать в Судетской области земельное управление, ко-

торое должно было осуществлять свою деятельность под непосредственным контролем СС. Сращивание этих структур должно было быть обеспечено тем, что руководство данного земельного управления (четыре человека) должно было полностью состоять из сотрудников РуСХА.

Сам Панке оценивал аннексию Судетской области как шанс для реанимации поселенческих замыслов СС. Он говорил по этому поводу: «Рейхсфюрер, я получил от Вас задание активнее заниматься проблемой поселений. Однако при рассмотрении проблемы в целом я прихожу к выводу, что деятельность управления поселений является недостаточной. Именно по этой причине не происходит кардинальных изменений в поселенческой политике, которые должны были проявиться после присоединения к рейху Судет. Этому должно способствовать многомиллионное финансирование».

Этот проект не был «воздушным замком». Он начал претворяться в жизнь несколько недель спустя после того, как первые немецкие поселенцы обрели новую родину. В большинстве случаев речь шла о создании танковых полигонов. И вновь «Немецкое общество поселений» предпринимало массовые «эвакуации». Ссылаясь на успешный опыт сотрудничества с вермахтом в вопросах «создания нового крестьянства», а также в деле создания новых сельских поселений в «Восточной марке», шеф РуСХА стал претендовать на то, чтобы получить полный контроль над поселенческими проектами, которые осуществлялись в Судетской области. Теперь ничто не указывало на то, что еще недавно СС испытывали огромные финансовые сложности. Отныне «черный орден» получал щедрое государственное финансирование. К концу 1943 года под контролем СС оказалось приблизительно полторы тысячи крестьянских дворов, которые занимали общую площадь в 75 тысяч гектаров. Все это указывало на значительные успехи руководства СС в реализации собственной поселенческой политики. Между тем даже эти достижения рассматривались лишь как первая ступень. Несколько месяцев спустя после аннексии оставшейся части Чехии и создания «имперских протекторатов Моравия и Богемия» наступило время, когда можно было воплотить в жизнь даже самые смелые замыслы эсэсовского руководства.

Экспертам из СС потребовалось почти шесть лет (с 1932 по 1938 год), чтобы разработать более-менее логично выстроенную идеологию «черного ордена», в основу которой был положен расовый отбор. С одной стороны, эсэсовцы в рамках мировоззренческих учеб-

ных занятий знакомились с принципами «крови и почвы», «значимостью немецкой расы», «расовыми противниками», узнавали о необходимости «возврата к деревенскому образу жизни», о «новой крестьянской аристократии» и «немецком Востоке». В данном отношении СС позиционировали себя как итог отбора самых лучших (с расовой точки зрения) представителей немецкого народа. Их семьи должны были стать идеальной ячейкой национал-социалистского общества. С другой стороны, эти теоретические выкладки не раз подкреплялись расистской практикой. Расовый отбор проходили все эсэсовцы, а также их невесты.

Строительство мировоззренческого здания «черного ордена» было завершено в 1938 году. Эта специфическая идеология стала активно применяться на практике уже в годы Второй мировой войны. Вера в «нордическую расу» и «немецкую кровь» являлась фундаментом этого здания. Его стенами являлась убежденность в особой миссии немцев на «восточных территориях», а также стремление к созданию особой эсэсовской общности, которая со временем должна была стать особой этнической группой. Венчала это строение крыша — осознание собственной элитарности, ибо СС должны были являться авангардом национал-социалистского движения. Впрочем, это здание не раз подвергалось «косметической» перестройке. Так, например, в 1938 году никто не задумывался о необходимости «онемечивания» «породистых инородцев». Впрочем, на тот момент любой иностранец, чья расовая значимость не вызвала сомнений у эсэсовских экспертов, мог стать полноправным членом нацистского общества. До 1938 года это не было какой-то особой идеологической проблемой.

Таким образом, в новый 1939 год СС вступили как организация полностью гомогенная и с идеологической, и с физической точки зрения. Расовый отбор в «новый орден» был полностью стандартизирован. Теперь эту отработанную модель предстояло применить к иным группам населения. Согласно идеологии национал-социалистского расизма, она должна была служить для выявления тех, кто представлял «ценность» для «немецкого народа», а кому было отказано в продолжении рода как «расово нежелательному элементу». Во время оккупации Европы этот принцип, положенный в основу расового отбора СС, имел едва ли не самое большое и пагубное значение. Когда речь шла о возможном «онемечивании» и «переселении», то решающим критерием являлась «расовая ценность» того или иного индивида.

Если посмотреть на историю РуСХА в целом, то можно заметить, что 1938 год являлся не просто переломным годом, а датой, когда эсэсовские эксперты перешли от теоретических построений к их практическому применению. С одной стороны, этот процесс был заторможен финансовыми проблемами. Именно по этой причине «Наследие предков», «Источник жизни» и учебное управление становились самостоятельными структурами. Потеряв контроль над этим организациями, РуСХА теряло важнейшие сферы деятельности. Но с другой стороны, это позволяло экспертам Главного управления СС по вопросам расы и поселений сосредоточиться на прикладном применении своих расистских теоретических построений. Начало Второй мировой войны и захватническая политика Германии открыли перед расовыми экспертами РуСХА новые возможности.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СС И «РАСОВАЯ ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ» ЧЕШСКОГО НАРОДА

Немецкая интервенция Чехословакии и создание протекторатов Моравия и Богемия являлись не просто решающим рубежом для этнической политики нацистов, но стали переломным моментом в расовой и поселенческой политике СС. Официально протектораты на территории бывшей Чехословакии возникли 16 марта 1939 года, когда был опубликован соответствующий приказ Гитлера. Впервые речь шла о том, что к Третьему рейху присоединялись территории, которые не были заселены в большинстве своем немцами. Именно по этой причине чешские территории получили особый статус «протекторатов». При аншлюсе Австрии и аннексии Судетской области наблюдалась совершенно иная ситуация. Жители «Восточной марки» были немцами. Немцами была большая часть населения Судетской области, что и стало поводом для аннексии. И в «Восточной марке», и в Судетской области немецкое большинство являлось носителем культуры, некоей культурно-доминантной силой. Если же мы обратимся к Богемии и Моравии, то, по данным статистики, в марте 1940 года на указанных территориях проживало 7,25 миллиона чехов и только 189 тысяч немцев (101 тысяча в Богемии и 88 тысяч в Моравии). Ситуация начала меняться несколько месяцев спустя, хотя нельзя было вести речь о кардинальном изменении этнической

картины. По статистическим данным, на начало июня 1940 года на 7,38 миллионов чехов приходилось 244 тысячи немцев (3,31%).

Несмотря на то что плотность населения в Чехии соответствовала плотности населения в «старом рейхе», «новое жизненное пространство» должно было «германизироваться». В связи с этим сразу же возникал вопрос об эффективном переселении немцев в Богемию и Моравию, которые постепенно должны были превратиться в «немецкие территории». С одной стороны, достичь этой цели предполагалась при помощи усиленной финансовой помощи и культурного содействия немцам, уже проживавшим в протекторатах. Этот процесс, естественно, сопровождался ущемлением прав большинства чешского населения. Так, например, многие из них лишались земельных наделов, которые передавались «фольксдойче». С другой стороны, в СС планировали привлечь для решения этой задачи Имперский продовольственный комитет и прочие гражданские структуры, которые, не в последнюю очередь по инициативе Гитлера, должны были организовать «переселенческий мост» между Силезией и «Восточной маркой». Силами СС предполагалось подавить недовольство чехов и выселить их на границу со Словакией, где предполагалось создать соответствующие сельские поселения. Руководство Аграрно-политического аппарата НСДАП уже в 1937 году выступило инициатором «тайного проекта», который предполагал активное «немецкое переселение» за границы Германии, в частности в Богемию и Моравию. При этом речь шла не столько об экономической целесообразности, сколько об идеологических моментах, в частности об «онемечивании данного региона», «вопросе крови», «земельном праве». Продовольственная политика отступала здесь на второй план. Предельную идеологизированность проекта подтверждал тот факт, что аграрные специалисты, которым было поручена разработка этого «тайного проекта», являлись сотрудниками Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Самое активное участие в разработке «тайного проекта» принимал Герман Райшле.

Германизация протекторатов была для эсэсовского руководства долгосрочной целью, достижение которой должно было планомерно подготавливаться разнообразными оперативными политическими мерами. Прежде всего, надо отметить отмену земельной реформы, которая проводилась в Чехословакии начиная с 1919 года. Согласно принципам этой реформы, крупные землевладельцы и зажиточные крестьяне лишались части своих земельных наделов. Но-

Расовая «инвентаризация» славянского населения

вую нацистскую власть беспокоил прежде всего другой аспект проведенной реформы: по мере ее реализации земельных наделов лишились многие немцы. Денонсация этих экспроприаций и последующий арест, накладываемый на часть чешских сельхозпредприятий, провозглашался «возмещением убытков, которые чехи нанесли немецкому населению, нарушив его права». Наряду с этим предполагалось провести экспроприацию чехословацкой государственной собственности. Также осуществлялись массовые «выемки» церковного имущества. Этот форменный грабеж нашел свое наиболее яркое выражение в «арианизации» еврейской земельной собственности. Все эти грабительские меры заложили финансовую основу для воплощения в жизнь грандиозных переселений. Но официально все представлялось как «защита немецкого населения протекторатов». Забегая вперед, надо отметить, что эти проекты оставались лишь проектами вплоть до весны 1939 года. Особенность ситуации заключалась в том, что национал-социалисты намеревались осуществлять эти меры, опираясь на «независимое чешское правительство», которое якобы существовало в протекторатах, и на чешские законы, которыми регулировалась в свое время чешская земельная реформа, в частности Закон «Об аресте имущества» от 16 апреля 1919 года. Затем привлекались отдельные статьи Закона «Об охране государства» от 13 мая 1936 года и Закона «О государственных экспроприациях» 29 мая 1935 года. Опираясь на эти законы, нацисты смогли осуществить не только экспроприацию еврейских земельных наделов, но и угодий крупных чешских землевладельцев, чьи владения превышали 150 гектаров. Но вот для ликвидации мелких земельных наделов марионеточному правительству 31 марта 1939 года пришлось выпустить специальное постановление № 87/39.

Фото славянской семьи, намеревающейся стать фольксдойче

В первые месяцы после аннексии Судетской области и создания протекторатов к созданию концепции «новой земельной политики» оказались причастны различные немецкие учреждения. В их числе можно назвать административный аппарат имперского протектора Константина фон Нойрата, Имперское министерство продовольствия, руководимое Вальтером Дарре (особую активность проявляло управление «Нового немецкого крестьянства»), а также Имперское министерство внутренних дел, представленное государственным секретарем доктором Штуккартом. Но СС в этом процессе играли особую роль. В итоге контуры «политики германизации» определяли несколько эсэсовских чинов: шеф СД Рейнхардт Гейдрих, правая рука имперского протектора Карл Герман Франк, начальник РуСХА Гюнтер Панке, также начальник управления поселений РуСХА Курт фон Готтберг.

То, что СС претендовали на особое положение в протекторатах, было вполне логично, так как охранные отряды, по сути, были единственной организацией, имевшей достаточный опыт в «демографической политике», которая ограничивалась изъятиями земель и попытками массовых переселений. Начиная с 1938 года гестапо

совместно с поселенческими экспертами РуСХА провело в «Восточной марке» и Судетской области по заданию вермахта несколько переселенческих акций. Как помним, это делалось с целью создания армейских полигонов. Итогом этих операций стало возникновение новых крестьянских поселений. Если посмотреть на документы, то отчет поселенческого управления РуСХА, датированный 11 мая 1939 года, дает следующую картину массовых переселений, предпринимавшихся в Судетах и «Восточной марке»: «В «Восточной марке» с целью создания четырех полигонов было переселено 800 семей, для чего было «закуплено» 14 тысяч гектаров земли, которая ранее находилась во владении евреев. В Судетской области было принято в управление 630 крестьянских хозяйств, занимавших общую площадь в 55 тысяч гектаров. Прежние владельцы лишились права пользования этой землей, так как являлись евреями или чехами».

Не стоило забывать, что наряду с потребностями вермахта и сельскохозяйственными нуждами в этом процессе важную роль играл принцип расового отбора. Немецкий крестьянин должен был быть безупречным не только с экономической точки зрения, но и в расовом отношении. Шеф РуСХА Гюнтер Панке в марте 1939 года сообщал Рейнхардту Гейдриху: «То, что в прошлом году Главное управление СС по вопросам расы и поселений смогло обеспечить себя финансами, позволило создать специальный аппарат, который способен в глобальном масштабе осуществлять арест имущества личностей, враждебно настроенных к рейху, а затем соответствующим образом реализовывать эту собственность».

Упоминавшиеся выше общества, контролируемые РуСХА («Аллод — Общество малых поселений и собственных домов», «Немецкое общество поселений» и «Первая общественно-полезная организация по строительству малых поселений»), являлись непосредственными распорядителями экспроприируемых земель. Первые опыты по массовому переселению стали некоей подготовкой для осуществления новой аграрной политики в Богемии и Моравии, которая уже давно задумывалась эсэсовскими стратегами. В то же время Гейдрих, Панке и Франк настаивали на главенстве идеологической составляющей в будущей поселенческой политике (которая должна была строиться по принципу расового отбора). Это стало причиной противоречий эсэсовских бонз с имперским протектором фон Нойратом и представителями Имперского министерства продовольствия. Оказалось, что у нацистов не было единства по во-

просу «политики германизации» Моравии и Богемии. Можно выделить два лагеря. Никто не сомневался в необходимости конкретных мер по «освоению» чужих земельных ресурсов и, как следствие, массовых переселений. Разногласия возникали вокруг содержания этой политики. Гиммлер, Гейдрих и представители РуСХА были поборниками жесткой линии. Представителей гражданских структур можно было бы назвать сторонниками «прагматичного курса». К ним примыкали некоторые партийные бонзы. Если говорить о расовой политике СС, то начинания, предпринятые в Чехии, стали репетицией расовой и этнической перекройки Европы. Признаки этой массовой угрозы можно было узреть, когда в Праге был создан филиал Главного управления СС по вопросам расы и поселений, к сотрудничеству с которым были привлечены расовые исследователи Пражского Немецкого университета. Сделано это было не в последнюю очередь благодаря личной инициативе Рейнхардта Гейдриха, который сменил фон Нойрата на посту имперского протектора.

Медицинское освидетельствование желающих стать фольксдойче

Именно в Моравии и Богемии произошло рождение специфической поселенческой политики СС. По этой причине надо уделить более пристальное внимание Земельному управлению, которое появилось на свет фактически сразу же после возникновения протекторатов. Именно в недрах Земельного управления разрабатывалась модель, которая стала применяться в Польше после начала Второй мировой войны.

ЗЕМЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПРАГЕ

Предпосылкой успешного «учета» чешских земель, которые предполагалось использовать для нацистской поселенческой политики в Богемии и Моравии, стало распоряжение о земельных кадастрах и актах земельной реформы, проводимой в свое время в Че-

хословакии. Все эти документы хранились в 9-м отделении чехословацкого министерства сельского хозяйства, на базе которого оккупанты решили создать так называемое Земельное управление. И вот 14 мая 1939 года, почти два месяца спустя после создания протекторатов, специальной команде СС, состоявшей из представителей гестапо, СД и РуСХА, было поручено организовать Земельное управление, которое базировалось в Праге. Гестапо представлял штандартенфюрер Раш, СД — оберштурмбанфюрер Эрлингер. РуСХА откомандировало в состав нового органа оберштурмбанфюрера Теодора Хеншеля, РуС-руководителя оберабшнитта «Юго-Восток», начальника одного из отделов в поселенческом управлении РуСХА. Вместе эти трое эсэсовцев образовывали «Оперативную группу земельного управления». Месяцем ранее Хеншель организовал в Праге отделение РуСХА, которое позже превратилось в полноценный филиал Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Это представительство по понятным причинам поначалу располагалось в пражском штабе СД, базировавшемся в отеле «Вильсон».

В середине мая 1939 года трое этих эсэсовских офицеров возглавили Земельное управление. Сама структура, как и ранее, состояла из 700 чешских сотрудников. Под надзором СС они обрабатывали документы земельной реформы, выявляя те земельные наделы, которые подлежали экспроприации. Эта работа превращала Земельное управление не просто в немецкую, но в эсэсовскую инстанцию. Естественно, ее деятельность опиралась на лживые слова о «чешском самоуправлении». 17 мая 1939 года имперский протектор Константин фон Нойрат вынужден был смириться с деятельностью СС в Богемии и Моравии, формально сделав начальником Земельного управления Курта фон Готтберга, шефа поселенческого управления РуСХА.

Внутреннее эсэсовское сотрудничество между СД, РуСХА и полицией было отнюдь не случайностью, а акцией, заранее запланированной Рейнхардтом Гейдрихом и Гюнтером Панке. Образцом для сотрудничества этих эсэсовских инстанций, очевидно, послужили акции, предпринятые во время аннексии некогда принадлежавшей Литве Мемельской области. Там в марте 1939 года представители зипо и СД совместно с экспертами из РуСХА, опираясь на подготовительную работу, провели «неожиданный учет литовских и еврейских сельскохозяйственных предприятий». Панке и Гейдрих решили перенести подобный образ действий на протектораты Мо-

равия и Богемия. Им обоим был необходим контроль над пражским Земельным управлением. Стоит отметить следующий факт: если ранее Дарре и его министерство опирались на Имперский Закон «О создании нового немецкого крестьянства», то в 1939 году эсэсовские иерархи опирались на задачи, которые были переданы Генриху Гиммлеру как имперскому комиссару по укреплению немецкой народности.

Внезапно против осуществления эсэсовской поселенческой политики и уполномоченного руководителя Земельного управления выступил Дарре. Он как имперский министр продовольствия был возмущен, что к работе новой структуры не были привлечены его сотрудники. То, что на первый взгляд казалось банальной «борьбой компетенций» (именно так в исторической литературе называются дрязги нацистских бонз), на самом деле было следствием принципиальных разногласий по вопросу немецкой аграрной политики, которую предполагалось осуществлять в Богемии и Моравии. Представители СС (шеф СД Гейдрих, новый шеф РуСХА Хоффман, руководство Земельного управления, а также Карл Герман Франк) поначалу вели речь об «этнополитической реорганизации» Богемии и Моравии, которая должна была выражаться в «возвращении похищенной немецкой земли». Они отрицали необходимость сугубо политического вмешательства в вопросы продовольственной политики. Напротив, аграрные эксперты, сплотившиеся вокруг Дарре, в деле сельскохозяйственной политики делали акцент на политическое давление. Они хотели сразу же начать формирование «новых крестьянских дворов». Даже в этом начинании можно было заметить серьезные различия во взглядах этих нацистских деятелей. Дарре считал необходимым создавать мелкие крестьянские хозяйства, которые больше напоминали наделы первых колонизаторов Америки. Во всех идеях имперского руководителя крестьян сквозил нескрываемый «аграрный романтизм», который был страшно далек от реалий жизни. Шеф РуСХА, наоборот, вынашивал планы по созданию средних и крупных крестьянских дворов, на базе которых должны были со временем возникнуть так называемые эсэсовские поселения «боевого крестьянства». В данном случае можно было бы говорить о более реальной и практичной затее, которая указывала на особую «цивилизаторскую миссию СС». Панке намеревался всячески поощрять связи «новых поселенцев» со «старой империей». Это выражалось не только на культурном, но и на экономическом уровне: создание общей инфраструктуры, где важным звеном были

рынки сбыта сельхозпродукции. Эти противоречия имели давние корни, с тех времен, когда Дарре еще возглавлял РуСХА. Но неуступчивый Дарре не собирался отказываться от своей затеи. Ради ее реализации он пошел на конфликт с руководством СС. Его не устраивало, что аграрная политика находилась исключительно в компетенции СС. Дело дошло до того, что 22 мая 1939 года группенфюрер Панке сообщил рейхсфюреру СС о невозможности какого-либо продуктивного сотрудничества с представителями министерства продовольствия, так как Дарре не намеревался делать даже минимальные уступки.

Основы эсэсовской поселенческой политики в протекторатах Богемия и Моравия, по сути, закладывались в первые месяцы существования Земельного управления его первым руководителем, оберфюрером СС Куртом фон Готтбергом. Во время своего краткого пребывания на этом посту (май — декабрь 1939 года) он самым скрупулезным образом проводил экспроприации земельных участков. Конфискованные земли, оказавшиеся в распоряжении СС, впоследствии передавались поселенческим обществам, которые распределяли их между немецкими поселенцами и «фольксдойче». Так была заложена основа для земельного грабежа в Чехии. В декабре 1939 года пост начальника Земельного управления занял Теодор Гросс, который был официально утвержден на этот пост лишь во второй половине 1940 года.

Первой и самой главной целью Земельного управления, которая определяла эсэсовскую аграрную политику в протекторатах, стал «арест» еврейских земельных наделов в Чехии. Этим занимались эсэсовские ведомства, которые назначали управляющих этими землями. При этом Земельное управление опиралось на постановление «чешского независимого правительства» 87/39 от 31 марта 1939 года. В соответствии с ним еврейские земельные владения подлежали «ариизации», что на практике означало секвестр[1] земельных владений, который проводило Земельное управление. Для осуществления «ариизации» шеф Земельного управления Готтберг активно сотрудничал с пражским гестапо. Готтберг указывал подлежащие экспроприации наделы. Сам грабеж, называемый арестом, осуществляли гестаповцы. И лишь после этого в ведомстве Готтберга подыскива-

[1] **Секвестр** (от лат. sequestro — ставлю вне, отделяю) — запрещение или ограничение, налагаемое государственной властью в интересах государства на пользование каким-либо имуществом. — *Прим. ред.*

ли подходящих управляющих. Первый акт «ареста» еврейских земельных участков произошел 27 июля 1939 года, когда начальник Земельного управления направил список, в котором содержались указания на пять крестьянских дворов. Экспроприация произошла буквально на следующий день. После «ареста» эти наделы были переданы Земельному управлению. Именно оно выбирало для земель управляющего, который проверялся гестапо на предмет благонадежности. Зарплату управляющий экспроприированными землями получал из бюджета Земельного управления. Но самым важным в деятельности Готтберга было то, что он смог заручиться поддержкой имперского протектора. По большому счету, именно протектор должен был назначать управляющих реквизированными предприятиями и частной собственностью. Не прошло и нескольких дней после того, как 29 июня 1939 года имперский протектор выпустил приказ «О еврейском имуществе», как свет увидело постановление, которое давало Земельному управлению полномочия по самостоятельному распоряжению еврейскими наделами.

Рихард Хильдебрандт – последний шеф РуСХА

В первые три месяца деятельности Земельного управления, находящегося под немецким контролем, Готтберг «описал» 16 тысяч гектаров еврейских землевладений, которые тут же оказались в ведении СС. Всего же, по сведениям шефа Земельного управления, в протекторатах имелось 56 тысяч гектаров земель, принадлежащих евреям. До конца 1940 года Земельному управлению, контролируемому эсэсовцами, удалось экспроприировать еще 40 тысяч гектаров земель, перешедших под немецкое управление. В ответ на запрос заместителя фюрера один из сотрудников Земельного управления оберштурмбанфюрер СС Хорст Бартоломейчик сообщал следующее: «Уполномоченным руководством Земельного управления в Богемии и Моравии учтены и экспроприированы все еврейские предприятия».

Общая стоимость земель, отнятых эсэсовцами у евреев, оценивалась примерно в 413 миллионов чешских крон. Далее эсэсовские эксперты начали отчуждать земельную собственность католической церкви. Впрочем, до разгара Второй мировой войны эта грабительская деятельность шла крайне вяло. Инициатива по ограблению церкви принадлежала лично Готтбергу, который ориентировался на Германию («старую империю»). Там, в оберабшнитте СС «Рейн», было создано так называемое «Немецкое имперское общество народного попечения и помощи поселенцам». Целью этой организации являлся «охват» земель, принадлежавших церковным структурам. Это имущество должно было перейти к нацистской партии и ее структурным подразделениям, в частности к «Национал-социалистскому народному вспомоществованию». Инициатива создания подобного общества исходила лично от командующего оберабшниттом «Рейн» группенфюрера Рихарда Хильдебрандта. Так, лишь за несколько месяцев первой половины 1939 года было конфисковано около 20% церковного имущества. В первую очередь оно принадлежало церковным благотворительным организациям. Хильдебрандт лично приглашал Готтберга в гости в Висбаден, дабы показать, как осуществляется арест земель в имперских масштабах. Позже Готтберг сам стал заместителем руководителя одного из подобных грабительских обществ, действовавших в Германии. Эсэсовское руководство не забыло заслуг Хильдебрандта и его инициативности, назначив его осенью 1939 года эсэсовским руководителем Данцига, где он должен был проводить в жизнь такую же политику. В 1943 году он стал очередным шефом Главного управления СС по вопросам расы и поселений.

Подобная практика весьма заинтересовала шефа СД Рейнхардта Гейдриха, который уже давно намеревался ослабить католическую церковь. В итоге он дал распоряжение сделать «Немецкое имперское общество народного попечения и помощи поселенцам» ответственным за экспроприацию церковного имущества. В Германии способ действий был предельно прост: гестапо арестовывало прежнего председателя церковной благотворительной организации. На его место назначался преданный СС человек, который кардинально изменял Устав благотворительных организаций, передавая в итоге их имущество «Немецкому имперскому обществу», за которым стояли те же СС. Официально «Немецкое имперское общество народного попечения и помощи переселенцам» считалось также «общественно-полезной организацией», которая рассматривалась в ка-

честве одного из поселенческих обществ, контролируемых РуСХА. Подобный вывод напрашивается сам собой, если посмотреть на состав правления «Имперского общества». Председателем в нем являлся Курт фон Готтберг, его заместителем — Рихард Хильдебрандт. Гюнтер Панке был членом правления. Кроме этого, «Немецкое имперское общество» финансировалось из казны РуСХА, а его офис располагался в штаб-квартире Главного управления СС по вопросам расы и поселений (Берлин, Хедеманн-штрассе 24).

Чтобы получить доступ к церковным ценностям католической церкви в протекторатах Моравия и Богемия, руководство Земельного управления решило создать в Праге филиал «Немецкого имперского общества». Это было предпосылкой отторжения у церкви земельных наделов и заселения их немецкими крестьянами. Впрочем, в протекторатах практика ареста церковных земель была незначительной. Во-первых, председателями церковных учреждений и католических благотворительных организаций в большинстве случаев являлись служащие управления по делам религий. По этой причине экспроприации в протекторатах было осуществить гораздо сложнее, нежели в Германии. Чтобы «Немецкое имперское общество» начало свою деятельность в протекторатах, потребовалось отдельное решение «независимого чешского правительства», которое увидело свет 31 марта 1939 года. В итоге пражский филиал «Немецкого имперского общества» состоял из руководства Земельного управления и служащих отдела IX министерства сельского хозяйства.

Католические земельные владения интересовали СС по многим причинам. Во-первых, речь шла о крупных земельных участках, которые даже после проведения в Чехословакии земельной реформы фактически остались нетронутыми. Во-вторых, приблизительно 8 тысяч гектаров католических земель располагались в окрестностях Брюнна, Ольмютца и Кремзира, то есть в той области, где эксперты РуСХА планировали создать «немецкий коридор на Восток». И, наконец, руководство СС считало католические ордена «идейными носителями чешскости». 1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны, «Немецкое имперское общество» по указанию Готтберга начало «охват» всего крупного церковного землевладения. Для подстраховки Гейдрих указывал на то, что происходит «опись» церковных владений, так как 1 сентября начался новый этап «земельной реформы». До сих пор точно не известно, сколько земель было экспроприировано у католической церкви. По меньшей мере, можно говорить, что в 1939 году произошло три экспроприации

крупных земельных участков. Речь идет о владениях епископа Ольмютца, наделах католического монастыря Тепль и церковном имуществе Райгерна — все они находились в протекторатах. Наряду с этим в 1939 году «Немецкое имперское общество» «охватило» в Судетской области, Моравии и Богемии еще 8 тысяч гектаров земель, которые в свое время принадлежали Немецкому рыцарскому ордену.

Надо отметить, что вскоре после начала Второй мировой войны на устремлениях «Немецкого имперского общества» был поставлен крест (как минимум в вопросе экспроприации церковного имущества). 9 октября 1939 года имперский протектор издал указ, которым прекращалось секвестрование крупного землевладения католической церкви. Буквально за несколько дней до этого Гиммлер лично наложил категоричный запрет на экспроприацию церковного владения. Он не хотел дестабилизировать внутриполитическую обстановку. В итоге «Немецкое имперское общество» сконцентрировало свои усилия на «принятии» еврейских землевладений, так как «те, подобно церковным имущественным объектам, могли служить антигосударственным целям». Но и на этом поприще обществу не удалось достичь особых успехов — в марте 1940 года оно было преобразовано.

Экспроприация государственных земельных наделов пражским Земельным управлением под руководством Готтберга проходила без каких-либо видимых проблем. Это объяснялось тем, что 4 июня 1939 года этот эсэсовец был назначен начальником сектора VIII («Отдел государственных лесов и земель») в «чешском» министерстве сельского хозяйства. Курт фон Готтберг в одночасье позаботился о том, чтобы 32 тысячи гектаров государственных земель были переданы Земельному управлению. Официальным поводом были «поселенческие цели». Уже 29 июля 1939 года Готтберг радостно сообщал рейхсфюреру СС об успешной передаче государственных земель эсэсовскому ведомству. Запланированная далее экспроприация еще 145 тысяч гектаров государственных земель требовала большей изобретательности, так как подобные действия плохо обосновывались эфемерными «поселенческими целями». Готтберг предложил по аналогии с «католическим прецедентом» создать некую «общественно-полезную структуру». В итоге 7 августа 1939 года начало свою деятельность «Учреждение по содействию и поддержке поселенцев в землях Богемии и Моравии», руководил им тот же Курт фон Готтберг. Этой новой организации передавались леса, находящиеся в государственной собственности, которые впоследствии должны

были способствовать выполнению «имперских задач». В ближайшей перспективе эти лесные участки планировалось передать в частные руки. В далекой перспективе предполагалось передать их имперскому лесничему, который в соответствии с политической необходимостью мог передавать их немецким крестьянам или за отдельную плату — чехам. Следуя такой грабительской логике, в сентябре 1939 года «Учреждение по содействию» получило в свое распоряжение 200 тысяч гектаров лесных массивов.

Руководство СС не скрывало восхищения результатами, которых удалось достичь Готтбергу во время реализации первой фазы поселенческой политики в протекторатах Моравия и Богемия. В целом для СС (напрямую или через посреднические общества) удалось «приобрести» 256 тысяч гектаров земель и 145 тысяч гектаров лесных массивов. В целом до конца войны Земельное управление экспроприировало 500 тысяч гектаров полезных земель, более 10% площади всех сельскохозяйственных угодий на территории бывшей Чехии.

ВЫСЕЛЕНИЕ ЧЕХОВ И НЕМЕЦКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Вся запланированная эсэсовским руководством поселенческая и аграрная политика в протекторатах Моравия и Богемия преследовала две далеко идущие цели. С одной стороны, многие из немецких поселенцев, оказавшиеся в протекторатах, должны были по возможности селиться на так называемых «немецких языковых островах», которые должны были получить импульс для дальнейшего развития. С другой стороны, эти акции были напрямую связаны с депортацией чехов, «не подлежащих германизации», и переселением «способных к онемечиванию» чехов как потенциальной рабочей силы.

Поначалу эсэсовские инициаторы поселенческой политики хотели сосредоточиться на областях с преобладающим немецким населением (Иглау и Брюнн), которые надо было вновь увязать воедино с «немецким этническим коридором», разрушенным, согласно нацистской политической мифологии, чехословацкой земельной реформой. Таким образом они намеревались не только объединить все «немецкие языковые острова», но связать их со «старой империей». Планировалось создать неразрывную цепь немецких поселений, начиная от Силезии и до «Восточной марки». Этот этнический

коридор одновременно должен был укрепить восточные границы протекторатов. Создание этнического коридора должно было происходить главным образом за счет депортации евреев и чехов. Уже в мае 1939 года оберштурмфюрер СС Тео Хеншель (в тот момент начальник только что создававшегося в Праге филиала РуСХА) приветствовал включение в состав РуСХА «Немецкого общества поселений», так как это позволяло ему начать планировать передачу еврейских и чешских земель в окрестностях Иглау в немецкие руки. В тот момент в Иглау более 80% земельных наделов находилось в руках этнических немцев, и Хеншель намеревался сделать все возможное, чтобы отнять у чехов и евреев оставшуюся часть земель. Округа Иглау должна была стать сугубо немецким районом. Несколько ранее Хеншель с неподдельным испугом говорил о «замыслах» чешского правительства заселить Брюнн и Иглау чешскими эмигрантами, которые возвращались в протектораты из Венгрии и Словакии. Он считал, что зрел «заговор» против «немецких островов». Для осуществления этого «преступного плана», по мнению эсэсовца, хватило бы нескольких лет. «Чешские пионеры неизбежно стали бы выступать против немецкой самобытности. Стали бы возникать чисто чешские поселения, население которых стало бы выступать против геополитических устремлений Германии».

Эсэсовские эксперты полагали, что для того, чтобы противодействовать этому «заговору», необходимо «передать» еврейские и чешские земли немецким колонистам, а также немцам, уже издавна проживавшим в этих краях. Таким образом, моральным оправданием конфискаций государственной собственности стала мнимая угроза «немецким языковым островам», которая якобы исходила от чешской аграрной политики. Переселение немцев стали осуществлять два посреднических общества, которые, как и в большинстве случаев прежде, контролировались учреждениями СС (в данном случае их председателем являлся лично Готтберг): «Общественно-полезной кампанией Иглау» и «Общественно-полезной кампанией Ольмютца». Однако реальное осуществление переселений затянулось до весны 1941 года, когда из Бессарабии, присоединенной к СССР, хлынули немецкие поселенцы. Руководство СС планировало поселить их на землях, некогда принадлежавших евреям и чехам. Эти первые поселенцы прибыли в местечко Мельник, где они должны были связать «немецкий языковой остров Иглау» с Прагой. В целом переселение «фольксдойче» шло очень слабыми темпами. До начала 1944 года в эти области было переселено всего лишь 6 тысяч

человек. Сразу же подчеркнем, что в 1939 году в РуСХА вели речь о переселении 150 тысяч немецких семей.

Несмотря на фактический провал политики укрепления «немецких языковых островов», выселение чехов шло полным ходом. Многие из них депортировались, так как на месте их сел и деревень создавались армейские полигоны. Нередко создание полигонов было всего лишь предлогом, чтобы выселить чехов. На самом деле эти земли требовались для того, чтобы позже заселить их немцами. К этой уловке особенно часто прибегал Готтберг во время своего руководства Земельным управлением. Так произошло в Таборе в августе 1939 года, в Вишау в феврале 1942 года. Руководство СС исходило из того, что надо было выселить как минимум 15 тысяч человек. Большинство из депортируемых теряли не только свою землю, но и почти все имущество. Если обратиться к статистике, то мы увидим, что эти 15 тысяч человек оказались выселены к маю 1942 года. Выселялись они из самых разных областей: Миловича, Каммвальда, Вишау, Иглау, Ольмютца. Лишение чешских крестьян средств к существованию не было случайностью. Эсэсовские теоретики находили им новое «полезное применение» — они должны были стать дешевой рабочей силой в Германии, «старой империи». Курт фон Готтберг как-то сообщал имперскому протектору Константину фон Нойрату: «Благодаря деятельности Земельного управления указанные земли оказались освобожденными от значительного числа чешских семей. Какова их реальная численность, до сих пор не ясно. Тем не менее я могу указывать на то, что по меньшей мере уже в данный момент в качестве рабочей силы можно использовать 50 тысяч человек из окрестностей Табора и 13 тысяч моравских семей. Принимая во внимание политические реалии, эти люди должны быть перемещены в старую империю». Курт фон Готтберг ни в коем случае не витал в облаках и не занимался беспочвенным фантазированием. В период с 1939 по 1944 год приблизительно 400 тысяч чехов оказалось угнано в Германию, причем лишь единицы соглашались на этот переезд добровольно.

Стремление эсэсовского руководства во что бы то ни стало германизировать протектораты, выселить «нежелательных чехов», а остальных использовать в качестве рабочей силы можно считать неким подобием модели, которая позже использовалась при онемечивании Польши. Это относится в первую очередь к экспроприациям земельных наделов, которые проводились Земельным управлением накануне Второй мировой войны. Об этом говорит хотя бы тот факт,

что те же люди, которые вначале занимались «решением чешского вопроса», позже были направлены на осуществление политики германизации в Западной Польше. И наконец, специальные оперативные группы, состоявшие из сотрудников Главного управления СС по вопросам расы и поселений, еще во время «Польского похода» были направлены на завоеванные территории, дабы заложить там основу будущей эсэсовской аграрной политики. В то же время сотрудники этих айнзатц-команд получали финансовую поддержку из Пражского Земельного управления, по сути, являясь сотрудниками этой структуры.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОГО ТИРОЛЯ

Другим важнейшим направлением деятельности Пражского Земельного управления, все еще находившегося под руководством Готтберга, стало решение так называемого «южно-тирольского вопроса». Эта проблема возникла почти сразу же после аннексии Австрии в марте 1938 года. Когда Австрия вошла в состав рейха, немедленно возник вопрос: что произойдет с немецким и немецкоязычным населением Южного Тироля, который в 1919 году формально был присоединен к Италии? Речь шла о нескольких тысячах этнических немцев и австрийцев, а также о 200 тысячах немецкоязычных жителей Тироля, которые, несмотря на итальянское гражданство, рассматривались нацистским руководством как «германцы». В преддверии немецко-итальянского соглашения о переселении жителей Южного Тироля, которое было подписано 21 октября 1939 года, Гитлер поручил гауляйтеру Северного Тироля Францу Хоферу совместно с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером обработать и проанализировать все имевшиеся на тот момент предложения по механизму переселения тирольцев. В итоге в апреле 1939 года на свет появился план, который предусматривал переселение в рейх первой партии тирольцев — 30 тысяч человек. Подписанные итало-германские соглашения по вопросам переселения тирольцев состояли из трех документов, которые регулировали процедуру переселения. Само переселение должно было происходить в виде оптации, что автоматически ставило вопрос о финансовом возмещении. В перспективе сами жители Южного Тироля должны были решить на плебисците, возвращаться ли им в лоно немецкого народа или оставаться в Италии.

Когда Гиммлеру было только поручено проработать этот вопрос, он сразу же обратился к руководству пражского управления переселений, которое должно было выработать перспективные предложения по этой проблеме. Об уровне доверия к Готтбергу говорит хотя бы один тот факт, что в своем письме от 12 июля 1939 года Гиммлер лично просил этого эсэсовца связаться с гауляйтером Хофером, дабы обсудить все тонкости данного вопроса. То есть, по сути, рейхсфюрер СС уполномочил Готтберга выполнять функции, которые Гитлер возложил непосредственно на Гиммлера. В свой проект Готтберг включил два принципиальных момента. Во-первых, он планировал переселение 2750 крестьянских семей из Южного Тироля в Северный, который он мыслил как один из «пограничных валов германства». Во-вторых, еще 12 тысяч человек должны были обрести новую родину в протекторатах Богемия и Моравия, которые уже давно виделись эсэсовскому руководству как «бастион борьбы за немецкий народ на восточных рубежах». Этот ход был не только последовательным продолжением политики германизации протекторатов, но шаг, способствующий выселению из этих районов ненемецкого населения (в Северном Тироле переселенцы должны были жить бок о бок с коренным австрийским населением). После успешного завершения «Польского похода» и начала онемечивания западных польских территорий жителей Южного Тироля планировалось также переселить в восточные области Верхней Силезии. Кроме этого, планировалось провести тотальное расовое обследование южных тирольцев, чтобы в перспективе переселять в первую очередь самые «качественные» семьи. Готтберг высказывался категорически против переселения «расово низкокачественных» жителей Южного Тироля. Он планировал оставлять «расово ценные» семьи в Северном Тироле (таковых насчитывалось где-то полторы тысячи). Из них должно было формироваться «новое крестьянство». Все остальные должны были переселяться либо в города, либо в отдаленные районы. Кроме этого, подобное расовое обследование Готтберг планировал провести среди всех жителей Северного Тироля, дабы сразу же выявить семьи, которые не представляли никакой ценности для касты «нового крестьянства». Готтберг писал: «Этот повод является уникальным случаем расово обогатить Северный Тироль доброй кровью нескольких тысяч южнотирольских семей. Северный Тироль должен превратиться в пограничный вал, который оберегает качественную немецкую кровь».

Курт фон Готтберг также настаивал на том, чтобы исключить «гражданские» министерства из процесса переселения, которым должны были заниматься исключительно СС. Непосредственно эту работу должны были осуществлять специалисты РуСХА, представители имперского протектора Богемии и Моравии, а также сотрудники аппарата тирольского гауляйтера НСДАП. Кроме того, он предлагал создать специальные эсэсовские комиссии, которые бы финансировались из казны Земельного управления. Позже из этих же финансовых источников было выделено 360 миллионов рейхсмарок, которые пошли на оплату работы Рабочих штабов СС по переселению, которые действовали в оккупированной Польше (более подробно мы поговорим об этом в последующих главах). Готтберг предполагал, что для успешного осуществления переселения жителей Южного Тироля требовалось финансирование в размере 500 миллионов рейхсмарок. В этом вопросе он предполагал привлечь средства имперского министра продовольствия, а также средства, выделяемые на борьбу с безработицей. Однако самые большие суммы предполагалось получить от продажи конфискованных в протекторатах земель. Эта денежная манипуляция, по мнению Готтберга, могла позволить получить «значительные суммы, которые бы направились на осуществление расово-этнической политики», прежде всего на поддержку «расово ценных» селян, которые должны были создавать при посредничестве «Немецкого общества поселений» новые крестьянские хозяйства. Залогом этой политики должен был стать договор, заключенный между гауляйтером Тироля и «Немецким обществом поселений». Проект этого соглашения был составлен в том же 1939 году.

Реальное переселение южных тирольцев началось лишь в 1940 году, после так называемой «оптации». Именно к 1 января 1940 года большинство южных тирольцев высказало свое мнение относительно переселения в рейх. В различных районах за переселение высказывалось от 76,2 до 81,8% жителей Южного Тироля. Они больше не намеревались быть жителями Италии. Официально плебисцит состоялся 31 декабря 1939 года. Однако в действительности высказывание своего мнения затянулось до лета 1940 года. Не стоило забывать, что еще до 1940 года Южный Тироль покинуло 7600 человек. Но массовое переселение началось именно после «оптации». Однако говоря об этом переселении, не надо забывать, что его реальные объемы были гораздо скромнее запланированных руководством СС. При создании «новых крестьянских дворов» в Северном Тироле,

протекторатах Моравия и Богемия удалось достигнуть лишь небольшого успеха. В свете этого надо заметить, что накануне начала войны «расовый отбор» в соответствии с критериями приема в СС, а также переселения как составная часть «политики германизации» являлись главными координатами эсэсовской политики, ориентированной на создание «новой империи германских народов». Именно в это время закладывалось тесное сотрудничество РуСХА, РСХА и поселенческих обществ.

КОНФЛИКТ СС И ИМПЕРСКОГО МИНИСТЕРСТВА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Несмотря на активность шефа Земельного управления Курта фон Готтберга, его авторитет в Праге был отнюдь не бесспорным. Накануне назначения его начальником управления имперский протектор Нойрат пытался воспрепятствовать неуклонно растущему влиянию СС в Моравии и Богемии. Кроме этого, имперский министр Дарре предпочитал видеть на посту шефа Земельного управления своего ставленника, а отнюдь не эсэсовца. По этой причине он вел против Готтберга энергичную закулисную борьбу. Сам же Готтберг давал множество поводов для активной критики в свой адрес. Достаточно хотя бы того факта, что он пытался превратить Земельное управление в сугубо эсэсовскую организацию, фактически независимую от прочих гражданских структур. Иными словами, он пытался сконцентрировать в своих руках всю «народную и поселенческую политику», по сути, превращаясь в «серого кардинала аграрной политики при дворе имперского протектора». Сам Готтберг не скрывал этого намерения. Как-то он заявил имперскому министру внутренних дел: «Однажды встав на этот путь, было бы логично предпринять следующее: проводить немецкую аграрную политику руками чешского Земельного управления и за счет средств чехов. Однако это требует не только немецкого контроля, но и того, чтобы Земельное управление являлось едва ли не высшим органом власти при имперском протекторе». Готтберг претендовал на огромную власть в протекторатах (вспомним хотя бы то, что он входил в правление всех поселенческих обществ). Желание получить финансовую независимость стало причиной его краха. Его обвинили в сомнительных финансовых аферах, прежде всего в продаже реквизированной земли. Не без участия Дарре Готтберга обвинили в финансовой халатности. Несколько фактов говорят о том, что отставка Готт-

берга стала результатом интриг Вальтера Дарре, который никак не смог смириться с неуклонно растущей властью своего контрагента.

Причин для ведения подобных интриг было множество. С самого начала осуществления в протекторатах «политики германизации» между руководством министерства продовольствия и управления поселений шли неутихающие споры о том, кто — Имперский продовольственный комитет или Главное управление СС по вопросам расы и поселений — должен был контролировать поселенческую политику на юго-востоке рейха. Стороны прежде всего интересовало, кто будет распределять ресурсы. В этом вопросе политическое влияние в Моравии и Богемии было залогом будущего финансового благополучия. Курт фон Готтберг неоднократно обращался в различные инстанции с жалобами, что его аграрная политика фактически саботировалась. С этой точки зрения Дарре был прямо заинтересован в том, чтобы Готтберга обвинили в финансовых аферах. Подобное развитие событий устраивало не только Дарре, но и Нойрата, который давно мечтал избавиться от эсэсовской опеки. В итоге почти сразу же после отставки Готтберга «Немецкое общество поселений», которое считалось главным звеном в осуществлении эсэсовских финансовых афер, было поглощено только что созданным «Немецким обществом попечения переселений». По мнению Нойрата, это позволяло ему избавиться от контроля СС. Когда критике стало подвергаться «Немецкое имперское общество», то несколько высокопоставленных эсэсовцев сделали все возможное, чтобы сохранить его. Среди них мы могли бы увидеть Освальда Поля, Рейнхардта Гейдриха, Рихарда Хильдебрандта. Эсэсовское руководство не намеревалось сдавать своих позиций. Гиммлер как имперский комиссар по укреплению немецкой народности однозначно заявлял, что поселенческая политика является его компетенцией. Конфликт представителей министерства продовольствия с эсэсовскими специалистами можно было наблюдать едва ли не с первых дней завоевания Польши. На этот раз эсэсовцы оказались готовы к подобному повороту дел, они гарантировали своим оперативным группам доступ к земельным документам и поземельным книгам. Но об этом позже.

Итак, 7 ноября 1939 года Готтберг был снят с поста начальника управления поселений РуСХА, а 12 декабря того же года — получил отставку как исполняющий обязанности руководителя Земельного управления. Он не смог перенести подобного унижения — с ним случился сердечный приступ. Следствием этого стал не только закат

его карьеры. Готтберг продолжил свою службу в СС. По прошествии некоторого времени мы могли бы обнаружить его в Белоруссии, где он занимался борьбой с партизанами. Именно Курт фон Готтберг был ответственен за казнь более 15 тысяч белорусских евреев и партизан. В итоге он дослужился до чина генерала ваффен-СС, но о прежнем влиянии не могло быть и речи. Другим следствием финансового скандала стало изменение структуры «Немецкого имперского общества», которое отныне подчинялось Главному хозяйственному управлению СС. Готтберг не отделался простым дисциплинарным взысканием. 16 августа 1940 года против него было возбуждено уголовное дело по статьям «финансовые махинации», «растрата казенных денег» и «поведение, порочащее СС». Впрочем, пару лет спустя рейхсфюрер СС прекратил эти дела за отсутствием состава преступления.

Так в чем же заключалось преступление Готтберга? В начале 1940 года Земельное управление из различных финансовых источников получило приблизительно 2 миллиона рейхсмарок. Эти деньги пошли на финансирование совещания РуС-руководителей в Польше, а также на закупку акций «Немецкого общества поселений», чтобы избежать контроля над этой структурой со стороны имперского министра продовольствия. Кроме этого, деньги пошли на оплату работ по разработке сомнительного препарата от эпидемий ящура, которые производились по заказу «Немецкого имперского общества». Окончательно закрыть дыры в финансировании благодаря экспроприации и перепродаже еврейских земельных наделов оказалось сложнее, нежели предполагалось вначале. Готтберг всегда прикрывался именем рейхсфюрера СС. Но это не всегда помогало, так как имперский протектор Нойрат предпочитал создавать хотя бы видимость сохранения прежних чешских законов. Он даже продолжал говорить о легальности чешской земельной реформы. Действия эсэсовцев не только противоречили его установкам, но и подрывали его авторитет. Впрочем, официальный курс СС изменился лишь после отставки Готтберга. Но не стоит думать, что он стал более либеральным. Гиммлер приказал, чтобы Пражское Земельное управление состояло исключительно из немцев, так как чехи неоднократно были уличены в коррупции и взяточничестве. Это была откровенная ложь, но на нее уже никто не обращал внимания — нужен был лишь повод. Теперь экспроприированные земли не могли выкупаться чехами.

Преемник Готтберга на посту шефа Земельного управления не был эсэсовцем, который намеревался отстаивать интересы Гиммлера как имперского комиссара по укреплению немецкой народности. Теодор Гросс в прошлом возглавлял группу «Продовольствие», которая существовала при имперском протекторе Нойрате. Как видно уже из названия группы, Гросс был ставленником Дарре, а потому нет ничего удивительного в том, что он собирался отстаивать интересы Имперского продовольственного комитета, проводя в жизнь осторожную поселенческую политику. При новом руководстве единственным выразителем эсэсовских интересов оставался профессор Хорст Бартоломейчик, который при Готтберге являлся заместителем начальника Земельного управления. Но это не могло помочь ему. Гросс совместно с госсекретарем министерства продовольствия Гербертом Баке попытался перевести Земельное управление в подчинение Имперского министерства продовольствия. Одновременно с этим предпринималось все возможное, чтобы существенно сократить число сотрудников Земельного управления из числа экспертов РуСХА. На тот момент их насчитывалось 47 человек. Подобная деятельность вызывала искренний гнев новых шефов — Гюнтера Панке и Отто Хоффмана, а также Германа Франка как одного из высших эсэсовских чинов в протекторатах Богемия и Моравия. Однако «подрывная деятельность» Теодора Гросса длилась недолго, им «заинтересовался» Рейнхардт Гейдрих, который решил положить конец подобным начинаниям.

Когда осенью 1941 года Рейнхардт Гейдрих фактически возглавил чешское правительство, первым делом он решил наверстать упущенное и вновь сделать СС структурой, ответственной за осуществление агарной политики. Первым делом Гейдрих заменил на посту начальника Земельного управления продовольственного специалиста Теодора Гросса на сотрудника СД гауптштурмфюрера СС Фердинанда Фишера. Фишер был видным активистом Судето-немецкой партии, организации, ратовавшей в свое время за союз с Гитлером. После того как Судеты были аннексированы нацистами, Фишер занимал руководящие посты в пражской полиции. Его фигура устраивала не только Гейдриха, но и Карла Германа Франка, который еще в 1940 году предполагал сделать этого судетского немца начальником Земельного управления.

Гейдрих обвинил Гросса в том, что тот безответственно отнесся к экспроприированной собственности и недостаточно активно решал важные политические задачи. Действительно, Гроссу удалось

экспроприировать только 40 тысяч гектаров еврейских земель. Гейдрих решил в корне поменять ситуацию и бесцеремонно ускорил политику германизации, которая, по сути, сводилась к беззастенчивому грабежу. Кроме этого, Гейдрих выдвинул еще одно, более серьезное обвинение — Гросс как начальник Земельного управления оказался не в состоянии выполнять задания, поставленные имперским комиссаром по укреплению немецкой народности Гиммлером, который был назначен на эту должность лично Гитлером. После двухлетнего «междуцарствия», когда управлением руководил гражданский специалист, аграрная политика вновь оказалась в компетенции СС, являясь одной из важнейших задач до самого окончания войны.

«РАСОВОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ» ЧЕШСКОГО НАРОДА И ОТКРЫТИЕ ФИЛИАЛА РУСХА В ПРАГЕ

Наряду с экспроприацией земли, которая использовалась для создания немецких поселений, СС намеревались осуществить в протекторатах второй крупный «проект» — так называемую «расовую инвентаризацию» чешского населения. Расовые эксперты СС должны были выявлять «расово высококачественных» чехов. Они подлежали «онемечиванию». Все остальные должны были использоваться как дешевая рабочая сила. Этот проект стал активно реализовываться, когда во главе протекторатов был поставлен Рейнхардт Гейдрих. Он поручил это дело своим эсэсовским помощникам.

Главную роль в «расовой инвентаризации» играл высший полицейский и эсэсовский чин в Праге группенфюрер СС Карл Герман Франк, который еще в августе 1940 года выразил в общих словах основные направления этнической политики в протекторатах, превратив их позже в некий меморандум. Этот документ наряду с «умеренными» наработками Нойрата в данном вопросе был направлен в Берлин. Меморандум Нойрата, окончательно подготовленный 31 августа 1940 года, назывался «К вопросу о будущем использовании богемско-моравского региона». Документ Франка, датированный 28 августа 1940 года, имел название «О решении чешского вопроса». Оба эти документа были доставлены Гитлеру 31 августа 1940 года. Гитлер лично ознакомился с проектами и выразил однозначную симпатию плану, разработанному Франком.

При последующих беседах с Нойратом и Франком Гитлер пришел к выводу о том, что протектораты должны были сохраниться в

прежнем виде, но германизация Моравии и Богемии должна была идти форсированными темпами. В первую очередь это касалось онемечивания чехов.

В этой бумаге Франк настаивал на отделении «расово высококачественной части населения от расово низкокачественной части». Благодаря этому должна была быть достигнута полная «этническая переориентация». Завершить ее планировалось приблизительно через десять лет. Этот эсэсовец видел германизацию протекторатов следующим образом:

1. Этническая переориентация расово полноценных чехов.

2. Депортация расово неполноценных чехов, а также враждебно настроенной в отношении рейха интеллектуальной элиты. Особое обращение с этими и прочими деструктивными элементами.

3. Вследствие освобождения земель заселение данного региона носителями свежей немецкой крови.

«Учет расово неполноценных чехов», по замыслу Франка, должен был быть поручен специальным следственным комиссиям, которые могли действовать под прикрытием учреждений здравоохранения. Все остальные чехи подлежали онемечиванию, которое надлежало проводить всеми возможными средствами. Уже тогда Франк вынашивал идеи тесного сотрудничества с Главным управлением СС по вопросам расы и поселений. Это сотрудничество должно было быть направлено в первую очередь на усиление уже имеющейся сферы немецкого влияния, а именно: чешские области, где компактно проживало немецкое население. Эти «островки» надо было связать между собой при помощи «этнических мостов» и «коридоров». Само собой разумеется, что данные «мосты» и «коридоры» должны были появляться на свет после того, как из этих районов депортировалось бы чешское и еврейское население. Здесь обрести новое место жительства должны были судетские немцы, а также отчасти переселенцы из «старой империи». Эти идеи Франк уже обсуждал с Отто Хоффманом — очередным начальником РуСХА, а также ректором «немецкого университета имени Карла» Вильгельмом Зауре, который был агрономом по образованию и позже стал сотрудником РуСХА. Эти беседы Франк провел буквально накануне составления своего меморандума. Более того, он провел серию совещаний с пражскими учеными немецкого происхождения на предмет перспектив германизации Моравии и Богемии. Именно тогда Зауре заявил, что положение немецкой части населения протекторатов и

форсированное онемечивание чехов являются «важнейшим преюдициальным вопросом, решение которого позволит достичь далеко идущих политических целей».

Опираясь на предложения Франка, Рейнхардт Гейдрих в сентябре 1940 года дал РуСХА как компетентному Главному управлению СС задание провести «расовую инвентаризацию» чешского народа. Очевидно, что подобная идея была поддержана Гиммлером, так как в октябре 1940 года рейхсфюрер СС приказал новому шефу РуСХА Отто Хоффману «в кратчайшие сроки подготовить проект анкеты для чешских школьных врачей», которая должна была стать базовым документом для расового обследования школьной молодежи. Хоффман тут же осуществил желание Гиммлера. В данной анкете учитывались такие показатели, как рост, возраст, вес, цвет глаз, цвет волос. Когда рейхсфюрер СС ознакомился с проектом, он предложил добавить в анкету следующие характеристики: телосложение, цвет кожи, черепно-лицевой индекс. Кроме этого, шеф РуСХА настоял на наличии фотографии, так как только при наличии оной можно было точно определить расовую принадлежность. Воодушевленный, Гиммлер приказал Франку тут же использовать эту анкету. Расовые исследования и изучение фотографий должны были проводиться под видом медицинских осмотров в школе. Для этого требовалось значительное финансирование. Подобные школьно-медицинские исследования стали первым шагом на пути «расовой инвентаризации» чешского народа.

Также по инициативе Гейдриха один из берлинских сотрудников РуСХА, обершарфюрер СС Вальтер Кёниг-Бейер, подготовил в конце октября 1940 года «Меморандум о расово-политической обстановке в моравско-богемском регионе и его перестройке». При подготовке этого документа эсэсовец опирался на выборочные результаты уже осуществленных расовых исследований чешского населения. Он пришел к выводу, что 45% чехов являются «метисами нордической, динарской и западной рас». Еще 40% чешского населения являлось метисами, в которых преимущественно текла кровь восточной и восточно-балтийской рас. Оставшиеся 15% населения являлись представителями «чуждых рас». Но наиболее неблагоприятное соотношение расовых групп он установил в Судетской области. В качестве вывода Кёниг-Бейер предлагал организовать в протекторатах массовое переселение, которое должно было основываться на расово-политических критериях. На месте должны были остаться чехи, которым были присвоены расовые индексы RuS I,

RuS II и RuS III[1]. Исключение в этой группе составляли «германофобски настроенные» чехи, которые подлежали депортации по политическим соображениям. Кроме этого, выселению должны были подвергнуться представители редких профессий, которые должны были непременно работать в Германии. Вне зависимости от расовых качеств на прежнем месте жительства (в протекторатах) должны были оставаться мужчины старше 60 лет, а также женщины старше 50 лет. Подобная поблажка делалась по причине того, что они не могли иметь потомства. Вместе с тем из протекторатов должны были «выбывать» все люди, которые получили расовую оценку RuS IV, а также те, кто считался «политически неблагонадежным» и «неприемлемым с наследственно-биологической точки зрения». Кёниг-Бейер, планируя депортации, рассчитывал на выселение 55% чехов, большинство из которых должно было оказаться не в Германии, а в Польше (на тот момент на территориях так называемого генерал-губернаторства). Это полностью соответствовало тогдашней демографической линии СС. В октябре 1940 года Кёниг-Бейер участвовал в массовых выселениях поляков из Западной Пруссии и окрестностей Данцига.

После этого все референты имперского протектора были ознакомлены с тем, что для «подготовки германизации (этнической переориентации)» в протекторатах необходимо разделить между собой «расово высококачественное население», которое подлежало онемечиванию, и «расово непригодную часть чешского населения», которая автоматически являлась «антиимперски настроенной». Теперь они должны были всячески способствовать «инвентаризации всего проживающего в протекторатах человеческого материала», которое маскировалось немецким руководством под банальные медицинские осмотры. Предложения по подготовке «этнической переориентации» в протекторатах Богемия и Моравия были подготовлены в штабе имперского протектора 30 ноября 1940 года младшим статс-секретарем Бургдёрфером. 18 декабря 1940 года персональный представитель рейхсфюрера СС К.Франк передал окончательный вариант меморандума представителям Главного управления СС по вопросам расы и поселений Гизу и Бёме.

---

[1] Эти расовые индексы устанавливались экспертами РуСХА после заполнения так называемой «расовой карты», которая изначально применялась для освидетельствования кандидатов на вступление в СС.

В РуСХА решили использовать это решение как прекрасный повод еще более расширить свое влияние в Праге. В протектораты к Франку тут же был послан уполномоченный представитель Главного управления СС по вопросам расы и поселений, который должен был создать пражский филиал РуСХА. Этим представителем оказался штурмбанфюрер СС Эрвин Кюнцель. Решение о том, что данный эсэсовец будет ответственным за расовые исследования в штабе группенфюрера Франка, было принято Отто Хоффманом 25 января 1941 года. Кюнцель приступил к исполнению этих обязанностей 15 февраля 1941 года. Он сразу же начал активную подготовку предварительных мер к расовому исследованию чешских школьников. Помимо этого он должен был консультировать Франка по «расоведческим вопросам», обеспечивая его в первую очередь расовой статистикой. Именно на основании этой статистики должно было устанавливаться расово-этническое деление в протекторатах. Непосредственный начальник Кюнцеля Отто Хоффман планировал, что «расовое освидетельствование школьников» станет базой для всеобщего «расового учета чешского населения». Впоследствии вынашивались такие грандиозные планы, как массовые рентгенологические обследования, которые должны были осуществляться специальными эсэсовскими бригадами.

Эрвин Кюнцель оказался идеальной кандидатурой для создания нового филиала. Несколько ранее на территории оккупированной Польши (Вартегау), в Лодзи (Литцманштадт) и Познани он создал учреждения РуСХА, которые со временем превратились в Депортационный централ, а затем и в самостоятельный филиал РуСХА (об этом мы поговорим в следующей главе). Одновременно с созданием филиала Главного управления СС по вопросам расы и поселений, в котором в октябре 1942 года насчитывалось восемь отделов, Кюнцель приложил все усилия, дабы создать на местах локальные группы РуСХА. Подобные группы возникли в Будвайзе, Иглау и Брюнне, которые считались «островами немецкой самобытности». Эти локальные учреждения РуСХА создавались, как правило, при Высших земельных советах и немецких комендантах отдельных районов. Ими руководили эсэсовские офицеры, которые имели в своем распоряжении хотя бы нескольких сотрудников из состава РуСХА. Причем в двух случаях в рамках этих учреждений работали расовые эксперты. До конца 1941 года в протекторатах существовало девять подобных учреждений, а в июле 1942 года — одиннадцать. Это было существенным достижением, о котором руководство РуСХА не

могло мечтать. Ведь в феврале 1941 года в подчинении Кюнцеля было всего лишь пять рядовых сотрудников. В середине 1942 года случилось непредвиденное — у Кюнцеля открылась тяжелая форма туберкулеза. Руководство РуСХА тут же освободило его от занимаемых должностей. Новым руководителем пражского филиала РуСХА был назначен начальник одной из локальных инстанций в Брюнне — гауптштурмфюрер Йоханнес Пройсс. Йоханнес Пройсс был доверенным лицом Кюнцеля еще во время работы в Лодзи. Став начальником пражского филиала РуСХА в ноябре 1942 года, он буквально за год спустился до уровня РуС-руководителя Моравии и Богемии.

ПЕРЕЛОМ В ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИЗАЦИИ. ГЕЙДРИХ НА ПОСТУ ИМПЕРСКОГО ПРОТЕКТОРА

27 сентября 1941 года Рейнхардт Гейдрих был назначен на пост имперского протектора, что существенно облегчало РуСХА подготовку к осуществлению «расовой инвентаризации чешского населения». Формально барон Константин фон Нойрат был освобожден от занимаемой должности «по состоянию здоровья», но дефакто он пал жертвой закулисных интриг. Нойрат всегда сопротивлялся форсированной германизации, которую в протекторатах намеревался проводить Генрих Гиммлер. В итоге он попал у Гитлера в опалу. Как заявлял высший руководитель полиции и СС в Праге Карл-Герман Франк, Нойрат пытался проводить в отношении чехов «политику умиротворения». После отставки Нойрата СС активно занялись онемечиванием протекторатов.

В своей речи по поводу вступления в новую должность, которую Гейдрих произнес 2 октября 1941 года в Праге перед эсэсовскими офицерами, новый имперский протектор открыто заявил о «новом курсе». Он хотел, чтобы чехи и немцы ясно осознали, что протектораты Моравия и Богемия являются неотъемлемой частью рейха. Шеф СД во время своего недолгого пребывания на посту имперского протектора стремился неуклонно следовать своему «признанию»: «Враг всех врагов. Покровитель всех немцев». В этом «девизе» наиболее ярко отразились охранно-полицейские задачи, которые были возложены на Гейдриха Гиммлером как имперским комиссаром по охране немецкого народа. В этой короткой фразе отразились все аспекты будущей германизации протекторатов. Чешский исследователь Петер Немец подчеркивал, что в предстоящей германизации,

на которую взял курс Гейдрих, содержался некий «положительный компонент», который касался прежде всего немецкого населения. Обратной стороной медали был «отрицательный компонент», который выражался в выселении чехов, а также массовых убийствах чешского руководства, которые были отложены на послевоенный период (нацистское руководство в конце 1941 года ни на секунду не сомневалось, что одержит победу во Второй мировой войне). Это мнение кажется более чем сомнительным, так как именно во время «правления» Гейдриха в протекторатах проходила активная ликвидация евреев. Более того, в эти годы было уничтожено 10 тысяч чехов.

Новый имперский протектор проводил различия между «оперативными задачами», которые диктовались обстановкой на фронтах, и «окончательным решением чешского вопроса», имевшего сугубо идеологическое обоснование. Злободневные вопросы политики в основном сводились к поиску наиболее «эффективных» форм угнетения и эксплуатации чехов, действенному подавлению любого сопротивления. Под «окончательным решением чешского вопроса» Гейдрих подразумевал бесповоротную германизацию протекторатов и заселение их немецкими жителями. Гейдрих намеревался еще во время войны провести некие подготовительные работы. Главным шагом должна была стать пресловутая «расово-этническая инвентаризация», которую надлежало осуществлять самыми разными методами. Сам Гейдрих говорил по этому поводу: «Я должен идти различными путями, использовать любой удобный случай, чтобы исследовать с расово-этнической точки зрения все население. Чтобы говорить о будущем этого региона, я должен иметь общее представление о населяющих его людях». Второй составляющей в подготовке онемечивания Чехии должна была стать «реанимация» Пражского Земельного управления, которое было призвано вновь реквизировать земли для будущих немецких поселенцев. «Я верю, что оно в кратчайшие сроки создаст фундамент для нашей народности». Во время беседы с представителями немецкой оккупационной администрации Гейдрих заявлял, что Земельное управление могло стать тем учреждением, которое бы претворяло в жизнь поселенческие задачи, поставленные имперским комиссаром по укреплению немецкой народности. По его мнению, в протекторатах Богемия и Моравия эти задачи имели особое значение, так как реализация их была более простой, нежели онемечивание других восточных территорий. Когда в ноябре 1941 года Гитлер дал Имперскому комис-

сариату по укреплению немецкой народности задание онемечить все оккупированные территории (в первую очередь протектораты), то это скорее всего произошло по инициативе Гейдриха. Сам Гитлер внес небольшие коррективы в эсэсовские планы, указав, что онемечиванию подлежало 60, а не 40% чешского населения. Заручившись этой высочайшей поддержкой, РуСХА и Франк приступили к интенсификации аграрной политики и расового отбора.

В течение первых месяцев правления Гейдрих, опираясь на советы экспертов из РуСХА, занимался разработкой специфического метода «расового учета». Сначала он заявлял о том, что «учет» должен быть замаскирован под медицинское обследование. Затем он говорил о «политической регистрации», которая должна была осуществляться силами полиции и гражданских структур. Это весьма напоминало «расовую процедуру», которую на территории Польши осуществил Депортационный централ, созданный из экспертов главного управления СС по вопросам расы и поселений. Неудивительно, что Гейдрих призывал всячески использовать «польский опыт». В феврале 1942 года имперский протектор подчеркнул, что «расовый учет» не должен происходить в форме обследования учеников. Теперь на первое место выступала выдача чехам удостоверений личности. В соответствующих формулярах, заполняемых для выдачи документов, надлежало отдельно выделять «не подлежащих онемечиванию», «подлежащих онемечиванию». Оставшаяся часть чехов, где-то одна треть от семимиллионного населения протекторатов, должна была подвергнуться более тщательному изучению с целью установления их расовой сущности. Гейдрих уже тогда решил, что должно было произойти с «нежелательными элементами». До этого момента СС и отдельные немецкие службы в протекторатах вели речь о «выбывании» и «выселении». Однако две недели спустя после окончания Ванзейской конференции шеф РСХА стал прибегать к более конкретным формулировкам. «Не подлежащих онемечиванию можно было бы выслать на Крайний Север к Северному Ледовитому океану». «Идеальной родиной для 11,5 миллионов европейских евреев в будущем могли бы стать концентрационные лагеря». «В этих лагерях в качестве рабочего персонала и надсмотрщиков можно было бы использовать тех же самых чехов» и т.д. Если учесть, что Гейдрих не собирался вручать «расово нежелательным чехам» каких-либо важных ролей в будущем обществе, то речь шла о далеко идущей программе геноцида, так как эти чехи должны были стать надсмотрщиками в сибирских лагерях. То есть чехам была уго-

тована «благородная роль» «европейского дозора» на границе с Азией.

Брутальные идеи Гейдриха находились в полном соответствии с представлениями Гитлера. Тот еще в октябре 1941 года заявил, что все «расово неполноценные элементы, пребывающие в богемско-моравском регионе, после войны будут выселены далеко на Восток». Видимо, и Гитлер намеревался уготовить чехам роль «смотрителей». Подобные заявления надо воспринимать в тесной связи с «Генеральным планом «Ост», который разрабатывался в те дни. Гиммлер не раз пытался убедить Гитлера в правильности идеи «концентрационных лагерей на берегу Ледовитого океана», но фюрер был непреклонен — все нежелательные элементы должны были выселяться на Восток. В 1941 году создатели плана «Ост» предполагали «переселение» 31 миллиона «расово нежелательных» жителей Восточной Европы в отдаленные районы Советского Союза, в частности в Западную Сибирь. Первые варианты «Генерального плана «Ост» были подготовлены в ноябре 1941 года, но они считаются пропавшими. Об этом документе можно судить только по воспоминаниям и небольшим отрывкам.

В тот же самый день, когда в феврале 1942 года Гейдрих заявлял верхушке протекторатов о предстоящем выселении «нежелательных чехов» на берега Ледовитого океана, сотрудники РСХА, эксперты РуСХА и члены штаба Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности обсуждали возможность онемечивания Прибалтики с представителями Министерства восточных территорий. Все единогласно высказались за переселение расово нежелательных прибалтийцев в Сибирь, где они должны были сформировать «новый средний слой».

Рубежом в разработке «Генерального плана «Ост» штабом Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности явилось 28 мая 1942 года. Именно тогда было решено осуществить сокращение «нежелательного европейского населения» не только за счет высылок и депортаций, но и при помощи искусственно организованного голода и изнурительного труда.

Наконец, нужно обратить внимание на то, что в апреле 1942 года уже происходило массовое уничтожение европейских евреев. Незадолго до этого Гейдрих на Ванзейской конференции представил общие контуры программы геноцида, на осуществление которого он получил общее согласие всех присутствующих. К этому времени на территории Советского Союза оперативные группы СС («айнзатц-

группы») уже уничтожили тысячи евреев, а в концентрационных лагерях в Восточной Европе готовились осуществить массовые убийства. Осенью 1941 года в Освенциме с применением газа были умерщвлены первые советские военнопленные, затем пришла очередь евреев. Первая газовая камера в Освенциме была запущена летом 1942 года, после чего начали возводить вторую — убийства планировалось поставить на «промышленный поток».

Идея Гейдриха о концентрационных лагерях на берегу Ледовитого океана подчеркивает, что «германизация протекторатов» и «чехославизация Северо-Восточной Европы» были неразрывно связаны с пресловутым «окончательным решением еврейского вопроса». Чехи должны были стать кирпичиком в здании перекроенной по эсэсовским лекалам Европы. Руководство СС любыми силами хотело осуществить «этническую реконструкцию континента». «Расово нежелательным чехам» предоставлялась сомнительная привилегия быть «надзирателями в концентрационных лагерях», построенных по требованию Великой Германии. Однако до этого дело не дошло.

В своем последнем докладе Мартину Борману о положении в протекторатах, который датировался 18 мая 1942 года, Гейдрих весьма определенно высказывался на предмет расового учета и методов расовых обследований, к которым прибегало РуСХА. «Прикрываясь идеей внедрения немецких документов как внутренних паспортов, можно провести этническую инвентаризацию всего населения Богемии и Моравии. Только эта операция даст общее представление о количестве чехов, способных к онемечиванию. Пять передвижных рентгенологических станций — первая из которых уже начала работу — будут совместно с командами, состоящими из экспертов главного управления СС по вопросам расы и поселений, осуществлять массовое обследование всего населения, что позволит выявить степень возможности дальнейшего онемечивания».

Эта широко задуманная расовая проверка, которая инсценировалась как «рентгенологическое обследование», стартовала летом 1942 года. Именно в это время была озвучена идея начальника расового управления РуСХА о более тесном сотрудничестве протекторатов со специально созданной в «Немецком университете Карла» (Прага) кафедрой расовой биологии в деле расовой инвентаризации. Впервые эта мысль была высказана в первых числах ноября 1941 года. Однако реальные контуры она стала обретать лишь в начале 1942 года, когда Шульц начал сотрудничать с немецкой профессурой. Идея была реализована в первую очередь благодаря старани-

ям ректора «Немецкого университета Карла» Вильгельма Зауре. Мало того, что этот исследователь стал сотрудников Главного управления СС по вопросам расы и поселений, он еще и приложил все усилия, чтобы создать в Праге Центр расовых исследований. Сам Шульц должен был оказывать этой организации как сугубо научную поддержку, так и практическую помощь. Именно при поддержке Зауре должно было происходить обучение новых экспертов РуСХА, которые были призваны осуществлять расовую инвентаризацию. В речи по поводу вступления в свою должность, больше напоминавшей лекцию на тему «Расово-биологические вопросы немецкого региона», Шульц подробно рассказывал на примере протекторатов о значимости определения «расовой топографии». На расширенном заседании уполномоченных лиц Расово-политического управления НСДАП и руководства гау Нижний Дунай, которое состоялось в последних числах июля 1942 года, заместитель начальника пражского филиала РуСХА оберштурмфюрер СС Хуссман докладывал о прохождении расового отбора чехов. В частности, он упоминал пресловутую «рентгенологическую акцию». Он объяснял, что РуСХА преследовало цель увидеть, какова расовая структура чешского народа, дабы в будущем точно знать, кто подлежал онемечиванию, а кто — насильственной депортации. Подчеркивалось, что расовое обследование заложило основу для последующей «рентгенологической акции». Предварительные же исследования указали, что в расовом составе чешского народа обнаруживались значительные примеси восточной и восточно-балтийской расы, что делало его отличным от немцев. Более того, у ряда чехов проявлялись очевидные азиатские черты.

Летом 1942 года акция охватила такие районы, как Будвайз, Брюнн, Пардубиц. Дела шли не очень хорошо. Об этом говорит хотя бы одно письмо, в котором руководитель пражского филиала гауптштурмфюрер СС Пройсс просит у вышестоящего начальства из Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности выделить ему 2 тысячи литров бензина для работы четырех передвижных рентгенологических станций. О плачевном финансовом состоянии пражского филиала говорил и другой факт — весь выделенный бензин был потрачен на проведение карательных акций в Лидице и Лецаки. Эти богемские деревушки были уничтожены в отместку за покушение на Рейнхардта Гейдриха. Часть жителей была расстреляна, часть сослана в концентрационные лагеря. Расовые эксперты присутствовали во время карательной операции, дабы

отобрать подходящих детей, которых можно было в будущем онемечить. Опуская моральный аспект этих действий, возникает вопрос: сколько же бензина выделяли пражскому филиалу РуСХА? Неужели так мало?

В конце 1942 года в Праге при РуСХА по личной инициативе Пройсса был создан отдел здравоохранения, который стал ведать вопросами «рентгенологической акции» и составлением «рентгеновских карт». Одновременно с этим там оказалось около 30 экспертов, которые определяли «расовую пригодность». Большинство из них уже имело опыт подобной деятельности, так как они работали в Лодзи в Депортационном централе и других местах «восточного пространства». До нас дошли лишь фрагменты того, какова же была эсэсовская статистика, полученная в ходе данной операции. Большая часть документов пражского филиала РуСХА погибла в годы войны. От них осталась лишь небольшая часть, которая сейчас находится в чешских архивах. Чешский историк Факлав Краль в одной из своих работ приводил выдержки из доклада руководства пражского филиала РуСХА от 17 сентября 1942 года, где сообщалось, что расовое освидетельствование прошло 8700 чешских семей. Так как расовые исследования продолжались в течение всего 1942 года, то можно предположить, что число обследованных семей превышало 10 тысяч. Имелись также сведения о 9 тысячах железнодорожных работников и 7 тысячах работников почтовой службы, которые подверглись расовому обследованию. Реальное количество людей, подлежавших онемечиванию, установить еще сложнее. Можно лишь предполагать, что в РуСХА планировали провести «этническую переориентацию» как минимум 100 тысяч чехов. В противном случае не было бы смысла в создании пяти «рентгенологических комиссий».

Как и в проекте «расового учета» чехов, Гейдрих теоретически и практически увязывал поселенческую политику СС в Моравии и Богемии с непосредственным уничтожением евреев. Уже в своем меморандуме, говоря о положении евреев в протекторатах, он подразумевал создание в Праге «Центра депортации евреев». По статистике, в марте 1939 года в Моравии и Богемии проживало 118 тысяч евреев. К октябрю 1941 года 88 тысяч из них оставалось на прежнем месте жительства. К этим цифрам Гейдрих прибег во время обсуждения путей «окончательного решения еврейского вопроса». Накануне он распорядился, чтобы 5 тысяч евреев было депортировано из Праги в Терезиенштадт, где они должны были построить специальное гетто. Выдвигая мысль о создании крупного еврейского гетто в

Терезиенштадте, Гейдрих всего лишь претворял в действительность основные направления политики Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности. С начала 1942 года Терезиенштадт служил пересыльным лагерем для чешских евреев по пути их следования в «лагеря смерти». С лета того же года он начал превращаться в специальное гетто для евреев, депортируемых из Германии и Австрии. А пока этот лагерь, по замыслу имперского протектора, должен был служить для временного размещения евреев. Постепенно размещенные здесь евреи должны были направляться в минском и рижском направлениях. Лишь после этого данная территория должна была использоваться по-новому: «После окончательной эвакуации всех евреев Терезиенштадт будет заселен безупречными немцами, таким образом вновь вернувшись к немецкой жизни. Обстановка благоприятствует этому, ибо так создается еще один форпост, что соответствует идеям рейхсфюрера СС как Имперского комиссара по укреплению немецкой народности». Этот циничный пассаж вызывает в памяти проекты германизации окрестностей Освенцима, которые предполагали существование Аушвица (Освенцима) не только как немецкого города, но и как центра соответствующего региона, который подлежал заселению немцами и эсэсовцами. Как видим, инициаторов создания немецких «идеальных поселений» не смущало соседство с «лагерями смерти». Тем не менее Гейдрих хотел сохранить в тайне свои планы относительно Терезиенштадта.

Однако новый имперский протектор не ограничивался планами. Например, на оккупированных в 1939 году территориях Западной Польши он доверил Пражскому Земельному управлению составлять так называемые «дворовые карты», на которые наносилось все недвижимое имущество, имевшееся в деревнях, селах и сельских общинах. Эти карты, по задумке Гейдриха, должны были впоследствии способствовать «этнической инвентаризации», а затем — созданию новых поселений и заселению «освобожденных» территорий немцами. Он говорил: «Мы имеем там темные пятна в деревнях. Единственное, что мы знаем, — это то, что они не являются немецкими. Эти области должны стать базой для последующего немецкого переселения». У чешских жителей подобных «темных пятен» выбор был небогат: либо переселение в область Ледовитого океана, либо «исчезновение». Сходных принципов эсэсовцы придерживались в Польше, за тем лишь исключением, что там не проводилась предварительная «расовая инвентаризация». В Польше депортации подлежали фактически все поляки. Расовой отсортировке они должны

были подвергнуться уже позже. В качестве единственного исключения можно было бы назвать «тотальный учет» населения окрестностей Вольштейна, где весной 1942 года «обследование прошли 42 тысячи человек». Германизация чешских территорий планировалась более тщательно. Взять хотя бы наличие специальных организаций, которые должны были заниматься переселением. «Немецкое общество поселений» — важнейшая из эсэсовских структур, действовавших в данной сфере, — в 1943 году имела в протекторатах 6 филиалов. Три из них занимались «перераспределением» земли в окрестностях Праги, три других — в Будвайзе, Ольмютце и Брюнне.

Опираясь на подготовительную работу, которая была проведена Земельным управлением под началом Готтберга, Гейдрих, невзирая на войну, говорил о возможности воплощения в жизнь «активной аграрной политики», которая неизбежно подразумевала осуществление земельных экспроприаций. В одной из своих последних оперативных сводок, адресованных Борману, Гейдрих сообщал, что ему удалось конфисковать 35 тысяч гектаров земли у «десяти самых влиятельных чешских аристократов». Данные земли, как и ранее, отводились для позднего немецкого заселения. Особая «миссия» Гейдриха состояла в том, чтобы целенаправленно осуществить подготовительные работы для «коренного изменения этнической картины в протекторатах Моравия и Богемия». После окончания войны, из которой Германия мечтала выйти победительницей, благодаря реализованной «расовой инвентаризации» планы по заселению и созданию нового крестьянства должны были воплощаться в действительность максимально быстро.

С одной стороны, отказ от глобально замышленной переселенческой политики в годы войны позволял избежать политических волнений. С другой стороны, подобная уловка была также продиктована чисто практическими соображениями: пока шла война, у Германии просто-напросто не было транспортного потенциала, необходимого для массовых переселений. К тому же после поражения под Сталинградом идея Гейдриха о создании лагерей на берегу Ледовитого океана оказалась несостоятельной иллюзией. На завершающей фазе войны протектораты не должны были подвергаться рискованным экспериментам с массовыми переселениями, так как Моравия и Богемия были промышленно развитыми регионами, имевшими огромное значение для оборонной промышленности рейха.

Тем не менее онемечивание Богемии и Моравии посредством выселения «расово нежелательных чехов» и заселения этих территорий немцами оставалось одной из главных задач нацистских оккупантов. Мощный толчок по ускорению германизации протекторатов в июне 1942 года поступил от самого Генриха Гиммлера. За несколько дней до этого, 27 мая 1942 года, в результате покушения, организованного участниками чешского Сопротивления, был убит Рейнхардт Гейдрих. В своей тайной речи, которую рейхсфюрер СС произнес перед верхушкой «черного ордена» на похоронах шефа СД, Гиммлер заявлял, что переселение являлось одной из первейших задач, которую надлежало выполнить в послевоенный период. Богемия и Моравия в течение каких-то 20 лет должны полностью заселиться немцами в строгом соответствии с расовыми принципами. Несколько дней спустя Гиммлер как Имперский комиссар по укреплению немецкой народности сделал более точное заявление о перспективах данного региона. 12 июня 1942 года он отдал приказ Ульриху Грайфельту, чтобы Богемско-Моравский регион (наряду с Эльзас-Лотарингией, Верхней Краиной и Южной Штирией) был включен в так называемый «Генеральный поселенческий план». Осуществление этого плана должно было привести к «грандиозным» результатам. Согласно наработкам сотрудника Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности Конрада Мейера, в протекторатах должно было произойти существенное изменение этнической картины. Общее население должно было сократиться с 7,5 миллионов человек (при 236 тысячах немцев) до 5,3 миллионов. По расчетам Мейера, «к онемечиванию были способны» 3,6 миллионов чехов. В своих подсчетах этот эсэсовец исходил из того, что доля «способных к онемечиванию чехов» составляла 50%. Данная цифра несколько превышала данные Кёниг-Бейера, который находил, что способными к онемечиванию являются 45% чешского населения. Эти чехи вместе с уже проживающими в протекторатах немцами и 1,4 миллиона немецких поселенцев должны были составить новое население протекторатов Богемия и Моравия. Что должно было произойти с несколькими миллионами «лишних» чехов, Мейер не уточнял. Особой необходимости в данном проекте не было, так как эксперты из различных эсэсовских структур (Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности, Главного управление СС по вопросам расы и поселений, Главного управления имперской безопасности) уже давно фиксировали «нежелательное население».

РАСОВЫЕ КАТЕГОРИИ В ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СС («ФОЛЬКСДОЙЧЕ», «ИНОРОДЦЫ», «СМЕШАННЫЙ ЭТНИЧЕСКИЙ ТИП», «ЕВРЕЙСКИЕ МЕТИСЫ»)

Еще во время пребывания Рейнхардта Гейдриха на посту имперского протектора эксперты РуСХА были официально включены в процесс выдачи нового гражданства. Еще в 1939 году новые власти в Оберланде решили установить, какие из лиц должны были получить немецкое гражданство. Тогда в качестве критериев выделялись «признание немецкой самобытности» и «политически лояльное отношение заявителей», которые не должны были быть замечены ни в какой германофобской деятельности. Как видим, поначалу не выделялось никаких расовых критериев, как это было в Польше, где выдача немецкого гражданства осуществлялась «Немецким народным списком». «Немецкий народный список» служил инструментом учета немцев в Западной Польше. Позже подобный способ стал применяться также на других оккупированных территориях. В Западной Польше заявители делились в соответствии со своим этническим происхождением на четыре группы. Расовому обследованию специалистами РуСХА подвергались представители третьей и четвертой групп, чье немецкое происхождение не являлось очевидным и доказанным. Внешние расовые признаки в данной ситуации рассматривались как критерий принятия решения, должен ли заявитель признаваться немецким гражданином или нет. Более подробно мы расскажем об этом в последующих главах.

Вернемся в протектораты. В 1942 году ситуация здесь в корне поменялась. Сначала РуСХА включилось во все эти процессы, а затем стало оказывать влияние на принятие решений, в некоторых случаях даже требуя пересмотра вынесенных постановлений. Указом имперского протектора от 28 марта 1942 года участие представителей РуСХА становилось обязательным во время рассмотрения дел о выдаче немецкого гражданства. Приблизительно в апреле 1942 года эксперты сигнализировали Гейдриху, что ими было выявлено множество случаев неправомерной выдачи немецкого гражданства. Прежняя практика казалась им «порочной», так как она не учитывала «расовую пригодность заявителя». С их точки зрения, изучение внешних расовых признаков является непременным условием для выдачи немецкого гражданства, так как во многих предыдущих случаях они не могли претендовать на эту привилегию. Между тем сотрудничество имперского протектора и сотрудников РуСХА выяви-

ло, что есть необходимость в «процессе повторного онемечивания, которое будет проводиться в строгом соответствии с директивами рейхсфюрера СС о проверке национально-этнической принадлежности». В данном случае подразумевался приказ Гиммлера, подписанный им как имперским комиссаром 12 сентября 1940 года. В нем говорилось об изучении населения «присоединенных восточных территорий». Этот приказ распространялся и на протектораты. Временное несоблюдение этих принципов, согласно версии экспертов РуСХА, привело к тому, что во многих местах «большинство так называемых немцев как с расовой, так и с социальной точки зрения являлись чехами, будучи тяжелым бременем для немецкой народности, тем паче что в некоторых случаях речь идет о низкокачественных людях даже с психологической стороны». Расовые эксперты РуСХА, работавшие в Праге, получили задание провести изучение всех «подозрительных случаев получения гражданства». У «неспособных к повторному онемечиванию» людей принадлежность к немецкой нации должна была быть аннулирована. Если перевести эту фразу на простой язык, то она означала: только тот, кто подходил под расовые критерии СС, мог признаваться немцем и получать немецкое гражданство. Таким образом, расовая экспертиза, проводимая РуСХА, получила постоянную прописку в сфере этнической политики, которая осуществлялась немцами в Моравии и Богемии. А это значило, что влияние эсэсовских экспертов в протекторатах значительно возросло. Подобная прерогатива, отданная на откуп РуСХА, не была теоретической. На практике оказалось, что документы на получение немецкого гражданства в прошлом принимались у «расово нежелательных людей», что привело к многочисленным пересмотрам решений. Исключения делались только в том случае, если мужчины и юноши, получившие немецкое гражданство, оказались в рядах вермахта. В данном случае их семьи, несмотря на несоответствие расовым критериям СС, признавались немецкими.

Отдельно стоит упомянуть, что в 1941—1942 годах сотрудники РуСХА были подключены к решению вопросов о смешанных немецко-чешских браках. Немцы, которые проживали в протекторатах, могли вступать в брак с чехами только в случае получения особого разрешения от имперского протектора. Для получения данного документа было необходимо прохождение расового обследования у специалистов Главного управления СС по вопросам расы и поселений, которое начиная с 1941 года стало обязательной процедурой и опиралось на приказ заместителя фюрера А16/41 от 7 апреля

1941 года, касавшийся браков членов НСДАП с представителями «чужих этнических групп». В нем говорилось, что «инородческие» супруги должны были проверяться на соответствие расовым принципам, выдвинутым имперским комиссаром по укреплению немецкой народности. Партийное руководство договорилось в Праге с Франком, что в протекторатах функция по расовому обследованию будущих супругов будет возложена на штурмбанфюрера СС Кюнцеля. Согласно этим принципам, немецкий супруг или супруга проверялись на «способность к повторному онемечиванию». От результатов данной проверки зависело получение разрешения на брак. РуСХА давало согласие на брак, если «инородный супруг» был «расово желательным», то есть мог способствовать приросту населения. Как видим, на первое место ставились расовые качества будущего потомства, а не самих супругов. Именно этот аспект ставился во главу угла.

Сам процесс получения разрешения на брак выглядел следующим образом: пражский отдел здравоохранения, в который поступало заявление, обращался к эксперту РуСХА с просьбой провести расовую экспертизу. Затем решение эксперта поступало на стол к имперскому протектору, который выдавал разрешение на вступление в брак. Но на этом проверки не завершались. Далее следовали проверки в районном руководстве НСДАП. В итоге, чтобы немцу (немке) вступить в брак с чешкой (чехом), требовалось неимоверное количество документов: анкеты с фотографиями заявителей (отдельно прилагались фото в легкой одежде), родословная супругов, справка о гигиеническом состоянии, справка об итогах расового обследования, справка от врача, документ с отметками партийных учреждений.

Приведем несколько примеров прохождения подобной процедуры. В 1940 году Леопольдина К. из Брюнна решила сочетаться браком с чехом Цириллем М. На это она предварительно получила разрешение соответствующего эксперта РуСХА. После того как были изучены расовые качества жениха и невесты, их дело было направлено гауптштурмфюреру СС Пройссу, который заверил разрешение на брак при условии, что чешка откажется от немецкого гражданства. С одной стороны, причина подобного решения крылась в том, что расовые и наследственные качества невесты оценивались «ниже среднего». С другой стороны, и сам жених не являл собой «исключительный расовый тип». То есть эсэсовские эксперты полагали, что предполагаемое потомство этой пары никак не могло со-

ответствовать расовым качествам, которые традиционно предъявлялись к немцам. Или другой пример. Анна А. из Будвайза, также немка, ходатайствовала о разрешении выйти замуж за чеха Ладислауса М. Ей было отказано, так как ее жених не попадал в категорию чехов, «способных к повторному онемечиванию». Однако РуС-руководитель гауптштурмфюрер СС Яворек, проводивший экспертизу в Будвайзе, предложил Ладислаусу М. переселиться в «старую империю», дабы там более плотно познакомиться с немецким языком и работой на благо рейха и заработать право считаться «способным к онемечиванию». Подобная практика проведения расовых экспертиз для выдачи разрешений на «смешанные браки» продолжала существовать до самого конца войны. Со своей стороны Гейдрих заботился о том, чтобы тщательному расовому обследованию подвергались все чешки, которые намеревались выйти замуж за немцев (с точки зрения прохождения сложной процедуры получения разрешения — ситуация более выгодная). Для этого 30 октября 1941 года он подписал специальный указ. Почти сразу же после смерти Гейдриха свет увидел новый приказ, который предписывал пражскому филиалу РуСХА контролировать все дела о «смешанных браках».

Если «германские граждане» или немцы, проживающие в протекторатах, намеревались сочетаться браком с лицами, которые не имели гражданства (как правило, таковые в прошлом были либо польскими, либо советскими гражданами), то на это также надо было получить согласие РуС-руководителя. Все дела направлялись в Прагу. Если указанный «инородец» квалифицировался как «расово желательный», то служащие РуСХА предлагали ему пройти «повторное онемечивание». Во фрагментарно сохранившихся документах пражского филиала РуСХА можно найти некоторые сведения о проведении подобных расовых экспертиз «лиц без гражданства». Это были расовые карты, датированные 1943 годом, в которых содержались сведения расового освидетельствования, проходившего непосредственно в Праге. Речь шла преимущественно о возможности брака с русскими и поляками, которые проверялись на «способность к повторному онемечиванию». Претенденты — преимущественно мужчины — фотографировались по пояс раздетыми, что давало возможность оценить их телосложение. Эти фотографии прикреплялись к расовым картам, которые уже содержали анкетные данные. Затем в формулярах появлялись расовые оценки, а также личное впечатление эксперта, проводившего проверку.

Наконец, в качестве дополнительного задания РуСХА в протекторатах было поручено расовое освидетельствование внебрачных детей, которые появились на свет после связи немцев с «инородцами». При этом речь шла о том, чтобы оценить: во-первых, «расово-биологическое использование чужеродных рабочих рук»; во-вторых, расовое обследование должно было выяснить, могли ли эти дети в перспективе быть выращены как «немецкие». РуС-руководитель в Богемии и Моравии Пройсс приказал всем учреждениям в протекторатах и Судетской области исследовать подобных детей на предмет возможности проведения «повторного онемечивания». Если говорить о Судетской области, то там расовое освидетельствование прошли 1137 детей и их семьи. Подобных сведений о Богемии и Моравии не сохранилось.

Во время правления Гейдриха эксперты РуСХА также активно привлекались к исследованию «еврейских метисов». Они должны были установить, какие «еврейские метисы первой и второй степени в исключительных случаях могли быть признаны немцами». Начиная с 1939 года считалось, что «еврейские метисы» могли считаться немцами только тогда, когда они «пали жертвами во имя немецкого дела». В 1941 году государственный министр и высший эсэсовский чин Герман Франк распорядился, что отделам здравоохранения нужно подвергнуть «метисов» дополнительному исследованию, которое должно было опираться на «антропологическую и расово-гигиеничную точки зрения». Таким образом, эсэсовцы хотели узнать, могли ли эти личности использоваться в интересах «немецкого народного сообщества». Подобное начинание указывало на то, что в ближайшее время предстояло тотальное расовое освидетельствование населения протекторатов, следствием чего должно было стать полное онемечивание Богемии и Моравии. Решение данной задачи неизменно должно было поставить вопрос о судьбе «еврейских метисов» и возможности их «обращения». В административных органах протекторатов исходили из того, что предпринятые освидетельствования дали положительный результат, если не считать отдельных случаев предоставления немецкого гражданства «еврейским метисам» в Оберланде. Но в марте 1942 года Гейдрих постановил, что все «еврейские метисы первой степени», получившие немецкое гражданство до мая 1941 года, должны были пройти повторное обследование у экспертов РуСХА, так как они могли «нанести тяжелый урон биологическому организму немецкого народа». Цель данной акции была предельно проста — лишить по возможности всех

«еврейских метисов» статуса немцев. Эксперты Главного управления СС по вопросам расы и поселений должны были выносить отрицательное решение при малейших сомнениях относительно расовых качеств обследуемого. Все это относилось и к «метисам второй степени». Впрочем, их дела рассматривались от случая к случаю. Эта новая практика полностью соответствовала взглядам начальника Расового управления РуСХА Бруно Курта Шульца. В своем годовом отчете за 1943 год тот не без доли самодовольства сообщал, что данная мера в кратчайшие сроки привела к значительным успехам. «Большинство еврейских метисов, не имеющих ни достаточных политических заслуг, ни необходимых внешних признаков, были лишены немецкого гражданства, которое безрассудно было им предоставлено ранее».

Большинство этих несчастных, которых лишили немецкого гражданства, автоматически направляли как евреев в Терезиенштадт. Оттуда они отправлялись на Восток, в лагеря смерти. Всего же погибло около 78 тысяч евреев, депортированных из протекторатов. Эта цифра была выведена следующим образом. На момент создания протекторатов в них проживало 118 тысяч евреев. 26 тысяч из них вовремя эмигрировали, а 14 тысяч не пережили войну. Вообще, сложно сказать, сколько человек оказалось в Терезиенштадте, так как туда могли попасть дети, рожденные от смешанных браков, а также упоминавшиеся «еврейские метисы второй степени», которые поначалу не считались евреями. Так, например, более трети из 17 тысяч находившихся в апреле 1945 года в Терезиенштадте были крещеными евреями, «еврейскими метисами». Естественно, они были родом не только из Богемии и Моравии. Не стоило также забывать, что 21 мая 1942 года Гейдрих подписал указ, согласно которому депортации подлежали не только евреи, имевшие военные заслуги, но и супруги, состоявшие в «смешанном браке».

Этот дополнительный пересмотр уже выданных решений о «немецком гражданстве» и «немецкой принадлежности» являлся явным признаком того, что вся расовая политика проводилась по линии СС. РуСХА выступило на первое место, оттеснив все гражданские структуры. Схожую картину можно было наблюдать и в оккупированной Польше, где РуСХА с помощью «Немецкого народного списка» осуществляло дополнительные освидетельствования третьей и четвертой расовых групп. «Биологический отбор из чехов» и «вливание новой немецкой крови в Богемско-Моравский регион» для пражского филиала РуСХА до конца войны оставались очень

важными задачами. На это указывают хотя бы медицинские отчеты, которые составлялись эсэсовскими врачами по итогам обследований людей, которые намеревались вступить в «смешанный брак». Поражает дата составления этих документов — февраль 1945 года. Получается, что даже в конце войны были желающие получить «немецкое гражданство» в гибнущем рейхе.

ПОПЫТКА «ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ЧЕШСКОГО ВОПРОСА» В СУДЕТСКОЙ ОБЛАСТИ

Эксперт РуСХА доктор Вальтер Кёниг-Бейер уже в октябре 1940 года указывал на то, что при «онемечивании» аннексированной в октябре 1938 года Судетской области должна выполняться обширная расово-антропологическая работа. Он констатировал плачевное расовое состояние этой области. Только примерно 25% населения Судет можно было отнести к представителям нордической, динарской или западной расы. Перепись населения, проведенная 1939 году, показала, что в Судетской области проживала 291 тысяча чехов (то есть 20% населения). Наверное, доля чехов была сознательно занижена, так как многие из жителей данной области стремились быть признанными как немцы. Если возвратиться к докладу Кёниг-Бейера, то он сообщал в нем, что оставшиеся три четверти населения Судет представляли собой смесь из восточной и восточно-балтийской рас. Достаточно велика была доля «чужеродных элементов» (евреев, цыган, азиатов и т.д.). «Судетская область принадлежит к числу наиболее расово ослабленных местностей Германии, так как она на протяжении столетий не получала притока здоровой крови из немецкой метрополии. Это привело к утрате миграции и утрате немецкой крови. Даже при поверхностной оценке расовой картины Судетской области можно сказать, что с количественной точки зрения даже общее чешское население является здоровее, нежели жители Судет».

Кёниг-Бейер пришел к следующему заключению. В Судетах должны были быть оставлены представители расовых групп RuS-I и RuS-II, в то время как остальные группы, равно как и все «германофобски настроенные» чехи, подлежали депортации. Для сравнения: в протекторатах он предлагал оставить чехов, входивших в первые три группы, выселяя лишь входивших в группу RuS-IV. Эта концепция германизации Судет базировалась точно на расовом расчете.

Она начала воплощаться в жизнь в 1942 году. Началось с того, что СС отрешили от власти Франца Кюнцеля, который до этого момента занимался проблемами переселения и установлением «способности судетских чехов к онемечиванию». Франц Кюнцель был одной из ключевых фигур среди судетских национал-социалистов. Он был не только активистом Судето-немецкой партии, но и членом многочисленных расистских организаций. В 1938 году он был назначен гауляйтером Хенляйном главой одного из пограничных районов. Летом 1942 года он оказался втянутым в дебаты о критериях «способности к повторному онемечиванию». Руководство СС сочло, что Кюнцель проявлял либерализм в вопросе установления расовой значимости чехов. Его поведение и политика были неприемлемы для СС.

Усиление позиций СС в Судетах способствовало повышению активности Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности. Этому процессу соответствовало последовательное расширение деятельности РуСХА. В сентябре 1941 года штурмфюрер СС Йоханнес Вальтер, являвшийся одновременно и уполномоченным представителем комиссариата в Райхенберге (Либерец), и руководителем отдела комиссариата «Людские ресурсы», получил задание создать в Судетской области структуру РуСХА. Для этого он связался с начальником пражского филиала РуСХА Эрвином Кюнцелем. Его главный отдел по вопросам расы и поселений при Имперском комиссариате по укреплению немецкой народности во внутренней эсэсовской переписке упоминался как «Судетское местное отделение по вопросам расы и поселений». Это был далеко не единичный случай, когда отделом при Имперском комиссариате руководил сотрудник РуСХА. К примеру, в генерал-губернаторстве отделы комиссариата «Людские ресурсы», «Планирование и земля», «Раса и народность» также возглавлялись сотрудниками Главного управления по вопросам расы и поселений. Поначалу в структуру, возглавляемую Вальтером, входил лишь он сам. В течение 1942 года в нее вошли два эксперта по осуществлению расовых освидетельствований. Персональные указания и бензин для служебных поездок (около 200 литров ежемесячно) Вальтер получал из пражского филиала РуСХА. В мае 1942 года высший руководитель СС и полиции обергруппенфюрер СС Генрих Шмаузер, являвшийся в Верхней Силезии уполномоченным лицом Гиммлера как имперского комиссара, сообщал гауляйтеру Хенляйну о создании в Райхенберге структуры РуСХА. Затем он указывал, что задания данной инстан-

ции в Судетах являются настолько обширными, что их осуществление под контролем из Праги является невозможным хотя бы по ряду технических причин. Отделение РуСХА в Судетской области занималось бы инородцами, под которым практически подразумевались чехи. Это значило, что эксперты РуСХА изначально не работали в Райхенберге над исследованием готовности к поселению немцев. Их задачей являлось «окончательное решение чешского вопроса». Согласно сообщению Шмаузера, расовое освидетельствование распространялось на смешанные семьи, а также на детей, появившихся от смешанных браков, так как те должны были вступить в гитлерюгенд. Подобные акции касались всех без исключения чехов, которые намеревались поступать в высшие учебные заведения. В итоге все учащиеся должны были быть внесены в «Немецкий реестр учащихся». Рисуя картину будущего, Шмаузер развивал эту мысль: «Исходя из этого, кажется необходимым исследовать в определенных областях, например в угольных бассейнах Дукс и Брюкс, всех чешских детей. Надлежит определить на основании их расовых качеств, могут ли они продолжать посещать нормальные немецкие школы».

Это не было пустым теоретизированием или фантазиями эсэсовца. В 1942 году Судетская инстанция РуСХА при персональном содействии расовых экспертов из пражского филиала осуществила освидетельствование почти 10 тысяч семей и 2 тысяч отдельных лиц. В ходе «ученических обследований» в различных районах Судетской области было проверено более 9 тысяч детей. Затем расовая проверка коснулась их семей. 1800 случаев проверки произошло в упоминавшихся выше районах Дукс и Брюкс. По итогам проверки был вынесен суровый вердикт — лишь четверть освидетельствованных детей могла оцениваться как «способная к онемечиванию». Кажется, подтверждались прогнозы Кёниг-Бейера. Но из-за недостатка бензина массовые расовые освидетельствования проводились только в тех районах, где расовая обстановка была наиболее «неблагополучной». Далее Вальтер и его сотрудники предприняли обследование еще 50 железнодорожников и их семей из Троппау, из которых только 18 годились для «повторного онемечивания». Наконец, расовые освидетельствования дополнились 2 тысячами случаев изучения судетских семей. До нас дошла статистка, которая позволяет посмотреть, кого изучали эсэсовские эксперты:

243 — выдача брачных разрешений;

230 — разрешения на получение немецкого гражданства;

109 — исследования при ходатайствах на получение детских пособий (ее предоставляли только немцам и «способным к повторному онемечиванию» семьям);

189 — «особые случаи»;

122 — освидетельствование русских военнопленных для переведения в лагерь «фольксдойче»;

35 — освидетельствование на предмет включения в «новое крестьянское сословие», а также открытия собственного бизнеса или переезда в протектораты;

15 — случаи недозволенных половых сношений поляков и украинцев с немками;

60 — чешские крестьянские семьи, подлежащие выселению. Их место должны были занять переселенцы из Южного Тироля.

Кроме этого, надо еще упомянуть более 1000 случаев освидетельствования внебрачных детей, которые были рождены от «чужеродных элементов».

Постоянное расширение расово-политической работы в Судетской области приводило к необходимости непрерывно развивать «Судетское местное отделение по вопросам расы и поселений», а также выделить из аппарата Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности особых уполномоченных, что произошло летом 1943 года. Судетская инстанция РуСХА превратилась в самостоятельную организацию, которая, впрочем, сохраняла тесную связь с пражским филиалом Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Руководителем по-новому организованной Судетской инстанции РуСХА стал доктор Гещ, который в прошлом являлся руководителем учреждения РуСХА в Кёнигграце (протектораты). Прежде чем попасть по протекции Йоханнеса Пройсса на эту должность, он выступал в роли расового эксперта в Литцманштадте. По заданию Гиммлера для ускорения «решения чешского вопроса» в июле 1943 года при главах окружных администраций в трех судетских областях (Аусзиг, Троппау, Карлсбад) были введены должности референтов по вопросам расы и поселений. По своим функциональным обязанностям они соответствовали советникам по вопросам расы и поселений в отдельных районах протекторатов. Гауляйтер и имперский наместник Судетской области поручил главам окружных администраций использовать референтов при выдаче разрешений на бракосочетания между немцами и чехами, при установлении этнической принадлежности, при предоставлении прав гражданства, а также при усыновлениях, выдаче

пособий на детей и решении вопросов опеки. Референты по вопросам расы и поселений в Аусзиге, Троппау и Карлсбаде должны были также осуществлять экспертизу, являлись ли чехи и «чужеродные элементы» «желательными», то есть попадали ли они в расовые группы RuS-I и RuS-II. Повторюсь, уже в 1940 году Кёниг-Бейер говорил о том, что представители группы RuS-III в Судетах подлежали выселению, в то время как в протекторатах они считались «способными к повторному онемечиванию». В начале 1944 года руководство РуСХА сообщало, что до сих пор в Судетской области проводилась наиболее последовательная расово-этническая политика. Можно говорить о том, что в Судетской области эсэсовцы проводили наиболее активную деятельность по притеснению, которая обозначалась как «политика в отношении национальных меньшинств».

В период с 1942 по 1944 год СС активно осуществляли в Судетах экспроприацию земель, принадлежавших чешским крестьянам. В данном отношении этническая политика СС мало чем отличалась от той, что проводилась в жизнь в протекторатах. Отличие состояло в том, что основанием для изъятий и экспроприаций становилось пресловутое обвинение в «плохом ведении хозяйства». В некоторых случаях прикрытием служили военные цели. Дело в том, что «Имперский производственный закон» разрешал экспроприацию землевладения для «важных военных целей». На самом деле земля освобождалась для будущих немецких поселенцев. По ряду подсчетов, к октябрю 1943 года в Судетах было «изъято» 75 тысяч гектаров чешских земель, которые были переданы в немецкие руки. Здесь мы еще раз сталкиваемся с известным парадоксом эсэсовской этнической политики, который заключался в том, что в распоряжении нацистов не было достаточного количества «породистых» немецких поселенцев, дабы грамотно освоить отчужденные земли. Запланированное переселение немцев и «фольксдойче» в Судетскую область проходило со скрипом. По этой причине в 1941 году в Судетах было создано два рабочих штаба Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности: «Рабочий штаб — Западные Судеты» и «Рабочий штаб — Восточные Судеты». Несмотря на все их усилия, к концу 1942 года в Судетскую область удалось переселить всего лишь 3160 человек, подавляющее большинство из которых были выходцами из Румынии. Кроме этого, почти 2 тысячи человек в декабре 1942 года находились в различных переселенческих лагерях. В 1943 году много стараний по заселению Судет немцами предприняла структура Имперского комиссариата, которая занималась пе-

ремещением жителей Южного Тироля. Этот проект продвигался вперед более успешно, но все равно не мог исправить общую картину. Успех был частичным. Не стоило забывать, что в немецкое военное производство вовлекалось все больше чехов — как жителей протекторатов, так и Судетской области. Если в 1941 году в германском военном производстве было задействовано только 4 тысячи чешских рабочих, то к апрелю 1944 года их число выросло до 102 тысяч человек. Вместе с тем количество проживающих в Судетской области чехов не только не сократилось, но напротив, выросло! Если в 1939 году оно составляло 300 тысяч человек, то в 1944 году в этой области насчитывалось 400 тысяч чехов. Следовательно, первоначально запланированная депортация потерпела полную неудачу. В Судетах остались проживать все чехи вне зависимости от того, были они «способны к повторному онемечиванию» или нет.

Весной 1944 года высший полицейский и эсэсовский руководитель Богемии и Моравии Карл Герман Франк превратился не просто в первое лицо, курирующее этническую политику, но в фактического наследника Рейнхардта Гейдриха. Это позволило ему расширить свое влияние в Судетской области. Гауляйтер Хенляйн формально оставался на своем посту, но и из его компетенции были изъяты задачи, поставленные Гиммлером как имперским комиссаром по укреплению немецкой народности. На совещании в Карлсбрюнне Франк объявил, что начатое решение «чешского вопроса» отныне будет курироваться исключительно СС. Это касалось и протекторатов, и Судет. Франк был решительно настроен, дабы осуществлять в Судетской области такую же «последовательную этническую политику», какую он проводил в протекторатах. Он заявлял, что «в связи с военным положением возможны случайные уступки (например, при выселении чешских крестьян), однако он намеревался никогда не терять из виду конечную цель, а именно «окончательное решение чешского вопроса».

Тем не менее более строгое применение расовых категорий в Судетской области не должно было свидетельствовать о том, что этническая политика СС в Судетах и протекторатах имела какие-либо практические различия. Обе области считались частями немецкого рейха, за тем исключением, что Судеты были формально аннексированы, а Богемия и Моравия имели особый статус протектората. При осуществлении собственной политики эсэсовские чины постоянно подчеркивали, что эти территории неотъемлемо входили в «немецкое жизненное пространство». И Судетская область, и Мо-

равия с Богемией подлежали основательной «германизации». Впрочем, можно было найти и некоторые различия. Если в Судетской области античешские мероприятия коснулись только незначительной части населения, то в протекторатах их ощутило на себе большинство чешских жителей. Однако в обоих случаях средства были одни и те же: экспроприация земель, расовые освидетельствования чехов, выселение «нежелательных элементов» и создание новых поселений из числа немцев и «фольксдойче». В обеих областях подобная «политика деэтнизации» остановилась на полпути, что было обусловлено военными действиями на Восточном фронте. Полученные результаты никак не соответствовали далеко идущим планам руководства СС. Их «блестящее осуществление» планировалось перенести на послевоенный период, именно тогда после предполагаемой победы немцев должна была осуществиться «тотальная германизация» Судет и протекторатов. В обоих случаях СС играли ключевую роль в осуществлении этнической политики, которая должна была войти в новую фазу после окончания войны. С точки зрения РуСХА эта деятельность была успешным «включением в управление» чешскими областями. И это неудивительно, ведь участие расовых экспертов в решении вопросов о предоставлении гражданства являлось важнейшей предпосылкой для осуществлений дальнейших планов по германизации. В одном из отчетов руководства РуСХА, который был датирован 1943 годом, сообщалось, что чешский опыт экспертов из состава РуСХА в перспективе должен был быть использован на всем «великогерманском пространстве» (читай — «в новых оккупированных областях») для практического решения всех этнических вопросов.

ЧЕШСКИЙ ОПЫТ КАК МОДЕЛЬ ЭСЭСОВСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ДРУГИХ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Начиная с ранней деятельности Пражского Земельного управления, руководимого Куртом фон Готтбергом, в недрах СС разрабатывалась особая расово-этническая и поселенческая политика, которая должна была реализовываться как на восточных, так и на западных оккупированных территориях. Точно так же как и в Праге, в оккупированной Польше создавались эсэсовские штабы, которые занимались «изъятием» «антигосударственного земельного владения», дабы тем самым подготовить немецкую колонизацию. По

образцу Пражского Земельного управления в большинстве оккупированных немцами областей создавались особые ведомства Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности.

Именно в Моравии и Богемии впервые был поставлен вопрос о выселении большинства ненемецкого населения. Подобные меры становились основной предпосылкой для создания новых немецких поселений, что служило мерой по германизации данного региона. В качестве главного критерия при принятии решения, какие чехи должны были «удаляться», а какие — оставляться на месте, с учетом политических и экономических аспектов, выступала пресловутая расовая значимость. Подготовительные работы и первые освидетельствования в ходе «расово-биологической инвентаризации» сулили дать «научно обоснованную» этническую картину чешского народа. Это было еще одной предпосылкой для успешной германизации региона. Даже если военная ситуация и очевидный недостаток немецких поселенцев не позволяли немедленно осуществить «деэтнизацию», то эта политика все равно оставалась инструментом, который Гиммлер намеревался использовать, чтобы в перспективе осуществить полное онемечивание Богемии и Моравии. То, что при «деэтнизации» примерно 3,6 миллиона человек должны были депортироваться в Сибирь или вовсе «упразднятся», рассматривалось Гиммлером исключительно в качестве экономической, но отнюдь не морально-этической проблемы.

Вторым полем для расово-поселенческих экспериментов СС стали западные области оккупированной Польши. Здесь эсэсовские эксперты уже осенью 1939 года стали применять испытанную в протекторатах модель экспроприации земельных владений. Подобная задача возлагалась на специальные оперативные группы СС (айнзатц-группы). Именно в Западной Польше расовые специалисты из РуСХА стали совершенствовать свои методы расового отбора. На этот раз они намеревались провести расовое освидетельствование миллионов поляков и польских «фольксдойче».

ВОСПРОИЗВОДСТВО МИФА

ЧАСТЬ 4

«ЛЕБЕНСБОРН» — ИНКУБАТОР ДЛЯ ИДЕАЛЬНЫХ АРИЙЦЕВ

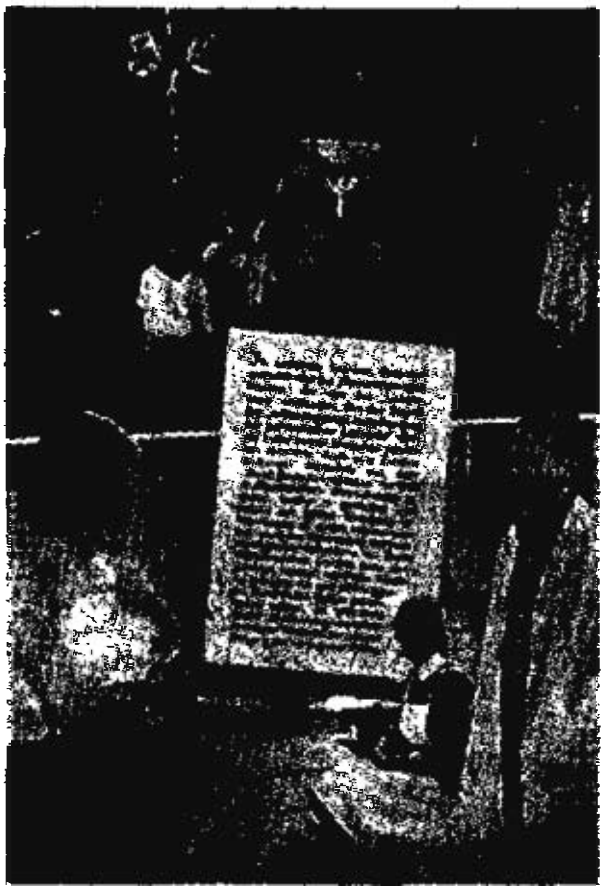
МИФЫ И ПРАВДА О «ЛЕБЕНСБОРНЕ»

После окончания Второй мировой войны «Лебенсборн» вполне справедливо относили к числу самых загадочных структур Третьего рейха. Подобную репутацию он заработал по причине того, что в годы нацистской диктатуры сохранялась абсолютная секретность относительно работы этого учреждения. Широкие круги общественности фактически впервые узнали о существовании «Лебенсборна» во время Нюрнбергского процесса, когда рассматривалось дело Ульриха Грайфельта. Факты, выявленные во время суда над нацистскими преступниками, явно не удовлетворили любопытство публики. Именно по этой причине 14 февраля 1950 года в Мюнхене началось новое расследование, которое, впрочем, не выявило никаких новых сведений. Пятью годами позже пресса сообщила, что парламент ФРГ, бундестаг, поручил министру внутренних дел Шрёдеру разобраться с судьбой детей, пребывавших в различных филиалах «Лебенсборна». В те годы тема «Лебенсборна» была настолько популярной, что о нем вышло не только множество статей, но даже появился фильм. Снятый в 1961 году Артуром Брауэром, он был безвкусно-романтическим творением, опиравшимся на скандальные статьи, которые носили явно эротический подтекст. Эта кинолента фактически не соответствовала действительности и была состряпана на потребу публике. С этого момента многочисленные авторы и в ФРГ, и в ГДР стали активно выпускать книги (подчас и вовсе фантастические), успех которых гарантировался одним только словом *«Лебенсборн»*.

В 1965 году Бенно Фёлькнер издал в Ростоке роман «Стыд», который к 1969 году был переиздан четыре раза. В 1975 году одно мюнхенское издательство, специализировавшееся на «документальных

романах», напечатало две книги: «Лебенсборн» Вилли Бертольда и «Ночь длинных ножей» Ганса Хельмута Криста. В тот же год немецкое телевидение представило зрителям документальный фильм «Подарите ребенка фюреру». Несмотря на множество фактических ошибок, именно этот фильм стал первым исследованием на тему «Лебенсборна». Авторами его являлись два французских журналиста: Марк Хилль и Кларисса Генри. Успех фильма заставил их выпустить книгу, которая называлась «Лебенсборн» — именем расы».

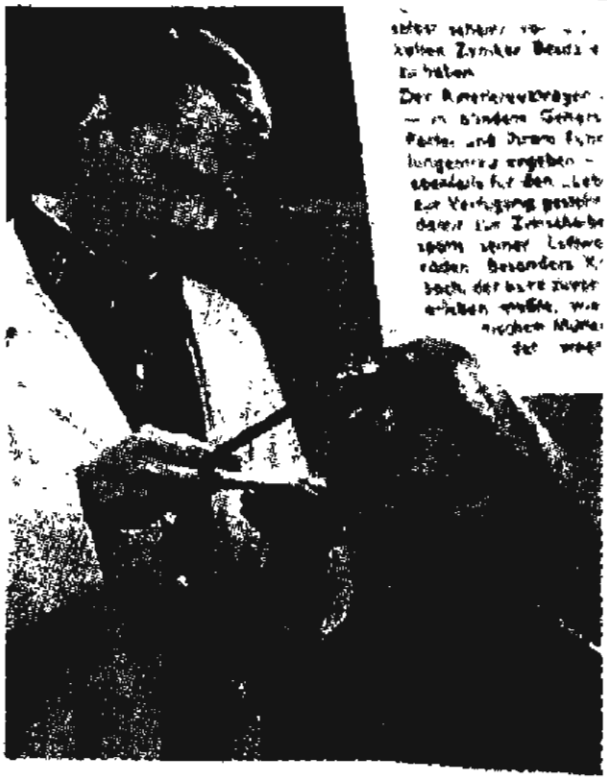
Кадр из немецкого художественного фильма 50-х годов об «Источнике жизни»



Немецкие фильмы 50-х годов об «Источнике жизни» допускали множество неточностей и весьма вольно трактовали исторические события

Фактически все авторы отталкивались от представления о «Лебенсборне» как о селекционно-воспитательном учреждении. Еще до 1945 года по Европе ходили слухи, что в рамках «Лебенсборна» скрещивали специально отобранных мужчин и женщин, тем самым осуществляя расовую селекцию. Послевоенные сообщения только укрепляли подобные слухи. В 1951 году английский журналист Луис Хаген рассказал авантюрную историю девушки из БДМ[1], которая, являясь фанатичной национал-социалисткой, в 1936 году направилась в «Лебенсборн», дабы подарить детей фюреру и народу. В 1945 году английская журналистка Джуди Барден якобы беседовала в одном из филиалов «Лебенсборна» с некоторыми «суррогатными» матерями, которые

[1] БДМ — «Союз немецких девушек», женское подразделение гитлерюгенда.



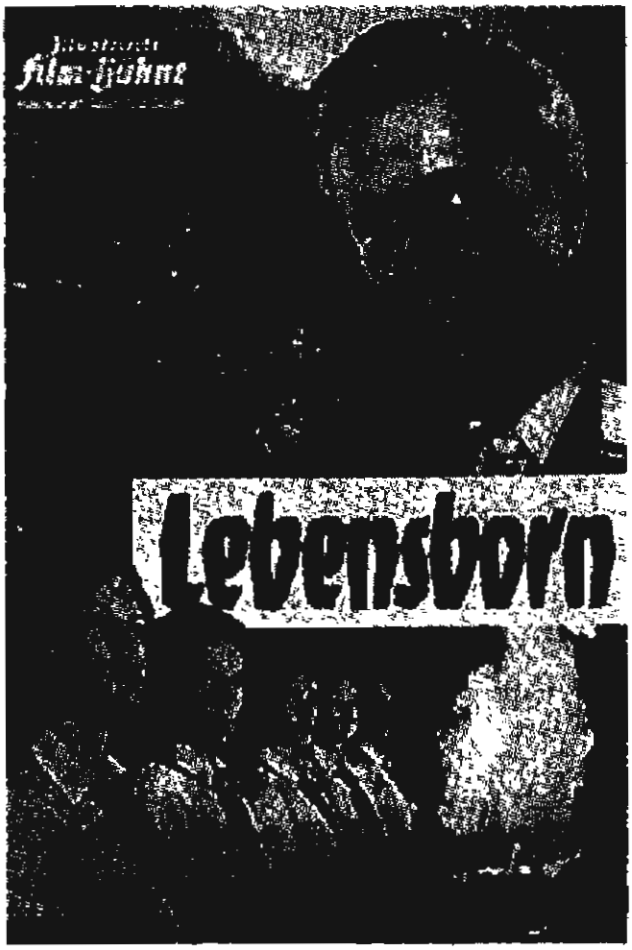
Измерение пропорций черепа.
Кадр из немецкого фильма 50-х годов.

В какой-то момент кинематографисты начали изображать эсэсовцев из «Источника жизни» исчадиями ада.

должны были производить арийцев по заказу нацистской партии. Все эти сведения, полученные через вторые и третьи руки, кажутся по меньшей мере сомнительными, и нет никакой возможности проверить их правдивость. Более того, Нюрнбергский и Мюнхенский процессы не нашли ни одного факта, подтверждающего, что в «Лебенсборне» занимались селекцией человеческого вида. Но с другой стороны, до нынешнего дня и женщины, побывавшие в стенах «Лебенсборна», и служащие этого учреждения предпочитают молчать. Это порождает новые и новые слухи.

Приблизительно в то же время стало распространяться мнение, что «Лебенсборн» являлся не селекционным проектом Генриха Гиммлера, а всего лишь благотворительной организацией. Рейхсфюрер СС и его приближенные, согласно этой версии, учредили «Лебенсборн», чтобы защитить матерей-одиночек от нападок и клеветнических измышлений, столь присущих мелкобуржуазной среде. Каким-то странным образом судьи на Нюрнбергском процессе восприняли именно данную точку зрения, не отнеся «Лебенсборн» к числу организаций, замешанных в военных преступлениях, то есть тем самым подтвердили его «общественно полезную цель»: «Имеются однозначные свидетельства, что общество «Лебенсборн», которое возникло задолго до начала Второй мировой войны, являлось учреждением попечения, заботившимся прежде всего о материнстве. Среди многочисленных органи-

заций, существовавших в Германии, которые были связаны с вывезенными иностранными детьми, «Лебенсборн» был единственным учреждением, которое делало все от него зависящее, чтобы защитить детей и соблюсти их законные права». Послевоенные апологеты нацистского режима нередко ссылаются на данную формулировку, дабы наглядно показать «Лебенсборн» как безобидную и неопасную организацию.



Несмотря на попытки навязать отрицательный образ «Источника жизни», зрителей привлекала красота актеров и черная униформа СС

Несмотря на большой общественный резонанс, который вызвали сюжеты, связанные с деятельностью «Источника жизни», в исследовательской и исторической литературе он оставался неким периферийным явлением, о котором бегло вспоминали, когда требовалась иллюстрация к чудовищным «утопическим» планам Гиммлера по расовой перекройке Европы. Поэтому акцент в литературе делался прежде всего на мотивах, которые привели к созданию «Лебенсборна», а также на основных целях этой организации. Уже в 1953 году в биографии Генриха Гиммлера «Злой гений Третьего рейха» Вилли Фришауэр описал отличительные черты «Источника жизни». Посредством «Лебенсборна» Гиммлер планировал укрепить (с биологической точки зрения) немецкий народ. Рейхсфюрер считал данное укрепление необходимым не только в связи с военными планами Гитлера по завоеванию «жизненного пространства», но и исходя из демографических соображений. Автору, опубликовавшему свою книгу в Англии, стали известны факты, что «Лебенсборн» содержал несколько родильных домов, а также занимался онемечиванием польских и чешских детей. Первое, хотя и весьма краткое, описание деятельности «Лебенсборна» увидело свет в 1962 году. Оно принадлежало перу Рихарда Грундбергера. Приведя точный

Тема «Лебенсборна» неуклонно влекла к себе кинематографистов. Кадры из чешского фильма

В большей степени фильмы о «Лебенсборне» были посвящены истории соблазнения простых девушек развращенными эсэсовцами.

список филиалов «Лебенсборна», а также количество детей, находившихся там на попечении, Грундбергер помог читателю понять истинный размах деятельности этой организации. Именно он впервые указал, что в «Лебенсборне» оказывались не только дети, похищенные из Восточной и Юго-Восточной Европы, но и «германские» дети, вывезенные в Германию из Северной и Западной Европы.

Йозефу Акерману в работе «Генрих Гиммлер как идеолог», а также Лари Томсону в статье «Лебенсборн — евгеническая полиция рейхсфюрера СС» удалось более-менее подробно осветить цели, которые преследовал Гиммлер, создавая «Лебенсборн». Беременные девушки, рисковавшие стать матерями-одиночками, должны были быть избавлены от негативного воздействия буржуазных норм поведения, а служащие СС, несмотря на имевшийся «брак», должны были всячески способствовать повышение рождаемости. По сути, Гиммлер хотел обосновать новую «мораль», базировавшуюся на расистских постулатах. Новая эсэсовская нравственность превращала зачатие и рождение детей в долг каждого немца. Оба упомянутых выше автора наглядно показывают, что «Источник жизни» отнюдь не был какой-то изолированной от мира организацией. «Лебенсборн» состоял в постоянном контакте с множеством других организаций и объединений, которые занимались осуществлением расово-политических мероприятий, организуемых лично Гиммлером и НСДАП в целом. Целью комплекса этих мероприятий было резкое повышение рождаемости и как результат этого — запланированный демографический прирост. В некоторых ситуациях современные исследователи показывали «Лебенсборн» как социальное учреждение. Но не стоит

испытывать иллюзий по поводу того факта, что некоторые матери-одиночки находили социальную поддержку в заведениях «Лебенсборна». Социальный характер «Источника жизни» был во многом ограничен расово мотивированным отбором претенденток. Некоторые авторы склоняются к смелой версии о том, что «Лебенсборн» был экспериментальной нацистской организацией, которая должна была заниматься человеческой селекцией. Иоахим Фест в своей книге «Лики Третьего рейха» пишет об «Источнике» как о «государственном борделе». Карл Дитрих Брахер в статье «Ступени захвата власти» писал о «гиммлеровской селекционной программе», которая сводилась к тому, что в «Источнике жизни» как своего рода закрытом эсэсовском борделе проходило выведение будущих поколений нордической расы господ. Замешательство, которое царило как в исторической науке, так и в общественном мнении, достигло своего пика в 1975 году, когда французские журналисты Генри и Хилль написали книгу о «Лебенсборне». Они были намерены доказать, что оплодотворение в «Источнике жизни» было поставлено едва ли не на конвейер. Впрочем, подобный подход во многом является ошибочным. Он был вызван недостаточным анализом документов и извращенным толкованием источников. С другой стороны, французам удалось показать общественности оригинальные документы «Лебенсборна» и впервые подробно рассказать о программе онемечивания иностранных детей. В последующие годы было опубликовано несколько интересных статей об «Источнике жизни». Именно эти публикации стали признаком того, что в исторической науке начался определенный перелом. В центре внимания оказалось национал-социалистское мировоззрение, а не скандальные сюжеты, носящие во многом эротический характер. Отмечалось, что расовая политика Третьего рейха базировалась на взаимодополняемом принципе отбора и искоренения, что в исторической литературе отразилось в виде функциональных понятий «селекция» и «геноцид». Однако признание столь, казалось бы, очевидного факта совершилось не сразу. Ввиду того, что общественность говорила преимущественно о миллионах евреев, убитых нацистами, расовая политика в первую очередь ассоциировалась с антисемитскими акциями. «Селекционные» мероприятия воспринимались как периферийные явления. Внимание к ним было приковано только в том случае, если они, как пресловутая «эвтаназия», классифицировались в качестве преступлений.

Женщины, работающие в Национал-социалистском народном вспомоществовании

При попытке ответить на вопрос, была ли гитлеровская политика специальной «программой», надо больше внимания уделить селекционным аспектам национал-социалистской расовой политики. В первую очередь надо попытаться более четко обвести размытые контуры «Лебенсборна». Для этого мы разберем его организационную историю, рассмотрим его деятельность в отдельные периоды существования Третьего рейха, а также определим место «Лебенсборна» в рамках общей расовой политики национал-социализма. Поскольку «Источник жизни» никогда не был самостоятельной и автономной организацией, то вряд ли можно изучать историю «Лебенсборна» в отрыве от других организаций. «Источник» в действительности не был изолированной структурой, как пытались показать в ранней исторической литературе. Более того, для понимания сути «Лебенсборна» важно осознать то, что Третий рейх не был монолитным государством. Он разрывался многочисленными противоречиями, которые проявлялись в так называемой «борьбе компетенций». Принимая во внимание организационное противостояние СС как военизированной структуры и НСДАП как гражданско-партийной организации, важно учесть негласное противостояние «Источника жизни» и «Национал-социалистского народного вспомоществования».

Итак, «Лебенсборн» не был учреждением, которое занималось в изолированной от мира лаборатории расово-селекционными экспериментами. Отдельно стоит подчеркнуть, что в «Источнике жизни» забота о внебрачных детях была урегулирована законодательством. Он был полностью интегрирован в национал-социалистскую расовую политику, которая нашла свое ярчайшее проявление в стартовавших в 1939 году акциях «политики германизации», «этнической политики» и «политики повышения рождаемости». Данная часть книги является попыткой показать, как общие селекционные и евгенические требования в «Лебенсборне» сочетались с конкретными мероприятиями.

РАСОВАЯ ПРОГРАММА ГИТЛЕРА

Любой, кто предпримет попытку проникнуть внутрь национал-социалистского мировоззрения и исследовать его пагубное воздействие на Третий рейх, не сможет пройти мимо личности Адольфа Гитлера. Абсолютный «гитлероцентризм» приводит к искажению исторической реальности, но его можно избежать, если принять во внимание тот факт, что национал-социалистское государство не являлось четко структурированной системой. Как уже упоминалось, Третий рейх был сложным переплетением общественных, партийных, военизированных, бюрократических сил, которые, имея общие компетенции, постоянно соперничали друг с другом. Эта конкурентная борьба была не столько выражением возможности автономных действий, сколько провокаций самого Гитлера, который стремился к полному контролю над любыми функционерами. Затянувшаяся борьба всех со всеми позволяла ему сохранять непререкаемый авторитет, выступая в роли третейского судьи. Свобода действий в один момент пресекалась, если интересы одной из сражающихся сторон угрожали подорвать позиции гитлеровского мировоззрения.

Решения Гитлера были во многом продиктованы не требованиями, которые диктовали обстоятельства, а желанием сохранить неприкосновенной свою власть. Гитлер ориентировал проводимую политику и общее ведение войны в соответствии с принципами, которые он мог со временем трактовать по-разному, но никогда не отказывался от них полностью. Опираясь на работы Эбергарда Экеля и Андреаса Хульгрубера, Клаус Хильдебрандт в своей книге «Homo Hitler — психограмма диктатора» описал основные принципы гитлеровского мышления как расовую внешнеполитическую «программу», которую он пытался осуществить на протяжении всей своей жизни. Начав с ревизионистских посылов, когда Гитлер стремился пересмотреть итоги Первой мировой войны и позорного для Германии Версальского мира, он через расовые догматы и геополитические вычисления постепенно пришел к плану достижения мирового господства. Центральной движущей силой в реализации данной «задумки» должен был стать немецкий народ. Предполагалось несколько этапов на пути достижения мирового доминирования. Поначалу союз с Англией должен был обеспечить Германии лидерство в Западной Европе. Последующая победа над Советским Союзом должна была обеспечить рейху континентальное могущест-

во, открывающее путь к мировому владычеству. Затем, по задумке Гитлера, предполагалось начало противостояние Германии Соединенным Штатам Америки, которое мыслилось прежде всего как противоборство континентов — Америки и Европы. Конечная цель была бы достигнута, когда немецкий народ, выращенный как некая германская элита, добился победы над США, а Германия стала бы контролировать весь земной шар. Это положило бы конец любому геополитическому противостоянию и способствовало бы складыванию не просто однополярного, а повсеместно контролируемого мира. Подобное положение вещей должны были гарантировать расовые качества «нового человека». Именно германская кровь должна была охранять от любых посягательств мировое господство Германии. Таким образом, всемирная история завершила бы свое развитие. На смену исторической динамике пришла бы биологическая статика, ведущая в расовую утопию. Предпосылки для достижения конечной цели гитлеровского плана крылись не только в геополитике, но и в расовой политике: безжалостное уничтожение всех евреев, равно как и прочих «расово неполноценных элементов», должно было дополняться «селекцией» породы «новых господ». А пока в середине 30-х годов национал-социалистский режим, как ни странно прозвучит, обладал стабилизирующим воздействием на общественное устройство Германии. Так как геополитическая часть гитлеровского плана была во многом традиционным набором внешнеполитических требований, то многие консервативно настроенные слои позволяли идентифицировать себя с национал-социализмом. Во внутренней политике расовые догмы являлись неотъемлемой функцией, которая позволяла переложить вину за все общественные недостатки на еврейское население. Социальная напряженность в германском обществе должна была быть снята не благодаря реформам, а посредством пропаганды «биологической революции», призывами к созданию «нового человека», качественно превосходящего обычных людей. Однако в итоге сохранение существующего порядка вещей было отринуто, национал-социалисты исподволь стали подрывать существующие общественные устои. Выполнение расового компонента гитлеровской «программы» предполагало вытеснение старых правящих слоев новой (как с духовной, так и с биологической точки зрения), нацистской элитой.

В своих геополитических расчетах Гитлер допустил одну серьезную ошибку — он неверно оценил позицию Англии. Ему казалось, что для сближения вполне достаточно того факта, что нацистская

Германия представляет смертельную угрозу для России, давнишнего геополитического противника Великобритании. Однако ни лесть, ни угрозы со стороны Третьего рейха не смогли убедить британцев стать союзниками Германии, дабы принять участие в выполнении гитлеровской «программы». Даже нападение Гитлера на СССР не смогло изменить мнение англичан. Они так и не заняли лояльную позицию в отношении Гитлера. По сути, нападение 22 июня 1941 года было бесполезным, так как реализация планов Гитлера была сорвана задолго до этого. Война против России стала последним безумием, поставившим крест на планах по достижению мирового господства. Между тем достаточно долгое время геополитические вычисления Гитлера были инструкцией к действию. Начало войны против СССР стало рассматриваться как завоевание жизненного пространства для будущей расовой элиты. Как видим, этапы «программы» несколько видоизменились. Систематическое уничтожение европейских евреев и «большевиков» ставило знак равенства между военной операцией и «расовой войной на истребление». Гитлер переоценил возможности мировоззрения в военных и политических делах, что в итоге и привело его к краху. Его заносчивость, перемешанная с политической наглостью, равно как неведомый ранее способ ведения войны вынудили мир сплотиться и защищать свою свободу всеми имеющимися в распоряжении средствами.

Намерение уничтожать расового противника и возвысить собственный народ однозначно указывает на то, что расовая доктрина Гитлера, ее отдельные компоненты и общая цель «программы» уходили корнями в идеи так называемого социал-дарвинизма. На рубеже столетий эта псевдонаучная теория пробовала трактовать человеческую историю при помощи принципов «отбора» и «селекции». Эти факторы Дарвин применял к миру флоры и фауны как явления, которые были в состоянии объяснить бесконечность эволюции. Естественный отбор трактовался как борьба за существование, в которой сильные устраняли слабых. Уничтожение неприспособленных, по мнению социал-дарвинистов, является решающим фактором развития человеческого общества. Со временем естественный отбор среди людей затормозился. Современная цивилизация фактически поставила на нем крест. Неспособные к выживанию в природных условиях продолжали свое существование. Более того, достижения цивилизации позволили им размножаться и передавать свою «нежизнеспособную» наследственность из поколения в поколение. Ситуация развивалась таким образом, что носители «плохой»

наследственности размножались быстрее, чем здоровые люди. В результате такой диспропорции здоровый наследственный потенциал в обществе неуклонно падал. Социал-дарвинисты полагали, что подобное неправильное развитие общества (социальную дегенерацию) надо было исправлять. Предпосылкой для «нормализации» человеческого общества должны были стать заранее спланированные мероприятия по человеческой селекции, расовому и наследственному отбору. Планирование должно было заменить естественный отбор. Надо было предотвращать размножение неполноценных особей и содействовать появлению на свет потомства здоровых представителей. Называлось это не иначе как «выращивание» человека.

Гитлер воспринял биологизированную картину мира с двумя существенными дополнениями: антисемитизмом и расизмом. Именно эти два компонента, позаимствованные фюрером у графа Артура Гобино и Хьюстона Стюарта Чемберлена, стали столпами гитлеровского мировоззрения. Ответ на чреватый последствиями вопрос — кто в большей степени является жизнеспособным — был очевиден. Гитлер не просто позаимствовал идеи о борьбе за выживание, но и полагал, что человеческую историю предопределяла не борьба индивидуумов, а целых рас и расовых групп. Расовый принцип был возведен в абсолют не только в вопросах воспроизводства здорового потомства, но и способности к созданию культурных достижений. При этом пресловутые «арийцы» были изначально высшей расой. Гитлер полагал, что все остальные расы не были способны к актам культурного творения, — они лишь имитировали достижения арийцев. Подобное неполноценное восприятие культуры Гитлер приписывал в первую очередь евреям. Арийцы, в его представлениях, воплощались в идеальном «нордическо-германском» типе, который якобы являлся гарантом дальнейшего развития человечества. Гитлер поставил перед собой задачу доказать, что арийцы совершили роковую ошибку, смешиваясь с «низшими» расами, вместо того чтобы жить обособленно, размножаясь только в своей среде. Результатом расового смешения стала утрата арийцами их мощи, их расовых качеств, что было равноценно упадку всего человечества. Последовательное сокращение чистокровных арийцев должно было быть остановлено. Гитлер полагал, что достигнуть этого можно было при помощи бескомпромиссного искусственного отбора. Фюрер считал, что успех мог быть очевидным, если только полностью изолировать «полноценных» арийцев от всех остальных, превратив их в

некоторую родовую общину. В итоге реализации своей «программы» Гитлер хотел достигнуть биологического низвержения иудаизма и укрепления немецкого народа как особой биологической субстанции, своего рода живого наследия «нордической расы». Начав войну против Советского Союза, Гитлер стал на практике воплощать свои расистские идеи. Но при этом в отличие от «окончательного решения еврейского вопроса», хорошо изученного в исторической литературе, его оборотная сторона — «селекция и возвышение нордической расы» — не была разобрана и детально изучена. Учитывая специфику претворения в жизнь национал-социалистской расовой политики, вряд ли приходится сомневаться в том, что тезис о «новом человеке» был пустыми словами, некоей политической утопией. Впрочем, усилия по биологическому совершенствованию немецкого народа не приняли такого размаха, как организованный геноцид. Тем не менее селекция немцев для Гитлера с самого момента прихода к власти стала неотъемлемой частью проводимой политики.

БОРЬБА ЗА РОЖДАЕМОСТЬ

На вопрос о том, в какой степени был осуществлен «немецкий селекционный проект» и к какому сроку он должен был быть завершен, нельзя ответить так же точно и однозначно, как при освещении проблемы геноцида еврейского народа. Это в первую очередь связано с феноменом «человеческой селекции», под которой национал-социалисты подразумевали весь комплекс мероприятий по биологическому «укреплению немецкой народности». Они последовательно придерживались гитлеровской программы, заимствованной из «социал-дарвинистского наследия», делая акцент на «познании» истории человечества с точки зрения «заботы о расе». Так называемые расовые селекционеры не боялись переносить на человеческое общество критерии, присущие животноводству. Они требовали «планомерного культивирования человека» с целью его селекции.

Локализацию и искоренение наследственных болезней они считали благом не только для немецкой нации, но и для всего человечества. По образцу Ганса Гюнтера селекцию нордической расы усиленно пропагандировал Рихард Вальтер Дарре.

Согласно планам «селекционеров», в первую очередь надо было провести искусственный расовый отбор, что, с одной стороны, по-

средством разнообразных форм социальной поддержки должно было привести к «улучшению расы» и увеличению ее численности, а с другой — исключить из общества «жизненно непригодные элементы». Среди социальных форм «выбраковки» можно было назвать запрет на вступление в брак для людей, страдающих психическими и наследственными болезнями. Более жесткой формой была их принудительная стерилизация.

Однако обязательным условием для осуществления расовой селекции считалось достаточное количество людей, которые рассматривались в качестве «материала для искусственного расового отбора». Вследствие этого во главу угла в Третьем рейхе ставилась борьба за увеличение рождаемости. Гитлер был хорошо знаком с предложениями, подготовленными инициаторами селекционного процесса. Подобные идеи он уже высказывал в своем программном произведении «Майн кампф». В его «программе» расовая селекция стала центральным моментом. Однако в 1933 году Гитлер был едва ли готов приступить к ее практической реализации. Для этого нужна была длительная подготовка. Подготовительным этапом стало принятие новых законов о браке, закона о предотвращении появления на свет наследственно больных поколений детей. Затем наследственно здоровые супруги, а также расово чистые многодетные семьи получали значительные налоговые льготы, финансовые субсидии. Постепенно создавалась система защиты внебрачных детей. Оборотной стороной этих процессов стала акция «Эвтаназия». Начало войны придало этим процессам общеевропейский характер. Новшеством стала германизация захваченных земель и насильственное онемечивание «расово ценных» детей из Восточной и Западной Европы. Это стало неизменным элементом так называемой «германской политики», проводимой в Европе. Как видим, традиционная война постепенно превращалась в «расовую борьбу».

Мероприятия по осуществлению «положительного отбора» как никакие другие наглядно демонстрируют биологическую волю национал-социалистов. В рамках данной части книги мы уделим внимание в первую очередь поддержке матерей-одиночек, которая осуществлялась в «Лебенсборне». Во время так называемой «ревизионистской» фазы в гитлеровской политике (до 1938 года) шла активная подготовка к осуществлению «программы». Именно в это время союз «Источник жизни» под покровительством рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера стал превращаться в образцовую идеологическую организацию, которая занималась поддержкой внебрачных детей.

Der Reichsführer-SS

Feld-Kommandostelle
Hegewald, d. 15. Aug. 1942

SS-Befehl an die letzten Söhne.

SS-Männer !

1. Ihr seid auf Befehl des Führers als letzte Söhne aus der Front zurückgezogen worden. Diese Massnahme ist erfolgt, weil Volk und Staat ein Interesse daran haben, dass Eure Familien nicht aussterben.

2. Es ist noch niemals die Art von SS-Männern gewesen, ein Schicksal hinzunehmen und von sich aus nichts zu seiner Änderung beizutragen. Eure Pflicht ist es, so rasch wie möglich durch Zeugung und Geburt von Kindern guten Blutes dafür zu sorgen, dass Ihr nicht mehr letzte Söhne seid.

3. Seid bestrebt, in einem Jahr das Fortleben Eurer Ahnen und Eurer Familien zu gewährleisten, damit Ihr wiederum für den Kampf in der vordersten Front zur Verfügung steht.

H. Himmler.

Эсэсовский приказ «О последнем сыне». Гиммлер опасался, что эсэсовцы из-за войны не смогут зачать необходимое количество детей

Все мальчики-подростки для Гиммлера были лишь потенциальными солдатами

По мере развертывания «поступательной демографической политики» компетенция Гиммлера вышла далеко за границы рейха. Он стал проявлять интерес к иностранным детям. После захвата Северной и Западной Европы, а также недолгих военных успехов в России Гитлеру могло показаться, что он смог успешно реализовать один из этапов своей «программы». Поэтому он пришел к выводу, что пришло время в полном соответствии с расистскими догмами создать для «новой Европы» «расовый фундамент», который позволил бы грамотно использовать завоеванное жизненное пространство. Гиммлер полагал, что «Лебенсборн» весьма подходил для выполнения особых поручений в сфере демографической и этнорасовой политики. Первоначальная задача «Источника жизни» — забота о внебрачных детях — постепенно врастала в «германскую» политику.

Целью национал-социалистской политики в области народонаселения было провоцирование демографического взрыва со строгим учетом расовых норм. Приемлемым считалось любое средство, если только оно вело к успеху. В результате внебрачные дети, еще недавно бывшие сугубо частным вопросом, превратились в объект государственных интересов. А еще недавно (до 1933 года) общественность и власти стыдливо обходили эту проблему стороной. Разумеется, некоторая поддержка внебрачных детей существовала еще до прихода к власти нацистов. Однако только после 1933 года в условиях нагнетания паники относительно падения рождаемости внебрачные дети стали инструментом решения важнейшей задачи. Сам Гитлер никогда публично не высказывался о внебрачных детях и матерях-одиночках. Он лишь подчеркивал, что материнство являлось единственным и самым главным предназначением женщины. Лишь узкий круг людей, являвшихся участниками так называемых «застольных бесед фюрера», могли узнать о действительных взглядах Гитлера на «внебрачный вопрос». Он видел в сокращении рождаемости едва ли не самую серьезную угрозу для своих далеко идущих планов. Однажды, рассуждая о Тридцатилетней войне, Гитлер подчеркнул, что именно «благодаря незаконнорожденным детям

нация взлетела вновь на прежние высоты». В язвительной манере фюрер продолжал: «И пока нам недостает двух миллионов человек, было бы лучше, чтобы незамужняя девушка имела ребенка, а не чахла как старая дева». Эту мысль Гитлер дополнял странными доводами о неизбежности материнства. Природа, мол, хочет, чтобы женщина получала ребенка. «В противном случае она будет истеричкой или заболеет». Гитлер возмущенно повествовал о «лживой морали верхушки, насчитывавшей каких-то десять тысяч человек». Прусский принц, который содержал десяток любовниц, за счет своего происхождения рассматривался этими «моральными лицемерами» как благородный человек, в то время как простой мужчина, который сочетался браком с девушкой, ждавшей от него ребенка, осыпался упреками с ног до головы. Следствием этой лживой и двуличной общественной установки нередко становились аборты и последующая бездетность немецких женщин. При этом «природа одарила бы любовью обоих, женщину и ее дитя». Поэтому для Гитлера штамп о браке не имел никакого значения. Проявлением истинно здоровой модели как раз было бы, напротив, заключение брака с беременной женщиной, так как она уже доказала свое плодородие.

Фюрер возносил хвальбы воспитательным домам прошлого, которые тайно принимали внебрачных детей, отвергнутых обществом. «Моральное лицемерие XIX века вынудило закрыться эти в высшей мере полезные средневековые заведения». В этих словах читалось невысказанное желание иметь нечто похожее. Подобные учреждения современности должны были пользоваться признанием, а не прятаться от глаз общественности, как на деле происходило с «Источником жизни». Стоит подчеркнуть, что составные части проекта, нарисованного Гитлером, едва ли не в деталях совпадали с представлениями Гиммлера. Рейхсфюрер СС годом раньше подробно распространялся и о естественно-природном предназначении женщины быть матерью, и об опасной для здоровья истеричности бездетных женщин, и о двойной общественной морали, которая вынуждала беременных женщин, не состоящих в браке, делать аборты. Казалось, будто бы рейхсфюрер СС навязал самому Гитлеру свои представления о «внебрачном вопросе». В пользу этой версии говорил хотя бы тот факт, что каждый раз, когда Гитлер поднимал эту тему, неизменным участником «застольных бесед» был не кто иной, как Генрих Гиммлер. Люди из окружения Гитлера, которые определяли мировоззренческий облик НСДАП, не были столь хорошо знакомы с «внебрачной проблемой», как фюрер, но тем не менее за-

годя решили сделать соответствующие оговорки. Так, например, Вальтер Дарре в своей книге «Новое дворянство из крови и почвы» рассматривал внебрачные отношения с расово-исторической точки зрения. Расовый идеолог немецкого крестьянства был убежден, что противостояние «супружеское» — «внебрачное» было «современным церковным творением». Дарре был убежден, что именно церковь упразднила «древнегерманскую» точку зрения, навязав в качестве превалирующего признака рождение ребенка в браке. Ранее основное внимание уделялось его происхождению, то есть расовой ценности ребенка. Близкая Дарре идея «улучшения расы» определялась в первую очередь происхождением ребенка и лишь во вторую — наличием супружеских отношений.

Альфред Розенберг, главный идеолог нацистской партии, тоже нашел место «внебрачному вопросу» в своей книге «Миф XX века». Его позиция, обусловленная балто-немецким происхождением, вращалась вокруг перехода качества в количество. Его пугало повышение рождаемости восточных народов на фоне демографического упадка в Германии. «Так как существует угроза, что вымирающая Германия будет порабощена соседними народами, то рождение внебрачных детей может только приветствоваться». Принимая в расчет большое количество бездетных браков и превышение доли женщин над мужчинами, появление на свет внебрачных детей могло бы содействовать укреплению немецкой нации. Розенберг недвусмысленно намекал, что «грядущая империя» («Миф XX века» писался до прихода нацистов к власти) должна поощрять «внебрачную политику». Это должно было выразиться в уравнивании в правах внебрачных детей и детей, рожденных в браке. Поэтому нет ничего удивительного в том, что имперский министр Ганс Франк сразу же после 1933 года выступил в «Академии немецкого права» с требованием предоставления матерям-одиночкам особых социальных гарантий. Он говорил, что «любое материнство надо рассматривать с этической точки зрения как основу народного сообщества».

ГИММЛЕР И ПРОБЛЕМА ВНЕБРАЧНЫХ ДЕТЕЙ

Но наиболее последовательным защитником матерей-одиночек и внебрачных детей был рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Второй по своему могуществу человек в Третьем рейхе слепо воплощал идею фюрера в жизнь не только в силу своей преданности Гитлеру,

но и потому, что данные идеи полностью отвечали его своеобразным представлениям о внебрачных детях, которые базировались исключительно на расистской идеологии. В одном из своих выступлений в 1937 году Гиммлер разграничил СС и НСДАП: задача партии сводилась к политическому руководству, а «охранные отряды» должны были осуществить селекцию «человеческого материала». Как позже он объяснял своему личному доктору и массажисту Феликсу Керстену: «Я убежден в том, что воспитание человека во многом подобно животноводству». Гиммлер не так часто решался на столь откровенные пассажи. Для Гиммлера властные полномочия и расовая идея не только не противоречили, но взаимно дополняли друг друга.

Гиммлер полностью разделял убеждение Гитлера о том, что политические и культурные успехи народа зависели от его расовых качеств. Для скептиков он заявлял: «Я полагаю, что наша кровь, наша нордическая кровь является самой лучшей на планете. На протяжении сотен тысяч лет эта кровь останется самой лучшей. И это не суждено никому другому». Обоснования для подобных заявлений были простыми: «Мы бесценны, так как наша кровь способствует тому, что мы изобретаем больше, чем другие, что мы ведем за собой других, у нас лучшие солдаты, лучшие государственные деятели, более высокая культура. У нас лучшие качества».

Эта ценная «нордическая кровь» должна была оберегаться от чуждой «неполноценной крови». Более того, увеличение носителей «ценной крови» должно было гарантировать процветание Германии. Согласно подсчетам расоведа Ганса Гюнтера, среди немецкого народа только 50% были носителями нордической крови. Гиммлер полагал, что именно СС должны были привести немцев на вершину расы и всего человечества. Сам он рассматривал СС как «орден нордических мужчин». «Умножение нордической крови» и «улучшение расы» могли быть достигнуты только за счет увеличения рождаемости. Количество детей должно было расти и в эсэсовских, и в простых немецких семьях. Только при этом условии можно было прибегать к прочим методам. Гиммлер даже сформулировал лозунг, согласно которому «ценная кровь» поднимает не только культуру народа, но и его политические способности: «Народ, у которого много детей, имеет все шансы стать не просто мировой державой, но заполучить мировое могущество». И наоборот, «породистый народ, у которого недостаточная рождаемость, через 50—100 лет имеет все шансы встать на краю могилы, а через 200—500 лет быть полно-

Гиммлер питал слабость к семьям, в которых было несколько белокурых мальчишек

стью погребенным в ней». Как видим, рождаемость должна была стать биологической основой для мирового господства Германии. Связь, которая существовала между «программой» Гитлера и требованием Гиммлера увеличить рождаемость, являлась во многом не случайной. Если бы немецкий народ обладал растущим количеством детей, то он мог бы рассчитывать на тысячелетия. Но поскольку с наступлением XX века в Германии отмечалось падение рождаемости, то Гиммлер считал, что нельзя было терять ни минуты. Именно этим во многом объяснялась некоторая поспешность, с которой он принимал решения. Многие из них были политической импровизацией, что стало наиболее отчетливо заметно в годы войны.

Что же Гиммлер считал угрозой для рождаемости? Уже в 1937 году он сам сказал, что его выводы были построены не на результатах научных исследований, а базировались на его политическом опыте, который он приобрел, когда в 1933—1934 годах стал возглавлять немецкую полицию. Рейхсфюрер СС полагал, что рождаемости в первую очередь угрожали гомосексуализм и аборты. По его расчетам, в Германии имелось около 1—2 миллионов гомосексуалистов, что составляло приблизительно 10% мужчин, которые могли иметь детей. Гомосексуалисты выбывали из процесса воспроизводства потомства. Гиммлер, не скрывая, говорил, что «если все оставить как есть, то наш народ будет испорчен этой эпидемией».

Вторая угроза для будущего «нордической германской расы» крылась в абортах. Гиммлер предполагал, что каждый год в Германии их совершалось от 600 до 800 тысяч. Его удручало, что ежегодно Германия недосчитывалась нескольких сотен тысяч детей. Но куда больше его беспокоило то, что после аборта около 300 тысяч немецких женщин ежегодно становились бесплодными. Кроме этого, по его подсчетам, ежегодно во время и после абортов умирало пример-

но 30—40 тысяч женщин. Для него это были «страшные, но отрезвляющие цифры».

И как результат, он возлагал вину за это неудовлетворительное демографическое состояние на двуличную христианско-буржуазную мораль. Именно на эту мораль он возлагал вину за аборты, на которые решались беременные женщины, рисковавшие стать матерями-одиночками. Он подчеркивал, что если у мужчины есть любовница, то общество смотрит на это сквозь пальцы. «Однако если девушка благоразумна, следует законам природы и зачинает ребенка, то общество отворачивается от нее». То же самое общество возмущается, когда она рожает этого ребенка вне брака. В разговоре с личным врачом Гиммлер как-то произнес следующую речь: «Характерным выражением этого двойного стандарта является статус, который по обычаям среднего класса получают дети, родившиеся от таких связей и зовущиеся незаконнорожденными. Такое определение подразумевает, что они не состоят в родстве со своим отцом и его семьей. Фактически закон гласит, что бастарда и его отца нельзя считать родственниками. Природа лишается своих прав лишь для того, чтобы сохранилась видимость приличий в обществе, где доминирует средний класс. Отец лишается возможности делать самые естественные вещи на свете: обращаться с ребенком как со своим собственным и заниматься его воспитанием. По закону это не его ребенок, а ребенок женщины, которая не имеет к нему никакого отношения, может быть, за исключением того факта, что мужчина дает ей деньги. Кроме того, ему нельзя жениться на матери ребенка, так как он уже женат. Если он живет с ней, закон называет это конкубинатом, а проблемы, вызванные откровенным скандалом, должна улаживать полиция. Сведения подобного рода постоянно поступают к моим людям.

Человек в такой ситуации лишается доступа к своему ребенку. Он снова идет против закона, если хочет усыновить ребенка, пока у него есть собственные дети или хотя бы возможность их завести. Иными словами, закон вступает в прямое противоречие с нашей вопиющей нуждой — детей, как можно больше детей! Мы должны проявить храбрость и решительно действовать в этом вопросе, даже если церковь окажется к нам в еще большей оппозиции — чуть больше или чуть меньше, не имеет значения».

Что же это были за законы природы, которым должны были следовать девушки, несмотря на буржуазную мораль? Гиммлер пояс-

Девушки под сопровождением эсэсовцев направляются на работу в «Источник жизни»

нял: после наступления половой зрелости (14 — 16 лет) немецкие юноши и девушки в силу проживания в холодном климате должны были воздерживаться от половых сношений. Однако к 20 годам половые инстинкты должны были взять свое. Молодые люди не могли долгое время воздерживаться от секса. У девушки в связи с этим было только две возможности: либо она жила с мужчиной и «оставалась здоровой», либо ее половое воздержание приводило к «истерии». Гиммлер замечал: «Если природа настолько мудра, чтобы даровать сильнейший инстинкт человеку в возрасте 15 — 16 лет, то буржуазная мораль, говорящая «это надо делать в 30 лет», не может быть умнее. Но она провозглашает, что это неестественно!» Гиммлер полагал, что законы природы и буржуазная мораль всегда расходились в принципиальных моментах. Однако в древности общественное мнение германцев и природа находились в согласии. Тогда внебрачные половые сношения не являлись чем-то позорным. Общественное мнение обращало внимание только на то, чтобы юноша и девушка были представителями одной расы. Гиммлер намеревался восстановить якобы существовавший в древности «закон нордической крови». Любые половые сношения с «расово неполноценным» партнером должны были рассматриваться в национал-социалистском государстве как нравственная деградация.

Гиммлер считал, что германцев в первую очередь заботило появление новых детей, а то, рождены они в браке или вне брака, было неважно. Так германцы укрепляли могущество собственного народа и расы. Однако за последние 1000 лет эти принципы были забыты. Национал-социализм и прежде всего СС должны были вернуть к жизни эти «древние законы». В 1936 году Гиммлер торжественно заявил эсэсовской верхушке: «Я точно знаю, что мы как народ будем непобедимы и бессмертны, будем действительно арийско-нордической расой, если будем проводить отбор в соответствии с законами крови, если будем придерживаться культа предков. Только так мы сможем познать вечный круговорот бытия, все события и саму жизнь на Земле. Народ, который чтит своих предков, всегда должен рожать детей».

Гиммлер полагал, что запрет абортов мог в корне изменить демографическую ситуацию в Германии

Как практик, Гиммлер давно уже сделал необходимые выводы. Уже в 1934 году он заявил перед эсэсовцами: «Вся наша борьба была бесполезной, если политическая победа не станет победой немецкой крови, победой рождаемости над смертью. Проигрыш в Первой мировой войне должен стать триумфом Третьего рейха».

В предыдущих главах мы уже описывали расовые и биологические принципы отбора в СС. Подчеркнем еще раз, что Гиммлер приветствовал ранние браки. Он предпочитал, чтобы его эсэсовцы вступали в брак не в 30—35 лет, как большинство немцев, а в 24—25 лет. Но одного только брака было недостаточно. В «настоящей» эсэсовской семье должно было быть множество детей. Брак без детей для Гиммлера был «банальными отношениями».

Как мы понимаем, ранний брак и множество детей отныне не были личным делом юноши и девушки. Гиммлер хотел, чтобы его «охранные отряды» были демографическим примером для всей Германии. Он хотел опосредованно воздействовать на увеличение рождаемости и прирост населения. Так он обратил внимание на про-

блему абортов. В этом вопросе он хотел установить самые жесткие правила. Гиммлер намеревался во что бы то ни стало запретить аборты. Хотя в мае 1933 года были ужесточены правила проведения абортов, Гиммлер все равно оставался недовольным. Он хотел, чтобы докторов и женщин, пошедших на прерывание беременности, преследовали как уголовных преступников. Он намеревался предложить другой путь решения проблемы, а именно защиту матери-одиночки и ее внебрачного ребенка от «лицемерного общества». Именно этот посыл стал причиной возникновения «Лебенсборна». Подчеркнем еще раз, что поводом для возникновения «Источника жизни» была борьба с абортами. Однако этот вопрос рассматривался исключительно под углом расовой политики. В 1936 году Гиммлер не делал никакой тайны из того, что отрицательный отбор, начатый национал-социализмом (принудительные стерилизации, ограничения на вступление в брак и т.д.), должен был дополняться положительной селекцией. Два года спустя штандартенфюрер СС доктор Эбнер, фактически управляющий делами «Лебенсборна», так видел задачи этого учреждения: «Если государство извлекает из процесса размножения наследственно больных, то на другой стороне мы должны способствовать появлению на свет любой ценой наследственно здоровых детей, носителей ценной крови».

НАЧАЛО «ВНЕБРАЧНОЙ ПОЛИТИКИ» НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

«Внебрачная политика» национал-социализма стала выкристаллизовываться почти сразу же после прихода к власти Гитлера. Она исходила, с одной стороны — из политических задач, поставленных Гитлером, а с другой стороны, из расистских установок, присущих Гиммлеру. И те и другие были ориентированы на форсированное увеличение рождаемости чистокровных немцев. Чтобы выполнить цели данной «внебрачной политики», надо было прежде всего сравнять жизненные условия матери-одиночки и внебрачных детей с условиями, в которых находились дети супружеских пар. Выполнение этой задачи должно было избавить девушек и женщин, не состоящих в браке, от страха перед возможной беременностью, а также избавить новорожденного от социальных притеснений. Однако действующее на тот момент в Германии семейное право затрудняло решение данной задачи. Поэтому почти сразу же после установления национал-социалистской диктатуры поборники прав

внебрачных детей стали настаивать на изменении семейного права. Как следствие, возникло как минимум четыре законопроекта, касавшихся внебрачных отношений. Инициатива создания их исходила или от государственных, или от партийных инстанций. Первый законопроект был подготовлен осенью 1934 года Рудольфом Бехертом и Фридрихом Корнелием, служащими правового управления имперского руководства НСДАП. Этот документ касался новой формулировки §§ 1705—1714 Гражданского кодекса Германии. Приблизительно в то же время в Национал-социалистском союзе юристов активно обсуждалась проблема изменения правового статуса внебрачных детей. В конце 1936 года были опубликованы предварительные результаты дискуссии, которая велась в Академии немецкого права в рамках комиссии по обсуждению Семейного кодекса. На нескольких заседаниях отдельно поднимался вопрос о внебрачных детях. По итогам дискуссий был выработан документ, который передали для правовой оценки в Имперское министерство юстиции. Независимо от этого предложения в самóм Имперском министерстве юстиции был выработан собственный законопроект, который содержал в себе пункты об усыновлении и правах внебрачных детей. Даже этот короткий обзор демонстрирует, насколько сложным оказалось решение проблемы внебрачных детей. И это несмотря на то, что со стороны руководства рейха поступил вполне определенный социальный заказ. Решение данного вопроса затруднялось традиционной для Третьего рейха борьбой компетенций, в ходе которой различные структуры конкурировали между собой, пытаясь ухватить пальму первенства.

Но дело не ограничивалось дискуссиями и проектами. Поскольку правовая реформа, дававшая права внебрачным детям, задерживалась (многие партийные и эсэсовские функционеры вообще не надеялись на ее скорейшее проведение), то органы власти пришли к выводу, что надо предпринять частное регулирование данного вопроса. В мае 1937 года имперский министр юстиции опубликовал приказ, в котором разрешил незамужним женщинам именоваться «фрау» вместо привычного «фройляйн». Это касалось в первую очередь матерей-одиночек, которые хотя бы в обращении к ним теперь не чувствовали психологического дискомфорта. В октябре того же года имперский министр внутренних дел постановил, что больше не надо сообщать в органы власти о рождении детей, если таковые происходили не по месту жительства матери. Поводом для подобного беспокойства стал случай, произошедший в 1936 году. Он полу-

чил значительный резонанс. В начале 30-х годов одна чиновница была уволена со службы, так как родила ребенка вне брака. Сведения об этом дошли до самого верха. И только после этого министр внутренних дел Фрик и заместитель фюрера Гесс издали совместное распоряжение, в котором говорилось, что рождение ребенка вне брака не могло служить поводом и причиной для вынесения дисциплинарных и служебных взысканий.

ОРГАНИЗАЦИИ ПОДДЕРЖКИ ВНЕБРАЧНЫХ ДЕТЕЙ

Впрочем, забота о демографии и матерях-одиночках не ограничивалась отдельными министерскими указами. Не дожидаясь завершения затянувшихся дискуссий, партийные органы сами решили оказывать помощь матерям-одиночкам и их детям. Наряду с «Лебенсборном» на этой сцене действовали еще два учреждения. В 1933 году из двух организаций, возглавляемых Генрихом Веблером, был сформирован Немецкий институт помощи молодежи. Данная структура ставила перед собой задачу изучить «молодежный вопрос» с научной точки зрения, делая акцент прежде всего на борьбе с беспризорностью. Определенная часть работы была сосредоточена на помощи детям, рожденным вне брака. В отчете о деятельности института за 1933—1936 годы Веблер отмечал, что возглавляемое им заведение помогло 25 тысячам внебрачных детей.

Но куда большее значение для демографии имела благотворительная организация «Мать и дитя» (впрочем, как и «Лебенсборн»), которая в марте 1934 года была учреждена «Национал-социалистским народным вспомоществованием» (НСВ) как «выражение воли немецкого народного сообщества по сохранению активной жизни нации». При этом отдельно указывалось, что при создании благотворительной организации НСВ опиралось на 21-й пункт партийной программы, который гласил: «Государство должно заботиться об укреплении народного здоровья посредством защиты матери и ребенка». В данном случае недвусмысленно намекалось, что партию в первую очередь интересует немецкая демография, а не социальное положение матерей. В данном случае обеспечение было самым разнообразным: от подготовки к родам и уходу за детьми до вполне конкретных финансовых выплат и мер экономической поддержки. Круг задач благотворительной организации «Мать и дитя» дополнялся материальным обеспечением грудных детей, предос-

тавлением мест в детских садах и организацией выездов детей на загородные дачи (в немецком варианте это называлось «отправкой на село»). С самого начала «Мать и дитя» привлекала к сотрудничеству матерей-одиночек. В отчете, датированном 1936 годом, говорилось, что в благотворительной организации было зарегистрировано 15 313 «матерей-одиночек». Нацистское руководство уделяло очень большое внимание этой организации. В более поздние годы проект «Зимняя благотворительность» служил в первую очередь для обеспечения деньгами и вещами «Матери и дитя». Так, например, из собранных зимой 1939/40 года 681 миллиона рейхсмарок 343 миллиона рейхсмарок были переданы «Матери и дитя».

Деятельность одной из многочисленных благотворительных нацистских организаций

Подобная активность отнюдь не во всем устраивала Гиммлера. Если бы «Национал-социалистское народное вспомоществование» закрепилось в секторе обслуживания матерей-одиночек и внебрачных детей, то рейхсфюрер СС рисковал бы потерять контроль над этой сферой деятельности, что его как одного из пионеров расовой и демографической политики совсем не радовало. В итоге между СС и НСВ возникло некое подобие соперничества, которое в годы войны привело к открытому конфликту.

СОЗДАНИЕ «ЛЕБЕНСБОРНА»

Гиммлер неоднократно сообщал, что он, как глава гестапо и немецкой полиции, намерен решить проблему абортов, а вместе с ней и проблему матерей-одиночек. В какой-то момент он сообщил об этом Гитлеру, вручив ему должностную записку. В ней он пытался убедить фюрера начать борьбу с абортами, прибегая к следующему аргументу. Все спасенные и в итоге рожденные дети были потенциальными солдатами рейха. Не исключено, что учреждение «Лебенсборна» было лично одобрено Гитлером. В любом случае, непосред-

ственным инициатором создания «Источника жизни» был Гиммлер и еще десять эсэсовских офицеров, чьи имена, к сожалению, неизвестны. Учредительное собрание состоялось 12 декабря 1935 года в Берлине. Несмотря на то что «Лебенсборн» являлся структурой СС, в официальных документах он значился как самостоятельная организация. Как самостоятельное юридическое лицо «Источник жизни» мог владеть недвижимостью и прочей собственностью. В декабре 1935 года был утвержден Устав «Лебенсборна», в котором определялись его задачи. Мы уже вкратце говорили о них в предыдущих главах. Повторим эту часть Устава.

1. Поддержка многодетных семей, представляющих интерес с расовой и наследственно-биологической точки зрения.

2. Забота о ценных с расовой и наследственно-биологической точки зрения одиноких матерях, которая должна осуществляться после тщательной проверки Главным управлением по вопросам расы и поселений семьи будущей матери и семьи отца-производителя. Это должно гарантировать появление на свет расово ценных детей.

3. Забота об этих детях.

4. Забота о матерях этих детей.

Как видим, суть Устава однозначно привязывала деятельность организации к расовой идее. Впрочем, в Уставе ни слова не говорилось о том, какая цель ставилась перед «Лебенсборном». Нечетко был описан круг людей, с которыми должна была работать новая организация. Только из внутренних приказов СС следовало, что «охранные отряды» намеревались поставить «Источник жизни» на службу расовой и демографической политике. В циркуляре от 13 сентября 1936 года Гиммлер сообщал всем высокопоставленным эсэсовским офицерам об учреждении новой организации. В нем же говорилось, что «Лебенсборн» должен служить увеличению рождаемости в Германии. При этом Гиммлер указывал, что и сами эсэсовцы должны были в идеале иметь многодетные семьи. «Наличие множества детей — отнюдь не личное дело отдельного человека, а долг по отношению к его предкам и нашему народу». Мы уже говорили, что для Гиммлера брак без детей не существовал как таковой. Если же эсэсовец по тем или иным причинам не мог иметь детей, то он должен был взять на воспитание «расово ценных детишек». Для выбора этих малышей в распоряжении СС находился «Лебенсборн». Как видим, эсэсовские семьи должны были быть «застрельщиками» в деле увеличения рождаемости. Казалось бы, главной целью «Источника жизни» было обеспечение бесплодных эсэсовских семей

«нордическими» малышами. То есть можно было предположить, что поначалу это был специфический инструмент по усыновлению «идеальных арийских детей». Устав и письмо Гиммлера укрепляли впечатление, что забота о матерях-одиночках находилась на втором плане, а в первую очередь речь шла об эсэсовских семьях. На практике же все оказалось наоборот.

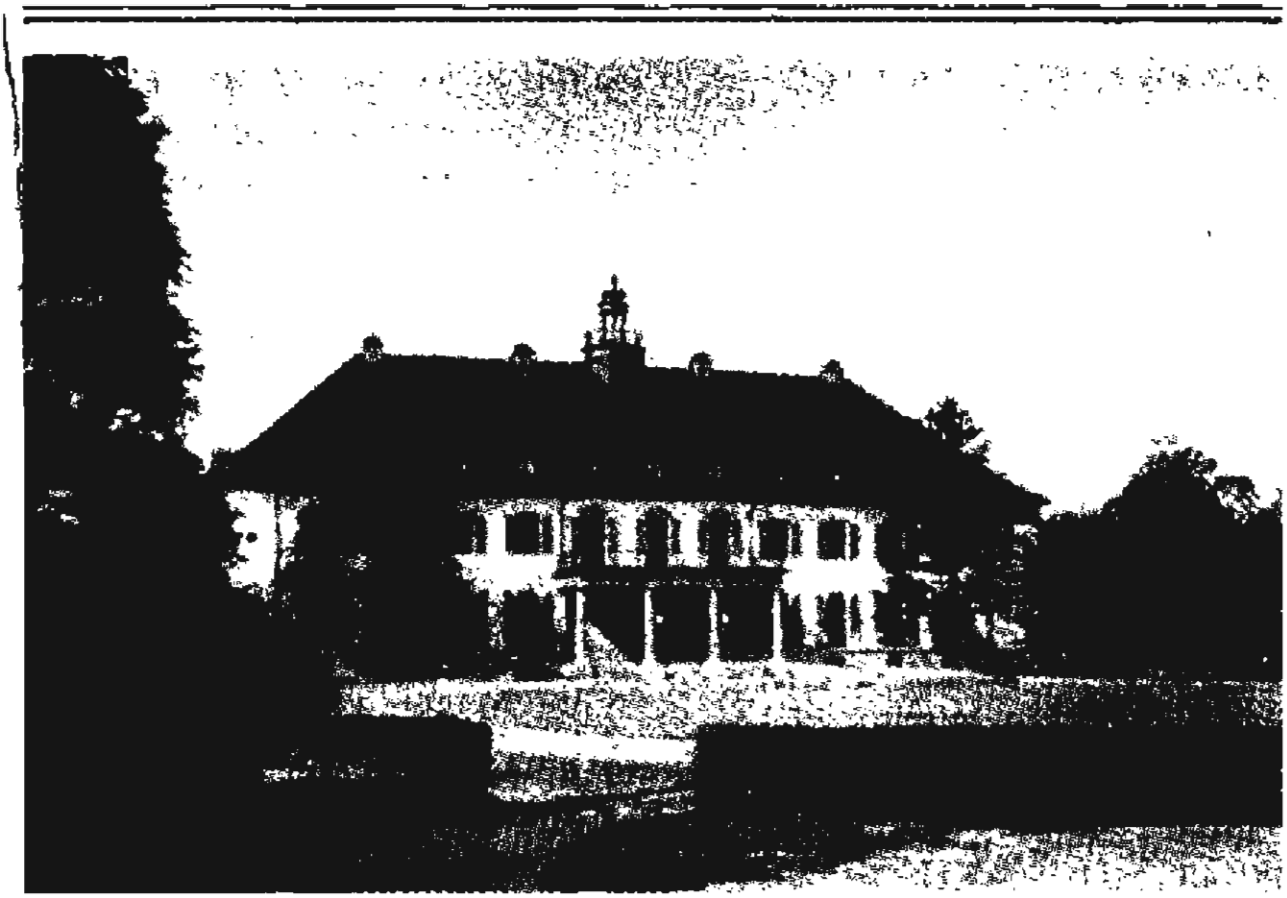
Поддержка «многодетных семей, представляющих интерес с расовой и наследственно-биологической точки зрения», которая значилась в Уставе «Лебенсборна» на первом месте, выражалась в виде однократных или ежемесячных финансовых выплат. Однако подобная практика началась лишь в 1937 году, и касалась она исключительно эсэсовских семей, в которых было пять и более детей. Для выполнения этой задачи был сформирован попечительский совет, в который входили многодетные эсэсовские офицеры из РуСХА, Главного управления СС и службы безопасности СС. Члены попечительского совета распределяли средства между эсэсовскими семьями в соответствии с количеством детей, наличествующих в них. Всего же ежемесячно выплачивалось где-то от 20 до 50 рейхсмарок. Подобную практику можно назвать эффективной с очень большой натяжкой. К 1938 году в СС насчитывалось 1906 семей, в которых было пять и более детей. При этом только 5,8% из них получили финансовую поддержку от попечительского совета «Лебенсборна». В 1937 году «Источник жизни» потратил на эти цели 11 тысяч рейхсмарок. В 1938 году 110 семьям было выделено в целом 33 602 рейхсмарки. А в 1939 году 139 эсэсовских семей получили поддержку в размере 47 134 рейхсмарок. Если посмотреть на общий бюджет «Лебенсборна», то выделенные суммы в 1937 году составили 1,5%, а в 1939 году — 3,2%. В годы войны «Лебенсборну» удалось договориться с руководством Главного управления СС по вопросам расы и поселений о том, что с организации будут списаны 82 тысячи рейхсмарок. Тем не менее официально в эсэсовских документах «Источник жизни» значился как кредитор. То есть деньги на благотворительность кредитовались у руководства СС. Всего же до конца войны поддержку от «Лебенсборна» получили 960 детей из 160 эсэсовских семей.

Наряду с гомосексуализмом Гиммлер считал причиной падения рождаемости маленькие семьи. По этой причине он учреждал «Лебенсборн» не как «кассу родительской взаимопомощи», а как учреждение по уходу за будущими матерями, а также их детьми после родов. Хотя в Уставе об этом открыто не говорилось, но упор в работе

делался именно на матерей-одиночек. Для замужних женщин существовали родильные дома, но незамужние могли сталкиваться со множеством проблем при родах. Идея Гиммлера состояла в том, чтобы повысить рождаемость за счет предоставления социальной защиты будущим матерям-одиночкам, дабы те отказались от прерывания беременности. С первого дня существования «Лебенсборна» это было главной целью этого учреждения. Он должен был донести это предложение до всех беременных немецких девушек. В письме из РуСХА, которое датировано 26 августа 1936 года, достаточно четко говорилось о том, что «Лебенсборн» должен был помогать не состоящим в браке матерям, дабы те «осознанно отказывались от аборта, а стало быть, не способствовали падению рождаемости». Хотя, пока существовал «Лебенсборн», его руководство пыталось заверить общественность, что оно вовсе не пропагандирует внебрачные отношения, а «семья по-прежнему является основой народа и государства». Но как мы видим, показная забота о многодетных семьях была лишь прикрытием, чтобы отвести от «Источника жизни» критику и взгляды любопытных мещан.

ФУНКЦИИ «ЛЕБЕНСБОРНА»

Поддержка матерей-одиночек в «Лебенсборне» оправдывала атаки Гитлера и Гиммлера, предпринимаемые на христианско-буржуазную мораль. Третирование не состоящей в браке матери и, в частности, рожденного вне брака ребенка исходило из церковных кругов, которые, по мнению руководства СС, были главным противником национал-социалистской политики в области народонаселения. Подчеркивая неестественность данной позиции, одно эсэсовское издание писало, что подобные взгляды «опирались лишь на надуманные церковные догмы». В своем отчете «Два года работы «Лебенсборна» доктор Эбнер задавался вопросом о невинности внебрачного ребенка: «Должны ли мы, национал-социалисты, докатиться до того, чтобы в качестве мерила для нашего народа использовать буржуазные учреждения, а не хорошую кровь?» Церковной догматике Эбнер противопоставлял догмы национал-социалистской расовой доктрины: «Для нас каждая мать с хорошей кровью является святой! Эти слова дал нам рейхсфюрер как инструкцию к действию, и с этими словами мы будем рушить огромное количество обывательских воззрений и предубеждений». В издании санитар-



Один из домов «Лебенсборна»

ного управления СС говорилось, что «Лебенсборн» откликнулся на этот призыв рейхсфюрера СС и дал возможность матери-одиночке занять подобающее ей место, так как для народного сообщества и замужняя женщина, и одинокая в первую очередь является матерью. Руководство СС в буквальном смысле хвасталось тем, что, с одной стороны, оно выступило против «фарисеев» и тех, кто, «почтенно застывая перед собственным нравственным совершенством, психически губит своим презрением и елейными проповедями девочек, которые решились дать жизнь внебрачному ребенку». С другой стороны, эсэсовцы были горды тем, что они не ограничивались теоретическими обсуждениями, а основали «Источник жизни», дабы на практике помочь этим девушкам.

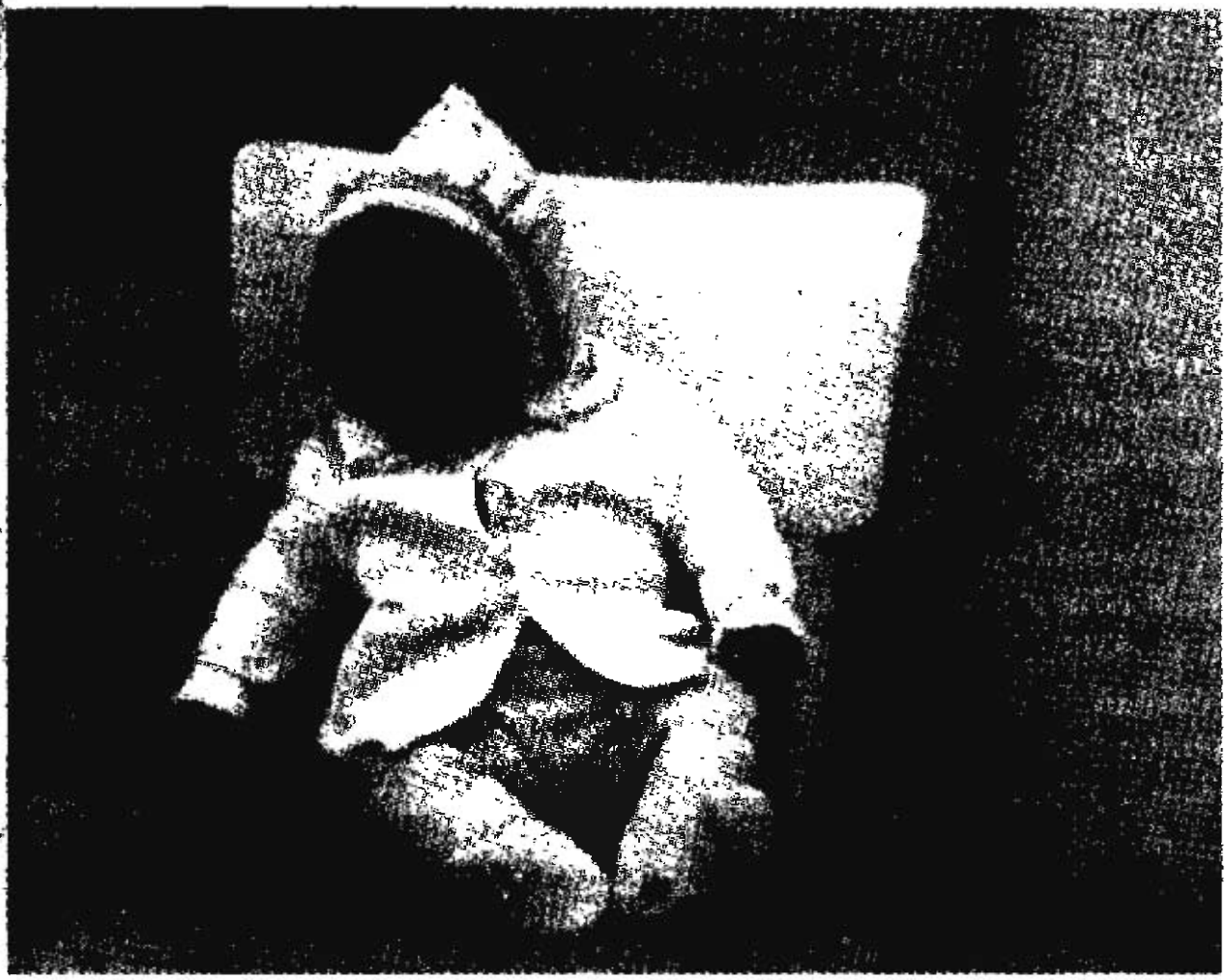
В сообщениях о «Лебенсборне» обращают на себя внимание те меры, которые были предприняты для социальной поддержки матерей-одиночек. В первую очередь бросаются в глаза собственные родильные дома, которые находились в распоряжении «Источника жизни». Для не состоящих в браке матерей имелась возможность сохранения в тайне факта рождения их ребенка. Девушки могли даже обратиться за помощью к специальному юристу. При необходимости «Лебенсборн» мог взять опеку над внебрачными детьми.

И самое главное — руководство «Источника жизни» пыталось изменить общественное мнение в пользу матерей-одиночек и их детей.

Но при этом не стоило забывать, что истинной причиной возникновения «Лебенсборна» все-таки было мировоззрение Гиммлера, который пытался срастить агрессивную политику и расистскую идеологию. На фоне расового «заката» всех германцев надо было спасти нордическую расу, что было одним из этапов для достижения мирового господства. Создание новой «Германской империи»[1] требовало захвата чужих территорий и выведения новой расовой элиты. И то и другое могло быть гарантировано, только если значительно возрастет рождаемость и при этом каждое последующее поколение будет обладать «лучшими расовыми качествами», чем предыдущее. По воле Гиммлера «Лебенсборн» должен сделать свой специфический вклад в это «общее» дело СС.

Чтобы достичь этой цели, «Лебенсборн» со временем планировал давать своим подопечным особое «элитарное» образование. Как писал Эбнер в преамбуле измененного в 1938 году Устава «Источника жизни», отборная молодежь, вышедшая из «Лебенсборна», обладала бы телами и духом «дворян будущего». Гиммлер льстил себя мыслью, что «Лебенсборн» позволит значительно увеличить народонаселение Германии. Он надеялся, что, кроме всего прочего, с помощью «Источника» он ежегодно будет спасать от абортов около 100 тысяч детей. В этих детях, получивших его стараниями жизнь, Гиммлер видел будущих солдат. Он подсчитывал, что приблизительно через 30 лет в его распоряжении окажется около 400 тысяч мужчин в возрасте от 20 до 30 лет. «А это значит, что через 30 лет армия станет больше на 400 тысяч солдат». Эбнер даже не стеснялся называть родившихся в «Лебенсборне» детей «народнохозяйственной прибылью». В отчете о своей деятельности в 1939 году он писал: «С учетом того, что каждый рожденный ребенок впоследствии при-

[1] Не путать с Третьим рейхом. В нацистской государственности можно выделить несколько этапов: 1) Третий рейх — 1933—1938 гг. Соответствовал Германии. 2) Великогерманский рейх — 1938—1939 гг. К Германии были «присоединены» Австрия, Судетская область, часть Польши. 3) Германская империя. В данное образование должна была со временем войти большая часть европейских народов, относящихся к «германской группе». По замыслу Гиммлера таковыми были датчане, голландцы, швейцарцы, фламандцы, валлийцы, скандинавы. Формирование Германской империи началось в 1940 году после оккупации Западной Европы. По данному вопросу мнение Гиммлера расходилось со взглядами Гитлера.



Обеспечение новорожденных в «Лебенсборне» было задачей №1

несет немецкой экономике около 100 тысяч рейхсмарок, «Лебенсборн» своей деятельностью принес немецкому будущему прибыль в размере 830 миллионов рейхсмарок». Начавшаяся Вторая мировая война многократно усилила желание руководства СС увеличить рождаемость в стране. Но даже в этих условиях «внебрачная политика» оставалась уделом лишь «Источника жизни». Дело дошло до того, что в «Лебенсборне» стали заниматься онемечиванием иностранных детей, которых в буквальном смысле слова похищали у порабощенных Германией народов. Для достижения демографической цели Гиммлер считал пригодными любые средства.

Забота о незамужних беременных женщинах была неразрывно связана с пропагандой «новой национал-социалистской морали». Эбнер дал ее короткую формулировку: «Наши понятия о морали, о добре и зле основываются только на интересах народа. Добро — это то, что идет ему на пользу, зло — то, что вредит ему». Если «Источник жизни» защищал матерей-одиночек и внебрачных детей от нападок общества, то исключительно по тому соображению, «что нем-

цы не могли себе позволить отказываться даже от капли хорошей крови». Именно этим оправдывались мероприятия по насильственному онемечиванию иностранных детей. Как показывала практика, в итоге «Лебенсборн» не намеревался предоставлять социальную свободу матерям-одиночкам и их детям. Они вряд ли могли свободно развивать свои отношения. Правильнее было бы говорить о том, что бедственное положение матери и ребенка использовалось в угоду расистским установкам, в то время как право на жизнь, которое присуще любому человеку, выступало лишь как политическое прикрытие. «Лебенсборн» не заботился ни о личных потребностях матери и ребенка, ни обо всех матерях-одиночках, существовавших в Германии. Если беременная женщина не соответствовала жестким критериям расового отбора, то ей отказывали в помощи, несмотря на то что она могла в ней остро нуждаться. И наоборот, в «Лебенсборн» без проблем принимались претендентки, которые являлись женами офицеров СС (как помним, расовый отбор они проходили еще до вступления в брак). Здесь их окружали заботой и вниманием. «Источник жизни» опирался в первую очередь на расовую, а не на социальную идею, как утверждалось после войны.

СТРУКТУРА «ЛЕБЕНСБОРНА»

Как говорилось в первых главах нашей книги, «Лебенсборн» поначалу был составной частью Главного управления по вопросам расы и поселений. Посмотрим теперь на эту проблему со стороны «Источника жизни». В родовом управлении РуСХА он значился как «самостоятельный главный отдел № 4». Согласно Уставу «Лебенсборн» управлялся председателем, его заместителем (обязательное требование Гражданского кодекса Германии — § 26), а также коммерческим директором. Все трое должны были быть членами СС. Все трое назначались и увольнялись с должности лично рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером. Чтобы более эффективно следовать господствовавшему в нацистском государстве «фюрер-принципу», председатель лишь формально числился во главе «Лебенсборна», при этом вся полнота власти находилась в руках у коммерческого директора. Он мог самостоятельно принимать решения по любым текущим делам и представлять интересы «Источника жизни» в прочих организациях и объединениях. В 1936 году председателем «Лебенсборна» был назначен шеф родового управления оберфюрер СС

барон фон Канне. Его заместителем был штурмбанфюрер СС Гайдн. На должность коммерческого директора «Лебенсборна» был приглашен начальник штаба родового управления штурмбанфюрер СС Пфлаум. Именно он и стал официальным руководителем «Лебенсборна». О Гюнтере Пфлауме известно немного. Родился он 13 апреля 1903 года, по профессии был коммерческим служащим. После расхождения во мнениях с руководством РуСХА он вынужден был покинуть свой пост директора «Лебенсборна» и заняться сомнительной «детской акцией» в оккупированной России[1]. В 1944 году он удалился из политики в сфере народонаселения и стал «особым уполномоченным рейхсфюрера СС по вопросам борьбы с паразитами», располагаясь главным образом в Освенциме.

«Источник жизни» открыл свой первый родильный дом 15 августа 1936 года в Штайнхёринге у Эберсберга (Верхняя Бавария). Это здание был куплено у баварского правительства за 55 тысяч рейхсмарок. После дорогостоящей переделки и ремонта (общая сумма затрат составила 540 тысяч рейхсмарок) здание было приведено в порядок. 1 января 1940 года в нем могло разместиться вдвое больше матерей и детей (50 материнских и 109 детских мест). Дом «Хохланд», так официально в документах называлось это здание, вплоть до конца войны считался образцовым заведением «Лебенсборна». Первоначально в нем не был предусмотрен оплачиваемый медицинский персонал. Его функции выполнял проживавший поблизости врач. Но вскоре был найден врач общей практики, доктор Эбнер, который проживал недалеко от Мюнхена, в Крихзееоне. За кратчайший срок он превратился из внештатного заведующего домом «Хохланд» в медицинского руководителя всего «Источника жизни» и постоянного члена центрального совета «Лебенсборна».

ГРЕГОР ЭБНЕР

Грегор Эбнер родился 24 июня 1892 года. После двух лет изучения медицины он участвовал в Первой мировой войне в качестве полевого субординатора. После революции 1918 года он присоединился к добровольческому корпусу фон Эппа. Вслед за сдачей экзаменов в июле 1920 года он стал практикующим врачом в Кирхзееоне. Начало своей карьеры в НСДАП он описывал следующим образом.

[1] Речь идет о похищении детей для их онемечивания в «Лебенсборне».

«В национал-социалистскую партию я официально вступил после того, как услышал летом 1930 года речь фюрера в Графинге. До этого я никогда не занимался политикой. Когда 30 декабря 1930 года в Кирхзееоне была создана местная группа НСДАП, то я стал ее предводителем и заместителем руководителя районного отделения партии». На следующий год после вхождения в гитлеровскую партию Эбнер подал заявление о вступлении в СС. По его собственному признанию, он познакомился с Генрихом Гиммлером еще в 1930 году в Мюнхене на собрании студенческой корпорации «Аполлон». До 1933 года он был семейным врачом Гиммлера. Столь стремительный взлет доктора Эбнера можно объяснить именно дружескими связями с рейхсфюрером СС. Прежде чем 1 мая 1936 года доктор Эбнер стал ведущим доктором в Штайнхёринге, он был главным врачом в оберабшнитте СС «Юг», который базировался в Мюнхене. Постепенно Эбнер свернул свою частную практику, а в середине 1937 года перешел на постоянную должность в «Лебенсборн». Именно тогда он и стал медицинским руководителем всех создаваемых родильных домов «Источника жизни». Работа в «Лебенсборне» позволяла ему получать высокие эсэсовские чины. 20 апреля 1939 года он стал оберфюрером СС. Впрочем, его партийно-политическая деятельность не ограничивалась СС и руководством местной партийной группой в Кирхзееоне. Еще до прихода нацистов к власти он был членом национал-социалистского союза немецких врачей. В 1934 году он был приглашен стать постоянным членом дисциплинарного суда этой организации, а в 1938 году возглавил эту врачебно-судейскую коллегию. Кроме этого, он был лектором в расово-политическом управлении НСДАП и окружным уполномоченным по вопросам расы и наследственного здоровья в Эберсберге.

До нас дошел список докладов, которые были прочитаны доктором Эбнером в период с ноября 1940 года по март 1941 года. Вот их тематика.

1. Падение рождаемости, внебрачное материнство, многодетная семья как основа государства, борьба со смертностью грудных детей.

2. Сохранение чистоты расы, опасность расового смешения.

3. Искоренение неполноценных, стерилизация и кастрация.

Во время Нюрнбергского процесса Эбнер свидетельствовал, что в первую очередь заботился о благополучии вверенных ему матерей и не делал никаких различий между собственными служащими и заключенными нацистских концентрационных лагерей, военнопленными, которые должны были выполнять грязную подсобную работу

в «Лебенсборне». Даже если это соответствовало действительности, то тематика прочитанных им докладов отчетливо указывала на то, что он придерживался расистских установок. По этой причине не может быть никаких сомнений относительно того, что Эбнер был последовательным сторонником нацистской идеологии, на что указывала хотя бы его карьера в НСДАП. Эта тема становится актуальной, так как после войны служащие «Источника жизни» пытались представить свою организацию исключительно как благотворительный проект, а самого доктора Эбнера характеризовали как человека, который в первую очередь пытался проявить участие к судьбе страждущих и нуждающихся. При этом подчеркивалось, что расовые теории были ему чужды. Он якобы считал их абсурдными. Однако это не соответствовало действительности. Эбнер безоговорочно разделял расистскую идеологию национал-социализма. Это можно обнаружить, когда он оправдывал деятельность «Лебенсборна» перед третьими лицами. Кроме того, он однозначно выразился в одном из своих писем, что «видит в «законах селекции» итог всей работы охранных отрядов».

РАСШИРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ЛЕБЕНСБОРНА»

Едва дом «Хохланд» успел принять первых посетительниц, как в эксплуатацию стали вводиться другие родильные дома. В июне 1937 года открылся дом «Харц» в Клостерхайде. Несколько месяцев спустя в сентябре 1937 года в окрестностях Берлина был сдан в эксплуатацию дом «Курмарк». Однако вскоре после этого последовали крутые перемены. Самостоятельная организация «Лебенсборн» была ликвидирована. Судя по всему, на тот момент «Источник жизни» не справлялся с задачами, поставленными перед ним. В его центральном управлении нередко возникали споры и конфликты. 10 февраля 1938 года у «Лебенсборна» появился новый Устав. Эти перемены во многом были вызваны тем, что Гиммлер мог оказывать лишь опосредованное влияние на управление организацией. К тому же он не был доволен склоками и противоречиями, царившими в руководстве «Источника». Чтобы провести реорганизацию, Гиммлер заранее предпринял несколько предварительных шагов. 8 мая 1937 года он поручал шефу Административного управления СС группенфюреру СС Освальду Полю взять на себя финансовый контроль над деятельностью «Лебенсборна». Сделано это было под тем

предлогом, что в противном случае контрольные функции были бы переданы имперскому казначею Шварцу. Гиммлер «участливо» решил не нагружать имперского казначея дополнительными заботами. На самом деле Гиммлер всеми силами пытался сохранить полную независимость от партийных структур, а потому не намеревался никого посвящать в финансовые дела «Источника жизни». Тем временем в Главном управлении по вопросам расы и поселений расценили данный шаг рейхсфюрера как попытку сократить влияние РуСХА на «Лебенсборн». Чтобы как-то компенсировать этот ход, Гиммлер заверил руководство РуСХА, что только его родовое управление обладает правом давать «мировоззренческие установки и соответствующие директивы «Источнику жизни». Но это было недолгим утешением. 7 сентября 1937 года персональный штаб рейхсфюрера СС уведомил руководство РуСХА о том, что в соответствии с предложением доктора Эбнера группенфюрер СС Освальд Поль по согласованию с Гиммлером принял решение перенести официальное месторасположение «Лебенсборна» из Берлина в Мюнхен. Руководство РуСХА пыталось парировать, что родовому управлению будет неудобно управлять «Лебенсборном» на таком удалении. Но Гиммлер был непреклонен. В марте 1938 года он принял окончательное решение — «Лебенсборн» должен был перебраться в Мюнхен.

На самом деле, переезд из Берлина в Мюнхен был только началом организационных изменений, которые должны были закончиться полным разделением РуСХА и «Лебенсборна». Почти сразу же после того, как Поль был поставлен Гиммлером надзирать за финансовыми делами в «Источнике жизни», тот со всей открытостью сообщал руководству Главного управления по вопросам расы и поселений, что считает необходимым изменить организационный статус «Лебенсборна». Он даже подчеркивал: «Я буду стремиться к полному изъятию «Лебенсборна» из сферы деятельности РуСХА». 1 января 1938 года было принято решение разделить РуСХА и «Лебенсборн», передав «Источник» в ведение персонального штаба рейхсфюрера СС. По сути, этот ход делал «Лебенсборн» полностью независимой организацией, которая подчинялась лишь Гиммлеру. Нечто подобное мы могли бы наблюдать в то же самое время и в организации «Наследие предков» («Аненербе»). Для РуСХА и его шефа, обергруппенфюрера СС Вальтера Дарре, утрата контроля над «Лебенсборном» и «Аненербе» была сильным ударом. Часть причин разрыва отношений между Гиммлером и Дарре мы уже описывали в

предыдущих главах. Что касается «Лебенсборна», то в данном случае, судя по всему, не обошлось без доктора Эбнера. Именно ему как медицинскому руководителю подчинялись все родильные дома. Однако, пока «Лебенсборн» располагался в Берлине, он мог, по сути, контролировать обстановку лишь в Штайнхёринге в доме «Хохланд». Было вполне логично, что доктор Эбнер пытался устранить это пагубный «дуализм» между берлинским руководством «Лебенсборна» и первым образцовым родильным домом в Баварии. Так что выбор Мюнхена был далеко не случаен. В данном случае свою роль сыграло и знакомство с Гиммлером, и то, что Освальд Поль энергично поддержал с чисто финансовой стороны идею перенесения «Лебенсборна». Как мы помним, соединение персонального штаба рейхсфюрера СС и «Источника жизни» было лишь одним из немногих симптомов упадка РуСХА. В итоге Главное управление по вопросам расы и поселений стало заниматься земельным вопросом, обучением и расовой проверкой кандидатов на вступление в СС.

Разрыв отношений между Гиммлером и Дарре стал прекрасным поводом для того, чтобы в корне поменять Устав «Источника жизни», т.к. требовалось переработать Устав в связи с переездом из Берлина в Мюнхен. Гиммлер воспользовался этим поводом, чтобы кардинально изменить структуру руководства «Источником». Занимавшие с 1936 года свои должности председатель, его заместитель и директор были выходцами из недр РуСХА. Было решено перераспределить полномочия. Деятельность «Лебенсборна» должны были контролировать представители различных управлений СС. От РуСХА был представлен оберфюрер СС Эбрехт, от Административного управления — группенфюрер СС Поль. Третьим в этом списке был штандартенфюрер СС Дермитцель из санитарного управления СС. Ранее он ведал вопросами гигиены в «Лебенсборне». Позже произошла еще одна перестановка: от РуСХА место в совете занимали менявшиеся шефы управления, а место шефа санитарного управления занял имперский врач бригаденфюрер СС Гравиц.

Реорганизация правления «Лебенсборна» показала, что «Источник» ориентировался в первую очередь на цели, поставленные перед ним руководством СС. Возвышение «Источника жизни» стало очевидным хотя бы потому, что во главе его встал лично Гиммлер как председатель общего правления организации. В дела же «старого» «Источника» не вмешивались ни рейхсфюрер СС, ни Дарре. В той ситуации Дарре предлагал фигуры служащих «Источника», а Гиммлер утверждал их. Примечательно, что «Лебенсборн» возглав-

лял даже не шеф РуСХА, а лишь начальник родового управления. Появление во главе «Источника» рейхсфюрера СС значительно повышало статус организации, что должно было помочь ей в дальнейшей деятельности. Причем управление организацией для Гиммлера не было пустой формальностью. В данной ситуации он отнюдь не был «свадебным генералом». Он собирал воедино три ветви управления «Источником жизни»: мировоззренческую, административную и медицинскую. В большинстве случаев Гиммлер довольствовался отчетами по соответствующему направлению. Однако это не исключало того, что все принципиальные решения принимал лично он сам.

Пфлаум, который как коммерческий директор организации должен был юридически представлять ее интересы, остался на своем месте. Но теперь его функция сводилась к тому, что он должен был взаимодействовать с прочими государственными и партийными структурами. Разумеется, он уже не мог вмешиваться в дела «Источника», да и сама его должность стала называться «административный член правления». Учитывая заслуги доктора Эбнера во время создания отдельных родильных домов, ему было поручено и впредь заниматься этим вопросом. Но так как его интересы лежали больше в сфере медицины, нежели в сфере бюрократии, то он выступал в роли члена правления, только когда речь шла о родильных домах, их персонале, посетительницах, оборудовании и т.д. Естественно, позиции Пфлаума были сильно подорваны. Он был вынужден делить свое руководство с членами правления. От него вряд ли ускользнуло, что именно с принятием в «Лебенсборн» доктора Эбнера началась административная перекройка, которая в итоге закончилась ущемлением его интересов. В будущем дело дошло до нелицеприятных трений между этими двумя людьми, и в итоге Пфлаум был вынужден оставить свой пост в «Источнике жизни».

Постоянный рост количества родильных домов «Лебенсборна» вел к неуклонному расширению бюрократического аппарата в организации. Это стало наиболее заметно в первой половине 1938 года. В тот момент Пфлаум возглавлял общий централ «Источника жизни». Несмотря на появление трех новых домов, централ занимался лишь финансовой деятельностью. Он смог сохранить свою структуру на два последующих года. Централ делился на два главных отдела: A и F. Наряду с ними еще существовали строительный отдел и управление по опеке. Но посмотрим на деятельность главных отделов. Первый главный отдел — отдел A (allgemein — общий) — состоял из

семи секторов и подотделов. Все они отвечали за различные вопросы обслуживания матерей в домах и вне их. В частности, в их задачи входила домашняя фотосъемка, которая помогала проводить расовый отбор будущих рожениц «Лебенсборна». В рамках этого проводилось также расовое освидетельствование, проверка наследственного здоровья, «брачная кооперация», трудоустройство матерей-одиночек. В задачи подотдела поддержки многодетных семей входил поиск идеальных с нацистской точки зрения семейств. Другой подотдел занимался ведением мировоззренческих и специальных материнских учебных курсов. Кроме этого, существовал правовой сектор, который относился ко всем домам «Лебенсборна». Данный сектор выполнял функции и ЗАГСа, и паспортного стола. Это не было преувеличением, так как многие матери хотели сохранить свое пребывание в «Лебенсборне» в тайне. Главный отдел F (финансовый) к 1939 году изрядно разросся. Подобно главному отделу А, он состоял из семи секторов и подотделов: кассового, расчета заработной платы, бухгалтерии, земельного сектора, взимания взносов и т.д.

Но «Лебенсборн» рос не только вглубь, но и вширь. Его дома постепенно появлялись по всей Германии. В мае 1938 года в Северной Германии в торжественной обстановке было открыто еще два дома «Источника жизни». В Бад-Польцине городской совет преподнес в качестве подарка Гитлеру бывший курортный дом. В итоге это здание было передано в ведение рейхсфюрера СС, а тот, в свою очередь, отписал его «Источнику». Так возник дом «Померания», рассчитанный на 60 мест для матерей и 75 мест для детей. Кроме этого, в 1937 году за 60 тысяч рейхсмарок был куплен бывший охотничий замок Лахузен, который располагался в окрестностях Бремена. Из него был сделан дом «Фрисландия», рассчитанный на 34 матери и 45 детей. Не мог «Лебенсборн» обойти стороной и аншлюс Австрии, который произошел в 1938 году. Как только Австрия была присоединена к рейху, Эбнер и Пфлаум тут же обратились к Гиммлеру с просьбой «разрешить гестапо приобретать дома, автомобили и предметы обстановки». В итоге в 70 километрах от Вены был конфискован санаторий Перниц. Затем последовали детский дом в Нойленгбахе близ Сант-Пёльтена, замок Обервайс у Гмундена. Примечательным в данных актах «пожертвования» со стороны гестапо было то обстоятельство, что в прошлом все три здания были еврейской собственностью. Но «Лебенсборну» удалось обжить отнюдь не все строения. Детский дом в Нойленгбахе «Лебенсборн» сдавал в аренду

вермахту. На восстановление просто-напросто не хватало денег. Большой интерес проявлялся к замку Обервайс, но он в силу ряда обстоятельств никак не мог быть родильным домом. Поэтому в сентябре 1943 года здесь было решено устроить специальный детский дом «Лебенсборна», который назывался «Альпенланд». Чтобы иметь в «Восточной марке» хотя бы один родильный дом, руководство «Источника жизни» решило бросить все имеющиеся средства на оснащение санатория Перниц. После его реконструкции, которая закончилась в октябре 1938 года, в нем могли разместиться 49 женщин и 83 ребенка. В данном случае речь шла не только об отличном строении, но и о 33,7 гектарах земли и 17 гектарах леса. Итак, на момент наступления 1939 года «Источнику жизни» удалось открыть шесть родильных домов, в целом рассчитанных на 263 места для женщин и 487 мест для детей.

«ЛЕБЕНСБОРН» КАК ПОПЕЧИТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

С формальной точки зрения «Источник жизни» был попечительской организацией СС, некоей составной частью общей благотворительной деятельности, которая в Третьем рейхе была сосредоточена главным образом в руках «Национал-социалистского народного вспомоществования», являвшегося одним из союзов НСДАП. Социальная помощь при национал-социалистском режиме была оформлена так, что нуждающиеся в поддержке были вынуждены прибегать к услугам благотворительных организаций, так как установленные законами нормы финансового содействия, которое предоставлялось всем без разбора, были настолько невелики, что часто не позволяли даже дотянуться до прожиточного минимума. Практика социальной благотворительности уходила своими корнями еще во времена Веймарской республики. Однако после унификации нацистами всех социальных организаций она оказалась в руках НСВ, предводитель которой Эрих Хильгенфельд подчеркивал, что возглавляемая им организация предоставляла помощь «без каких-либо законодательных ограничений и предписаний, ориентируясь лишь на мировоззренческие установки целенаправленно помогать наследственно здоровым и ценным для народа товарищам». Между тем национал-социалистское руководство изыскало возможность подчинить собственным идеологическим целям и эту область социальной политики.

Принимая во внимание эти предпосылки, «Лебенсборн» построил свою работу по образцу входившей в НСВ благотворительной организации «Мать и дитя», которая, по большому счету, была стержнем национал-социалистской благотворительности, а также отчасти по примеру проекта НСВ «Помощь молодежи», который занимался борьбой с беспризорностью. Но в отличие от организаций вспомоществования, которые делали акцент в своей деятельности на предупредительное воспитание, «Источник жизни» был учреждением родовспоможения с соответствующим оборудованием и уходом.

Каждый из родильных домов «Лебенсборна» имел в своем штате врача из состава СС. Ему помогали старшая медицинская сестра, управляющий домом и секретарь. Уход за роженицами и детьми вменялся в обязанность медицинским сестрам, которым в этом деле помогал дополнительный медицинский персонал. Приготовление пищи и уборка дома возлагались на подсобных работниц; охрана домов и работы в саду велись мужчинами, которые в большинстве случаев были эсэсовцами. В 1939 году в шести находящихся в распоряжении «Лебенсборна» родильных домах было задействовано около 40 работников (мужчин и женщин). Стоит отметить, что большинство врачей принималось на работу без каких-либо проверок на предмет квалификации в области акушерства, гинекологии и педиатрии. Как мы помним, даже сам Эбнер был врачом общей практики. До начала Второй мировой войны профессионально-медицинский уход за посетительницами родильных домов «Источника» выполнялся так, что приходилось привлекать на внештатной основе практикующего по соседству детского врача, который должен был обследовать новорожденных каждые четыре недели. Более того, он предоставлял для этих обследований еще и собственный медицинский персонал. Кроме этого, каждый месяц из родильных домов «Лебенсборна» на адрес профессора Гюнтера Шульце, специализировавшегося в области гинекологии, направлялись клинические отчеты. Шульце должен был заочно консультировать врачей «Источника». В случае если в родильном доме «Лебенсборна» неожиданно увеличивалась детская смертность, он попадал под особый медицинский контроль. В итоге в 1940 году было решено создать для всего «Лебенсборна» специальный медицинский совет, в который вошли оберштурмфюрер СС профессор Йозеф Беккер, специализировавшийся на детских болезнях, специалист по гигиене штурмбанфюрер СС профессор Вильгельм Пфанненштиль и доктор-акушер Ма-

кенродт, обладавший чином унтерштурмфюрера СС. Некоторое время спустя в качестве консультанта стал привлекаться штурмбанфюрер СС Эрнст-Гюнтер Шенк, который специализировался на вопросах питания. Деятельность этого медицинского совета была общественной, то есть внештатной и неоплачиваемой. Все врачи, входившие в этот совет, подчинялись доктору Эбнеру. Вместе с Эбнером как минимум дважды в год они должны были вместе инспектировать все родильные дома «Лебенсборна». Во время ежегодных совещаний они обобщали опыт, который был наработан за год каждым родильным домом, и готовили итоговый отчет. Кроме этого, они вели статистику, которая строилась на основе отчетов и сообщений заведующих родильными домами «Источника».

КАДРОВЫЙ ВОПРОС В «ЛЕБЕНСБОРНЕ»

Уже при учреждении первого дома «Лебенсборна» в Штайнхёринге руководство СС прибегло к помощи национал-социалистских сестер. «Источник жизни» заключил договор с «Национал-социалистским вспомоществованием», согласно которому сестры предоставлялись во все родильные дома. Но так как Национал-социалистское сестринство не обладало достаточным количеством дипломированных специалистов, то «Лебенсборн» приглашал на работу медицинских сестер со стороны. Однако при этом старшая медицинская сестра в каждом доме была обязательно служащей СС.

Работа по уходу за матерями во всех домах неизбежно была связана со множеством проблем, в первую очередь личного характера. Однажды сам Гиммлер заметил, что либо врачи и медицинские сестры не подходили для работы в особых условиях «Источника жизни», либо имелись работники, которых удавалось заполучить с большим трудом. Особенно эта проблема стала актуальной в годы войны. Если бы Гиммлер не проявлял живого интереса к деятельности «Лебенсборна», то после начала Второй мировой войны Эбнер, наверное, вообще не смог бы получить никакого персонала.

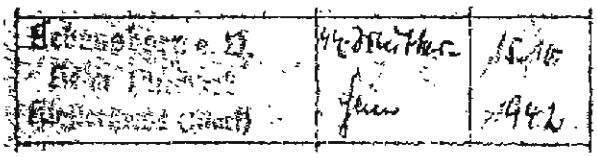
Неожиданно национал-социалистские сестры преподнесли Эбнеру неприятный сюрприз. В 1940 году в своем секретном докладе он писал с сожалением, что медицинские сестры слишком часто менялись — была огромная текучка кадров. Не успели они только войти в курс дела, свыкнуться с обстановкой в домах «Лебенсборна», как тут же по собственному желанию оставляли работу в организа-

ции. Нередко медицинские сестры были слишком молоды, чтобы иметь подходящие навыки и практический опыт. Но в большинстве случаев Эбнер был возмущен тем, что сестры не были морально готовы к работе в «Лебенсборне», у них не было правильных установок. Во многом это было связано с тем, что старшие медицинские сестры и санитарки скептически относились к внебрачному материнству. Они пытались дистанцироваться от матерей-одиночек, а потому и речи не могло быть о подлинно товарищеских отношениях между персоналом и роженицами. А идея «Лебенсборна» предполагала именно такую обстановку — психологический климат в ее родильных домах должен был быть дружеским. Более того, в Национал-социалистском сестринстве существовала установка, что девушки, родившие вне брака, должны были покинуть ряды этой организации. В связи с этим большинство медицинских сестер считало внебрачное материнство «чем-то аморальным и постыдным». Тем не менее Эбнер недвусмысленно намекал, что «коричневые» национал-социалистские сестры выигрывали на фоне «синих» обычных медицинских сестер, которые в большинстве своем были воспитаны в церковных традициях.

Поначалу в «Лебенсборне» работали вольнонаемные сотрудницы

По этой причине было решено трудоустраивать в «Лебенсборне» бывших пациенток этого заведения, предварительно дав им соответствующее образование. Так, в 1942 году при помощи имперского руководителя здравоохранения Конти удалось превратить два крупнейших дома «Лебенсборна» («Хохланд» и «Померания») в детские больницы. Начинающие медицинские сестры получали медицинское образование прямо в «Лебенсборне». При этом им не требовалось проходить обязательную для будущих медицинских работников практику в больнице. Чтобы сэкономить на персонале, в

Трудовая книжка с занесением места работы – «Лебенсборн»



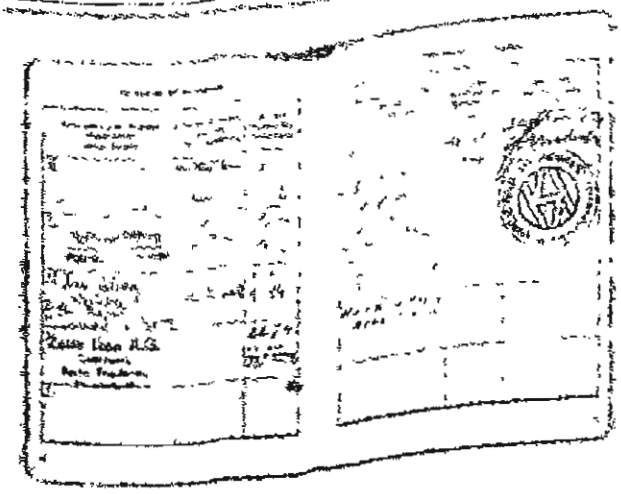
годы войны в «Лебенсборн» была направлена группа «Толкователь-ниц Библии» (немецкое название «Свидетелей Иеговы») в количестве 35 немок и 20 голландок, которые, судя по всему, были принудительно вывезены на работу в Германию.

«КЛИЕНТКИ» «ЛЕБЕНСБОРНА»

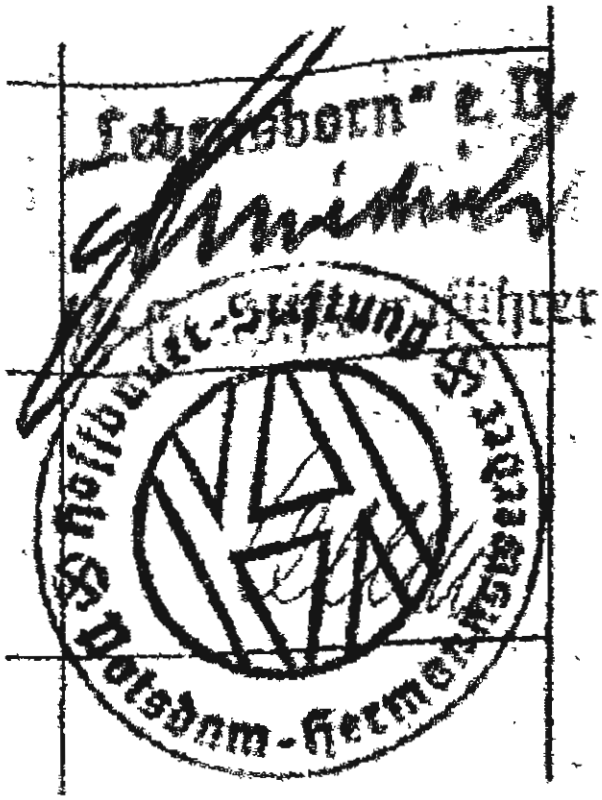
Так как «Источник жизни» в первую очередь должен был заботиться о незамужних беременных женщинах, то стоит задаться вопросом, какова была их доля от общего числа посетительниц «Лебенсборна». В январе 1939 года Эбнер указывал на то, что приблизительно половина рожениц не состояла в браке. Несмотря на то что документов о деятельности «Источника» до нас дошло не так уж много, его высказывание можно подкорректировать. Сам Эбнер в своем отчете о первых годах деятельности «Лебенсборна» указывал, что из 1145 матерей только 613 (42,4%) состояли в браке. Вне всякого сомнения, с началом войны количество незамужних рожениц значительно возросло.

Согласно статистическим данным, их доля в период с 1 ноября 1941 года по 31 мая 1942 года составляла 64,3%. О росте количества незамужних рожениц говорят и данные дома «Померания». Если в 1938 году только 47% матерей не состояли в браке, то 1939 году их доля составила 56%. В 1940 году произошел некоторый спад (51%), который сменился резким скачком в 1941—1942 годах (58 и 71% соответственно). Однако, кажется, к концу наметилось кардинальное изменение. В мае 1944 года Эбнер докладывал о том, что в родильных домах оказывалось больше замужних женщин, чем не со-

стоящих в браке. Вероятно, это объяснялось тем, что будущие матери предпочитали уезжать из городов, подвергавшихся постоянным бомбежкам, укрывшись в домах «Лебенсборна», расположенных, как правило, в сельской местности.



Для того чтобы соблюсти в тайне внебрачную беременность и рождение ребенка, сотрудники «Лебенсборна» должны были одинаково относиться как к замужним, так и к незамужним женщинам. Ко всем им обращались с добавлением одинаковой приставки «фрау», поэтому внешне было очень сложно установить семейный статус роженицы. Аналогичным образом должны были обращаться друг к другу и пациентки домов «Источника». Все усилия были направлены на то, чтобы воплотить в жизнь идеал Гиммлера: каждая женщина, а не только состоящая в браке, должна была выполнить свой материнский долг перед своим народом. По этой причине в рамках эсэсовского заведения ко всем должны были относиться с равной степенью почтения и уважения. Однако это крыло в себе иную сторону конфликта. Уже заблаговременно многие офицеры СС приводили в качестве примера жалобы на то, что замужние женщины неохотно направлялись в дома «Лебенсборна», так как они опасались, что их приравняют к матерям-одиночкам. Подобным установкам способствовало пресловутое сохранение тайны рождения. Подобная антипатия к «Лебенсборну» не в последнюю очередь была связана с тем обстоятельством, что из него были удалены прежние руководители. Эбнеру требовалось проявить чудеса дипло-



Трудовая книжка с занесением места работы – «Лебенсборн»

Медицинская сестра с ребенком, рожденным в «Источнике жизни»

матии и ораторского искусства, чтобы все-таки выяснить у Гиммлера, что организация, в которой он работал, в первую очередь предназначалась для незамужних матерей. Само собой разумеется, в «Лебенсборн» могли попадать и жены эсэсовских офицеров. «Практика показывала, что могло случиться и такое», — писал Эбнер в одном из писем. Он прекрасно понимал, зачем требовались столь осторожные формулировки. Многие жены офицеров СС полагали, что они являлись «исключительными», а потому требовали к себе (даже в годы войны) особого отношения. Тем не менее Эбнеру удалось деликатно разочаровать их, заверив, что в домах «Лебенсборна» не делают никакого различия между попавшими туда женщинами.

Но эта уверенность была подорвана три года спустя, в конце войны. Огромный приток женщин, состоявших в браке, вызвал у Эбнера опасение, что вследствие этого процесса будет искажена истинная идея «Источника жизни». В 1944 году он писал: «Лебенсборн» никак не интересует замужних женщин — им просто удобно рожать в наших домах». В тот момент на Эбнера посыпались жалобы. В частности, это касалось писем бригаденфюрера СС Кранефуса и оберфюрера СС Дойшля. Жена последнего рожала в доме «Хохланд». В ответ на упреки Эбнер раздраженно заметил, что не потерпит в своих родильных домах никаких привилегированных рожениц, даже если они являются женами высокопоставленных эсэсовцев. Насколько мало замужние женщины были готовы влиться в жизнь домов «Источника», настолько же неудачной оказалась попытка Гиммлера и Эбнера создать в «Лебенсборне» некое подобие «материнского сообщества». Это следует из сведений старшей медицинской сестры из Штайнхёринга, которая постоянно сталкивалась с претензиями фрау Дойшль, которая неизменно требовала «надле-

жащего» отношения. За полтора года работы в «Источнике» эта медицинская сестра постоянно сталкивалась с тем, что жены офицеров СС за редким исключением претендовали на особое обхождение. Им была вообще чужда мысль о некой общности, дабы влиться в нее, им приходилось проявлять немалую волю («если таковая у них вообще наличествовала»). Подобные роженицы требовали не только освободить их от небольших работ по дому, но и предоставить персональную палату. Подобные заявления мало соответствовали национал-социалистской идее о «народной общности» и еще меньше подходили для намерений руководства СС уравнять замужних женщин и матерей-одиночек. Будни родильных домов «Лебенсборна» наглядно показывали, что провозглашенные СС расовые догмы не могли справиться с социальной напряженностью.

Продолжительность пребывания матерей в домах «Лебенсборна» была разной. Женщины, состоявшие в браке, оказывались там, как правило, только на время родов. Незамужние роженицы в целом находились в «Источнике» с седьмого месяца беременности и два месяца после родов. Послеродовый период использовался для того, чтобы женщины прошли курсы и могли спокойно справиться с новой для них ролью матери. Если будущие матери хотели скрыть свою беременность от окружающих, то их могли принять гораздо раньше седьмого месяца беременности и оставить дольше, чем на два месяца.

То обстоятельство, что пребывание в домах «Лебенсборна» продолжалось несколько месяцев после родов (что само по себе было необычной практикой), было вызвано необходимостью кормления грудью. Это должны были делать по возможности все матери. Руководство «Лебенсборна» видело прямую взаимосвязь между сроком кормления грудью и детской смертностью. Когда в годы войны в домах «Источника» стало расти количество умерших новорожденных, Эбнер в своем письме отметил, что «он и его медицинские знания не могут конкурировать с силой, которую природа заложила в материнское молоко». Эбнер был свято убежден в том, что детскую смертность можно было снизить, если только женщины будут исполнять свой долг матери по отношению к детям «полностью». Вновь и вновь руководство «Источника жизни» обращало внимание на то, что ни одна незамужняя мать не должна была преждевременно прекращать кормление ребенка грудью и раньше положенного покидать дом «Лебенсборна». Подобный шаг означал, что она была вынуждена работать, а стало быть, ребенку уделялось меньше вни-

Колыбели с новорожденными у стен «Источника жизни»

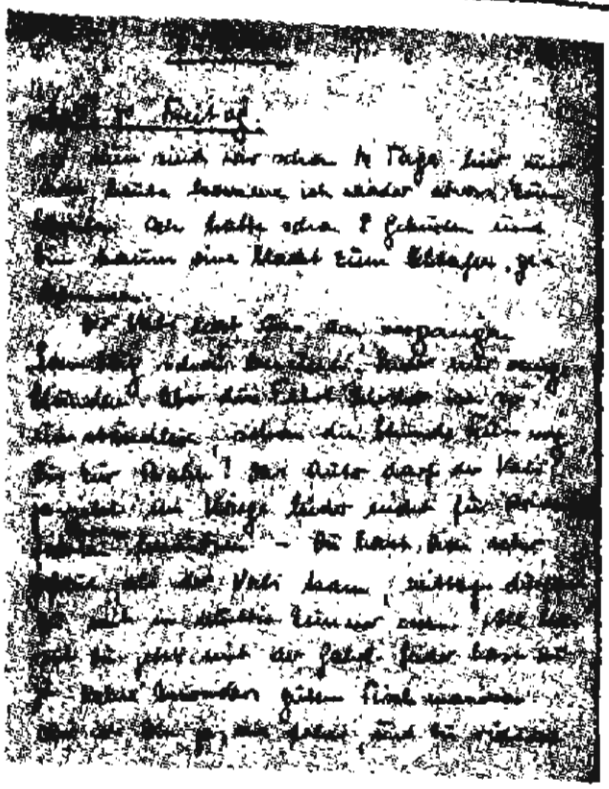
мания. Во всех этих случаях «Источник» брал на себя все финансовые издержки, которые были связаны с длительным пребыванием матери в одном из его родильных домов. К тому же во время многомесячного пребывания в «Лебенсборне» для каждой женщины находилось занятие. Преимущественно они должны были заниматься легким трудом на кухне или в самом доме. Наряду с этим для молодых матерей устраивались курсы по ведению домашнего хозяйства и уходу за новорожденным. Расширяя эту сферу деятельности, «Лебенсборн» совместно с женскими организациями и Имперской службой матерей устраивал прямо в домах специальные материнские школы. Будущие невесты эсэсовцев проходили здесь специальный материнский «курс повышения квалификации», который был обязателен для вступления в брак.

Конечно, нельзя забывать и о том, что женщины, на несколько недель, а иногда и месяцев изолированные от внешнего мира, являлись идеальным объектом для идеологической обработки. Как говорилось в предыдущих главах, в июне 1938 года во всех домах «Лебенсборна» стали проводиться специальные «мировоззренческие занятия», которые ставили своей целью воспитать не только отличных матерей, но примерных национал-социалисток. Никто не мог покинуть дома «Лебенсборна», не будучи укрепленным в национал-социалистской вере. Как мы помним, мировоззренческое обучение матерей проводилось под началом Главного управления по вопросам расы и поселений. Занятия проводились РуС-руководителем из близлежащего оберабшнитта СС. Конец этой идейной учебе положила война, когда почти все РуС-руководители оказались задействованными на оккупированных территориях. Поскольку лекторов не хватало, то задачи по идеологической обработке матерей были поручены Главному управлению СС.

В итоге за мировоззренческое обучение до самого конца войны стал отвечать сам Эбнер. Он подготовил, насколько мог, заведующих каждого из домов, а те три раза в неделю читали лекции матерям. В целом эти занятия не отличались разнообразием и изысканностью. Нередко они сводились к совместному прослушиванию радио, просмотру специальных кинолент (которые нередко заменяли обыкновенные игровые ленты), зачитыванию глав из «Майн кампф». Подчас занятия превращались в «посиделки», на которых пелись партийные и эсэсовские песни. Но даже эти малополитизированные занятия не представляли для матерей особого интереса. Многие из них не скрывали своего неудовольствия. По этой причине заведующие родильными домами (как правило, медики по профессии) относились к заданию проводить мировоззренческую учебу как к пустой формальности.

Вообще, само понимание доктора в «Лебенсборне» было весьма специфическим. Оно, как и стоило предполагать, базировалось на представлениях Гиммлера. По его мнению, доктор должен был быть не медиком в белом халате, а помощником, который должен был проникнуться проблемами будущей матери, даже психологом, который мог помочь в решении этих проблем. Эбнер как-то произнес фразу, исполненную пафоса: «В «Источнике жизни» врач в первую очередь является другом и по-отечески приветливым консультантом наших матерей, которые только в самом крайнем случае должны вспоминать, что он вообще-то доктор». Ожидалось, что доктора в «Лебенсборне», проводя мировоззренческие беседы, станут для рожениц чем-то вроде священнослужителей, дарующих утешение и нравственно укрепляющих.

Читая документы, иногда удивляешься, насколько женщины не стеснялись критиковать порядки в «Лебенсборне». Даже угроза того, что критические замечания будут восприняты как недисциплинированность (за что вообще-то полагалось исключение из родильного дома), не мешала звучать недовольству. Нередко жаловались на недостаточное продовольственное снабжение. Действительно, многие продукты были или в недостаточном количестве, или не подходили для кормящих матерей. В этом сюжете раскрывается парадоксальность фигуры Гиммлера, который наряду с заботливостью проявлял мелкое торгашество и недоверие. Он в буквальном смысле слова вникал в подробности рациона матерей. Он сам лично (!) доставал для родильных домов «Лебенсборна» натуральный кофе, семена подсолнечника, рыбий жир. Сам составлял рацион, при этом



Страницы дневника женщины, в годы войны оказавшейся в «Источнике жизни».

требуя подробно отчитаться об использовании этих продуктов. А в январе 1944 года он потребовал от правления «Лебенсборна» представить ему подробный отчет о расходовании овсяной каши.

Но чаще всего роженицы жаловались на персонал и медицинское обслуживание. Они упрекали врачей некоторых домов в недружелюбном отношении и в небрежном руководстве вверенным им родильным домом. Они обвиняли старших сестер в грубости и отсутствии чуткости к молодым матерям. Они не понимали, зачем были приняты инструкции по длительному кормлению ребенка грудью и сцеживанию лишнего материнского молока. Многие чувствовали себя введенными в заблуждение, так как они ожидали, что в новом коллективе их будут ждать покой и гармония. Некоторые женщины не стеснялись в выражениях, что для СС было неожиданным. В одном случае молодая мамаша, защищаясь от бесцеремонного лечения, заявила, что она прибыла в «Лебенсборн» отнюдь не для того, чтобы быть «машиной по воспроизводству». Другая женщина отказалась выполнять процедуры и воскликнула: «Здесь вам не Дахау!»

Тем не менее руководство «Лебенсборна» было заинтересовано, чтобы новорожденные оставались с матерью не только на время кормления грудью, но и на более длительный период для их воспитания. Впрочем, это затруднялось тем обстоятельством, что в большинстве своем незамужние матери были вынуждены выходить на работу сразу же после родов, чтобы хоть как-то обеспечить своего ребенка. Не стоило забывать, что для матерей-одиночек было очень сложно найти подходящую работу. В некоторой степени было проще, если она где-то работала перед родами. СС могли поспособствовать, чтобы бывший работодатель взял ее на прежнее место. Но большей части было необходимо искать новые рабочие места. При этом «Источник жизни» подыскивал их таким образом, чтобы мать

могла периодически навещать своего ребенка, оставленного в «Лебенсборне». По возможности также пытались найти отца ребенка, что должно было хоть в какой-то мере поспособствовать возможному складыванию семьи.

В данной ситуации был найден один выход. Когда быстро расширяющаяся сеть домов «Лебенсборна» стала с огромным трудом находить себе сотрудников (секретарши, медицинские сестры, прачки, воспитательницы и т.д.), то было решено предлагать эту работу матерям, которые были готовы покинуть стены «Источника». Подобная практика была опробована в 1938 году. С началом войны в силу нехватки рабочей силы многие из матерей получали работу в центральном мюнхенском офисе «Источника жизни». Только с момента основания до 1939 года в «Лебенсборн» было подано 440 заявлений с просьбой о трудоустройстве. Более половины из них было удовлетворено. Как и стоило предполагать, почти все это были матери с внебрачными детьми. Позже доля трудоустройства снизилась.

УХОД ЗА ДЕТЬМИ

Попечительская деятельность «Источника жизни» во всем ее разнообразии пробуждала у незамужних матерей (конечно, при условии, что они игнорировали идеологическое влияние) чувство, что эта была честная, бескорыстная помощь. Это впечатление только усиливалось, когда они видели, как «Лебенсборн» заботился о судьбе их детишек. Если они оставляли их на время в «Источнике», то организация делала все возможное, чтобы найти малышам временную приемную семью. Если в силу обстоятельств матери были вынуждены отказаться от детей, «Лебенсборн» брал на себя все затраты по их усыновлению. От этих матерей ускользало, что руководство «Лебенсборна», прибегая к этим трем приемам заботы о детях (детский дом, временные семьи и усыновление), пыталось заполучить их под свой контроль. Им было неведомо, что СС таким образом стремились распорядиться их судьбой по своему усмотрению, превратив внебрачных детей в один из инструментов осуществления расовой политики.

Основы заботы о детях были заложены еще во времена Веймарской республики. Об этом говорилось в Гражданском кодексе Германии и принятом в 1924 году Законе «О поддержке молодежи». Эти

Ясли, созданные при «Лебенсборне»

акты оставались без изменений, пока в Третьем рейхе не был введен «фюрер-принцип». Государственным носителем заботы о детях стало Имперское управление по делам молодежи, в обязанности которого в том числе входило взаимодействие с поверенными судами по делам опеки, что в первую очередь касалось судьбы внебрачных детей. Согласно § 11 нового Имперского Закона «О поддержке молодежи» Имперское управление по делам молодежи передало большую часть своих полномочий в данной сфере «Национал-социалистскому народному вспомоществованию». Так на свет появился благотворительный проект НСВ «Помощь детям». Как видим, занимаясь помощью детям, «Лебенсборн» вступал в конфликт не только с Имперским управлением по делам молодежи и судами по делам опеки, но и с партийным формированием НСВ. В итоге юридические нормы весьма мешали «Источнику жизни» работать в данном направлении и исполнять свою «расовую миссию». Кроме того, ряд законов просто-напросто противоречил духу СС как элитарной организации, так как они ставили «Лебенсборн» в один ряд с прочими благотворительными объединениями. По этой причине Гиммлер был весьма заинтересован в том, чтобы как можно значительнее сократить подномочия Имперского управления по делам молодежи, НСВ и судов по вопросам опеки. Этот функционал он хотел передать руководству «Источника жизни». Забегая вперед, отметим, что Гиммлеру это удалось.

В настоящий момент число внебрачных детей, рожденных в стенах домов «Лебенсборна», можно установить только приблизительно. Согласно отчетам Эбнера по состоянию на 31 декабря 1939 года, в «Источнике» родился 1371 ребенок. Но в этих данных нет никаких указаний, сколько из этих детей были внебрачными. Тем не менее их количество можно приблизительно вычислить, если принять в расчет гражданское состояние рожавших в «Источнике» матерей. До конца 1939 года во все дома «Лебенсборна» было принято 1445 женщин, 771 из которых не была замужем. Отношение не состоящих в браке к замужним составляет 53,4% к 46,6%. При этом надо сделать поправку, что к 31 декабря 1939 года родили только 1360 женщин, причем у некоторых из них были близнецы. Как помним, тенденция, что более половины рожавших в «Источнике жизни» были незамужними женщинами, продолжалась и в годы войны. Поэтому можно говорить приблизительно о 750—800 внебрачных детях.

Судя по всему, Гиммлер поначалу не хотел, чтобы «Источник» занимался вопросами опеки и усыновления. Во всяком случае, в Уставе «Лебенсборна» от 12 декабря 1935 года об этом не говорилось

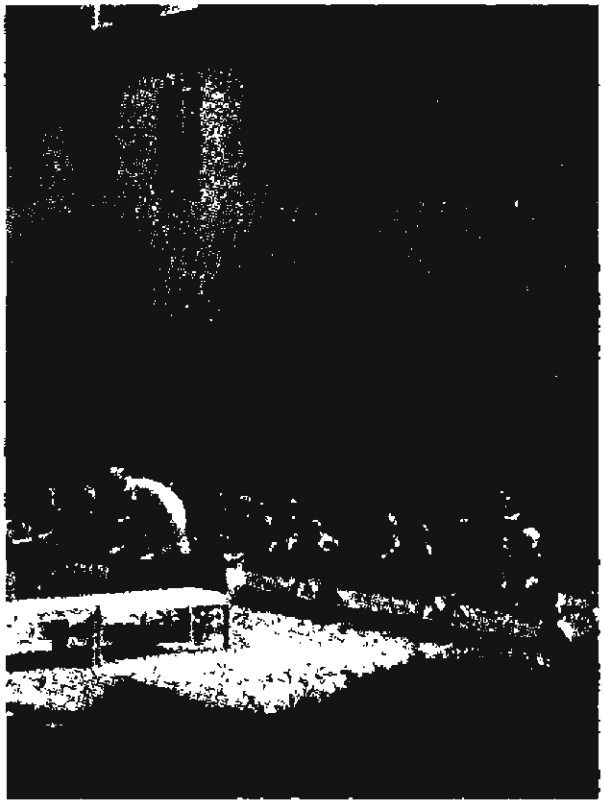
Дети на лужайке перед «Лебенсборном»

ни слова. Не было никаких упоминаний об этом и в ранних документах «Источника», равно как и в эсэсовских инструкциях. Но уже в мае 1937 года Гиммлер ориентировал руководство «Лебенсборна» на то, что оно будет заниматься вопросами опеки. В качестве обоснования этого решения говорилось, что на основании накопленного опыта сложилось впечатление, что незамужние матери, покидая «Лебенсборн» (на тот момент дом «Хохланд»), были беспомощными и в силу отсутствия необходимых средств не могли достойно позаботиться о своем малыше. «Чтобы раз и навсегда оказать им помощь», рейхсфюрер СС стал решительно добиваться права опеки для «Лебенсборна». Здесь можно задаться вопросом: была ли юридическая поддержка незамужних матерей для Гиммлера единственной побудительной причиной? А может быть, правовая защита интересов внебрачных детей была всего лишь первым шагом «Источника жизни» по демонтажу государственной системы попечения и вспомоществования? На тот момент согласно § 35 Имперского Закона «О поддержке молодежи» опекуном внебрачных детей автоматически становилось Управление по делам молодежи по месту рождения ребенка. Действительно, как «Лебенсборн» мог осуществлять программу расовой селекции, если представители Управлений по делам молодежи без проблем входили в его родильные дома, брали на ознакомление документы? Причем делалось все это на вполне законных основаниях. Решение Гиммлера подкреплялось неоспоримым аргументом, что незамужнюю мать больше бы уважали в обществе, если бы на страже ее интересов стоял рейхсфюрер СС и глава немецкой полиции, нежели какой-то чиновник из местного Управления по делам молодежи.

Новая задача «Лебенсборна» была зафиксирована в измененном Уставе организации 10 февраля 1938 года. При этом была сделана оговорка, что «Лебенсборн» обязывался осуществлять опеку отнюдь не над всеми внебрачными детьми, рожденными в его домах, а только над теми, кто был «отобран на усмотрение руководства». Таким хитрым приемом эсэсовские врачи намеревались «избавиться» от детей, которые, несмотря на все отборы, все-таки не подходили под расовые критерии СС, передав их Управлениям по делам молодежи. В опеке также отказывалось внебрачным детям с родовыми травмами и физическими отклонениями. Летом 1940 года в правлении «Лебенсборна» активно обсуждался вопрос: надо ли отказывать в опеке детям, матери которых намеревались крестить своих малышей? Тогда ясность в этот вопрос внес сам Гиммлер. Он приказал

предоставлять крещеным детям опеку в «Лебенсборне», если те пройдут специальный эсэсовский обряд имянаречения.

То, что «Источник» не предоставлял опеку всем детям подряд, следует хотя бы из статистических данных. Из 1371 ребенка, которые были рождены в «Лебенсборне» до 31 декабря 1939 года, только 592 (43,2%) получили эсэсовскую опеку. Если взять наши подсчеты относительно количества внебрачных новорожденных, то мы увидим, что опека предоставлялась далеко не всем. Схожим образом выглядит картина в более поздний период. С ноября 1941 года по май 1942 года «Лебенсборн» взял на себя опеку лишь над 32% новорожденных (в то время как общее количество внебрачных детей составляло 59,5%).



Дети во дворе одного из домов «Лебенсборна»

Получив новую функцию, руководство «Лебенсборна» получило новые хлопоты. А именно: установление отцовства, выделение регулярных попечительских платежей, организация процесса усыновления, создание специальных мест для ухода за детьми. Всем этим занимался специально созданный в централе «Источника» отдел опеки.

Преимущество от того, что «Лебенсборн» получал контроль над частью внебрачных детей, было связано с одним неудобством — организация как опекун становилась подотчетной соответствующим судам по вопросам опеки. В данном случае руководство «Источника жизни» должно было с изрядной регулярностью посылать в эти суды отчеты о состоянии опекаемых детей и условиях, в которых они пребывали. Помимо этого, суды в любой момент могли вмешаться в дела «Лебенсборна», ибо они представляли интересы детей. Вдобавок ко всему, местные Управления по делам молодежи от лица судов могли выполнять контрольные проверки. Подобное задание они могли получить и от проекта НСВ «Помощь детям». В итоге «Источник» в течение многих лет действовал как опекун внебрачных

В специальных домах «Лебенсборна» предполагалось растить и воспитывать детей

детей, не имея определенного права на них. § 47 Имперского закона «О поддержке молодежи» устанавливал, что организации, подобные «Лебенсборну», могли являться опекунами детей, но для этого они должны были заранее получить разрешение от местного Управления по делам молодежи! В этом параграфе крылось множество опасных моментов для деятельности «Источника жизни». Во-первых, это было связано с тем, что дома «Источника» были разбросаны по всей Германии. А во-вторых, Управление по делам молодежи могло в любой момент запросить свое разрешение. При этом хотя «Лебенсборн» уже действовал в роли опекунской организации в Баварии, где располагался его центральный офис, но до октября 1939 года у него не было соответствующего разрешения. И хотя это была простая формальность, но официальное право на опекунство было предоставлено Министерством внутренних дел и Имперским министерством юстиции лишь в ноябре 1940 года.

Позиции «Лебенсборна» значительно укрепились в 1943 году, когда Имперское министерство юстиции издало приказ, в котором говорилось: «Попечение над матерями-одиночками и внебрачными детьми должно было вести к тому, чтобы предоставить «Лебенсборну» право опеки над этими детьми». Но это была лишь юридическая сторона вопроса. А была еще и практическая.

Почти сразу же после начала деятельности родильных домов «Лебенсборна» возник вопрос: а что же, собственно, делать с детьми, которых незамужние матери не могли забрать с собой? В беседе с Гиммлером, которая состоялась в 1938 году, поверенный член правления «Источника» оберфюрер СС Эбрехт всячески пытался отговорить рейхсфюрера СС от идеи создания специальных детских домов. «Расово ценные дети никогда не должны воспитываться в коллективе, так как никакое учреждение не сможет заменить семьи».

Эбнер вообще считал, что самым идеальным местом для ребенка был дом матери, «даже если она жила не в собственном доме». Однако практика показывала, что подобное было возможно лишь в единичных случаях. В большинстве своем матери не могли забрать с собой ребенка из «Лебенсборна», так как им надо было сохранить в тайне факт его рождения. Не стоило сбрасывать со счетов и тот факт, что им приходилось искать работу. По этой причине было решено в течение первого года жизни оставлять детей в «Лебенсборне», где им, по крайней мере, мог быть обеспечен уход и питание, подобающие грудному ребенку. Если на протяжении этого времени мать так и не смогла забрать своего ребенка, то руководство «Источника» согласовывало с ней временное пребывание его в приемной семье. Как правило, это были не чужие люди. Почти одна треть рожденных до 1939 года внебрачных детей обрела домашний очаг у родственников, преимущественно бабушек и дедушек.

В противоположность этому, Эбрехт настаивал на том, чтобы такие дети в первую очередь передавались бездетным эсэсовским семьям. Они уже получили в свое время разрешение от рейхсфюрера СС на вступление в брак, теперь они должны были получить разрешение на усыновление ребенка. Он считал оправданным подвигать «эсэсовские пары на подобные жертвы, если им недвусмысленно намекнуть, что раз им отказано в радости рождения собственных детей, то по крайней мере они смогут за несколько лет провести бесценную воспитательную работу на пользу подрастающего поколения нашего народа». В информационных письмах руководства «Источника жизни», датированных 1937 годом, говорилось о возможности размещать детей в специально предназначенных для этого эсэсовских семьях. Два года спустя Эбнер уже говорил об этом как об опыте, который должен был превратиться в регулярную практику.

Однако демографический дирижизм Гиммлера, который хотел *навязывать* эсэсовцам приемных детей, столкнулся с рядом проблем. Сохранились документы персонального штаба рейхсфюрера СС, в которых говорилось, что летом 1938 года Гиммлер выбрал 10 офицеров СС, которые в течение трех месяцев должны были усыновить детей из «Лебенсборна». Данная затея закончилась полным крахом. Девять из десяти эсэсовцев отказались выполнить этот приказ, после чего сразу же подали рапорт об увольнении из СС. Пяти следующим офицерам было заявлено, что в случае отказа их ждет наказание. Судя по всему, эта практика не прижилась, так как летом 1939 года руководство «Лебенсборна» стало рассылать специальные

Повзрослевшие дети «Лебенсборна» должны были стать новой элитой Германии

письма, в которых бездетным и «малодетным» эсэсовским семьям предлагалось взять на воспитание одного из внебрачных детей. К поиску «добровольцев» были подключены фактически все инстанции СС. Но в итоге ничего не было сделано.

«Лебенсборн» выполнял попечительский контроль не только над опекаемыми детьми, оставшимися в его домах, но и над теми, кто был передан в семьи. В соответствии с буквой закона руководство «Источника» регулярно отчитывалось перед Баварским Управлением по делам молодежи. Перед передачей ребенка в семью представители «Источника» и НСВ посещали будущих приемных родителей. Позже местной организации СС поручалось выяснить, были ли нарекания в адрес этих людей. Вместе с тем «Лебенсборн» всячески препятствовал подключению к этому процессу представителей Управления по делам молодежи. Только в 1942 году удалось избавиться от этого государственного надзора. Именно тогда были отменены некоторые статьи Имперского Закона «О поддержке молодежи».

Поставленные перед «Лебенсборном» идеологические задачи автоматически приводили к тому, что СС всячески пытались игнорировать прочие учреждения усыновления как средство демографической политики. Гиммлер уже 13 сентября 1936 года во всеуслышание заявил, что хотел бы, чтобы все высокопоставленные офицеры СС усыновляли детей именно при помощи «Лебенсборна». На самом деле рейхсфюрер СС хотел всего лишь замаскировать зияющую брешь между четырьмя детьми, провозглашенными нацистской нормой для каждой немецкой семьи, и большинством эсэсовских семей, которые отнюдь не могли похвастаться многодетностью. Более того, «Лебенсборн» пытался исправить ситуацию при помощи распоряжения, когда эсэсовец мог спокойно подавать на развод в случае бездетности жены. Впрочем, было что-то странное в этой

инициативе. Охранные отряды, создававшиеся как «родовая общность» с ярко выраженным культом предков, скатились до уровня «искусственных» семей.

Ко всему этому надо добавить, что Гиммлер не намеревался давать полный ход отказам матерей от внебрачных детей. Он рассматривал это как повод для проявления женщиной ее слабохарактерности. Эбнер тоже по этому поводу заявлял: «Незамужние матери, которые безо всяких причин готовы отдать своего ребенка на усыновление, не являются особенно хорошими матерями». Напротив, признаком «истинного материнства является, если женщина признает свою ответственность за ребенка». Рейхсфюрер СС не хотел форсировать процесс усыновления в «Источнике жизни», так как опасался ряда негативных последствий. Ему претило, чтобы «легкомысленные девушки» стали в итоге легко «избавляться» от своих ребятишек. С другой стороны, эсэсовские браки, которые по прошествии некоторого времени рушились по причине бесплодия одного из партнеров, вряд ли можно было искусственно сохранить при помощи усыновления.

В отличие от простых немцев, эсэсовские чины не спешили обзаводиться множеством детей

То, что «Лебенсборн» не очень сильно помог в деле сохранения бесплодных эсэсовских браков, подтверждается крошечным количеством усыновлений. По состоянию на 1940 год, было усыновлено не более 30 детей. В конце войны из 260 процессов усыновления, организованных «Источником жизни», только 100 завершились относительным успехом. К тому же в данном вопросе «Лебенсборн», как опекун внебрачных детей, не мог своевольно отдавать на усыновление своих воспитанников — данный вопрос находился в компетенции суда по вопросам опеки. Прежде чем «Источник» смог все-таки упростить процедуру, он столкнулся с новой проблемой. 19 апреля 1939 года в силу вступил Имперский Закон «О посредничестве в деле приемных детей». Так вот, в качестве законных посредников

Одна из служащих «Лебенсборна»

были названы Управления по делам молодежи, Имперский комитет по усыновлению и «Национал-социалистское народное вспомоществование» со всеми его инстанциями. Очевидно, что всем другим организациям было отказано в посредничестве в деле усыновления детей. Это коснулось не только большей части благотворительных организаций, но и «Лебенсборна». Гиммлер не мог смириться с подобным положением вещей. Лишь в январе 1940 года с «Источника жизни» был снят данный запрет. Но в итоге пришлось налаживать сотрудничество между «Лебенсборном» и Имперским комитетом по усыновлению НСВ. Была достигнута договоренность, чтобы «Источник» способствовал усыновлению рожденных в его домах детей лишь в семьи служащих СС, полиции и вермахта. Все остальные «непрофильные» запросы на усыновление должны были передаваться в Имперский комитет по усыновлению. Тот же, в свою очередь, передавал просьбы родителей, которые касались именно спектра деятельности «Лебенсборна».

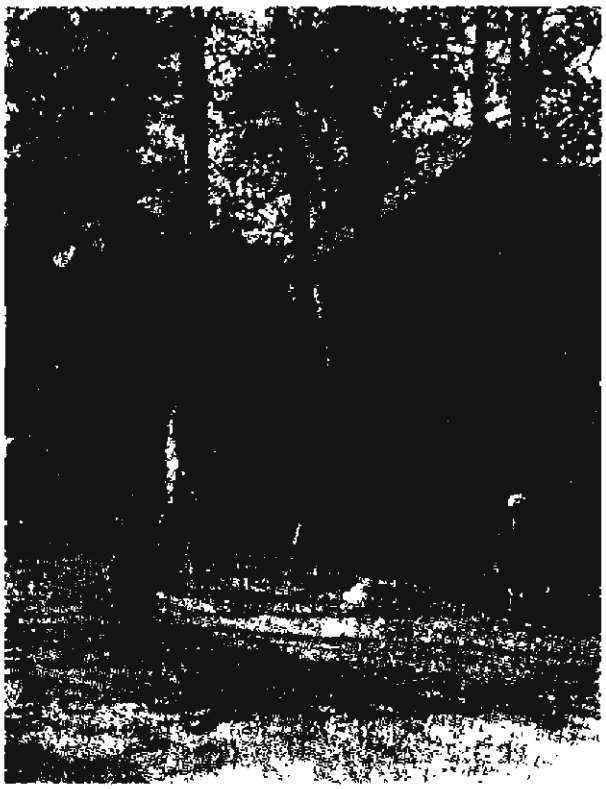
В 1942 году «Источнику» были предоставлены некие привилегии, которые облегчали работу по усыновлению в двух принципиальных моментах. Мотивируя тем, что в условиях войны надо было избегать дублирующей работы, Гиммлер предложил, чтобы дела по усыновлению, рассмотренные судом по опеке, повторно не проверялись Управлениями по делам молодежи. Эти структуры должны были довольствоваться заверением «Лебенсборна», что при усыновлении детей соблюдены все их права, а сама процедура прошла в строгом следовании букве закона. В итоге Министр внутренних дел одобрил это предложение, а Имперский министр юстиции дал соответствующее распоряжение во все компетентные суды. Вследствие того, что Управлениям по делам молодежи запрещалось проводить собственные расследования, суд по делам опеки, по сути, лишал их

важных контрольных функций, а сам процесс усыновления сводился к сухому административному решению. В этих условиях «Лебенсборн» мог принимать решения об усыновлении детей на свое усмотрение, не давая никакого отчета об их внебрачном происхождении.

СОХРАНЕНИЕ ТАЙНЫ РОЖДЕНИЯ

В качестве основной предпосылки успешного обслуживания незамужних матерей и их внебрачных детей руководство «Лебенсборна» рассматривало возможность сохранения тайны рождения ребенка. Эбнер превозносил свою организацию как единственную структуру в рейхе, которая действительно могла сделать это. Он считал необходимым сохранять в тайне рождение внебрачного ребенка, так как в немецком обществе матери-одиночки до сих пор не пользовались заслуженным почтением. Если незамужняя девушка работала, то в случае беременности она запросто могла лишиться своего места. Эбнер заявлял, что сохранение в тайне рождения ребенка могло уменьшить количество этих «позорных фактов». «Источник жизни» прилагал огромные усилия по сохранению тайны рождения. В годы войны, пользуясь завесой секретности, это обстоятельство позволило ему безмятежно проводить расовую политику, опираясь в первую очередь на увеличение рождаемости. Без подобной таинственности вряд ли можно было осуществить проект по «собиранию германской крови», который достиг своего апогея в систематическом похищении иностранных детей, которые вывозились в Германию для онемечивания.

Сразу же оговоримся, что в «Лебенсборне» сохранение тайны рождения не было обязательным условием, оно имело место по желанию матери или отца внебрачного ребенка. Заявление об этом делалось еще во время обследования будущей матери. В среднем почти каждая вторая незамужняя женщина хотела воспользоваться предоставленной возможностью. Впрочем, это говорит также о том, что далеко не все матери-одиночки намеревались сохранять в тайне факт рождения внебрачного ребенка. Причем это происходило только на ранних стадиях беременности, то есть тогда, когда девушка только изъявляла желание попасть в один из домов «Лебенсборна». Незадолго до или непосредственно после родов число желавших воспользоваться секретностью родов сокращалось до 30%. А полго-

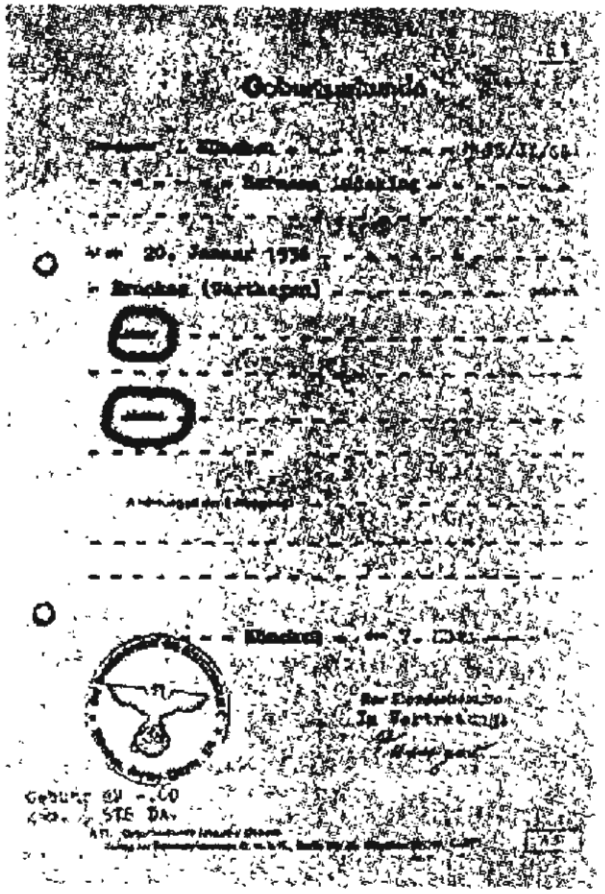


Дети на прогулке в «Источнике жизни»

да спустя после родов эту тайну продолжали хранить лишь 10% матерей. А два или три года спустя почти все матери отказывались сохранять этот секрет. Однако подобная практика противоречила множеству германских законов и предписаний. По этой причине Гиммлер и руководство «Источника жизни» сначала делали все возможное, чтобы обойти эти инструкции, а затем сделали так, чтобы они не касались «Лебенсборна».

Так как в Третьем рейхе действовала обязательная прописка, которая заносилась в паспорт в полиции, то о переселении в «Лебенсборн» надо было уведомлять местных паспортистов. Чтобы избежать этого, дома «Лебенсборна» по приказу Гиммлера как главы немецкой полиции оснащались собственными паспортными столами, которые и вели регистрацию прибывавших беременных женщин. То есть местные паспортные столы были исключены из этого процесса. Поначалу «Источник жизни» рекомендовал беременным женщинам отмечаться в местных паспортных столах в качестве «уехавших в путешествие», что было, естественно, неправдой. В 1938 году было решено давать им условную прописку по адресу: Мюнхен 13, Адельхайдштрассе 26/1. Все сообщения местные паспортисты и почтальоны могли отправлять именно туда. В некоторых случаях, особенно в тех, когда требовалось сохранение тайны, «Лебенсборн» создавал для переписки еще ряд «условных» адресов. В большинстве случаев это были адреса ответственных служащих мюнхенского централа «Лебенсборна» или заинтересованных эсэсовских офицеров. Свой личный адрес для этих целей предоставил сам доктор Эбнер. Конечно, рано или поздно в глаза паспортистам (прежде всего мюнхенским) должно было броситься, что новые адреса были «липовыми», но для этого требовалось определенное время. В итоге Гиммлер, как говорилось выше, решил придать этой процедуре законный вид. По его приказу летом 1939 года в полицейских президиумах Берлина,

Мюнхена и Вены были изготовлены специальные служебные печати, которые имелись в распоряжении только у паспортных столов. Так, например, на бумаге появился «Паспортный стол № 2 города Мюнхена». Появление «новых» паспортных столов давало посетительницам «Лебенсборна» гарантию, что они не должны были предавать огласке сам факт своего пребывания в данном «оздоровительном» учреждении. Неудивительно, что очень скоро «Паспортный стол № 2» стал весьма оживленным. Это был один из самых важных «паспортных столов», существовавших при «Лебенсборне».



При необходимости в «Лебенсборне» могли скрыть подробности рождения ребенка

«Источник жизни» склонял не состоящих в браке матерей не только к тому, чтобы они давали ложное указание своего адреса. В последующие годы они (с разрешения Гиммлера) в полицейских бланках регистрации по месту жительства и в листках убытия могли указывать свое семейное положение как «вдова» или «разведена», что должно было еще больше засекретить факт рождения внебрачного ребенка. От «Лебенсборна» они получали соответствующее подтверждение, которое на полном основании позволяло им добавлять к своему имени приставку «фрау». То есть, по большому счету, эти женщины симулировали брак. Эбнер предпочитал назвать это «документацией» брака.

В исключительных случаях Гиммлер был даже готов на время беременности и родов предоставить женщинам новые паспорта и имена. Так, например, произошло в 1943 году. Тогда в «Лебенсборн» попала голландская руководительница Имперской школы в Нидерландах. Она ожидала внебрачного ребенка. В итоге было решено выдать ей новый паспорт с немецким именем, согласно которому она была голландской немкой, женой крестьянина. Во время беременности она пребывает в Германии, где проходит в качестве вольнослушательницы обучение в колониальной женской школе

города Рендсбурга. На последнем месяце беременности она перебирается в один из домов «Лебенсборна», где под немецким именем ожидает роды. Почти сразу же после родов она покидает «Источник», где оставляет своего ребенка. Вернувшись в Голландию, она некоторое время спустя «принимает решение» усыновить «какого-нибудь» малыша. Она получает собственное дитя обратно, при этом и она, и ее ребенок носят другое имя. Все, что касалось прошлой жизни, оказывается стертым. Только много позже она восстанавливает справедливость и признается, что это ее собственный ребенок. Для организации столь запутанных операций Гиммлер в 1944 году открывает при «Лебенсборне» специальный счет.

Не менее противоправными были способы, к которым прибегал «Лебенсборн», дабы скрыть отцовство. Один из подобных прецедентов случился в конце 1941 года. Кандидат в офицеры в анкете указал, что у него нет внебрачных и добрачных детей, хотя на самом деле его сын был рожден в одном из домов «Источника». В графе он поставил пропуск. Дело каким-то образом выплыло наверх. Тогда, чтобы избежать скандала (а сам «папаша» все-таки стал офицером), Гиммлеру пришлось встречаться с генералом Германом Райнеке, который в тот момент возглавлял Общее управление вермахта. Впрочем, Гиммлер не очень рисковал, ибо Гитлер более чем одобрительно относился к подобному способу решения проблем. Когда до фюрера дошли сведения, что один морской офицер был вынужден подать в отставку, так как его невеста до свадьбы оказалась беременной, то он рвал и метал, возмущаясь «реакционными неписаными законами военно-морского флота, которые являлись отрыжкой ушедших порядков». Впрочем, когда нечто подобное произошло в вермахте, то Гиммлер отдал приказ, чтобы никто из офицеров СС не вмешивался в это дело. Но, по сути, это было вопросом взаимоотношений СС и вермахта.

Сохранение тайны рождения противоречило также официальным инструкциям § 53 Закона «О гражданском состоянии» от 19 мая 1938 года, который определял, что о рождении внебрачного ребенка надо было сообщать в органы учета гражданского состояния по месту жительства матери. В тех же органах согласно § 11 должно было быть установлено отцовство данного ребенка. Чтобы обойти эти статьи закона, руководству «Источника жизни» удалось добиться в Министерстве внутренних дел разрешения создать при каждом из родильных домов свой собственный ЗАГС, в компетенцию которого должны были входить все случаи гражданского состояния. Дан-

ная структура получила название «Второго отдела записи актов гражданского состояния». Единственным служащим этого отдела всегда был заведующий соответствующего дома «Источника жизни». Подобный комплекс (родильный дом, паспортный стол, отдел регистрации актов) позволял достаточно долгое время сохранять в тайне факт рождения ребенка. Схожим образом дело обстояло и с сокрытием отцовства. В Министерстве внутренних дел знали об этих нарушениях, но смотрели на них сквозь пальцы, так как «подобное положение вещей до сих пор не вызвало ни у кого возражений».

Поскольку из свидетельства о рождении можно было узнать о внебрачном происхождении ребенка, то начиная с 1939 года в «Лебенсборне» они заверялись и матерью, и «отцом». Если вдруг возникала необходимость представления неких доказательств наличия отца, что могло потребоваться для государственных органов и партийных инстанций, то к решению этой проблемы подключался централ «Лебенсборна». В данной ситуации речь шла о том, что долгое сокрытие внебрачного происхождения ребенка могло повлечь за собой трудности при принятии в школу и при вступлении в гитлерюгенд, когда требовались доказательства его арийской родословной. В данном случае «Лебенсборн» действовал в тандеме с Имперским комитетом по исследованию родословных Министерства внутренних дел. С 1939 года имперский комитет обязывался по первому же требованию «Источника жизни» предоставлять документы, которые подтверждали арийские корни ребенка. При этом не проводилось никакого расследования и изучения его родословной.

Относительное долгое время отцовство ребенка удавалось скрывать хотя бы потому, что в соответствии с законами о рождении ребенка в органы власти по месту жительства отца сообщалось не сразу же. К тому же мать не была обязана сообщать об этом в отдел регистрации актов гражданского состояния. Впрочем, оставалось неясным, могла ли мать скрывать перед судом имя отца ребенка. В итоге в 1938 году Имперский верховный суд принял решение о том, что указание имени отца ребенка являлось обязательным. Мать могла скрывать его только в исключительных случаях. Подобное судебное решение отнюдь не обрадовало Гиммлера и руководство «Источника», которые гарантировали будущим матерям неразглашение имен отцов их детей. Даже Гитлер одобрил это решение Имперского верховного суда. Соответствующие решения были приняты в Министерстве внутренних дел и Имперском министерстве юстиции. Данное решение было, наверное, вызвано тем, что Гитлер

Сотрудница «Источника жизни» на прогулке с детьми

потребовал разобраться с ситуацией, когда одной незамужней матери, несмотря на новые правила, по недоразумению забыли внести в документы имя отца ребенка.

Но руководство «Лебенсборна» не останавливалось ни перед чем, чтобы все-таки сохранить в тайне имя отца (как писалось в тогдашних документах, «отца-производителя»). В законах была найдена небольшая лазейка. Дело в том, что установлением отцовства должен был заниматься опекун внебрачного ребенка. Однако «Источник» соблюдал законы лишь отчасти. Нередко руководство вообще отказывалось назвать суду по вопросам опеки известные им имена отцов детей. Как понимаем, это было прямым препятствием в осуществлении судом его обязанностей по надзору за состоянием опекаемых.

25 апреля 1939 года в Имперском министерстве юстиции состоялась беседа с Пфлаумом. Сторона юстиции ожидала, что в «Лебенсборне» будет положен конец такому «неудовлетворительному состоянию дел». Однако Пфлаум, прикрываясь авторитетом рейхсфюрера СС, даже не думал извиняться. Он считал, что так и должно быть. Он категорически отказался разглашать тайну отцовства судам по делам опеки. Он мотивировал это тем, что разглашение имен существенно подорвало бы авторитет «Лебенсборна», который гарантировал матери и ребенку тайну рождения. Более того, сохранение тайны было одним из условий для достижения поставленных перед «Источником» целей. Вместо извинений Пфлаум предложил Имперскому министерству юстиции отменить административное и уголовное преследование одиноких матерей за отказ называть судам по вопросам опеки имя отца их ребенка. Сторона «Лебенсборна» использовала эту беседу для того, чтобы устранить юридические препоны на пути сохранения тайны рождения. Более того, Пфлаум настаивал на том, чтобы эта тайна могла храниться достаточно дли-

тельный срок. В этой связи он требовал аннулировать паспортные предписания для ЗАГСов, а именно отменить действие § 53 и § 61 дополнения к Закону «О гражданском состоянии». То есть фактически изменить практику выдачи свидетельств о рождении внебрачных детей. Однако все это должно было вступить в силу не раньше чем были бы изменены законы. В этой связи была передана просьба Гиммлера сделать исключение для «Лебенсборна» как единственной организации, которая могла сохранять в Третьем рейхе тайну рождения ребенка.

Однако Пфлауму не удалось найти понимания у представителей Имперского министерства юстиции, которые заявили, что подобные намерения руководства «Лебенсборна» идут вразрез с законами. Более того, ему намекнули, что «Лебенсборн» противоправно пользовался покровительством Министерства внутренних дел. В этой связи министр внутренних дел Фрик в июле 1939 года направил рейхсфюреру СС Гиммлеру письмо, в котором сообщал, что, сохраняя тайну рождения внебрачных детей, тот нарушает множество законов и служебных инструкций. Вдобавок Фрик не видел никакого смысла в сохранении такой загадочности. Гиммлер и руководство «Источника жизни» были разочарованы подобной реакцией. Но пока «Лебенсборн» нарабатывал практику поиска лазеек и «обхода» законов, время работало на него. В 1942 году преемником умершего Имперского министра юстиции Гюртнера стал Отто Тирак. А год спустя Генрих Гиммлер сам возглавил Министерство внутренних дел. Подобные изменения в министерских креслах очень порадовали руководство «Источника жизни». Радостные ожидания оказались оправданными. 27 октября 1943 года вышел Указ Имперского министерства юстиции, который освобождал «Лебенсборн» от контроля со стороны судов по делам опеки и позволял сохранять тайну рождения внебрачных детей. Разглашение этих сведений перед судом могло происходить только в отдельных случаях. В остальном суды должны были воздерживаться от проведения собственных расследований (это касалось и установления отцовства) и довольствоваться теми справками, которые предоставлялись им из «Лебенсборна». Фактически «Источник» стал полностью независимой от государственных и партийных органов организацией. Несколько месяцев спустя Министерство внутренних дел выпустило 4-е дополнение к Закону «О гражданском состоянии». Оно добавляло в § 53 абзац, который позволял матерям «в единичных случаях» воздерживаться от

сообщения о рождении ребенка в административные органы. Зато § 102а («Свидетельство о рождении») вводил новый тип документа, в котором не значились имена родителей. Другая статья гласила, что в особых случаях для регистрации гражданского состояния предполагалось наличие «особых книг» и «особых служащих». По сути, речь шла только о «Лебенсборне», а по этой причине новые правила не могли быть всеобщими. Так, по сути, были легализованы специальные ЗАГСы «Лебенсборна». Однако приближавшийся военный крах Германии не позволил руководству «Источника» насладиться всеми благами от новых условий опеки.

В многолетних дискуссиях с министерской бюрократией о возможности сохранения тайны рождения «Источник жизни» смог достичь определенных успехов в других областях. Начавшаяся Вторая мировая война остро поставила перед немецким обществом проблему удостоверения внебрачных детей, оказавшихся на оккупированных Германией территориях. В обычных условиях данные случаи попадали бы под действие § 41 Закона «О гражданском состоянии», то есть эти эпизоды рассматривались бы в Центральном берлинском ЗАГСе. Однако Министерство иностранных дел предоставило «Лебенсборну» возможность создать специальный отдел в Мюнхенском централе, который должен был заниматься исключительно теми случаями, когда надо было скрывать рождение детей за пределами Германии. Напомню, что на тот момент дома «Источника» существовали и в Дании, и в Норвегии, и в Бельгии, и на территории оккупированных Польши и Нидерландов. До конца войны Берлинский ЗАГС №1 не рассмотрел ни одного из этих дел. По мере распространения домов «Лебенсборна» по захваченной Европе было принято решение создать при Мюнхенском централе специальный отдел, который занимался бы только регистрацией актов гражданского состояния детей, рожденных от «арийских» иностранных родителей. Новая структура позволяла регистрировать также тайком вывозимых в Германию иностранных детей.

«Источник жизни» был заинтересован скрывать не только беременность и рождение внебрачного ребенка, но и сам факт его существования на первых годах жизни оного. А вот это было значительно сложнее. Третий раздел (§§ 19—31) Имперского закона «О поддержке молодежи» устанавливал, что Управления по делам молодежи должны были размещать внебрачных детей в специально отведенных для этого местах и постоянно наблюдать за их пребыванием у

матери, у приемных родителей или в детском доме. На основании этих наблюдений в суды по делам опеки передавались сведения об условиях жизни опекаемых. Чтобы исключить подобное вмешательство в дела «Лебенсборна», руководство «Источника» обратилось в 1940 году в Министерство внутренних дел с просьбой не распространять действие этих статей на их организацию. Гауптштурмфюрер СС Теш, который вел в 1942 году переговоры от имени «Лебенсборна», применил новую, хотя и не слишком оригинальную тактику. Он настаивал на том, что задания, поставленные рейхсфюрером СС, не предполагают вмешательства прочих организаций (прежде всего имелись в виду Управления по делам молодежи и суды по делам опеки). В данном вопросе речь шла не только о сугубо немецких домах «Лебенсборна» и рожденных там внебрачных детях, но и об «иностранных» домах, а также славянских детишках, подлежащих «германизации». И после двух лет упорной борьбы Министерство внутренних дел решило уступить СС. Опираясь на непозволительно широкое толкование § 29 Имперского закона «О поддержке молодежи», 15 июля 1942 года был выпущен циркуляр, в котором значилось, что «статьи Имперского Закона «О поддержке молодежи» не распространяются на детей, зарегистрированных организацией «Источник жизни», осуществляющей свою деятельность при персональном штабе рейхсфюрера СС». Теш и руководство «Лебенсборна» смогли добиться того, чего хотели. Все дети, за которых по указанию Гиммлера отвечал «Лебенсборн», были исключены из сферы деятельности Управлений по делам молодежи». Больше ни один государственный или партийный орган не мог вмешаться в деятельность «Источника жизни». Однако матери детей, оказавшихся в «Лебенсборне», могли заплатить за гарантии сохранения тайны очень высокую цену — на них теперь вообще не распространялось никакое имперское законода-

Дети эвакуируются из норвежских домов «Лебенсборна»

тельство. «Лебенсборн» в буквальном смысле слова оказался отрезанным от мира. Гиммлер оценил этот ход Теша. Он похвалил его, назвав принятое решение «отличным».

ОТБОР ПРЕТЕНДЕНТОК

Поскольку «Лебенсборн» в основной массе своей занимался попечительской деятельностью, то на первый взгляд его работа по уходу за матерями и детьми мало чем отличалась от работы множества «схожих» благотворительных организаций периода Веймарской республики. И там и там мать и дитя находились под неустанным медицинским контролем. Сами молодые мамаши обучались уходу за грудными детьми и получали знания по основам ведения домашнего хозяйства. «Лебенсборн» заботился о том, чтобы роженицам выплачивали причитающиеся им пособия, а затем старался подыскать им подходящее место работы. Кроме того, специалисты «Источника» заботились о ребенке, если он был отдан организации под опеку, не мешали матери видеться с ним, более того, прилагали все усилия, чтобы маленький немец обрел полноценную семью. Усыновление в сторонних семьях отнюдь не было приоритетной задачей «Источника жизни». Да и само воспитание в специальных детских домах стало набирать обороты лишь в годы Второй мировой войны.

Однако мировоззренческое обучение матерей, стремление избежать государственного контроля, налет секретности, который был связан с возможностью сохранения тайны рождения — все это указывало на то, что забота о матери и ребенке отнюдь не являлась главной целью «Источника жизни». Конечная цель «Лебенсборна» становится предельно ясной, если принять во внимание строгий отбор матерей, которые получали право рожать в его домах. Тот факт, что «благотворительные» мероприятия «Лебенсборна» прикрывались красивыми словами о социальной защите одиноких матерей и внебрачных детей, не мог скрыть, что все они были продиктованы отнюдь не стремлением к социальной справедливости, а попыткой селекции «абсолютной нордическо-арийской расы».

Строгий отбор будущих матерей, проводимый специалистами «Лебенсборна», был ориентирован не только на расовые критерии. Служащие «Источника» должны были убедиться в хорошем здоровье рожениц. Для Эбнера не существовало никаких сомнений в том,

что удачные роды в его заведении были результатом тщательного отбора. Только так можно было вырастить в «Лебенсборне» абсолютно здоровое и «расово качественное» новое поколение немцев.

Первым шагом для попадания в «Лебенсборн» было обследование, в ходе которого надо было убедиться, что будущие матери «с расовой и наследственно-биологической точки зрения полностью отвечают критериям, предъявляемым к СС». Сам Эбнер трактовал расовые законы охранных отрядов следующим образом: в орден СС могли попасть не только нордические люди (это в полной мере относилась и к женщинам), но и те, которые имели вполне определенные нордические установки. Цель эсэсовской селекции сводилась к тому, что надо было соединить подобных людей, дабы получить от них «еще более нордическое потомство». «По этой причине мы отказываем восточной и западной расам, так как восточная раса в основных ее чертах прямо-таки противоречит нордической расе, а метисы, получившиеся от восточной и нордической расы, являются неуравновешенными и лишенными внутренней цельности».

Проверка расовых и наследственных качеств будущей роженицы составляла самую большую часть процесса прохождения формального отбора. Будущая мать должна была заполнить и предоставить в «Лебенсборн» следующие документы:

1. Родословная. В соответствии с нормами приема в СС, родословная должна была быть прослежена до 1 января 1800 года. При этом обязательным должны были быть справки о национальной принадлежности родителей, а также бабушек и дедушек.

2. Наследственная медицинская карта. Здесь должны были делаться отметки о возможных наследственных болезнях в семье соискательницы.

3. Медицинский обходной лист. Он служил доказательством не только расового, но и физического здоровья. Изучение здоровья женщины должно было проводиться исключительно врачами СС. Позже, в годы войны, когда ощущался явный недостаток врачей-эсэсовцев, равно как и военных врачей вообще, обследование мог проводить любой врач, который имел право практиковать в Третьем рейхе.

4. Анкета. В ней надо было изложить личные данные, в том числе профессию, наличие страховки, членство в партии. Кроме этого, надо было ответить на ряд личных вопросов: «Планируете ли Вы бракосочетание с отцом ребенка?», «Какие причины могут поме-

шать Вашему бракосочетанию?». К анкете прилагались рукописная автобиография и фото женщины в полный рост.

5. Равносильное присяге заявление, в котором не состоящая в браке женщина должна была подтвердить, что отцом ребенка действительно является указанная ею личность.

В централ «Лебенсборна» подвались документы не только от матери, но и от отца, который должен был быть заранее уведомлен об этом. Все проверки, в том числе расовые и наследственные, проводились силами специализированного подразделения. Дальнейшая процедура во многом напоминала процесс получения разрешения на вступление в брак членам СС (такое разрешение выдавалось Главным управлением СС по вопросам расы и поселений).

Однако со временем выяснилось, что персонал «Лебенсборна» был перегружен осуществлением расовых и наследственных проверок родителей детей. Выделение специального врача отнюдь не изменило ситуацию. Тогда для осуществления этой деятельности руководство «Источника» стало налаживать контакты с Институтом кайзера Вильгельма, который занимался вопросами генеалогии и демографии. В частности, речь шла о сотрудничестве с мюнхенской кафедрой психиатрии, которой заведовал Эрнст Рюдин. В конце войны расовое обследование претенденток, а вместе с тем и вынесение решения о приеме в один из домов «Лебенсборна», осуществлял заведующий соответствующим родильным домом. Эбнер неоднократно утверждал, что отбор был настолько строгим, что в «Источник» попадало не более половины претенденток. Тем не менее очень многое указывает на то, что подобная строгость была лишь мечтой Эбнера. На самом деле удовлетворялось примерно 75% прошений. Подобное расхождение можно было объяснить тем, что в «Лебенсборне» пытались лишь создать видимость того, чего не было в действительности, — в данной ситуации речь идет о строжайшем расово-наследственном отборе. Подобные манипуляции не были редкостью в СС. Так, в 1942 году Административно-экономическое управление СС сознательно искажало данные о смертности в концентрационных лагерях. Делалось это для того, чтобы не спровоцировать гнев Гиммлера, который намеревался предоставлять арестантов и заключенных в качестве рабочих рук для немецкой индустрии. В итоге данные приходилось занижать.

В годы войны состояние здоровья матерей и детей, находившихся в «Лебенсборне», стало значительно ухудшаться. Это объяснялось, с одной стороны, военными тяготами, с другой — переполненностью

домов. По этой причине один из членов наблюдательного совета штурмбанфюрер СС профессор Беккер, занимавшийся детскими болезнями, после своей инспекционной поездки написал в 1941 году весьма нелицеприятную докладную записку. В ней он требовал не только гигиенических и организационных улучшений, но и более строгого отбора матерей. Только при этих условиях дома «Лебенсборна» «могли стать образцовыми эсэсовскими учреждениями». По его мнению, более строгий отбор не только бы благоприятно отразился на данных свойствах детей, покидающих дома, но и, «без сомнения, на общем состоянии здоровья, а вместе с тем и на показателях детской смертности и уровня заболеваний». Предложение Беккера в первую очередь касалось Эбнера. Именно он, как медицинский руководитель «Лебенсборна» с весны 1941 года, был назначен ответственным за прием матерей в дома организации, а стало быть, именно от его решения во многом зависело, какая женщина будет рожать в «Источнике», а какая нет. Поэтому в ответ на рекомендацию Беккера Эбнер сообщил рейхсфюреру СС, что ужесточение критериев отбора матерей было осуществлено несколько месяцев назад. Однако эти сведения не совсем соответствовали действительности.

Эбнер объявил об ужесточении отбора в первой половине 1941 года, то есть тогда, когда Третий рейх находился на вершине своего европейского могущества, а национал-социалистское руководство наивно полагало, что блицкриг, начатый против СССР, в ближайшее время закончится полным разгромом России. Но уже год спустя, когда немецкая армия несла на Восточном фронте огромные потери, Эбнер более серьезно задумался над тем, чтобы действительно изменить условия приема матерей в «Лебенсборн». Летом 1942 года он сообщал Гиммлеру об одном прецеденте. Одна руководительница районной женской организации ожидала ребенка. Эбнер писал об этом: «Речь идет о желанном ребенке, которого женщина как истинная национал-социалистка хочет подарить своему народу». После предполагаемого развода отца ребенка предполагалось, что он вступит в брак с этой женщиной. Однако возникала серьезная проблема — будущая мать явно не подходила под критерии, предъявляемые СС и «Лебенсборном». «Даже из фотографий следовало, что она преимущественно принадлежала к восточному расовому типу. Ее рост составляет всего лишь 148 сантиметров. Без сомнения, по внешним данным она не подходит для «Источника жизни». Гиммлер в ответ на письмо Эбнера написал: «У таких матерей желанные

Der Reichsführer SS
und
Chef der Deutschen Polizei
im Reichsministerium des Innern

Berlin, den 28. Oktober 1939

SS-Befehl
für die gesamte SS und Polizei

Jeder Krieg ist ein Mordaufruf des besten Blutes. Mancher Sieg der Waffen war für ein Volk zugleich eine unwiderrufliche Niederlage seiner Lebenskraft und seines Blutes. Hierbei ist der leider notwendige Tod der besten Männer, so betrauernswert er ist, noch nicht das Schlimmste. Viel schlimmer ist das Fehlen der während des Krieges von den Lebenden und der nach dem Krieg von den Toten nicht gezeugten Kinder.

Die alte Weisheit, daß nur der ruhig sterben kann, der Söhne und Kinder hat, muß in diesem Kriege gerade für das Schutzstaffel wieder zur Wahrheit werden. Ruhig kann der sterben, der weiß, daß seine Sippe, daß all das, was seine Ahnen und er selbst gerafft und erstritt haben, in den Kindern seine Fortsetzung findet. Das größte Geschenk für die Witwe eines Gefallenen ist immer das Kind des Mannes, den sie geliebt hat.

Über die Grenzen vielleicht sonst notwendiger bürgerlicher Gesetze und Ehrbegriffe hinaus wird es auch außerhalb der Ehe für deutsche Frauen und Mädel guten Blutes eine hohe Aufgabe sein können, nicht aus Leichtsinn, sondern in tiefem sittlichem Ernst Mütter der Kinder im Felde stehender Soldaten zu werden, von denen das Schicksal allein weiß, ob sie heimkehren oder für Deutschland fallen.

Auch für die Männer und Frauen, deren Platz durch den Befehl des Staates in der Heimat ist, gilt gerade in dieser Zeit die heilige Verpflichtung, wiederum Väter und Mütter von Kindern zu werden.

Niemals wollen wir vergessen, daß der Sieg des Schwertes und das vergossene Blut unserer Soldaten ohne Sinn wären, wenn nicht der Sieg des Kindes und das Befruchten des neuen Bodens folgen würden.

Im vergangenen Krieg hat mancher Soldat aus Verantwortungsbewußtsein, um seine Frau, wenn sie wieder ein Kind unter hatte, nicht nach seinem Tode in Sorgen und Not zurücklassen zu müssen, sich entschlossen, während des Krieges keine weiteren Kinder zu erzeugen. Diese Bedenken und Befürchtungen braucht Ihr SS-Männer nicht zu haben; sie sind durch folgende Regelung beseitigt:

1. *Für alle* ehelichen und unehelichen Kinder guten Blutes, deren Väter im Kriege gefallen sind, übernehmen besonders, von mir persönlich Beauftragte im Namen des Reichsführers SS die Patenschaft. Wir stellen uns zu diesen Müttern und werden menschlich die Erziehung und materiell die Sorge für das Großwerden dieser Kinder bis zu ihrer Volljährigkeit übernehmen, so daß keine Mutter und Witwe aus Not Kümmernisse haben muß.
2. *Für alle* während des Krieges erzeugten Kinder ehelicher und unehelicher Art wird die Schutzstaffel während des Krieges für die werdenden Mütter und für die Kinder, wenn Not oder Bedrängnis vorhanden ist, sorgen. Nach dem Kriege wird die Schutzstaffel, wenn die Väter zurückkehren, auf begründeten Antrag des einzelnen wirtschaftlich zulängliche Hilfe in großzügiger Form gewähren.

SS-Männer
und Ihr Mütter dieser von Deutschland erhofften Kinder

zeigt, daß Ihr im Glauben an den Führer und im Willen zum ewigen Leben unseres Blutes und Volkes ebenso tapfer, wie Ihr für Deutschland zu kämpfen und zu sterben versteht, das Leben für Deutschland weiterzugeben willens seid!

Der Reichsführer SS
H. Himmler

Приказ Гиммлера, предписывающий членам СС и полиции увеличивать «поголовье» истинных арийцев

дети могут обладать более высокими расовыми качествами». Страх, что большие человеческие потери, к которым привела новая континентальная война, будут иметь катастрофические последствия для немецкой демографии и расового облика Германии, вынудил Гиммлера согласиться на смягчение требований, предъявляемых к матерям во время приема в «Источник жизни». Поэтому в отдельных случаях (на которые требовалось личное разрешение рейхсфюрера СС) в «Лебенсборн» могли приниматься даже уроженки Восточной Европы, которые ожидали ребенка от членов СС.

Желание во что бы то ни стало сохранить рождаемость в эсэсовских семьях подтолкнуло Гиммлера к тому, чтобы поступиться принципами. В своих многочисленных разговорах с высокопоставленными эсэсовскими офицерами он буквально оправдывался, заявляя, что подобная снисходительность вызвана исключительно войной. «К сожалению, я должен идти на компромисс между необходимым количеством и наилучшим качеством», — сказал он както. В 1943 году рейхсфюрер со всей откровенностью заявил обергруппенфюреру СС Войршу, что с началом войны рождаемость оказалась проблемой: если сохранять строгие критерии отбора, то упадет рождаемость, а сохранить ее можно было, если только пренебречь расовыми качествами детей. Он пытался обосновать свое решение предельно разумными аргументами, которые были присущи Гиммлеру, внутренне безучастному даже к тем людям, которые должны были быть ему близки по расовым критериям: «Самое важное из того, чего я хочу добиться, — чтобы по возможности каждый эсэсовец, прежде чем погиб, успел обзавестись ребенком. Если количество подобных детей будет расти, то я смирюсь с селекционными ошибками, которые можно будет исправить при помощи количества». Подобная точка зрения побудила его к принятию следующего решения: «Лучше хотя бы один ребенок, чем вообще ничего. Лучше, чтобы эсэсовец, который, возможно, уже погиб, зачал не самого лучшего сына, чем вообще не передал свою кровь».

При этом Гиммлер старался ни в коем случае не произвести впечатления, будто бы его «военные мероприятия» были неким расовым компромиссом или непоследовательностью в осуществлении расовой политики. На критику, раздававшуюся из рядов СС по поводу массовых убийств в Польше, которые расценивались как «негерманский поступок», Гиммлер парировал, что это «жесткий слом, которого требует его расовый долг». В области идеологических установок Гиммлер был неукоснителен. Он был упрям и шел прямо к

цели. Но сам Эбнер не допускал никаких сомнений в том, что временное послабление в отборе матерей, вызванное войной, было неким изменением принципов расовой политики национал-социализма. В 1944 году он вновь составил список требований, которым должна была отвечать претендентка на попадание в «Лебенсборн». Он был снисходительным только в одном случае, когда речь шла об эсэсовских семьях. На то у него были свои основания. Во-первых, не требовалось собирать множества документов, так как они были собраны во время получения разрешения на вступление в брак. Во-вторых, в большинстве случаев эсэсовские жены надолго не задерживались в «Источнике жизни», а потому не надо было слишком беспокоиться об их здоровье. К тому же «Лебенсборн» не брал их детей под собственную опеку. Но к незамужним матерям применялись самые строгие критерии. Даже малейшее несоответствие критериям было поводом для отклонения просьбы. «Чисто восточный, западный и восточно-балтийский расовые типы женщин являются неприемлемыми». Будущие матери должны были иметь рост не менее 155 сантиметров. По чисто физическим причинам отказывалось женщинам с физическими и психическими отклонениями, больным туберкулезом, венерическими и прочими кожными болезнями. «Эти женщины должны обращаться в «Национал-социалистское народное вспомоществование». Несмотря на то что отбор в «Лебенсборне» был не таким строгим, как того желало эсэсовское руководство, но в практике «Источника» это был очень важный, если не сказать решающий, фактор. К сожалению, многие документы были либо уничтожены в конце войны, либо погибли во время бомбежек. По этой причине вряд ли удастся сформировать полную картину отбора матерей и тех, кто был отвергнут «Источником». Но кое-какие документы все-таки дошли до нас. Однажды Эбнер отказал матери, так как в ее роду были шизофреники, а сама она весьма напоминала еврейку, что, по его мнению, было признаком принадлежности к западной расовой группе. «Таким не место в «Лебенсборне», — резюмировал он. В другом случае он отказал женщине по чисто медицинским соображениям — ей во время первых родов было сделано кесарево сечение. То, что эта женщина была супругой офицера СС, для Эбнера не играло никакой роли.

Однако принятие матери в «Лебенсборн» еще не было вынесением положительного расового вердикта. Специфичность ситуации заключалась в том, что при предварительном отборе эсэсовские врачи опирались только на внешний вид женщины и ее документы.

Идеал немецкой женщины, занимающейся научным трудом

Однако чисто внешние признаки должны были дополняться качествами ее характера, который изучался во время ее пребывания в одном из домов. Окончательным доказательством ее абсолютного здоровья должны были быть роды не менее здорового ребенка. В декабре 1938 года в «Лебенсборне» была введена в обиход анкета, которая поначалу касалась только незамужних женщин, а затем и всех остальных. Пункты этой анкеты были составлены лично рейхсфюрером СС. На выходе должно было получиться что-то вроде развернутой характеристики, в которой женщина оценивалась как мать, давалась оценка ее расовым свойствам, а в итоге выносилась рекомендация относительно ее дальнейшего участия в наследственно-родовом проекте СС. Эта так называемая «анкета рейхсфюрера СС» была секретным документом и, естественно, заполнялась без ведома рожениц. Составлялась данная анкета, как правило, уже после того, как женщина покидала дом «Источника». Ее заверяли заведующий домом и старшая медицинская сестра. Кроме личных данных в анкете большое внимание уделялось «расовому виду матери». Вот некоторые из отрывков: «Очень высокий рост, нордический тип с примесью динарской расовой группы (переднеазиатское попадание?)» или «преимущественно западный тип с элементами восточной расовой группы». Кроме того, отмечались мировоззренческие установки, которые выражались, в том числе, в отношении к ребенку. В конце анкеты ставился вопрос: «Соответствует ли мать эсэсовским принципам отбора: а) с расовой точки зрения; б) с мировоззренческой точки зрения; в) по своим психологическим характеристикам». Иногда выносились такие вердикты: «Фрау Э. не может быть привлечена к дальнейшему отбору. Проявленные ею свойства еле-еле дотягивают до среднестатистического уровня». Время от времени

Нацистское искусство охотно тиражировало образцы нордической красоты

приходилось выяснять дополнительные сведения: «Желает ли мать родить еще ребенка?», «Является ли рождение следующих детей соответствующим принципам отбора в СС?».

Заполненная анкета рейхсфюрера СС, пополненная за счет некоторых сведений относительно отца ребенка, направлялась в централ «Лебенсборна», где отдельно отцу и матери давались расовые оценки. Гиммлер проявлял огромный интерес к данным анкетам. В конце войны он едва ли не сам участвовал в отборе будущих матерей «Лебенсборна». С педантичностью птицевода он разрабатывал свою систему оценок, которые выставлялись родителям. Поначалу он довольствовался простыми замечаниями «хорошо», «средне», «плохо». Затем он модифицировал эту шкалу оценок. Появилась балльная система: I — соответствует нормам отбора в СС, II — хороший средний уровень, III — не подходит для отбора.

Для Гиммлера проверка анкет отнюдь не была рутинной работой, он занимался этой деятельностью с тщательностью дилетанта и энергией неофита. Бывало, что он подвергал централ «Лебенсборна» критике, так как там «неправильно» оценили женщину. Приведем один пример. В одной расовой анкете было указано: «Восточный расовый тип с примесью динарского». При этом цвет глаз был указан как голубой, цвет кожи — светлый, а цвет волос — русый. Но согласно официальному расоведению, ни восточная, ни динарская расовые группы не могли иметь голубых глаз, светлой кожи и русых волос. В ответ по поручению Гиммлера было отписано: «Конечно, в данном случае мы имеем примесь нордической расовой группы. Тем не менее на основании внешнего облика об этом говорить сложно. Для восточной расовой группы характерны относительно небольшой рост, а также отмеченные в анкете любопытство и склонность к сплетням. Рейхсфюрер СС просит, чтобы впредь при

заполнении анкет на подобные вещи обращали самое пристальное внимание».

После этого инцидента, который был отнюдь не единичным, Гиммлер разработал новую шкалу расовых оценок, которая теперь уже имела четыре градации.

I — у матери и отца мировоззренческие, расовые, наследственные, санитарные и психологические характеристики в полном порядке;

II — психологические и мировоззренческие характеристики в порядке, однако имеются расовые, наследственные и санитарные недостатки;

III — определенные мировоззренческие недостатки и психологическая незрелость или сильные расовые, наследственные, санитарные отклонения от нормы;

IV — в силу склада характера, мировоззренческих ошибок, серьезных расовых, наследственных, санитарных отклонений являются нежелательной матерью или нежелательным отцом, которым не следует разрешать производить детей на свет.

Правление «Лебенсборна» поспешило учесть критику рейхсфюрера СС и попыталось исправить недостатки в своей работе. Новый руководитель «Лебенсборна» Золльман, так как «он сам ничего не понимал в этих вещах», дал Эбнеру поручение подготовить для заведующих домов циркуляр, в котором должны были быть учтены замечания Гиммлера. Однако это не исчерпало вопроса. Гиммлер и далее пытался делать поправки в предоставленных ему расовых анкетах. Анкеты рейхсфюрера СС обсуждались и в самом правлении «Источника жизни». В ответ на упрек штурмбанфюрера СС Ланга, мол, расовые оценки выставлялись только на основании внешнего облака, Эбнер возразил, что анкета, «составленная рейхсфюрером СС, является замечательным средством для раскрытия личности в целом». Наряду с внешним видом, который фиксировался на фотографии, ответы на предложенные вопросы «настолько ясно раскрывали психологический облик человека, что данная анкета является неповторимым средством для раскрытия расового тела и расовой души». Эбнера ничуть не смущало, что анкета была составлена дилетантом, который за глаза звался недругами «птицеводом». Наоборот, как видим, Эбнер не мог нахвалиться на эту анкету. Он полагал, что ценность анкет заключалась еще и в том, что описанные в них случаи не были искусственно сконструированы, а выхвачены из реальной жизни. «То, что люди, заполняющие эти анкеты, являются

не специалистами в области расоведения, а просто людьми здравого смысла, отнюдь не снижает ценности данного документа». Впрочем, Эбнер не отрицал, что обучение подчиненных ему специалистов все-таки требовалось, так как медицинские знания не предполагали знания основ расоведения.

Расовое и мировоззренческое препарирование родителей отнюдь не было умственной забавой эсэсовцев. Для тех, кто не соответствовал нормам, эти анкеты могли иметь большие последствия. Анкета рейхсфюрера СС, как выразился Эбнер, была внутренним эсэсовским «домашним обычаем». В сомнительных случаях последующая поддержка матери и ребенка зависела от «качества» самих родов. 14 января 1942 года Гиммлер издал приказ, что при необходимости в качестве работниц «Лебенсборна», как правило, машинисток, могли оставаться лишь матери, которые получили оценки I и II. Если мать жаловалась на персонал или условия в доме, то в ее анкете делалась соответствующая отметка. Кроме этого, от расовых отметок родителей зависело, принимал ли Гиммлер личное шефство над детьми, появившимися на свет в «Лебенсборне», или нет. Именно после представления «расового свидетельства» в упоминавшемся выше случае Гиммлер согласился сохранить в тайне отцовство одного из кандидатов в офицеры. Неблагоприятный вердикт как негативная расовая оценка мог быть сформулирован следующим образом: «Согласно принципам отбора в СС матери ребенка в дальнейшем не рекомендуется иметь детей». Подобного решения было вполне достаточно, чтобы отказать в поддержке роженице. Более того, оно могло быть поводом для того, чтобы расстроить запланированное бракосочетание с отцом ребенка, которому могли намекнуть, что подобное замужество могло привести к куче проблем. Как видим, ребенок в «Лебенсборне» был центром всех идеологических построений и расовых мероприятий. Собственно, забота о матери была лишь вторичным процессом, волею физиологии неразрывно связанным с заботой о ребенке. В СС полагали, что здоровый, «расово качественный» ребенок покрывал все расходы «Источника жизни». По этой причине в «Источнике» по требованию рейхсфюрера СС регулярно проводились эсэсовские обряды «имянаречения» ребенка. После того как проходил этот обряд, ребенка принимали в «родовую общность СС» и как бы неразрывно связывали с национал-социализмом. Имперский врач СС Гравиц разъяснял на общем собрании заведующих домами «Лебенсборна», что они должны повторять (по сути, «имитировать») эсэсовские семейные

Многие матери не могли найти работы. А потому оставались в «Источнике жизни», где могли постоянно видеться с детьми

праздники. Суть обряда сводилась к тому, что отец давал имя и благодарил супругу за то, что она подарила ему ребенка. СС как некий «крестный отец», проводя обряд «имянаречения», как бы гарантировали участие в воспитании ребенка. Так как в «Лебенсборне» речь шла в первую очередь о не состоящих в браке матерях, то Гравиц дополнял, что роль отца в данной ситуации должен был выполнять заведующий домом, то есть именно он давал имя ребенку.

Эбнер однажды направил в контрольное управление СС отчет о том, как он обставлял этот праздник в доме «Хохланд». В комнате, украшенной бюстом фюрера, портретом его матери, знаменами национал-социалистского движения, цветами и лавровыми венками, собираются матери, их дети и «крестные» от СС. Затем заведующий домом произносит речь о смысле и цели обряда «имянаречения». При этом он отсылал их к обрядам древних германцев, указывая, что христианская церковь лишь переняла эти обычаи, превратив их в крестины. «Учение о первородном грехе, а также точка зрения церкви, что материнство оскверняет женщину, является ненемецкой и оскорбительной для немецкой женщины». После этого обращения под «тихие звуки национального гимна Германии, написан-

ного Гайдном», происходит само «имянаречение» детей. При этом заведующий каждого дома задавал матери вопрос: «Немецкая мать, обязуешься ли ты воспитывать твоего ребенка в духе национал-социалистского мировоззрения?» На что мать, естественно, должна была давать положительный ответ. Затем заведующий обращался к «крестному эсэсовцу»: «Готов ли ты наблюдать за воспитанием этого ребенка в духе родовой общности охранных отрядов?» На что эсэсовец должен был дать утвердительный ответ и пожать протянутую руку заведующего. После этого заведующий домом касался эсэсовским кинжалом ребенка и произносил: «Настоящим я беру тебя под защиту нашей родовой общности и даю тебе имя! Носи это имя с честью!» После этого матерям выдавалось свидетельство о присвоении их детям имени, а затем следовало чаепитие.

В своей работе «Генрих Гиммлер как идеолог» Йозеф Акерман писал, что нигде, ни в одной ситуации национал-социалистское руководство не обладало таким тотальным контролем над человеком, как во время проведения этой церемонии. По мнению этого исследователя, это было возрождение «кощунственного культа идолопоклонства», который Гиммлер хотел возвести в ранг традиции, «новой веры» СС. Очевидно, что эсэсовский обряд «имянаречения» заменял христианские крестины и содержал в себе элементы этого церковного ритуала.

В течение разных лет незамужние матери по-разному смотрели на проведение этого обряда. Гравиц в свое время на выступлении перед заведующими домами «Лебенсборна» подчеркивал, что ни одна мать с ее ребенком не должна была принуждаться к участию в этом обряде. Если она хотела крестить ребенка, то этому не надо было противиться. Но, само собой разумеется, что крестить ребенка она должна была в удаленном месте. Но к концу войны, судя по всему, матери стали со скепсисом относиться к шефству СС над их детьми. Об этом говорят хотя бы сохранившиеся статистические данные. Если посмотреть на них, то мы заметим, что доля незамужних матерей, которые согласились на прохождение эсэсовского обряда «имянаречения», неуклонно падала. В апреле 1939 года таковых было 48,9%, в декабре 1939 года — 39,5%, в декабре 1940 года — 31,9%, в мае 1941 года — 22,8%. Впрочем, надо отметить, что в 1941 году произошло кардинальное изменение ситуации. В октябре 1941 года 88,6% внебрачных детей прошли обряд эсэсовского имянаречения. До мая 1941 года эта цифра продолжала оставаться достаточно высокой — в районе 70%. Но тем не менее где-то 30% все равно

отказывались «крестить» своих детей в эсэсовскую веру. Их явно не устраивало это культовое действо. Случалось даже, что матери крестили детей уже после «имянаречения» в СС, что вызвало «праведный» гнев Эбнера. В итоге руководство СС решило изменить тактику. Если до 1941 года «Лебенсборн» предоставлял определенную свободу действий в выборе религиозных обрядов, то к началу 1942 года эсэсовское «имянаречение» стало едва ли не обязательным. Только так можно было зафиксировать рожденных в «Источнике» детей как подрастающее поколение СС. «Лебенсборн» мог повлиять на выбор, так как являлся опекуном множества детей. Все же эта возможность влияния была формальной и заканчивалась с совершеннолетием опекаемых. Тем не менее ответственные лица «Лебенсборна» обещали принявшим шефство от СС пожизненное процветание. Однако «отборной молодежью, будущей знатью» рожденные в «Источнике» дети могли стать, если попадали в родовую общность СС.

Фото подросшего ребенка из первой «партии» «Лебенсборна»

Очевидно, что, создавая «Лебенсборн», Гиммлер намеревался не только сократить количество абортов, но и проводить перспективную расовую и демографическую политику. Он пытался сделать «Источник жизни» еще одним элементом его «черного ордена СС». А потому и настаивал, чтобы спасенные дети были предоставлены в распоряжение охранных отрядов. Гиммлер намеревался использовать «Лебенсборн» для обновления «нового дворянства», что полностью соответствовало им же установленным принципам расового отбора. Высокопоставленные офицеры СС должны были следить за тем, чтобы в охранные отряды не набирали детей числящихся там же служащих. Гиммлер во что бы то ни стало пытался избежать ошибки близкородственных связей, которые, по его мнению, погубили «историческое дворянство».

Фото подросшего ребенка из первой «партии» «Лебенсборна»

Бесчеловечность национал-социалистской расовой идеологии, которая превозносила расово «ценных» людей и презирала, подчас уничтожая, «неполноценных», во всей «красе» раскрылась в «Лебенсборне». Там не любили говорить о детях, которые родились с «дефектами». Но родителей таких детей тут же усиленно проверяли на наличие наследственных болезней. Если обнаруживалось, что у пары уже были больные дети, то дело отца и матери могли передать в РуСХА. Это не было пустой формальностью или условностью. Исход мог закончиться их стерилизацией. Только в условиях военного времени, которые не позволяли провести точное изучение наследственности родителей, подобные приговоры не стали массовыми.

Сами же «дефективные» дети «устранялись» из домов «Лебенсборна», которые отказывались брать над ними шефство. Многим из этих детишек отказывали в праве на жизнь. Как «неприспособленные» к жизни, они передавались руководством «Лебенсборна» в специальные учреждения, которые специализировались на эвтаназии. В 1941 году Гитлер отдал приказ об убийстве этих беспомощных существ, который беспрекословно выполнялся.

После начала Второй мировой войны «Источник жизни» ожидали всесторонне изменения. Поначалу они выразились в повышенной потребности в попечении над детьми, что было вызвано трудностями войны. Вместе с тем «внебрачное обслуживание» стало распространяться на новый круг людей. Когда нападение на Советский Союз миновало стадию «блицкрига» и превратилось в континентальную, глобальную битву, вновь встала проблема увеличения рождаемости. Все эти мероприятия «Лебенсборна» проводились под более умелым руководством организации и при более солидной финансовой поддержке.

ИЗМЕНЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ ВО «ВНЕБРАЧНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ»

С началом войны «Лебенсборн» принял две новые, изначально чуждые ему задачи. Сначала он сооружал в Бромберге в аннексированной части Польши служебную инстанцию, которая должна была поддерживать крестьянок из числа «фольксдойче», мужья которых погибли во время так называемого «бромбергского кровавого воскресенья». Основной задачей этого попечения было восстановление разрушенных крестьянских домов и восстановление дворов. Эта деятельность была закончена лишь в марте 1943 года.

Кроме этого, Гиммлер в октябре 1939 года поручил «Источнику жизни» соблюдать юридические интересы вдов погибших во время «польской» военной кампании служащих СС. Для подобных женщин и их семей материальная помощь была предусмотрена лишь в единичных случаях. Лишь в случае «внезапной смерти» супруга государство брало на себя поддержку семьи, воспитание и образование детей. В специально созданном в «Источнике» главном отделе эсэсовских сирот к июлю 1944 года помощь была оказана 15 тысячам вдов и 22 500 сиротам.

Одновременно с расширением работы «Лебенсборна» и распространением его на новые области изменялись отношения и внутри самих домов «Лебенсборна». Забота о внебрачных детях, что, собственно, являлось изначальной целью «Источника», становилась невыгодной в домах, которые были рассчитаны на небольшое количество детей. Большинство незамужних матерей, которые возвращались на работу, в большинстве случаев не могли забирать своих детишек. В подобных случаях свой первый год жизни дети проводили в стенах «Источника», пока их матери пытались устроиться в жизни. Тенденция к попечению над детьми, которая все больше превращала «Лебенсборн» из учреждения родовспоможения в детский дом, вызвала озабоченность, но никаких форсированных мер не предпринималось. Только резкий скачок детской смертности в годы войны побудил руководство «Источника» предпринять соответствующие действия.

Осознавая, что высокая детская смертность могла негативно сказаться на репутации «Лебенсборна», Эбнер не без гордости за свою организацию докладывал, что по состоянию на конец 1936 и 1939 годов детская смертность в «Источнике» составляла 3%, в то время как в целом по Германии она была вдвое больше, то есть 6%. Но, несмотря на эти самодовольные заявления, в апреле 1940 года

смертность уже составляла 3,83%, в середине того же года 4,17%, а в 1941 году 4,23%. Гиммлер, которому регулярно вплоть до самого 1945 года сообщалось о делах в домах «Лебенсборна», в том числе об уровне детской смертности, был разгневан и требовал от Эбнера принять экстренные меры. За этими вспышками гнева скрывался страх, что неуклонно растущая детская смертность могла подорвать силы СС как элитной с демографической точки зрения организации. По этой причине в 1940 году Эбнер не раз проводил консультации с имперским врачом СС, с докторами-консультантами и многими другими специалистами. Все сходились во мнении, что главными причинами роста детской смертности и заражения грудных детей были недостаточная изолированность родильных домов от внешнего мира и слишком короткий период кормления грудных детей материнским молоком. Оба этих обстоятельства были непосредственно связаны с переполненностью домов «Лебенсборна», что и приводило к печальным последствиям. Выход из положения пытались найти в том, чтобы сократить места для матерей, но увеличить места для детей. Более того, пребывание матери в доме «Лебенсборна» после родов, как правило, ограничивалось 6 неделями. Все это привело к тому, что к весне 1940 года в «Лебенсборне» как учреждении родовспоможения находилось в два с половиной раза больше детей, чем было изначально предусмотрено. В абсолютных цифрах ситуация в апреле 1940 года выглядела так. В домах «Лебенсборна» находилось 497 детей и 208 матерей.

Эбнер как медицинский руководитель «Лебенсборна» выслушивал множество упреков со стороны Гиммлера, а потому решил извести «зло» в самом его корне. Он считал необходимым продлить срок кормления грудью. Только в этом случае можно было избежать нарушений в системе пищеварения детей и дать им достаточное количество разнообразных защитных веществ от всех возможных болезней. По этой причине было решено, что пребывание матери в доме «Лебенсборна» должно быть увеличено с 6 недель до 4 месяцев. Однако для начала надо было справиться с переполненностью домов. Эбнер рассматривал в качестве идеального состояния одинаковое количество детей и кормящих матерей. В 1940 году он повторил свое предыдущее предложение организовать центральный дом для грудных детей и специальный детский дом «Лебенсборна».

Чтобы в кратчайшие сроки разгрузить дома, руководство «Источника жизни» решило отделить подросших детей в возрасте 9—12 месяцев от грудничков. Для этой цели 1 ноября 1939 года в Висбаде-

не был открыт дом «Таунус». Первоначально он был запланирован как родильный дом, но после ряда переговоров в нем стали заботиться о 55 детишках. Данная практика продолжалась почти три года, пока «Источник» не получил в свое распоряжение центральный детский дом. В ноябре 1942 года новостройка, которую «Лебенсборн» купил у Саксонии в Корен-Залисе, была торжественно открыта как детский дом «Зонненвизе» («Солнечный луг»). Там под постоянным медицинским присмотром могло расположиться около 170 детей. Грудные дети, матери которых уже покинули «Источник», отныне направлялись сюда изо всех родильных домов. В конце войны энергичное расширение «Лебенсборна» привело к увеличению количества детей, которые опекались этой организацией. Вследствие этого руководство «Источника» вынуждено было открывать новые детские дома: летом 1943 года в Люксембурге был открыт дом «Мозельланд», а год спустя в торжественной обстановке были открыты еще два дома «Франкен-1» и «Франкен-2», которые располагались в Шалькенхаузене (Бавария).

В этих домах дети должны были находиться около полутора лет, пока их не заберут матери или они не найдут приемную семью. Пребывание в детских оздоровительных домах не приводило к разделению ребенка и матери, которая, найдя работу, могла хотя бы изредка посещать свое дитя. Следовательно, основание детских домов не противоречило идеалу, на который постоянно ссылалось руководство «Источника», — дети должны были расти и воспитываться под надзором своих матерей. Более того, в июне 1940 года в Штеттине был открыт так называемый «Военный дом матери», что могло способствовать этому процессу. В данном вопросе «Лебенсборн» вместе с Гиммлером действовали рука об руку с гауляйтером Францем Шведе-Кобургом и «Померанским провинциальным союзом». Данное заведение было открыто преимущественно для незамужних матерей, которые, несмотря на работу, не хотели расставаться с детьми и уж тем более передавать их в чужие семьи. В течение дня дети находились в специальном детском саду, в то время как их матери работали. За 108 детьми и их матерями постоянно наблюдали медицинские сестры и женщина-врач, которая регулярно приходила и в детский сад, и в «Военный дом матери». Воодушевившись этим примером, два года спустя руководство «Лебенсборна» решило открыть два материнских общежития, которые весьма напоминали «Военный дом матери». Однако в середине войны в Мюнхене, постоянно подвергавшемся бомбежкам, было не просто найти подхо-

Весь персонал «Лебенсборна» должен был пройти специальный курс ухода за детьми

дящее жилье. Тем не менее весной 1942 года Гиммлеру удалось «приобрести» два здания, в прошлом принадлежавших евреям. Так появились на свет два специальных мюнхенских «Материнских общежития», которые располагались по адресам: Антонинштрассе 7 и Каульбахштрассе 65. В каждом из общежитий могло поселиться около 15 матерей с детьми. Каждой из них полагалась отдельная комната. В уходе за маленькими детьми матерям помогали специальные медицинские сестры, которые днем выполняли роль нянечек и воспитательниц в детских садах, существовавших при этих общежитиях.

Эти квартиры, которые могут показаться весьма прогрессивным достижением в политике поддержки матерей-одиночек, неким освобождением незамужних матерей от социально-экономических тягот, в действительности были прагматическим шагом руководства «Источника жизни»: каждая удачная попытка по сохранению семейной общности матери и ребенка автоматически вела к уменьшению детей, находившихся в учреждениях родовспоможения. По этой причине заведующие родильными домами с радостью приветствовали в свое время открытие в Штеттине «Военного дома матери». Кроме этого, появление «Материнских общежитий» гарантировало «Лебенсборну» наличие рабочих рук, так как в годы войны в «Источнике» все чаще и чаще стали работать бывшие роженицы из числа незамужних матерей. Не имея квартиры и без надзора за ребенком, многие из них вряд ли смогли бы перебраться в Мюнхен, чтобы работать в централе «Лебенсборна». Руководство «Источника жизни» смущало, что для пребывания детей были выбраны замкнутые дворы, лишенные солнечного света. По этой причине, а также из-за возрастающей угрозы бомбардировок Мюнхена в августе 1943 года дети были переведены из «Материнских обще-

житий» в Люксембург в детский дом «Мозельланд», где их могли навещать матери, оставшиеся в Германии. Как видим, непосредственным поводом для учреждения детских домов и «Материнских общежитий» была переполненность учреждений родовспоможения «Лебенсборна». Привело ли это к уменьшению плотности в родильных домах «Источника»? Удалось ли сохранить связи между матерью и ребенком? И, самое главное, удалось ли в результате этих мероприятий снизить уровень детской смертности?

Если доверять сведениям Эбнера, то данные меры имели определенные положительные последствия. Согласно отчетам, направлявшимся в Берлин, кривая смертности непрерывно, медленно, но все-таки ползла вниз. Приведем эти сведения в виде таблицы.

Дата	Уровень детской смертности
Январь 1942 года	3,98%
Апрель 1942 года	3,88%
Март 1943 года	3,84%
Июнь 1943 года	3,73%

Однако каждому внимательному наблюдателю бросится в глаза лукавость этих цифр. Если в апреле 1942 года Эбнер докладывал о том, что детская смертность составляла 3,88%, то три года назад он говорил о 3%. Доктору Рихарду Корреру, который в декабре 1940 года занял пост инспектора по статистике при рейхсфюрере СС, эти статистические данные также показались во многом подозрительными. Сделанные им заключения в 1944 году привели к громкому скандалу, который закончился, по сути, крахом доктора Эбнера. Гиммлер был вынужден сам перепроверять все представленные «Источникам» цифры, да еще привлекать для этого имперского врача СС Гравица, которому открыто заявил, что «эти данные не соответствуют действительности». После войны Коррер вспоминал, что сведения Эбнера о детской смертности в «Источнике жизни» были форменной фальшивкой. Согласно отчетам Эбнера, смертность не превышала 4%, а на самом деле она составляла около 8%, то есть продолжала расти.

Как подделывалась эта статистика и подделывалась ли она вообще, сейчас очень сложно судить. Неточности можно было найти в расчетах, которые вряд ли можно было допустить при добросовест-

ной обработке данных. Ввиду того факта, что при расчетах «химичили» главным образом во время отбора матерей для приема в родильные дома, что было вообще характерно для многих эсэсовских учреждений, то можно предположить, что Эбнер всего лишь хотел предоставить Гиммлеру те сведения, которые он хотел видеть. То есть искажения были сознательными, а не вследствие каких-то неточностей и ошибок в подсчетах. Сообщения Эбнера о достигнутом успехе вызвали подозрения хотя бы потому, что сделанные им в 1940 году предложения не были предназначены для оптимального ухода за новорожденными детьми.

Число кормящих грудью матерей в учреждениях родовспоможения и находящихся там детей так и не достигло соотношения один к одному. В действительности детей было примерно вдвое больше. В целом, если принимать во внимание тот факт, что в число матерей попадали не только кормящие, но и ожидавшие родов женщины, соотношение было еще дальше от идеального.

Впрочем, если говорить о плотности и переполненности детьми родильных домов, то можно все-таки отметить некоторые положительные тенденции. До 1942 года ситуация выглядела угрожающей. По состоянию на 28 октября 1939 года, в среднем в каждом доме «Лебенсборна» находился 71 ребенок. Эта цифра некоторое время неуклонно росла. 14 февраля 1941 года она составляла 76 детей. В начале мая 1941 года их количество выросло до 80. И лишь в феврале 1942 года можно было говорить об очевидной разгрузке родильных домов «Источника». На тот момент в них в среднем находилось 66 детей. При всем том два года спустя все вернулось на круги своя. Ситуация стала еще хуже. В 1943 году на один родильный дом приходилось 96 детей! Временная разгрузка «Источника» была в первую очередь связана с возникновением детских домов и «Материнских общежитий» в различных частях рейха. Между тем два года спустя родильные дома «Лебенсборна» были наполнены новыми детьми, которых с трудом можно было разместить в детских домах «Солнечный луг» и «Мозельланд». Усиливалось впечатление, что эти детские дома возникали отнюдь не для того, чтобы создать хорошие условия для воспитания детей, а чтобы хоть как-то разгрузить родильные дома «Источника жизни».

Также имелись признаки того, что продолжительность пребывания матерей после родов в домах «Источника» не только не превышала шести недель, но была существенно меньше. О 4-месячном пребывании в одном из домов и щедром кормлении детей грудью,

как того требовал Эбнер, в 1940 году не могло быть и речи. В 1941 году «лишь в исключительных случаях» кормящая мать пребывала в родильном доме более шести недель. В начале 1942 года Эбнер стал вести речь о том, что матери могли пребывать в доме «Источника» максимум два месяца. Золльман летом 1943 года вообще планировал ограничить этот срок двумя неделями. По его мнению, только кормящие матери, которые не имели собственной квартиры, могли оставаться в «Лебенсборне» положенные шесть недель.

Тот факт, что, несмотря на создание детских домов, переполненность «Лебенсборна» продолжала сохраняться, борьба с детской смертностью оказалась неэффективной, продление пребывания кормящих матерей в родильных домах так и не было осуществлено, требовал определенных объяснений. Для начала посмотрим на статистику рождаемости в «Лебенсборне». В 1939 году ежемесячно в среднем в домах «Источника жизни» рождалось 63 ребенка. В 1940 году количество родов увеличилось до 86. В 1941 году произошел небольшой спад — тогда в среднем рождалось 74 ребенка. Но затем снова наметился рост: в 1942 году рождалось 79 детей, а в 1943 году — 87. Крутой взлет рождаемости начался в 1940 году. Ее временное снижение в 1942 году объяснялось отнюдь не уменьшением принятых матерей и не ужесточением критериев отбора, а повреждением во время бомбардировки дома «Фрисландия», который был вынужден закрыться в январе 1941 года. Очередной скачок рождаемости, наблюдаемый в 1943 году, был связан в первую очередь с открытием нового дома «Шварцвальд», который располагался в Бадене. Но возвратимся к мерам, которые принимались внутри самих домов. Если говорить о средней рождаемости в домах «Лебенсборна» за месяц, то ее лучше опять же показать в виде таблицы.

Дата	Среднемесячная рождаемость в одном доме
1939 год	10,6
1940 год	14,4
1941 год	14,8
1942 год	15,7
1943 год	16,6
1944 год	17,2

Увеличение рождаемости в домах «Источника», которое подразумевало увеличение приема матерей, было обусловлено целым рядом факторов. Принципиально нельзя исключать, что это было связано с перестройкой самих домов, в результате чего появлялись новые родильные места. Однако, кроме этого, имеются указания, которые проливают свет на практику пребывания в «Лебенсборне». В апреле 1943 года, когда «Источник жизни» вместе с домом «Шварцвальд» насчитывал в рейхе шесть родильных домов, Золльман был вынужден признать, что все они были переполнены матерями и роженицами. Действительное состояние домов можно будет понять, если обратиться к документам пяти старейших из них: «Харц», «Хохланд», «Курмарк», «Померания» и «Венский лес». По состоянию на 22 октября 1939 года, в каждом из них содержалось в среднем 30 женщин. В 1944 году этот показатель составлял 50 женщин. Два дополнительных дома, «Шварцвальд» и «Таунус», задуманные как родильные, в итоге не привели к разгрузке остальных домов. К тому же, так как был уменьшен срок пребывания женщин в домах, автоматически увеличивалась частота рождений. Так, например, в доме «Померания» в срок между 1938 и 1942 годами незамужние женщины оставались по 80—100 дней, а матери, состоящие в браке, — по 40—60 дней. Укороченное пребывание матерей в родильном доме отнюдь не было единичным явлением, характерным только для «Померании». Если говорить об общей статистике, то замужние женщины пребывали в домах «Лебенсборна» в среднем 49 дней, а незамужние — 82 дня.

Получается, что на указание Эбнера о пребывании матерей в домах «Источника» не менее четырех месяцев или вообще не обращали внимания, или выполняли их лишь отчасти. Временное уменьшение количества детей могло высвободить места для матерей. Как помним, этому предшествовали многочисленные жалобы, что родильные дома постепенно превращались в детские. Появление детских домов «Солнечный луг», «Мозельланд», «Франкен-1», «Франкен-2» служило отнюдь не тому, чтобы освободить родильные дома от большого количества детей, а тому, чтобы предвосхитить ситуацию, которая была связана с неуклонно увеличивающимся количеством родов. В той ситуации и речи не могло быть, чтобы прекратить или хотя бы временно приостановить прием матерей в дома «Лебенсборна», мотивируя этот шаг их переполненностью. И то и другое сразу бы привело к падению рождаемости в «общности СС», что могло иметь большие политические последствия. Увеличение

срока пребывания матерей в домах также имело бы своим следствием снижение рождаемости. Только правильная организация всех процессов могла снизить наполнение домов и оставить рождаемость хотя бы на прежнем уровне. По этой причине «Шварцвальд» и «Таунус» должны были не разгружать дома «Лебенсборна», а увеличивать рождаемость, что, впрочем, оказалось взаимосвязанными процессами. Но однозначно можно говорить о том, что меры, предложенные в 1940 году (в частности, создание отдельных детских домов), служили не улучшению ухода за матерью и ребенком, а увеличению «родовой общности СС», то есть в основе лежало не социальное, а политическое решение. Этот вывод примечателен тем, что в целом в рейхе наблюдалась обратная ситуация. Если в 1939 году на тысячу человек рождалось 20,4 ребенка, то затем это показатель стал падать: 1940 — 20; 1941 — 18,6; 1942 — 14,9; 1943 — 16,0.

Гиммлер и руководство «Источника жизни» оказались перед сложной дилеммой. Когда в 1940 году дома «Лебенсборна» стали усиленно наполняться, а количество родов расти, то стала увеличиваться и детская смертность. Эсэсовцы оказались перед сложной альтернативой либо бороться со смертностью, но при этом следовал спад рождаемости, либо смириться со смертностью и довольствоваться ростом рождаемости. Был выбран второй вариант. Это решение не было оформлено никаким документом, но подтверждалось планомерными действиями, которые должны были хоть как-то компенсировать человеческие потери во время войны. После 1940 года очередной скачок рождаемости наблюдался в 1942—1943 годах. Эта дата обусловлена началом деятельности «Лебенсборна» в оккупированной Германией Норвегии. К тому же на тот момент «Источник» лишился одного родильного дома. Четырехлетняя пауза в расширении «Лебенсборна» сменилась созданием целой сети родильных и детских домов, «Материнских общежитий». Очевидно, что «Источник» планировалось сделать одним из главных инструментов форсированной демографической политики. Хотя никто не снимал с него задачи предотвращения абортов, старый стиль ухода и обеспечения матерей и детей безвозвратно уходил в прошлое. В 1942—1943 годах «Лебенсборн» готовился начать осуществление специальной демографической программы, наброски которой Гиммлер сделал в самом начале войны. Начинать ее можно было лишь после того, как «Источник» избавился от контроля со стороны государственных и партийных органов.

Воспринимая нападение на СССР как начало «расовой войны», Гиммлер считал необходимым дополнить радикальную национал-социалистскую демографическую политику проектом по «собиранию германской крови», который касался прежде всего оккупированных Германией территорий.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ «ИСТОЧНИКА ЖИЗНИ»

Как уже упоминалось выше, после сентября 1939 года в условиях Второй мировой войны «Лебенсборн» стал следовать новому курсу в своей работе. Это выразилось в поддержке семей «фольксдойче» из Бромберга, а также в попечении над семьями погибших на войне эсэсовцев. Ко всему этому добавились такие трудности, как растущая детская смертность, связанная с неэффективным управлением «Источником» и плохим финансовым положением. В итоге «Лебенсборн» оказался в тяжелейшем кризисе, с которым Пфлаум и другие ответственные лица не могли справиться. Следствием этого стало преобразование всей структуры «Источника жизни», которое началось с верхушки организации.

В самих СС Пфлаум был известен своим чрезвычайным честолюбием и жаждой власти. Подобные черты характера подталкивали его к самоуправству, что еще более осложняло ведение дел в «Лебенсборне». Например, о создании служебного отдела, который бы занимался делами бромбергских «фольксдойче», он даже не уведомил Эбнера. Пфлаум с яростной энергией пытался расширить круг задач, которыми бы занимался «Лебенсборн», но при этом не задумывался о необходимости подходящего финансирования. В итоге в «Источнике» возник тяжелейший финансовый кризис. В 1939 году бюджетный дефицит организации составлял 800 тысяч рейхсмарок. Гиммлер, крайне щепетильный в денежных вопросах, в феврале 1940 года в роли имперского комиссара по укреплению немецкой народности отдал приказ особому уполномоченному по финансовым вопросам и референту по хозяйственной деятельности оберст-штурмбанфюреру СС Зольману провести аудиторскую проверку «Источника жизни». Первое, что бросилось в глаза проверяющему, была небрежность в ведении дел отдела, занимавшегося Бромбергом. Вывод проведенного расследования был однозначным — необходима отставка Пфлаума. Ему было поставлено в вину непогашение займов, недостаточное финансовое управление, дезорганизация об-

щего руководства «Лебенсборном». Все это стоило ему занимаемой должности. По приказу Гиммлера весной 1940 года Пфлаум покинул «Лебенсборн» и вступил в ваффен-СС. Его преемником стал Зольльман.

Гиммлера настолько впечатлило проведенное Зольльманом финансовое расследование, что почти сразу же после выполнения задания рейхсфюрера СС он был формально поставлен во главе «Лебенсборна». 15 мая 1940 года Зольльман приступил к исполнению своих новых обязанностей.

Макс Зольльман родился 6 июня 1904 года в Байройте. Сразу же по окончании школы он стал обучаться в Мюнхене коммерции. В 20-е годы он работал в нескольких художественных издательствах и мастерских прикладного искусства, в конце концов став коммерческим директором предприятия «Античное искусство». Но кризис 1929 года поставил крест на его блестящей карьере. Зольльман направился в Южную Америку, в Колумбию, где влачил жалкое существование в качестве мелкого служащего одной торговой фирмы. На жизнь он зарабатывал выполнением мелких заказов и поручений. Так, например, некоторое время он исполнял обязанности инспектора мелкой лавочной торговли. В январе 1934 года Зольльман возвратился обратно в Германию. Будучи еще юношей, он оказался вовлечен в вихрь политической борьбы. В те дни Зольльман выступал против молодой Веймарской республики. В 1920—1921 годах он участвовал в боевых действиях добровольческих корпусов фон Эппа. В возрасте 17 лет он вступил в корпус «Оберланд» и вел бои против поляков в Верхней Силезии. Еще 20 декабря 1922 года Зольльман вступил в нацистскую партию (срок вступления позволял ему быть едва ли не ветераном движения). В ноябре 1923 года он участвовал в провалившемся мюнхенском («пивном») путче, который был организован Гитлером. После провала переворота НСДАП была запрещена, но Зольльман вновь вступил в нацистскую партию после ее легализации. Впрочем, его переселение в Южную Америку автоматически повлекло за собой выбывание из партийных списков. После возвращения в Германию он вновь, уже в третий раз, вступил в НСДАП. В январе 1937 года, после вступления в СС, ему был возвращен старый, «ветеранский» номер партийного билета.

Между 1934 и 1937 годами Зольльман работал на самых разных предприятиях. Ему даже удалось войти в состав правления «Франкфуртер Боден АГ». В СС он почти сразу же стал помощником начальника отдела управления экономической помощи, которое вы-

ступало в роли кредитной организации для служащих СС. Когда управление в 1938 году вошло в состав Главного управления СС, которым командовал группенфюрер СС Освальд Поль, Золльман оказался в персональном штабе рейхсфюрера СС, выполняя частные поручения Гиммлера. В отличие от Эбнера, Золльмана нисколько не волновали вопросы идеологии. Он однажды уже сделал свой выбор в пользу национал-социализма, но этот выбор был предопределен чисто экономическими аспектами — в Золльмане так и не умер торговый агент. Подобное отношение во многом позволило ему добиться успеха в недрах СС. Когда он принимал руководство над «Источником жизни», то прилагал все свои силы, чтобы дать Гиммлеру здоровый в финансовом отношении и отлично функционирующий инструмент. Золльману было совершенно безразлично, для чего этот инструмент потребовался Гиммлеру. Ему было достаточно только одного слова рейхсфюрера СС. Оно было для него абсолютным законом.

Появление Золльмана во главе «Лебенсборна» значило не его мировоззренческую переориентацию, а лишь попытку вытащить организацию из безнадежного состояния. Золльман преследовал единственную цель согласно воле рейхсфюрера СС — сделать «Лебенсборн» энергичной и независимой (читай — «подчиняющейся только Гиммлеру») организацией. Для этого нужно было сделать три вещи: изменить руководство «Источника», демонтировать мюнхенский централ и оздоровить финансовую ситуацию.

ИЗМЕНЕНИЕ РУКОВОДСТВА «ЛЕБЕНСБОРНА»

Едва оказавшись на новом месте, Золльман тут же выполнил первый пункт своей программы. Он самостоятельно изменил 11 апреля 1940 года Устав «Лебенсборна». В результате была пересмотрена структура руководства организацией. Коллегия правления была упразднена и заменена правлением, которое сводилось к единственной личности, которой, естественно, был сам Золльман. Более не было никакого коммерческого директора. Теперь интересы «Источника» в соответствии с § 26 Гражданского кодекса Германии представлял Золльман. Для членов старого правления он предусмотрел так называемый попечительский совет, который должен был помогать ему советами. Но попечительский совет никогда не собрался в полном составе, а сам факт его создания был «жестом

вежливости», по сути, нигде официально не зафиксированным в документах. В данный попечительский совет кроме Эбнера вошли Гравиц, Поль и Панке, а также шеф Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Вхождение в состав попечительского совета Пфлаума было, скорее всего, маневром, который должен был успокоить служащих «Лебенсборна». Когда «Лебенсборн» распространил свою деятельность далеко за рамки Германии и Великогерманского рейха, то в совет был приглашен еще один, шестой член, которым стал главный поборник «германской политики» в оккупированной Западной Европе — группенфюрер СС Бергер. Данная конструкция была очень удачным тактическим маневром Золльмана. С одной стороны, он сохранял благосклонность людей, которых он недавно лишил власти в «Источнике жизни». Он не давал повода взыграть их обиженному тщеславию, а потому приглашал в состав попечительского совета. С другой стороны, он смог приобрести новых друзей, которые могли быть очень полезны «Источнику жизни».

Новый Устав являлся еще одним подтверждением укрепления «фюрер-принципа» в национал-социалистском государстве. В отличие от ситуации 1938 года, Гиммлер более не считал необходимым (путь даже формально) лично возглавлять «Лебенсборн». Для его фактического могущества в «Источнике» не играло никакой роли, заседал ли попечительский совет или нет. Его даже не волновало, что он не был введен в состав попечительского совета. В соответствии с тоталитарной структурой нацистского общества, новый Устав фактически узаконил право Гиммлера как рейхсфюрера СС отдавать непосредственные приказы руководителю «Лебенсборна». В самом же Уставе говорилось, что рейхсфюрер обладал исключительными правами по назначению руководителя «Источника жизни», внесению изменений в Устав, а также правом на роспуск «Лебенсборна».

После данной реорганизации правления «Лебенсборн» оказался как никогда тесно связанным с личностью Гиммлера. Более не было промежуточной коллегии из трех высокопоставленных эсэсовских офицеров, теперь «Лебенсборн» получал приказы непосредственно от Гиммлера, минуя всякие промежуточные звенья. Принимать в расчет мнение прочих эсэсовских бонз больше не требовалось. «Источник жизни» стал личным инструментом Гиммлера по претворению в жизнь разработанной лично им расово-демографической политики.

ДЕМОНТАЖ ЦЕНТРАЛА

Изначальная борьба с детской смертностью, неуклонно растущая рождаемость и множественные неприятности, причиненные войной, волей-неволей заставили Золльмана искать пути оптимизации деятельности «Лебенсборна». Он также считал необходимым подключиться к процессам открытия домов «Источника» за пределами Германии, а также к онемечиванию «расово качественных» детей из оккупированной Восточной Европы. Поначалу Золльман обратил внимание лишь на неудовлетворительное состояние Бромбергского проекта, но затем он сосредоточил силы на том, чтобы устранить недостатки в работе мюнхенского централа. Однако в 1942 года ему стало очевидно, что первоочередной задачей является его «демонтаж», дабы заново сформированный централ был приспособлен к более высоким требованиям. Опираясь на пересмотренный в 1940 году Устав, предоставивший ему полноту власти, которую мог оспорить только лично Гиммлер, он предпринял меры, которые должны были повысить эффективность «Лебенсборна». Он приучил организацию к «фюрер-принципу». Принцип единоначалия выражался в простой схеме. Золльман получал приказ от рейхсфюрера СС и отдавал распоряжения начальникам отделов, а те — своим подчиненным. Выстраивалась четкая цепочка. Изменения в управлении «Лебенсборном» были всесторонними, многие из служащих полагали, что приход Золльмана в «Источник жизни» был подобен «дуновению горного ветерка или глотку свежего воздуха».

Золльман отказался от старого принципа существования двух огромных главных отделов, которые состояли из подотделов и секторов и работали независимо друг от друга. Из распущенного в сентябре 1941 года общего отдела он заново сформировал отдел приема в дома и отдел опеки. Данные отделы поначалу находились под началом гауптштурмфюрера СС Рагаллера. Однако с декабря 1941 года по май 1942 года ими руководила фрау Фирмец. Несколько позже руководство было передано Эбнеру, Цисмеру и вновь приглашенному Рагаллеру. Одновременно с этим Золльман поднял статус прошлого отдела кадров, превратив его в главный отдел по вопросам персонала. Им руководил штурмбанфюрер СС Ланг. Когда тот по болезни в начале 1942 года подал в отставку, то его место заняла фрау Книпп-Меркель, которая находилась под номинальным контролем Золльмана. После ухода из «Лебенсборна» ее преемником стал гауптштурмфюрер СС Фридрих. Забота о членах семей погиб-

ших на войне эсэсовцев (сфера, которая в прошлом входила в функциональные обязанности общего главного отдела) в 1941—1942 годах была передана в ведение специального главного отдела военных сирот СС. До апреля 1943 года этот главный отдел подчинялся гауптштурмфюреру СС Рагаллеру, но в мае 1943 года он был передан Цисмеру. Из главного отдела финансового управления в середине 1942 года было сформировано несколько самостоятельных отделов, которые были объединены в главный отдел управления, находящийся до апреля 1943 года под началом гауптштурмфюрера СС Биркеля. На этом посту его сменил гауптштурмфюрер СС Венер. Кроме этого, был сформирован главный отдел финансов. Его начальником стал гауптштурмфюрер СС Леннер.

Не обошли «реформы» стороной и Эбнера. 1 апреля 1943 года по его собственному желанию медицинское руководство было трансформировано в главный отдел здравоохранения. По сути, это было не создание новой административной единицы, а просто приравнивание Эбнера к начальникам прочих отделов. Он продолжил заниматься своими прошлыми вопросами. Куда большее значение имело появление 1 августа 1943 года главного правового отдела. В нем координировалась работа юристов «Источника жизни», которые проводили независимо друг от друга юридические дела, правовые сделки, а также выполняли особые задания. Юристы оказались под руководством штурмбанфюрера СС Теша. Всего же в «Лебенсборне» было 7 юристов, которые должны были курировать 7 областей. Каждая из них имела свое специальное обозначение, особую литеру:

R I — общие юридические вопросы деятельности «Источника жизни»;

R II — надзор за работой отдела регистрации актов гражданского состояния L в Мюнхене; координация деятельности паспортных столов в домах «Лебенсборна»;

R III — дела по усыновлению, посредническая деятельность по усыновлению; вопросы попечительства;

R IV — координация деятельности с Управлением L Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности (структура занималась делами сирот из числа «фольксдойче»);

R V — юридическое обеспечение деятельности главного отдела A («Arbeit» — работа); вопросы опеки, признания отцовства, консультации незамужних матерей;

R VI — юридическое обеспечение деятельности главного отдела K (главный отдел военных сирот СС);

R VII — юридические вопросы землепользования и управления делами.

Программа санации, которая проводилась в жизнь Золльманом, исходила из того, что надо было отстраняться от тех сфер деятельности, которые изначально были чужды «Лебенсборну» и добавились в качестве нагрузки во времена руководства Пфлаума. В качестве примера можно было бы назвать роспуск службы, занимавшейся бромбергскими «фольксдойче», а также реорганизацию отдела военных сирот СС. После проведенной реорганизации мюнхенский централ «Лебенсборна» представлял собой четко сконструированный руководящий орган. В нем были отчетливо разделены вопросы компетенции. Теперь рейхсфюрер СС через Золльмана мог спокойно выяснить, как обстояли дела в здравоохранении, у юристов, у финансистов и т.д. Перечислим все главные отделы, которые существовали в «Лебенсборне» с 1943 по 1945 год:

A — главный отдел по работе;
F — главный отдел финансов;
G — главный отдел здравоохранения;
K — главный отдел военных сирот СС;
P — главный отдел по вопросам персонала;
R — главный правовой отдел;
V — главный отдел управления делами.

Кроме этих семи главных отделов, существовало еще несколько самостоятельных проектов, например «Анкета рейхсфюрера СС».

Увеличение управленческого аппарата вело к потребности в более значительных площадях, отведенных для служебных офисов. По этой причине 15 января 1940 года мюнхенский централ «Лебенсборна» переехал из здания по адресу Пошингерштрассе 1 в просторное здание, которое до 1938 года занимало управление еврейской общины города Мюнхена, располагавшееся по адресу Герцог-Максштрассе 3—7. Однако и новое здание оказалось недостаточно большим. Поэтому несколько отделов перебрались по другим адресам. В том же 1940 году отдельные служебные инстанции централа «Источника жизни» можно было обнаружить на Куфиллиштрассе 22, а в 1941 году — и на Исманингерштрасве 95.

Но поскольку Мюнхен подвергался массированным бомбардировкам, было принято решение децентрализовать руководство «Лебенсборном», что в очередной раз остро поставило вопрос о свободных помещениях. Поэтому весной 1942 года «Источник» «приобрел» у Имперского объединения евреев Германии несколько земель-

ных участков и зданий, которые ранее использовались в культовых целях. Впрочем, «покупка» была формальностью — 800 тысяч рейхсмарок никто не платил, просто-напросто в условиях войны Имперское министерство финансов объявило эту покупную цену. Бывший детский дом на Антонинштрассе и бывший дом престарелых на Кульбахштрассе были превращены в «Материнские общежития», а восемь служебных инстанций «Лебенсборна» расположились в бывшей больнице на улице Германа Шмидта и в бывшем доме престарелых на Матильденштрассе. Наконец, после сильнейшей бомбардировки Мюнхена, которая произошла 13 июля 1944 года, централ «Источника жизни» был вынужден перебраться в Штайнхёринг.

Увеличение рождаемости в домах «Источника», увеличение самого количества домов, а также распространение деятельности организации на оккупированные территории предполагали также увеличение количества служебного и медицинского персонала. Если 31 декабря 1937 года в централе работало всего лишь 23 человека, то год спустя в нем насчитывалось уже 48 служащих. В 1939 году их число достигло 96 человек. Весной 1942 года только в централе работало 220 сотрудников. Если говорить о «Лебенсборне» в целом, то в конце 1938 года в нем трудился 201 сотрудник. Год спустя — 371 человек. А в конце войны в «Источнике» насчитывалось более 700 сотрудников.

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Самой большой проблемой, с которой пришлось столкнуться Зольману при вступлении в должность, было катастрофическое финансовое положение «Источника жизни». Одновременно с увеличением количества домов и расширением заданий, которое предстояло выполнять «Источнику», увеличивались и его расходы. В 1936 году общая сумма его финансовых затрат на приобретение домов, их перестройку и т.д. составляла 107 тысяч рейхсмарок. В 1937 году ежегодные расходы составляли 750 тысяч рейхсмарок. В течение последующих двух лет они выросли до полутора миллионов рейхсмарок. Впрочем, если посмотреть на финансовые документы «Источника», то из них следует, что в 1937 году доходы организации должны были составлять более полутора миллионов рейхсмарок. Такой же доход предполагалось получить и в 1938 году. А в 1939 году доходная часть бюджета «Лебенсборна» должна была увеличиться

до 2 миллионов рейхсмарок. Если посмотреть на структуру реальных доходов, то мы увидим, что большую часть из них составляли нерегулярные пожертвования. То есть в начале 1939 года дефицит бюджета «Лебенсборна» составлял около 800 тысяч рейхсмарок. Данная сумма могла быть покрыта только за счет субсидий, предоставляемых Имперским министерством финансов.

Если говорить о важных составляющих дохода «Лебенсборна», то после пожертвований шли членские взносы, а также прибыль, извлеченная за счет пребывания женщин в оздоровительных учреждениях. Сами издержки от пребывания матерей в домах и расходы на их продовольственное снабжение, как правило, покрывались отцами детей. Размер этой платы должен был превосходить минимальную сумму, установленную законодательством, на случай страхования по болезни. Кроме этого, матери передавали в кассу «Лебенсборна» все свои социальные выплаты (пособие по рождению ребенка и т.д.). Но нередко суммы, перечисляемые отцами, и переданные социальные пособия не позволяли сохранить установленный рацион. Этих денег бывало недостаточно. Нередко социальные пособия по рождению ребенка выплачивались только непосредственно перед родами, а сама будущая мама оказывалась в «Лебенсборне» уже на пятом месяце беременности. Но руководство «Источника» не намеревалось делать прием матери зависимым от ее финансово-экономического положения. Все эти обстоятельства предопредели бюджетно-дотационный характер «Лебенсборна» с первого дня существования этой организации.

Скорые перемены в «Источнике» привели к тому, что уже в 1939 году он испытывал столь стесненное финансовое положение, что его руководство более не решалось отказываться от взносов социального страхования и выплат социального обеспечения (ранее такие отказы были призваны сохранить в тайне рождение ребенка). В начале 1939 года делегация «Источника» обратилась в Собрание немецких общин с просьбой помочь компенсировать расходы на жилье и питание нуждающимся в помощи матерям. Но поскольку организация действовала в условиях соблюдения определенной секретности, в частности сохранения пресловутой тайны рождения, то финансовые перечисления «Лебенсборну» шли из центрального офиса Собрания немецких общин, который располагался в Берлине. Местные филиалы было решено не подключать к решению дан-

ного вопроса. Однако вскоре эта практика была признана незаконной, и ее пришлось свернуть.

Доля доходов «Лебенсборна», поступавших в виде членских взносов, была достаточно велика. В 1937 году она составляла 19,5%, в 1938 году — 26,9%, а в 1939 году — 21,3%. В своем приказе от 13 сентября 1936 года Гиммлер обязал всех старших офицеров СС к членству в «Источнике жизни». Он также ожидал, что многие другие эсэсовцы, в том числе младшие командиры СС, добровольно присоединятся к «Лебенсборну». Кроме того, в «Источник» мог вступить каждый немец. Членские взносы в «Источнике жизни» варьировались в зависимости от возраста, семейного положения, общего семейного дохода и количества детей. Самые большие взносы должны были платить холостые эсэсовцы, у которых не было детей. В случае наличия у них детей (пусть даже внебрачных) они приравнивались по своему статусу к главам семейств. Далее следовали состоящие в браке, но не имеющие детей члены «Лебенсборна». По мере того как увеличивался возраст и эсэсовский чин члена «Лебенсборна», росли его членские взносы. Так, например, гауптштурмфюрер СС в возрасте до 26 лет платил в качестве членских взносов всего лишь 0,75% от своей заработной платы, в то же время оберфюрер СС старше 41 года платил 7,75% от свой зарплаты. Уменьшение членских взносов было предусмотрено, если у эсэсовца в семье росло количество детей. Гиммлера мало волновала финансовая сторона дела, он хотел хотя бы косвенно стимулировать увеличение рождаемости в эсэсовских семьях. Можно говорить, что «Источник жизни» был превращен рейхсфюрером СС и в прямой, и в косвенный инструмент расово-демографической политики.

Если говорить о количестве членов «Лебенсборна», то оно постепенно росло. В 1936 году в организации числилось 6896 человек, а в 1939 году — 15 520. Во время войны прирост шел медленно, так как к 1945 году в «Источник жизни» членские взносы уплачивало всего лишь 17 тысяч человек. Вступление в «Лебенсборн» не было только принудительным. Например, наряду со служащими полиции в «Источник» вступали сотрудники Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности, часть из которых вообще не состояла в СС.

Однако увеличение членов «Источника» не могло сразу же привести к пропорциональному увеличению уплачиваемых членских взносов. Это наиболее ярко можно было наблюдать во время войны,

когда многие члены организации просили снизить уровень членских взносов, так как они были для многих непосильным бременем. От них в итоге были освобождены только те, кто получал лишь военное денежное довольствие и социальные выплаты на поддержку семьи. Позже была устранена градация по возрасту.

Как и стоило предполагать, членских взносов «Лебенсборну» явно не хватало, чтобы покрыть расходы даже на пребывание матерей в его домах. Поэтому в значительной мере деятельности организации способствовали пожертвования и субсидии, которые поступали достаточно регулярно. Случайными жертвователями были различные союзы, предприятия, партийные и государственные органы. Сами же суммы денежной помощи могли колебаться между тысячей и десятью тысячами рейхсмарок. В редких случаях пожертвования превышали 100 тысяч рейхсмарок. Приведу несколько примеров. Однажды 30 тысяч рейхсмарок было пожертвовано попечительским советом «Фонда Адольфа Гитлера», 66 тысяч рейхсмарок было предоставлено Тирольским союзом промышленников. Эсэсовский журнал «Черный корпус» на своих страницах устраивал рекламную кампанию «Источнику жизни», которая проходила под девизом: «Охранные отряды собирают строительные камни для возведения материнских домов». Данная кампания принесла в итоге 100 тысяч рейхсмарок. Кроме этого, для постоянной поддержки «Лебенсборна» и «Аненербе» была основана собственная эсэсовская фабрика, которую возглавлял Антон Лойбль. Однако почти все доходы от этой деятельности шли на поддержку «Аненербе», которое страдало от хронического безденежья. «Источник жизни» стал получать регулярную помощь от Антона Лойбля лишь в 1939 году. Ежегодно пожертвования составляли 100—150 тысяч рейхсмарок.

Однако истинным финансистом «Лебенсборна» было «Национал-социалистское народное вспомоществование». Поначалу было обговорено, что эта организация будет перечислять «Источнику» крошечную сумму в размере 12 тысяч рейхсмарок, что не было в состоянии покрыть даже небольшие издержки. Впрочем, к концу 1938 году НСВ перечисляло на счет «Источника» сумму около миллиона рейхсмарок. Более того, проникновение «Лебенсборна» в «восточную марку» (Австрию) привело к просьбе, адресованной шефу НСВ Хильгенфельду. В ней говорилось об увеличении предоставляемых субсидий. В итоге было обещано полтора миллиона рейхсмарок. Но, принимая во внимание ухудшение отношений между «Источ-

ником» и НСВ, сумма сначала была сокращена до 750 тысяч рейхсмарок, затем до 600 тысяч, в итоге пожертвование составило лишь 350 тысяч рейхсмарок. В 1940 году НСВ и вовсе отказалось предоставлять субсидии «Лебенсборну». Хильгенфельд в своем письме говорил о том, что считает подход рейхсфюрера СС к охране материнства и детства «ошибочным». Более того, шеф НСВ утверждал, что дети, покинувшие «Лебенсборн», были слабее развиты и отличались худшей физической конституцией, нежели дети, родившиеся в учреждениях «Национал-социалистского народного вспомоществования».

Когда Золльман пришел к власти в «Лебенсборне», организация фактически была банкротом. Отношения с НСВ как важнейшим финансовым источником были окончательно испорчены. Поэтому Золльман стал усиленно искать новые источники доходов. Но прежде всего он решил исправить то обстоятельство, что все финансовые поступления были несистематичными.

Если НСВ лишь в ходе кампании «Зимняя помощь» могло собрать до 100 миллионов рейхсмарок, то равноценной заменой могло стать только государство. Первая попытка «взять штурмом» Имперское министерство труда и занятости потерпела неудачу. Имперский министр Зельдте вызвался оказать лишь единоразовую помощь в размере 500 тысяч рейхсмарок. Но одновременно с этим руководитель «Источника» попытался проникнуть в Имперское министерство финансов. Здесь ему удалось достичь определенных результатов. Первоначально министр финансов Шверин-Крозиг предоставил сумму в размере миллиона рейхсмарок, пообещав сделать эти выплаты регулярными. Вершиной успеха в данном направлении деятельности была договоренность с Шверин-Крозигом о том, что на 1943 год будет выделена сумма в размере 3 миллионов рейхсмарок. Только теперь «Лебенсборну» удалось сравнять свои доходы и расходы. Если говорить о том, была ли эта сумма большой или маленькой, то посмотрим на бюджет других национал-социалистских организаций. В 1944 году Имперский институт новой истории Германии, возглавляемый Вальтером Франком, довольствовался суммой в 255 450 рейхсмарок. Между 1942 и 1945 годами «Аненербе» ежегодно получало по 2 миллиона рейхсмарок. В 1939 году ведомство Розенберга финансировалось на 3,8 миллиона рейхсмарок. Так что ситуация в «Лебенсборне» не выглядела совсем удручающей.

«НАПРАВЛЕННОЕ РАЗМНОЖЕНИЕ»

В мемуарах Феликса Керстена, личного врача Генриха Гиммлера, можно прочитать крайне интересную мысль, высказанную рейхсфюрером СС: «Я потихоньку дал знать, что любая одинокая незамужняя женщина, которая хочет завести ребенка, может смело обращаться в «Лебенсборн». Руководство СС возьмет на себя заботу о ребенке и обеспечит ему образование. Я прекрасно осознавал, что это революционный шаг. Согласно существующей морали среднего класса, незамужняя женщина не имеет права на ребенка. Она должна терпеливо ждать, пока не появится мужчина, который удовлетворит ее желание. Если такого мужчины не будет, она должна смириться с судьбой. Как правило, она не может найти подходящего супруга или не в состоянии выйти замуж, потому что работает, но все равно хочет ребенка. Я понял это и дал таким женщинам возможность завести детей. Женщина получает помощь, приобретает желанный опыт материнства и при этом впервые сохраняет за собой полноценную роль в жизни общества, государство же получает ценную прибавку к населению — ведь, как вы понимаете, мы нанимаем в качестве «помощников в зачатии» только достойных и расово чистых мужчин. Я с нетерпением ждал результатов этой услуги, чтобы оценить, насколько она полезна. Сначала, само собой разумеется, ничего не происходило, но год от года наблюдался небольшой прогресс — вы еще увидите, что выйдет из нашего плана, когда кончится война».

Однако зимой 1942 года нацистское руководство должно было смириться с тем, что Германию ожидала не молниеносная успешная, а затяжная, связанная с огромными людскими потерями война. В этой связи в очередной раз остро встала проблема «человеческого воспроизводства». Имперский руководитель здравоохранения доктор Конти в те дни считал, что все меры, предпринятые для увеличения рождаемости, были неэффективными и недостаточными. Ему казалось, что «демографический взлет немецкого народа еще не был окончательно гарантирован». По этой причине в начале лета 1942 года он вынес на обсуждение Гиммлера и Бормана докладную записку «О повышении числа детей». В этом документе Конти исходил из того, что репродуктивная способность женщин еще не была полностью исчерпана в существующих браках. В частности, это выражалось в недостатке мужчин, что особо остро проявлялось в годы войны. Конти акцентировал внимание на том, что до сих пор ока-

зался незадействованным этот детородный потенциал. Его выводы, не касавшиеся усиления пропаганды здоровой многодетной семьи, укладывались в два пункта.

1. Консультации и профессиональная медицинская помощь для «исправления» бездетных браков. По мнению Конти, в деле лечения бесплодия было сделано так мало, что число семейных пар, обратившихся за помощью, должно быть достаточно большим.

В годы войны эсэсовское руководство было вынуждено прибегнуть к радикальной демографической политике

2. Под заголовком «найденные дети» Конти подразумевал возможность зачатия незамужней женщиной ребенка либо естественным путем (при помощи предоставления партнера), либо посредством искусственного оплодотворения. Имперский руководитель здравоохранения считал, что второй способ (искусственное оплодотворение) был предпочтительнее, так как исключал у женщины «психологический комплекс сексуального переживания».

Суть его соображений сводилась к тому, чтобы превратить процесс зачатия — самый интимный момент человеческих отношений — в официальный, государственно-политический процесс, который проще было бы назвать «размножением». Все эти мероприятия должны были проводиться силами управления здравоохранения НСДАП и Национал-социалистского союза немецких врачей. Конти не предусматривал возможности участия «Источника жизни» в этой сомнительной кампании. Однако он не мог игнорировать определенный успех, достигнутый в деле ухода за матерью и ребенком в стенах «Лебенсборна».

Гиммлер сразу же отверг все предложения Конти. Речь шла не о моральных установках рейхсфюрера СС, а о том, что Конти вторгся в сферу демографии, которую Гиммлер считал своей «вотчиной». Поэтому все предложения доктора были восприняты как незаконные притязания. Вопрос, который затронул Конти, был очень важ-

ным для Гиммлера. С одной стороны, он считал его незрелым для решения данной проблемы, а с другой стороны, полагал, что «врачи не имели четкого представления о том, как решать эти проблемы». Единственное, что Гиммлер мог оставить врачам, было лечение бесплодия семейных пар.

Крайне недружелюбная реакция рейхсфюрера СС на предложение Конти была предопределена диаметрально противоположной точкой зрения на проблему искусственного оплодотворения. Гиммлер мог принять такой подход только для мира растений. Однако в животном мире он считал необходимым ограничить искусственное оплодотворение, так как был свято убежден в том, что оно приводило к «обеднению наследственности» и к таким генным изменениям, которые могли привести в итоге к дегенерации человека, его бесплодию или импотенции. По этой причине он считал, что для «воспроизводства человека» требовался «естественный зачинающий помощник», что, по его мнению, было зафиксировано в правовых нормах многих индогерманских племен.

Пока Конти оспаривал право приоритета в сфере «повышения воспроизводства» и женской репродуктивной способности, рейхсфюрер СС сам решил заняться вопросами борьбы с бесплодием. Для этой цели уже в 1940 году он привлек на свою сторону профессора гинекологии Карла Клауберга, который до этого являлся заведующим «женским» отделением одной из больниц в Верхней Силезии. В следующем году к Клаубергу присоединились его коллеги: профессор Гюнтер фон Вольф из больницы им. Хорста Весселя в Берлине, профессор Карл Эрхард, заведующий университетской гинекологической клиникой в Граце, и профессор Гюнтер Шульце, который работал врачом-консультантом в «Источнике жизни».

Запись собрания этих врачей от 15 октября 1943 года позволяет установить, что их совместная деятельность началась приблизительно в 1942 году. Тогда они консультировали специалистов РуСХА по вопросам бесплодия в эсэсовских семьях. Именно с их подачи эсэсовские врачи из состава РуСХА стали проводить первые исследования. Поначалу проводилось длительное лечение под надзором доктора Вольфа. Позже лечение стало проводиться одновременно в военных госпиталях СС в Берлине, Праге и Дахау, а также в отделении акушерства военного госпиталя СС в Мариенбаде. Однако доктор Макенродт, являвшийся специалистом по женским болезням в «Лебенсборне», с сожалением констатировал, что предпринятое лечение не имело ожидаемого терапевтического результата.

Между тем имперский руководитель здравоохранения Конти не бездействовал. Шесть недель спустя после того, как он проинформировал Гиммлера и Бормана о своих демографических планах, 16 июля 1942 года он объявил об открытии специального учреждения, которое должно было бороться с немецкой бездетностью. Новая структура возглавлялась профессором Гансом Штатлером и активно взаимодействовала с «Национал-социалистским народным вспомоществованием». Конти удалось осуществить самую легкую и самую безобидную часть своего проекта.

Гиммлера не смущала его деятельность, пока речь шла о консультациях бесплодных супругов. Но в конце 1943 года Конти решил приступить к реализации проекта по искусственному оплодотворению. Однако этот доктор был достаточно умен, чтобы приготовить для Гиммлера специальную отговорку. Предварительно этот вопрос был проработан с имперским министром юстиции Тираком. В ходе бесед были улажены все юридические формальности процесса искусственного оплодотворения. Лишь после этого он разослал во все медицинские структуры уведомление, что по вопросам искусственного оплодотворения все врачи могут обращаться в Мюнхен к профессору Штатлеру. По сути, Конти подготовил проект, что называется, «под ключ». Он разработал технологию и пакет юридических документов, которые требовались для проведения искусственного оплодотворения. На этот раз Конти пришлось столкнуться не с протестом Гиммлера, а с сопротивлением самих врачей и части партийных функционеров, которые считали подобную деятельность аморальной. В итоге Конти пришлось долгое время выжидать. И лишь 6 июля 1944 года он отдал тайный приказ, в котором содержались подробные указания по проведению искусственного оплодотворения. Для сохранения секретности сам процесс назывался латинским термином «Inseminatio artificialis». В итоге суть этого приказа могли понять только посвященные в суть дела люди.

Сам Конти рассматривал три возможности оплодотворения:

1. Искусственное оплодотворение женщины посредством семени ее супруга. В данной ситуации не возникало никаких проблем и сложностей.

2. Искусственное оплодотворение состоящей в браке женщины семенем стороннего мужчины. В данной ситуации Конти не интересовали этические вопросы, на первый план выступала исключительно практическая сторона дела. Супруг, неспособность к оплодотворению которого должна быть установлена медицинским путем,

жена и «донор семени» должны были дать письменное разрешение на проведение Inseminatio artificialis. Донор должен был происходить из ближайших родственников стерильного супруга. Если таковых не находилось, то врач оставлял за собой право самому найти подходящего мужчину. В любом случае, врач должен убедиться, что все участники этой «сделки» должны были соответствовать расовым и наследственным нормам национал-социалистского общества. Чтобы исключить впоследствии психологические травмы, в любом случае, супруги и донор не должны были встречаться и что-либо знать друг о друге. Конти специально акцентировал внимание на юридической стороне дела, дабы затем не возникало никаких правовых неприятностей. Имперский министр юстиции предупредил его, что надо точно соблюдать все формальности, дабы не быть обвиненным по статье «развратные действия». Ребенок, появившийся на свет, должен был принадлежать исключительно супружеской паре. Письменное согласие обоих супругов на проведение Inseminatio artificialis предотвращало ситуацию, когда они могли бы обжаловать качества ребенка, а также само искусственное оплодотворение не могло рассматриваться в качестве повода для развода. Все упомянутые выше документы должны были храниться непосредственно у профессора Штатлера.

3. Искусственное оплодотворение незамужней женщины. Комментарии Конти в данном случае были предельно короткими. Оплодотворение в данной ситуации могло быть расценено как сводничество. По этой причине надо было соблюсти формальности, описанные во втором случае.

Невозможность медицинского лечения бесплодия использовалась всего лишь в качестве предлога для осуществления расово-демографической политики. Искусственное оплодотворение было первым шагом к практике государственного «управляемого размножения». В СС также занимались вопросами искусственного оплодотворения, но применение этой практики было решено отложить до окончания войны. Самому же Гиммлеру была более близка идея «естественного зачатия» при помощи упоминавшегося выше «зачинающего помощника». В этой области он решился на первые эксперименты. Это следует из того же самого протокола собрания докторов от 15 октября 1943 года. Из этого документа следует, что по приказу шефа РуСХА группенфюрера СС Хоффмана проводились не только консультации бесплодных пар. В Главном управлении СС по вопросам расы и поселений подбирали кандидатуры будущих «за-

чинающих помощников», а также занимались поиском незамужних женщин, которые были готовы прибегнуть к их услугам. Более того, Хоффман требовал, чтобы его подчиненные подыскали необходимое обоснование для существования института «зачинающих помощников». Подобно Гиммлеру, нечто подобное Хоффман намеревался искать в древнем германском праве. Впрочем, оставшийся неизвестным автор протокола собрания врачей отмечал, что поиск подобных исторических параллелей был заведомо безнадежным делом, и позволил себе вольность — посоветовал использование «зачинающих помощников» обосновывать «народно-политической необходимостью».

Дальнейшее обсуждение несколько обескуражило безымянного секретаря. «Опыты, которые проводились в данном направлении, вряд ли можно было назвать удачной затеей. В первую очередь подбирались мужчины и женщины, чья расовая и наследственная ценность была далека даже от среднестатистического уровня. Поколение, появившееся на свет от этих людей, вряд ли могло принести пользу государству. Кроме того, действительного успеха удалось достичь только в единичных случаях. Этот результат ни в коей мере не оправдывал затраченных сил и средств». Нет никаких сведений, что данный проект и далее развивался такими же большими темпами. Однако это отнюдь не значило, что попытки СС после этой экспериментальной неудачи были сведены на нет.

Если говорить о внебрачной национал-социалистской политике в целом, то в 1939—1945 годах она была сосредоточена на том, чтобы изменить само понятие нравственности. В СС разрабатывались планы упразднения традиционного института брака как устаревшей формальности. Гиммлер как-то заявил Керстену: «Лично я полагаю, что запрет моногамии будет естественным шагом в развитии нашего общества. Брак в его существующей форме — сатанинское достижение католической церкви; брачные законы сами по себе аморальны. Как мы видим из истории моногамии, женщины нередко думают: «Зачем мне так же заботиться о своей внешности, как до брака? Муж не может изменить мой статус, вне зависимости от того, удовлетворяю я его капризы и забочусь о нем или нет, одеваюсь ли так, как ему нравится, или нет, остаюсь ли я женщиной его мечты или нет». Но при бигамии каждая из жен будет служить примером для второй, так что каждая из них постарается быть женщиной мечты для своего мужа — не будет больше ни растрепанных волос, ни неряшливости. Образцами, стимулирующими их воображение, станут

для них идеальные женщины из искусства и кино. Тот факт, что мужчина вынужден провести всю свою жизнь с одной женой, во-первых, заставляет его изменять ей, а затем превращает его в лицемера, когда он пытается скрыть свои грехи. Итог — охлаждение в отношениях супругов. Они избегают объятий друг друга, и в результате у них нет детей. Это — причина, почему на свет не появляются миллионы детей, в которых так нуждается государство. С другой стороны, мужчина, как бы он этого ни хотел, никогда не осмелится прижить детей от женщины, с которой заводит связь, лишь потому, что это запрещено моралью среднего класса. Опять же, в проигрыше оказывается государство, потому что и вторая женщина остается бездетной».

В годы войны для эсэсовского и нацистского партийного руководства вообще не имело значения, родились ли дети в браке или нет. Идеология самосохранения собственной расы требовала лишь одного — чтобы дети появлялись в достаточном количестве. Политика в сфере народонаселения больше не осуществлялась при помощи косвенных мер, например экономического стимулирования. Радикальная нацистская демографическая политика предполагала наличие «новой морали» и «новой нравственности». Старшие поколения вряд ли могли ее воспринять, но выращенная в Третьем рейхе молодежь должна была стать ее носительницей. Человеческая селекция стала краеугольным камнем устремленного в тысячелетия Третьего рейха.

КУЛЬТИВИРОВАНИЕ МИФА

ЧАСТЬ 5

РАСОВЫЙ ИДЕАЛИЗМ ПРИ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

ЗАНЯТИЯ ПО БИОЛОГИИ – ОСНОВА РАСОВОЙ ИНДОКТРИНАЦИИ

В «Майн кампф» Гитлер писал об обучении в школе: «Вопрос о здоровом национальном сознании народа есть в первую очередь вопрос о создании здоровых социальных отношений как фундамента для правильного воспитания индивидуума. Ибо только тот, кто через воспитание в школе познакомился с культурным, хозяйственным и прежде всего политическим величием собственного отечества, сможет проникнуться внутренней гордостью по поводу того, что он принадлежит к данному народу. Под этим углом зрения мы должны перестроить все учебные программы и постепенно реорганизовать дело воспитания так, чтобы наш молодой человек, заканчивая школу, выходил из нее не полупацифистом, демократом и т. п., а настоящим немцем».

Проблему воспитания Гитлер видел не только как вопрос формирования души. Он ставил и задачу развития тела, что относилось не только к физическим, но и к расовым качествам молодежи. «Наше государство должно поставить все дело воспитания так, чтобы суметь вырастить поколение, которое действительно окажется на высоте предстоящих задач. Победа достанется тому народу, кто первый сумеет встать на этот путь. Венец всех задач нашей постановки воспитания должен заключаться в том, чтобы со всей отчетливостью поставить перед молодежью в первую очередь проблему расы. И умом, и чувством наша молодежь должна понять, что это — главная из главных и центральная из центральных проблем. Ни один юноша и ни одна девушка не должны покидать стен школы, не поняв до конца, какое гигантское решающее значение имеет вопрос о чистоте крови. Только так создадим мы основы расового возрождения нашего народа. Только на этих путях выкуем мы все предпо-

Урок в начальной школе

сылки нашего дальнейшего культурного развития. Ибо мы должны помнить, что все физическое и умственное воспитание в конечном счете может быть полезно лишь для тех людей, кто понял принципиальную важность расовой проблемы и готов действительно сделать все необходимое для сохранения чистоты расы».

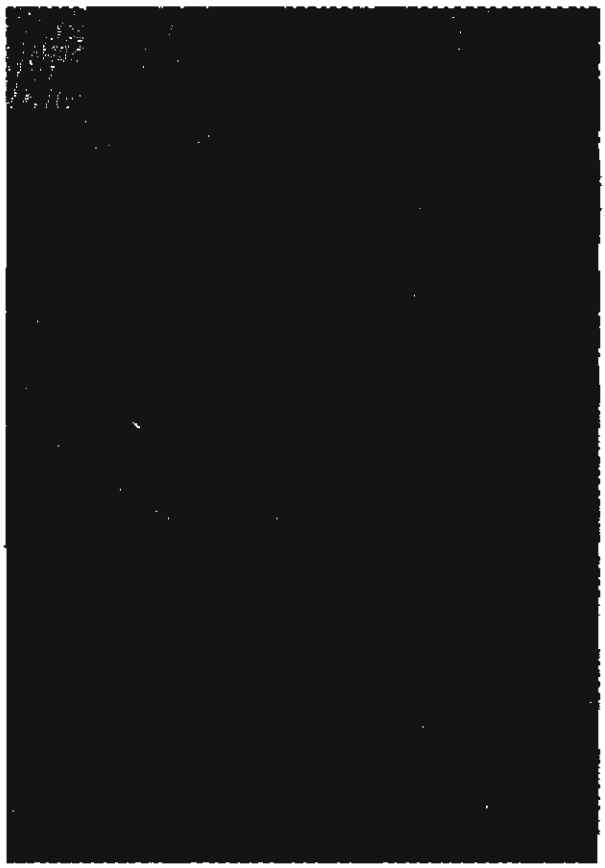
С того момента, когда пришедшие к власти национал-социалисты стали требовать вынесения «расового вопроса» и «проблемы чистоты крови» на первый план, школьные занятия по биологии претерпели весьма существенное изменение. Акцент в них был сделан на наследственность и расовое учение.

Преобразование школьных программ по биологии осуществлялось силами Национал-социалистского союза немецких учителей («Лерербунда») и Немецкого союза биологов. Изменение школьной программы шло в два этапа. Первый шаг касался отдельных аспектов школьного образования, в частности введения в программу занятий расового учения. Данному шагу предшествовали приказы Имперского министерства образования. Второй шаг предусматривал разработку конкретных директив и заново сформированных школьных программ, что, по сути, стало происходить только в 1938 году.

До появления в 1938—1939 годах специально утвержденных учебных программ «расовый компонент» вводился в школьные занятия министерскими указами. Когда нацисты пришли к власти, в школах действовали учебные планы, утвержденные еще в 1925 году. Поскольку нацистская унификация школы затянулась на несколько лет (чего нельзя было сказать о других областях общественной жизни Германии), то единственным подспорьем для учителей были короткие определения, данные новыми властями.

13 сентября 1933 года Бернхард Руст, министр науки, искусства и народного образования Пруссии, издал следующий приказ: «Знание основополагающих биологических сведений и их применение на примере отдельного человека являются необходимой предпо-

сылкой для обновления нашего народа. Ни один ученик, ни одна ученица не могут выйти во взрослую жизнь, не обладая этими фундаментальными знаниями. Поэтому вплоть до окончательного урегулирования программ учебных занятий я предписываю:



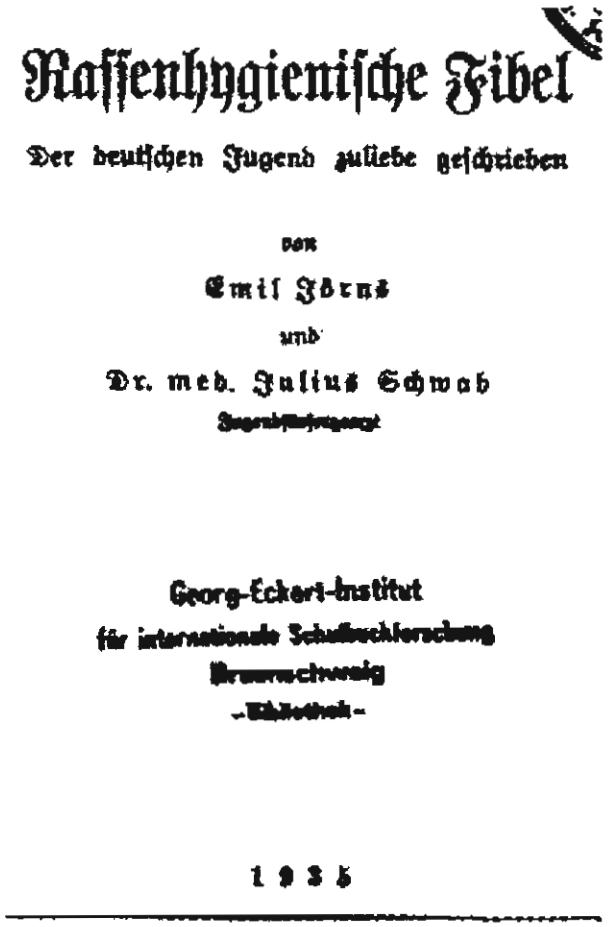
Обложка учебного пособия по расоведению и наследственной биологии для учителей

1. В выпускных классах всех школ, а также в 9 классах классических учебных заведений безотлагательно приступить к преподаванию основ таких предметов, как генетика, расовое учение, расовая гигиена и демографическая политика. При этом за основу для преподавания этих дисциплин должна браться биология, занятия по которой должны занимать не менее трех учебных часов в неделю. В случае плотного расписания эти учебные часы должны быть выделены за счет занятий по математике и иностранным языкам. Однако в силу того, что биологическое мышление должно стать основополагающим принципом для всех остальных учебных предметов, то отчасти принципы указанных выше дисциплин должны освещаться на занятиях по немецкому языку, истории и географии. При этом соответствующие учителя должны координировать свою учебную программу с преподавателями биологии.

2. Проверки знаний этих материалов являются обязательными для всех учеников. От данных проверок никто не может быть освобожден.

3. Я оставляю за собой право либо лично, либо через особых уполномоченных проверить качество этих знаний у заканчивающих и получающих аттестат зрелости учеников. В случае если знания окажутся недостаточными, то весь выпуск должен будет вновь пройти данный курс.

4. Данное распоряжение вступает в силу с 1 октября 1933 года».



Обложка школьного пособия по расовой гигиене

Как видим, основным требованием этого приказа являлось воспитание «биологического мышления». Причем занятия по биологии в этом процессе должны были играть центральную роль. На них школьники должны были получить коктейль из основ генетики, расового учения, расовой гигиены и принципов нацистской демографии. Формирование «биологического мышления» могло идти даже в ущерб историческим и географическим знаниям. Серьезность данной установки подчеркивалась, когда говорилось о выборочной проверке выпускников.

Поскольку на тот момент не было принято специальных школьных программ, то было принято решение издать в помощь учителям специальное пособие. Таковым стала книга Пауля Бромера «Преподавание биологии и народное образование». Чтобы нагляднее показать связь занятий по биологии с новой расовой доктриной, приведем отрывок из нее:

«Как случилось, что теория Дарвина вызвала столь много противоречивых толкований, перешедших в самую настоящую перебранку? Его коллеги-биологи стали вскоре подчеркивать одну из отрицательных сторон закона о наследственности... Первоначальный успех теории связывался с тем фактом, что происходящее в природе было сведено к простейшей формулировке, объяснявшей буквально все... В дополнение к этому отмечалось стремление к механическому объяснению происходивших явлений, выразившееся в философии позитивизма. Собственно говоря, теория Дарвина — механистическая...

С педагогической точки зрения перед школой встает задача насаждения в ходе изучения биологии как предмета народного мнения и воли, в противовес дарвиновским идеям, поскольку эти идеи

не служат педагогическим целям. Их толкование носит международный характер, так как они охватывают все страны мира, основываясь на якобы вытекающих из них законах. В имеющейся литературе по этому вопросу рассматриваются чуждые нам животные и растения, а селекция производится на базе отдаленных от нас местностей, основывается на мимикрии, защитной окраске и адаптации. В результате наши студенты получают познания об индийской пищевой моли, присасывающихся насекомых, липких листьях и тому подобном, но не о паразитах, уничтожающих плоды в наших садах и наносящих огромный урон нашему сельскому хозяйству. Студенты знакомятся с австралийскими сумчатыми, но не имеют представления о животных и растениях, встречающихся в наших лесах и полях.

Такие знания полезны для исследователей, но не для людей, не являющихся экспертами в области биологии. Нет никакого преувеличения в утверждении, что большинство вопросов, изучаемых в биологии, далеки от жизни, от нашей родины и народа. Причина такого состояния дел в изучении биологии заключается главным образом в том, что, следуя тенденциям времени, идеи Дарвина стали основополагающими и в наших школах...

Включение физиологической точки зрения в изучение биологии ведет к специфической технической процедуре, к разработке и усовершенствованию этого школьного предмета с учетом имеющегося опыта. В этом плане за прошедшие несколько лет сделан значительный шаг вперед. Однако основная проблема заключается не в этом, и речь идет не столько об улучшении учебного процесса, сколько о необходимости трансформации самого вопроса и переориентации на новую концепцию природы. Прежде всего в обучение должна быть введена физиология, которую не следует истолковывать как нечто второстепенное. С самого начала школьникам необходимо давать общую концепцию предмета, но только не энциклопедического толка. Они должны понимать, что за отдельными моментами стоит целое. Возьмем, например, эксперимент, демонстрирующий действие слюны на сахар. Факт этот интересен не только сам по себе, ведь он показывает процесс, обеспечивающий сохранность всего организма. Или рассмотрим феномен зрения: глаз сам по себе не дает реального ощущения окружающей среды, но вызывает взаимодействие различных органов человека. В результате этого зрительное восприятие обеспечивается всем организмом.

Немецкие школьницы изучают распространение расовых типов в Европе

Эти примеры показывают, каким образом физиология влияет на целое: во-первых, путем задействования всего организма и, во-вторых, за счет обеспечения заданного в целом. Таким образом, подтверждается концепция о том, что любое свершение планируется как часть общего достижения и что при этом функционирует весь организм, в котором все происходящее регулируется. Если мы ознакомим ученика с такой концепцией природы на ряде конкретных примеров, то вооружим его современным методом наблюдения и создадим базу органичного народного мышления. Естественно, подобное должно быть сделано и в других учебных предметах...

Значение физиологических идей в процессе изучения ботаники и зоологии подчеркивается введением такого предмета, как антропология. Физиологические процессы, происходящие в растениях и животных, с которыми знакомятся школьники, способствуют пониманию ими соответствующих процессов в людях. Изучение антропологии помогает обучению вопросам гигиены и рациональному образу жизни. Индивидуальная гигиена является необходимым условием для расовой гигиены, что особенно важно. Следовательно, изучение физиологии должно быть обязательно связано с этой проблемой. Это даст успех только при тотальном взгляде на суть вопроса и должно быть распространено на изучение всех аспектов биологии.

Концепция целостного взгляда на суть вопроса наиболее отчетливо прослеживается при изучении растительного и животного мира... Эта идея была понята и применена многими методистами как основной принцип организации дела. Но и это еще не все. За ней стоит отрицание устаревшей тенденции исследования, отыскание подходящих методов изучения предмета и формулирования национальных подходов в целях обнаружения внутренних связей в явлениях жизни. Метаболические изменения в тесных биотических сообществах свидетельствуют о развитии природы, и когда мы придем

к пониманию того, что весь мир есть не что иное, как живое пространство для одного биотического сообщества, мы сможем открыть определяющие взаимосвязи и создать концепцию природы, не противоречащую религии, что вполне возможно при чисто механистическом подходе.

Сказанное соответствует духу народного образования. На основе разработки законов биологии мы сможем перейти к рассмотрению эмоциональной жизни школьника: он должен видеть в Германии свое собственное «жизненное пространство» и ощущать себя звеном германского биотического сообщества, связанного с его судьбой. Более того, он должен воспринимать всех немцев как своих родственников по крови, как братьев. Если мы достигнем этой цели, партии и классовые различия отпадут. Вместе с тем в смысле гражданственности будет сделано гораздо больше, чем при изучении правительственных и административных распоряжений.

Поскольку теория биотического сообщества играет важную роль в приобретении биологических знаний и приобщении учеников к органичному народному мышлению, необходимо, чтобы она была положена в основу учебного плана в школах. Выходя на открытое пространство, мы всегда проходим мимо животных и растений в их специфической жизненной среде, в которой они образуют биотические сообщества. И это не механическая система, требующая естественного приспособления организмов, а реальная жизненная среда. Эта жизненная среда представляет собой не только внешние границы размещения сообщества, но и связывает ее обитателей друг с другом. Тот, кто при изучении концепции биотического сообщества будет исходить только из организационного принципа, не проникнет в глубину значения биономики. Он окажется перед глубоким водоемом, но не сможет ничего почерпнуть из него, хотя его спутники и будут изнывать от жажды. Таким образом, вопрос заключается в способности открыть школьникам народные ценности.

В то же время возникают дидактические моменты, которые нельзя упускать из виду. Прежде всего, следует предусмотреть, чтобы преподаватель при ознакомлении учеников с концепцией живого сообщества регулярно водил их на экскурсии за пределы школы, на природу, — для сбора наблюдений и их последующей оценки. Это будет ознакомление школьников с реальной жизнью, а не приобретение знаний, изучая «скелеты животных и их кости». «Музейной» биологии не место в школьной программе, которую мы наме-

реваемся разработать. На первое место должно выйти ознакомление учащихся с реальной жизнью. Вместе с тем такие занятия должны служить дополнением, но не источником формирования взглядов.

Поэтому недостаточно совершить экскурсию в биотическое сообщество, скажем, в ближайший лесок. Да и делать это надо не чаще одного раза в сезон. Сколь разительным будет эффект, который произведет на нас тот же лесок ранней весной, когда земля покрыта ковром анемонов и других цветов, и в середине лета при преобладании мистических полутеней, когда стволы деревьев выглядят, как колонны в соборе. Тот, кто вдыхает атмосферу окружающей природы, проникаясь ее сущностью, начинает любить свою родину и желает подъема и благополучия, в котором он и сам может принять участие, используя концепцию биотического сообщества. А самое главное — знания школьников не ограничатся только биологией, они будут включать в себя знание родной страны.

Подобные вылазки в биотическое сообщество необходимо совершать, как мы уже отмечали, неоднократно, чтобы уметь замечать происходящие в нем метаболические изменения. Сезонные изменения организма играют значительную роль в метаболизме. Отсюда проистекают важные методологические выводы. Большинству школ предоставляется возможность ознакомления в течение учебного года с разными видами биотического сообщества, благодаря чему расширяются познания жизненного пространства и его обитателей. Жизнь-то ведь разнообразна. Исходя из моего собственного опыта, в течение одного только года можно без больших усилий ознакомить школьников с тремя, а то и с четырьмя биотическими сообществами, придавая, однако, большее внимание одному из них. При этом целесообразно производить знакомство сразу с несколькими биотическими сообществами, чтобы хватило времени на сезонные вылазки.

В результате летний период может быть использован в большей степени для сбора информации и наблюдений, тогда как зима более удобна для подведения итогов...

Исходя из культурных соображений, следует внести еще одно изменение в преподавание биологии. В обычной литературе антропология рассматривается как дополнение к биологии. Человек описывается в этих книгах более подробно, чем остальные млекопитающие, но с той же точки зрения. Единственное различие заключается в том, что на основе знания структуры и функционирования различных органов даются рекомендации по сохранению здоровья,

в результате чего изучение антропологии является руководством для интеллигентного образа жизни.

И все же получаемые знания остаются просто знаниями, ничего не добавляя к интеллектуальной или религиозной культуре учащихся... Более того, эти знания должны быть обогащены сведениями особого характера, поскольку немец обязан думать не только о себе самом, но и о службе народу.

Наша цель состоит в том, чтобы сделать человека не только объектом изучения природы, но и субъектом ее биологического рассмотрения. Точнее, каждый человек должен обладать определенным объемом знаний о структуре и функциях «различных систем своего организма», а также знать, как сохранять здоровье. Поэтому следует приветствовать методологическую установку на изучение *антропологии, предшествующее* изучению биологии. Аналогично и в зоологии вполне возможно рассмотрение таких аспектов, как пищеварение, дыхание и тому подобное, с последующим переносом их в антропологию. Ботаника также предоставляет большие возможности для подготовки к изучению антропологии... Вместе с тем на занятиях по биологии необходимо постоянно рассматривать место человека в природе, проводя дискуссии по этой теме. Сделать это можно довольно просто, взяв за основу биотическое сообщество. Лучше всего начинать с темы «Дом и семья», где человек предстает как хозяин, который заводит животных и растения для собственных целей или для удовольствия. Он предоставляет им укрытие, пищу и заботится о них, обеспечивает их размножение и саму жизнь. Без него большинство домашних животных и растений на приусадебном участке погибнут. Таким образом можно показать простейшее отношение человека к природе, его стремление управлять природой, соединение утилитаризма с радостью в восприятии красот природы и любви к ней. Подобные собеседования можно проводить при изучении биотических сообществ в садах, на полях и лугах.

Проведение «антропологической идеи» при изучении биологии, на мой взгляд, вернет нас к антропоцентрической точке зрения, которая часто подвергалась нападкам, а вместе с тем придаст педагогике утилитарный характер. Чаще, чем раньше, будут обсуждаться домашние животные, полезные растения и их паразиты, и вся евгеника с позиций индивидуума и расы. Антропоцентрика утверждает, что природа создана исключительно для человека. Мы же решительно отвергаем такую постановку вопроса, считая в своей концеп-

Обложка школьного учебника «Занятия по народной биологии»

ции, что человек является только звеном в цепи живой природы, как и любой другой организм. С другой стороны, непреложным фактом является и то, что человек стал ее хозяином и намерен расширить свое влияние на нее. Изучение естественной истории поможет это уяснить.

Основной задачей преподавания является не получение учениками теоретических знаний, а привитие им радости от общения с природой, любви к родной земле и стране, а также достижение практических целей. Кое-кто может назвать такой подход утилитарной педагогикой. Мы считаем большой ошибкой, если биология не занимается проблемами сельского хозяйства, лесоводства, садоводства и рыболовства, да и вообще вопросами практической жизни нашего народа. Школа — не исследовательская лаборатория, а институт, цель которого — дать образование немцам, чтобы они заняли со временем соответствующие посты. Мы должны отойти от односторонней утилитарной точки зрения на педагогику и приблизить ее к жизни.

Наиболее важной, как мне кажется, задачей изучения биологии является ориентация ее на концепцию биотических сообществ. Но она должна базироваться на другой идее. Как мы уже говорили, основная задача учебной концепции — внушить ученикам, что Германия является их жизненным пространством, с которым они кровно связаны. Мы показали довольно подробно, что биономический подход к этому вопросу учит: организмы, находящиеся в одном жизненном пространстве, зависят друг от друга, а каждое звено должно неуклонно выполнять свою функцию. Если это поймет все человеческое сообщество, если любой немец будет чувствовать себя звеном биотического сообщества и воспримет идею кровного родства всех немцев, то классовые различия и классовая ненависть не станут более принимать ту острую форму, как это имело место в

прошлом, вследствие неправильного понимания связей, объединяющих все сословия. Как только каждый немец станет воспринимать Германию в качестве своего жизненного пространства и чувствовать себя звеном в биотическом сообществе, он осознает, что любой индивидуум в этом метаболическом сообществе должен выполнять стоящую непосредственно перед ним важную задачу. Такой надындивидуалистический подход обеспечит наилучшие условия для гражданственности. Наиболее полно это осуществится, когда понимание перейдет в действие.

Обложка школьного учебника по биологии, которой нацисты придавали огромное значение

Расовая евгеника работает в этом же направлении в деле обучения школьников на национальной основе. Хотя эта тематика затрагивает биологию как предмет в самом конце обучения, необходимо, чтобы концепцией были охвачены все типы школ, не ограничиваясь дискуссиями по антропологии. При этом следует неоднократно повторять, что биологические законы, обязательные для животных и растений, касаются и человека. Так, например, знания генетики этих организмов могут быть в общих чертах применены к человеку. Следовательно, изучение размножения животных и культивации растений подводит к концепции расовой биологии. Естественно, более углубленное обсуждение этих вопросов целесообразно проводить при изучении антропологии.

Дело не в том, чтобы школьники обладали знаниями по всем вопросам евгеники, достаточно, если они будут знать ее мотивацию. Расовая евгеника представляет большую ценность для школ благодаря своему образовательному смыслу. Если идеология биотического сообщества вырабатывает чувство принадлежности к народу и государству, то расовая евгеника способствует проявлению воли к борьбе за процветание и здоровье биотического сообщества.

Одновременно целесообразно проведение дискуссий о семье и необходимости ее укрепления с биологической точки зрения, что, к сожалению, многие современные педагоги упускают из виду. Семья, в конце концов, представляет собой самое маленькое биотическое сообщество, поскольку образует зачаточную ячейку государства. Если мы будем рассматривать такие вопросы, как индивидуальная гигиена и расовая евгеника, генетика и секс, в единой концепции, то наши усилия увенчаются успехом. При проведении дискуссий о семье мы озабочены не столько расширением знаний школьников, сколько привитием им чувства ответственности, с тем чтобы они стали понимать глубинное значение человеческой жизни и необходимости продолжения рода, а также передачи наследственности, полученной ими от предков (смешение рас отрицательно скажется на потомстве).

Таковы соображения, касающиеся этнологии немецкого народа. Если что и подлежит дискуссии, так это то, когда конкретно необходимо осуществлять эти нововведения. Как мы показали, такой переход уже подготовлен изучением зоологии и ботаники, к которому добавится изучение антропологии.

Небольшое замечание по вопросу этнологии: знание физических и духовных особенностей отдельной расы не слишком-то ценно, если не приводит к осознанию необходимости борьбы против ухудшения расовых ценностей германской нации и не вызывает у школьников убежденности в том, что сам факт принадлежности к немецкой расе означает повышенную ответственность...

Методы преподавания расовой евгеники будут зависеть от типов школ. Даже простейшие деревенские школы не должны уходить от этой проблемы. Разница будет заключаться в том, что тамошние школьники будут иметь большие познания в области размножения животных и культивации растений. Поэтому простейшие законы наследственности могут быть сформулированы без особых трудностей и без проведения исследований клетки и применения теории хромосом. Дети знакомы с симптомами дегенерации животных и растений, следовательно, им нетрудно найти признаки дегенерации и у людей. Но это обусловливает необходимость введения расовой евгеники в школьные программы по зоологии и ботанике. Эти идеи при удобных случаях могут быть затронуты и на занятиях по географии и истории и рассмотрены полностью на уроках антропологии. Ни один ученик даже начальных школ не должен заканчивать свое обучение, не осознав, что и на него ложится часть ответственности

за будущее отечества, что он является лишь звеном в цепи предков и потомков, основой новых поколений. В средних школах расовой евгенике может быть посвящено больше времени: ученики старших классов более зрелые, чем ребятишки в начальной школе. Но и здесь необходима предварительная подготовка к восприятию этой теории на занятиях по зоологии и ботанике. Да и в преподавание истории следует вносить элементы расовой евгеники, поскольку, как известно, современные историки пришли к выводу, что крах античного мира произошел вследствие смешения рас...

При рассмотрении вопросов семьи, расы и евгеники целесообразно с методологической точки зрения добиваться высокой активности учащихся в ходе занятий. В частности, можно предложить им составить свое генеалогическое древо, насколько это возможно. В дополнение преподаватель может задать вопросы о физической характеристике родителей и предков (рост, фигура, форма головы и лица, цвет волос и глаз, форма носа и тому подобное), об их интеллектуальных и характерологических особенностях и проявлениях (например, отвага на войне, научные и литературные публикации, музыкальные композиции и так далее), продолжительности жизни и причине смерти, деформациях и наследственных отклонениях, количестве детей у родителей. В такого рода информации ученики будут непременно заинтересованы. Однако при рассмотрении вопроса о наследственных нарушениях преподаватель должен быть очень осторожным, чтобы не вызвать у ученика чувства неполноценности и даже опасения. Излишне говорить, что в этих вопросах следует соблюдать определенную конфиденциальность. В каждом классе можно использовать подобный дополнительный материал, который послужит основой преподавания в вышеупомянутом плане».

15 января 1935 года приказ, отданный Бернхардом Рустом, который до этого имел силу только для прусских школ, был распространен на все средние и старшие школы Третьего рейха. С одной стороны, это было связано с централизацией и унификацией школьного дела. С другой стороны, Руст заявил, что расовая гигиена и расовое учение могут содействовать формированию у школьников «политической воли». Именно с этого момента стали появляться специальные пособия для учащихся. Одним из первых стал учебник Якоба Графа «Учение о семье и расовая биология». Акцент в нем делался на вопросах наследственности. Что же преподносили немецким детям национал-социалистские учителя?

Практическое изучение школьников на предмет их расовой принадлежности

«Во 2-м тысячелетии до нашей эры арийцы (нордическая раса) овладели Индией и создали там арийскую культуру. Вместе с тем они заложили основы усиления и процветания Персидской империи. Античная эллинская культура наложила свой отпечаток на нордических иммигрантов. Рисунки, дошедшие до нас, а также описания того периода свидетельствуют, что эллины, пока поддерживали чистоту своей расы, были людьми высокого роста со светлым цветом лица, светлыми глазами и волосами.

Римская империя была основана италийцами, потомками кельтов. С исчезновением нордического компонента — имеется в виду нордическая кровь — могущественная империя потерпела крах.

В жилах готов, франков, вандалов и норманнов текла нордическая кровь. Ренессанс охватил только западную часть Римской империи, не коснувшись ее восточных составных частей, так как на западе нордическая кровь в лице лангобардов стала созидательной силой. Остатки западных готов образовали Испанскую империю.

Распространение христианства в Северной и Западной Европе было поддержано нордическими племенами. Представители нордической расы, стремившиеся к духовной свободе, играли ведущую роль в Реформации.

Нордическая энергия и целеустремленность характерны для престижа таких небольших народностей, как голландцы и шведы.

Школьников с детства учили определять идеальный расовый тип

Потомки северных франков, готов и германцев основали мощную и великую Францию, и даже Российская империя была создана норманнами. Открытие Северной Америки, Южной Африки и Австралии принадлежит англосаксам — потомкам саксов и норманнов. Повсюду нордическая созидательная сила создавала мощные империи с высокими идеалами, и к настоящему времени арийские языки и культурные ценности разбросаны в различных частях мира, хотя созидательная нордическая кровь во многих местах уже практически перевелась. Этнологические исторические исследования доказывают, что нордическая раса дала миру гораздо больше высокоталантливых представителей человечества, чем любая другая.

Нордические смелость и мужество являются не только непременным условием поддержания воинственности народов нордического происхождения, но и предпосылкой для выработки новых великих идей.

КАК НАУЧИТЬСЯ РАСПОЗНАВАТЬ РАСОВУЮ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Необходимые условия:

1. Получите представление о духовных характеристиках различных рас.

2. Подберите в качестве иллюстраций этнологические примеры из документов, преданий и поэзии. Затем подчеркните места, в которых описываются тип и образ духовного выражения.

3. Выясните, каковы могут быть выражения лица, жесты и движения, позволяющие сделать вывод о характере расовой духовности?

4. Определите физические характеристики, тесно связанные со специфической расовой духовностью отдельной личности.

5. Попробуйте определить присущий отдельным личностям характер расовой духовности на примерах, взятых из преданий и поэтических творений, на предмет вскрытия ее внутренней сущности. Понаблюдайте за людьми в своем собственном окружении.

6. Сделайте подборку пропагандистских плакатов и карикатур по расовой схеме. Какое представление красоты подчеркивается: а) в публикациях о спорте и путешествиях и б) в косметической рекламе? Как изображены охотники, скалолазы, пастухи?

7. Соберите вырезки из иллюстрированных журналов, газет и других публикаций с фотографиями крупных ученых, государственных деятелей, артистов, художников и других выдающихся лиц (в области экономической жизни, политики, спорта). Определите их расовую принадлежность и примесь, исходя из физических данных. Проделайте то же самое с изображениями великих людей различных национальностей и времен.

8. Рассматривая монументы, памятники и бюсты, обращайте внимание на расу изображенных личностей, исходя из их облика, происхождения и физических характеристик. Попытайтесь согласовать все это с их расовой духовностью.

9. Внимательно присматривайтесь к людям, расовые особенности которых привлекли ваше внимание, — на их поведение, манеру движения и разговор, их выражения и жесты.

10. Присмотритесь к евреям: как они ходят, каково их поведение, жесты и движения во время разговора.

11. Что вам бросается в глаза, когда еврей говорит или поет?

12. Чем занимаются евреи из числа ваших знакомых?

13. В каких профессиях евреи заняты не бывают? Попытайтесь объяснить это обстоятельство характером еврейской души.

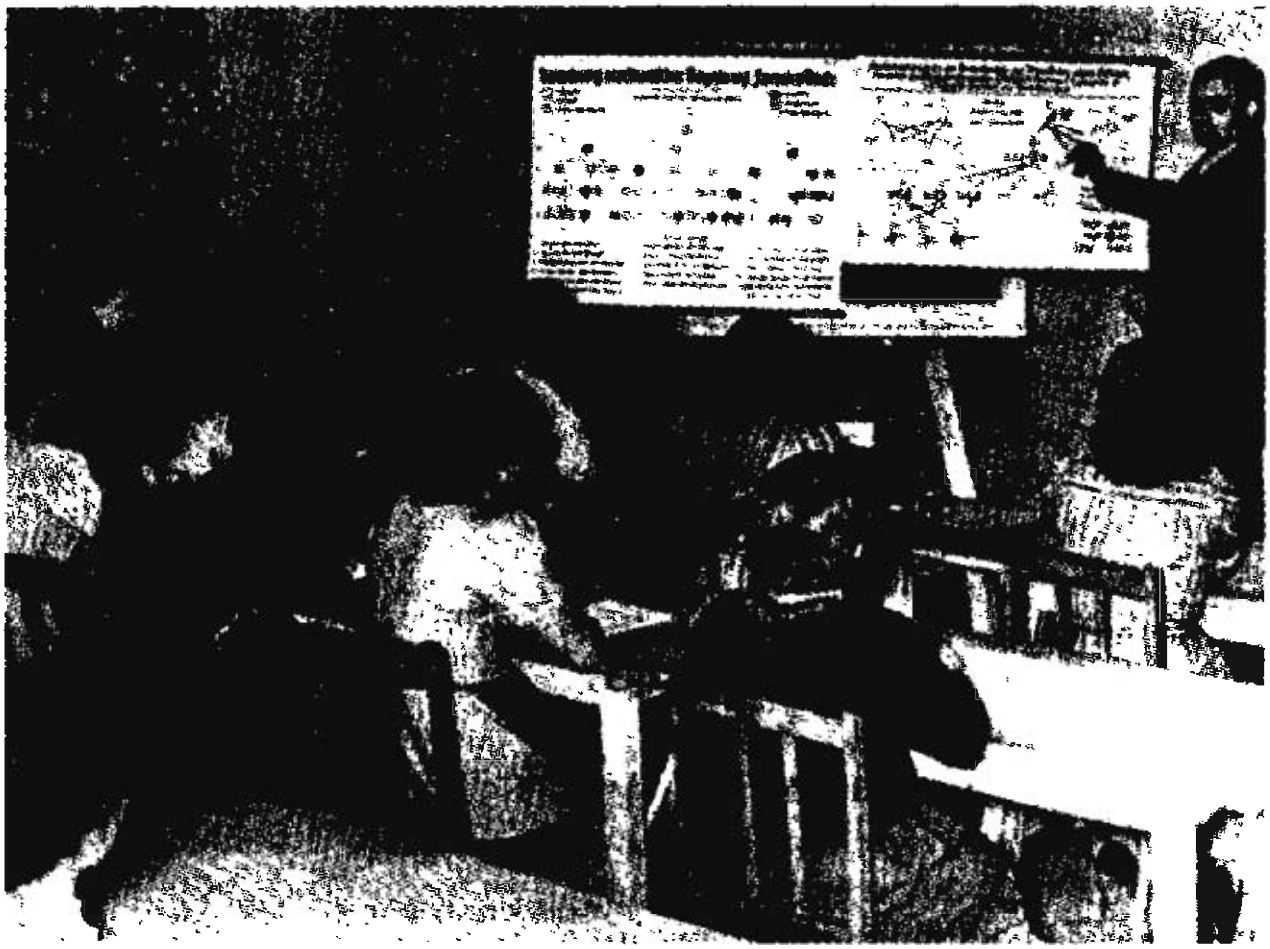
14. В каких преданиях, описаниях и поэмах вы нашли физические характеристики евреев (кроме сказки братьев Гримм «Еврей в колючках», «Дебета и кредита» Густава Фрайтага, «Голодного пас-

тора» Вильгельма Раабе, «Венецианского купца» Шекспира)? Приведите еще примеры».

Появление в школьных предметах расового учения по времени совпадало с «борьбой против национальной дегенерации». Новые предметы как бы дополняли общий комплекс мер, в частности принятие закона о наследственных заболеваниях и введения квот для евреев на посещение школы. Все это было разными гранями нового евгенического проекта. Но на ранней стадии укрепления нацистской диктатуры не существовало единых критериев и программ, что придавало процессу воспитания «биологического мышления» черты некоего учительского произвола.

Нацистская педагогика в действии – школьники помечают дома, в которых живут евреи

Следующий важный министерский приказ был принят 1 августа 1938 года. В нем говорилось: «Школа должна заботиться о национально-политическом воспитании с той целью, чтобы ученики во время своего школьного обучения привыкли чувствовать себя составной частью рода, к которому они принадлежат. Для достижения этой цели их надо приучить самостоятельно заполнять свои семейные родословные. Навыки этого надо прививать уже в начальной и средней школе. Надо предусмотреть возможность, чтобы каждый что-то мог сказать о своей семье. При этом надо обращать внимание на то, чтобы дети указывали на здоровые, а не болезненные явления в своем роду и семье». То есть наследственные болезни должны были восприниматься как отрицательные свойства, которые подтачивали «родословное древо». «Здоровые» предки, напротив, должны были считаться идеалом, к которому должен был стремиться каждый немецкий человек. Школьникам должна была прививаться мысль о том, что наследственное здоровье каждого отдельного человека являлось общенациональным делом.



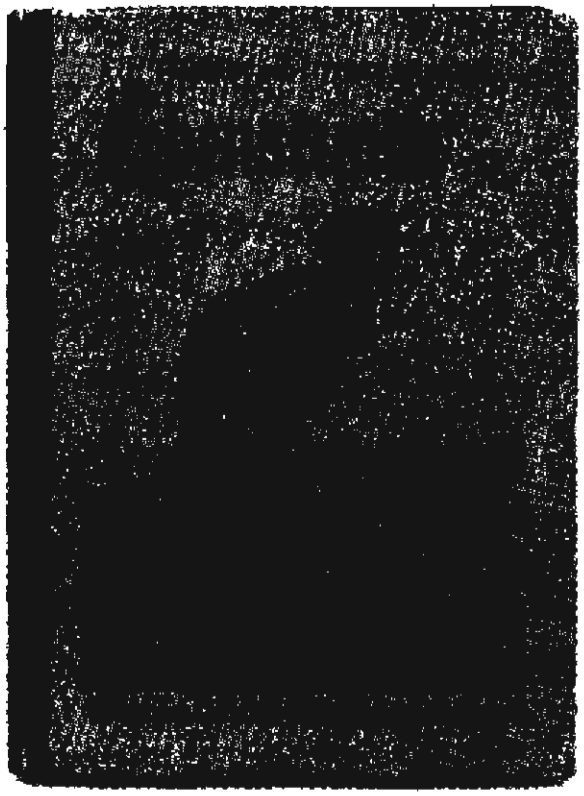
Занятия по расовой гигиене в школе

Вряд ли имеет смысл продолжать перечисление и цитирование учебных пособий и программ по биологии, в которых делался акцент на расологии и расовой гигиене.

В директивах и учебных программах для общеобразовательных школ, сформулированных в 1939 году, общей учебной целью считалось воспитание немецкой молодежи «для полного предоставления себя на службу фюреру и народному сообществу». Целью же занятий по биологии была попытка согласовать национал-социалистское мировоззрение и законы природы, сделав акцент на расовой гигиене и необходимости сохранения в чистоте собственной расы. Политическая индоктринация усиливалась прежде всего в старших школьных классах, когда идеологические темы превалировали над сугубо учебными. В учебных программах старшей школы подчеркивалась «исключительная мировоззренческая значимость занятий по биологии».

Упомянутый выше указ был несколько расширен и конкретизирован указом «О наследственном учении и расовой теории в рамках школьных занятий» от 15 января 1935 года. Его добавлял принятый

министерством воспитания, науки и народного образования «Перечень учебных средств по наследственному учению, наследственному здоровью, расовой теории и демографической политике». Эти документы предписывали сделать упор в ходе соответствующих занятий на учение о семье с целью «усиления воли к расово сознательному семейному долгу». Говоря о демографической политике, подчеркивались значимость увеличения рождаемости и проблемы эмиграции. Как отмечалось выше, расовая теория была стержнем не только биологии, но и истории, географии, немецкого языка, литературы, рисования и даже пения. Занятия по истории преподносили все исторические события с точки зрения развития и борьбы нордической расы, снабжая обильными цитатами из Розенберга. Это предопределило тот факт, что, вопреки национал-социалистским пропагандистским штампам о значении народа, занятия по истории воспитывали презрение к «массе», чье значение в историческом процессе сводилось фактически к нулю. Значение расового мышления для формирования исторических знаний по истории подчеркивалось также «Предписанием имперского министерства для занятий по истории». Этот документ определял единый тип занятий по истории.



Обложка учебника по «Жизневедению», в основу которого была заложена расовая гигиена

Биологичность была отличительной чертой всей расовой политики в Третьем рейхе. В некоторой мере для этого имеются объяснения. Появление эволюционной теории Дарвина поставило под сомнение христианское учение о божественном творении человека. Человек потерял свое привилегированное положение в мире, он стал всего лишь продуктом эволюции. С одной стороны, подобный уклон в биологию был присущ официальным установкам национал-социалистского государства. Теории Ганса Гюнтера были лишены

каких-либо мифических составляющих, столь присущих работам ариософов.

Писатель Людвиг Хариг в свое время был слушателем педагогического училища в Идштайне. Он вспоминает о новациях в педагогике: «Учителям вменялось в обязанность готовить детей к тому, что в случае войны они должны сражаться с врагами, проявлять храбрость и самопожертвование, чтобы однажды превратиться в повелителей Европы и всего мира. Гнев немцев должен быть направлен против всего, что не является немецким».

Что можно считать «немецким», зависит от «расового происхождения». Тот, кто не отвечает критериям туманной расовой науки, никогда не будет своим. Учителя гитлерюгенда в первую очередь должны были озаботиться проблемой пробуждения в детях «истинного расового чувства». Как уже отмечалось выше, Гитлер требовал: «Ни один мальчик и ни одна девочка не покинут школу, не получив знаний о сущности и необходимости такого понятия, как чистота крови». Для того чтобы учителя понимали предмет преподавания, был издан труд «Еврейский вопрос на учебных занятиях». В нем недвусмысленно утверждалось: «Расовый и еврейский вопрос есть центральная проблема национал-социалистского мировоззрения. Решение этой проблемы будет гарантией для существования национал-социализма и нашего народа на вечные времена».

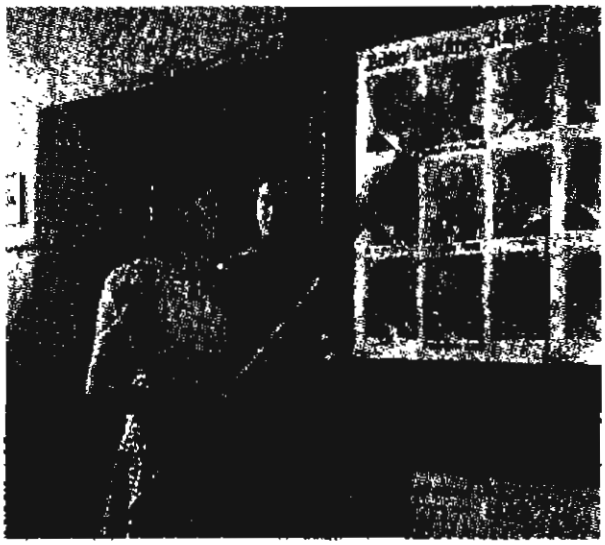
Каким образом преподавался «еврейский вопрос» детям? Давалась следующая рекомендация: «Чем естественнее и проще излагается материал, тем лучше он будет усвоен. В качестве введения можно прибегнуть к примерам из естествознания...» Далее следовали аргументы: в животном мире виды зверей не смешиваются. Никогда олень не возглавит стадо серн, а самец-скворец выберет себе самку-скворчиху. «Животные одного вида тянутся друг к другу и воспроизводят тот же самый вид. И только там, где человек вмешивается в природу и искусственно скрещивает животных, получаются помеси, ублюдки и ненатуральные виды, объединяющие в себе худшие качества». Затем приводились убедительные примеры.

Рудольф Банушер посещал школу в Гамбурге. Он до сих пор с болью вспоминает о перенесенных издевательствах во время уроков по «расовой науке»: «Учитель поставил меня перед классом. Затем спросил учеников: «Вы знаете, кто такой ублюдок?» Класс молчал. Каждый из детей слышал на занятиях по биологии об ублюдках. После короткой паузы учитель ткнул пальцем в мою сторону: «Вот он. Его мать еврейка. Этим все сказано».

Банушер чувствовал себя в эту минуту как в страшном сне. Словно прокаженный, он стоял перед классом. Как поведут себя ученики? До сих пор Рудольф не перестает удивляться реакции одноклассников. Они вообще никак не отреагировали на слова учителя. Многие из них происходили из богатых консервативных семей. Родители старались уберечь детей от «нового духа». Однако в школе Рудольфа было много и таких, кто уже впитал в себя яд ненависти к евреям из детских книг, напечатанных в издательстве нюрнбергского гауляйтера Юлиуса Штрейхера. Его газета «Дер Штюрмер» стала трибуной, откуда звучали проповеди воинствующего антисемитизма. Книги «Ядовитый гриб» и «Не верь лису на лужке и клятвам еврея» заполонили Германию. Ганс Негель, ходивший в школу в Нюрнберге, вспоминает о содержании книг: «Мы внимательно изучали эти книги. Для нас было очевидно, что еврей — это злой человек». Гюнтер Гловка из Магдебурга добавляет: «Евреи были показаны нам как несчастье Германии. В газетах на эту тему публиковали массу статей и карикатур. Школа не препятствовала тому, что мы становились молодыми антисемитами». Герхард Вильке, посещавший школу в Берлине, рассказывает о позиции учителей: «Наши учителя все время настраивали нас против евреев. На занятиях по расовой науке нам сказали, что германская раса — ведущая и лучшая раса мира».

Немецкие школьники, подключившиеся к бойкоту

Учителя Герхарда Вильке точно следовали предписанию министерства воспитания. Глава этого ведомства Бернард Руст рекомендовал учителям следующее: «При обсуждении темы европейской расы и особенно расовой теории немецкого народа необходимо нордически сбалансированной расовой смеси нынешнего немецкого народа противопоставить расово чуждые иностранные группы, особенно еврейство. Следует в убедительной форме обрисовать опас-



Немецкая школьница отвечает урок по расоведению. Она говорит об отличительных признаках балтийской расы

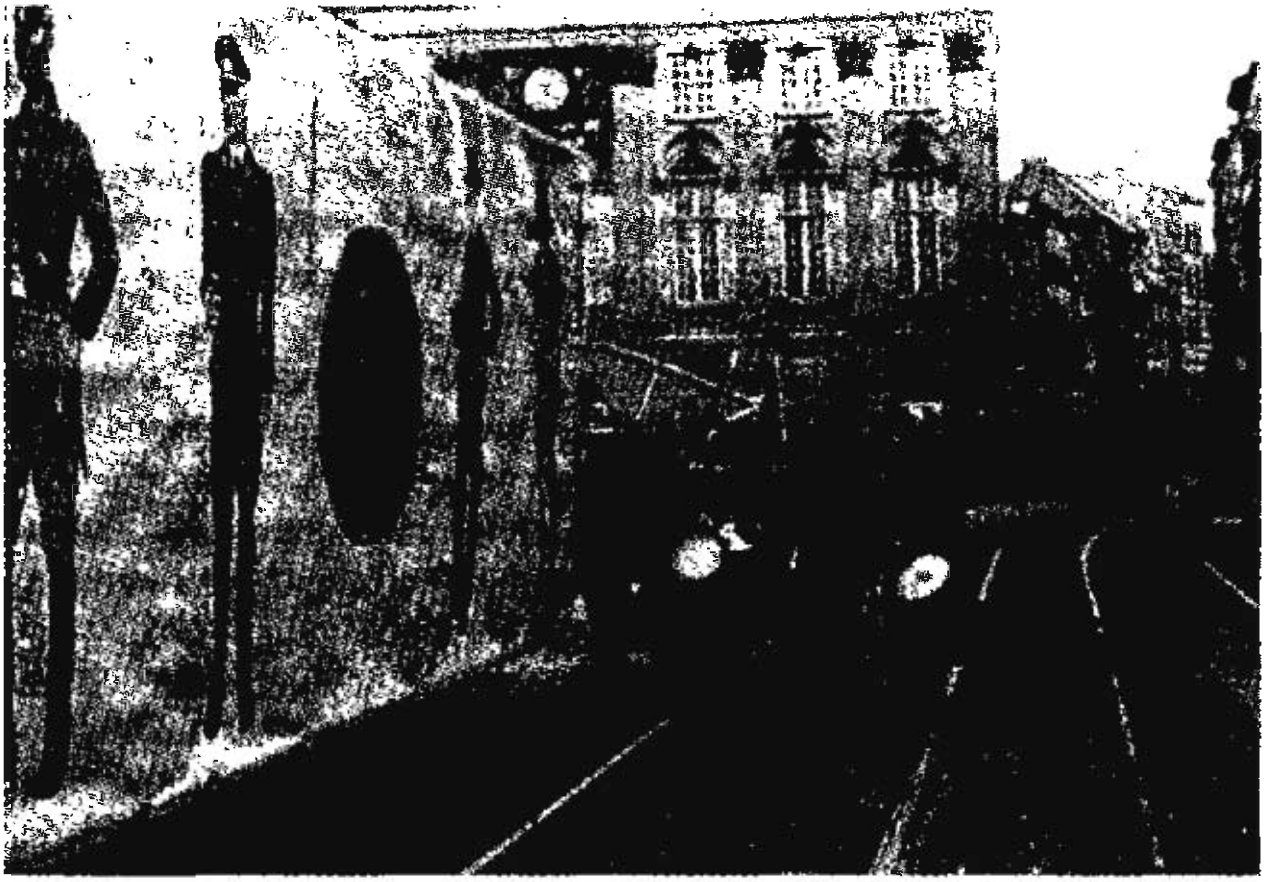
ность расового смешения с чужеродными группами. Свое предназначение смогут выполнить лишь те народы, которые решают свои исторические задачи, соблюдая расовую чистоту».

Теоретики национал-социалистской педагогики не скрывали, что намеревались проводить селекцию среди воспитанников. Один из ведущих нацистских педагогов Ноль в 1947 году издал свою работу «Характер и судьба», которую он начал писать еще при Гитлере. Это и предопределило ряд расистских пассажей, содержащихся в этой книге: «Основной предпосылкой для расовой селекции является не мутация, а отбор. Здесь пересекаются и евгеника, и педагогика».

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СЕЛЕКЦИЯ?

Формирование общей системы социализации молодежи в Третьем рейхе происходило не сразу. Если во времена Веймарской республики основным институтом социализации была школа, то с приходом нацистов к власти к ней прибавился ряд новых организаций. Наиболее важное значение среди них имел гитлерюгенд.

Уже 23 августа 1933 года Руст, как министр воспитания Пруссии, издает приказ «Об обязательных связях школы и гитлерюгенда». В нем гитлерюгенд упомянут как «один из молодежных союзов, занимавшихся воспитанием молодежи наряду со школой в национал-социалистском государстве». Согласно этому приказу гитлерюгенд получает особые привилегии, в частности, еженедельно школьники, состоящие в гитлерюгенде, освобождались от послеобеденных занятий для участия в его акциях. Однако окончательное оформление приоритетности работы гитлерюгенда в школе было обозначено со введением Дня государственной молодежи, в ходе которого школьники — члены гитлерюгенда — освобождались от занятий каждую субботу. Кроме этого, приказом прусского министра науки, искусства и народного образования U II G № 2762 от 7 октября 1933



Строем на занятия

года первое воскресенье ноября должно было быть посвящено молодежи. В этот день гитлерюгенд работает совместно с «Национал-социалистским народным вспомоществованием» (они совместно участвовали в работе «Зимней помощи»).

Тогда же президенты земель и провинций издают указы об обязательной поддержке учителями и руководителями школ мероприятий, проводимых гитлерюгендом. Согласно указу министра науки, искусства и народного просвещения от 26 ноября 1933 года в каждой школе должны были обязательно вывешиваться флаги гитлерюгенда и «юнгфолька», но в ряде школ в связи с отсутствием материи было решено ограничиться партийными вымпелами и знаменами. Подтверждением положения о Дне государственной молодежи стал приказ обер-президента провинции Вестфалия от 8 января 1934 года, по которому суббота каждой недели передавалась гитлерюгенду, а католическая молодежь должна была проводить субботу в школьной религиозной службе.

Стоит заметить, что поначалу членам гитлерюгенда разрешалось ношение ножей как части униформы. Одновременно с этим подчеркивалось, что в интересах единства народного сообщества борь-

ба гитлерюгенда против других молодежных группировок должна была проходить вне рамок школы.

Четко обозначенная тенденция монополии гитлерюгенда проявилась в 1935 году. Так, 28 февраля 1935 года обер-президент провинции Вестфалия обязал всех школьников прослушивать радиопередачи гитлерюгенда. Аналогичные меры — обязательные уроки гитлерюгенда и радиопередачи — вводятся и в других землях. Обязательное для всей немецкой молодежи членство в гитлерюгенде вводится 1 декабря 1936 года законом «О гитлерюгенде», согласно которому гитлерюгенд становился ответственным за воспитание всей немецкой молодежи. Таким образом, основа социализации немецкой молодежи, взаимоотношения школы и гитлерюгенда окончательно оформляются только к началу 1937 года.

Следующая возможность мировоззренческой унификации была создана при проведении в жизнь национал-социалистской программы, получившей название «Сельхозгод». Эта программа провозглашалась не профессиональным объединением, а нового типа воспитательным средством для народного сообщества, так же как и гитлерюгенд.

7 октября 1933 года Руст выступил на торжественном собрании имперского союза немецких сельских школьных заведений, где заявил о расширении их деятельности через практику Сельхозгода. Дети, участвующие в этой программе, на несколько месяцев размещались в лагерях, где они полдня работали в крестьянских хозяйствах, а также принимали участие в обучении, организованном руководством гитлерюгенда. Эта система получила еще большее распространение в годы войны, когда гитлерюгенд получил фактически неограниченные возможности по контролю над немецкой молодежью.

Кроме этих организаций определенное влияние на школы оказывали и другие объединения. Так, на протяжении 1933 года ученики и учителя были обязаны принимать участие в акциях «Стального шлема». Кроме этого, учителя были вынуждены освобождать от занятий учеников, которые проводили сбор денег для «Народного союза поддержки немцев за рубежом». А с 28 февраля 1933 года прусское министерство образования обязало во всех школах провести подписку на издания Союза противовоздушной обороны (позднее данная организация получила определенное влияние на школы через проведение занятий по противовоздушной обороне).

Одновременно с мировоззренческим обучением издавались указы имперского министра воспитания, направленные на централизацию школьной системы и унификацию школьной программы. Если в Веймарской республике неоднократные пожелания о централизации и унификации касались только содержания предметов, то новые реформы школы в Третьем рейхе сводились к упрощению управления школьными заведениями. За ними стояло тоталитарное государство, которое исключало любые формы коллегиального управления, в том числе школьные собрания и родительские комитеты. Также существенно ограничивались права учительских коллегий, и согласно национал-социалистскому «принципу вождя», вся ответственность за принимаемые решения ложилась непосредственно на руководителя школы.

Федеральная структура школьного управления, заимствованная из времен Веймарской республики, мало подходила для проведения общеимперской индоктринации. Как отмечалось выше, мероприятия по централизации школьного управления начались еще в 1933 году с исключения земельных министерств из сферы школьного управления. Окончательно они потеряли свои права при принятии закона «О преобразовании рейха» от 30 января 1934 года. С 1934 года управления образования при местных органах власти подчинялись непосредственно имперскому министерству воспитания.

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что, несмотря на приказы и директивы, подчинившие образование культурно-политическим целям национал-социализма, у преподавателей старшей школы оставалось достаточно большое поле для самостоятельной деятельности, особенно в сфере отбора учащихся и предъявления им строгих требований. Но эти рамки отбора и требования приобретали в большинстве случаев смысл только тогда, когда важнейшей педагогической задачей становилось воспитание и обучение самостоятельной умственной деятельности. Именно поэтому, опасаясь за интеллектуальный багаж немецкой молодежи, имперский министр воспитания Руст возражал против нивелирования, проводимого гитлерюгендом. Он смог даже добиться отмены Дня государственной молодежи, в ходе которого учащиеся освобождалась от занятий в школе. С другой стороны, Руст был вынужден под давлением партии и вермахта сократить обучение в старшей школе на год. Необходимость реформирования системы школьного обучения, изменения структуры школьных заведений назрела к концу 1937 года. Это объяснялось прежде всего тем, что уже были изданы единые учеб-

ные планы, а значит, исчезла необходимость в сложной структуре школьных заведений. Примером этого могут послужить следующие данные по старшей школе. В 1927 году в Германии насчитывалось несколько основных типов старших школ: гимназия, реформ-гимназия, реальная гимназия, реформ-гимназия с преподаванием латыни в UIII[1], реформ-гимназия с преподаванием латыни в UII, старшая реальная школа, немецкая обер-школа, реальная школа, немецкая старшая школа. При сравнении количества учеников, обучавшихся в этих школах в 1927 и 1936 годах, напрашивается вывод, что, несмотря на общее антиинтеллектуальное направление школьной политики нацистов, количество обучавшихся в старшей школе фактически не сократилось.

Новая структура старшей и средней школ была заложена в указах министра воспитания «О реорганизации старшей школы» от 29 января 1938 года и «О реорганизации средней школы» от 1 августа 1938 года. До 1938 года школьное обучение было представлено в следующем виде: девочки, проучившись 4 года в народной школе, могли перейти в женские гимназии (женская гимназия, женская реальная гимназия, женская реформ-реальная гимназия, женская обер-школа, немецкая обер-школа, обер-лицей) либо же, проучившись 7 лет в народной школе, — в немецкую обер-гимназию, в гимназические учебные заведения; по окончании 10-го года обучения они могли перейти в специальную женскую школу; юноши также после 4 лет обучения в народной школе могли перейти в гимназические заведения (немецкая обер-школа, реальная обер-школа, реальная реформ-гимназия, реальная гимназия, реформ-гимназия, гимназия), а после 7 лет обучения в народной школе — в немецкие обер-школы.

После проведения школьной реформы, которая шла по пути упрощения, школьное обучение получило следующий вид: девочки после 4 лет обучения в народной школе могли перейти в старшую школу, где на пятом году обучения выделялись две специализации (языковая и естественно-научная), либо же через 6 лет обучения — в реальные (конструктивные) школы; юношам предлагалась почти та же схема, но с тем отличием, что после 6 лет обучения они могли перейти в гимназию.

---

[1] В гимназиях нумерации классов с 1-го по 9-й соответствовали обозначения: VI, V, IV, UIII, OIII, UII, OII, UI и OI. — *Прим ред.*

ОТБОР БУДУЩЕЙ ЭЛИТЫ

Гиммлер всегда мечтал иметь свои собственные воспитательные заведения. В перспективе таковым должен был стать «Лебенсборн». Но пока дети, появившиеся там на свет, не подросли, рейхсфюреру СС приходилось довольствоваться уже существовавшими элитарными воспитательными учреждениями.

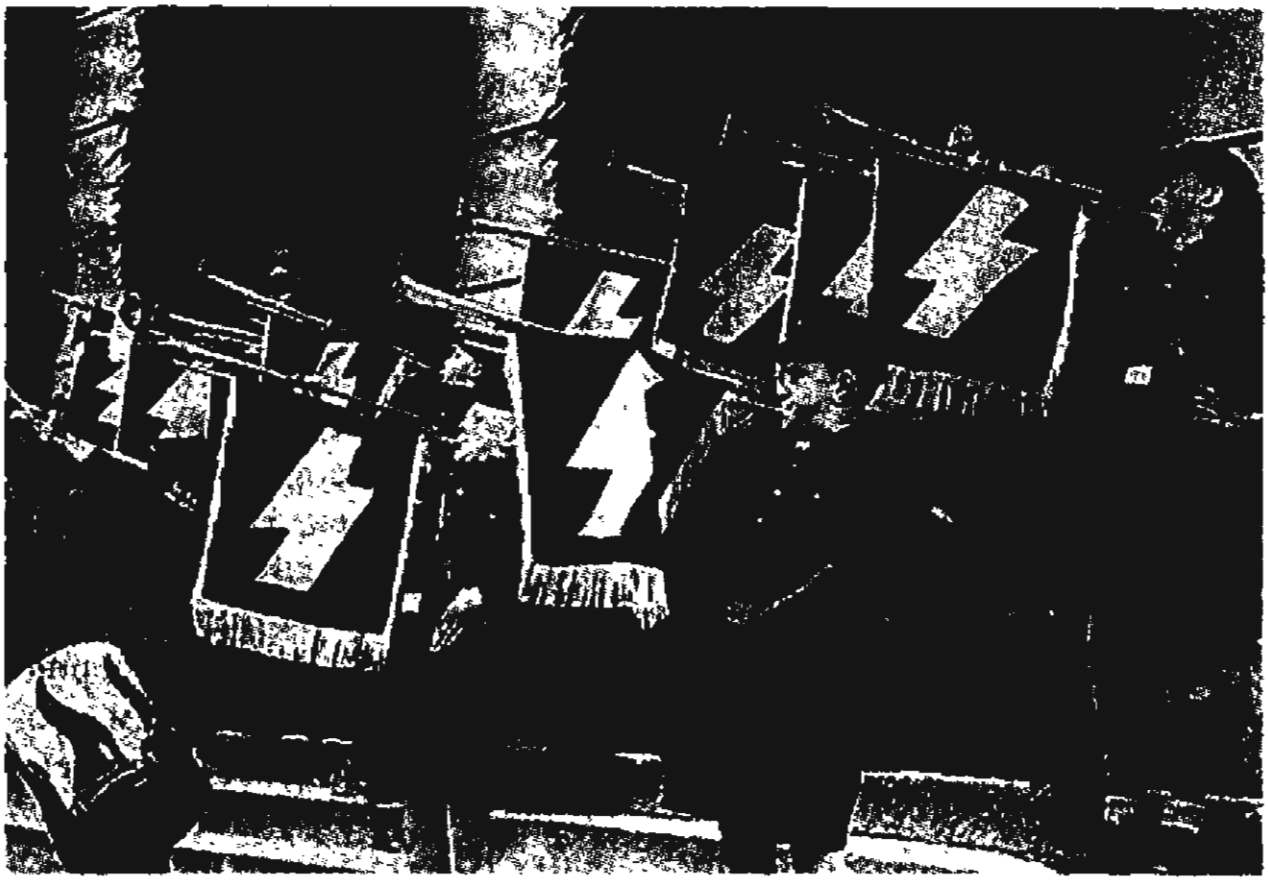
Как видим, национал-социалисты пошли по пути сокращения существующих форм учебных заведений, выделяя специализации только под конец обучения, сократив срок обучения в школе с 13 до 12 лет. Кроме этого, они смогли воплотить в жизнь идею о национал-социалистском воспитании женщины, в определенной мере сократив женские формы школ (гимназия стала сугубо мужским учебным заведением).

Но тем не менее даже после проведенной реформы новые виды школ не могли полностью обеспечить государственные и партийные органы новыми кадрами. В связи с этим гораздо большее значение в рамках школьной политики национал-социализма придается элитарным учебным заведениям. Важнейшим принципом этих заведений стало создание нового слоя функционеров для проведения замен в руководстве партии, государстве, армии и других областях жизни. Пути создания их были различными. С одной стороны, СС и вермахт могли оказывать на них влияние после некоторых преобразований (Национально-политические воспитательные учреждения), с другой стороны, они могли создаваться совместно НСДАП и гитлерюгендом (Школы Адольфа Гитлера). При этом курирующее учреждение рассматривало каждый из типов учебных заведений как собственную «кузницу кадров». Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на мировоззренчески-унифицированные рамки, в школьной политике интересы различных общественных и политических сил Третьего рейха не совпадали.

Национально-политические воспитательные учреждения были элитарными школами Третьего рейха. Ученики — юнгманы воспитывались в них исключительно в национал-социалистском духе. Их воспитание считалось солдатским не только в силу своей строгости и муштры, но и сами юнгманы считались «политическими солдатами» Третьего рейха. Национально-политические воспитательные учреждения нередко путают со Школами Адольфа Гитлера, которые отличались от них как по учебной программе, так и по целевым установкам самого процесса обучения.

Первые Национально-политические воспитательные заведения были созданы сразу же после прихода национал-социалистов к власти, 20 апреля 1933 года. Они создавались на базе государственных учебных заведений и интернатов, которые со времени Веймарской республики давали образование с военным уклоном. По учебной программе они походили на немецкую обер-школу и были подчинены непосредственно имперскому министру науки, воспитания и народного образования Русту. Изначально Национально-политические воспитательные заведения планировались как военные учебные заведения Третьего рейха. И Руст не раз подчеркивал Наполасюнгманам, что многие великие люди, в том числе фельдмаршал Гинденбург, были кадетами. В противоположность им, Школы Адольфа Гитлера создавались национал-социалистским руководством как чисто партийные учебные заведения. При этом основание Школ Адольфа Гитлера происходило в противовес Национально-политическим воспитательным заведениям — конкуренция была характерным явлением для национал-социалистской школьной политики. В данной ситуации подчинение Школ Адольфа Гитлера имперскому министру Русту было невыгодным, и они находились в подчинении имперского организационного руководителя НСДАП — Лея. По мнению же Руста, именно в Национально-политических воспитательных заведениях должно было происходить формирование будущих «политических лидеров». Конкуренция также проходила в отношении дальнейшей судьбы выпускников этих учебных заведений. Руст настаивал, чтобы в «Национал-социалистские орденсбурги» попадали именно выпускники Национально-политических воспитательных заведений, а Лей — чтобы туда шли выпускники Школ Адольфа Гитлера.

Различались также и способы обучения. Если в Национально-политические воспитательные учебные заведения юнгманы поступали после недельных экзаменов и проверок с возможностью последующего отчисления за неуспеваемость, то в Школах Адольфа Гитлера не существовало никаких экзаменов, а условием поступления было ходатайство местного руководства партии и гитлерюгенда. При этом сам ребенок должен был происходить из политически благонадежной и расово-полноценной семьи. После 6 лет обучения ученики Школ Адольфа Гитлера получали диплом, который соответствовал аттестату зрелости Национально-политических воспитательных заведений и немецких обер-школ.



Церемония в Наполас

Гвидо Кнопп в своей книге «Дети Гитлера» так описывал процесс попадания в Наполас: «Мужчины в белых халатах сидели в спортивном зале. Перед ними стоял длинный стол. На столе папки, протоколы и странные металлические предметы. Среди них продолговатый измерительный инструмент, похожий на усик гигантского насекомого. Рядом — черная коробочка со стеклянными глазами, которые смотрели на мир пустыми, мертвыми зрачками. Каждому цветовому оттенку глаз соответствовал свой номер. Мужчины называли коробочку «доской глазных расцветок». С деревянной планки свисали образцы волос — гладкие, волнистые, кудрявые, черные, светлые, русые. Мужчины строго смотрели по сторонам, словно судьи в поисках истины. Они искали нечто. Это нечто они называли «расовой истиной».

Немного испуганные мальчики стояли перед этой компанией чужих мужчин и ждали решения своей участи. Из одежды на мальчиках были только трусы. Они кое-что уже слышали на занятиях по биологии и «расоведению». Учителя, проводившие эти занятия, называли антисемитизм наукой. Черепа мальчиков должны были измерить, а их самих проверить на принадлежность к «хорошей расе».

Изучение цвета волос

Они учили, что только «расово чистые мальчики» относятся к типу новых немецких «людей-господ». Мальчиков будут готовить к этой роли. Мальчики — элитные ученики «национал-политического интерната». Им едва исполнилось 12 лет, но у них уже есть перспектива стать «новым поколением вождей тысячелетнего рейха». Возможно, они станут гауляйтерами Киева или Минска, военными губернаторами на Урале или губернаторами в Индии — одним словом, повсюду, куда упадет тень свастики Великогерманского рейха. Однако стать фюрером в немецкой империи невозможно без «зеленого свидетельства годности». Именно поэтому серьезные мужчины в белых халатах приехали в Наумбург. Мужчины работали в главном расово-колониальном управлении СС, а их задачей являлся «расовый отбор» среди юнгманов (так называли тогда воспитанников национал-политических интернатов).

Все желающие попасть в Наполас должны были пройти специальное расовое обследование

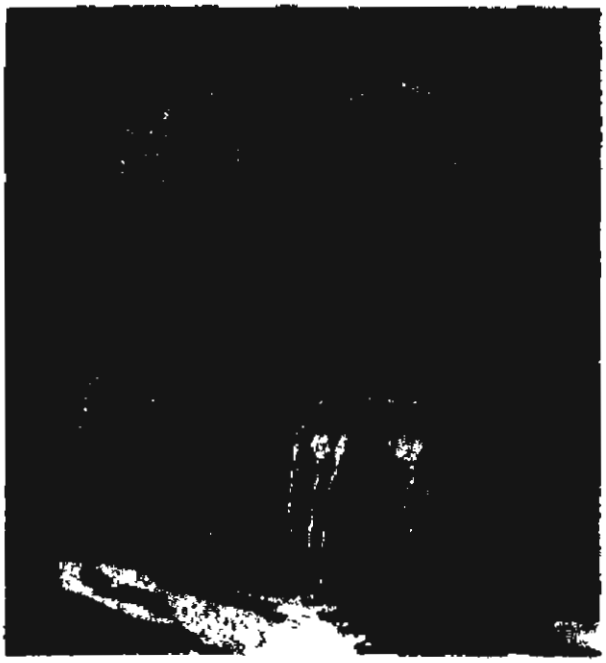
Это был день истины в Наумбурге, и в том числе и для юнгмана Ганса-Георга Бартоломеи. Он встал на весы и измерил свой рост. Затем один из мужчин взял продолговатый измеритель и приложил холодные металлические дужки к скулам Ганса-Георга. У него правильный череп? Он соответствует стандартам? В медицинских рекомендациях написано, что в качестве положительного результата принимаются «преимущественно норди-

ческие», «вестические» и «фальские» черепа. А как дела у юнгмана Бартоломеи?

Измерение пропорций черепа

Один из врачей написал загадочную комбинацию из букв и цифр. Кажется, все в порядке. Мужчины, до этого момента сверлившие придирчивыми взглядами Бартоломеи, выглядели довольными. Бартоломеи вспоминает день «расового отбора»: «Я прошел тестирование, подобно многим, как «хорошо сбалансированный расово смешанный тип». Он усмехается. Сегодня ему кажется абсурдом судить о людях по их предполагаемому «расовому характеру». Ганс Мюнхеберг, бывший юнгман из Потсдама, улыбается: «Я был признан «арийским типом номер два». А мой лучший друг, чей череп походил на череп старого Гинденбурга, оказался «фальским типом». Нас подразделяли на фальский, нордический, динарский, вестический и другие типы».

Идеалом запутанного и туманного учения о расах и «кровных узах» считался нордический человек-господин. Все вновь назначенные фюреры должны были соответствовать высшему критерию. В действительности многие не отвечали идеальным параметрам. Бартоломеи говорит, что редко кто из учеников соответствовал желаемому образцу: «Из 400 учеников элитарного интерната лишь восемь были идентифицированы как «нордически-фальский тип». Они были большими, светловолосыми и голубоглазыми. Их нос и лоб составляли одну линию». Все остальные, названные «смешанными типами», продолжили учебу. Только одному элитному ученику после визита докторов из СС пришлось покинуть интернат в Наумбурге. Этот юнгман имел «типично восточный круглый череп». «Я не буду называть его имени. Он покинул интернат. Он был чисто восточным типом», — говорит Ганс-Георг Бартоломеи, и это звучит так, словно вердикт прошлого и сегодня имеет какое-то значение.



Ученицы одного из специализированных Наполас, предназначенных только для девочек

Кроме учебных показателей, политической подготовки, набора личных качеств и навыков, при вынесении решения о том, кому уготовано престижное будущее в Третьем рейхе, большое значение имели «наследственно-биологические критерии». Подобно британскому элитарному колледжу «Итон», в национал-социалистских элитарных школах должны были воспитывать новый тип вождей, новую аристократию — жесткую, воинственную, владеющую современными технологиями власти. Однако и здесь имелись свои противоречия. В школах хотели воспитать из детей критически мыслящих, образованных современных руководителей, верных до гробовой доски Гитлеру, готовых к самопожертвованию и беспрекословному повиновению.

Многие воспитанники Школ Адольфа Гитлера с первых учебных часов всецело проникались идеей использования в жизни «расовых критериев». Этот процесс начинался уже во время вступительных экзаменов. Лишь человек «арийского происхождения» мог рассчитывать на место в клубе будущих господ. Каждый кандидат обязан был подтвердить свою «расовую чистоту» и предоставить родословную семьи.

Бывший издатель «Цайта» Тео Зоммер в то время твердо решил поступить в Школу Адольфа Гитлера: «У меня была большая проблема. Когда-то давно, еще в первой половине XIX века, в огне пожара сгорели многие церковные книги. В моем фамильном древе возник изрядный пробел. Для меня было бы трагедией, если бы мне не удалось поступить с первого раза». Тео сфотографировал себя в разных ракурсах и отправил снимки в Берлин. Там их внимательно изучали «специалисты по расам». «Через несколько месяцев пришел долгожданный положительный ответ. Ты ариец. Можешь приехать на вступительные экзамены».

Иоахима Баумана избавили от подобных проблем. В начале 1937 года он заболел и сидел дома. Неожиданно в комнату вошла мать с

газетой в руках. «Послушай, мой мальчик, что здесь написали. Фюрер создает новые школы, и ты соответствуешь всем требованиям. Твои родители национал-социалисты, ты отлично учишься. В гитлерюгенде тебя тоже ценят, мой знаменосец. Ну, что ты скажешь на это?»

Отец Баумана вначале не хотел отпускать сына на учебу в «кадетское училище». Однако мать настояла на том, чтобы ее любимец не ограничился учебой в обычной средней школе, а получил более серьезное образование и вместе с ним — лучшие шансы на будущую карьеру. Ей удалось переубедить отца, прибегнув к серьезному аргументу: учиться в такой школе престижно, и к тому же не надо платить деньги. Сам Иоахим с большим желанием стремился стать воспитанником школы и носить имя человека, которого он уже вскоре после своего приезда в Зонтхоффен стал считать богом.

Спорту и военным играм на местности придавали значение не меньше, чем школьным занятиям. Физическая сила ценилась даже выше, чем умение читать и писать. Об этом рассказал другой кандидат на поступление в Школу Адольфа Гитлера Харальд Грундман: «Нужно было выдерживать физические нагрузки во время маршбросков с рюкзаком за плечами и военных игр на местности. В учебе я не показывал больших достижений, но с физической подготовкой у меня было все в порядке».

За испытаниями стоял известный принцип, столь популярный среди нацистов. Гитлер заявил: «Кто хочет жить, должен самоутвердиться. Кто не хочет утверждать себя, тот нежизнеспособен и должен погибнуть. Земля не предназначена для ленивых и слабых народов. Земля для тех, кто может постоять за себя. Земля — это переходящий приз, который достается народам, заслужившим его, доказавшим в постоянной борьбе свое право на существование». Воспитанники Гитлера должны были соответствовать этому принципу и стать верными исполнителями воли фюрера, его наследниками. Именно поэтому Иоахим Бауман был обязан доказать на деле, что он настоящий сорвиголова. Данный сюжет был использован в фильме Дениса Ганзеля, известном в российском прокате под названием «Академия смерти».

Он вышел на боксерский ринг. Когда Иоахим увидел своего соперника, ему стало ясно, что в следующие минуты его главная задача — продержаться дольше. Противник был сильнее, тяжелее и крупнее, чем он сам. Все три раунда показались юноше бесконечными. Удары сыпались на Баумана. Вдруг в зал вошел гауляйтер

Восточной Пруссии Эрих Кох. Поединок был прекращен. Один из командиров гитлерюгенда отрапортовал Коху. И удары вновь обрушились на Иоахима. В конце третьего раунда поражение было предрешено. Бауман снял левую перчатку. Большой палец был в крови. Три недели назад Бауман поранил его, когда строил модель самолета. Теперь рана вновь кровоточила. Кох посмотрел на окровавленный палец и решил, что перед ним стоит особенно мужественный и невосприимчивый к боли молодой человек. Он поманил к себе адъютанта, указал на Баумана и сказал: «Этот!» Кто смог без жалоб терпеть боль, считался настоящим парнем. Иоахим Бауман стал учащимся Школы Адольфа Гитлера. Боксерский поединок стал для него посвящением в рыцари.

Бауман, выдержав таким образом «вступительный экзамен», гордился тем, что ему удалось выделиться среди сверстников. Отныне он принадлежит к «избранным». Хайнц Гибелер вспоминает о своем зачислении в Школу Адольфа Гитлера: «Я был чрезвычайно горд этим. Обо мне будут говорить в моем классе. Я радовался, потому что радовались мои родители. Я был счастлив». Чувство превосходства охватило поступивших школьников. Песни усиливали ликование и радость:

Мы гордо носим имя фюрера.
Мы хотим быть самыми лучшими для него.
Никто не спросит, откуда и кто мы.
Здесь уважают настоящих парней.
Мы поем и шагаем в едином строю.
Слабакам здесь не место.

В зависимости от того, как обе системы учреждений (Наполас и Школы Адольфа Гитлера) заботились об отборе и успеваемости своих учеников, достаточно четко видна разница в целевых установках обучения: юнгманы Национально-политических воспитательных заведений могли выбирать для себя в дальнейшем любую профессию, например, изучаемую ими юриспруденцию, медицину или филологию, в то время как ученики Школ Адольфа Гитлера готовились исключительно к партийной работе.

НАПОЛАС — ЭЛИТНАЯ ВОТЧИНА СС

В узком смысле партия не могла повлиять на Национально-политические воспитательные заведения. Ни гауляйтер, ни другие партийные инстанции не могли оказать непосредственного влия-

ния на эти учебные заведения. Они даже не значились в организационной книге НСДАП. Массовый прием юнгманов в гитлерюгенд и юнгфольк начал происходить только на основании Закона «О молодежи» от 1936 года и происходил в большей степени формально, так как эти учебные заведения не подчинялись никакой инстанции или структуре гитлерюгенда. В плане воспитания и обучения юнгман был ответственен лишь перед руководством конкретного Национально-политического воспитательного заведения. Поэтому вполне логично, что целью воспитания в Школах Адольфа Гитлера было становление убежденных национал-социалистов, укрепляющих власть и государство и работающих в инстанциях НСДАП, а в Национально-политических воспитательных учреждениях на первом месте стояло формирование гражданского и общественного профессионализма.

По предложению Руста, который в феврале 1933 года становится прусским министром по делам образования и религии, идет открытие первых трех Национально-политических воспитательных заведений. Предложение о превращении некоторых учебных заведений Пруссии в Наполас исходит от Иоахима Хаупта, поддержанного широкими кругами преподавателей. Национально-политическое воспитательное заведение планировалось как школа нового типа, в центре которой лежало бы воспитание в национал-социалистском духе. Большая часть преподавателей из государственных учебных заведений готова была сотрудничать с НСДАП в этом новом проекте. Хаупт соединил в Национально-политическом воспитательном заведении типично немецкие военные интернаты и английскую публичную школу, поставив во главу угла не воспитание личности, а веру и преданность вождю.

Теоретиками национал-социалистской педагогики отмечалась определенная схожесть элитарных образовательных заведений для молодежи в Германии и Англии. «Английская публичная школа занимается планомерным возведением общественных форм. Мальчик забирается из семьи. Только в отрыве от родителей он может самостоятельно формировать в среде сверстников свои принципы и позиции. Только в авторитарной среде он может обучиться приказывать и подчиняться. В своих действиях он начинает опираться и руководствоваться традициями, неписаными законами жизни, осознанием собственной ответственности за честь, боль и благо подчиненных». Этим привлекают национал-социалистов английские публичные школы.

Ведение занятий, естественно, передавалось в руки профессиональных педагогов. Таким образом, те люди, которые становились руководителями этих учреждений, и те преподаватели, которые вели занятия, определили стиль Национально-политических воспитательных заведений. Сначала не имелось ни учебных программ, ни служебных инструкций, что давало руководителям первых Наполас чрезвычайное право самим набирать преподавательский корпус и обучаемую молодежь, что способствовало некоторым педагогическим экспериментам. Вначале, в первых Наполас, проходили даже педагогические дискуссии в отношении проводимой унификации образования.

В чем же состояла особенность новой идеи воспитания? Сам Гитлер по этому поводу говорил следующее: «Воспитание должно ставить перед собой цель сделать их тела гибкими, характеры твердыми, а умы холодными». По его замыслу воспитанная в Наполас молодежь должна стать образцом для всей Германии, после чего опыт Национально-политических воспитательных заведений должен быть распространен на всю систему образования.

В Национально-политических воспитательных заведениях по замыслу учредителей (Руст, Хаупт) должны были слиться воедино традиции прусских кадетских училищ с воспитательными предметами английской публичной школы. Они, естественно, должны были ощутить на себе национал-социалистскую интерпретацию, так как ни прусский консерватизм, ни английский либерализм не могли устроить создателей Наполас. Их конечной целью являлось создание мировоззренчески выверенного национал-социалистского руководства для всех сфер жизни. Это получило название «национал-социалистский вид». Теоретики национал-социалистской педагогики подчеркивали, что именно в Наполас наиболее полно воплощаются принципы этой педагогики, где во главу угла ставится не обучение, а формирование характера. «Национал-социалистский вид определяется не знаниями или навыками, а способностью применить эти знания и навыки для службы на пользу государства и борьбы за национал-социализм». Таким образом планировалось оживление солдатского духа кадетских учреждений и воспитание в юнгманах «мужества, сознания долга и простоты» и верности девизу Мольтке: «Много исполняют, мало выступают, являются большим, чем кажутся». Английская публичная школа привлекала нацистов спортивным воспитанием, которое там проводилось. Одновременно учредители ссылались на книгу «Моя борьба» Адольфа Гитлера,

где давалась установка на развитие характера, содействие воле и решительности. Несколько позже Гитлер убеждается в том, что воспитательные максимы Наполас и Школ Адольфа Гитлера (физическая жесткость, твердый склад характера, умственная эластичность) можно переносить на всю немецкую молодежь. Развитие Национально-политических воспитательных учреждений приводило к тому, что их консервативные и либеральные черты отступали перед идеей воспитания политического солдата.

Вермахт также проявил интерес к Наполас, где ученики постигали азы военного дела. Летом 1934 года юнгманы из нескольких интернатов разыграли учебное сражение перед министром обороны Вернером фон Бломбергом. Один из очевидцев «спектакля» писал: «Когда в ходе военно-спортивной игры 72 юнгмана в форменной одежде прыгнули в воды Везера, переплыли его и без заминки продолжили выполнение боевой задачи на другом берегу, наблюдатели поняли, что на их глазах зарождается новый дух...» Бломберг удостоил похвалы систему воспитания в интернатах, при которой из юношей получаются «настоящие юноши».

«Новый дух» был замечен еще одним влиятельным визитером. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер после посещения одного из интернатов попросил Руста открыть три подготовительных училища для нужд СС. Вскоре Гиммлер захотел присоединить к СС все национал-политические интернаты. Влияние Гиммлера на интернаты постоянно росло, сводя на нет роль Руста. В 1936 году группенфюрер СС Аугуст Хайсмайер, исполнявший обязанности руководителя главного управления СС, был назначен инспектором национал-политических заведений. На деньги СС приобреталась форменная одежда юнгманов. С 1941 года под руководством СС происходил «расовый отбор» во всех интернатах. Несмотря на то что интернаты не готовили кадры специально для СС, Гиммлеру удалось установить полный контроль над системой интернатов. Неудивительно, что многие воспитанники еще во время обучения мечтали о будущей карьере в «черном ордене» Гиммлера. Выпускники этих элитарных учебных заведений должны были выполнять исключительно волю фюрера и отбросить за ненадобностью все иные моральные принципы. Они должны были стать проповедниками нацистской идеологии и объединить народ и диктатуру в «народное сообщество». Министр Руст, напутствуя одного только что назначенного начальника интерната, заявил: «Делайте из ребят настоящих национал-социалистов!»

Основным вопросом общего воспитания в Наполас должны были стать учебные задания. Наряду с повышенными требованиями в области физического совершенствования планировалась одновременно гарантия воспитания характера. Руст закладывал новые принципы воспитания — формирование характера, тела и всей жизни. Этой воспитательной форме придавали большое значение, так как она объединяла воедино семью, школу и гитлерюгенд. Общее воспитание должно было предполагать также и научное образование, которое должно было формировать богатые знания, посещение и выполнение служебных поручений и спортивные занятия. Программа обучения предусматривала поездки по всей стране и выезды за границу, обмен с зарубежными учениками, промышленную практику и посещение различных служб. Восьмилетнее образование должно было заканчиваться экзаменами на получение аттестата зрелости. От юнгманов ожидалось, что они передадут национал-социалистское мировоззрение на все области жизни и всегда будут готовы «к службе государству и к борьбе за национал-социализм». Снова и снова в документах Наполас указывается на то, что созданный тип политических солдат должен был определить новую традицию руководства. Вместе с этим отчетливо прослеживается господство политики над педагогикой.

Как отмечалось выше, в 1933 году происходит преобразование трех государственных учебных заведений (Плён, Кеслин, Потсдам) в Национально-политические воспитательные заведения; в 1934 году происходит создание следующих Наполас, работавших как школы-интернаты. Говоря о первом в Германии Наполас — заведении в Плёне, восточно-гольдштинская ежедневная газета опубликовала 21 апреля 1933 года обращение имперского комиссара Руста, посвященное тому, что в связи с национальной революцией три кадетских корпуса в Плёне, Кеслине и Потсдаме преобразуются в Национально-политические воспитательные заведения. При этом в них должен был обновиться учительский корпус. «При отборе преподавателей, — писал Руст, — необходимо применять соответствующие меры. Обновляется также план занятий. Школьной униформой является форма гитлеровского образца».

Из скупых сообщений в обращении Руста вряд ли можно увидеть четкий предлагаемый план реорганизации школ в Национально-политические воспитательные заведения. Этот период существования Наполас характеризует следующий факт. В течение некоторого времени для руководства Наполас в Плёне не могли подоб-

рать руководителя. Исполняющий обязанности директора только что созданного заведения Генрих Рипер получал самые противоречивые указания в отношении своей деятельности. (Кстати, во время одного из докладов в Берлине он настаивал на том, чтобы ввести для всех школьников единую униформу, которой могла бы стать униформа гитлерюгенда, а также включить в школьное обучение национально-политические предметы — это было сделано несколько позже.) В то время как министерский совет ищет кандидатуру директора для Наполас в Плёне, Рипер встречает своего старого знакомого, бывшего майора полиции, а в 1933 году штандартенфюрера СА Германа Брунка. Его кандидатура получает одобрение в Берлине. А с 27 мая 1933 года он начинает руководить заведением в Плёне. Его деятельность приобретает весьма активный характер. Сразу же упраздняются цветные фуражки кадетов, подчеркивающие их социальное происхождение. «Классовое мышление подлежало изжитию», и единая форма должна была подчеркнуть стремление к «народному сообществу».

С августа 1933 года юнгманы Наполас начинают носить форму гитлерюгенда без знаков различия, а с 1934 года — униформу оливкового цвета. Но в 1936 году, в связи с принятием Закона «О молодежи», снова возвращается униформа гитлерюгенда.

В отборе преподавателей руководство Наполас ориентировалось прежде всего на политический и расовый аспекты. Но юнгманы, попав в Наполас, нередко покидали ее стены. Так, только в течение 1933 года заведение в Плёне оставили около 50 обучавшихся. Меняется и преподавательский состав. В том же заведении из 25 учителей, ведших предметы в 1932—1933 годах, к 1934 году остается всего лишь 7 человек.

Кроме того, воспитатели из национал-политических заведений отбирали в обычных школах среди учеников наиболее «достойных» на их взгляд. Критерии отбора были достаточно строгие. Например, в Потсдаме воспитатель Фриц Клопе придерживался следующих правил: слабые дети с физическими недостатками и наследственными заболеваниями (например, сердечными и глазными) полностью непригодны. «Воспитанный, расово безупречный ребенок, имеющий, однако, такие физические дефекты», не мог рассчитывать на поступление, и «чувства гуманности здесь недопустимы». Любые отклонения в физическом развитии, подозрение на скрытые заболевания также принимались в расчет. Даже ношение очков было весомой причиной для отказа. Связи претендента с сильными мира сего

не всегда служили гарантией успеха. Множество детей высокопоставленных родителей не преодолели всех вступительных барьеров. Так были отклонены кандидатуры племянника министра труда Лея и сына местного руководителя гитлерюгенда при поступлении в школу в Бенсберге по причине «физических и моральных качеств».

Появляется и еще один специфический аспект деятельности Наполас в их начальном периоде — рост напряженности между юнгманами и учениками, продолжавшими обучаться в том же заведении. Посещая ряд одних и тех же предметов, обыкновенные школьники чувствовали себя людьми второго сорта, так как не носили никакой формы. Руководство Наполас пыталось снять эту проблему, сокращая число учеников и увеличивая количество юнгманов. Но окончательно эта проблема была решена лишь в 1935 году, когда в Наполас остались лишь юнгманы, а школьники были вынуждены посещать другую школу. Но, увеличивая число юнгманов, руководство Наполас столкнулось с новой проблемой — у большинства юнгманов родительские дома лежали нередко в 10—20 километрах от заведения, а значит, Наполас необходимо создавать как заведения-интернаты. Наполас изначально создавались как мужские заведения, поэтому к весне 1934 года все женщины-учителя и школьницы были удалены.

Далее создание новых заведений происходит по образцу Национально-политических воспитательных заведений в Ораниенштайне и Штуме. Поскольку заведение в Ораниенштайне было первым из Наполас, которому прусский министр образования предоставил значительные средства, оно имело большое значение для организации следующих Наполас, в частности в вопросе соблюдения чистоты и норм гигиены в помещениях и спальнях. Рабочие помещения, актовый зал, концертный зал и общие помещения должны были, по мысли создателей этого заведения, способствовать повышению успеваемости у юнгманов. «Вид прусского кадетского учреждения был основательно изменен: жилые помещения были перестроены в стиле, близком к готике и романтизму... Более свежий жизненный дух, усиленное питание отодвинули тени прошлого. Здесь все по-национал-социалистски просто. Здесь идет опора не на старые формы. Мы берем только здоровые традиции, чтобы с гордостью и восхищением смотреть вперед» — так писалось в специализированном издании Наполас о только что отремонтированном здании в Ораниенштайне. Со временем программа обучения юнгманов значительно расширяется и обновляется, где придается особое значение есте-

ственно-научным дисциплинам. Так, на уроках биологии в распоряжении юнгманов были микроскопы, они могли даже ставить собственные научные опыты. Одновременно с этим увеличивается и физическая нагрузка на обучавшихся в Наполас. Так, в Ораниенштайне в распоряжении юнгманов были не только спортзал и бассейн, но и игровые поля, гаражи, конюшни, лодочная станция. С расширением роли спорта у юнгманов приобретает особое значение верховая езда. Был переделан также лазарет, в который было поставлено новое оборудование, и он соответствовал последнему слову науки и техники того времени. Была произведена реконструкция внутреннего двора, а также площади перед фасадом замка. Расширены парковая зона и сад вокруг заведения. Перестройка самого здания Наполас была завершена уже в 1934 году. В том же году в нем уже обучалось 100 юнгманов всех возрастов. В 1936 году было увеличено количество учащихся, которое достигло 250 человек.

Как следует из документов, юнгманы, сохраняя кадетские традиции прошлого, хотели наполнить их новыми идеями и выступать как «независимые культурные носители национал-социалистского духа».

В Штуме в Наполас были переделаны пустующие казармы, которые, по мнению руководства, должны были соответствовать воспитательным представлениям национал-социализма.

«Все воспитание в Наполас имеет своей задачей придание людям политической формы... и помощь им в деле принятия в трудных ситуациях правильного политического решения». Эта фраза взята из юбилейного сборника 18 ноября 1938 года к 5-летию Наполас в Штуме. В нем содержится вполне правомочная мысль, что занятия и служба в Наполас определяются прежде всего «политическим обучением».

По учебной и научной программе Национально-политические воспитательные заведения являлись элитарными обер-школами. Естественно, при этом стоит также учитывать специфические предметы политического характера и то, что все предметы имели политическую ориентацию, предопределенную характером национал-социализма. Программа для юнгманов старшего возраста выглядела приблизительно следующим образом: немецкий — 4 часа в неделю, история — 3 часа, география — 2 часа, латынь — 4 часа, английский — 5 часов, математика — 3 часа, физика — 2 часа, химия — 5 часов, биология — 2 часа, искусство — 2 часа, музыка — 1 час, спорт — 5 часов.

Итого, как мы видим, в неделю юнгманы Наполас имели около 40 часов занятий, что значительно превышает уровень занятий обыкновенной немецкой обер-школы, приближаясь к высшим учебным заведениям.

В отношении составления учебных планов необходимо подчеркнуть, что руководство Наполас требовало проявлять «особую тщательность при обустройстве внутренней обстановки (заведений) и отборе преподавателей». В первую очередь преподаватель должен быть «преисполнен мыслями о новом государстве и быть не только талантливым воспитателем, но являться воплощением национал-социалистской идеи». Особенность Национально-политических воспитательных заведений осознавалась руководством партии, и поэтому «школа для будущих руководителей не должна являться казармой, где юнгманы с утра до вечера работают как автоматы». Кроме наличия свободного времени у юнгманов, положительным моментом может являться также осуществление специализации, которая должна была начинаться у учащихся старшего возраста. Предполагалось четыре общих направления учебной специализации:

1) гуманитарная специализация с изучением древних языков (греческий, латынь);

2) математическая и естественно-научная специализация;

3) лингвистическая специализация с изучением иностранных языков (французский, испанский, русский);

4) искусствоведческо-эстетическое направление специализации.

Стоит отметить, что в отдельных Национально-политических воспитательных заведениях, которым была дана большая свобода для проведения эксперимента, роль спорта и эстетического воспитания могла быть различной. Весьма существенно отличалась от старых немецких гимназий и сама система уроков и расписания. В первой половине дня в Наполас шли занятия по предметам с интеллектуальной нагрузкой, затем — по эстетическому воспитанию и, наконец, спортивные занятия. Таким образом, юнгманы не находились в одной аудитории продолжительное время, постоянно перемещаясь по зданию. Неплохой идеей были также ремесленные занятия. Так, юнгманы подробно рассматривали все то, что было связано со строительством, начиная с характеристик материалов, их применения и заканчивая культурно-историческим рассмотрением отдельных памятников архитектуры.

Основные понятия для политически-мировоззренческой веры, которая все сильнее и сильнее укреплялась в сознании юнгманов, вырабатывались на основе «Моей борьбы» Гитлера, «Мифа XX века» Розенберга и пионеров «новых фёлькише-ценностей» — Ницше, Лагарда, Чемберлена.

В предпоследний год обучения, когда юнгманы считались уже достаточно воспитанными в духе национал-социализма, они могли получить на руки произведения политических противников национал-социализма. Это могли быть сионисты, большевики, либералы, католические авторы или «монархисты-реакционеры». При их прочтении юнгманы должны были выискивать пути и средства опровержения прочитанного. Естественно, это являлось еще одним пропагандистским трюком, так как речь шла не о глубоком или вдумчивом изучении и оппонировании, но о поиске наиболее удобных путей для дискредитации и очернения автора. Наряду с занятиями и особенностью мировоззренческого обучения остается открытым вопрос о значении служебной формы. В разных заведениях она была различной, из-за чего велись острые дискуссии. Показательно, что в одних Наполас юнгманы обращались друг к другу на «ты», а в других — исключительно на «вы». В заведениях был также разный внутренний распорядок, который колебался от совсем слабых форм контроля до муштры.

Позже руководители и воспитатели юнгманов высказывали весьма живую заинтересованность в координации и унификации внутреннего распорядка в различных Наполас.

В сообщениях о деятельности Национально-политического воспитательного заведения в Ораниенштайне присутствуют в среднем по 3—6 важнейших событий месяца, которые обычно выделялись из обычного служебного распорядка. Если посмотреть, каковы эти события, то сразу видно, что в большинстве своем это спортивные и военно-спортивные мероприятия: соревнования между отдельными Наполас и другими молодежными группами, учениками английских публичных школ. Нельзя избавиться от ощущения, что руководство Национально-политических воспитательных заведений было весьма озабочено признанием своих учреждений этими школами.

Наряду со спортивными мероприятиями в глаза бросается большое количество празднеств. Немного меньшим было количество производственно-торжественных собраний. Имеются также сведе-

ния об участии юнгманов в сельских праздниках. Нередким случаем были приезды приемных родителей на шахты, где проходили практику юнгманы (на время обучения в Наполас юнгманы получали приемных родителей, что должно было усилить чувство связи с различными социальными слоями).

Итак, если говорить о характеристике Национально-политических воспитательных заведений, то можно увидеть яркий пример амбивалентного явления в культурной жизни Германии. С одной стороны, в Наполас упразднялись все демократические элементы, характерные для государственных школ, — родительские комитеты, советы учителей. С другой стороны, в рамках Наполас идет развитие школьного самоуправления, где в период национал-социалистской диктатуры, по сравнению с периодом Веймарской республики, виден явный прогресс. Юнгманы участвовали не только в раздаче учебных пособий, но и могли сами выполнять различные организационные задачи и поручения внутри воспитательного заведения (при этом не стоит забывать, что сами эти задачи ставились исключительно национал-социалистским руководством). Принцип определенной самостоятельности у юнгманов вполне вписывается в рамки воспитания у будущей элиты способности принимать решения, что соответствовало национал-социалистскому «фюрер-принципу». Кроме этого, несомненно негативными моментами в деятельности Наполас являлись слишком ранний отрыв детей от семьи и односторонняя политическая и культурная индоктринация. Но, с другой стороны, стоит отметить то, что в Наполас принимались наиболее незаурядные юноши, где им предоставлялась более интересная и содержательная учебная программа. В процессе обучения юнгманы получали разносторонние глубокие знания. Юнгманы смогли пройти практическую подготовку на селе и на различных предприятиях Германии, что позже получило широчайшее распространение в ГДР.

Говоря о фазах становления и развития Наполас, можно выделить две стадии:

1933—1935 годы, когда происходит становление Наполас, выработка ведущих идей, положенных в основание заведений;

1936—1940 годы, характеризующиеся прекращением строительства новых Наполас и подготовкой новых поколений руководителей для всех сфер жизни.

ОРДЕНСБУРГИ И ШКОЛЫ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

Возникновение другого типа элитарных школ, Школ Адольфа Гитлера, нельзя рассматривать как результат планирования новых старших учебных заведений, которые должны были готовить партийное руководство. Это было попыткой создать параллельно с Национально-политическими воспитательными заведениями систему школьных учреждений, которые контролировались бы не государством, а исключительно партией. Эта школьная система должна была служить не формированию определенных знаний, а проводить постоянный отбор и формировать корпус партийных функционеров, контролирующих всю общественную жизнь, в частности трудовые процессы.

Для воспитания и образования корпуса функционеров партии, Немецкого трудового фронта и прочих структур изначально планировалось создание трех «Национал-социалистских орденсбургов» (орденских замков) — в Уресинзее, Фогельзанге и Зонтхоффене. Их строительство должно было вестись на средства, выделенные Немецким трудовым фронтом, поскольку имперское казначейство отказывалось финансировать данный проект.

Эти планы претерпели небольшую коррективу, так как 24 апреля 1936 года Гитлер охарактеризовал их не как орденсбурги, а как «первые три школы», которые позже должны стать «мировоззренческим и умственным центром большинства гау». Подобная интерпретация во многом противоречила тому, что планировал сам Лей. В орденсбургах должны были, по его планам, располагаться базы трехлетнего обучения, которое предполагалось для взрослой молодежи в возрасте 23—25 лет. Кроме этого, сами базы не планировалось делать большими агитационными центрами (это подчеркивалось еще и тем, что места, выбранные для постройки, содействовали, по словам Лея, «монастырской уединенности»).

Некоторое время спустя Лей был готов воплотить в жизнь новые предложения Гитлера. Одновременно в каждом из замков было проведено расширение, достаточное для того, чтобы принимать до 1000 учащихся и до 500 человек обслуживающего персонала и преподавателей. Вдобавок к этому Лей развивает идею о создании вблизи замков отелей «Сила через радость» на 2000 мест каждый. Таким образом, «монастырская уединенность» благодаря желающим отдохнуть преобразовывалась в «центры». Как видно, Лей быстро сменил свое мнение о предназначении этих новых объектов. Еще в феврале

1936 года Лей в своей книге «Путь к орденсбургу» определенно отказывался от какого-либо пересмотра идеи подготовки «партийных юнкеров». В апреле 1936 года продолжается расширение строительных работ, а в мае 1936 года орденсбургам придается статус национал-социалистских служебных школ. Точка зрения на подготовку юнкеров выразилась в «Плане поколений», который летом 1936 года Лей охарактеризовал как «партийное общежитие и воспитание последователей фюрера».

Этот план охватывал фактически все слои молодежи и согласно критериям предполагал две ступени — отбор для «гаубургов» (замков гау) и отбор для «крайсбургов» (окружных замков). Однако подробный механизм самого отбора не был разработан.

Лей смог объединить в данном проекте две идеи: во-первых, строительство общежитий, во-вторых, использование их в качестве школ. При этом он планировал, что строительство будет финансироваться Главным управлением коммунальной политики через подчиненное ему Немецкое общественное собрание. Это позволило бы забрать у государства контроль над этими школами и передать его местным структурам партии. Данный проект начал осуществляться только с 1938 года, когда были построены первые общежития, которые выполняли функцию школ. Однако в 1941 году было принято решение о прекращении данной практики, и об использовании их в качестве школ не могло быть и речи.

Позже Лей приходит к мысли, что данные учебные заведения должны осуществлять свою деятельность в форме интернатов. Они должны были занять место планируемых ранее «крайсбургов» и характеризовались Леем как «окружные Национально-политические воспитательные заведения», в которые должны были отбираться школьники для продолжения своего обучения уже в рамках «гаубургов». Окончание их обучения планировалось в возрасте 18 лет. После этого предполагалась сдача экзаменов на аттестат зрелости. После прохождения трудовой повинности и воинской службы планировалось, что выпускники будут обучаться практическим профессиям.

Эти идеи были изложены в несколько спонтанном выступлении перед журналистами 23 ноября 1938 года в Зонтхоффене. В нем Лей соединил догматы национал-социализма со своими обширными планами. Интересен тот факт, что пресса охотнее сообщала об идеях Лея, нежели о двухчасовой речи Гитлера, которая была произнесена там же и в то же время. В этой речи Гитлер охарактеризовал орденсбурги как «общественные школы партии». «Фёлькишер беобахтер»

в статье под названием «Путь воспитания через национал-социалистский отбор руководителей» подробно изложил все сказанное. Одновременно с этим английские журналисты ограничились лишь ироничными замечаниями по этому поводу.

Репортер «Фёлькишер беобахтер» отмечал, что «доктор Лей обосновал предлагаемую систему так смело, так ясно, логично и просто». Хотелось бы заметить, что Гитлер в очередной раз внес коррективы в планы Лея. Изначально не предполагался отбор учащихся в планируемые заведения, и Гитлер был прекрасно осведомлен о планах Лея. Но тем не менее следующая фраза Гитлера стала очередной основополагающей идеей создаваемых учебных заведений. «Никакой политический лидер не будет назначаться в будущем на государственные и партийные должности, если он не прошел этой школы. В этом и заключается отбор руководителей — самых умелых, крепких и компетентных».

Именно на этой встрече ярко проявилось стремление к узурпации партией государственных структур. Занятие государственных должностей ставилось в зависимость от посещения партийных орденсбургов, а отбор, производимый в школе, заменялся чисто партийной «селекцией». «После того как каждое из подразделений проведет среди своей молодежи отбор наиболее талантливых, после того как их проверят и отсеют в округе, будет проведено освидетельствование их профессиональности. Особенно строгим образом будет проверяться их физическое здоровье». Критерии отбора не уточнялись, но зато было замечено, что образование на себя берет партия и на родителей, чьи дети попадут в эти учреждения, не будет возложена оплата.

Итогом развития этих представлений и стала идея о создании Школ Адольфа Гитлера. Школы Адольфа Гитлера должны были возникнуть в 32 гау. Говоря о предполагаемой численности этих школ, нельзя точно сказать, какой она планировалась, но Лей рассчитывал на ежегодное поступление 4000 человек. После описания школьной жизни в этих заведениях как «семи лет испытаний», он утверждал: «Ежегодно Школы Адольфа Гитлера будут выпускать 4000 молодых людей, но только 1000 из них перейдет на следующую ступень, в орденсбурги. И только лучшие, сильнейшие из них должны стать в орденсбургах подлинной элитой немецкой молодежи».

Эта молодежь должна была уметь повелевать, не знать чувства сострадания и ненавидеть все, что выглядело не по-немецки. Гиммлер в 1937 году, выступая в орденском замке Фогельзанг, заявил:

«Образцом для нашего будущего поколения вождей должно стать современное государственное образование по типу древних спартанских городов-государств. От 5 до 10 процентов населения — лучшие, избранные люди — должны господствовать, повелевать. Остальные должны подчиняться и работать. Только таким образом будут достигнуты высшие ценности, к которым должны стремиться мы сами и немецкий народ».

Как видно, что только 1000 человек ежегодно должны были попадать в орденсбурги и заканчивать их через пять лет. А также четко видно, что юнкера орденсбургов должны были отбираться только из выпускников Школ Адольфа Гитлера. «План воспитания в орденсбургах, в которых на протяжении четырех лет осуществляется суровое физическое и многостороннее умственное обучение, распространяется на все замки национал-социалистского движения и опирается на особенности строения этих зданий. Если кандидаты оправдали себя, то они переходят на полтора года в «гаубург». В течение двух зим они пробудут в горах, где во время лыжных спусков и альпинистских подъемов они разовьют в себе мужество, выносливость, физическую силу. Последние полгода они проведут в орденсбурге, который находится на востоке близ Мариенбурга. Он будет местом окончательного умственного и политического отбора».

Хотя первый учебный курс в орденсбургах планировался в течение трех лет, он был закончен в течение года. Несмотря на это, Лей предложил еще дополнительный год обучения, так называемый «последний этап». «Следующей и высшей ступенью этой системы воспитания, которая достигается после всех предыдущих испытаний и вторичного отбора, является высшая школа партии, создаваемая как гарант национал-социалистского мировоззрения в Химзее».

Эта трактовка противоречила устоявшейся системе, поскольку высшими учебными партийными заведениями являлись научно-исследовательский институт, которым руководил Розенберг, и образовательные лагеря для учителей и активистов партийных структур.

Лей заканчивал свое выступление объявлением о строительстве отелей «Сила через радость»: «Две тысячи гостей в течение семи дней смогут не только отдохнуть среди великолепных ландшафтов, но близко и по-товарищески пообщаться с кандидатами в высшее руководство, которые не пользуются закрытым от народа образовани-

ем, а находятся среди народа. Так в течение года 2 миллиона человек смогут побывать в орденсбургах».

Ту бездумность, с которой работал Лей, и насколько легко он мог менять свои планы, ориентируясь на «догматические» высказывания Гитлера, показывает распоряжение «О конструктивных школах», которые интересны как промежуточный этап между проектами общежитий лета 1936 года и возникновением Школ Адольфа Гитлера. «Конструктивные школы партии» должны были создаваться по образцу Наполас. Но при подготовке уставных документов была проявлена явная небрежность. С одной стороны, они провозглашались учреждениями по подготовке руководящего корпуса, которые учреждались государством и подчинялись партии, а с другой — в уставах они характеризовались как «носители суверенного права». Когда это противоречие вскрылось, Лей заметил, что «они (учащиеся новых заведений. — *Прим. авт.*) должны быть прежде всего мужчинами и настоящими национал-социалистами, а все остальное является второстепенным». На этом внутренние противоречия не заканчивались: с одной стороны, отбор учеников хотели поручить партийным структурам, с другой же стороны, провозглашалось, что образцом формирования ученического корпуса станет Наполас в Плёне, где важным был не партийный отбор, а сдача экзаменов. Кроме этого, неоднократно подчеркивалось, что обучение будет бесплатным, но при этом говорилось о том, что будут собираться определенные средства с родителей, как это было организовано в Наполас.

Окончательное закрепление планов и нового типа учебных заведений было зафиксировано в шести принципах, подписанных Леем и Ширахом, которые были опубликованы пресс-службой имперского молодежного руководителя 19 января 1937 года.

В первом принципе провозглашалось, что Школы Адольфа Гитлера являются структурной единицей гитлерюгенда, но за Леем остается формирование учебной программы и обеспечение учебными материалами. Четко были обозначены возрастные рамки будущих учеников — с 12 до 18 лет. По окончании Школы Адольфа Гитлера выпускники получали аттестат, соответствующий аттестату зрелости государственного образца. Поступить же в Школу могли только те юноши, которые смогли зарекомендовать себя в «юнгфольке» и получить рекомендацию от местного партийного руководства. Кроме этого, именно гауляйтерам НСДАП формально принадлежал контроль за Школами.

Эти принципы базировались на соглашении с Рустом «О взаимной компетенции государства и партии в конструктивных школах», подписанном за полгода до этого. То есть за государством все-таки оставляли контроль за назначением преподавателей и проведением выпускных экзаменов. Когда Гитлеру были представлены меморандум о создании новых школ и выработанные принципы их функционирования, он постановил, чтобы новые учебные заведения носили его имя (идея Шираха) и предшествовали поступлению в орденсбурги (идея Лея). Стоит заметить, что само название новых школ противоречило манифесту от 1 сентября 1933 года, по которому учебные заведения получали имя Адольфа Гитлера только за исключительные заслуги. Этим шагом Гитлер подчеркнул, насколько были значимы для него новые учебные заведения. Как видно, компетенция управления Школами Адольфа Гитлера разделялась между различными структурами. Упомянутый в «Шести принципах» контроль со стороны гауляйтера оставался долгое время незначительным, и речь скорее можно было вести об общем надзоре, который ограничивался контролем за политической стороной жизни Школ. Более того, отбор преподавателей и формирование учебных планов и программ так и не были закреплены какими-либо директивами, что приводило к существенным разногласиям между различными структурами. Альфред Розенберг, ответственный «за мировоззренческое обучение», не проявил никакого интереса к формированию учебных планов Школ Адольфа Гитлера. В противовес ему, служебные полномочия со стороны имперского организационного руководства НСДАП были подробно прописаны и осуществлялись местными структурами партии.

Кроме этого, управление Школами было отделено от финансирования. Строительство новых зданий Школ Адольфа Гитлера вменялось в обязанности финансово-экономическому отделу Немецкого трудового фронта. Более того, управление школами, которое должно было осуществляться партийными структурами, постепенно переходило в руки Немецкого трудового фронта. Подтверждением этому может служить тот факт, что все медицинское обследование учеников и преподавателей осуществлялось руководством фронта, а не аппаратом гауляйтеров. То есть, несмотря на то что согласно «Шести принципам» Школы Адольфа Гитлера являлись структурой гитлерюгенда, реально они управлялись руководством Немецкого трудового фронта. Хотя это и не давало независимого от имперского казначейства бюджета Школ, руководство гитлерюгенда было в

определенной мере заинтересовано в подобной ситуации, поскольку могло выдавать деятельность Школ за свои собственные результаты. Стоит заметить, что в то время, как Наполас удавалось избежать какого-либо влияния со стороны государственных и партийных структур, соблюдая определенную самостоятельность, Школы Адольфа Гитлера являли собой полную противоположность. Хотя имперский руководитель молодежи назначал определенных инспекторов, но их деятельность зависела от множества субъективных факторов, в том числе от благосклонности к ним партийных структур, и их роль вряд ли могла сравниться с ролью Хайсмайера, курирующего Наполас.

Если говорить об учебной программе Школ Адольфа Гитлера, то она была предельно политизирована. На занятиях по «истории народа» с полной серьезностью утверждалось, что «правильность нашего мировоззрения находит свое подтверждение в истории, географии, расовой науке, культуре, социально-экономическом учении, философии, античной истории и прочих науках».

Американский корреспондент Говард К. Смит, работавший на радиостанцию Си-би-эс и газету «Нью-Йорк таймс», сообщал из Германии о Школах Адольфа Гитлера: «Помимо чтения, письма, математики и искаженной немецкой истории молодежь получает знания о том, как работают шахты и как строят мосты. Тренировки спартанской молодежи меркнут на фоне их занятий по физическому развитию. Воспитание в целом направлено на промывку мозгов. Молодых людей заставляют верить в превосходство немцев над всеми другими народами. Их заражают расистской идеологией, учат ненавидеть христианскую веру и систему ценностей. Возможна лишь вера в божественную власть фюрера. Они покидают школу, будучи технически грамотными, сильными, чистоплотными и развитыми физически молодыми людьми, но в плане обладания моральными ценностями их развитие едва ли превосходит развитие орангутанга. Высшая цель, к которой они стремятся, — это героическая смерть».

Ганс-Георг Бартоломеи свидетельствует: «Особое внимание во время нашей подготовки обращалось на формирование сознания. Мы должны были не только по своему физическому развитию соответствовать требованию фюрера, который призвал молодежь «быть быстрой, как борзые собаки, жесткой, как кожа, и твердой, как крупповская сталь». Мы должны были также и внутренне стать преданными идее людьми. Поэтому дважды в неделю помимо обычных занятий мы знакомились с «Майн кампф» и книгой Альфреда Ро-

зенберга «Миф XX века». Это была наша политическая учеба». Мировоззрение занимало отдельное место в учебных планах. Во время изучения тем «НСДАП», «Взгляд на мир», «Национальная политика» речь шла об идеологии нацистской партии, пути Гитлера к власти, ненависти к «расово неполноценным и второсортным народам».

Даже занятия по немецкому языку использовались для идеологической обработки воспитанников. Этот факт находил отражение в названиях тем многих школьных сочинений. «В Германии царит диктатура и тирания! Германия готовится к войне! Немецкая культура раздавлена! Что вы можете ответить на эти провокационные обвинения заграницы?» Подобные задания позволяли учителям контролировать степень лояльности своих подопечных в отношении режима. В нацистских элитарных школах не только формировали мировоззрение. Его подвергали тщательной проверке.

Выбор учебных пособий осуществлялся в зависимости от того, как эти книги освещали проблемы расы, народа и современного политического и общественного положения. Для изучения предлагались следующие темы: «1. Германские племена. 2. Становление и судьба германо-немецкой нации и ее культуры на стыке взаимопроникновения германских племен, христианства и античной культуры. 3. Силы современного мира». На занятиях по немецкому языку изучали древнегерманские стихотворения, исландские саги и германские средневековые сказания о Нибелунгах.

Впрочем, не стоит полагать, что занятия в Наполас были менее политизированы. По прошествии многих лет Иоахим Бауман поражается, «с какой небрежной простотой они охмуряли нас» и «как естественно я воспринимал эти аргументы». «Мы верили во все это», — говорит он и разводит руками. Сегодня он понимает, насколько преступными были его «идеалы» и в какой темноте пребывало его сознание.

Однажды взвод Иоахима Баумана совершил экскурсию в пригород Мюнхена Хаар, в «город идиотов», как тогда его называли. «Один профессор продемонстрировал нам своих пациентов, — рассказывает Бауман. — Мы должны были убедиться в том, что эвтаназия — благодеяние для этих кретинов. Он пытался выдать убийство душевнобольных людей за гуманный медицинский метод». Ему не пришлось приложить много усилий, чтобы убедить нас. Беспощадная идея о «праве сильнейшего» и «слабости, недостойной права на жизнь», уже крепко засела в мозгу элитных воспитанников. «Нам не

объясняли, — свидетельствует Эрнст-Кристиан Гэдке, учившийся в интернате в Шпандау, — что в мире среди многих народов принято помогать самым слабым. У нас считалось, что такая жизнь не имеет ценности и не может длиться дольше».

Как учащиеся элитарных учебных заведений относились к теме, которая преподносилась им как «еврейский вопрос»? Многие из выпускников говорят, что эта тема редко обсуждалась в их коллективе. Уве Лампрехт вспоминает: «О необходимости убивать евреев разговоров не было. Нам только говорили, что мы не должны и не хотим иметь с евреями никаких дел». «То, что их надо рассматривать как врагов, было очевидно. Само собой подразумевалось, что скоро в Германии не останется ни одного еврея. Еврейская проблема будет решена, пока мы еще находимся здесь, — описывает Иоахим Бауман тогдашние настроения в Зонтхоффене. — Германия освободится от евреев. Мы тогда как-то не думали об Аушвице или газовых камерах. Это было бы немыслимо с точки зрения наших идеалов. Разумеется, мы думали не о ликвидации евреев, а об их экстрадиции или переселении». Уве Лампрехт добавляет: «Речь тогда заходила и о «концертных лагерях». Именно такое циничное, обидное название использовали в отношении концентрационных лагерей. По нашему тогдашнему мнению, в них содержались абсолютно неразумные люди, выступающие против Гитлера, хотя он выглядел в наших глазах абсолютным благом для народа».

«Велось целенаправленное антисемитское воспитание, — рассказывает Герд-Эккехард Лоренц, бывший воспитанник из Потсдама, — которое подразумевало «окончательное решение еврейского вопроса». На уроках истории периодически всплывали байки о «еврейских отравителях колодцев». Нам внушали, что Англией правят евреи, а миром — «еврейские плутократы». Нам показывали пропагандистские фильмы о «еврейско-негритянском джазе» и джазисте Бенни Гудмане, который «своими преступными еврейскими руками» дурно обращался с кларнетом. Нам на примерах показывали, как евреи поганят немецкий язык». Однажды воспитанников сводили на пропагандистскую выставку в берлинском Люстгартене, которая называлась «Советский рай». Там они увидели и поверили в «бесовскую сущность еврейских комиссаров» и в то, какие опасности несет с собой «еврейский большевизм».

Ганс-Гюнтер Земпелин, учившийся в Ораниенштайне, свидетельствует: «Считалось, что антисемитизм уходит корнями в давнюю историю. Нам рассказывали о погроме в Вормсе и Шпайере.

Злобный нрав у евреев существовал всегда. Почему они такие — мы не задумывались, но они такими были всегда. Они жили тогда в гетто». То, что с началом войны на Востоке евреи вновь должны были жить в гетто, многие воспитанники элитарных школ восприняли как разумную меру. Впоследствии сотни тысяч евреев были вывезены из этих гетто в лагеря смерти Аушвиц и Треблинку. Когда в августе 1941 года во время сельскохозяйственных работ в районе Варты воспитанники посетили Лодзь, называвшуюся тогда Литцманштадтом, командир взвода написал в своем отчете: «Юнгманам было любопытно взглянуть на гетто».

Будущие вожди должны были осмотреть места преступлений и уяснить для себя, что происходит с «врагами рейха». Так, например, учащиеся Школы Адольфа Гитлера выехали на экскурсию в концентрационный лагерь Бухенвальд. Одним из участников этой поездки стал Харальд Грундман. Его воспоминания помогают глубже понять психологию элитных воспитанников. «Мы въехали внутрь лагеря на автобусе. На воротах виднелась надпись «Каждому свое». По лагерю мы могли передвигаться только в сопровождении офицера СС».

Лагерь был подготовлен для подобных визитов наилучшим образом. Воспитанники увидели «образцовый порядок» — чистые бараки, полное отсутствие насилия. Одним словом, безобидный трудовой лагерь, а не место убийства 56 000 человек. Их уничтожили в ходе «медицинских экспериментов». Об этом будущая элита рейха осталась в полном неведении. Зато голландские исследователи показали им эксперименты с высохшими, сморщенными маленькими человеческими головами. «Они рассказали нам, — вспоминает Грундман, — что имеют дело с головами туземцев из Индонезии, тогдашней голландской колонии. Эти головы добыли и высушили знаменитые охотники за головами. Затем эти головы очутились здесь. С какой целью головы попали сюда, нам было неизвестно».

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ДОПОЛНЕНИЕ К РАСОВОЙ СЕЛЕКЦИИ

Огромное значение придавалось спорту как важному элементу расовой теории. «Красивые и здоровые тела северной расы в совокупности со стальной волей есть наша желанная цель». Школа начинала свое реформирование с прицелом на военное будущее.

На заседании «Союза немецких девушек»

В свете ведения будущих войн «расовое качество имеющегося человеческого материала» становится для Гитлера весьма важным показателем, характеризующим потенциальных призывников. Задача государства при этом заключалась в том, чтобы «из всех граждан выбрать самых способных и использовать их в своих целях».

Не меньшее значение придавалось физическому воспитанию девушек, которое проводилось в рамках женского подразделения гитлерюгенда — «Союза немецких девушек». Доминирующее место в работе «Союза немецких девушек» (БДМ) занимала физическая закалка его участниц. Имперский руководитель молодежи, сам будучи неспортивным и склонным к полноте, в 1933 году распорядился о том, что дельность БДМ должна складываться на 2/3 из спорта и на 1/3 — из мировоззренческого обучения. «Нам нужны девушки, которые, сохраняя свое здоровье и воспитывая свое тело, создают предпосылку для влияния и дальнейшей передачи нашего мировоззрения, — говорилось в спортивном ежегоднике БДМ. — Наши тела принадлежат не нам самим, а нашему народу. Точно так же, как нации нужны здоровые и работоспособные юноши, из которых позднее получатся обороноспособные мужчины, ей нужны и здоровые и работоспособные девушки, из которых получатся здоровые и красивые женщины».

Гимнастика и физкультура лишь дополняли расовую гигиену

Руководство БДМ исходило из того, что «работа над телом укрепляет доверие каждой девушки к самой себе, несет с собой известную силу характера и способствует развитию личности». Рюдигер позднее рассказывала, что спортивная работа предоставляла РЮФ возможности «глубокого воодушевления всей женской и мужской молодежи, начиная от молодежной игры, естественного измерения сил с тренировкой физических навыков и умений и кончая достижением личных рекордов» и «широкого влияния на развитие характера и позиции индивидов и группы, а также индивидов в группе».

Целями физической закалки в БДМ были «усовершенствование» целого поколения девушек в соответствии с нацистскими расовыми представлениями, укрепление их здоровья, сплочение коллектива, гармоничное развитие тела, ума и духа, воспитание товарищества и готовности к действию. Особое значение национал-социалисты придавали повиновению приказам и дисциплинированности, которые культивировались на спортивных занятиях. В выступлении перед слушательницами одного из учебных курсов для руководительниц гау БДМ Ширах показал особенности приучения к дисциплине юношей и девушек: «Дисциплина прививается

Укрепление здоровья считалось обязанностью девушек из БДМ

мужской молодежи через форму призыва, через установленную форму, насчитывающую сотни лет, через постановку в строй. Действовать в БДМ подобным образом невозможно, и это было бы в корне неверно. В БДМ можно воспитывать путем спортивной дисциплины. На спортивной площадке формируются дисциплинированные люди». Различия же между физкультурными занятиями юношей и девушек, как указал в 1937 году нацистский педагог Фриц Каде, состояли в том, что первых готовили к военной службе и воспитывали их боевой дух, а вторые благодаря физкультуре должны были чувствовать радость жизни, укреплять здоровье и совершенствовать красоту тела. Подчеркнем, что укрепление здоровья считалось обязанностью участниц БДМ по отношению к немецкому народу. Ширах заявил, что девушка, «строжайшим образом тренируя тело и дух, стремится к воплощению заложенных в ней задатков, так она может лучше выполнить свое будущее предназначение как матери новых поколений». Спортивную работу в Союзе немецких девушек в 1933—1935 годах курировала медельрингфюрерин Лизелотта Рупп, возглавлявшая подотдел I — «Физическая закалка» в составе организационного отдела Имперского руководства молодежи.

«Союз немецких девушек» был кадровой школой для будущих женских организаций

Затем на смену ей пришла Эльфрида Цилль, получившая звание рейхсшпортвартин — имперской хранительницы спорта. Она отдавала распоряжения спортивным руководительницам, которые к 1934 году работали в штабе каждого из 23 обер-гау.

С 8 ноября 1933 года физкультура в БДМ стала обязательной, на физические упражнения было отведено одно двухчасовое занятие в неделю. Юнгмедель выполняли комплекс гимнастических упражнений со снарядами и без них, плавали, делали гимнастику с преодолением препятствий. Помимо этого, занятие включало игры со снарядами и без них, народные упражнения (бег, прыжки, метание и удары), строевые занятия и военные игры. Проводившиеся в БДМ упражнения должны были удовлетворять четырем основным принципам: их легко заучить и можно проводить везде; используется небольшое количество недорогих спортивных снарядов; их можно проводить с большим количеством девушек в сравнительно небольших помещениях; они показывают цель спортивной работы БДМ —

«здоровая, работоспособная, гармонично развитая, способная действовать в любых областях девушка».

Физкультурную работу с юнгмедель проводили в игровой форме, поскольку игра «укрепляет товарищество, закаляет волю и тренирует все части тела одновременно, позволяет руководительнице подразделения быть капитаном команды, то есть взять на себя начальствующую роль. Для девушек постарше акцент делался на «выработке естественного чувства движения», «пробуждении и укреплении захиревшего чувства собственного тела», что обусловливало больший удельный вес гимнастики и танцев, которые обязательно исполнялись под музыку.

Гимнастика, которую прежде считали индивидуалистическим и поэтому не подходящим для участниц девичьего союза занятием, со временем заняла доминирующее положение в спортивной работе БДМ. 2 января 1935 года Имперский союз немецких учителей физкультуры, спорта и гимнастики объединил различные системы гимнастики понятием «немецкая гимнастика», которую стали широко практиковать в БДМ. В сентябре 1936 года 450 спортивных референтов из всех унтер-гау БДМ на две недели собрали в палаточном лагере в Бухе, чтобы научить их, как с помощью «немецкой гимнастики» можно «основательно тренировать тело», «развивать все части тела» и «обучать движению».

Чтобы получить право носить галстук и кожаный узел, каждая десятилетняя юнгмедель должна была выполнить спортивные нормативы: пробежать 60 метров за 14 секунд, прыгнуть в длину на 2 метра, бросить мяч на 12 метров, сделать два кувырка вперед и встать без помощи рук, сделать два кувырка назад, пробежать по качающемуся канату и принять участие в однодневной поездке. От юнгмедель в возрасте 12 лет требовалось пробежать 60 м за 12 секунд, прыгнуть в длину на 2,5 м, бросить мяч на 20 м, попадать мячом с расстояния 6 м в мишень размером 60×60, расположенную на высоте 2 м, проплыть 100 метров без учета времени или, если в радиусе 6 км нет возможности для плавания и возможности научиться плавать, пройти 8 км без поклажи в течение 2 часов.

Третьего мая 1934 года Ширах учредил бронзовые и серебряные спортивные значки ГЮ, которыми за шесть лет были награждены 60 тысяч девушек. Для получения бронзового значка требовалось пробежать 75 м за 13 секунд, прыгнуть в высоту на 1 м и в длину — на 3,25 м, бросить 80-граммовый мяч на 25 м и толкнуть ядро весом 4 кг

на 5,8 м, преодолеть расстояние в 25 км без поклажи в течение 6 часов, проплыть 200 м без учета времени, прыгнуть с трехметрового трамплина или в течение часа проехать на велосипеде 15 км; используя карту, найти на местности указанную точку, расположенную на расстоянии не менее 3 км, пройти восьмичасовой курс оказания первой помощи и охраны здоровья. Получение серебряного значка связывалось не только с лучшей физической формой, но и с элементами подготовки в области гражданской обороны и нацистского мировоззрения. Время преодоления 75-метровой дистанции сокращалось до 12,5 секунд, дальность прыжка в длину возрастала до 3,5 м, вес мяча — до 1 кг, а дальность толкания ядра — до 6,5 м. Претендентка на награждение должна была предъявить имперское свидетельство о плавании I ступени, провести смену в спортивном лагере, совершить продолжительное путешествие и закончить курсы руководительниц БДМ. Помимо того, от нее требовали посещения занятий в медицинском кружке «Вера и красота» и в кружке ПВО. В области политической подготовки девушка отчитывалась перед начальницей группы по следующему вопроснику: «Назови национальные праздники немецкого народа и расскажи об их значении. Что ты знаешь о значении родословной и генеалогической таблицы? Какие меры приняло национал-социалистское государство для сохранения здоровья и чистоты немецкой крови? Как проявляется созидательная деятельность фюрера в твоем родном гау? Что ты знаешь о политических отношениях германского рейха с другими государствами? В каких государствах живут «фольксдойче»?»

Возможность заниматься спортом вместе с ровесницами повышала привлекательность БДМ и способствовала росту его рядов, но в организации спортивной работы среди девушек сразу же возникли трудности, связанные не только с отсутствием преподавателей и помещений, но и вообще возможности заниматься спортом». По этой причине в «Союзе немецких девушек» довольствовались теми видами спорта, которые не требовали больших финансовых затрат.

Частью спортивной деятельности девочек и девушек были походы, тесно связанные с мировоззренческим обучением и культурной работой, служившие воспитанию любви к родине и культивированию народного сообщества. «Поход ни в коем случае не может быть привилегией состоятельной молодежи, и одна из наших самых благодарных задач — снова и снова искать новые пути, чтобы добиться походов для всех. Именно молодые люди, родители которых не мо-

Тяжелые физические упражнения в БДМ дополнялись походами

гут предложить им летнего путешествия, особенно глубоко переживают такой поход», — говорилось в спортивном ежегоднике БДМ.

Путешествия участниц БДМ организовывались в свободное от школы и работы время и посвящались главным образом расово-биологическому обучению и краеведению. Как бы вне зависимости от мира взрослых, от семьи и школы, у девушек формировался собственный опыт. Сначала разрешалось совершать походы в любое время года, «поехать куда-нибудь на 3, 5, 8 дней», ежемесячно организовывать два однодневных или полуторадневных похода. «Только подумай о том, что в году около 60 воскресных и праздничных дней, и по меньшей мере 30 раз в году нашим городским девушкам можно было бы дать возможность побегать по лесу или пройти по ниве, чтобы глубоко проникнуть в красоту окружающего мира».

Но походы отнимали время от подготовки к урокам и негативно сказывались на успеваемости, поэтому позднее их стали организовывать только летом. В каждом летнем месяце участницы БДМ совершали однодневный или полуторадневный поход в выходные дни, причем такая экскурсия не являлась бесцельной «пробежкой по местности». Руководительница знакомила девочек с образцовым

наследственным двором, замком или проводила с ними интересную игру. Девочки должны были отправляться в поездку в форме БДМ, а если ее не было — в простом, а не в выходном платье, поскольку «в нем юнгмедель очень бережливы и не отважатся сесть на траву». Багаж участницы похода состоял из спортивной формы БДМ, бутербродов, фруктов, а если они слишком дороги — моркови и помидоров. Запрещалось брать с собой карамель, шницель или копченое мясо, которые вызывают жажду. Поход по местности сопровождался коллективным пением и ношением вымпела, который, как воинское знамя, никогда не оставляли без присмотра и во время отдыха приставляли к нему караул. Во время обеда руководительница собирала у девочек всю еду и складывала ее вместе, организовав общий стол, что было призвано способствовать укреплению товарищества. После обеда проводились спортивные игры, знакомство с природой в форме загадок.

Национал-социалисты оправдывали организацию девичьих лагерей на туристских базах тем, что здесь они познакомятся с образцами, по которым в будущем смогут оформить собственный дом. Помимо того, обучение игре на музыкальных инструментах и использование ткани и бумаги на занятиях любительским ремеслом было удобнее проводить в комнатах, а не в палатках. Самыми известными молодежными туристскими базами Третьего рейха были база имени Адольфа Гитлера в Берхтесгадене и крупнейшая, открытая в мае 1937 года турбаза имени Йозефа Геббельса в окрестностях Дюссельдорфа, рассчитанная на 700 мест. О количестве юношей и девушек, проходивших социализацию на туристских базах ПО, свидетельствует тот факт, что под Дюссельдорфом уже через 7 месяцев была зарегистрирована 100-тысячная посетительница.

Каждая руководительница добивалась участия в лагерной жизни максимального количества девочек и девушек. Во-первых, часто девушки не могли отправиться в лагерь, потому что должны были помогать родителям. Во-вторых, «иногда встречаются боязливые родители, которые не хотят отпускать своих еще не вполне самостоятельных детей со слишком юной руководительницей». В-третьих, не могли пребывать в лагерях дети со слабым здоровьем. Наконец, отправка дочери в лагерь была связана с финансовой нагрузкой, которую могла выдержать отнюдь не всякая семья.

Помимо физической закалки лагеря выполняли и иные функции: в них проводилась идеологическая обработка обитательниц, воспитывалось народное сообщество. Лагерь «означает покой, озна-

чает отдых, и все-таки в нем несут службу. Ведь коллектив выдвигает требования, коллектив формирует. Здесь окончательно рушатся границы семьи, профессии и конфессии. Здесь никто не занимает исключительного положения, здесь каждая должна присоединяться к формам и требованиям лагеря. Еще вчера — молодые работницы, школьницы, стенотипистки, домработницы, а сегодня все они — просто девушки, товарки».

Немецкие девушки должны были посвятить себя служению нации

Лагеря БДМ выполняли антиурбанистическую функцию, приближая девочек и девушек к идеям «крови и почвы», а также к крестьянскому образу жизни и сельскохозяйственному труду, который, как утверждали нацисты, соответствовал сущности женщины. Обитательницы лагеря «знакомятся с немецкой деревней и немецким народом. Они видят крестьянина за работой, чувствуют, что значит земля. Они поют и играют на сельских вечерах, они путешествуют по местности, находятся в полях и лесах. Они сталкиваются со многим сильным и настоящим, ясным и изначальным. Все пустое и бессодержательное, заложенное в них крупным городом, что отвлекало и одурманивало их, кажется здесь пошлым и ничтожным, даже ненавистным и отвратительным».

Труде Мор выдвинула лозунг спортивной работы в БДМ — «Подтянутые, а не толстые, суровые, но не грубые», пояснив, что «эта внешняя суровость и владение собственным телом идут рука об руку с приучением к внутренней дисциплине, которая становится все сильнее и которую мы считаем для девушек такой же необходимой, как и для юношей».

Как отмечал в своей монографии А.М. Ермаков, «грубость физической закалки в девичьем союзе вызывала все больше неприятия не только среди обычных немцев, но и в нацистской верхушке». Наконец, в 1943 году Геббельс, который предпочитал изящных женщин, возмутился тем, что БДМ формирует из девушек «настоящих увальней», которых тренируют ходить «гренадерским шагом». «Ко-

Воспитание девочек должно было ориентироваться на архаичные формы. Изучение принципов ручного ткачества

нечно, я не имею ничего против занятий девушек гимнастикой или спортом в разумных пределах, — рассуждал Геббельс. — Но для чего будущей матери совершать марши с полной выкладкой?» Труде Мор пыталась защититься от этих упреков ссылкой на то, что «пока в Германии есть женщины и девушки, которые никогда не занимались физкультурой, никогда не одевали спортивной формы, мы считаем правильным этот путь физического воспитания».

Часто подвергались критике, особенно в католических районах страны, гимнастические упражнения участниц БДМ, проводившиеся в тонкой облегающей спортивной одежде, и совместный душ после занятий физкультурой. Гимнастический костюм состоял из белой хлопчатобумажной майки со значком ГЮ на груди и черных сатиновых брюк в обтяжку. Руководство БДМ выступало против церковного воспитания, которое объявляет греховным физическую подготовку и вообще все телесное. «Такое воспитание непригодно для культивирования естественного чувства стыда», — считали в Союзе немецких девушек.

Девушки изучают основы ухода за детьми

В апреле 1938 году Ширах тоже возразил критикам: «Игры юнгмедель и систематическое физическое воспитание девушек старшего возраста отнюдь не угрожают нравственности, чего боятся некоторые пугливые старые тетушки. Напротив, именно гармоничное развитие имеющихся физических задатков пробуждает в юных девушках чувство собственного достоинства и

Повзрослевшие девочки должны были становиться помощницами своих матерей

гордость, которая защищает от опасностей окружающего мира лучше, чем моральные проповеди таких людей, которые герметично изолированы от реальной жизни».

Проведение текущей физкультурной работы в БДМ оказалось в руках совсем юных руководительниц, которые были едва старше своих подчиненных. И тех и других привлекали желание двигаться, радость игры, дух состязательности. Еженедельные занятия спортом, периодические спортивные праздники в населенных пунктах, походы, жизнь в девичьих лагерях не укладывались в рамки традиционного женского поведения и по-своему способствовали эмансипации девушек. Новым для Германии было и отношение к телу, которое культивировалось в Союзе немецких девушек.

БДМ требовал от каждой девушки заботиться о собственном теле, не нежить его, а закалять и укреплять ради сохранения «чистой и здоровой» расы. «Наша задача — укреплять наше тело, закалять и тренировать его путем спорта, игр и службы на местности, занятиями гимнастикой и маршами, любыми спортивными упражнениями. Только так нам удастся стать суровым поколением, которое однажды окажется в состоянии преодолеть огромное напряжение, которому в случае войны подвергнутся наши солдаты». Если мальчикам ставились в пример немецкие солдаты Первой мировой войны, то девушек БДМ призывали помнить о том, что «сделали во время войны ваши матери, терпевшие лишения. Подумайте о том, что они продержались, когда в Германии было почти нечего есть, они выдержали заботы и страх за своих мужей и сыновей, которые сражались на фронте под градом гранат. Научитесь и вы терпеть лишения и станьте жесткими и простыми. Тогда вы станете хорошими женами для ваших мужей, хорошими матерями для ваших сыновей. Не-

Многие из активисток БДМ не были согласны с их крошечной социальной ролью

мецкие женщины в прошлом не были мягкими женушками, кисейными барышнями. Они верно помогали своим мужьям, вели домашнее хозяйство, в бою перевязывали мужчинам раны, а если было нужно — брались за оружие. Подумайте о том, что однажды на вас будет возложено воспитание ваших сыновей. Вы должны стать матерями. Вы должны сделать из своих мальчиков гордых, сильных мужчин, храбрых и чистых. Вы сможете это, только если сами станете настоящими немецкими девушками и женщинами», — убеждал своих читательниц девичий журнал. «На домашних вечерах 10 — 14-летние юнгмедель узнавали, как «сохранять свое здоровье». Руководительница объясняла им, что одного умывания на скорую руку и еженедельного «основательного» мытья для этого недостаточно, что нужно «основательно» мыться каждый день, что «моются и принимают душ без всякой одежды и что нечего искать в душевой купальный костюм. Все части нашего тела даны нам Творцом, полноценны и поэтому заслуживают одинакового ухода». Это звучало

новаторски в тогдашней Германии, многие жители которой еще исповедовали старые привычки и представления о приличном и неприличном поведении и внешнем виде. Руководительница должна была научить девочек не бояться зубного врача и посещать его раз в квартал: «Это не больно и не продлится долго». При чистке зубов утром и вечером рекомендовалось использовать широко разрекламированную тогда в Германии зубную пасту, а если она слишком дорога — зубной порошок или соль. Высокий уровень жизни был в то время доступен отнюдь не всем, поэтому руководительнице предлагалось, «когда представится удобный случай», спокойно поговорить со своими юнгмедель на «деликатную тему» — о вшах. «При этом ты должна объяснить им, что не стыдно, если однажды они принесут откуда-то вшей. Это может случиться с каждым». Главное — сразу же обратиться к медсестре. Охрана здоровья девочек связывалась с демографической политикой режима и представлялась как политическая задача: «Но эти демографические мероприятия не принесут совершенно никакой пользы, если у нас не будет полностью здоровых девушек, которые в будущем сыграют роль матерей новых поколений».

В отношении девушек к своему телу, которое стремился сформировать БДМ, были заложены и некоторые представления о сексуальном воспитании, хотя сознательное знакомство молодежи с отношениями между полами считалось нежелательным. Сотрудник Имперского молодежного руководства Гельмут Штелльрехт выступал против «антинародной церковной морали» и «безграничного материализма», привнесенного Французской революцией в половое воспитание. Он заявил, что нацистская молодежная организация не одобряет ни церковный аскетизм, ни безудержную тягу к удовольствиям. В отношениях между полами нужно руководствоваться интересами нации: «Половая жизнь должна служить зачатию ради сохранения жизни нации, а не удовольствию индивида. Любое другое половое удовлетворение не имеет ничего общего с жизнью нации, находится вне потока ее крови, несущественно с точки зрения сохранения жизни. Но если реализована воля к ребенку, если обеспечено продолжение и увеличение нации благодаря количеству детей, то со стороны нации не будет никаких возражений против последующего полового удовлетворения». Поэтому, рассуждал Штелльрехт, «вся добрачная половая жизнь для нации не имеет никакого значения. Она служит только удовлетворению индивида, если в исключительных случаях не приводит к зачатию».

Сложившееся в Германии положение, когда «до наступления половой зрелости юноша и девушка уже вкушают наслаждение от половых сношений», он считал следствием неправильного воспитания, марксистских представлений о «праве распоряжаться собственным телом» и называл «раковой опухолью нации». Штелльрехт запугивал девушек тем, что они могут превратиться для мужчин в такие же средства удовлетворения тяги к удовольствиям, как пиво и сигареты, что длительное предохранение от беременности и венерические болезни — спутники добрачных связей — ведут к бесплодию. Лучшим средством сохранения здоровья, убеждал он, является воздержание от половых контактов до вступления в брак. Читательниц должен был убедить в этом пример Китая и Италии, где девственность сохраняют до замужества, а потом в браке производят на свет много детей.

Руководительницам БДМ рекомендовалось проявлять максимальную сдержанность в обсуждении с девушками вопросов взаимоотношений между полами, в девичьем союзе культивировались асексуальное товарищество и «светлая, чистая» дружба между юношами и девушками. Строгое разделение нацистской молодежной организации по половому признаку способствовало почти полному отсутствию гетеросексуального общения в БДМ. Штелльрехт считал, что «совместное воспитание — это хорошо. В своей самой естественной и самой лучшей форме оно наличествует уже в семье. Но в тот момент, когда естественность прекращается сама собой, оба пола разделяются и сознательно противостоят друг другу. Потом юноша сам собой присоединяется к юноше, а девушка — к девушке. Нарастает плодотворное напряжение между полами. В этом возрасте совместное воспитание неверно и противоестественно. В противном случае оно создает длительную и бесполезную компенсацию симпатии, которую позднее следует применить в большом чувстве и в зачатии. Потом, когда оба пола начинают искать и находить друг друга, приходит время заключения брака и становления плодородности».

Однако стремление Имперского молодежного руководства не исключало как гетеросексуальных, так и гомосексуальных контактов участниц нацистской молодежной организации. С момента своего возникновения БДМ прослыл организацией, которая легко обходится с сексуальной моралью. Видимо, не без оснований аббревиатура «БДМ» высмеивалась населением в расшифровках *«Bubi drück mich»* («Парень, зажми-ка меня»), *«Bald deutsche Mutter»* («Ско-

ро стану немецкой матерью») или *«Bedarfsartikel deutscher Männerer»* («Товар на потребу немецких мужчин»). Многие девушки использовали немыслимую ранее самостоятельность, которую предоставляла им нацистская молодежная организация, вступая в сексуальные контакты. В социал-демократических «Сообщениях из Рейха» периодически встречаются возмущенные высказывания о «нравственной распущенности» 12 — 13-летних матерей, которые не могут даже назвать отца своего неожиданного потомства.

Подобный же случай привели и неизвестные немецкие антифашисты, подготовившие материал «К международному конгрессу по защите молодежи во Франкфурте-на-Майне». Неизвестные противники нацистского режима боялись, что зарубежные участники конгресса, проведение которого было намечено на июнь 1938 года, поверят изощренной демагогии гитлеровцев о процветании молодежи в Третьем рейхе, и собрали собственный фактический материал. В документе, в частности, говорилось, что, «по сообщению из Юго-Западной Германии, одна старшеклассница — участница БДМ однажды сказала своей матери: «Теперь появится Гитлер». На удивленный вопрос матери, что это означает, она ответила: «Подожди немножко, в следующем году он появится». Тогда матери стало ясно, что девушка беременна. На ее протесты она ответила только, что так хочет фюрер».

КОНСТРУКЦИЯ МИФА

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В одной из бесед Гитлер как-то заметил, что видел три крупных этапа в преобразовании системы воспитания (читай — «социальной селекции»). Первый этап — формирование «героической молодежи»; второй этап — формирование «свободной молодежи», «богочеловеков», творцов новой культуры; третий этап должен был наступить после смерти Гитлера, о видении его он предпочитал умалчивать.

Можно констатировать, что, несмотря на незначительные изменения, которые происходили на каждом этапе в политике германского фашизма, постоянными направляющими оставались:

1) воспитание немецкого человека;

2) выкристаллизовывание в нем расово-народного (читай — «национал-социалистского») содержания;

3) обеспечение молодежи знаниями, необходимыми для победы в борьбе за выживание немецкой расы.

То есть в практике Третьего рейха биологическая селекция совмещалась с социальной. А стало быть, «духовный расизм» дополнялся чисто биологическим расизмом, который нередко сводился к некоей пошлой «биологичности». Как показывает практика, в СС на первый взгляд господствовал именно такой сухой биологический подход. Но все же в практическом политическом применении «арийского мифа» в Третьем рейхе можно было найти множество нестыковок.

Во-первых, Гитлер почти никогда не употреблял в своих речах слово «нордический», но часто прибегал к определению «арийский». У Гиммлера все было с точностью до наоборот.

Во-вторых, последователи Гюнтера с нескрываемым разочарованием говорили о том, что в СС изучали отнюдь не антропологию, а некую мистическую историю древних германцев.

Чтобы объяснить эти и многие другие противоречия, надо обратиться к самой структуре «нацистского мифа».

Нацистский миф как феноменальное порождение XX века являлся и по сей день является компиляцией нескольких ранее существовавших мифов: мифа о вожде, мифа об империи и, естественно, «арийского мифа». Впрочем, само понимание и трактовка «арийского мифа» были разнообразными. Они были связаны с понятием исторической имитации. В итоге в Третьем рейхе сложилось несколько версий «арийского мифа», который сам, по большому счету, являлся новоделом, состоящим из более старых мифов.

Собственно говоря, до сих пор считается, что «арийцы» — это определение, даваемое лингвистической группе. Но народ и раса не могут держаться на языке, а только на крови. Данный тезис находит выражение в двух формулировках. У партийной верхушки это лозунг «душа и тело», а у руководства СС — формула «кровь и почва». И здесь мы видим уже значительные различия в трактовке. Гитлер и Розенберг говорят об арийцах как носителях культуры, которые находятся под угрозой исчезновения, то есть они повторяют контуры «мифа об Атлантиде». Вальтер Дарре, выдвигавший тезис о нордической расе как жизненном источнике Европы, во многом опирался на «миф о Гиперборее». Гиммлер, одержимый идеей «истинной германской крови», которую надо было собрать в рамках СС, невольно (а может быть, и сознательно) имитировал «миф о Святом Граале». То есть нельзя говорить о существовании единого «арийского мифа». Подобные разночтения проявлялись и в политической практике Третьего рейха.

Именно с различными трактовками «арийского мифа» был связан тот факт, что восприятие «грядущей империи» у Гитлера и Гиммлера было совершенно разным. Для Гитлера слова «немецкий», «арийский» и «германский» были синонимами. Гиммлер сосредоточился на изначальном понимании германца. Он считал «нордичность» ключом к будущей империи, в которой должны были быть объединены все германцы — немцы, скандинавы, жители Северо-Западной Европы. Для рейхсфюрера СС синонимами были слова «нордический» и «германский». Причем под «германцами» он подразумевал изначальное «нордическое племя», которое лишь затем разделилось на франков, саксов и готов.

Впрочем, как любой миф, применяемый в политической практике, «арийский миф» оказался двусмысленным, амбивалентным. Раздробленной «положительной» стороне мифа была противопоставлена единая «негативная» сторона. Достичь полной мифической имитации, будь то «арийское завоевание», превозносимое Гитлером,

или же «формирование нордического Ордена», задуманное Гиммлером, было невозможно без уничтожения тех, кто мешал этим замыслам самим фактом своего существования. В данном случае образ мифического врага у нацистских бонз сходился — это были евреи, «асоциальные» и «расово неполноценные» личности. Восприятие только одной стороны мифа, как «негативной», так и «позитивной», ведет к серьезному искажению исторической картины. В случае Третьего рейха забота о будущем своей расы была неизменно связана с уничтожением или как минимум угнетением других рас. Но попытка увидеть только одну сторону медали является предвзятой и недостойна серьезного историка.

В этой связи хотелось бы привести один пример. Автор книги, защищавший в начале 2001 года кандидатскую диссертацию, употребил в своей работе на первый взгляд безобидную (с исторической точки зрения) формулировку: «Германский фашизм представляет собой ярчайший социально-политический феномен XX века, который, будучи целостным, легко узнаваемым, оказал огромное влияние на ход исторического развития всего мира. Исходя из этого, он обладает целым рядом свойств, имеющих полярные характеристики, то есть как положительные, так и отрицательные. Первые делают этот феномен социально привлекательным, вторые дискредитируют его и приводят к гибели». Каково же было удивление, когда в одном из отзывов на автореферат «ученый-германист» написал, что национал-социализм не имел и не мог иметь привлекательных сторон. Это наглядная иллюстрация того, как необъективное восприятие реальности приводит к созданию мифов. Мифы живут рядом с нами. Появившись на свет, они никуда не исчезают. Поэтому надо быть осторожнее с порождением «мифической реальности» и помнить про ее темную сторону.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СС ПО ВОПРОСАМ РАСЫ И ПОСЕЛЕНИЙ

1. ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ВОПРОСАМ РАСЫ И ПОСЕЛЕНИЙ

Рихард Вальтер Дарре (1 января 1932 года — 12 сентября 1938 года)
Гюнтер Панке (12 сентября 1938 года — 9 июля 1940 года)
Отто Хоффман (9 июля 1940 года — 20 апреля 1943 года)
Рихард Хильдебрандт (20 апреля 1943 года — май 1945 года)

2. ШТАБ РУСХА

Георг Эбрехт (1937—1938)
Фриц Швальм (1943—1945)

3. РАСОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ РУСХА

Бруно Курт Шульц (1932—1935)
Герман Райшле (1935—1938)
Эрих Карл (1938—1939)
Отто Хоффман (1939—1940)
Эрвин Клингер (1940—1941)
Бруно Курт Шульц (1941—1944)
Вальтер Донгус (1944—1945)

4. УПРАВЛЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ РУСХА

Вернер Вилликенс (1935)
Герберт Баке (1935—1937)
Курт фон Готтберг (1937—1939)
Вильгельм фон Хольцшухер (1939—1940)
Фриц Калькофен (1940—1942)
Генрих Толе (1942)

Эрнст Тессерокс (1942—1944)
Андреас Зёхтинг (1944—1945)

5. РОДОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ РУСХА

Бернд фон Канне (1935—1937)
Артур Гютт (1937—1939)
Отто Хоффман (1939—1940)
Рихард Казерер (1940—1943)

6. СУПРУЖЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ (С 1942 ГОДА)

Отто Хайдер (1942—1945)

7. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ (С 1942 ГОДА)

Фридрих Вильгельм Озиандер (1942—1945)

8. УПРАВЛЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ

Карл Мотц (1935—1937)
Иоахим Цезарь (1937—1942)

9. УПРАВЛЕНИЕ ПОПЕЧЕНИЯ И СНАБЖЕНИЯ

Герман Хартель (1942—1944)

РуС-руководители в оберабшнитгах СС

Название оберабшнитта СС, месторасположение штаба	1937 По состоянию на декабрь 1937 года	1942 По состоянию на 12 октября 1942 года	1944 По состоянию на 5 мая 1944 года
Дунай, Вена	—	—	Оберштурмбанфюрер СС Фреш
Альпы, Зальцбург	—	Оберштурмбанфюрер СС Генрих Оберштайнер	Оберштурмбанфюрер СС Генрих Оберштайнер
Юг, Мюнхен	Оберфюрер СС Юрс	—	Штурмбанфюрер СС Драйер
Юго-запад, Штутгарт	Штурмбанфюрер СС Теодор Оберштайнер	Оберштурмфюрер СС Алоис Хорнунг	Штурмбанфюрер СС Винтерфельд

Название оберабшнитта СС, месторасположение штаба	1937 По состоянию на декабрь 1937 года	1942 По состоянию на 12 октября 1942 года	1944 По состоянию на 5 мая 1944 года
Рейн-Вестмарк, Висбаден, Саарбрюкен	(тогда еще Рейн) Оберштурмфюрер СС Метц	Гауптштурмфюрер СС Фриц Кастанье (с 20 октября 1942 года)	Штурмбанфюрер СС Альберт Родель
Запад. Дюссельдорф	Оберфюрер СС Отто Хоффман	—	Штурмбанфюрер СС Ян
Северо-запад, Ден Гааг	Оберштурмбанфюрер СС Генрих Толе	Оберштурмфюрер СС Герберт Ауст	Штурмбанфюрер СС Герберт Ауст
Северное море, Гамбург	(тогда еще Север) Штурмбанфюрер СС Бюргер	—	Штурмбанфюрер СС Радуш
Север, Осло	—	Оберштурмфюрер СС д-р Рихерт	Гауптштурмфюрер СС Гёрц
Балтийское море, Штеттин	—	—	Штурмбанфюрер СС Шмидт
Вайхзель, Данциг	—	Штурмбанфюрер СС Франц Фиц	Оберштурмбанфюрер СС Франц Фиц
Северо-восток, Кенигсберг	Оберштурмбанфюрер СС Рудольф Якобсен	Оберштурмфюрер СС Рауш	Оберштурмбанфюрер СС Эрвин Кюнцель
Варте, Позиань (Позен)	—	Штандартенфюрер СС Герберт Хюбнер	Штандартенфюрер СС Герберт Хюбнер
Юго-восток, Бреслау	Штурмбанфюрер СС Вальтер Шольц	Штандартенфюрер СС Вальтер Шольц	Штандартенфюрер СС Вальтер Шольц
Майн, Нюрнберг	Штурмбанфюрер СС Отто Дитрих	—	Оберштурмбанфюрер СС Йохем
Фульда-Верра, Арлозен	Штурмбанфюрер СС Фриц Швальм	—	Оберштурмбанфюрер СС Шульц
Центр, Брауншвейг	Оберштурмбанфюрер СС Эрих Шпаарман	—	Гауптштурмфюрер СС Харме/ Гауптштурмфюрер СС Корн
Шпрее, Берлин	(тогда Восток) Оберштурмбанфюрер СС Рихард Казерер	—	Оберштурмфюрер СС Шпёринг

Название оберабшнитта СС, месторасположение штаба	1937 По состоянию на декабрь 1937 года	1942 По состоянию на 12 октября 1942 года	1944 По состоянию на 5 мая 1944 года
Эльба, Дрезден	Гауптштурмфюрер СС Эрвин Кюнцель	—	Штурмбанфюрер СС Хайнц Шанат
Богемия и Моравия, Прага	—	—	Штурмбанфюрер СС Йоханнес Пройсс
Осток, Краков	—	Оберштурмфюрер СС Карл Кюхенбекер	Штандартенфюрер СС Теодор Хеншель
Остланд, Рига	—	Оберштурмфюрер СС Краппман	Гауптштурмфюрер СС Зёхтинг
Россия—Центр, Могилев	—	Штурмбанфюрер СС Альфред Бух	—
Россия—Юг, Киев	—	Штурмбанфюрер СС Рихард Шиль	—
Франция, Париж	—	—	Штурмбанфюрер СС Вальтер Цвеклер
Кавказ (запланировано, но не реализовано)	—	Штурмбанфюрер СС Фриц Швальм	—
Бельгия — Северная Франция	—	—	Гауптштурмфюрер СС Вильгельм Хейер
Юго-запад, Страсбург	—	—	Штурмбанфюрер СС Карстен

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Wir waren Hitlers Eliteschüler»: ehemalige Zöglinge der NS-Ausleseschulen brechen ihr Schweigen / Johannes Leeb. — 2. Aufl. Hamburg: Rasch und Röhring, 1998.
2. *Ackermann, Josef.* Heinrich Himmler als Ideologe. Göttingen, Zürich, Frankfurt a. M., 1970.
3. *Bäumer, Änne.* NS-Biologie. Stuttgart, 1990.
4. *Becker, H.* Der Überlebenskampf des Nordischen Menschentums in der Zukunft, 2004.
5. *Becker, Peter Emil.* Sozialdarwinismus, Rassismus, Antisemitismus und völkischer Gedanke. Wege ins Dritte Reich. Teil II. Stuttgart, 1990.
6. *Bleuel, Hans Peter.* Das saubere Reich. (Die verheimlichte Wahrheit. Eros und Sexualität im Dritten Reich.) Bergisch-Gladbach, 1979.
7. *Bleuel, Hans Peter.* Strength through joy: sex and society in Nazi Germany. London: Secker & Warburg, 19.
8. *Bock, Gisela.* Zwangssterilisation im Nationalsozialismus. Studien zur Rassenpolitik und Frauenpolitik. Opladen, 1986.
9. *Borchert, Herta.* Entbindungseinrichtungen der NSV. In: NS-Volksdienst 11 (1944), S. 41—47.
10. *Burleigh, Michael.* The racial state: Germany 1933—1945 / Michael Burleigh and Wolfgang Wippermann. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 1991.
11. *Darre, Richard Walther.* Das Zuchtziel des deutschen Volkes. In: Volk und Rasse (1931), S. 138—144.
12. *Darre, Richard Walther.* Blut und Boden. Ein Grundgedanke des Nationalsozialismus, 1936.
13. *Darre, Richard Walther.* Das Bauerntum als Lebensquell der Nordischen Rasse. 3. Aufl. München, 1933.
14. Elite für die Diktatur: die nationalpolitischen Erziehungsanstalten 1933—1945; ein Dokumentarbericht / Horst Ueberhorst (Hrsg.). — Düsseldorf: Droste-Verl., 1969.
15. *Flessau, Kurt-Ingo.* Schule der Diktatur: Lehrpläne und Schulbücher des Nationalsozialismus / Kurt-Ingo Flessau. — Aufl. — München: Ehrenwirth, 1977.

16. *Frick, Wilhelm.* Rede über Bevölkerungs-und Rassenpolitik, 1933.

17. *Gissing, Judith.* Rassenhygiene und Schule im Dritten Reich. Dissertation zur Erlangung des doctor medicinae der Medizinischen Fakultät der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster vorgelegt von, geb. Harbering aus Anholt, 2003.

18. *Hasler M.B.* Schwarze Sonne. Göttliches Licht der Erkenntnis. Schleswig, 2002.

19. *Heinemann, Isabel.* «Rasse, Sidlung, deutsche Blut». Göttingen, 2003.

20. *Kater, Michael H.* Das «Ahnenerbe» der SS: 1935—1945; ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. — Heidelberg: Dt.Verl. —Anst., 1966.

21. *Klönne, Arno.* Jugend im Dritten Reich: die Hitler-Jugend und ihre Gegner; Dokumente und Analysen / Arno Klönne. — 1. Aufl. — Düsseldorf [u.a.]: Diederichs, 1982.

22. *Lilienthal, Georg.* Der «Lebensborn e.V.»: ein Instrument nationalsozialistischer Rassenpolitik / Georg Lilienthal. — Stuttgart [u.a.]: Fischer [u.a.], 1985.

23. *Maiwald, Stefan.* Sexualität unter dem Hakenkreuz: Manipulation und Vernichtung der Intimsphäre im NS-Staat / Stefan Maiwald; Gerd Mischler. — Hamburg [u.a.]: Europa-Verl., 1999.

24. Nationalsozialismus und Schule: amtliche Erlasse und Richtlinien 1933—1945 / hrsg. u. eingeleitet von Renate Fricke-Finkelnburg. — Opladen: Leske + Budrich, 1989.

25. *Nohl, Herman.* Charakter und Schicksal: eine pädagogische Menschenkunde / von Herman Nohl. — 3., verm. Aufl. — Frankfurt am Main: Schulte-Bulmke, 1947.

26. *Nyssen, Elke.* Schule im Nationalsozialismus / Elke Nyssen. — Heidelberg: Quelle & Meyer, 1979.

27. Rasse-und Siedlungshauptamt SS.Verzeichnis wertvoller Bücher für den SS-Mann, 1935.

28. Rassische Erziehung als Unterrichtsgrundsatz der Fachgebiete / hrsg. unter Mitarb. zahlr. Fachleute von Rudolf Benze und Alfred Pudelko. — Frankfurt a.M.: Diesterweg, 1937.

29. *Schneider, Christian.* Das Erbe der Napola: Versuch einer Generationengeschichte des Nationalsozialismus / Christian Schneider; Cordelia Stillke; Bernd Leineweber. — 1. Aufl. — Hamburg: Hamburger Ed., 1996.

30. *Scholtz, Harald.* NS-Ausleseschulen: Internatsschulen als Herrschaftsmittel des Führerstaates. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1973.

31. *Schoppmann, Claudia.* Nationalsozialistische Sexualpolitik und weibliche Homoseksualität. — Pfaffenweiler, 1997.

32. *Schmitz-Köster, Dorothee.* «Deutsche Mutter, bist du bereit...»: Alltag im Lebensborn / Dorothee Schmitz-Köster. — 1. Aufl. — Berlin: Aufbau-Verl., 1997.

33. *Schultz, Bruno.* Deutsche Rassenkoepfe, 1935.

34. *Schwarberg, Günther:* Der SS-Arzt und die Kinder: Berichte über den Mord vom Bullenhuser Damm / Günther Schwarberg. — 1. Aufl. — Hamburg: Gruner + Jahr, 1979.

35. *Stämmler, Martin.* Deutsche Rassenpflege, 1941.

36. *Westenrieder, Norbert.* «Deutsche Frauen und Mädchen!»: Vom Alltagsleben 1933—1945 / Norbert Westenrieder. Düsseldorf: Droste, 1984.

37. *Авдеев В.Б.* Расология. Наука о наследственных качествах людей. М.: «Белые альвы», 2005.

38. *Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.

39. *Гофман А.Б.* Элитизм и расизм (критика философско-исторических воззрений А. де Гобино) //Расы и народы. Вып.7. М., 1977. С.128—142.

40. *Гюнтер, Ганс.* Нордическая идея (перевод издания Ю.Ф. Леманс Ферлаг. — Мюнхен — Берлин, 1927).

41. *Ермаков А.М.* Союз немецких девушек в нацистской Германии. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2007.

42. *Захаров В.В., Кулишов В.Д.* В преддверии катастрофы. М., 2002.

43. *Керстен, Феликс.* Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.

44. *Кох-Хиллебрехт М.* Homo Гитлер: психограмма диктатора. Мн.: ООО «Попурри», 2003.

45. *Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л.* Нацистский миф. СПб.: «Владимир Даль», 2002.

46. *Моссе, Джордж.* Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М.: Центрполиграфиздат, 2003.

47. *Пленков С. Ю.* Третий рейх. Социализм Гитлера (очерк истории идеологии). СПб.: Издательский дом «Нева», 2004.

48. *Чайлд, Гордон.* Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

49. *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: СП «Дом Бируни», 1991.

50. *Шпеер А.* Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАРАДОКС МИФА

Предисловие 5

СОЗДАНИЕ МИФА

Часть 1. Арийцы между легендами и наукой

Появление арийцев на научной сцене 7
«Арийский пессимизм» Артура Гобино 10
Нордическая антропология 13
Ариософия 18
Нордический «апокриф» Людвига Клауса 21
Арийский «плагиат» Гитлера и Розенберга 28
Арийский вектор в антропосоциологии 31
Нордическая германистика — Карл Пенка и Густав Коссинна . . . 38
Краниология 52
Расовая гигиена 58
Ганс Гюнтер — «апостол» немецкой расологии 64

ИЗНАНКА МИФА

Часть 2. «Аризация» немецкого общества

Первые «арийские» акты в законодательной сфере 70
Закон «О восстановлении профессионального чиновничества» . . 73
Первые жертвы нацистского законодательства 76
Попытка создания расового семейного права 79
Учет евреев 81
Нюрнбергское расовое законодательство 84
Последствия принятия Нюрнбергских расовых законов 87

«Сексуальные новации» по защите арийской крови 92
Методология Нюрнбергского законодательства 96
Комментарии к национал-социалистскому расовому законодательству 102
«Творческое развитие» расового законодательства 106
«Еврейский бойкот» 116
Первая волна экономической «ариизации» 121
Двоякая позиция Шахта 123
Развитие экономической «ариизации» 126
Вторая волна «ариизации» 131
Герман Геринг и «принудительная ариизация» 135
«Деевреизация» немецкого общества 144
Последствия «деевреизации» немецкой экономики 149

ОЖИВЛЕНИЕ МИФА

Часть 3. «Кровь и почва» и «новый порядок»

Экскурс в политику германизации оккупированной Европы . . . 158
Расовые эксперты СС перед судом истории. 161
Конкуренция в расовой политике 166
Расовый эксперт СС как особый политический тип 168
«Жизненное пространство» 170
Распространение расовой гигиены 171
Вальтер Дарре 174
Формирование расовой идеологии СС 178
«Немецкий Восток» 181
Расовый отбор и разрешения на бракосочетание 186
Мировоззренческое обучение, поселения СС и структура управления 202
Роль РуСХА в «новом ордене»: «уста и мозг СС» 208
РуСХА и принятие Нюрнбергских законов 211
Германские исследования и общество «Наследие предков» 221
Практическое обучение: «мужские дома СС», «Направляющие тетради СС», учеба полиции 224
«Родовое сообщество СС»: «Лебенсборн» и «попечительские учреждения СС» 234
Опала Вальтера Дарре 247
«Новое пространство» для поселенческой политики СС. 254

Аграрная политика СС и «расовая инвентаризация» чешского народа 260
Земельное управление в Праге 265
Выселение чехов и немецкая колонизация 273
Переселение жителей Южного Тироля 276
Конфликт СС и Имперского министерства продовольствия 279
«Расовое освидетельствование» чешского народа и открытие филиала РуСХА в Праге 283
Перелом в политике германизации. Гейдрих на посту имперского протектора 288
Расовые категории в этнической политике СС («фольксдойче», «инородцы», «смешанный этнический тип», «еврейские метисы») 298
Попытка «окончательного решения чешского вопроса» в Судетской области 304
Чешский опыт как модель эсэсовской политики на других оккупированных территориях 310

ВОСПРОИЗВОДСТВО МИФА

Часть 4. «Лебенсборн» — инкубатор для идеальных арийцев

Мифы и правда о «Лебенсборне» 312
Расовая программа Гитлера 319
Борьба за рождаемость 323
Гиммлер и проблема внебрачных детей 328
Начало «внебрачной политики» национал-социализма 334
Организации поддержки внебрачных детей 336
Создание «Лебенсборна» 337
Функции «Лебенсборна» 340
Структура «Лебенсборна» 344
Грегор Эбнер 345
Расширение деятельности «Лебенсборна» 347
«Лебенсборн» как попечительская организация 352
Кадровый вопрос в «Лебенсборне» 354
«Клиентки» «Лебенсборна» 356
Уход за детьми 363
Сохранение тайны рождения 373
Отбор претенденток 382
Изменение тенденций во «внебрачном обеспечении» 397

Реорганизация «Источника жизни» 406
Изменение руководства «Лебенсборна» 408
Демонтаж централа 410
Финансовое обеспечение 413
«Направленное размножение» 418

КУЛЬТИВИРОВАНИЕ МИФА

Часть 5. Расовый идеализм при воспитании молодежи

Занятия по биологии — основа расовой индоктринации 425
Как научиться распознавать расовую принадлежность отдельных людей 439
Социализация и социальная селекция? 446
Отбор будущей элиты 451
Наполас — элитная вотчина СС 458
Орденсбурги и Школы Адольфа Гитлера 469
Физическое воспитание как дополнение к расовой селекции . . . 478

КОНСТРУКЦИЯ МИФА

Вместо послесловия 494
Приложение 497
Список использованной литературы 501

Андрей Васильченко

АРИЙСКИЙ МИФ III РЕЙХА

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *О. Супрун*

ООО «Яуза-Пресс»
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.01.2008.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 32,0.
Тираж 5000 экз. Заказ № 7269.

Отпечатано в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

III РЕЙХ. МИФЫ И ПРАВДА

Андрей Васильченко

АРИЙСКИЙ МИФ III Рейха

Арийский расизм нацистов подкреплялся
псевдонаучными выво а
абсолютный охват вс
и государственно
Безумный миф, пр
в реальность, идеально подошел для
возрождения германской нации.
Однако в конце концов именно он
привел Германию
к самой страшной катастрофе в ее истории.

интернет-магазин
OZON.ru
15709437

ISBN 978-5-903-33980-8
9 785903 339808 >

«ЯУЗА-ПРЕСС»